ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

281

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
281

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2025

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 281. 2025

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.
Специальность 5.6.3. Археология

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. М. Вагнер, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли,
проф. К. фон Карнап Борнхайм, акад. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
акад. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.281

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2025
© Авторы статей, 2025

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Николая Андреевича Макарова
от души поздравляем с юбилеем!

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ

Гаврилов К. Н. Радомышльская верхнепалеолитическая стоянка: проблема атрибуции каменной индустрии 9
Жилин М. Г., Кулькова М. А., Кульков А. М., Руев В. Л. Первые радиоуглеродные даты стоянки Замиль-Коба 3 в Крыму 25
Успенская О. И. Результаты трасологического анализа каменного и костяного инвентаря из материалов памятника каменного века Губский навес 7 (Сатанай) 42
Мельник В. И. Погребения с манычской атрибутикой Азово-Кубанской равнины. 62
Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю. Демиденко С. В. Погребения с ножами в деревянных футлярах срубной культурно-исторической общности: характеристика комплексов 79

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

Горланов С. С., Жуковский М. О. Елизаветинский археологический комплекс в Прикубанье: история исследования и современное состояние 94
Егорова Т. В., Володин С. А., Шевченко А. А. Новые находки чернолаковой керамики IV в. до н. э. на Среднем Дону: к проблеме длительности использования античной посуды ранними кочевниками. 113
Вахонеев В. В. Погребальные ложа в кремациях Херсонеса Таврического (по материалам исследований Южного пригорода в 2021–2023 гг.) 128
Язиков С. В. Свиридов А. Н. Римское снаряжение воина из могилы 5 некрополя Киль-Дере 1 (Юго-Западный Крым). 141
Масленников А. А., Трейстер М. Ю. Крышка бронзового светильника из поселения Полянка 160
Петровский В. М. Судовая черепица античного и средневекового времени 171
Прокофьев И. А. Использование глины в домостроительстве Танаиса II–III вв. н. э. 183
Лопатин Н. В., Кренке Н. А., Бегунова В. В., Пименов В. Е. Селище Хиславичи 1 римского времени в смоленском Посожье 195
Воронцов А. М., Столяров Е. В. Находки глазчатых фибул и их дериватов на территории бассейнов верхнего Днепра, Десны и верхней Оки 209
Образцов И. Ф. Миски зарубинецкого могильника Воронино в Припятском Полесье. 224
Воронцов А. М. Новые находки круга восточноевропейских выемчатых эмалей из ареала мощинской культуры 240
Ковалев А. А. Датировка и перспективы интерпретации раннетесинских коллективных захоронений (по материалам раскопок кургана Аршаново-30, Республика Хакасия). 256

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

Панченко К. И. Гончарные клейма из Московского Кремля. 275
Кузина И. Н. Необычные стеклянные предметы из раскопок в Москве. Варианты атрибуции 284
Сергеев А. Ю., Алтынов Н. М. Культурные растения дьяковского времени из Московского Кремля (материалы раскопа 1 в Большом сквере) 292

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Баранов Н. А. Технология изготовления средневековых цельных рукоятей и крестов из костного сырья на основе находок из исследований М. В. Седовой в Свято-Ризоположенском женском монастыре в 1991 г. 303

НУМИЗМАТИКА

Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н. Кошельки с позднебоспорскими статерами из слоя катастрофы VI в. в Фанагории (раскопки 2023–2024 гг.) 311
Волков В. А. Монетный клад 1613 г. из д. Волосово-Звягино Козельского района Калужской области 321

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гольева А. А., Леонова Е. В., Карпова Ю. О. К реконструкции природного окружения пещерных стоянок конца плейстоцена – начала голоцена в Губском ущелье по данным микробиоморфного анализа 336
Бабенко А. Н., Шкрибляк И. И., Куприянов Д. А. Археоботанические исследования курганов Туак-Оба 1 и 2 близ с. Мироновка Белогорского района Республики Крым 352
Берлизов А. Н., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Исследование воинских захоронений могильника Волна 1 с применением ГИС (по результатам работ 2016–2018 гг.) 369
Сыроватко А. С., Новенко Е. Ю., Бородина К. А. Об одном климатическом эпизоде Эпохи переселения народов (по материалам могильника Соколова Пустынь) 388
Рукавишникова И. В., Двуреченская С. О. Ритуальный комплекс в Прикубанье: исследование остеологической коллекции из погребения 1 средневекового могильника Фатеевский 1 400
Решетова И. К., Никитина А. В. Первый священник последней церкви? К вопросу об археологическом контексте захоронения духовных лиц на примере погребения священника Успенской церкви в Кондопоге 417

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 431
ОТ РЕДАКЦИИ 434

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

FROM STONE TO BRONZE

Gavrilov K. N. The Radomyshl Upper Paleolithic Site: The Issue of Lithic Industry Attribution . . . 9
Zhilin M. G., Kulkova M. A., Kulkov A. M., Ruev V. L. The First Radiocarbon Dates of the Zamil-Koba 3 Site in Crimea . . . 25
Uspenskaya O. I. Results of the Use-Wear Analysis of the Stone and Bone Items from Stone Age Gubs Rock Shelter 7 (Satanai) . . . 42
Melnik V. I. Burials with the Manych Attributes in the Azov-Kuban Plain . . . 62
Lunkova Yu. V., Lunkov V. Yu., Demidenko S. V. Srubnaya Burials with Knives in Wooden Cases: Characteristics of the Assemblages . . . 79

IRON AGE AND ANTIQUITY

Gorlanov S. S., Zhukovskiy M. O. The Elizavetinskaya Archaeological Complex in the Kuban Region: History of Research and Current Status . . . 94
Egorova T. V., Volodin S. A., Shevchenko A. A. New Finds of the Black-Glazed Ceramics of the IV Century BC on the Middle Don: Revisiting the Issue on the Duration of Use of Classical Vessels by Early Nomads . . . 113
Vakhoneev V. V. Funerary Couches in Cremations of Chersonesus Tauric (based on research materials from the Southern Suburb excavations, 2021–2023) . . . 128
Yazikov S. V., Sviridov A. N. Accoutrements of a Roman Warrior from Grave 5 at the Kil-Dere 1 Cemetery (Southwestern Crimea) . . . 141
Maslennikov A. A., Treister M. Yu. Bronze Lamp Lid from the Polyanka Settlement . . . 160
Petrovskiy V. M. Ancient and Medieval Ship Roof-Tiles . . . 171
Prokofiev I. A. Use of Clay in House Construction in Tanais, II–III Centuries AD . . . 183
Lopatin N. V., Krenke N. A., Begunova V. V., Pimenov V. E. The Khislavichi 1 Unfortified Settlement of the Roman Period in the Smolensk Sozh River Valley . . . 195
Vorontsov A. M., *Stolyarov E. V.* Finds of Eye Fibulae and their Derivates in the Upper Dnieper, the Desna and the Upper Oka Regions . . . 209
Obraztsov I. F. Bowls from the Zarubintsy Voronino Cemetery in Pripyat Polesye . . . 224
Vorontsov A. M. New Finds Made in the East European Champlevé Tradition from the Moshchiny Culture Area . . . 240
Kovalev A. A. The Dating and Prospects of Interpreting the Early Tes' Mass Graves (Based on the Excavations of the Arshanovo-30 Kurgan, Republic of Khakassia) . . . 256

MEDIEVAL ANTIQUITIES

Panchenko K. I. Pottery Stamps from the Moscow Kremlin . . . 275
Kuzina I. N. Unusual Glass Items from the Excavations in Moscow. Possible Attribution . . . 284
Sergeev A. Yu., *Altynov N. M.* Domesticated Plants of the Dyakovo Period from the Moscow Kremlin (Materials trom Excavation Trench 1 in the Grand Kremlin Public Garden) . . . 292
Baranov N. A. The Technology of Making Medieval One-Piece Handles and Crosses from Bone Raw Material (based on the finds from the excavations by M. V. Sedova in the Convent of the Deposition of the Holy Robe in 1991) . . . 303

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

NUMISMATICS

Abramzon M. G., Ostapenko S. N. Purses with Late Bosporan Staters from the VI-Century Disaster Layer in Phanagoria (the 2023–2024 Excavations) 311
Volkov V. A. The Coin Hoard of 1613 from the Volosovo-Zvyagino Village in the Kozelsk District, Kaluga Region 321

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Golyeva A. A., Leonova E. V., Karpova Yu. O. The Reconstruction of the Natural Environment of Cave Sites at the End of the Pleistocene – Early Holocene in the Gubs Gorge Using the Microbiomorphic Analysis Data 336
Babenko A. N., Shkriblyak I. I., Kupriyanov D. A. The Archaeobotanical Studies of the Tuak-Oba 1 and Tuak-Oba 2 Burial Mounds near the Mironovka Village in the Belogorsk District of the Republic of Crimea 352
Berlizov A. N., Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S. The Study of Warrior Burials at Volna 1 Using GIS (2016–2018 Excavations) 369
Syrovatko A. S., Novenko E. Yu., Borodina K. A. One Climatic Episode of the Migration Period (based on materials from the Sokolova Pustyn Cemetery) 388
Rukavishnikova I. V., Dvurechenskaya S. O. A Ritual Complex in the Kuban Region: Investigation of the Osteological Assemblage from Grave 1 at the Fateevsky 1 Medieval Cemetery 400
Reshetova I. K., Nikitina A. V. The First Priest of the Last Church? The Issue of the Archaeological Context of Cleric Burials Revisited Using the Case Study of the Assumption Church Cleric Burial in Kondopoga 417

ABBREVIATIONS 431
SUBMISSION GUIDE 434

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К. Н. Гаврилов

РАДОМЫШЛЬСКАЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ[1]

Резюме. В статье рассматривается дискуссионный вопрос о типологической характеристике каменной индустрии Радомышльской верхнепалеолитической стоянки. По результатам анализа состава кремневых орудий делается вывод о правомерности отнесения Радомышля к кругу эпиориньякских памятников перигляциальной зоны Русской равнины. Отмечается, что представление об исключительной уникальности типологических особенностей радомышльского инвентаря является преувеличенным, определенные соответствия могут быть прослежены между индустриями Радомышля и стоянки Рашков VII.

Ключевые слова: верхний палеолит, эпиориньяк, Радомышль, каменная индустрия, LGM.

Введение

Стоянка Радомышль была открыта в 1956 г. на окраине г. Житомира во время земляных работ учениками РСШ № 1 (*Шовкопляс*, 1964). В изучении поселения, проходившем под руководством И. Г. Шовкопляса, приняли участие И. Г. Пидопличко и Н. Л. Корниец. Раскопки велись с перерывами с 1957 по 1965 г. Культурный слой был вскрыт на значительной площади в нескольких пунктах, получивших обозначения Радомышль I–IV. Все местонахождения были связаны с правым берегом сильно заплывшей балки, которая впадала в р. Тетерев примерно в 3 км к северу от населенного пункта, давшего название археологическому памятнику.

Наиболее представительные материалы были получены при раскопках в 1957 и 1959 гг. пункта Радомышль I. На этом участке сохранился культурный

[1] Исследование проведено в рамках НИР «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (122011200271-7).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.9-24

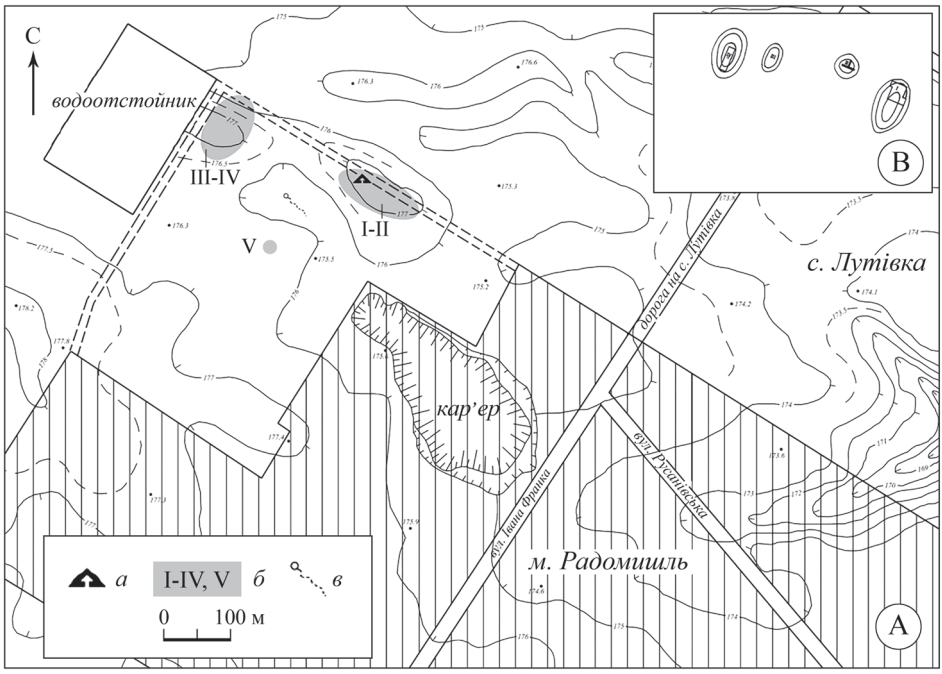

Рис. 1. Ситуационный план расположения Радомышльской стоянки (по: *Кононенко*, 2011, с изменениями)

А – ситуационный план (*а* – памятник на месте расположения пункта Радомышль I; *б* – зоны распространения подъемного материала; *в* – бывший источник); В – расположение местонахождений I–IV Радомышльской стоянки (по: *Шовкопляс*, 1964. С. 90)

слой с несколькими скоплениями костей мамонта внушительных размеров. В 2007 г. небольшие рекогносцировочные работы на месте расположения памятника провела О. Н. Кононенко (*Кононенко*, 2006; 2011). В результате был обнаружен новый пункт распространения находок: Радомышль V. Кроме того, было установлено, что пункты Радомышль I и II, с одной стороны, и Радомышль III и IV – с другой, представляют собой две отдельные зоны распространения археологического материала. Эти зоны приурочены к возвышенным участкам одного мыса (рис. 1). Таким образом, археологический памятник, известный под названием «Радомышльская стоянка», состоит в настоящее время из трех зон распространения находок, при этом культурный слой сохранился в зоне пунктов Радомышль I и II.

К сожалению, И. Г. Шовкопляс ограничился краткими публикациями первого комплекса. Анализ материалов именно этого пункта лег в основу выводов исследователя об особенностях Радомышльской стоянки. Они свелись к постулированию тезиса о ярко выраженном архаизме его каменной индустрии и, соответственно, о раннем возрасте поселения. Эта точка зрения была опубликована практически сразу же после первого сезона раскопок пункта Радомышль I (*Шовкопляс*, 1958. С. 39). И. Г. Шовкопляс считал этот памятник

одним из древнейших среди верхнепалеолитических стоянок Русской равнины, одновременно рассматривая его в качестве начального звена в цепи непрерывной эволюции позднего палеолита Среднего Поднепровья. Генетическая связь проводилась им от Радомышля через Пушкари I вплоть до памятников с жилищами из костей мамонта. Признаком архаизма кремневого инвентаря стоянки И. Г. Шовкопляс считал присутствие мустьерских типов орудий, а о связях с более поздними стоянками Поднепровья свидетельствовали, по его мнению, наличие в инвентаре памятника так называемых острий-наконечников и общая структура поселения. Здесь необходимо подчеркнуть, что И. Г. Шовкопляс уже в публикации 1958 г. относил Радомышль к ориньяку, который для него, в соответствии с концепцией стадиализма, был синонимом начала верхнего палеолита.

Вскоре после публикации обобщающей характеристики Радомышльской стоянки она была отнесена Г. П. Григорьевым к кругу ориньякоидных памятников Восточной Европы (*Григорьев*, 1968. С. 51). Основанием для такого заключения послужило наличие в инвентаре Радомышля серии крупных острий, обработанных по всему периметру полукрутой ретушью и напоминавших ориньякские острия Центральной Европы («острия-наконечники» в терминологии И. Г. Шовкопляса). Однако определение Радомышля как ориньякоидного, а не ориньякского памятника было вызвано сомнениями Г. П. Григорьева в его ранней хронологической позиции, что подтверждалось, по его мнению, многочисленностью резцов в инвентаре стоянки.

В первой половине 1980-х гг. М. В. Аникович пересмотрел точку зрения об исключительной древности Радомышля и пришел к выводу о возможном отнесении его к раннеосташковскому времени (*Рогачев, Аникович*, 1984. С. 176–177). Соглашаясь с ориньякоидной атрибуцией радомышльской индустрии, М. В. Аникович отмечал, что крупные скопления костей мамонта вместе с ямой, зафиксированные на участке пункта Радомышль I, возникают в среднюю пору верхнего палеолита на территории Русской равнины и могут указывать на возраст Радомышля, близкий к стоянке Пушкари I. Несколько позднее Ю. Э. Демиденко отметил отсутствие в инвентаре Радомышльской стоянки дисковидных нуклеусов, которые, по мнению И. Г. Шовкопляса, свидетельствовали о переходном характере каменной индустрии этого памятника. Двусторонне обработанные диски, по заключению Ю. Э. Демиденко, следует отнести к заготовкам клиновидных торцовых нуклеусов для снятия пластинчатых заготовок (*Демиденко*, 1987). Впоследствии этот вывод был подтвержден исследованиями В. И. Усика, показавшего на результатах ремонтажа продуктов первичного раскалывания, что для скалывания пластинчатых заготовок использовались одноплощадочные торцовые нуклеусы с двусторонней оббивкой ребра (*Усик*, 2001). Однако Ю. Э. Демиденко в то время считал возможным отнести время существования Радомышльской стоянки к интерстадиалу паудорф (*Демиденко*, 1987. С. 44).

В начале 2000-х гг. Ю. Э. Демиденко подверг развернутой критике определение каменной индустрии Радомышльской стоянки в качестве ориньякской и/или ориньякоидной (*Демиденко*, 2004). Исследователь отнес индустрию этого памятника к эпиориньяку, отметив присутствие в его инвентаре многочисленных

многофасеточных резцов с небольшой долей кареноидных форм, простых типов скребел и атипичных кареноидных скребков при одновременном отсутствии двусторонних изделий и предметов с притупленным ретушью краем (*Демиденко*, 2004. С. 13). Соответственно, возраст Радомышля им определялся в отрезке 22–20 тыс. л. н. С эпиориньякской атрибуцией радомышльской индустрии был согласен В. К. Пясецкий, который указывал на вероятный раннепричерноморский возраст Радомышля (*Пясецький*, 2008. С. 118). В свою очередь, Д. Ю. Нужный, соглашаясь с точкой зрения И. Г. Шовкопляса о сходстве ретушированных острий Радомышля и Пушкарей I, считал, что Радомышльская стоянка древнее пушкаревской, резко отличается от памятников восточного граветта и относится к раннему этапу верхнего палеолита (*Нужний*, 2015. С. 68).

Наиболее радикальный пересмотр атрибуции каменного инвентаря Радомышля I был проведен О. Н. Кононенко (*Кононенко*, 2010; 2015; 2018). Опираясь на технологические характеристики каменного инвентаря, а также собственные результаты типологического анализа индустрии пункта I Радомышльской стоянки, исследователь пришла к выводу о том, что названный памятник не относится к ориньякскому технокомплексу и основные характеристики его каменной индустрии позволяют отнести время существования Радомышля I к средней поре верхнего палеолита (*Кононенко*, 2015. С. 62). Соглашаясь с Ю. Э. Демиденко в том, что радомышльская индустрия не может быть отнесена к ориньяку, она в то же время не приняла вывод этого исследователя о ее эпиориньякском характере, поскольку доля кареноидных резцов, по ее мнению, в нем чрезвычайно мала – менее 0,4 % (*Кононенко*, 2010. С. 29). О. Н. Кононенко, опираясь на данные о радиоуглеродном возрасте памятника, допустила, что стоянка может относиться к кругу граветтских стоянок, несмотря на отсутствие в ее инвентаре пластинок и острий с притупленным ретушью краем (Там же). Таким образом, по заключению исследователя, Радомышль I представляет отдельный тип индустрии, не имеющий аналогий на территории современной Украины и сопредельных регионов (*Кононенко*, 2018. С. 12).

В свою очередь, А. А. Синицын отрицает граветтскую атрибуцию радомышльского инвентаря, несмотря на принятие сомнений О. Н. Кононенко относительно ориньякской принадлежности Радомышля I. Им было справедливо замечено, что технология скалывания пластин с нуклеусов типа «новгород-северских гигантолитов» присуща не только собственно граветтскому технокомплексу, но зафиксирована также в мадлене Парижского бассейна и по этой причине не может рассматриваться в качестве достаточного аргумента для отнесения ряда памятников, в том числе Радомышльской стоянки, к граветтскому кругу (*Синицын*, 2013. С. 10).

В итоге, оценка специфики радомышльской индустрии, подразумевающая ее принадлежность к известным технокомплексам и культурам верхнего палеолита, остается до сих пор предметом дискуссий. Не в последнюю очередь эта ситуация связана с устоявшимся представлением об уникальном сочетании технико-типологических характеристик каменного инвентаря Радомышля I, не имеющего аналогий среди близких по времени памятников Восточной и Центральной Европы.

Возраст памятника

Разнобой в хронологических определениях Радомышльской стоянки был связан с отсутствием вплоть до конца XX ст. результатов радиоуглеродного датирования образцов органических материалов. В 1986 г. была получена первая, а в 2003 г. – вторая радиоуглеродная дата. Обе они оказались практически идентичными: 19 000 ± 300 (OxA-697, зуб мамонта) и 19 600 ± 350 (Ki-6210, костный уголь) (*Кононенко*, 2018. С. 4). По всей видимости, этим определениям не противоречит и стратиграфия отложений, зафиксированная И. Г. Шовкопляс ом на месте расположения пункта Радомышль I (табл. 1).

Таблица 1. Стратиграфия отложений на месте расположения пункта Радомышль I (по: *Шовкопляс*, 1964. С. 93)

№ п/п	Описание	Мощн., м
1	Современный грунт, серый, песчанистый	0,20
2	Суглинок серо-бурый с корнеточинами современных растений и современными кротовинами, заполненными выше- и нижележащими породами. На глубине 0,6–0,8 м залегают культурные остатки	0,87
2а	Суглинок серо-желтый с многочисленными кротовинами и известковыми дутиками	0,66
2б	Суглинок желтый, пористый, с известковыми прожилками и дутиками в верхней толще и кротовинами	0,87
3	Погребенная почва, темно-серая, в верхней части желтовато-серая, песчанистая	0,70
4	Песок серый, местами ржаво-охристый, разнозернистый, с редкими (значительными) крупными зернами кристаллических пород. Внизу песок темно-серый, сцементированный глинистыми частицами	0,80
5	Красно-бурая валунная глина, очень опесчаненная, с редкими гальками кристаллических пород (диаметром до 20 мм) и железисто-марганцевыми включениями	

Находки во всех пунктах залегали неглубоко, от 60 до 80 см, отдельные предметы из кремня попадались уже в пахотном слое и даже на его поверхности.

Погребенная почва (сл. 3), зафиксированная в ходе раскопок И. Г. Шовкопляса в пункте I, имеет довольно значительную мощность. На территории бассейна Днепра ее возможные аналоги не могут быть многочисленны – это мезинский и брянский почвенные комплексы. В разрезе, полученном И. Г. Шовкоплясом, погребенная почва остается неатрибутированной, однако в любом случае культурный слой лежит значительно выше погребенной почвы. Имеющиеся радиоуглеродные даты, около 19 тыс. л. н. (некал.), таким образом, дают основания для заключения о, как минимум, постбрянском времени существования памятника.

В этой связи необходимо отметить, что, по мнению Н. П. Герасименко, слой 2а, с низами которого соотносится древняя дневная поверхность пункта I, представляет собой иллювиальный горизонт голоценовой почвы, сформированный на материале «причерноморско-бугских климатолитов» (*Кононенко*, 2018. С. 6). Опираясь на эти данные, О. Н. Кононенко относит время существования Радомышля I к периоду 20–19 тыс. л. н. (некал.), т. е. – в согласии с радиоуглеродными датами. Этот возраст памятника в настоящее время представляется наиболее аргументированным.

Каменный инвентарь пунктов I и II Радомышльской стоянки

По данным О. Н. Кононенко, коллекция кремневых изделий пункта I Радомышльской стоянки насчитывает 12 035 предметов (*Кононенко*, 2015. С. 38). Сырье представлено двумя сортами кремня темно-серого, полупрозрачного и черного непрозрачного цвета, при патинизации принимающего голубоватый или молочно-белый цвет. Кремень напоминает аналогичное сырье, встреченное на памятниках верхнего палеолита Подесенья, однако его источники известны и вблизи Радомышля (*Шовкопляс*, 1964). В коллекции также есть один предмет, изготовленный из кварцита.

Орудия первого пункта наиболее полно характеризуют индустрию памятника, но необходимо подчеркнуть, что основные характеристики предметов со вторичной обработкой всех четырех пунктов совпадают.

Общее количество предметов со вторичной обработкой первого пункта составляет, по данным О. Н. Кононенко, 1746 экземпляров (*Кононенко*, 2015. С. 39). Автором данной статьи было просмотрено 1366 предметов. Далее статистические данные, характеризующие соотношение категорий орудий, приводятся согласно подсчетам О. Н. Кононенко (*Кононенко*, 2015) и собственных, в последнем случае – в круглых скобках. Большая часть орудий изготовлена на крупных пластинах шириной более двух сантиметров, однако при изготовлении резцов и особенно скребков часто употреблялись отщепы, также довольно крупные, шириной от трех до пяти сантиметров. Необходимо также отметить очень высокий процент орудий – 15,1 % от общего количества каменных изделий (Там же. С. 38). Весьма вероятно, что столь высокая доля предметов со вторичной обработкой свидетельствует об отсортированном характере материала. Причинами такой сортировки могли быть как несовершенная методика раскопок, так и природные процессы, приведшие к частичному переотложению артефактов. В пользу первого свидетельствует очень малая доля в коллекции чешуек и резцовых сколов – 1,1 % для каждой позиции, при значительном количестве резцов. О воздействии природных процессов на археологический материал говорит легкая заглаженность поверхности кремневых предметов.

Почти половину всех изделий составляют резцы – 797 экз., 45,7 % (692 экз.; рис. 2: *13–17*, *19*; рис. 3: *21–27*). Более четверти, 26,5 %, изготовлены на отщепах, 58,0 % – на достоверно идентифицируемых пластинах. Ретушь краев имеется у незначительного количества изделий (22 экз.). Большинство резцов, 293 экз., 48 % (256 экз., 42,2 %), относится к двугранным. По данным О. Н. Кононенко, около 80 % двугранных резцов – одно- и двухфасеточные (Там же. С. 40).

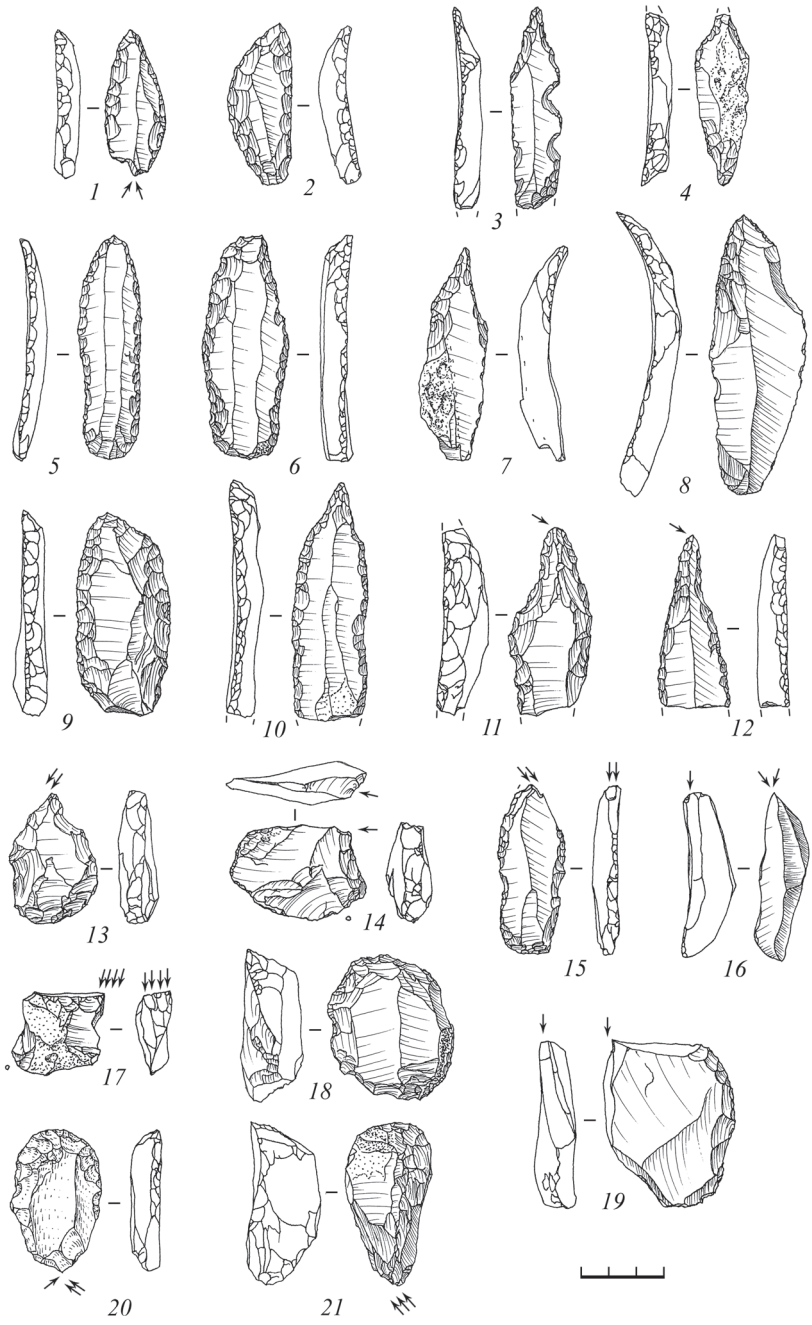

Рис. 2. Радомышль I

1, 2, 5, 6, 8, 9 – острия; *3, 4, 7, 10–12* – массивные проколки; *13–17, 19* – резцы; *18* – скребок; *20, 21* – скребки-резцы

По материалам И. Г. Шовкопляса

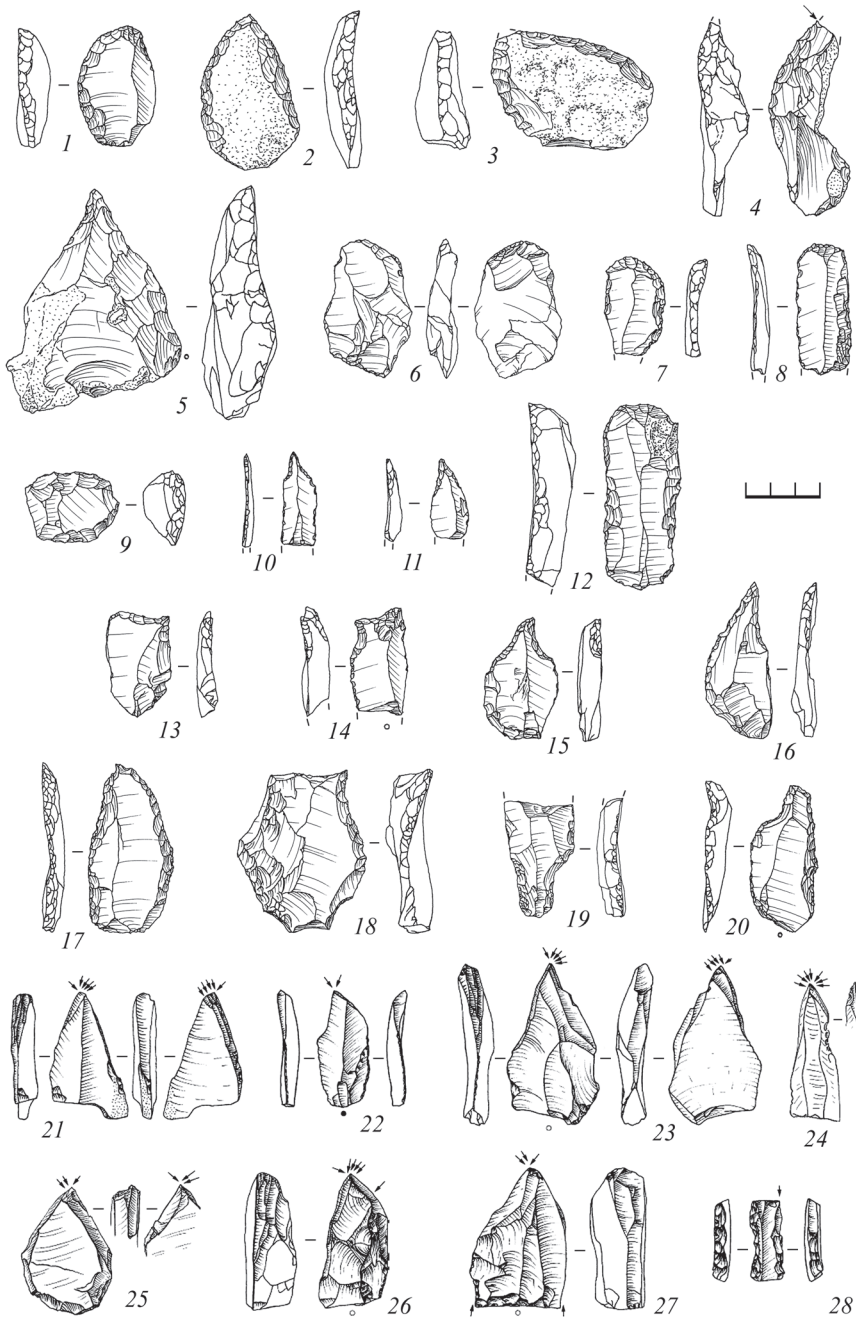

Рис. 3. Радомышль I

1, 2 – острия; *3, 4* – скребла; *7–9, 12* – скребки; *5, 10, 11, 13–18, 20* – проколки; *6* – долотовидное орудие; *19* – фрагмент черешковой части орудия; *21–27* – резцы; *28* – фрагмент предмета с краями, обработанными притупливающей ретушью

1–20 – по материалам И. Г. Шовкопляса; *21–28* – по: *Кононенко*, 2015. Рис. 3–5

Соответственно, довольно представительная серия, около 20 %, относится ею к многофасеточным (напр., рис. 3: *21, 23, 24*). Несколько меньше резцов на сломе заготовки – 196 предметов, 32 % (204 экз., 33,6 %). По данным автора, имеется серия нуклевидных (11 предметов, рис. 2: *17*; рис. 3: *25–27*). Среди нуклевидных резцов, изготовленных на отщепах, – четыре трансверсальных и три двугранных. Два резца относятся к супоневскому типу (рис. 2: *14*).

Скребки составляют серию из 74 предметов (71 экз.) (рис. 2: *18*; рис. 3: *7–9, 12*). Предметы на пластинах и отщепах делятся на примерно равные группы – 38 и 34 экземпляра соответственно (32 и 34 экз.). Ретушь краев имеется у трех скребков на пластинах и двух скребков на отщепах. Скребки на отщепах не образуют устойчивых серий. Что касается скребков на пластинах, то их большая часть представлена концевыми формами с подпараллельными неретушированными краями. Размеры скребков довольно сильно варьируют, средняя ширина их составляет, тем не менее, около 2,5 см, а толщина – около 1 см. В профиль пластины, на которых изготовлены скребки, как правило, слабо изогнуты. Их рабочий край оформлен крутой и полукрутой крупной ретушью, имеет выпуклую или полукруглую форму. В инвентаре имеются четыре скребка, которые могут быть отнесены к карене атипичным.

В коллекции первого пункта имеется небольшое количество резцов-скребков – 31 предмет, среди которых выделяется сочетание нуклевидного скребка и резца (рис. 2: *21*).

Наибольшее своеобразие радомышльскому инвентарю придают серии крупных острий и массивных проколок (перфораторов, по О. Н. Кононенко), изготовленных на пластинах.

Радомышльские острия – 68 экз., 4,4 % (58 экз., 4,2 %; рис. 2: *1, 5, 6, 8, 9*) – представлены симметричными и асимметричными формами (27 и 19 экземпляров соответственно), среди которых выделяется небольшая серия с одним или обоими полностью ретушированными краями (15 экз.). Ретушь крупная, у шести предметов оформляющая весь периметр заготовки и заходящая далеко на спинку. Четыре экземпляра из данных острий относятся к асимметричным и изготовлены на особенно крупных и массивных пластинах (рис. 2: *6, 9*). У остальных ретушь покрывает края в верхней части (рис. 2: *8*).

Д. Ю. Нужный отмечал присутствие диагностичного макроизноса на некоторых остриях, который свидетельствует об использовании предметов этой категории в качестве наконечников довольно массивного оружия (*Нужний*, 2015. С. 69).

Проколки образуют представительную серию из 51 орудия (47 экз.) и могут быть разделены на две группы. В первую входят предметы с длинным и массивным жалом (31 экз., рис. 2: *3, 4, 7, 10–12*). Они изготовлены на крупных массивных пластинах. Жало оформлено при помощи крупной крутой ретуши, как правило, оно симметрично или слегка скошено. Четыре предмета отличаются особенно ярко выраженной массивностью (рис. 2: *10–12*). Их края покрыты крупной полукрутой и притупливающей ретушью. Некоторые из крупных проколок/перфораторов имеют характерный поперечный излом на конце жала, а также крупные выемки по краю.

Вторая группа проколок (16 экз., рис. 3: *10, 11, 13–18, 20*) представлена предметами с коротким скошенным или симметричным жалом, оформленным

притупливающей ретушью небольших размеров. Только два экземпляра предметов этой категории, изготовленных на отщепах, имеют массивные жала (рис. 3: *5, 18*). Ретушь по периметру заготовки имеется только у одного предмета (рис. 3: *17*). В основном проколки данной группы напоминают аналогичные предметы, найденные при раскопках поздних верхнепалеолитических памятников Подесенья и Посеймья – стоянок Тимоновка I и II, Супонево, Мезин и Быки 1 соответственно.

В инвентаре стоянки выделяется небольшая, но выразительная серия острий, изготовленных на отщепах, – 17 экз. (*Кононенко*, 2015. С. 45, 49, 50. Табл. 8. Рис. 10; 11). Они имеют подтреугольные очертания и оформлены полукрутой, в одном случае – крупной двурядной (рис. 3: *2*), ретушью со стороны спинки. Один из этих предметов отличается особо крупными размерами (*Кононенко*, 2015. С. 50. Рис. 11).

Радомышльская стоянка характеризуется также небольшой серией скребел (напр.: рис. 3: *1, 3, 4*), в пункте I их количество составляет 26 экз. (Там же. С. 52. Табл. 13), что противоречит представлениям о значительной доле предметов этой категории. Скребла представлены продольными и поперечными одинарными формами, имеются единичные двойные со сходящимися лезвиями.

Категория долотовидных представлена одним предметом с двумя оббитыми концами, изготовленным на отщепе (рис. 3: *6*).

Отличия, вероятно фациального характера, фиксируются для инвентаря пункта II Радомышльской стоянки. В коллекции просмотренных кремневых изделий насчитывается 312 предметов со вторичной обработкой (рис. 4). Основная часть представлена следующими категориями: 55 резцов (17,6 %), 49 скребков (15,7 %), 84 пластины с ретушью (26,9 %), 66 отщепов с ретушью (21,15 %). Почти половина одинарных резцов (48,1 %) изготовлена на пластинах, среди них абсолютное большинство (19 экз., 76,0 %) относится к двугранным формам (рис. 4: *10*). Однако многофасеточных резцов среди них нет. Нуклевидных на отщепах – два предмета. Среди скребков (рис. 4: *7, 14, 15, 17–20*) предметы на отщепах незначительно превышают по количеству орудия, изготовленные на пластинах: 34 и 29 экз. соответственно. Ретушь краев зафиксирована на единичных (5 экз.) изделиях этой категории. Имеется четыре экземпляра кареноидных скребков (рис. 4: *23, 24*). Скребла и скребловидные предметы представлены серией из 12 экземпляров, среди них – простые прямые (рис. 4: *8, 16*) и поперечные формы (рис. 4: *9*). Имеется один выразительный экземпляр ретушированного острия на крупном отщепе (рис. 4: *1*), края которого обработаны противолежащей полукрутой и приостряющей ретушью. Кроме того, среди орудий второго пункта зафиксированы два предмета на пластинчатых сколах со срезанным полукрутой ретушью концом (рис. 4: *5, 13*), а также одна пластинка с притупленным вентральной ретушью краем (рис. 4: *4*) и фрагмент орудия, изготовленного на пластине, у которого один край обработан полукрутой ретушью, с подтеской вентрального конца (рис. 4: *25*). Проколки, в том числе массивные, а также ретушированные острия на крупных пластинах в инвентаре второго пункта отсутствуют. Долотовидных орудий – пластин и отщепов с подтеской концов – пять и один экз. соответственно.

Рис. 4. Радомышль II

1 – острие на отщепе; *2, 3, 10, 11* – резцы; *4* – пластинка с притупленным краем; *5, 6, 13* – пластины со срезанным ретушью концом; *7, 14, 15, 17–21, 23, 24* – скребки; *8, 9, 16* – скребла; *12* – скребок-резец; *22* – двусторонне обработанный дисковидный предмет (пренуклеус?); *25* – пластина с подтеской основания и притупленным ретушью краем

По материалам И. Г. Шовкопляса

Обсуждение и выводы

В инвентаре Радомышльской стоянки достаточно четко выражены определенные черты, а именно присутствие серий нуклевидных резцов и резцов карене, а также единичных кареноидных скребков, которые позволяют согласиться с точкой зрения Ю. Э. Демиденко о том, что каменную индустрию Радомышля следует атрибутировать в качестве эпиориньякской. Возможно, О. Н. Кононенко занизила долю резцов карене, отнеся большую их часть к многофасеточным. Однако даже рисунки этих резцов, выполненные ею, показывают, что расположение негативов от микропластинок, снятых с их ударных площадок (рис. 3: *20–24*), аналогично расположению негативов на резцах карене, при котором они образовывают угловатую резцовую кромку (*Brezillon*, 1968. P. 178. Fig. 51).

Факт наличия в инвентаре пункта II пластинки с притупленным краем и фрагмента орудия с краем, обработанным притупливающей ретушью, в пункте I не может быть аргументом в пользу граветтской атрибуции радомышльского инвентаря. И дело в данном случае не в единичности названных предметов, а в том, что отдельные изделия с притупливающей ретушью зафиксированы в инвентаре практически всех верхнепалеолитических памятников перигляциальной зоны Русской равнины периода LGM, каменные индустрии которых атрибутируются как эпиориньякские (*Бессуднов*, 2019; *Ступак и др*., 2014; *Лисицын, Дудин*, 2019). О замечании А. А. Синицына относительно техники скалывания пластинчатых сколов с одноплощадочных торцевых нуклеусов с двусторонней подготовкой ребра было сказано выше. Присутствие единичных изделий с притупливающей ретушью не противоречит также типологической характеристике этих индустрий, расположенных к югу и западу от центра Русской равнины (*Кетрару и др*., 2007. С. 138–140). Не противоречит этот факт и хронологической позиции эпиориньяка, занимающего в Центральной и Восточной Европе промежуточное место между граветтом и эпиграветтом (*Demidenko et al*., 2019; *Гаврилов*, 2023а).

Необходимо также скорректировать представление об уникальности радомышльской каменной индустрии среди верхнепалеолитических памятников Восточной Европы. Некоторые точки соприкосновения имеются между каменной индустрией Радомышля и стоянки Рашков VII, в инвентаре которой серийно представлены крупные острия-проколки и ретушированные острия на широких пластинах (*Кетрару и др*., 2007). Возраст этого памятника, по мнению исследователей, приходится на период максимального позднеледниковья (Там же. С. 128–129). Разумеется, есть и отличия, и они существенны. Так, в инвентаре Рашкова VII кареноидные формы представлены скребками, а не резцами. Среди последних наиболее многочисленны ретушные резцы. Самое значительное отличие от радомышльской индустрии состоит в том, что в инвентаре стоянки Рашков VII выделяется устойчивая серия острий сагайдакско-мураловского типа, что неудивительно, учитывая географическое положение этой стоянки на юго-западе Русской равнины.

Определение радомышльской каменной индустрии в качестве эпиориньякской не является ни утверждением о непосредственной генетической связи

индустрии этого памятника с ориньякским технокомплексом, ни характеристикой культурной принадлежности Радомышля, как не является таковым и отнесение к эпиориньяку иных памятников Восточной и Центральной Европы, время существования которых относится к периоду LGM. Нельзя исключать и того, что для рассматриваемой территории эпиориньяк может быть одной из форм перехода от граветта к эпиграветту (*Гаврилов*, 2023а). Культурная же специфика эпиориньякских памятников проявляется на более локальном уровне, что подтверждается наличием нескольких вариантов центрально- и восточноевропейского эпиориньяка (*Демиденко*, 2004), а также стилистическими особенностями произведений искусства этого времени, найденными при раскопках некоторых стоянок, чья каменная индустрия также может быть отнесена к эпиориньякскому технокомплексу: Оболонье, Костенки 11 (сл. 1а), Костенки 2 (*Гаврилов*, 2023б).

ЛИТЕРАТУРА

Бессуднов А. А., 2019. Замятнинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита: миф или реальность? // Camera Praehistorica. № 1 (2). С. 36–69.

Гаврилов К. Н., 2023а. Переход от средней к поздней поре верхнего палеолита в центре Русской равнины: реколонизация или автохтонное развитие? // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 47–67.

Гаврилов К. Н., 2023б. Свидетели перемен: произведения первобытного искусства Восточной и Центральной Европы во время максимума позднеледниковья // КСИА. Вып. 273. С. 7–26.

Григорьев Г. П., 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука. 200 с.

Демиденко Ю. Э., 1987. Некоторые вопросы классификации каменной индустрии и хронологии Радомышльского позднепалеолитического поселения // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: тез. докл. VI республикан. конф. молодых археологов. Киев: Наукова думка. С. 43–44.

Демиденко Ю. Э., 2004. Восточная Европа в контексте проблематики ориньяка Европы: прошлые подходы и новые перспективы // Археологический альманах. № 16. Донецк. С. 161–194.

Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И., 2007. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев: Business-Elita. 185 с.

Кононенко О. М., 2006. Обстеження верхньопалеолітичної стоянки Радомишль в 2005 році // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ. С. 218–219.

Кононенко О. М., 2010. Різці верхньопалеолітичної стоянки Радомишль І: технологія, типологія, статистика // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. Мінск. С. 45–55.

Кононенко О. М., 2011. Радомишль: нові перспективи вивчення верхньопалеолітичних стоянок // Магістеріум. Археологічні студії. Т. 45. Київ: Києво-Могилянська академія. С. 22–24.

Кононенко О. М., 2015. Крем'яні знаряддя верхньопалеолітичної стоянки Радомишль І: типологічна специфіка та її інтерпретація // Археологія і давня історія України. Вип. 3 (16). Київ. С. 35–64.

Кононенко О. М., 2018. Стоянка Радомишль І та її місце у верхньому палеоліті України: автореф. дис. … канд. іст. наук. Київ.

Лисицын С. Н., Дудин А. Е., 2019. Граветт / эпиграветт в Костенковско-Борщевском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация // Camera Praehistorica. № 1 (2). С. 70–107.

Нужний Д. Ю., 2015. Верхній палеоліт західної і північної України (техніко-типологічна варіабельність та періодизація). Київ: О. Філюк. 478 с.

Пясецький В. К., 2008. Пізньопалеолітична стоянка Радомишль. Питання стратиграфії // Кам'яна доба України. Вип. 11. Київ: Шлях. С. 116–119.

Рогачев А. Н., Аникович М. В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / Отв. ред. П. И. Борисковский. М.: Наука. С. 162–271.

Синицын А. А., 2013. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Ред. Г. В. Синицына. СПб.: ЭлекСис. С. 4–32.

Ступак Д. В., Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Комар М. С., 2014. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння // Епіграветські пам'ятки Середнього Подніпров'я / Ред.: Д. В. Ступак, Г. А. Хлопачев. Київ: Олег Філюк. С. 9–30. (Археологічний альманах; № 31.)

Усик В. И., 2001. К вопросу о «гигантолитах», топорах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах. (По материалам ремонтажа коллекций комплекса 2 Королево 2 и стоянки Радомышль) // Vita antiqua. № 3–4. Київ: Стилос. С. 167–179.

Шовкопляс І. Г., 1958. Експедиційні дослідження Інституту археології в 1956–1957 рр. // Вісник АН УРСР. № 7. С. 24–34.

Шовкопляс І. Г., 1964. Палеолітична стоянка Радомишль (Попереднє повідомлення) // Археологія. Т. XVI. С. 89–102.

Brézillon M.N. La dénomination des objets de pierre taillée. Matériaux pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française, Thèse / par Michel N. Brézillon; Univ. de Paris. Faculté des lettres et sciences humaines. Paris: Éd. du Centre national de la recherche scientifique, 1968. 411 p.

Demidenko Y. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J., 2019. In between Gravettian and Epigravettian in Central and Eastern Europe: a peculiar LGM Early Late Upper Paleolithic industry // Přehled výzkumů. T. 60. № 1. P. 11–41.

Сведения об авторе

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

K. N. Gavrilov

THE RADOMYSHL UPPER PALEOLITHIC SITE: THE ISSUE OF LITHIC INDUSTRY ATTRIBUTION

Abstract. The paper reviews typological characteristics of lithic industry at the Radomyshl Upper Paleolithic site which have caused debates. It is inferred from the analysis of the flint tool composition that it is correct to refer Radomyshl to the sites of the Epi-Aurignacian tradition in the periglacial zone of the Russian Plain. It is emphasized that a phenomenal nature and uniqueness of the typological features of the Radomyshl tools are overstated. The industries of the Radomyshl site and the Rashkov VII site show some correlations.

Keywords: Upper Paleolithic, Epi-Aurignacian, Radomyshl, lithic industry, LGM.

REFERENCES

Bessudnov A. A., 2019. Zamyatninskaya arkheologicheskaya kultura pozdney pory verkhnego paleolita: mif ili realnost'? [Zamyatnino archaeological culture of late Upper Paleolithic period: myth or reality?]. *Camera Praehistorica*, 1 (2), pp. 36–69.

Demidenko Yu. E., 1987. Nekotorye voprosy klassifikatsii kamennoy industrii i khronologii Radomyshlskogo pozdnepaleoliticheskogo poseleniya [Some issues of classification of stone industry and chronology of Radomyshl Late Paleolithic settlement]. *Aktualnye problemy istoriko-arkheologicheskikh issledovaniy (VI respublikanskaya konferentsiya) [Current problems of historical and archaeological research (VI Republican conference)]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 43–44.

Demidenko Yu. E., 2004. Vostochnaya Evropa v kontekste problematiki orin'yaka Evropy: proshlye podkhody i novye perspektivy [Eastern Europe in context of problems of Aurignacian Europe: past approaches and new perspectives]. *Arkheologicheskiy almanakh [Archaeological miscellany]*, 16. Donetsk, pp. 161–194.

Gavrilov K. N., 2023a. Perekhod ot sredney k pozdney pore verkhnego paleolita v tsentre Russkoy ravniny: rekolonizatsiya ili avtokhtonnoe razvitie? [Transition from Middle to Late Upper Paleolithic in the center of Russian Plain: recolonization or autochthonous development?]. *Pervobytnaya arkheologiya [Prehistoric archaeology]*, 1, pp. 47–67.

Gavrilov K. N., 2023b. Svideteli peremen: proizvedeniya pervobytnogo iskusstva Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy vo vremya maksimuma pozdnelednikov'ya [Witnesses of changes: works of primitive art from Eastern and Central Europe during Late Glacial Age]. *KSIA*, 273, pp. 7–26.

Grigor'ev G. P., 1968. Nachalo verkhnego paleolita i proiskhozhdenie Homo sapiens [Beginning of Upper Paleolithic and origin of Homo sapiens]. Leningrad: Nauka. 200 p.

Ketraru N. A., Grigor'eva G. V., Kovalenko S. I., 2007. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Rashkov VII [Upper Paleolithic site of Rashkov VII]. Kishinev: Business-Elita. 185 p.

Kononenko O. M., 2006. Obstezhennya verkhn'opaleolitichnoi stoyanki Radomishl v 2005 rotsi [Survey of Upper Paleolithic site Radomyshl in 2005]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2004–2005 rr. [Archaeological research in Ukraine, 2004–2005]*. Kiiv, pp. 218–219.

Kononenko O. M., 2010. Riztsi verkhn'opaleolitichnoi stoyanki Radomishl I: tekhnologiya, tipologiya, statistika [Burins from Upper Paleolithic site Radomyshl I: technology, typology, statistics]. *Materyyaly pa arkhealogii Belarusi [Materials on archaeology of Belarus]*, 18. Minsk, pp. 45–55.

Kononenko O. M., 2011. Radomishl': novi perspektivi vivchennya verkhn'opaleolitichnikh stoyanok [Radomyshl: new perspectives of study Upper Paleolithic sites]. *Magisterium. Arkheologichni studii [Magisterium. Archaeological studies]*, 45. Kiiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya, pp. 22–24.

Kononenko O. M., 2015. Krem'yani znaryaddya verkhn'opaleolitichnoï stoyanki Radomishl' I: tipologichna spetsifika ta ïï interpretatsiya [Flint tools from Upper Paleolithic site Radomyshl I: typological specifics and its interpretation]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 3 (16). Kiiv, pp. 35–64.

Kononenko O. M., 2018. Stoyanka Radomishl' I ta ïï mistse u verkhn'omu paleoliti Ukraïni: avtoreferat disertatsii … kandidata istorichnikh nauk [Radomyshl I site and its place in Upper Paleolithic of Ukraine: PhD Thesis]. Kiiv.

Lisitsyn S. N., Dudin A. E., 2019. Gravett / epigravett v Kostenkovsko-Borshchevskom rayone na Donu: kriterii razdeleniya, kulturnaya interpretatsiya i periodizatsiya [Gravette / epigravette in Kostenki-Borshchevo region on Don: criteria of separation, cultural interpretation and periodization]. *Camera Praehistorica*, 1 (2), pp. 70–107.

Nuzhniy D. Yu., 2015. Verkhniy paleolit zakhidnoi i pivnichnoï Ukraini (tekhniko-tipologichna variabelnist' ta periodizatsiya) [Upper Paleolithic of Western and Northern Ukraine (technical and typological variability and periodization)]. Kiiv: O. Filyuk. 478 p.

Pyasets'kiy V. K., 2008. Pizn'opaleolitichna stoyanka Radomishl'. Pitannya stratigrafiï [Late Paleolithic site Radomyshl. Issues of stratigraphy]. *Kam'yana doba Ukraini [Stone Age of Ukraine]*, 11. Kiiv: Shlyakh, pp. 116–119.

Rogachev A. N., Anikovich M. V., 1984. Pozdniy paleolit Russkoy ravniny i Kryma [Late Paleolithic of Russian Plain and Crimea]. *Paleolit SSSR [Palelithic of the USSR]*. P. I. Boriskovskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 162–271.

Shovkoplyas I. G., 1958. Ekspeditsiyni doslidzhennya Institutu arkheologiï v 1956–1957 rr. [Expedition research of Institute of Archaeology in 1956-1957]. *Visnik AN URSR [Herald of the Academy of Sciences of the URSR]*, 7, pp. 24–34.

Shovkoplyas I. G., 1964. Paleolitichna stoyanka Radomishl (Poperedne povidomlennya) [Paleolithic site of Radomyshl (Preliminary information)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, XVI, pp. 89–102.

Sinitsyn A. A., 2013. Gravett Kostenok v kontekste gravetta Vostochnoy Evropy [Kostenki Gravette in context of Gravette of Eastern Europe]. *Problemy zaseleniya severo-zapada Vostochnoy Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy) [Issues of settling the North-West of Eastern Europe in Upper and Terminal Paleolithic (cultural and historical processes)]*. G. V. Sinitsyna, ed. St. Petersburg: ElekSis, pp. 4–32.

Stupak D. V., Khlopachev G. A., Gribchenko Yu. N., Komar M. S., 2014. Nova verkhn'opaleolitichna stoyanka Obolonnya [New Upper Paleolithic site Obolonye]. *Epigravets'ki pam'yatki Seredn'ogo Podniprov'ya [Epigravette sites of Middle Dnieper region]*. D. V. Stupak, G. A. Khlopachev, eds. Kiiv: Oleg Filyuk, pp. 9–30. (Arkheologichniy almanakh, 31.)

Usik V. I., 2001. K voprosu o «gigantolitakh», toporakh i formakh must'erskikh nukleusov v pozdnepaleoliticheskikh kompleksakh. (Po materialam remontazha kollektsiy kompleksa 2 Korolevo 2 i stoyanki Radomyshl) [On the issue of «gigantoliths», axes, and forms of Mousterian cores in Late Paleolithic associations. (Based on materials of renovation in the collections from association 2 of Korolevo 2 and Radomyshl site)]. *Vita antiqua*, 3–4. Kiïv: Stilos, pp. 167–179.

About the author

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

М. Г. Жилин, М. А. Кулькова, А. М. Кульков, В. Л. Руев

ПЕРВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ СТОЯНКИ ЗАМИЛЬ-КОБА 3 В КРЫМУ[1]

Резюме. В статье впервые публикуются радиоуглеродные даты, полученные по древесному углю из очагов из раскопок стоянки финального мезолита Замиль-Коба 3 в Юго-Западном Крыму, проведенных в 2020 и 2024 гг. Антракологический анализ показал, что топливом для этих очагов служили дуб и граб. По углям из очагов получены радиоуглеродные даты SPb–4386: 6964 ± 70 BP (5986–5724 CalBC) и SPb–4389: 6915 ± 70 BP (5979–5666 CalBC). Эти даты относят стоянку Замиль-Коба 3 к первой половине атлантического периода. Сопоставление имеющихся надежных дат из памятников позднего мезолита – неолита Горного Крыма позволяет датировать переход от мезолита к неолиту в Горном Крыму около 7000 радиоуглеродных л. н. (около 8000 календарных л. н.), или началом VI тыс. до н. э.

Ключевые слова: Крым, Замиль-Коба 3, мезолит, неолит, радиоуглеродное датирование, антракологический анализ.

Введение

Проблема перехода от мезолита к неолиту в Крыму, как и на многих других территориях, в настоящее время является одной из наиболее дискуссионных. Ключевым моментом для ее решения является установление надежной хронологии этого события, основанной на данных естественнонаучных анализов. До недавнего времени они были единичны, а для большинства памятников позднего мезолита и раннего неолита вообще отсутствовали. В последнее время появились новые материалы, в том числе по хронологии ряда раскопанных стоянок, основанные на сериях радиоуглеродных дат. В настоящий момент нам удалось собрать из различных публикаций (*Бьяджи, Киосак*, 2017; *Манько*,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00236 «Стоянки финального палеолита и мезолита балки Замиль в Крыму» (https://rscf.ru/project/24-28-00236/).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.25-41

2010; *Телегин*, 1989; *Яневич*, 2019; *Biagi*, 2016; *Biagi et al.*, 2007) 13 надежных радиоуглеродных дат, полученных из трех памятников позднего мезолита и двух раннего неолита Горного Крыма. Новая серия таких дат из однослойной стоянки финального мезолита Замиль-Коба 3 имеет большое значение для хронологии перехода от мезолита к неолиту в Горном Крыму.

Материалы

Стоянка Замиль-Коба 3 находится на территории Бахчисарайского района в Юго-Западном Крыму (рис. 1). Памятник был открыт Д. А. Крайновым в 1937 г., но он обнаружил только средневековый культурный слой (*Крайнов*, 1937). Мезолитический слой был открыт и частично раскопан Бахчисарайским отрядом Института археологии РАН под руководством М. Г. Жилина в 2020 и 2024 гг. (*Жилин и др.*, 2020; *Жилин*, 2024). На памятнике прослежено два культурных слоя. Верхний средневековый слой дал единичные фрагменты керамики VI–XVI вв. Нижний слой финального мезолита относится к мурзаккобинской культуре (*Бибиков и др.*, 1994). Каких-либо других материалов каменного века на данном памятнике нет. Это единственная на сегодняшний момент «чистая» однослойная стоянка финального мезолита Горного Крыма.

За два года раскопок на памятнике было вскрыто 15 кв. м и раскопана центральная часть небольшой кратковременной стоянки. Исследовано три небольших очага, располагавшихся рядом и не перекрывавших друг друга. В заполнении очагов и в пределах зольной линзы вокруг них обнаружены кремневые изделия, фрагменты раковин Helix и кости животных. Остеологический

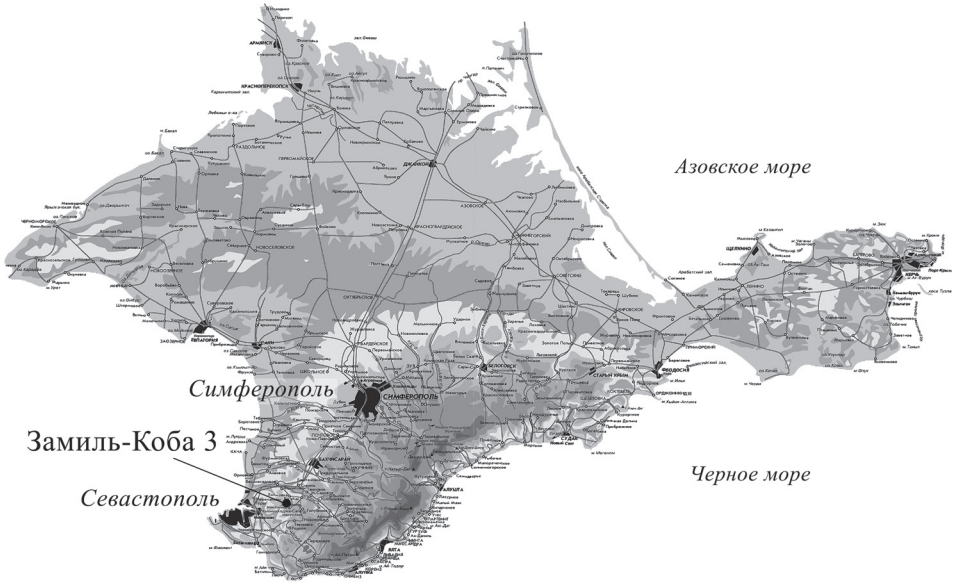

Рис. 1. Расположение стоянки Замиль-Коба 3

материал представлен костями кабана, благородного оленя и мелкого копытного, по всей вероятности, косули.

Основной заготовкой для орудий были пластины правильной огранки, полученные отжимным способом. Среди орудий представлена серия трапеций, в том числе трапеции «алимовского типа», единичные острия, скребки, резцы, пластины и отщепы с ретушью. По результатам трасологического анализа большая часть орудий связана с охотой и первичной обработкой охотничьей добычи. Особенности культурного слоя и инвентаря говорят о том, что мезолитический слой Замиль-Кобы 3 является следами кратковременного охотничьего лагеря.

Методика

В процессе раскопок тщательно собирались все угольки. Угли из очагов паковались отдельно, отбирались острием ножа и сразу клались в чистый пластиковый пакет или пробирку. Угли из культурного слоя вне очагов отбирались и паковались поквадратно. Также поквадратно паковались угли, полученные при промывке культурного слоя. Дальнейшая обработка образцов проводилась в лаборатории. Сначала определялась порода древесины, после чего проводился радиоуглеродный анализ отобранных образцов. Для радиоуглеродного анализа представлены образцы углей из очагов 1 и 2.

Для определения породы древесины было передано 14 образцов углей из мезолитического слоя из раскопа 2024 г. (табл. 1). Образцы представляли собой механическую смесь песка преимущественно карбонат-кальциевого состава и фрагментов углей размерностью до 4 мм.

Таблица 1. Список образцов угля на определение породы дерева из мезолитического слоя стоянки Замиль-Коба 3

Образец №	Объект, квадрат, глубина
1	Очаг № 1, квадрат 12, гл. -103/-110 см
2	Очаг № 1, квадрат 12, гл. -103/-104 см
3	Очаг № 2, квадрат 11, гл. -101/-108 см
4	Очаг № 2, квадрат 11, гл. -101/-108 см
5	Очаг № 3, квадрат 11, гл. -101/-108 см
6	Квадрат 10, гл. -86/-106 см
7	Квадрат 11, гл. -85/-106 см
8	Квадрат 12, гл. -89/-110 см
9	Очаг № 2, квадрат 11, промывка
10	Очаг № 3, квадрат 11, промывка
11	Квадрат 10, промывка
12	Квадрат 11, промывка
13	Квадрат 12, промывка
14	Квадрат 13, промывка

При помощи бинокулярного микроскопа из образцов были отобраны фрагменты углей размером до 1 мм. В процессе отбора выяснилось, что часть углей замещена мелкодисперсным материалом карбонатного состава. Структура углей определялась при помощи рентгеновского нанотомографа Skyscan-2011 (Bruker). Применялись следующие параметры сканирования: U, источника = кВ; I, источника = 180 мкА. Разрешение = 1 мкм. Усреднение по 4 кадрам. Шаг сканирования 0,3°. Применялось 180-градусное сканирование. Для сравнения и подтверждения результатов, в аналогичных условиях съемки, были отсканированы образцы древесины граба и дуба. Определение углей проводилось по информационной системе, созданной на базе коллекций кафедры морфологии и систематики высших растений биологического факультета Московского государственного университета (http://botany-collection.bio.msu.ru/).

Радиоуглеродный радиометрический (сцинтилляционный) анализ проводился в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена с использованием традиционных методик пробоподготовки (*Кулькова*, 2011). Лаборатория участвовала в процедуре межлабораторного сравнения результатов радиоуглеродного анализа – Glasgow International Radiocarbon Inter-comparison (GIRI)), проводимого университетом г. Глазго (Шотландия), Школой математики и статистики в 2013 и 2018 гг. Лаборатория включена в список радиоуглеродных международных лабораторий (https://Labs-2023_02_17.pdf).

Пробоподготовка образцов включала предварительную химическую пробоподготовку (метод АВА – acid-base-acid protocol): обработка 3 %-ной соляной кислотой (HCl) для удаления древних карбонатных загрязнений, затем 1 %-ной щелочью (NaOH) для удаления молодых гумусовых остатков, снова соляной кислотой. После высушивания с помощью процесса карбидизации образца в вертикальной печи в вакууме при температуре 750 °C был получен карбид лития. Бензол синтезировался при разложении карбида лития, образуя ацетилен, который затем полимеризировался с образованием бензола на хромовом катализаторе. Полученные образцы бензола были заправлены сцинтиллирующими добавками (POPOP и POP) для получения счетного вещества, впоследствии использовавшегося для измерений и определения возраста. Активность радиоуглерода в бензоле была измерена с помощью низкофонового жидкостного сцинтилляционного счетчика Quantulus 1220 (*Schönhofer*, 1999; *Schafer, Schafer*, 2002). В качестве стандартного образца в сцинтилляционном методе используется принятый Национальным институтом стандартов и технологий Мэриленда (США, NIST) образец щавелевой кислоты Oxalic Acid I ($C_2H_2O_4$). 95 % активности щавелевой кислоты 1950 г. приравнивается к измеренной активности абсолютного радиоуглеродного стандарта из древесины 1890 г. Стандарт щавелевой кислоты был изготовлен из урожая сахарной свеклы 1955 г. Изотопное соотношение HO : I = 19,3 ‰ по отношению к PBD-стандарту белемнита (*Stuiver, Polach*, 1977; *Hua et al.*, 1999). В российских радиометрических лабораториях используется скорректированный бензольный стандарт, активность которого в 5,01 раза выше активности международного стандарта. Российский стандарт был разработан в радиоуглеродной лаборатории Геологического института АН СССР (Москва) в 1960-х гг.

Коррекция на содержание стабильных изотопов в образцах наземной растительности $\delta^{13}C = 25‰$.

Обработка полученных результатов датирования и калибровка дат была проведена методом Байесовой статистики с использованием программы OxCal 4.4. (*Bronk Ramsey*, 2017) и атмосферной кривой IntCal 20 (*Reimer et al.*, 2020).

Результаты

Томографическое сканирование показало, что анализируемые угли можно разделить на несколько групп по породам древесины и сохранности анатомической структуры (табл. 2). Наилучшей сохранностью структуры древесины обладает образец № 2, который представлен фрагментом древесного угля размерами 0,8 × 0,8 × 1,0 мм (табл. 2; рис. 2: *1*). На поперечном срезе выявлены просветы сосудов (единичные и короткие радиальные цепочки) диаметром до 55 мкм, собранные в двух лентах, разделенных полосой с многочисленными радиальными лучами (рис. 2: *1, б*). На тангенциальном срезе видно, что многочисленные лучи однорядные и однорядные, переходящие в двурядные, высотой до 40 клеток (рис. 2: *1, в*). На представленном радиальном срезе показано, что лучи гомогенные, состоящие из лежащих клеток, или слабо гетерогенные с 1 рядом краевых квадратных клеток (рис. 2: *1, а*). Перфорация простая. Вероятнее всего, образец 2 принадлежит роду *Carpinus* (граб). К хорошо сохранившимся образцам также можно отнести образцы № 10 и 12. В образцах № 6, 11 и 14 наблюдается разрушение стенок между клетками сосудов при хорошей сохранности остальных элементов анатомии, а в образцах № 7, 8 и 13 – деформация клеток сосудов. Просветы выглядят не округлыми, а округло-приплюснутыми. В целом, все указанные образцы достаточно хорошо идентифицируются как граб (табл. 2).

Таблица 2. Результаты определения породы дерева образцов углей методом микротомографии

№ образца	Порода дерева	Размеры (мм)	Примечания
1	Дуб	0,4 × 0,4 × 0,4	Структура образца сильно искажена, частично петрофицирован
2	Граб	0,8 × 0,8 × 1,0	
3	Дуб	0,8 × 0,8 × 1,2	Структура образца сильно искажена, частично петрофицирован
4	Дуб	0,6 × 0,6 × 1,3	Сохранилась часть многорядного радиального луча
5	Дуб	0,45 × 0,5 × 1,0	Фрагмент угля сломан по крупным сосудам
6	Граб	0,9 × 0,9 × 1,0	Разрушены стенки сосудов
7	Граб	0,8 × 0,7 × 0,9	Деформация стенок сосудов
8	Граб	0,7 × 0,6 × 0,9	Деформация
9	Дуб	1,0 × 0,7 × 1,3	Образец петрофицирован, значительная часть структуры не различима, идентификация по сосудам

Окончание табл. 2

№ образца	Порода дерева	Размеры (мм)	Примечания
10	Граб	0,9 × 0,8 × 1,0	
11	Граб	0,85 × 0,7 × 0,9	Разрушены стенки сосудов
12	Граб	0,53 × 0,48 × 0,7	
13	Граб	0,7 × 0,6 × 1,0	Деформация стенок сосудов
14	Граб	0,8 × 0,7 × 1,0	Стенки клеток между сосудами сильно разрушены

Для второй группы наиболее характерен образец № 5. В данном образце был исследован фрагмент угля размерами 0,45 × 0,5 × 1,0 мм (табл. 2; рис. 2: *2*). На поперечном срезе наблюдаются небольшие сосуды диаметром до 30–40 мкм и части стенок крупных (порядка 100–140 мкм) сосудов (на боковой поверхности образца) (рис. 2: *2, б*). На тангенциальном срезе видны однорядные лучи высотой до 20 клеток (рис. 2: *2, в*). Лучи преимущественно гомогенные, состоящие из лежачих клеток. Кроме того, в объеме образца обнаружено большое количество клеток тяжевой паренхимы, замещенных минеральным веществом. Скорее всего, дерево принадлежало к роду *Quercus* (дуб). К дубовым углям также относятся: неплохо сохранившийся образец № 4 (где, несмотря на отсутствие сосудов, четко выделяется часть широкого многорядного луча и большое количество невысоких однорядных лучей) и сильно разрушенные и частично петрофицированные образцы № 1 и 3, в которых на поперечных срезах можно выделить просветы сосудов, образующих характерный для дуба рисунок «языки пламени» и фрагменты однорядных невысоких радиальных лучей. Кроме того, выделяется сильно петрофицированный образец № 9, в котором сохранились только сосуды, демонстрирующие на поперечном срезе рисунок «языков пламени».

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено, что, несмотря на разную сохранность, угли из предоставленных образцов относятся к древесине либо граба, либо дуба (табл. 2). Стоит отметить, что в среднем образцы дуба оказываются худшей сохранности, чем граб. Это объясняется общей петрофикацией и замещением углей минеральным веществом по сосудам. В образцах углей граба часто наблюдаются включения повышенной плотности (белые области на томограммах), которые являются, по всей видимости, прижизненными включениями минеральных веществ в клетках радиальной и осевой паренхимы. Так же подобные образования зафиксированы в образце угля дуба № 5.

В результате радиоуглеродного анализа получено две даты (табл. 3; рис. 3). Первая дата – SPb-4386: 6964 ± 70 BP (5986–5724 CalBC) – сделана по углям граба и дуба из очага 1 (рис. 3: *1*). Вторая дата – SPb-4389: 6915 ± 70 BP (5979–5666 CalBC) – получена по образцам дуба из очага 2 (рис. 3: *2*).

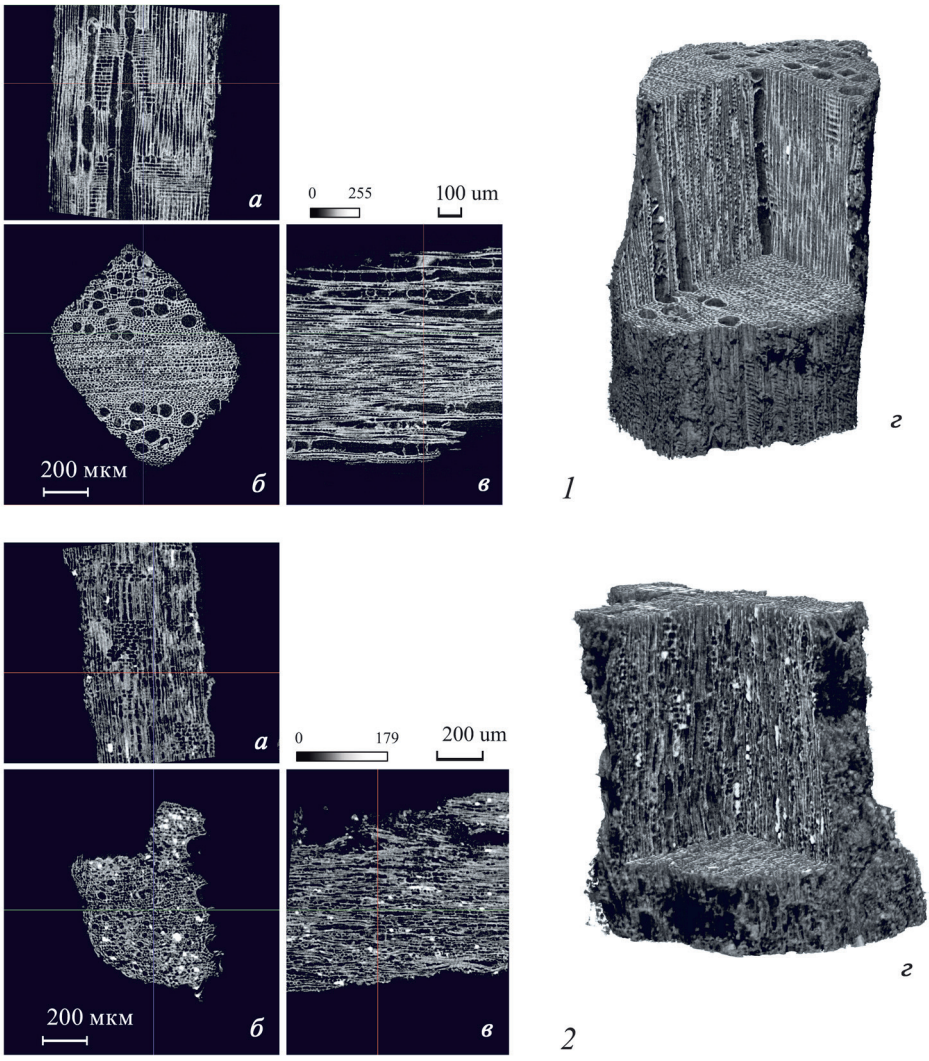

Рис. 2. Внутреннее строение образцов угля по данным микротомографического сканирования

1 – образец № 2, *Carpinus* (граб); *2* – образец № 5, *Quercus* (дуб)

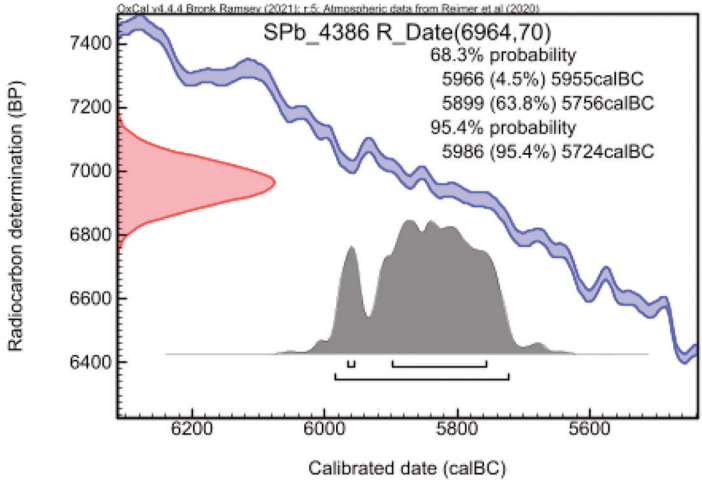
Условные обозначения: взаимоперпендикулярные срезы: *а* – радиальный; *б* – поперечный; *в* – тангенциальный; *г* – 3-D-реконструкция внутреннего строения

Таблица 3. Радиоуглеродные даты стоянок Горного Крыма позднего мезолита и раннего неолита

№ п/п	Слой	Квадрат, объект	Материал	Лабор. №	Возраст BP	Возраст CalBC (2 σ)	Источник
	Шан-Коба, мезолит, мурзаккобинская культура						
1	3, гор. 1	19/в	Зуб кабана	KIA-9573	7915 ± 45	6962–6714	*Biagi*, 2016; *Бьяджи, Киосак*, 2017; *Яневич*, 2019
2	3, гор. 2	18/в, гл. 80–90	Кость	GrA-50241	7775 ± 45	6644–6542	Там же
3	3, гор. 2	18/д	Зуб кабана	KIA-9572	7760 ± 52	6637–6525	Там же
4	2	14/а	Зуб благородного оленя	KIA-9574	6954 ± 46	5893–5781	Там же
	Кукрек, мезолит, мурзаккобинская культура						
5	Верхний		Уголь	Bln-1799-1	7320 ± 65	6182–6048	*Манько*, 2010. Табл. 3
6	Верхний		Уголь	Bln-1799-2	7285 ± 70	6170–6042	Там же
	Замиль-Коба 3, мезолит, мурзаккобинская культура						
7	Мезолит	12, очаг 1	Уголь: граб и дуб	SPb-4386	6964 ± 70	5986–5724	Публикуется впервые
8	Мезолит	11, очаг 2	Уголь, дуб	SPb-4389	6915 ± 70	5979–5666	Публикуется впервые
	Шан-Коба, неолит, таш-аирская культура						
9	1а	15/6	Зуб благородного оленя	KIA-9575	6944 ± 44	5880–5774	*Biagi*, 2016; *Бьяджи, Киосак*, 2017; *Яневич*, 2019
10	1а	?	Зуб кабана	KIA-9576	6301 ± 36	5314–5240	Там же
	Буран-Кая IV, неолит, таш-аирская культура						
11	2		Уголь, дуб	SacA-24017	6955 ± 40	5887–5785	*Salavert et al.*, 2015; *Яневич*, 2019
12	2		Уголь, дуб	SacA-24018	6610 ± 35	5602–5522	Там же
13	1		Уголь, дуб	SacA-24016	6360 ± 35	5397–5319	Там же

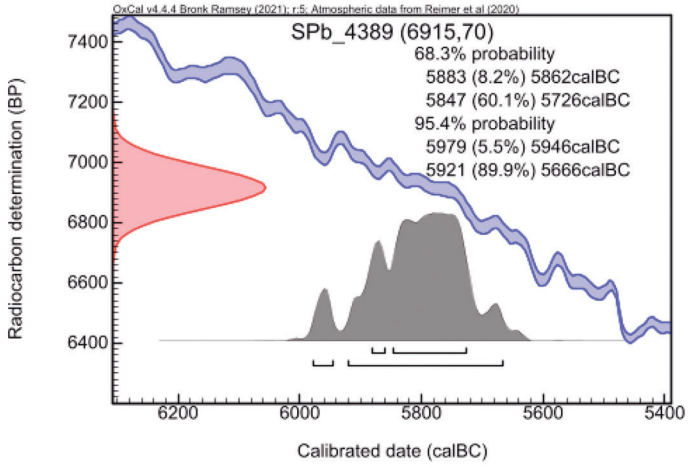
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
Факультет географии
Кафедра геологии и геоэкологии,
ЦКП «Геоэкология», Лаборатория изотопных исследований
191186, С.Петербург, наб. р. Мойки, 48, тел./факс: +7(812)314-47-96

SPb_4386 *Обр 1, бахч.р-н, Замиль-Коба 3, культ.сл.II, кВ 12, очаг 1, -103/-110, уголь + Обр 2, Замиль-Коба 3, кс II, сл 5, очаг 1, гл -103/-104 от репера* (уголь)
6964±70 BP (2σ 5986-5724 calBC)

1

SPb_4389 *Обр 3+обр.4, бахч.р-н, Замиль-Коба 3, культ.сл.II, очаг 2* (уголь)
6915±70 BP (2σ 5979-5666 calBC)

2

Рис. 3. Радиоуглеродные даты очагов стоянки Замиль-Коба 3
1 – очаг № 1; *2* – очаг № 2

Обсуждение результатов

Хронология перехода от мезолита к неолиту в Крыму, как и критерии выделения неолита, остаются во многом дискуссионными. С. Н. Бибиков еще в 1940 г. в качестве двух наиболее ярких археологических признаков неолита назвал появление керамики и трапеций «со стесанной спинкой» (*Бибиков*, 1940). В последующих работах более употребительным стал термин «трапеции со струганой спинкой». Этой же точки зрения придерживались А. А. Формозов, Д. А. Крайнов, А. Д. Столяр, Д. Я. Телегин, С. Н. Бибиков, В. Н. Станко и В. Ю. Коэн (*Формозов*, 1954; 1962; *Крайнов*, 1960; *Столяр*, 1961; *Телегин*, 1977; 1989; *Бибиков и др.*, 1994). Мы также считаем, что к неолиту следует относить памятники с керамикой и трапециями «со струганой спинкой». Стоянки «алимовского типа» (*Бибиков и др.*, 1994), в инвентаре которых присутствуют сегменты и трапеции, обработанные пологой дорсальной ретушью, но еще нет керамики и трапеций «со струганой спинкой», мы относим вслед за указанными исследователями к финальному мезолиту (*Жилин, Руев*, 2023; *Жилин и др.*, 2024; 2025).

Радиоуглеродные даты, полученные для двух соседних очагов стоянки Замиль-Коба 3, близки друг другу и позволяют датировать время функционирования этого кратковременного лагеря началом VI тыс. до н. э. Памятников и слоев этого времени, имеющих достоверные естественнонаучные даты, в Крыму крайне мало (табл. 3; рис. 4). Из слоя 2 стоянки Шан-Коба, где встречен инвентарь позднего этапа мурзаккобинской культуры (*Бибиков и др*., 1994), по зубу кабана получена дата KIA–9574: 6954 ± 46 BP (5893–5781 CalBC) (*Biagi*, 2016; *Бьяджи, Киосак*, 2017; *Яневич*, 2019). Эта дата укладывается в интервал дат стоянки Замиль-Коба 3. Даты подстилающего слоя 3 стоянки Шан-Коба древнее (табл. 3; рис. 4), что соответствует стратиграфии памятника. Две даты верхнего слоя стоянки Кукрек, относящегося к мурзаккобинской культуре – Bln-1799-1: 7320 ± 65 BP (6182–6048 CalBC) и Bln–1799-2: 7285 ± 70 BP (6170–6042 CalBC) (*Телегин*, 1985; 1989; *Манько*, 2010; *Яневич*, 2019), занимают промежуточное положение между датами слоев 3 и 2 стоянки Шан-Коба. Они примерно на 200–300 лет древнее дат стоянки Замиль-Коба 3 (рис. 4). Примечательно, что в верхнем слое стоянки Кукрек найдено две трапеции «алимовского типа» наряду с типичной мурзаккобинской трапецией (*Жилин, Руев*, 2023). Ни в одном из перечисленных памятников финального мезолита не встречено керамики и трапеций «со струганой спинкой», являющихся наиболее яркими нововведениями неолита.

Для слоев раннего неолита двух многослойных стоянок Горного Крыма в настоящий момент опубликовано три даты. По зубу благородного оленя из слоя 1а стоянки Шан-Коба получена дата KIA-9575: 6944 ± 44 BP (5880–5724 CalBC) (*Biagi*, 2016; *Бьяджи, Киосак*, 2017; *Яневич*, 2019). По углю дуба из слоя 2 стоянки Буран-Кая IV получены даты: SacA-24017: 6955 ± 40 BP (5887–5785 CalBC) и SacA-2418: 6610 ± 35 BP (5602–5522 CalBC) (*Salavert et al*., 2015; *Яневич*, 2019). В этих слоях уже встречены серии трапеций «со струганой спинкой» и керамика (*Бибиков*, 1940; *Salavert et al.*, 2015). Еще две даты из этих памятников относятся к более позднему времени (табл. 3; рис. 4). При этом дата KIA–9576: 6301 ± 36 BP (5314–5240 CalBC) получена из того же слоя 1а стоянки Шан-Коба, что и более древняя дата KIA–9575: 6944 ± 44 BP (*Бьяджи, Киосак*, 2017).

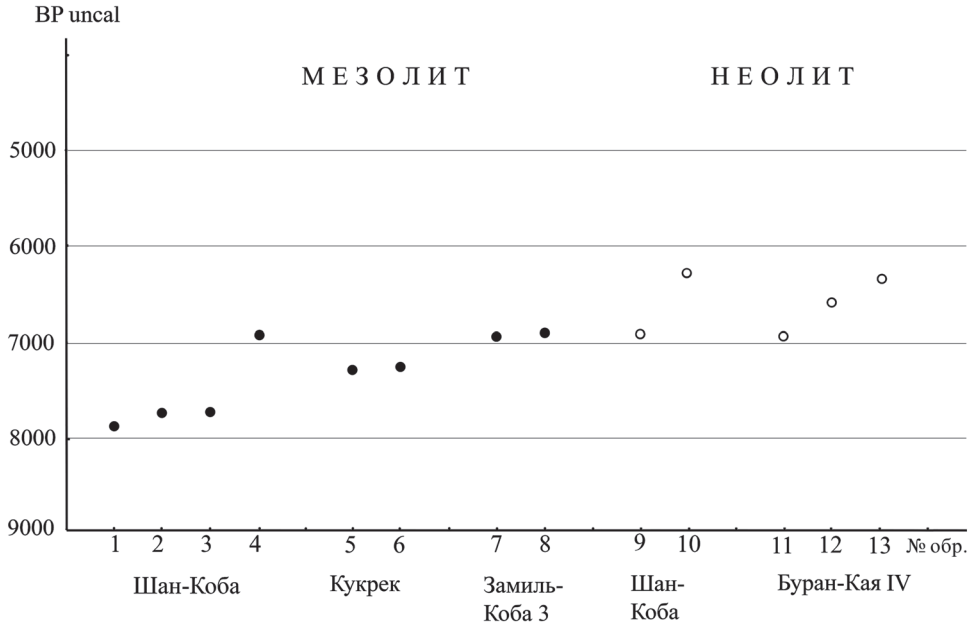

Рис. 4. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат стоянок позднего мезолита – раннего неолита Горного Крыма

На этом памятнике ранний неолит от позднего стратиграфически не отделяется (*Бибиков и др.*, 1994). На стоянке Буран-Кая IV дата SacA-24016: 6360 ± 35 BP (5397–5319 CalBC) получена по углю дуба из слоя 1, перекрывающего слой 2, что соответствует стратиграфии памятника (*Salavert et al.*, 2015; *Яневич*, 2019).

Графики распределения рассмотренных радиоуглеродных дат (рис. 4; 5) показывают, что даты финального мезолита и раннего неолита Горного Крыма с учетом доверительного интервала практически синхронны. Это говорит об отсутствии какого-либо перерыва и плавном переходе от мезолита к неолиту в Горном Крыму. Имеющиеся немногочисленные надежные радиоуглеродные даты позволяют датировать переход от мезолита к неолиту в Горном Крыму около 7000 радиоуглеродных л. н. (около 8000 календарных л. н.), или началом VI тыс. до н. э.

Это время соответствует раннему атлантическому периоду голоцена. Климат этого времени в Горном Крыму был теплым и влажным. В ландшафте господствовали широколиственные леса (*Cordova*, 2015; *Cordova et al.*, 2011). По последним данным (*Marret et al.*, 2019), переход к теплому и влажному климатическому эпизоду в регионе Северного Причерноморья датируется около 5900 календарных лет до н. э. (~ 7,9 cal. ka BP). Именно в это время начинают распространяться термофильные широколиственные леса с преобладанием граба (Carpinus), бука (Fagus), лещины (Corylus). Среди фаунистических остатков в слоях позднего мезолита многослойных памятников Горного Крыма преобладают кости кабана, благородного оленя и косули (*Бибиков и др.*, 1994;

Рис. 5. Распределение календарных (калиброванных) дат стоянок позднего мезолита – раннего неолита Горного Крыма

Крайнов, 1938; 1960; *Столяр*, 1961), что полностью соответствует ландшафтам в окрестностях стоянок. Это в полной мере относится к однослойной стоянке Замиль-Коба 3, где представлены кости кабана, благородного оленя и косули, а топливом для очагов служили граб и дуб.

Эти же звери были основной охотничьей добычей и в слоях раннего неолита Горного Крыма. В слоях VI многослойных стоянок Таш-Аир 1 и Замиль-Коба 2, где впервые отмечены наиболее архаичная керамика и трапеции со струганой спинкой, появляются кости крупного рогатого скота (*Дмитриева*, 1960; *Крайнов*, 1960). На этом переход от мезолита к неолиту в Горном Крыму завершается.

Заключение

Проведенное исследование углей из двух очагов стоянки финального мезолита Горного Крыма Замиль-Коба 3, включающее антракологический и радиоуглеродный анализы, позволило определить породы древесины и получить даты этих очагов. В качестве топлива у обитателей этой стоянки использовались граб и дуб. Радиоуглеродные даты очагов стоянки Замиль-Коба 3 близки друг другу и позволяют определить время ее функционирования в интервале 6964 ± 70 – 6915 ± 70 BP (5990–5700 CalBC). Это находится в полном соответствии с господством широколиственных лесов в Горном Крыму в раннем атлантическом периоде голоцена. Сопоставление имеющихся надежных дат из памятников позднего мезолита – неолита Горного Крыма позволяет датировать переход от мезолита к неолиту в Горном Крыму около 7000 радиоуглеродных л. н. (около 8000 календарных л. н.), или началом VI тыс. до н. э. Имеющиеся немногочисленные даты финального мезолита и раннего неолита Горного Крыма, с учетом доверительного интервала, практически синхронны. Это говорит об отсутствии какого-либо перерыва и плавном переходе от мезолита к неолиту в Горном Крыму. Дальнейшие исследования позволят дополнить и уточнить имеющиеся данные для изучения этой важной проблемы.

Авторы выражают благодарность А. В. Лаврову за определение фаунистических остатков из стоянки Замиль-Коба 3. Микротомографическое исследование выполнено в центре рентгеноструктурных исследований Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета в рамках проекта 125021702335–5.

ЛИТЕРАТУРА

Бибиков С. Н., 1940. К вопросу о неолите в Крыму // КСИИМК. Вып. 4. С. 26–31.

Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю., 1994. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса: Весть. 240 с.

Бьяджи П., Киосак Д., 2017. Новые даты для финального палеолита и мезолита Горного Крыма // Человек в истории и культуре: мемориал. сб. науч. работ в память В. Н. Станко / Отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: Ирбис. С.187–197.

Дмитриева Е. Л., 1960. Фауна крымских стоянок Замиль-Кобы II и Таш-Аира I // Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М.: АН СССР. С. 166–187. (МИА; № 91.)

Жилин М. Г., 2024. Отчет об археологических разведках в Бахчисарайском районе Республики Крым в 2024 г. // Архив ИА РАН.

Жилин М. Г., Руев В. Л., 2023. Геометрические микролиты стоянки Кукрек (по материалам раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского 1926–1927 гг.) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 85–101.

Жилин М. Г., Руев В. Л., Симоненко А. А., 2020. Многослойные пещерные стоянки в балках Черкез-Кермен и Замиль в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 6 (72). № 3. С. 149–166.

Жилин М. Г., Симоненко А. А., Руев В. Л., 2024. Предметы вооружения из верхнего мезолитического слоя стоянки Алимовский навес в Крыму // SP. № 1. С. 321–346.

Крайнов Д. А., 1937. Краткий отчет о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1937 г. // Архив ИА РАН. Личный фонд Д. А. Крайнова.

Крайнов Д. А., 1938. Пещерная стоянка Замиль-Коба 1 // Сборник статей по археологии СССР. М.: ГИМ. С. 7–32. (Тр. ГИМ; вып. 8.)

Крайнов Д. А., 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М.: АН СССР. 165 с. (МИА; № 91.)

Кулькова М. А., 2011. Радиоуглерод (14С) в окружающей среде и метод радиоуглеродного датирования: учеб.-метод. пособие. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. 40 с.

Манько В. О., 2010. Хронологія фінальнопалеолітичних – неолітичних крем'яних індустрій Криму. Київ: Шлях. 228 с. (Археологічний альманах; 26.)

Столяр А. Д., 1961. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА. № 84. С. 38–44.

Телегин Д. Я., 1977. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе Европейской части СССР // КСИА. Вып. 149. С. 30–34.

Телегин Д. Я., 1985. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР (Карта местонахождений). Киев: Наукова думка. 183 с.

Телегин Д. Я. 1989. Мезолит Юго-Запада СССР // Мезолит СССР / Отв. ред. Л. В. Кольцов. М: Наука. С. 106–124.

Формозов А. А., 1954. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. № XXI. С. 38–52.

Формозов А. А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению неолита Юга СССР) // Неолит и энеолит юга Европейской части СССР / Отв. ред. Т. С. Пассек. М.: АН СССР. С. 89–123. (МИА; № 102.)

Яневич О. О., 2019. Радіовуглецева хронологія фінального палеоліту, мезоліту та неоліту Криму в археологічному та палеоекологічному контекстах // VITA ANTIQUA. № 11. С. 116–137.

Biagi P., 2016. The Last Hunter-Gatherers of the Northern Coast of the Black Sea and their Role in the Mesolithic of Europe A View from Crimea // Southeast Europe before neolithization / Eds.: R. Krauss, H. Floss. Tübingen: Universitätsbibliothek Tübingen. P. 113–130.

Bronk Ramsey C., 2017. Methods for summarizing radiocarbon datasets // Radiocarbon. Vol. 59. Iss. 6. P. 1809–1833.

Cordova C., 2015. Crimea and the Black Sea. An Environmental History. London; New York: I. B. Tauris & Co. 235 p.

Cordova C. E., Gerasimenko N. P., Lehman P. H., Kliukin A. A., 2011. Late Pleistocene and Holocene paleoenvironments of Crimea: Pollen, soils, geomorphology, and geoarchaeology // Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis. Boulder: Geological Society of America. P. 133–164.

Hua Q., Barbetti M., Worbes M., Head J., Levchenko V. A., 1999. Review of radiocarbon data from atmospheric and tree ring samples for the period 1950–1997 AD // The Journal of the International Association of Wood Anatomists. Vol. 20. Iss. 3. P. 261–283.

Marret F., Bradley L. R., Tarasov P. E., Ivanova E. V., Zenina, M. A., Murdmaa I. O., 2019. The Holocene history of the NE Black Sea and surrounding areas: An integrated record of marine and terrestrial palaeoenvironmental change // The Holocene. Vol. 29. Iss. 4. P. 648–661.

Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrichet M. et al., 2020. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. Vol. 62. Iss. 4. P. 725–757.

Salavert A., Messager E., Motuzaite-Matuzeviciute G., Lebreton V., Bayle G., Crépin L., Puaud S., Péan S., Yamada M., Yanevich A., 2015. First results of archaeobotanical analysis from Neolithic layers of Buran Kaya IV (Crimea, Ukraine) // Environmental Archaeology. Vol. 20. No. 3. P. 274–282.

Schafer G., Schafer I., 2002. Radionuclide Identification of Beta-Emittters by Energy Calibration in Liquid Scintillation Spectroscopy // Advances in Liquid Scintillation Spectrometry / Eds.: S. Mobius, J. E. Noakes, F. Schönhofer. Tucson: Radiocarbon. P. 107–114.

Schönhofer F., 1999. Liquid Scintillation Counting in Analytical and Environmental Radiochemistry // Abstract of the 45th Conference on Bioassay, Analytical and Environmental Radiochemistry (Gaithersburg, USA, 18–22 October 1999).

Stuiver M., Polach H. A., 1977. Discussion Reporting of 14C Data // Radiocarbon. Vol. 19. Iss. 3. P. 355–363.

Сведения об авторах

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru;

Кулькова Марианна Алексеевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Набережная р. Мойки, 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru;

Кульков Александр Михайлович, Ресурсный центр «Рентгенодифракционные методы исследования» Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, пер. Декабристов, 16, 199155, Россия; e-mail: aguacrystals@narod.ru;

Руев Владимир Леонидович, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, 295007, Россия; e-mail: vl.ruev@gmail.com

M. G. Zhilin, M. A. Kulkova, A. M. Kulkov, V. L. Ruev

THE FIRST RADIOCARBON DATES OF THE ZAMIL-KOBA 3 SITE IN CRIMEA

Abstract. This paper is the first to publish radiocarbon dates obtained for charcoal from the fireplaces identified during the excavations conducted in 2020 and 2024 at Zamil-Koba 2, which is a site in Southwestern Crimea dating to the final stage of the Mesolithic. The anthracological analysis shows that oak and hornbeam served as fuel for these fireplaces. The radiocarbon dates SPb-4386: 6964 ± 70 BP (5986–5724 CalBC) and SPb-4389: 6915 ± 70 BP (5979–5666 CalBC) were obtained for coals from the hearths. These dates place the Zamil-Koba 3 site in the first half of the Atlantic period. A comparison of the available reliable dates from the Late Mesolithic – Neolithic sites of the Mountainous Crimea gives grounds to date the transition from the Mesolithic to the Neolithic in the Mountainous Crimea to about 7000 radiocarbon years ago (about 8000 calendar years ago), or the early VI millennium BC.

Keywords: Crimea, Zamil-Koba 3, Mesolithic, Neolithic, radiocarbon dating, anthracological analysis.

REFERENCES

Bibikov S. N., 1940. K voprosu o neolite v Krymu [On the Neolithic in Crimea]. *KSIIMK*, 4, pp. 26–31.

Bibikov S. N., Stanko V. N., Koen V. Yu., 1994. Final'nyy paleolit i mezolit Gornogo Kryma [Terminal Paleolithic and Mesolithic of Mountainous Crimea]. Odessa: Vest'. 240 p.

Dmitrieva E. L., 1960. Fauna krymskikh stoyanok Zamil'-Koba II i Tash-Air I [Fauna of Crimean sites Zamil-Koba II and Tash-Air I]. *Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova periodizatsii poslepaleoliticheskikh kultur Kryma [Tash-Air I cave site as a basis for periodization of Post-Paleolithic cultures of Crimea]*. Moscow: AN SSSR, pp. 166–187. (MIA, 91.)

Formozov A. A., 1954. Periodizatsiya mezoliticheskikh stoyanok Evropeyskoy chasti SSSR [Periodization of Mesolithic sites in European part of the USSR]. *SA*, XXI, pp. 38–53.

Formozov A. A., 1962. Neolit Kryma i Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza (Materialy k izucheniyu neolita Yuga SSSR) [Neolithic of Crimea and Black Sea coast of the Caucasus (Materials for study of Neolithic of the South of the USSR)]. *Neolit i eneolit yuga Evropeyskoy chasti SSSR [Neolithic and Eneolithic of Southern European part of the USSR]*. T. S. Passek, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 89–123. (MIA, 102.)

Kraynov D. A., 1937. Kratkiy otchet o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1937 g. [Brief report on the work of Crimean archaeological expedition of State historical museum in 1937]. *Archive of IA RAS. Personal files of D. A. Kraynov*. (In Russian, unpublished.)

Kraynov D. A., 1938. Peshchernaya stoyanka Zamil-Koba 1 [Cave site Zamil-Koba 1]. *Sbornik statey po arkheologii SSSR [Collection of articles on archeology of the USSR]*. Moscow: GIM, pp. 7–32. (Trudy GIM, 8.)

Kraynov D. A., 1960. Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova periodizatsii poslepaleoliticheskikh kul'tur Kryma [Tash-Air I cave site as a basis for periodization of Post-Paleolithic cultures of Crimea]. Moscow: AN SSSR. 165 p. (MIA, 91.)

Kulkova M. A., 2011. Radiouglerod (14C) v okruzhayushchey srede i metod radiouglerodnogo datirovaniya [Radiocarbon (14C) in the environment and radiocarbon dating method]. St. Petersburg: Rossiyskiy gos. pedagogicheskiy universitet imeni A. I. Gertsena. 40 p.

Manko V. O., 2010. Khronologiya final'nopaleolitychnykh – neolitychnykh krem'yanykh industriy Krimu [Chronology of final Paleolithic – Neolithic flint industries of Crimea]. Kyïv: Shlyakh. 228 p. (Arkheologichniy almanakh, 26.)

Stolyar A. D. 1961. Mezoliticheskie kompleksy Alimovskogo navesa v Krymu [Mesolithic associations of Alimovskiy rock-shelter in Crimea]. *KSIA*, 84, 38–44.

Telegin D. Ya., 1977. O kriteriyakh vydeleniya mezoliticheskikh pamyatnikov na yugo-zapade Evropeyskoy chasti SSSR [On criteria for identification of Mesolithic sites in South-West of European part of the USSR]. *KSIA*, 149, pp. 30–34.

Telegin D. Ya., 1985. Pamyatniki epokhi mezolita na territorii Ukrainskoy SSR (Karta mestonakhozhdeniy) [Mesolithic sites in territory of Ukrainian SSR (Location map)]. Kiev: Naukova dumka. 183 p.

Telegin D. Ya., 1989. Mezolit Yugo-Zapada SSSR [Mesolithic of South-West of the USSR]. *Mezolit SSSR [Mesolithic of the USSR]*. L. V. Koltsov, ed. Moscow: Nauka, pp. 106–124.

Yanevich O. O., 2019. Radiovugletseva khronologiya final'nogo paleolitu, mezolitu ta neolitu Krymu v arkheologichnomu ta paleoekologichnomu kontekstakh [Radiocarbon chronology of final Paleolithic, Mesolithic and Neolithic of Crimea in archaeological and paleoecological contexts]. *VITA ANTIQUA*, 11, pp. 116–137.

Zhilin M. G., 2024. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Bakhchisarayskom rayone Respubliki Krym v 2024 g. [Report on archaeological exploration in Bakhchisaray region, Republic of Crimea in 2024]. *Archiv of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Zhilin M. G., Ruev V. L., 2023. Geometricheskie mikrolity stoyanki Kukrek (po materialam raskopok G. A. Bonch-Osmolovskogo 1926–1927 gg.) [Geometric microliths of Kukrek site (based on excavation materials of G. A. Bonch-Osmolovsky, 1926–1927)]. *Pervobytnaya arkheologiya [Prehistoric archaeology]*, 1, pp. 85–101.

Zhilin M. G., Ruev V. L., Simonenko A. A., 2020. Mnogosloynye peshchernye stoyanki v balkakh Cherkez-Kermen i Zamil v Krymu [Multilayered cave sites in Cherkez-Kermen and Zamil gullies in Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya*

«Istoricheskie nauki» [Scientific notes of Vernadsky Crimean Federal university. Series «Historical sciences»], vol. 6 (72), no. 3, pp. 149–166.

Zhilin M. G., Simonenko A. A., Ruev V. L., 2024. Predmety vooruzheniya iz verkhnego mezoliticheskogo sloya stoyanki Alimovskiy naves v Krymu [Weapons items from the upper Mesolithic layer of Alimovsky rock shelter site in Crimea]. *SP*, 1, pp. 321–346.

About the authors

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru;

Kulkova Marianna A., Herzen State Pedagogical University, nab. Moyki, 48/12, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; kulkova@mail.ru;

Kulkov Aleksandr M., Resource Center «X-ray Diffraction Research Methods», the Scientific Park of St. Petersburg State University, per. Dekabristov, 16, St. Petersburg, 199155, Russian Federation; e-mail: aguacrystals@narod.ru;

Ruev Vladimir L., Vernadsky Crimean Federal University, prosp. Akademika Vernadskogo, 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: vl.ruev@gmail.com

О. И. Успенская

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАМЕННОГО И КОСТЯНОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО ВЕКА ГУБСКИЙ НАВЕС 7 (САТАНАЙ)[1]

Резюме. В статье обсуждаются результаты трасологического анализа выборки каменных и костяных орудий, происходящих из культурных отложений памятника каменного века Губский навес 7 (Сатанай). Были получены данные о хозяйственной деятельности древних обитателей, связанной с охотой и разделкой охотничьей добычи, обработкой шкур, изготовлением значительного количества изделий из кости и в меньшей степени дерева (производство некрупных изделий и размягчение растительных волокон), первичным расщеплением и вторичной обработкой каменных орудий. В результате были произведены реконструкции различных типов вооружения, применявшегося древними обитателями: косолезвийные и поперечнолезвийные формы наконечников стрел или шипов в составе более сложного вооружения, колющие наконечники стрел, вкладышевые формы вооружения. К вооружению также отнесена серия двуконечных костяных наконечников с метательным износом. В процессе трасологического анализа были также зафиксированы отпечатки растительных волокон и смолоподобные составы (предположительно клей) на насадах наконечников стрел и аккомодационных частях орудий. Полученные данные позволяют производить типолого-функциональные сопоставления коллекции из Губского навеса 7 (Сатанай) с материалами других памятников каменного века.

Ключевые слова: каменный век, верхний палеолит, мезолит, Северо-Западный Кавказ, Губский навес 7 (Сатанай), кремневые орудия, изделия из кости, трасология, функция, вооружение.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИА РАН «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления». Руководитель: Х. А. Амирханов (№ НИОКТР 122011200271-7).

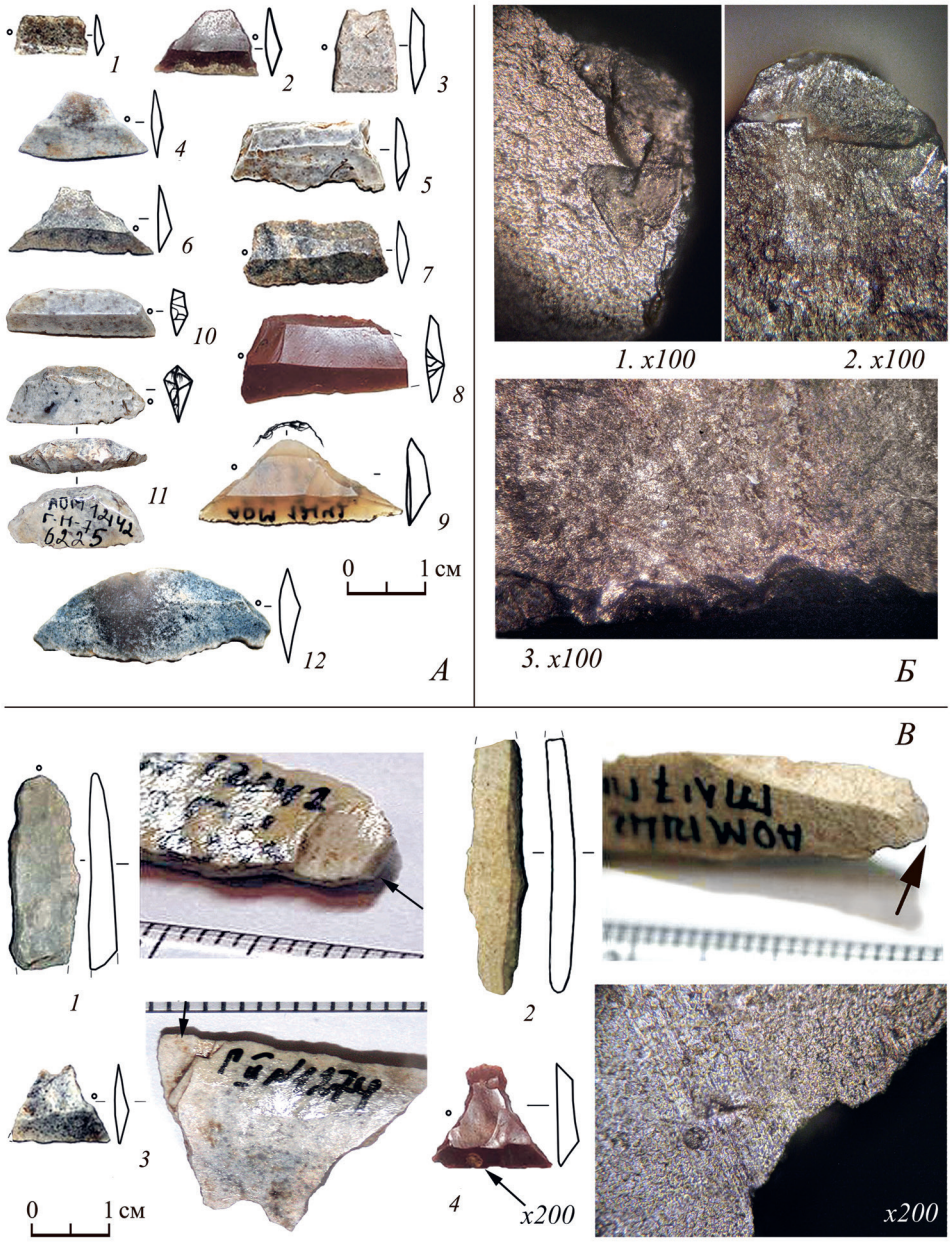
http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.42-61

Введение

Губский навес 7 (Сатанай) располагается в Губском ущелье (Краснодарский край) и исследовался с 1961 по 1975 г. (*Амирханов*, 1986). Состав коллекции детально охарактеризован в ряде публикаций (*Амирханов*, 1986. С. 61–74; *Аутлев, Любин*, 1994. С. 18, 19; *Golovanova, Doronichev*, 2020. P. 224–233). Общая численность коллекции каменного инвентаря, приуроченной ко второму литологическому слою (разделенному на 4 условных горизонта), составляла, по данным авторов раскопок, более 15 тыс. изделий из камня, среди которых на долю морфологически выраженных приходится 490 изделий (*Амирханов*, 1986. С. 68). Материалы навеса Губский 7 (Сатанай) хранятся в Национальном музее Республики Адыгея (г. Майкоп) по условным горизонтам. В ходе непосредственного знакомства с коллекцией стало очевидно, что часть предметов, в сравнении с опубликованными данными, отсутствует (*Леонова, Успенская*, 2022. С. 26). Помимо этого, типологический состав имеющейся коллекции Губского навеса 7 (Сатанай) и современные исследования памятников каменного века на Северо-Западном Кавказе позволяют рассматривать эти материалы как несколько смешанных разновременных комплексов раннеголоценового и позднеплейстоценового времени (*Леонова*, 2009. С. 104, 105; *Голованова, Дороничев*, 2012. С. 68; *Golovanova, Doronichev*, 2020. P. 224–233; *Леонова, Успенская*, 2022. С. 26). Несмотря на это обстоятельство, в результате трасологического анализа были получены данные о функциях как отдельных форм орудий, так и их серий, прослежены взаимосвязи между морфологией и функцией для целых категорий каменного и костяного инвентаря, которые позволяют производить типолого-функциональные сопоставления с материалами других памятников каменного века. В силу обозначенных выше обстоятельств результаты приводятся без указания процентных соотношений выявленных трасологически орудий и процентного распределения в рамках функциональных групп. Первичные данные, полученные в результате трасологического анализа материалов Губского навеса 7 (Сатанай), вошли в диссертационное исследование автора, в статье рассматриваются переработанные и дополненные к настоящему моменту итоги проведенной ранее работы (*Александрова*, 2015).

Материалы

Выборка для трасологического анализа формировалась в процессе непосредственного знакомства с коллекцией Губского навеса 7 (Сатанай) в Национальном музее Республики Адыгея, в нее были включены все морфологически выраженные орудия из кремня (254 ед.), с которыми удалось ознакомиться. Кроме того, в выборку были включены 76 пластинчатых сколов с ретушью, визуальная сохранность которых позволяла провести трасологический анализ, 20 нуклеусов, и также была изучена серия наконечников из кости и две мелкие кварцитовые гальки. Преобладающее число рассматриваемых изделий из кремня (326 ед.), а также костяные наконечники и их обломки (7 ед.) происходят из условного горизонта 3, для которого, судя по опубликованным данным, была

1
2
3
4
5
6
7
10
8
11
9
12
0 1 см
А
1. x100
2. x100
3. x100
Б
В
1
2
3
4
0 1 см
x200
x200

получена дата по кости (SPb-132: 11 140 ± 100 тыс. л. н.), соотносимая авторами с финально-плейстоценовым возрастом (*Golovanova, Doronichev*, 2020). Гораздо меньше орудий (15 шт.: 8 концевых скребков, в том числе два высокой формы, 4 пластины с ретушью и по одному: угловой резец, комбинированное орудие скребок концевой – резец угловой, выемчатое орудие) из условного горизонта 4, также датированного финально-плейстоценовым временем (SPb-131: 11 200 ± 130 тыс. л. н.) (Ibid.). Из вышележащего условного горизонта 2, голоценовый возраст которого определен датой (LE-4982: 7780 ± 200 тыс. л. н.) (Ibid.), удалось изучить 5 геометрических микролитов в форме трапеций и 4 нуклеуса (рис. 1: *А: 2, 4, 6; Б: 3; В: 3, 4*). Несмотря на наличие датировок, разделение представленных материалов по горизонтам имеет условный характер и не дает оснований рассматривать выборки орудий из различных горизонтов по отдельности. Косвенным свидетельством тому служит и принадлежность к условному горизонту 3 сегмента, оформленного гелуанской ретушью (рис. 1: *А: 11*), формы, характерной для мезолита и неолита Закавказья, но встречающейся и в более широком географическом ареале (*Бадер*, 1984. С. 286; *Амирханов*, 1987. С. 197; *Выборнов и др.*, 2020; *Голованова, Дороничев*, 2020). Проводя аналогии с коллекцией каменного инвентаря многослойного памятника каменного века пещеры Двойная, имеющей четкую стратиграфию и располагающейся в непосредственной близости в Губском ущелье, можно отметить и предположительно голоценовый возраст трапеции с выемкой, оформленной ретушью по спинке на верхнем основании, происходящей также из горизонта 3 навеса Сатанай (рис. 1: *А: 3*) (*Александрова, Леонова*, 2017; *Еськова, Леонова*, 2023). Таким образом, более дробное достоверное разделение рассматриваемых предметов для трасологического анализа не представляется возможным.

Состав выборки выглядит следующим образом: скребки – 83 ед., преобладали концевые формы, серия округлых скребков, несколько двойных и микроскребок, единичные нуклевидный и два скребка высокой формы; резцы – 43 ед., преимущественно ретушные и на сломе заготовки, двугранные и угловые дублированные резцы; а также три комбинированных орудия (скребок концевой – резец) (рис. 3: *А*).

Острия и их обломки – 19 ед., среди них острия типа граветт и острия с ретушью по обоим сходящимся краям, сформированным двумя симметричными

Рис. 1 (с. 44). Каменные орудия из Губского навеса 7 (Сатанай)

А – геометрические микролиты со следами метательного износа (*1–9* – трапеции; *10–12* – сегменты); *Б* – микрофотографии следов метательного износа на геометрических микролитах (*1* – боевой конец сегмента, использовавшегося в качестве косолезвийного наконечника стрелы; *2* – острие колющего наконечника стрелы, использовавшееся в качестве такого наконечника; *3* – нижнее основание трапеции, использовавшейся в качестве поперечнолезвийного наконечника стрелы); *В: 1, 2* – фрагменты пластинок к притупленным краем, использовавшиеся в качестве колющих наконечников стрел и макрофото следов метательного износа на них; *3, 4* – трапеции со следами метательного износа, использовавшиеся в качестве наконечников стрел с поперечным лезвием, и макро- и микрофотографии следов использования на них

Увеличение на микрофотографиях указано в кратах (х)

выемками по боковым сторонам. Геометрических микролитов в общей сложности – 16 ед. (рис. 1: *А: 1–12; В: 3, 4*), среди них 12 трапеций, в том числе 2 трапеции с выемкой на верхнем основании, «рогатые» (рис. 1: *А: 3; В: 3*), 1 прямоугольник. Сегментов всего 3 ед., в том числе один экземпляр сегмента, оформленного гелуанской ретушью (рис. 1: *А: 11*). Пластинки и микропластинки с притупленным краем (далее – ППК и МППК) – всего было рассмотрено 50 ед. (15 и 35 соответственно) (рис. 1: *В: 1, 2*), а также 2 «перфоратора» на пластинчатых заготовках с ретушью по обоим сходящимся краям и выделенным двумя выемками «жалом». Выемчатых орудий – 18 (из них 4 орудия с зубчатой обработкой) (рис. 3: *А: 1–6*); орудий с вентральной подтеской («стамески») – 3 ед., а также в выборку вошли 76 пластинчатых сколов с ретушью. Кроме того, была просмотрена серия нуклеусов (20 ед.) и несколько мелких кварцитовых галечек со следами ударов (2 ед.).

Среди изделий из кости, происходящих из культурных отложений Губского навеса 7 (Сатанай), при помощи трасологического анализа была изучена выразительная серия двуконечных костяных наконечников (рис. 2: *А*). По архивным данным, было обнаружено 16 наконечников и их обломков, нами рассмотрены в общей сложности 7 предметов, с которыми удалось ознакомиться (*Амирханов*, 1986. С. 73).

Методы

Все трасологические заключения, фотографии артефактов и микрофотографии следов на орудиях были получены автором лично при непосредственном изучении коллекции Губского навеса 7 (Сатанай) в хранении Национального музея Республики Адыгея (г. Майкоп) при помощи металлографического микроскопа Olympus с увеличением в диапазоне 50–200 крат, фотосъемка микроследов производилась при помощи фотоаппарата Canon 60D, подсоединенного непосредственно к микроскопу. Склейка серии разнофокусных микрофотографий производилась в программе Helicon Focus.

Сохранность

Изделия, изготовленные из кремня, имеют различные оттенки: от полупрозрачного светло-серых, светло-коричневых оттенков желтого, а также непосредственно желтого до темно-серого и темно-коричневого и красного непрозрачного. В целом, стоит отметить наличие значительного количества повреждений поверхности орудий, связанных как с патинизацией и люстражем в постдепозиционный период, так и с камеральными работами (следы металла) и музейным хранением коллекции (контакты артефактов друг с другом, покрытие поверхности артефакта лаком).

Результаты трасологического анализа

Всего следы использования выявлены на 255 каменных орудиях. Структура описания находок основывается на сходстве функций, кинематики работы

орудием и совокупности признаков вторичной обработки, орудия со следами использования объединены в функциональные группы (табл. 1).

Таблица 1. Распределение выявленных при помощи трасологического анализа каменных орудий из Губского навеса 7 (Сатанай) по функциональным типам и группам

Функциональная группа	Кинематика	Количество орудий	Итого по функциональным группам:
Орудия охоты и разделки охотничьей добычи	Колющий наконечник стрелы	19	**51 ед.**
	Косолезвийный наконечник стрелы	10	
	Поперечнолезвийный наконечник стрелы	5	
	Вкладыш составного вооружения	9	
	Разделочный нож	8	
Орудия для обработки шкуры/кожи	Скребок	12	**34 ед.**
	Нож	19	
	Проколка	3	
Орудия для обработки дерева	Строгальный нож	21	**54 ед.**
	Скобель	22	
	Резец	8	
	Пилка	3	
Орудия для обработки кости/рога	Скобель	52	**74 ед.**
	Резец	19	
	Стамеска	3	
Орудия для обработки неопределимого твердого органического материала	Скобель	17	**29 ед.**
	Резец	12	
Орудия для обработки твердого минерального сырья	Отбойник/ретушер	13	**13 ед.**
ИТОГО:		**255 трасологически выявленных орудий**	

Обработка дерева и растительных материалов для трасологии орудий каменного века имеет особое значение, поскольку подобные следы, встреченные сериями, могут быть косвенными свидетельствами перехода от единичного собирательства к систематическому. В рассматриваемой коллекции на основе

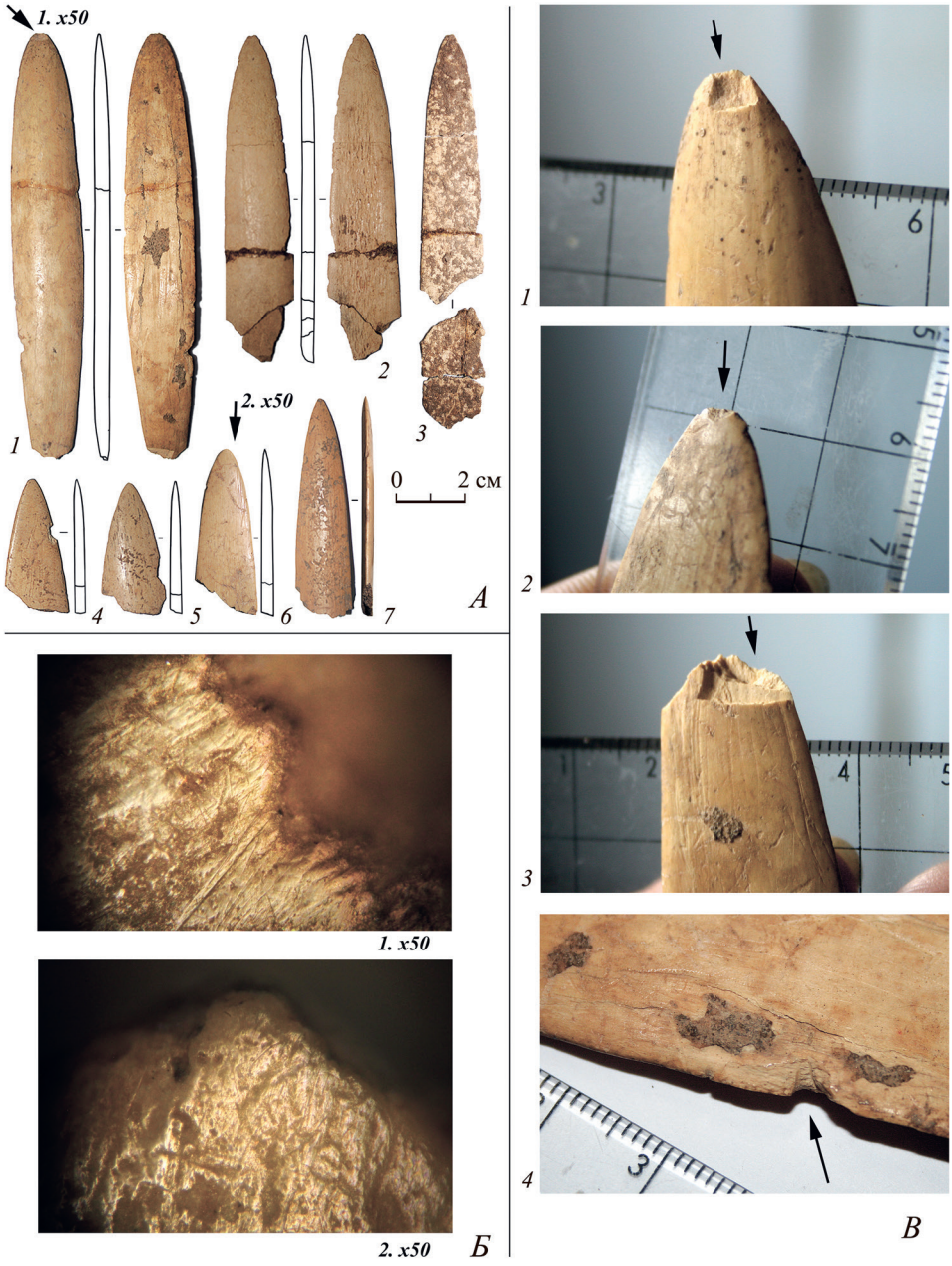

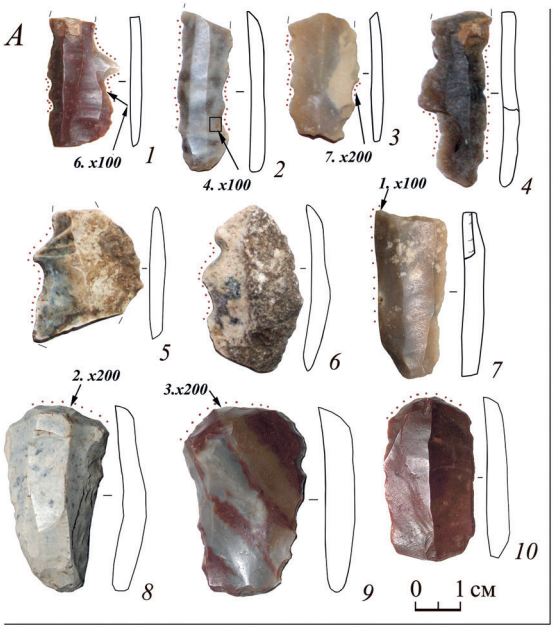

Рис. 2. Костяные наконечники из Губского навеса 7 (Сатанай)

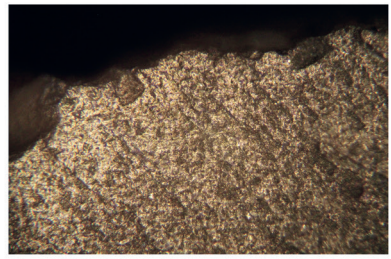
А: 1–7 – костяные наконечники и их обломки со следами метательного износа, стрелками указаны участки съемки микрофотографий; *Б* – микрофотографии боевых концов костяных наконечников со следами метательного износа в виде обволакивающей заполировки и серии направленных линейных следов, увеличение микрофотографии указано в кратах (х); *В* – макрофотографии следов метательного износа (*1, 2* – повреждения боевых концов в форме плоских фасеток; *3* – ступенчатый слом черешковой части наконечника; *4* – выемка для фиксации наконечника и остатки, предположительно, клеящих составов на поверхности наконечника)

трасологического анализа можно говорить об обработке мелких фрагментов дерева/веток, а также, вероятно, размягчении растительных волокон. Всего подобные следы были зафиксированы на 54 изделиях из кремня (табл. 1). В качестве орудий для обработки растительных материалов использовались концевые скребки, выемчатые орудия и пластины с ретушью, а также несколько резцов (рис. 3). Этими орудиями скоблили и строгали небольшие фрагменты дерева для изготовления некрупных изделий (вероятно, рукоятей, оправ и др.). Помимо этого, многие изделия несут на себе перекрестные следы от нескольких различных операций: сочетание функций резца и скобеля, струга и скобеля.

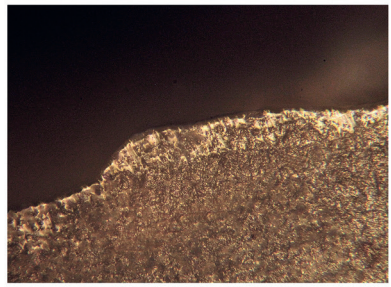
В качестве скобелей (всего 22 орудия со следами) использовались морфологически выраженные концевые скребки (2 ед.), пластины с ретушью (7 ед.), выемчатые орудия (10 ед.). Также следы обработки древесины скоблением и резанием обнаружены на трех морфологически выраженных резцах. Следы строгания мелких фрагментов дерева и, вероятно, размягчения растительных волокон обнаружены на серии выемчатых орудий, 13 ед. (рис. 3: *А*: *1–6; Б*: *5, 6*). Общая тенденция появления группы выемчатых орудий со следами обработки дерева и размягчения растительных волокон в переходное от плейстоцена к голоцену время отмечается в широком географическом контексте и имеет прямые аналогии в коллекции нижнего мезолитического культурного слоя пещеры Двойная, располагающейся в непосредственной близости от Губского навеса 7 (Сатанай) (*Guéret et. al.*, 2014; *Леонова, Успенская*, 2018). Характерно, однако, что большинство обломков орудий с единичными выемками являются обушковыми частями сломанных инструментов, а выемка имеет аккомодационный характер и не обнаруживает следов использования. Косвенно это подтверждается и характером фрагментации этих изделий: сломы приходятся в большинстве случаев на участки, примыкающие к выемкам, либо по самим выемкам. Подобная фрагментация с наибольшей долей вероятности могла происходить в случае, если орудие крепилось в рукоять и фиксировалось по выемке. Помимо этого, следы строгания дерева выявлены на 8 пластинчатых заготовках с ретушью. В качестве резцов использовали 3 морфологически выраженных резца, слом одной пластинки с вентральной подтеской, а также углы сломов 4 пластинчатых заготовок с ретушью; в качестве пилок – 3 пластины с ретушью («пильчатая» выкрошенность и продольные рабочему лезвию направленные цепочки заполировок сформировались в результате работы орудием).

Наличие значительного числа орудий для обработки кости/рога является характерной особенностью для материалов из навеса Губский 7 (Сатанай), что косвенно подтверждается и выразительной серией костяных изделий в коллекции. Всего следы обработки кости/рога зафиксированы на 74 изделиях из камня (табл. 1). Скобели составляют очень выразительную группу – 52 ед., высока доля морфологически выраженных скребков и резцов (22 ед.), использовавшихся для скобления кости/рога (рис. 3: *А*: *7–10; Б*: *1–3*). Подобный микроизнос выявлен также на 11 пластинах с ретушью, тронкированном конце пластинки и одном комбинированном орудии (резец косоретушный – скребок концевой). Рабочим лезвием комбинированного орудия являлось скребковое лезвие, в то время как резцовый скол не несет на себе следов износа.

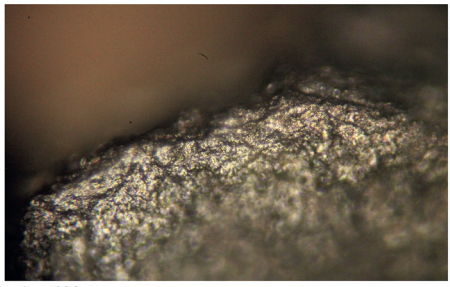

6. x 100

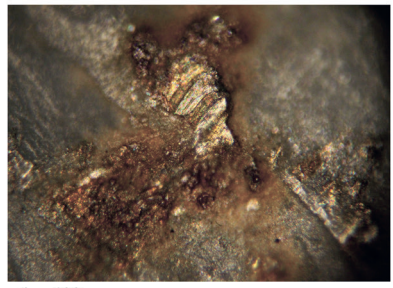

5. x 200

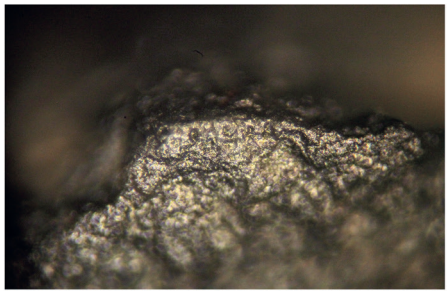
Б

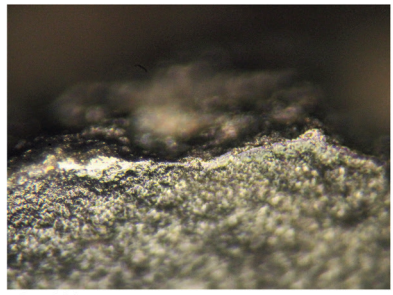
1. x 100

4. x 100

2. x. 200

3. x 200

Функция резца выявлена на 13 морфологически выраженных резцах (рис. 3: *А*: *7*), а также 6 пластинах с ретушью, рабочим лезвием являлись углы сломов заготовки. На рабочих лезвиях трех скребков зафиксирован комплекс макро- и микроизноса, позволяющий интерпретировать кинематику работы ими в качестве стамесок по кости/рогу (рис. 3: *А*: *10; Б*: *3*). На многих орудиях этой функциональной группы фиксируются признаки аккомодации в виде выемок и отдельных выломов краев корпуса орудия и сопровождающие эти макропризнаки истертости ребер и заполировки на микроуровне.

Следы на некоторых орудиях не позволили дать уверенное заключение относительно характера обрабатываемого материала, однако, исходя из их морфологии и расположения на кромке рабочего лезвия, можно было заключить, что ими обрабатывался достаточно твердый органический материал. Таких орудий в изученной коллекции всего 29, к группе относятся в основном резцы и скобели с незначительным износом, не поддающимся точной интерпретации. Вполне вероятно, что после очередного приострения лезвия орудием работали относительно мало, в результате чего следы просто не успели сформироваться.

Функциональная группа орудий охоты и разделки охотничьей добычи составляет 51 изделие из камня (табл. 1). Диагностика следов метательного износа проводилась на основании изучения как комплекса признаков, включающих макроповреждения, так и поверхности орудий на микроуровне. Исследованию и экспериментальной верификации следов метательного износа на артефактах каменного века посвящено значительное число современных работ, детально описывающих как следы на каменных орудиях, применявшихся в качестве предметов вооружения, так и новейшие результаты экспериментов, позволяющие проводить уверенные аналогии с наблюдаемыми следами износа. В обобщенном виде диагностирующими признаками при определении метательной функции являются микро- и макроследы. Для макроследов наиболее показательны следующие конфигурации: выломы и микрорезцовые сколы, среди которых наиболее характерны фасетки выкрошенности с неконическим началом и ступенчатым окончанием, а также конические фасетки – «spin–off»; поперечные резцовые снятия со ступенчатым или петлеобразным окончанием; единичные резцовые снятия или веерообразные серии мелких резцовых снятий, располагающиеся на дорсальной и вентральной поверхностях наконечника, а также на ребрах острия наконечника, от его кончика продольно длинной оси; сломы корпуса наконечника со ступенчатым или петлеобразным окончанием; наличие

Рис. 3 (с. 50). Кремневые орудия со следами обработки твердых органических материалов из Губского навеса 7 (Сатанай)

А: *1–6* – выемчатые орудия со следами обработки дерева и, вероятно, размягчения растительных волокон; *7* – морфологически выраженный резец со следами резания и скобления кости/рога; *8–10* – морфологически выраженные скребки со следами скобления *(8, 9)* и строгания *(10)* кости/рога; *Б* – микрофотографии следов износа на рабочих лезвиях кремневых орудий (*1–3* – следы скобления кости/рога; *4* – остатки смолоподобных составов, предположительно, клея и растительных волокон на поверхности кремневого орудия для обработки дерева; *5, 6* – следы строгания дерева и, вероятно, размягчения растительных волокон)

Увеличение на микрофотографиях указано в кратах (х)

однонаправленных фасеток выкрошенности на боковом лезвии наконечника. На микроуровне описываемые выше макроследы сопровождаются характерным комплексом износа, сочетающим в себе различные по яркости и ширине направленные в соответствии с кинематикой наконечника полосы заполировок и тонких сплошных или прерывистых линейных следов на режущей кромке наконечника; скругления межфасеточных ребер и обволакивающей «мясной» заполировки на боевом конце наконечника; ступенчатых плоских микрофасеток с заломом, появление которых связывается с контактом лезвия наконечника с грунтом или иным твердым препятствием; цепочек направленных мелких фасеток и выломов; а дополняется описываемый комплекс следов также остатками клеящих составов и отпечатками обмотки на насадах (*Fischer et al.*, 1984. P. 22–27; *Лозовская*, 1994. С. 159; *Нужний*, 2008; *Yaroshevich*, 2010; *Rots, Plisson*, 2014; *Нужный, Лозовский*, 2015; *Rots*, 2016; *Serwatka*, 2018; *Osipowicz, Nowak*, 2017; *Жилин и др.*, 2024а). Выраженный комплекс макро- и микроизноса на острие или лезвии наконечника в сочетании с пересекающимися под разными углами линейными следами может указывать на неоднократное использование одного и того же наконечника, что нередко удается проследить для материалов мезолита Северо-Западного Кавказа и Горного Крыма (*Леонова, Успенская*, 2020; *Жилин и др.*, 2024а).

Значительные серии косолезвийных наконечников стрел и наконечников с поперечным лезвием, в качестве которых были использованы низкие трапеции и сегменты, колющих наконечников стрел, в качестве которых использовались различные формы острий, ППК, МППК, были определены ранее в результате трасологического анализа каменного инвентаря мезолитических слоев стоянок Северо-Западного Кавказа и Горного Крыма (*Александрова, Леонова*, 2017; *Леонова, Успенская*, 2020; *Жилин и др.*, 2023; 2024б).

В рассматриваемой выборке каменных изделий из Губского навеса 7 (Сатанай) в качестве наконечников использовались геометрические микролиты, пластинки и микропластинки с притупленным краем и различные типы острий (рис. 1: *А*), а также подходящие по морфологии пластинчатые заготовки без вторичной обработки. Характерно, что следы метательного износа на последних совпадают с наблюдаемыми на орудиях. Трасологическому анализу трапеций, в том числе происходящих из разновременных отложений Губского навеса 7 (Сатанай), посвящена отдельная работа, где детально описан характер макроповреждений, ассоциируемый с каждым из вариантов ориентации наконечника во взаимосвязи с его морфологией (*Леонова, Успенская*, 2022. С. 36–38).

Благодаря изучению следов износа удалось реконструировать несколько ведущих форм вооружения на памятнике: колющие наконечники стрел – 19 ед., различные острия, микропластинки и пластинки с притупленным краем, а также пластины с участками ретуши (рис. 1: *В: 1, 2*). Для колющих наконечников был зафиксирован комплекс макроповреждений в виде резцовых продольных длинной оси орудия сколов на боевом конце, плоских фасеток, диагностичных ступенчатых и петлевидных сломов боевого конца, сопровождаемых яркой заполировкой и скруглением ребер сколов, а также тонкими, едва различимыми царапинами, отходящими от острия вглубь корпуса наконечника по вентральной стороне (рис. 1: *Б: 2*). Помимо этого, на боковых сторонах наконечников

зафиксирована серия выемок и заломов, которая, предположительно, связывается с элементом фиксации наконечника на древке. Следы метательного износа, характерные для колющей ориентации наконечника стрелы, встречены также на шести МППК и пяти ППК (рис. 1: *В: 1, 2*). На черешковой части одной МППК со скребковидным окончанием зафиксированы остатки смолоподобного вещества, вероятно, клея.

Косолезвийные формы наконечников стрел – 10 ед. (сегменты, в том числе сегмент с гелуанской ретушью, и низкие трапеции) (рис. 1: *А: 2, 4, 6, 8–12*). Наиболее выразительна серия из 6 средневысоких и высоких трапеций, имеющих схожий комплекс микро- и макроизноса. Боевым концом служил один из углов, образованных нижним основанием и боковой стороной трапеции. На микроуровне наблюдаются цепочки направленных вдоль длинной оси корпуса орудия фасеток под углом около 20°, сопровождаемых тонкими рисками линейных следов и яркой заполировкой. Непосредственно боевой конец на четырех трапециях имеет серию накладывающихся друг на друга плоских сколов, идущих от конца вглубь орудия по вентральной стороне (рис. 1: *Б: 1*). Еще на двух трапециях эти повреждения дополняются мелким резцовым сколом аналогичной направленности, срезающим край острия. Из числа упомянутых две трапеции имеют также резцовый скол, начинающийся с противолежащего боевому концу угла нижнего основания и срезающий часть ретушированной стороны. На одной трапеции выявлен прием аккомодации в виде небольшой подтески верхнего основания по вентральной стороне (рис. 1: *А: 9*). Помимо этого, признаки косолезвийной ориентации наконечника были зафиксированы для трех сегментов (рис. 1: *А: 10–12*). У одного низкого сегмента на острие наблюдается слом в виде плоской фасетки, сопровождаемой единичными тусклыми полосами заполировки, направленной под небольшим углом (около 10–20°) к длинной оси орудия. Противолежащий конец дугообразно срезан косым резцовым сколом (рис. 1: *А: 10*). Сегмент с «гелуанской» ретушью имеет схожие следы на боевом конце, он смят, от кончика на вентральной поверхности зафиксирована плоская фасетка. Кромка лезвия наконечника имеет выкрошенность, фасетки направлены под небольшим (10–20°) углом к лезвию. Микросследы характеризуются редкими тонкими полосами направленной заполировки, идущими от острия и кромки лезвия сегмента под острым углом к лезвию (рис. 1: *А: 11*). Третий сегмент значительно крупнее, макроизнос боевого конца схож с описываемым выше, кромка лезвия имеет интенсивную выкрошенность в виде мелких направленных выломов и фасеток. Поверхность сегмента сильно патинирована и зафиксировать микросследы не удалось (рис. 1: *А: 12*).

Поперечнолезвийные формы наконечников стрел представлены трапециями (5 ед.) (рис. 1: *А: 3, 5, 7; Б: 3; В: 3, 4*). Две из них имеют схожие следы износа (рис. 1: *А: 5, 7*). На одном из боковых краев зафиксирован плоский скол, начинающийся от лезвия с дорсальной стороны, нижнее основание, служившее лезвием, покрыто серией направленных сегментовидных выломов. На микроуровне описываемый износ дополняется тусклой заполировкой как по вентральной, так и по дорсальной сторонам, в структуре которой читаются полосы более яркой направленной заполировки и редкие тонкие линейные следы, идущие от кромки лезвия вглубь корпуса наконечника почти перпендикулярно к ней,

либо с небольшим отклонением в 10–20° (рис. 1: *Б: 3*). Две трапеции с выемкой на верхнем основании, оформленной ретушью по спинке, имеют плоский скол со ступенчатым окончанием, срезающий часть вентральной поверхности, вдоль кромки лезвия наблюдаются цепочки сегментовидных выломов с дорсальной на вентральную поверхность, а по верхнему узкому основанию с выемкой фиксируются следы контрудара в виде нескольких мелких резцовых сколов, начинающихся от краев выступающих вершинок и идущих вглубь корпуса орудия (рис. 1: *А: 3; В: 3*). Нижнее основание последней высокой трапеции покрыто крупными плоскими фасетками, идущими с дорсальной на вентральную поверхность, и цепочкой более мелких сегментовидных выломов аналогичной направленности, один из углов нижнего основания срезан мелким резцовым сколом со ступенчатым окончанием, идущим почти перпендикулярно к длинной оси корпуса орудия. На микроуровне по вентральной и в меньшей степени дорсальной поверхности от кромки под углом 70–80° зафиксированы тонкие линейные следы, значительно уходящие вглубь корпуса (рис. 1: *В: 4*).

Вкладышевые орудия представлены обломками МППК (3 ед.), ППК (1 ед.) и микропластинками с участками ретуши (5 ед.) и определены как вкладыши по наличию диагностичных повреждений орудия в виде мелких резцовых сколов, продольных длинной оси орудия, смятости углов вкладышей, сопровождаемых слабой тусклой заполировкой, продольной длинной оси вкладыша, преимущественно по одной стороне, а также направленными тонкими полосами заполировки, располагающейся продольно длинной оси вкладыша, вдоль режущей кромки лезвия (рис. 1: *А: 1*).

Помимо этого, к группе орудий для разделки охотничьей добычи отнесены 8 ножей на пластинах с ретушью, наиболее выраженный микроизнос в виде широко распространяющейся от рабочей кромки залощенности поверхности лезвия и серии направленных фасеток приурочен к скругленному участку неретушированного края пластины, примыкающего к проксимальному концу. Кроме того, на насадах наконечников стрел и аккомодационных частях орудий удалось зафиксировать остатки, предположительно связанные с отпечатками растительных волокон и клеящими смолоподобными составами (рис. 3: *Б: 4*).

Среди изученной коллекции орудия для обработки шкур/кожи оказались немногочисленны, всего 34 ед. (табл. 1): определены скребки (12 морфологически выраженных скребков), ножи по шкуре/коже на пластинчатых заготовках с ретушью (19 ед.) Рабочим лезвием служили скругленные участки боковых сторон пластин, примыкающие к проксимальному концу, а также углы сломов. Также определены три проколки, функцию которых выполняли морфологически выраженные острия на пластинах с выделенным мелкой крутой ретушью с двух сторон жалом. Заполировка «мягкая», «обволакивающая», локализуется на самом кончике острия и плавно «затухает» по мере отдаления от него, характерна для контакта со шкурой/кожей.

Орудия для обработки твердого минерального сырья в коллекции представлены ретушерами и отбойниками (табл. 1), в качестве которых использовались сильно сработанные нуклеусы, грани которых выположены и имеют следы

многочисленных ударов (10 ед.), две кварцитовые мелкие гальки и проксимальная часть одной пластины с ретушью.

Среди изделий из кости в коллекции Губского навеса 7 (Сатанай) наиболее яркой представляется серия двуконечных костяных наконечников (рис. 2: *А*). Всего удалось изучить 7 наконечников и их обломков, на 5 из них были зафиксированы следы повреждений, связываемые с метательным износом: плоские фасетки сколов на острие, сглаженность поверхности боевого конца на микроуровне и ступенчатые сломы окончаний (рис. 2: *Б: 1, 2; В: 1–3*). Сохранность остальных двух наконечников не позволила провести трасологический анализ. На боковых сторонах сломанных наконечников были зафиксированы угловые выемки-заломы, а на поверхности, вероятно, остатки клея (рис. 2: *В: 4*). Подобные выемки в процессе трасологического анализа часто наблюдаются на каменных наконечниках стрел и связываются с намеренным созданием упора для крепления и фиксации насада. В рассматриваемом случае закономерность в расположении этих выемок вблизи слома наконечника, а также неоднократные повреждения, ассоциируемые с метательным износом, указывают на повторное использование наконечников после слома. Наблюдается закономерность в расстоянии сломов от боевого конца, что, по всей видимости, является результатом высокой стандартизации самих костяных наконечников и схожей кинематики их использования для дистанционной охоты. По данным фаунистического анализа, в коллекции костей из Губского навеса 7 (Сатанай) доминируют кости ископаемой дикой лошади, лесных видов гораздо меньше, что может указывать на специализированную охоту с применением рассматриваемых костяных наконечников (*Амирханов*, 2020. С. 218).

Обсуждение

Типолого-функциональный состав орудий имеет прямые аналогии в материалах поздней поры верхнего палеолита – мезолита Северного Кавказа и Крыма. Использование высоких трапеций в качестве поперечнолезвийных наконечников стрел, а сегментов и низких трапеций в качестве косолезвийных выявлено среди материалов соседних с навесом Сатанай памятников – пещеры Двойная и навеса Чыгай в Губском ущелье (*Александрова, Леонова*, 2017; *Леонова, Успенская*, 2020; 2022); микролитах из различных горизонтов пещеры Медовой 2 (*Успенская*, 2020), а также в материалах многослойных стоянок финального палеолита и мезолита Горного Крыма (*Нужний*, 2008; *Жилин, Руев*, 2023; *Жилин и др.*, 2023; 2024а; 2024б). Примечательно, что для серии геометрических микролитов в форме трапеций и сегментов, использовавшихся в косолезвийной ориентации в составе метательного вооружения, часто фиксируется резцовый скол, срезающий часть ретушированной дуги или стороны микролита, что указывает на ориентацию таких микролитов в качестве косолезвийного наконечника с зубцом (*Нужний*, 2008; *Yaroshevich*, 2010; *Жилин и др.*, 2023). Остатки предположительно клеящих составов и обмотки на черешках наконечников и аккомодационных частях орудий имеют аналогии в коллекции нижнего мезолитического слоя пещеры Двойная, где их органическое происхождение было установлено с применением методов естественных наук (*Александрова и др.*, 2014).

Заключение

В результате проведенного трасологического анализа были получены данные о функциональном назначении как отдельных орудий, так и функциональной специализации серии предметов со схожей морфологией. Были обнаружены следы метательного износа, связанные с охотой и разделкой охотничьей добычи, следы изготовления значительного количества изделий из кости, также представленных в коллекции Губского навеса 7 (Сатанай), в том числе серии костяных наконечников с метательным износом. В меньшей степени представлены на орудиях следы обработки дерева (производство некрупных изделий и размягчение растительных волокон) и шкуры/кожи. Также обнаружены следы, связываемые со первичным расщеплением и вторичной обработкой каменных орудий (ретушеры и отбойники).

На основе полученных данных реконструируются различные приемы крепления наконечников в составе сложного вооружения в зависимости от их морфологии: косолезвийные формы наконечников стрел или шипов, в качестве которых использовались сегменты и низкие трапеции; поперечнолезвийные формы наконечников стрел или наконечников, в качестве которых использовались высокие трапеции. А в роли колющих наконечников стрел выступали острия, пластинки и микропластинки с притупленным краем, пластинчатые заготовки подходящих конфигураций с минимальной вторичной обработкой. Вкладышевые формы вооружения представлены в меньшей степени, что может объясняться и характером выборки: сколы без вторичной обработки в коллекции Губского навеса 7 (Сатанай) не удалось изучить, но результаты трасологического анализа серии пластинчатых заготовок в верхнем мезолитическом культурном слое пещеры Двойная указывают на их серийное использование в качестве вкладышей для оснащения вооружения (*Еськова, Успенская*, 2023).

Автор выражает благодарность руководству Национального музея Республики Адыгея (г. Майкоп) и заведующей отделом археологии за предоставленную возможность работы с коллекциями.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., 2015. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья: автореф. дис. … канд. ист. наук / ИА РАН. М. 32 с.

Александрова О. И., Киреева В. Н., Леонова Е. В., 2014. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя пещеры Двойная (Северо-Западный Кавказ) // АЭАЕ. № 4 (60). С. 2–12.

Александрова О. И., Леонова Е. В., 2017. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // SP. № 1. С. 255–270.

Амирханов Х. А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М. 112 с.

Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 224 с.

Амирханов Х. А., 2020. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита // *Амирханов Х. А.* Первобытные древности Западной Евразии: статьи разных лет. М.: ИА РАН. С. 206–220.

Аутлев П. У., Любин В. П., 1994. История исследования палеолита Губского бассейна // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе / Отв. ред. В. П. Любин. Майкоп: Меоты. С. 12–21.

Бадер Н. О., 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М.: Наука. С. 272–288. (Археология.)

Выборнов А. А., Кольцов П. М., Кулькова М. А., 2020. Геометрические микролиты в мезолите и неолите Северного Прикаспия и степного Поволжья // Oriental Studies. Т. 13. № 1. С. 106–121.

Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН. С. 59–102.

Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2020. Эпипалеолит Кавказа: формирование региональных и хронологических особенностей // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Т. I / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. С. 24–26.

Еськова Д. К., Леонова Е. В., 2023а. Время появления техники отжима пластинчатых заготовок на Северо-Западном Кавказе и хронология ее распространения на сопредельных территориях // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. № 1. С. 138–149.

Еськова Д. К., Успенская О. И., 2023б. Отжимная техника пластинчатого расщепления в раннем голоцене Северо-Западного Кавказа: функциональный аспект (по материалам верхнего слоя пещеры Двойная) // КСИА. Вып. 273. С. 93–109.

Жилин М. Г., Руев В. Л., 2023. Геометрические микролиты стоянки Кукрек (по материалам раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского 1926–1927 гг.) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. Вып. 1. С. 85–101.

Жилин М. Г., Руев В. Л., Симоненко А. А., 2024а. Экспериментально-трасологические исследования наконечников стрел в мезолите Горного Крыма // УАВ. Т. 24. № 1. С. 47–67.

Жилин М. Г., Симоненко А. А., Руев В. Л., 2023. Предметы вооружения из нижнего слоя грота Замиль-Коба 1 в Крыму // SP. № 1. С. 169–190.

Жилин М. Г., Симоненко А. А., Руев В. Л., 2024б. Предметы вооружения из верхнего мезолитического слоя стоянки Алимовский навес в Крыму // SP. № 1. С. 321–346.

Леонова Е. В., 2009. О хронологии и периодизации позднеплейстоценовых – раннеголоценовых памятников Северно-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье) // РА. № 4. С. 93–106.

Леонова Е. В., Успенская О И., 2018. Свидетельства собирательства и использования непищевых природных ресурсов в конце верхнего палеолита и мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам из раскопок пещеры Двойная и навеса Чыгай) // Самарский научный вестник. Т. 7. № 4 (25). С. 153–161.

Леонова Е. В., Успенская О. И., 2020. Памятники Северо-Западного Кавказа рубежа плейстоцена-голоцена с геометрическими микролитами в виде сегментов // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез: Междунар. конф: тез. докл. / Отв. ред.: К. Н. Гаврилов, Е. В. Леонова. М.: ИА РАН. С. 55.

Леонова Е. В., Успенская О. И., 2022. Вариабельность геометрических микролитов в виде трапеций в культурах Северо-Западного Кавказа на рубеже плейстоцена и голоцена // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН. С. 23–43.

Лозовская О. В., 1994. К вопросу о трасологических признаках составного метательного оружия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии / Отв. ред. Г. Ф. Коробкова. СПб.: Наука. С.157–167.

Нужний Д. Ю., 2008. Розвиток мікролітичної техніки в кам′яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ. 308 с.

Нужный Д. Ю., Лозовский В. М., 2015. Назначение микролитов в свете экспериментально-трасологических методов изучения древних орудий труда // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Под ред. О. В. Лозовской, В. М. Лозовского, Е. Ю. Гири. СПб.: ИИМК РАН. С. 151–162.

Успенская О. И., 2020. Трасологический анализ коллекции каменного инвентаря из раскопок В. П. Любина пещер Медовые 1, 2 в 1963 г. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные

проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археолог. экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.) / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ. С. 64–68.

Fischer A., Vemming H. P., Rasmussen P., 1984. Macro and micro wear traces on lithic projectile points: Experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish Archaeology. Vol. 3. P. 19–46.

Golovanova L. V., Doronichev V. B., 2020. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Publisher: Cambridge Scholars Publishing. 569 p.

Guéret C., Gassin B., Jacquier J., Marchand G., 2014. Traces of plant working in the Mesolithic shell midden of Beg-an-Dorchenn (Plomeur, France) // Mesolithic Miscellany. Vol. 22. No. 3. P. 3–15.

Osipowicz G., Nowak D., 2017. Complexity of use-wear traces formed on flint projectile points – A voice in discussion // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada. Vol. 27. P. 83–109.

Rots V., 2016. Projectiles and hafting technology // Multidisciplinary Approaches to the Study of Stone-Age Weaponry / Eds.: R. Iovita, K. Sano. Dordrecht: Springer Science and Business Media. P. 167–185.

Rots V., Plisson H., 2014. Projectiles and the abuse of the use-wear method in a search for impact // JAS. Vol. 48. P. 154–165.

Serwatka K., 2018. What's your point? Flexible projectile weapon system in the Central European Final Palaeolithic. The case of Swiderian points // JAS: Reports. Vol. 17. P. 263–278.

Yaroshevich A., 2010. Microlithic variability and design and performance of projectile weapons during the Levantine Epipaleolithic: experimental and archaeological evidence: A thesis submitted for the degree Doctor of philosophy, University of Haifa, 273 p.

Сведения об авторе

Успенская Олеся Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: adamena@mail.ru

O. I. Uspenskaya

RESULTS OF THE USE-WEAR ANALYSIS OF THE STONE AND BONE ITEMS FROM STONE AGE GUBS ROCK SHELTER 7 (SATANAI)

Abstract. The paper discusses the results of the use-wear analysis of the selected stone and bone tools and weapons coming from the occupation layers at Gubs rock shelter 7 also known as the Satanai rock shelter. The collected information included data on economic activity of ancient dwellers related to hunting and dismemberment of the kill, animal skin treatment, production of bone items in large quantities and wood items in smaller amounts (production of small items and softening of plant fibers), knapping and retouch of stone tools. The analysis resulted in the reconstruction of various types of weapons used by the ancient dwellers such as «oblique» and «transverse» arrowheads and barbs as components of more sophisticated weapons, stabbing arrowheads, and insert forms of weapons. A series of two-pointed arrowheads with projectile use marks was also classified as weapons. The use-wear analysis also revealed impressions of plant fibers and resin-like compounds, presumably, adhesive, on the stems and haft elements of the arrowheads and accommodation parts of the weapons. The data obtained offer an opportunity to perform typological and functional comparison of the assemblage from Gubs rock shelter 7 (Satanai) with the materials from other Stone Age sites.

Keywords: Stone Age, Upper Paleolithic, Mesolithic, northwestern Caucasus, Gubs rock shelter 7 (Satanai), flint tools, bone items, use-wear analysis, weapons.

REFERENCES

Aleksandrova O. I., 2015. Funktsionalnyy analiz kamennogo inventarya stoyanok kontsa verkhnego paleolita i mezolita Gubskogo ushchel'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Functional analysis of stone inventory of Late Upper Paleolithic and Mesolithic sites of Gubs Gorge: PhD Thesis]. Moscow. 32 p.

Aleksandrova O. I., Kireeva V. N., Leonova E. V., 2014. Opyt issledovaniya ostatkov veshchestv organicheskogo i neorganicheskogo proiskhozhdeniya na poverkhnosti kamennykh orudiy iz mezoliticheskogo sloya v peshchere Dvoynaya (Severo-Zapadnyy Kavkaz) [Studying the remains of substances of organic and inorganic origin on the surface of stone tools from Mesolithic layer in Dvoynaya cave (Northwest Caucasus)]. *AEAE*, 4 (60), pp. 2–12.

Aleksandrova O. I., Leonova E. V., 2017. Rekonstruktsiya okhotnich'ego vooruzheniya kultur pozdney pory verkhnego paleolita i mezolita Severnogo Kavkaza (po materialam peshchery Dvoynaya) [Reconstruction of hunting weapons of late Upper Paleolithic and Mesolithic cultures in North Caucasus (based on materials from Dvoynaya cave)]. *SP*, 1, pp. 255–270.

Amirkhanov H. A., 1986. Verkhniy paleolit Prikuban'ya [Upper Paleolithic of Kuban region]. Moscow: Nauka. 112 p.

Amirkhanov H. A., 1987. Chokhskoe poselenie. Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana [Chokh settlement. Man and his culture in Mesolithic and Neolithic of mountainous Dagestan]. Moscow: Nauka. 224 p.

Amirkhanov H. A., 2020. K probleme evolyutsii i periodizatsii verkhnego paleolita Zapadnogo Kavkaza [On the problem of evolution and periodization of Upper Paleolithic of Western Caucasus]. *Amirkhanov H. A. Pervobytnye drevnosti Zapadnoy Evrazii [Prehistoric antiquities of Western Eurasia]*. Moscow: IA RAN, pp. 206–220.

Autlev P. U., Lyubin V. P., 1994. Istoriya issledovaniya paleolita Gubskogo basseyna [History of Paleolithic research in the Gubs basin]. *Neandertaltsy Guppskogo ushchel'ya na Severnom Kavkaze [Neanderthals of Gupps Gorge in the North Caucasus]*. V. P. Lyubin, ed. Maykop: Meoty. pp. 12–21.

Bader N. O., 1984. Pozdniy paleolit Kavkaza [Late Paleolithic of the Caucasus]. *Paleolit SSSR [Paleolithic of the USSR]*. Moscow: Nauka, pp. 272–288. (Arkheologiya.)

Eskova D. K., Leonova E. V., 2023. Vremya poyavleniya texniki otzhima plastinchatykh zagotovok na Severo-Zapadnom Kavkaze i khronologiya ee rasprostraneniya na sopredelnykh territoriyakh [The time of appearance of technique of pressure plate blanks in North-Western Caucasus and chronology of its distribution in adjacent territories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya [Bulletin of Moscow university. Series 23. Anthropology]*, 1, pp. 138–149.

Eskova D. K., Uspenskaya O. I., 2023. Otzhimnaya tekhnika plastinchatogo rasshchepleniya v rannem golotsene Severo-Zapadnogo Kavkaza: funktsional'nyy aspekt (po materialam verkhnego sloya peshchery Dvoynaya) [Pressure blademaking technique in Northwestern Caucasus in Early Holocene: functional aspect (a case study of materials from the Dvoynaya cave upper layer)]. *KSIA*, 273, pp. 93–109.

Golovanova L. V., Doronichev V. B., 2012. Imeretinskaya kul'tura v verkhnem paleolite Kavkaza: proshloe i nastoyashchee [Imeretian culture in Upper Paleolithic of the Caucasus: past and present]. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu Alekseya Nikolaevicha Sorokina [Prehistoric antiquities of Eurasia: on 60th anniversary of Aleksei Nikolaevich Sorokin]*. S. V. Oshibkina, ed. Moscow: IA RAS, pp. 59–102.

Golovanova L. V., Doronichev V. B., 2020. Epipaleolit Kavkaza: formirovanie regional'nykh i khronologicheskikh osobennostey v sravnenii s sosednimi regionami [Geometric microliths in Mesolithic and Neolithic of North Caspian and Steppe Volga regions]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare [Proceedings of VI (XXII) All-Russian archaeological congress in Samara]*, 1. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, O. D. Mochalov, eds. Samara: Samarskiy gos. sotsialno-pedagogicheskiy universitet, pp. 24–26.

Leonova E. V., 2009. O khronologii i periodizatsii pozdnepleystotsenovykh – rannegolotsenovykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam poslednikh issledovaniy v Gubskom ushchel'e) [Towards chronology and periodization of Late Pleistocene – Early Holocene sites in Northwestern Caucasus (on basis of materials from latest investigations in Gubs gorge)]. *RA*, 4, pp. 93–106.

Leonova E. V., Uspenskaya O. I., 2018. Svidetel'stva sobiratel'stva i ispol'zovaniya nepishchevykh prirodnykh resursov v kontse verkhnego paleolita i mezolite Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam iz raskopok peshchery Dvoynaya i navesa Chygay) [Evidence of gathering and use of non-food natural resources in Late Upper Paleolithic and Mesolithic of Northwestern Caucasus (based on materials from excavations of Dvoynaya cave and Chygay rock-shelter)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 153–161.

Leonova E. V., Uspenskaya O. I., 2020. Pamyatniki Severo-Zapadnogo Kavkaza rubezha pleystotsena – golotsena s geometricheskimi mikrolitami v vide segmentov [Sites of North-Western Caucasus at the turn of Pleistocene – Holocene with geometric microliths in form of segments]. *Vostochnaya Evropa, Kavkaz, Blizhniy Vostok v kamennom veke: khronologiya, istochniki i kulturogenez [Eastern Europe, Caucasus, and Near East in Stone Age: chronology, sources, and cultural genesis]*. K. N. Gavrilov, E. V. Leonova, eds. Moscow: IA RAN, p. 55.

Leonova E. V., Uspenskaya O. I., 2022. Variabelnost' geometricheskikh mikrolitov v vide trapetsiy v kul'turakh Severo-Zapadnogo Kavkaza na rubezhe pleystotsena i golotsena [Variability of geometric microliths in form of trapezoids in cultures of Northwestern Caucasus at the turn of Pleistocene and Holocene]. *Mikrolity v pozdnem paleolite i mezolite Vostochnoy Evropy i Kavkaza: tipologiya, tekhnologiya, trasologiya [Microliths in Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and Caucasus: typology, technology, tracology]*. M. G. Zhilin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 23–43.

Lozovskaya O. V., 1994. K voprosu o trasologicheskikh priznakakh sostavnogo metatel'nogo oruzhiya [On tracological features of composite throwing weapons]. *Eksperimentalno-trasologicheskie issledovaniya v arkheologii [Experimental tracological research in archeology]*. G. F. Korobkova, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 157–167.

Nuzhnyy D. Yu., 2008. Rozvytok mikrolitychnoï tekhniky v kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroï pervisnykh myslyvtsiv [Development of microlith technique in Stone Age: improvement of early hunters' weapons]. Kyïv: KNT. 308 p.

Nuzhnyy D. Yu., Lozovskiy, 2015. Naznachenie mikrolitov v svete eksperimental'no-trasologicheskikh metodov izucheniya drevnikh orudiy truda [The purpose of microliths in the light of experimental tracological methods of studying ancient tools]. *Sledy v istorii. K 75-letiyu Vyacheslava Evgen'evicha Shchelinskogo [Traces in history. On the 75th anniversary of Vyacheslav Evgenievich Shchelinsky]*. O. V. Lozovskaya, V. M. Lozovskiy, E. Yu. Girya, eds. St. Petersburg: IIMK RAS, pp. 151–162.

Uspenskaya O. I., 2020. Trasologicheskiy analiz kollektsii kamennogo inventarya iz raskopok V. P. Lyubina peshcher Medovye 1, 2 v 1963 g. [Trace-wear analysis of collection of stone implements from V. P. Lyubin's excavations of caves Medovye 1 and 2 in 1963]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya [Archaeological heritage of Caucasus: current issues of study and preservation. XXXI Krupnov readings]*. M. S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev", pp. 64–68.

Vybornov A. A., Koltsov P. M., Kulkova M. A., 2020. Geometricheskie mikrolity v mezolite i neolite Severnogo Prikaspiya i stepnogo Povolzh'ya [Geometric microliths in Mesolithic and Neolithic of North Caspian and steppe Volga regions]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 106–121.

Zhilin M. G., Ruev V. L., 2023. Geometricheskie mikrolity stoyanki Kukrek (po materialam raskopok G. A. Bonch-Osmolovskogo 1926–1927 gg.) [Geometric microliths of Kukrek site (based on 1926–1927 excavation materials of G. A. Bonch-Osmolovsky)]. *Pervobytnaya arkheologiya [Prehistoric archaeology]*, 1, pp. 85–101.

Zhilin M. G., Ruev V. L., Simonenko A. A., 2024. Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniya nakonechnikov strel v mezolite Gornogo Kryma [Experimental and tracological studies of arrowheads in Mesolithic of Mountainous Crimea]. *UAV*, vol. 24, no. 1, pp. 47–67.

Zhilin M. G., Simonenko A. A., Ruev V. L., 2023. Predmety vooruzheniya iz nizhnego sloya grota Zamil-Koba 1 v Krymu [Weapons from the lower layer of Zamil-Koba 1 grotto in Crimea]. *SP*, 1, pp. 169–190.

Zhilin M. G., Simonenko A. A., Ruev V. L., 2024. Predmety vooruzheniya iz verkhnego mezoliticheskogo sloya stoyanki Alimovskiy naves v Krymu [Weapons from the upper Mesolithic layer of Alimovsky rock-shelter site in Crimea]. *SP*, 1, pp. 321–246.

About the author

Uspenskaya Olesya I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: adamena@mail.ru

В. И. Мельник

ПОГРЕБЕНИЯ С МАНЫЧСКОЙ АТРИБУТИКОЙ АЗОВО-КУБАНСКОЙ РАВНИНЫ[1]

Резюме. Памятники манычской катакомбной культуры, располагающиеся по левому берегу Дона и Маныча и обрамляющие территорию Азово-Кубанской равнины с севера, изучены сравнительно неплохо. Однако более южное пространство, где в погребениях фиксируются манычские признаки, нуждается хотя бы в общем обзоре с поиском специфики погребальной практики этого большого региона. В анализе погребальных комплексов рассмотрены такие признаки, как форма погребального сооружения, позиция и ориентировка погребенных, сопроводительный инвентарь. В итоге выделено шесть специфических групп, связанных с позицией погребенных и их останками. Все эти группы объединяет наличие манычской атрибутики. Некоторые группы демонстрируют культурный синкретизм. Выясняется также, что здесь присутствуют элементы не только западноманычской культурной традиции, но и восточноманычской. Манычские компоненты внедряются в батуринскую среду. На востоке этой зоны фиксируются синкретические культурные формы, связанные с центрально-предкавказкими традициями, что свидетельствует об активном культурном взаимодействии.

Ключевые слова: Азово-Кубанская равнина, западноманычская культура, восточноманычская культура, батуринская культура, суворовская культура, погребальная практика.

Памятники манычской катакомбной культуры в двух ее вариантах охватывают преимущественно левобережье нижнего Дона и бассейн рек Маныча и Сала, на северо-востоке распространены до Волги, на юго-востоке до Кумы. Погребения с манычскими признаками известны также по периферии всего этого пространства. Из сказанного вытекает, что такого рода объекты, расположенные

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.62-78

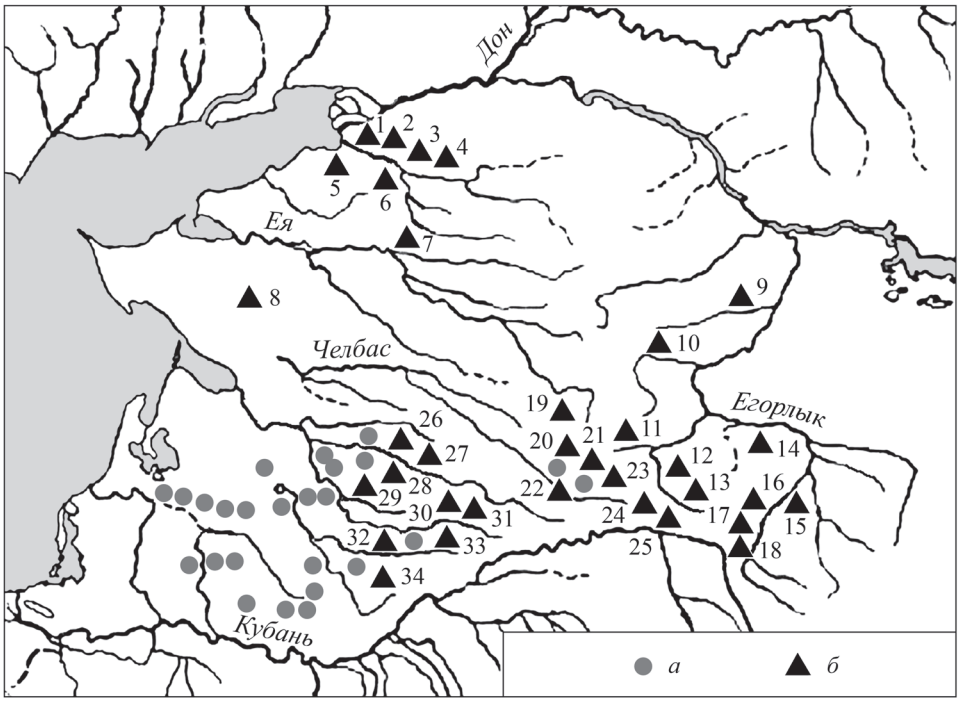

Рис. 1. Памятники с манычской атрибутикой Азово-Кубанской равнины

а – памятники батуринской культуры; *б* – памятники с манычской атрибутикой

1 – Кагальник II; *2* – Койсуг; *3* – Высочино IV, V, VII; *4* – Новоалександровка I, II; *5* – Займо-Обрыв; *6* – Степнянский II; *7* – Кущевская; *8* – Новощербиновский I; *9* – Маяк I; *10* – Новопалестинский I, II; *11* – Дмитриевская I, II; *12* – Расшеватский 1, 4, 5; *13* – Успенский II; *14* – Красногвардейский; *15* – Ильинский 1; *16* – Птичье 1; *17* – Птичье 3; *18* – Родионов 4, 5; *19* – Терновка 10; *20* – Кривуша I; *21* – Хоперская; *22* – Степная; *23* – Кавказский II; *24* – КРОС; *25* – Восток; *26* – Полтавская 7; *27* – Батуринская I; *28* – Анапская I; *29* – Новокорсунская; *30* – Бейсужек 35; *31* – Бураковский; *32* – Раздольная; *33* – Верхний; *34* – Пластуновский

на территории Азово-Кубанской равнины, будут представлять юго-западную окраину этого культурного образования. Не вдаваясь в историю изучения манычской катакомбной культуры (манычских культур), сразу следует отметить, что работы Н. М. Власкина и М. В. Андреевой систематизировали материалы западной и восточной ее частей (*Власкин*, 2010; *Андреева*, 2014). При этом если памятники, располагающиеся непосредственно по левому берегу Дона и Маныча, в какой-то степени изучены, то более южное пространство, где в погребениях фиксируются манычские признаки, нуждается хотя бы в общем обзоре, направленном на поиск специфики погребальной практики этого большого региона. Вместе с тем следует иметь в виду, что на значительной части этой территории распространены близкие по времени памятники батуринской катакомбной культуры, в ареале которых есть погребения с манычскими признаками (рис. 1).

Батуринская катакомбная культура занимает южную часть Азово-Кубанской равнины. На юге территорию ее распространения ограничивает течение реки Кубани, идущей с востока на запад. На западе – это дельта Кубани и болотистое побережье Азовского моря; что же касается северных пределов культуры, то они здесь очень неопределенны ввиду чрезвычайно слабой изученности. Лишь ближе к Дону и к р. Егорлык были проведены значительные полевые работы, но и они не вошли должным образом в научный оборот. На этой и промежуточной территориях выявлены памятники манычского облика. Именно бóльшая часть Азово-Кубанской равнины от р. Кагальник на севере и р. Егорлык (не включая его правые притоки) на востоке до Кубани на юге и предлагается для обзора.

Прежде всего необходимо остановиться на предварительном районирование памятников до выяснения их особенностей. Памятники обозреваемого пространства распределяются крайне неравномерно, причина – в отсутствии археологических раскопок на больших территориях и весьма интенсивных работах в некоторых небольших районах. Эту картину с последовательным обозначением районов можно представить следующим образом: начиная от пределов на северо-западе этой зоны до юго-восточных, а затем уже вблизи и в окружении батуринских памятников. Итак, это: 1) бассейн р. Кагальник (Кагальник II, Койсуг, Высочино IV, V, VII; Новоалександровка I, II; Займо-Обрыв, Степнянский II), 2) низовья рек Еи и Челбаса (Новощербиновский I, Кущевская), 3) Егорлык и его левые притоки (Маяк I, Новопалестинский I, Дмитриевская I, II; Расшеватский 1, 4, 5; Успенский II, Красногвардейский, Ильинский1, Птичье 1, 3; Родионов 4, 5), 4) верховья рек Еи и Челбаса (Терновка 10, Кривуша I, Хоперская, Степная, Кавказский II, КРОС им. Горького, КРОС 616, Восток 1), 5) срединная часть бассейна Бейсуга и верховья р. Кирпили (Полтавская 7, Батуринская I, Анапская I, Новокорсунская, Бейсужек 35, Бураковский, Раздольная, Верхний, Пластуновский). На этом большом пространстве Азово-Кубанской равнины просматриваются три района сосредоточения исследованных курганов (рис. 1). На северо-западе это бассейн Кагальника (1) и низовья рек Еи и Челбаса (2), на юго-востоке Егорлык и его левые притоки (3), а также верховья рек Еи и Челбаса (4), на юге срединная часть бассейна Бейсуга и верховья р. Кирпили (5). Исходя из местоположения, каждая из этих группировок имеет свою специфику соприкосновения с разными культурными образованиями. Северо-западная группировка примыкает к зоне распространения памятников западноманычской и донецкой культур, юго-восточная группировка преимущественно к восточноманычской культуре, а южная группировка непосредственно располагается в ареале батуринской культуры.

В задачу исследования входит обзор погребений Азово-Кубанской равнины с манычскими признаками с целью выявление групповых особенностей погребальной практики. Рассмотрение основных показателей не предполагает подробной детализации каждого из них.

В основу подбора материала положены погребальные комплексы, содержащие компоненты, безусловно обозначающие манычскую культурную составляющую. Одним из таких компонентов для манычской культуры в значительной мере являются сосуды, именуемыми реповидными, хотя это обозначение весьма условное. Реповидные сосуды Прикубанья рассматривались раннее в рамках

батуринского культурного образования (*Трифонов*, 1991а; 1991б). Позже при изучении явления культурного синкретизма в катакомбных погребениях раннего и позднего периодов было дано краткое описание такого рода погребений, находящихся в ареале батуринской культуры (*Мельник*, 2014; 2016. С. 122–128). Подавляющее большинство реповидных форм керамики встречается на левобережье Дона (*Стеганцева*, 2004. С. 441). По классификации С. Н. Братченко (*Братченко*, 1976. С. 23–27), это сосуды отдела I (бесшейные сосуды) группы В (реповидные горшки) и отдела II (короткошейные горшки) группы Д (реповидные горшки широкие в боках). К указанным типам могут быть причислены и сосуды близких форм. Другие формы сосудов не всегда воспринимаются как безусловно манычские, хотя и имеют распространение в манычской среде. Это относится и к курильницам. Здесь следует включать контекстный анализ, что относится и к другим компонентам погребения. В качестве ориентира в видах различных сосудов будем опираться на классификацию С. Н. Братченко.

Погребальный комплекс может быть представлен с разной степенью подробности его характеристики. В свете поставленной задачи в качестве основных могут выступать следующие показатели: погребение основное или впускное, место погребения в кургане, форма могильного сооружения, поза погребенного или состояние останков, ориентировка погребенного, сопровождающий инвентарь. С этих позиций учтено и взято за основу 84 погребения из 73 курганов 43 курганных групп. К этому следует добавить погребения контекста и аналогий.

В представленном массиве погребения были преимущественно впускными в уже существующие курганы и только в 14 курганах они были основными. Те или иные данные о расположении погребений в кургане относительно его площади сильно зависят от истории его строительства в предыдущие и последующие времена. В центральной части кургана погребения были совершены почти в половине случаев от всего массива. По секторам более предпочтительным оказался восточный сектор, составивший более половины погребений из оставшейся части массива.

Погребальное сооружение – важнейший компонент погребального комплекса, однако далеко не всегда при раскопках оно прослеживается, а тем более прослеживается полностью. Основной вид манычских погребальных конструкций – катакомба. Традиционно для Евразийских степей эпохи бронзы уже сложилось представление о деление катакомб по принципу соотношения входной части и камеры на Т-образные (рис. 4: *1*) и Н-образные (рис. 2: *1*), которые распространены весьма широко. В рассматриваемых погребениях присутствуют обе формы, но полное преобладание остается за Т-образными сооружениями. В трети погребений конструкция катакомб не прослежена.

Если за основу специфики погребального комплекса принять позицию умершего, то возможно выделение нескольких таких групп. Основная позиция погребенных в манычской традиции – скорченно на боку. Установилось также мнение, что положение погребенных на правом боку – это признак западноманычской культуры, а на левом боку – восточноманычской культуры. Северная и юго-восточная части в пределах рассматриваемой нами территории представляются зоной западноманычской культуры (*Гей*, 2009). По формальным признакам к манычским комплексам должны быть причислены еще несколько погребений

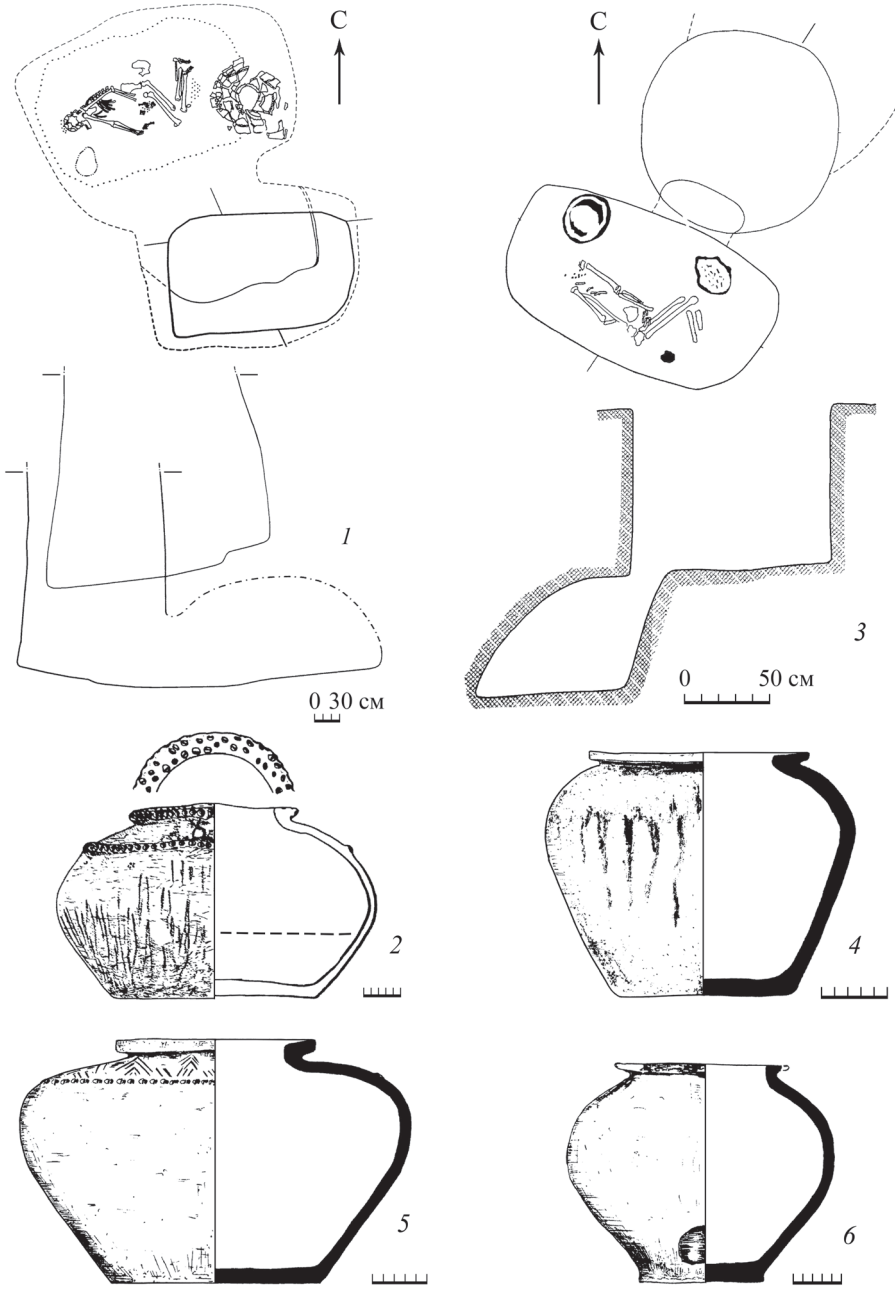

Рис. 2. Новоалександровка II, Терновка10:
планы и разрезы погребений, сосуды

1, 2 – Новоалександровка II-2/37 (*1* – план и разрезы погребения; *2* – сосуд (*Яценко*, 2012)); *3–6* – Терновка 10: 1/5 (*3* – план и разрез погребения; *4* – сосуд; 2/4 – *5* – сосуд; 2/5 – *6* – сосуд (*Каргин и др.*, 2017))

с манычскими сосудами и позой погребенных на боку со слега согнутыми ногами, причем как на правом, так и на левом боку. Фиксируется также положение на спине при положении ног вправо или влево, которое может рассматриваться как завал на спину при изначальном положении тела на боку. Однако эти позиции практически вытянутого тела на боку слишком заметно выделяются на общем фоне. Представляется необходимым обратить внимание на такие погребения и обозначить их предварительно в качестве двух групп – соответственно на правом и левом боку.

Вместе с тем известен и ряд погребений, где умершие находились в вытянутом положении на спине, но сопровождались манычскими сосудами.

Особенностью манычских погребений является наличие значительного количества вторичных захоронений, что присутствует на обозреваемой территории. Кроме этого, зафиксированы погребения, которые мы определяем как частичные. Известен также один кенотаф. Эти три варианта погребальной практики можно обозначить как группировку, представляющую особые виды погребений. Таким образом, погребения с манычскими признаками на рассматриваемом пространстве могут быть представлены шестью группами.

После выяснения общего характера памятников следует сосредоточиться на специфике выделенных групп и именно по этим группам рассматривать основные показатели. Позиция погребенного на правом боку присутствовала в 20 случаях и зафиксирована во всех трех региональных группировках. На северо-западе 7 погребений, на юге 4 и 9 на юго-востоке. Погребения большей частью были впускными и только три основными. Один в районе Кагальника, второй в верховьях Челбаса и третий на левом притоке Егорлыка. Погребения в кургане располагались преимущественно в центральной части и в восточном секторе и отсутствовали в северном секторе. Форма могильных сооружений прослежена в 14 погребениях, где 7 катакомб были Т-образными, а 5 Н-образными (рис. 2: *1*). Кроме того, присутствует катакомба с круглой входной шахтой и одна с квадратной. В ориентировке погребенных выделялся западный сектор, от ЮЗ до СЗ включительно в 11 погребениях, а в секторе между В и Ю всего лишь 1 погребение.

Как уже было отмечено, одним из важных признаков идентификации манычской принадлежности комплекса было наличие в погребении так называемых реповидных сосудов и близких к ним форм, а также некоторых сосудов с высоким горлом и ряда других. Хотя формы реповидных сосудов разные, самыми распространенными являются сосуды формы IIД. В погребениях с позицией умерших на правом боку выделяются сосуды, которые, несмотря на их индивидуальное разнообразие, входят в группировку IIД2 (рис. 2: *2*) – 11 сосудов. Остальные виды посуды представлены, как правило, единичными экземплярами неорнаментированных, вертикально вытянутых горшков с выделенным горлом и округлыми боками. Вариации этих сосудов укладываются в рамки форм, обозначаемых как IIА, IIВ, IIГ, IIД1, IIIБ, IIIВ, IIIД, VIА.

Яркой и специфической особенностью многих катакомбных погребений является помещение в могилу так называемых жаровен. Обычно это части сосуда с углями или специально изготовленные сосуды, выполняющие ту же функцию, что и жаровни, именуемые курильницами. Жаровни зафиксированы

в 9 погребениях, курильницы находились в 4 погребениях. Жаровни представляли собой части тулова сосуда. Курильницы в двух случаях были сильно повреждены, и форма их опорной части осталась неизвестной. Две другие курильницы имели крестообразные ножки. Все эти изделия были орнаментированы, 3 из них имели так называемый кармашек, а в четвертом случае ввиду плохой сохранности установить его наличие не удалось. Следует отметить, что в погребении Ильинский 1 5/1 сосуд-кружка (VIA) и курильница имели совершенно одинаковый стиль орнаментации. Только в этом погребении рассматриваемой группы находились кости животного (*Березин*, 1998). Другие сопровождающие категории весьма ограничены. В погребении молодого человека и ребенка находились астрагалы (Кагальник II 1/11 – *Горбенко*, 1992) и еще в одном – костяные пронизи и костяное орудие (Расшеватский 1 10/12 – *Березин*, 1999).

Вторую группу погребений составляли захоронения с положением умерших на левом боку, их было 27. Регионально они распределились следующим образом: северо-западный район – 7 погребений, южный – 1, юго-восточный – 19. Основными среди них были 2 погребения, остальные захоронения были впускными. В кургане предпочтительным местом была центральная часть (12 погребений) и юго-восточный сектор (6 погребений). Основа катакомбной конструкции могильного сооружения сохранилась в 20 случаях, из них 16 имели Т-образную форму (рис. 4: *1*), Н-образную и одно погребение имело круглую в плане входную шахту (рис. 2: *3*). В ориентировке погребенных выделялся юго-восточный сектор – 13 погребений и слабо проявлялся западный – 2 погребения.

В керамике преобладали сосуды группы IIД2 (рис. 2: *4–6*), при всем их разнообразии именуемых реповидными – 15 экземпляров, близкие к ним IIД – 3 экземпляра. Другие виды сосудов представлены 1–2 экземплярами, это неорнаментированные горшки, которые укладываются в рамки форм IIБ, IIВ и IIIА-Д. Жаровни встречены в 4 погребениях, курильницы в 11, причем 10 из них приходились на юго-восточную группировку. Иные категории сопровождения встречаются эпизодически. В погребении Высочино IV 2/2 находилась каменная грушевидная булава с фрагментом деревянной рукояти (*Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 55–56. Табл. LIV: *1*). Целый набор предметов находился в погребении Новопалестинский I 1/9 (*Власкин*, 1999). Здесь помимо сосуда и курильницы найден песчаниковый выпрямитель древков стрел, тёрочник и абразив, наконечник стрелы, костяной отжимник, остатки деревянного блюда и деревянного ящичка, бронзовый скреп с остатками дерева, раковина, фрагмент кремневого изделия и кремневые отщепы.

Несколько погребений со слабой скорченностью, практически с вытянутой позицией на боку, составляют две другие группы. Три таких погребения были совершены в положении на правом боку. Погребения располагались в центре и в восточном секторе кургана, два из них были основными в кургане. Ориентировки СЗ, В, ЗЮЗ. В погребении КРОС 4/4 просматривается завал умершего на спину (рис. 3: *6*). К этому типу погребений может быть отнесено и захоронение на спине со слегка согнутыми ногами, повернутыми вправо (Хоперский 10/7 – *Скрипкин*, 1982). Оно было основным, находилось в центре кургана, имело ориентировку к В и было совершено в яме трапециевидной формы. Являлась ли эта яма частью катакомбной камеры – вопрос открытый. Три ранее

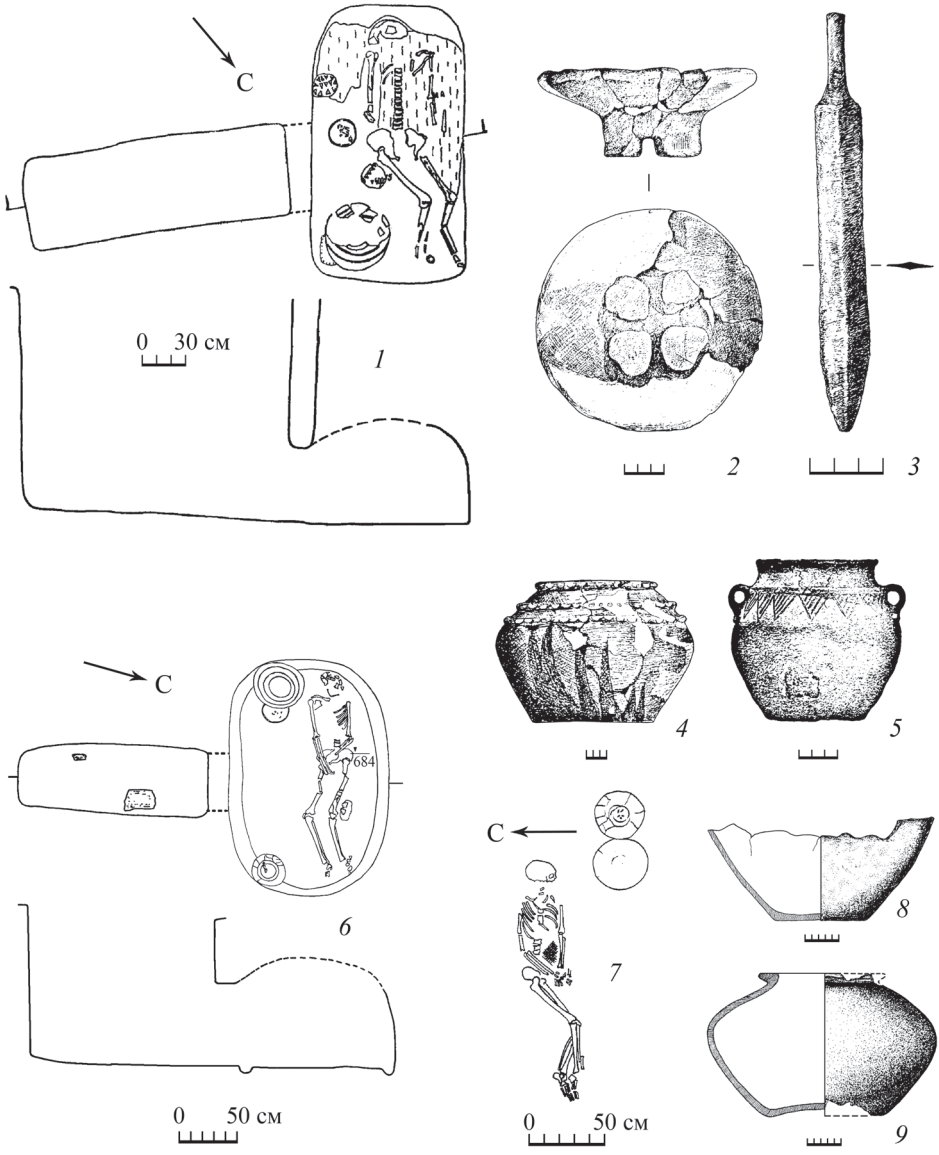

Рис. 3. КРОС, Дмитриевская I:
планы и разрезы погребений, курильница, нож, сосуды

1–5 – КРОС 2/6 (*1* – план и разрез погребения; *2* – курильница; *3* – нож; *4* – сосуд 1; *5* – сосуд 2); *6* – КРОС 4/4: план и разрез погребения (*Николаев*, 1980); *7–9* – Дмитриевская I-2/5 (*7* – план погребения; *8* – жаровня; *9* – сосуд (*Скрипкин*, 1982))

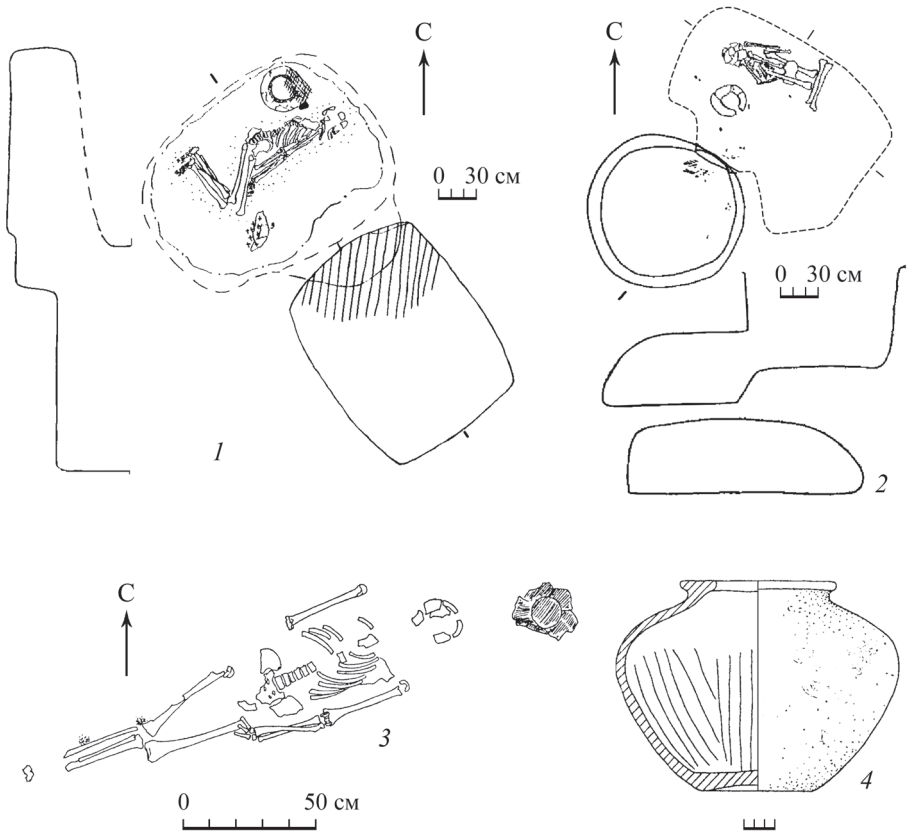

Рис. 4. Высочино IV, Койсуг, Кавказский II: планы и разрезы погребений, сосуд

1 – Высочино IV-2/2, план и разрез погребения (*Беспалый и др.*, 2008); *2* – Койсуг 2/15, план и разрез погребения (*Максименко*, 1967); *3, 4* – Кавказский II-3/3 (*3* – план погребения; *4* – сосуд (*Козюменко и др.*, 2001))

упомянутых погребения были совершены в Т-образных катакомбах. Погребения этой группы содержали по одному сосуду, близкому к реповидному (IIД), а в погребении КРОС 4/4 их было два. В трех погребениях находились курильницы. Из захоронений этой группы следует отметить погребение 1 кургана 4 Успенского II могильника с сосудом, приближающимся по форме к реповидным, и оригинальной курильницей. Этот погребальный комплекс был определен в своей основе как суворовский. Авторы указывают, что Успенские могильники формально находятся в ареале восточноманычской культуры и имеют синкретический характер позднекатакомбных погребений, по некоторым признакам сближаясь с восточноманычской традицией. Также отмечается, что ряд аналогичных керамические форм присутствует в западно- и восточноманычской, батуринской и суворовской культурных группах (*Березин, Клещенко*, 2020. С. 115–120).

Погребения на левом боку в слабоскорченной позиции представлены четырьмя захоронениями. Одно такое погребение было зафиксировано нами в курганной группе Степной в катакомбе с реповидным сосудом и курильницей (*Мельник*, 2018. С. 325). Весьма представительным для этой группы является погребение Дмитриевской I – 2/5 (рис. 3: *7–9*). Все эти погребения были впускными и находились в центральной части кургана. Основным в кургане было захоронение, где умерший находился в Т-образной катакомбе на спине со слегка согнутыми ногами, повернутыми влево. В этом погребении обнаружено два сосуда, курильница и нож (рис. 3: *1–5*). Ориентировки З, ЮЗ, ЮВ, ВСВ. В двух погребениях прослежено могильное сооружение – Т-образная катакомба и яма с заплечиками. В каждом погребении имелось по одному сосуду группы реповидных (IIД). Жаровни находились в двух погребениях и в двух погребениях – курильницы. Погребения со слабой скорченностью сосредоточены в юго-восточном районе рассматриваемой территории, т. е. от верховьев Челбаса до левого притока Егорлыка Калалы с Расшеваткой.

Небольшую группу составляют захоронения с вытянутой на спине позицией погребенных (рис. 4: *3*). Насчитывается 7 таких погребений. Они располагались в центральной части, в юго-западном и восточном секторах кургана. Одно погребение было основным, остальные впускными. Ориентировка умерших ССЗ, СВ, В и Ю. Три погребения были совершены в Т-образных катакомбах, в других случаях форма могилы не прослеживалась. Все захоронения содержали по одному сосуду. Сосуды близки к реповидным (IIД). Редкая «биконическая» (IB) форма присутствует в погребении 2 кургана 3 Успенского II могильника, в этом же погребении находился каменный ладьевидный топор (*Березин, Клещенко*, 2020. С. 113–115). Зафиксирована одна жаровня и 2 курильницы. Такие погребения ранее были отмечены в Хоперской курганной группе (*Клещенко*, 2013. С. 175; *Мельник*, 2016. С. 126–128). Встречаются они и далее на восток. Видимо, погребения, в которых сочетаются такие признаки, следует считать суворовско-манычскими.

Шестую группу рассматриваемых захоронений представляют особые виды погребений. Это прежде всего вторичные (14 погребений), частичные (2 погребения) и один кенотаф. Вторичные погребения (рис. 4: *2*) размещались как в центральной части кургана, так и во всех других секторах, кроме северного. Два погребения были основными. В тех случаях, где можно было зафиксировать ориентировку, она приходилась преимущественно на юго-восточный сектор. Могильные сооружения представлены Т-образными катакомбами (5 погребений) и Н-образными (3 погребения). Одно погребение было в катакомбе с круглой шахтой. Одним из способов укладки костей был так называемый пакет-кукла (*Мельник*, 1991. С. 23–25). В качестве примера можно указать погребение в Койсуге (рис. 4: *2*) и в Анапской (*Мельник*, 2019. С. 120). Во всех захоронениях находилось по одному сосуду. Они были близки к реповидным (IIД). В двух погребениях находились жаровни, в двух курильницы и еще в одном погребении были помещены две курильницы. Вторичные погребения составляет около 17 % от общего числа в той или иной степени связанных с манычской традицией погребений рассматриваемого региона. На этой территории вторичные погребения размещаются равномерно: 5 – северо-западный район, 5 – юго-восточный,

4 – южный. Высокий процент вторичных погребений отмечается в батуринской катакомбной культуре (*Гей*, 1995. С. 11). В раннекатакомбный период также известны случаи вторичных захоронений, что могло сформировать начало такой традиции (*Мельник*, 2019. С. 108–114, 121, 122).

Отдельно следует отметить захоронение, которое условно можно соотнести с вторичным, но оно имеет особенность, которую мы обозначаем как погребение с рассечением. Это погребение 6 кургана 5 курганной группы Степной (*Мельник*, 1989. С. 43–44; 1991. С. 16, 17, 19–22). Два погребения являются частичными. В погребении Новопалестинский I 1/4 находились лишь кости стопы человека. Захоронение, совершенное в Т-образной катакомбе, было впускным и располагалось в юго-восточном секторе кургана. В погребении находились реповидный сосуд и остатки деревянного блюда (*Власкин*, 1999). В погребении Расшеватский 4 3/4 находились фрагменты черепа и часть костей грудной клетки. Захоронение впускное, совершено в Н-образной катакомбе и располагалось в северном секторе кургана. В погребении находился реповидный сосуд, орнаментированный в верхней части треугольниками вершиной вверх, и жаровня, которая лежала в шахте у входа в камеру (*Березин*, 1999).

Одно погребение, которое, безусловно, относится к кенотафам, зафиксировано в кургане 1 группы Терновка 10. Это погребение 3, представляющее Т-образную катакомбу, в которой находился только вертикально вытянутый сосуд с цилиндрической шейкой, т. е. формы, распространенной в манычской керамике (*Каргин и др.*, 2017. С. 124–125, 139).

В целом для всего массива рассмотренных погребальных комплексов следует указать наличие в некоторых погребениях элемента костюма (бусин), а также угольков и небольших пятен охры.

Следует также обратить внимание на территориальное распределение выделенных групп. В северо-западной группировке зафиксировано 7 погребений с позицией умерших на правом боку, что характерно для западноманычских захоронений, но в таком же количестве здесь присутствуют и погребенные на левом боку, что соответствует восточноманычской традиции. В юго-восточной группировке преобладание погребений на левом боку объяснимо близостью основной восточноманычской территории – 19 против 10. В южной группировке преобладание погребений на правом боку можно объяснить батуринским окружением – соотношение 4 к 1. Более того, погребение 11 кургана 1 Новокорсунской курганной группы можно рассматривать как батуринско-манычское, поскольку здесь находился сосуд, типичный для батуринской керамики, и сосуд, соответствующий манычским реповидным (*Бочкарев*, 1980). Все погребения с вытянутой позицией размещались в юго-восточном районе, что связано с близостью к ареалу суворовской культуры. Не исключено также, что и слабоскорченная позиция погребенных как на правом, так и на левом боку тоже связана с этой близостью. Возможно, в приоритете было не положение на правом или левом боку, а вытянутая позиция, именно так нами было воспринято положение покойного в погребении Степной 4/12 (*Мельник*, 2018. С. 307, 308, 312, 325). В этом случае эти два вида погребений могут представлять единую специфическую группировку.

Таковы основные свидетельства, раскрывающие характер материалов и особенности погребальной практики рассматриваемой территории. Для более

полного восприятия описанных фактов необходимо указание на некое окружение во времени и пространстве.

Как было отмечено, подавляющее большинство рассматриваемых погребений были впускными. Непосредственными предшественниками манычских погребений здесь выступали раннекатакомбные погребения, имеющие Т-образную форму. Для Нижнедонского региона была проделана специальная работа. Было выявлено, что Т-образная форма манычских катакомбных сооружений является наиболее ранней среди других форм (*Стеганцева*, 1999. С. 101–106). Местные элементы манычской погребальной обрядности усматривает и А. В. Кияшко (*Кияшко*, 2004. С. 140). Такую ситуацию мы видим и в батуринской культуре (*Мельник*, 2013. С. 283). Некоторые курганы дают интересный контекст.

Район Кагальника наиболее близок к Дону. Здесь проводились масштабные раскопки, в курганах наблюдается широкое разнообразие катакомбных форм. Достаточно указать один курган, например курган 24 группы Высочино V, где находилось манычское погребение 8 с реповидным сосудом, чтобы увидеть его окружение другими катакомбными погребениями (1, 6, 7, 9), имеющими как донецкие, так и манычские признаки (*Беспалый, Лукьяшко*, 2008. С. 89–94, 202, 204).

Курганная группа Терновка 10, расположенная в верховьях р. Еи, состояла из двух курганов. В кургане 1 основным было раннекатакомбное погребение 4, которое было срезано манычским погребением 5 с реповидным сосудом, и представляло собой катакомбу с круглой шахтой и погребенным ребенком, который лежал скорченно на левом боку с разворотом на спину. В кургане 2 основным было манычское погребение 5 с реповидным сосудом и Т-образной в плане катакомбой. Близким ему было другое манычское погребение 4. Более позднее погребение 6 содержало сосуд донецкого облика (*Каргин и др.*, 2017. С. 125–128, 130–134).

Обращает на себя внимание курган близ поселка Приморского у Бейсугского лимана (*Соков*, 2014). Катакомбное погребение 20 в этом кургане содержало сосуд, обладающий большим сходством с реповидными сосудами, но вытянутый по вертикали. Необычным было то, что здесь находилась костяная молоточковидная булавка с ромбовидным орнаментом. Такие булавки связывают с раннекатакомбным периодом. Форма же катакомбного сооружения больше соответствовала манычским вариантам. Было ли это ранним проявлением формы, получившей позже широкое распространение, вопрос открытый.

Представленные материалы, которые в значительной мере характеризуют специфику погребальной практики, подводят к некоторым выводам, позволяющим судить о характере культурно-исторических процессов в рассматриваемом регионе. Довольно очевидным является факт восприятия населением позднекатакомбного периода традиции сооружения погребальных конструкций Т-образной формы. Новые полевые исследования, несмотря на все еще большие неизученные территории, указывают на то, что северная и юго-восточная части Азово-Кубанской равнины активно осваивались носителями манычской атрибутики. В этом освоении участвовали как западные, так и восточные манычские группы населения. С восточной стороны, как и в предшествующий раннекатакомбный период, шло движение культурных элементов, связанных с центрально-предкавказскими традициями, проявляющимися в суворовской

культуре. На восточной периферии батуринской культуры фиксируются погребения разных типов с манычской керамикой. Представленный материал дает возможность знакомства как с общей картиной культурного состояния рассматриваемого пространства, так и понимания культурного своеобразия погребальных комплексов Азово-Кубанской равнины с манычской атрибутикой.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М. В., 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС. 272 с.

Березин Я. Б., 1998. Отчет о раскопках курганных могильников «Ильинский 1» Труновского района, «Птичье 3» Изобильненского района, «Расшеватский-1», «Расшеватский-2», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21030–21031.

Березин Я. Б., 1999. Отчет о раскопках курганных могильников «Птичье-3» Изобильненского района, «Успенский-2», «Расшеватский-1», «Расшеватский-4», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22358–22361.

Березин Я. Б., Клещенко А. А., 2020. Погребальные комплексы эпохи бронзы и раннего железного века из курганных могильников Успенский I и Успенский II на северо-западе Ставрополья // КСИА. Вып. 258. С. 105–125.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 1. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного науч. центра РАН. 224 с.

Бочкарев В. С., 1980. Отчет о работе Новокорсунского и II-го Батуринского отрядов Кубанской экспедиции за 1980 год в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 8243.

Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка. 252 с.

Власкин М. В., 1999. Отчет об исследовании курганного могильника Новопалестинский I в Песчанокопском районе Ростовской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22395.

Власкин Н. М., 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. 24 с.

Гей А. Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 1 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краевед. музей. С. 4–14.

Гей А. Н., 2009. Катакомбная культура // БРЭ. Т. 13. М.: БРЭ. С. 307–308.

Горбенко А. А., 1992. Отчет о работе курганного отряда Азовской археологической экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19172.

Каргин Ю. Ю., Матаев В. В., Сурков А. В., 2017. Курганная группа Терновка 10 в Восточном Приазовье (по материалам охранных раскопок 2014 г.) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15 / Отв. ред. А. И. Юдин. Саратов: Науч.-исслед. центр по сохранению культур. наследия. С. 122–144.

Кияшко А. В., 2004. О происхождении западноманычской катакомбной культуры по данным погребального обряда // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 19. …в 2002 г. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник. С. 134–143.

Клещенко А. А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. С. 171–190.

Козюменко Е. В., Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е., Раев Б. А., 2001. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1 / Ред. Б. А. Раев. Краснодар: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. С. 155–256.

Максименко В. Е., 1967. Отчет о раскопках курганов у пос. Койсуг в 1967 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3449.

Мельник В. И., 1989. Катакомбное погребение кремневых дел мастера в верховьях реки Челбас // Первая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. / Отв. ред. А. М. Ждановский. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 43–44.

Мельник В. И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука. 134 с.

Мельник В. И., 2013. Обрядовая группировка катакомбных комплексов восточного Приазовья // Шестая Международная кубанская археологическая конференция: материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 282–283.

Мельник В. И., 2014. Межкультурные контакты эпохи средней бронзы в восточных районах степного правобережья Кубани // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред.: А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 469–471.

Мельник В. И., 2016. Культурный синкретизм в погребальной практике эпохи средней бронзы степного Прикубанья // КСИА. Вып. 245, ч. I. С. 120–131.

Мельник В. И., 2018. Погребения эпохи бронзы курганной группы Степной // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М. В. Андреева. М.: ИА РАН. С. 294–327.

Мельник В. И., 2019. Вторичные погребения Азово-Кубанской равнины эпохи средней бронзы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 5. С. 108–124.

Николаев Г. А., 1980. Отчет о раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8051.

Скрипкин А. С., 1982. Отчет о раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9226.

Соков П. В., 2014. Отчет о раскопках в Брюховецком и Приморско-Ахтарском районах Краснодарского края в 2014 году. ОАО «Наследие Кубани» // Архив ИА РАН. Р-1. № 46347–46349.

Стеганцева В. Я., 1999. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маныча и Сала // АВ. Вып. 6. СПб. С. 101–113.

Стеганцева В. Я., 2004. Реповидная керамика катакомбной культуры (к постановке проблемы) // Археолог: детектив и мыслитель / Отв. ред.: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 437–444.

Трифонов В. А., 1991а. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 92–166.

Трифонов В. А., 1991б. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья / Отв. ред. С. Н. Братченко. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины. С. 101–116.

Яценко В. В., 2012. Отчет о раскопках четырех курганов могильника Александровка 2 в Азовском районе Ростовской области в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 41775.

Сведения об авторе

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: melvaler@yandex.ru

V. I. Melnik

BURIALS WITH THE MANYCH ATTRIBUTES IN THE AZOV-KUBAN PLAIN

Abstract. The sites of the Manych Catacomb culture located on the left bank of the Don and the Manych which, therefore, encircle the Azov-Kuban Plain from the north are rather well-studied. However, the area in the south where Manych funerary characteristics have

been recorded in the burials needs at least an overview that would identify distinctive traits of the funerary practice in this large region. The analysis of the burial assemblages included such aspects of the funerary rite as the form of the funerary construction, the position and orientation of the dead and funerary offerings. Based on the position of the dead and their remains, six specific groups have been singled out. All these groups show Manych traits. Some groups are marked by cultural syncretism. The analysis has also found that some elements of the burial rite belonged not only to the Western Manych tradition but also to the Eastern Manych tribes. The Manych elements penetrated into the Baturin environment. In the east of this zone syncretic cultural forms related to the traditions of the Central and Fore-Caucasus have been documented suggesting intensive cultural contacts.

Keywords: Azov-Kuban Plain, Western Manych culture, Eastern Manych culture, Baturin culture, Suvorovskaya culture, funerary practice.

REFERENCES

Andreeva M. V., 2014. Vostochnomanychskaya katakombnaya kultura: analiz materialov pogrebalnykh pamyatnikov [East Manych catacomb culture: analysis of burial sites]. Moscow: TAUS. 272 p.

Berezin Ya. B., 1998. Otchet o raskopkakh kurgannykh mogilnikov «Il'inskiy 1» Trunovskogo rayona, «Ptich'e 3» Izobilnenskogo rayona, «Rasshevatskiy-1», «Rasshevatskiy-2», «Rasshevatskiy-5» Novoaleksandrovskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 1998 g. [Report on excavations of kurgan cemeteries «Il'inskiy 1», Trunovsky district, «Ptich'e 3» Izobilnensky district, «Rasshevatskiy-1», «Rasshevatskiy-2», «Rasshevatskiy-5», Novoaleksandrovsky district of Stavropol Krai in 1998]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Berezin Ya. B., 1999. Otchet o raskopkakh kurgannykh mogilnikov «Ptich'e-3» Izobilnenskogo rayona, «Uspenskiy-2», «Rasshevatskiy-1», «Rasshevatskiy-4», «Rasshevatskiy-5» Novoaleksandrovskogo rayona Stavropolskogo kraya v 1999 g. [Report on excavations of kurgan cemeteries «Ptich'e-3» Izobilnensky district, «Uspenskiy-2», «Rasshevatskiy-1», «Rasshevatskiy-4», «Rasshevatskiy-5» Novoaleksandrovsky district, Sravropol Krai in 1999]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Berezin Ya. B., Kleshchenko A. A., 2020. Pogrebalnye kompleksy epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka iz kurgannykh mogilnikov Uspenskiy I i Uspenskiy II na severo-zapade Stavropol'ya [Burial assemblages of Bronze and Early Iron Ages from Uspenskiy I and Uspenskiy II kurgan cemeteries in northwestern part of Stavropol region]. *KSIA*, 258, pp. 105–125.

Bespalyy E. I., Luk'yashko S. I., 2008. Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagalnika [Ancient population of interfluve of the Don and Kagalnik], 1. Kurgannyy mogilnik u s. Vysochino [Kurgan cemetery near village Vysochino]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN. 224 p.

Bochkarev V. S., 1980. Otchet o rabote Novokorsunskogo i II-go Baturinskogo otryadov Kubanskoy ekspeditsii za 1980 god v Timashevskom i Bryukhovetskom rayonakh Krasnodarskogo kraya [Report on the work of Novokorsunsky and Baturinsky II teams of Kuban expedition in 1980 in Timashevsky and Bryukhovetsky districts of Krasnodar Krai]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bratchenko S. N., 1976. Nizhnee Podon'e v epokhu sredney bronzy (Periodizatsiya i khronologiya pamyatnikov) [Lower Don region in Middle Bronze Age (Periodization and chronology of sites)]. Kiev: Naukova dumka. 252 p.

Gey A. N., 1995. Baturinskaya katakombnaya kultura i final epokhi sredney bronzy v stepnom Prikuban'e [Baturin catacomb culture and terminal stage of Middle Bronze Age in Kuban steppe region]. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh [Historical and archaeological miscellany]*, 1. R. M. Munchaev, ed. Armavir; Moscow: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 4–14.

Gey A. N., 2009. Katakombnaya kultura [Catacomb culture]. *BRE*, 13. Moscow: BRE, pp. 307–308.

Gorbenko A. A., 1992. Otchet o rabote kurgannogo otryada Azovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1992 g. [Report on the work of kurgan team of Azov archaeological expedition in 1992]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kargin Yu. Yu., Mataev V. V., Surkov A. V., 2017. Kurgannaya gruppa Ternovka 10 v Vostochnom Priazov'e (po materialam okhrannykh raskopok 2014 g.) [Ternovka 10 kurgan group in Eastern Azov region (based on materials of 2014 protection excavations)]. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya [The archaeological heritage of Saratov region]*, 15. A. I. Yudin, ed. Saratov: Nauchno-issledovatelskiy tsentr po sokhraneniyu kulturnogo naslediya, pp. 122–144.

Kiyashko A. V., 2004. O proiskhozhdenii zapadnomanychskoy katakombnoy kultury po dannym pogrebalnogo obryada [On the origin of West Manych catacomb culture based on data of burial rite]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological research in city of Azov and on Lower Don]*, 19 (2002). V. Ya. Kiyashko, ed. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, pp. 134–143.

Kleshchenko A. A., 2013. Suvorovskaya katakombnaya kultura: predvaritelnaya kharakteristika [Suvorovskaya catacomb culture: preliminary characteristics]. *KSIA*, 228, pp. 171–190.

Kozyumenko E. V., Bespalyy G. E., Raev B. A., 2001. Raskopki kurgannogo mogilnika «Kavkazskiy 2» [Excavations of kurgan cemetery «Kavkazskiy 2»]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Krasnodarskogo kraya [Archaeological research in construction zones of Krasnodar Krai]*, 1. B. A. Raev, ed. Krasnodar: Committee on protection, restauration and use of historical and cultural values (heritage) of Krasnodar Krai, pp. 155–256.

Maksimenko V. E., 1967. Otchet o raskopkakh kurganov u pos. Koysug v 1967 godu [Report on excavation of kurgans near village Koysug in 1967]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Melnik V. I., 1989. Katakombnoe pogrebenie kremnevykh del mastera v verkhovyakh reki Chelbas [Catacomb burial of a flint-maker in upper reaches of Chelbas river]. *Pervaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [First Kuban archaeological conference]*. A. M. Zhdanovskiy, ed. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 43–44.

Melnik V. I., 1991. Osobye vidy pogrebeniy katakombnoy obshchnosti [Special types of catacomb community burials]. Moscow: Nauka. 134 p.

Melnik V. I., 2013. Obryadovaya gruppirovka katakombnykh kompleksov vostochnogo Priazov'ya [Rite grouping of catacomb associations in Eastern Azov region]. *Shestaya mezhdunarodnaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban archaeological conference]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 282–283.

Melnik V. I., 2014. Mezhkulturnye kontakty epokhi sredney bronzy v vostochnykh rayonakh stepnogo pravoberezh'ya Kubani [Intercultural contacts in eastern regions of Kuban steppe right bank in Middle Bronze Age]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Proceedings of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, 1. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko, eds. Kazan: Otechestvo, pp. 469–471.

Melnik V. I., 2016. Kulturnyy sinkretizm v pogrebalnoy praktike epokhi sredney bronzy stepnogo Prikuban'ya [Cultural syncretism in burial practice of Middle Bronze Age steppe Kuban region]. *KSIA*, iss. 245, part I, pp. 120–131.

Melnik V. I., 2018. Pogrebeniya epokhi bronzy kurgannoy gruppy Stepnoy [Bronze Age burials in Stepnoy kurgan group]. *Arkheologicheskie pamyatniki i mezhkulturnye fenomeny eneolita i bronzovogo veka [Archaeological sites and intercultural phenomena of Chalcolithic and Bronze Age]*. M. V. Andreeva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 294–327.

Melnik V. I., 2019. Vtorichnye pogrebeniya Azovo-Kubanskoy ravniny epokhi sredney bronzy [Middle Bronze Age secondary burials of Azov-Kuban Plain]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow state regional university. Series: History and Political sciences]*, 5, pp. 108–124.

Nikolaev G. A., 1980. Otchet o raskopkakh v zone stroitelstva Krasnodarskoy orositelnoy sistemy v 1980 godu [Report on excavations in construction zone of Krasnodar irrigation system in 1980]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Skripkin A. S., 1982. Otchet o raskopkakh v zone stroitelstva Krasnodarskoy orositelnoy sistemy v 1982 godu [Report on excavations in construction zone of Krasnodar irrigation system in 1982]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Sokov P. V., 2014. Otchet o raskopkakh v Bryukhovetskom i Primorsko-Akhtarskom rayonakh Krasnodarskogo kraya v 2014 godu. OAO «Nasledie Kubani» [Report on excavations in Bryukhovetsky and Primorsko-Akhtarsky districts, Krasnodar Krai in 2014. JSC «Kuban heritage»]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Stegantseva V. Ya., 1999. Otnositelnaya khronologiya pogrebeniy katakombnoy kultury v mezhdurech'e Manycha i Sala [Relative chronology of catacomb culture burials in Manych and Sal interfluve]. *AV*, 6. St. Petersburg, pp. 101–113.

Stegantseva V. Ya., 2004. Repovidnaya keramika katakombnoy kultury (k postanovke problemy) [Turnip-shape ceramics of catacomb culture (raising the problem)]. *Arkheolog: detektiv i myslitel [Archaeologist: detective and thinker]*. L. B. Vishnyatskiy, A. A. Kovalev, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: SPbGU, pp. 437–444.

Trifonov V. A., 1991a. Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita – sredney bronzy (periodizatsiya) [Steppe Kuban region in Eneolithic – Middle Bronze Age (periodization)]. *Drevnie kultury Prikuban'ya (po materialam arkheologicheskikh rabot v zonakh melioratsii Krasnodarskogo kraya) [Ancient cultures of Kuban region (based on materials of archaeological work in irrigation zones of Krasnodar Krai)]*. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 92–166.

Trifonov V. A., 1991b. Baturinskiy variant predkavkazskoy katakombnoy kultury [Baturin variant of Fore-Caucasus catacomb culture]. *Katakombnye kultury Severnogo Prichernomor'ya [Catacomb cultures of North Pontic region]*. S. N. Bratchenko, ed. Kiev: Respublikanskaya assotsiatsiya molodykh uchenykh i spetsialistov AN Ukrainy, pp. 101–116.

Vlaskin M. V., 1999. Otchet ob issledovanii kurgannogo mogilnika Novopalestinskiy I v Peschanokopskom rayone Rostovskoy oblasti v 1999 godu [Report on the study of Novopalestinsky I kurgan cemetery in Peschanokopsky district, Rostov region in 1999]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Vlaskin N. M., 2010. Sravnitelnaya kharakteristika katakombnykh kultur manychskogo tipa epokhi sredney bronzy: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Comparative characteristics of Middle Bronze Age catacomb cultures of Manych type: PhD Thesis]. St. Petersburg. 24 p.

Yatsenko V. V., 2012. Otchet o raskopkakh chetyrekh kurganov mogilnika Aleksandrovka 2 v Azovskom rayone Rostovskoy oblasti v 2012 godu [Report on excavation of kurgans of Aleksandrovka 2 cemetery in Azov region, Rostov Region in 2012]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

About the author

Melnik Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: melvaler@yandex.ru

Ю. В. Лунькова, В. Ю. Луньков, С. В. Демиденко

ПОГРЕБЕНИЯ С НОЖАМИ В ДЕРЕВЯННЫХ ФУТЛЯРАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСОВ[1]

Резюме. В статье приводятся результаты анализа погребального обряда комплексов срубной КИО, в состав инвентаря которых входят металлические ножи в деревянных футлярах. Рассмотрено десять комплексов, расположенных в бассейне среднего и нижнего течения реки Волга, продемонстрировавших высокую степень близости черт обряда внутри выделенной группы погребений. Полученные характеристики позволили отнести их к категории «неординарных» захоронений, где погребен взрослый человек (как правило, мужчина 25–55 лет), обладавший социально значимым статусом. Предложен один из вариантов интерпретации функционального назначения «специализированных» ножей. Рассмотрены конструктивные элементы и способ крепления деревянных футляров.

Ключевые слова: срубная КИО, погребальный обряд, металлический нож, ножбритва, деревянный футляр.

В 2006 г. в процессе раскопок курганного могильника Красные Липки (Волгоградская область) обнаружены комплексы, содержащие неординарный набор некерамического инвентаря, включающий и изделия из органических материалов хорошей сохранности (*Луньков и др.*, 2024). К этим комплексам относятся в том числе к. 3, п. 1 и к. 6, п. 2, в которых находились металлические ножи в деревянных футлярах. Присутствие ножей в погребениях срубной КИО достаточно редкое явление и, по сведениям разных исследователей, не превышает трех процентов от всего массива памятников (*Крамарев*, 2015. С. 339; *Лунькова*, 2002. С. 183). Наличие изделий из органических материалов, в данном

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР № 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.79-93

случае дерева, позволяет рассматривать их в качестве уникальных. Необходимо отметить, это не единственный памятник, где обнаружены ножи в деревянных футлярах. По литературе и полевым отчетам, хранящимся в Научном архиве ИА РАН, таких комплексов выявлено еще восемь. Малочисленность данной группы погребений обусловлена рядом причин: очень плохой сохранностью деревянных изделий, сложностью их фиксации и, в целом, единичной встречаемостью металлических ножей, помещенных в футляры. Значительно выше частота обнаружения ножей с деревянными рукоятями или в ножнах.

Находки футляров крайне редки. Обнаруженные к настоящему времени экземпляры изготовлены из дерева. В подавляющем большинстве это следы (тлен) или фрагменты изделия, позволяющие непосредственно при раскопках определять их именно как футляр. Несмотря на малочисленность комплексов и плохую сохранность футляров, анализ обряда погребений с рассматриваемой категорией инвентаря представляет значительный интерес в силу своей редкой встречаемости, уникальности предметов и свидетельств определенного способа хранения конкретной категории ножей.

Целью работы является реконструкция погребального обряда захоронений с ножами в деревянных футлярах, включающая детальную характеристику комплексов, возможные варианты интерпретации функционального назначения ножей, а также социального статуса погребенных.

В рассматриваемую выборку погребений включено девять погребальных памятников, содержащих десять комплексов, при раскопках которых исследователи зафиксировали свидетельства помещения металлических ножей в деревянные футляры (рис. 1). Степень сохранности во многом обусловлена их непосредственным соприкосновением с металлическими ножами, по аналогии с более многочисленными сохранившимися до наших дней рукоятями ножей и шильев, ножнами и деталями деревянных сосудов. Большая часть деревянных футляров для ножей известна только по упоминаниям авторов раскопок в публикациях и отчетах (исключение составляют три комплекса: два из курганного могильника Красные Липки (*Луньков и др.*, 2024. Рис. 22, 40) и один из могильника у с. Ягодное (*Мерперт*, 1954. Рис. 10). В связи с этим некоторые комплексы включены в выборку с достаточной степенью условности.

Так, нет полной ясности с деревянными изделиями из к. 2, п. 1 могильника Визенмиллер, исследованного в середине 20-х гг. XX в. П. С. Рыковым. По описанию автора, «…нож из погребения в холме Визенмиллера № 2 интересен тем, что его деревянная рукоятка сохранилась. Рукоятка широкая и охватывает стержень, который имеет узкий и изогнутый профиль, до ножен» (перевод с немецкого) (*Rykov*, 1927. S. 58). Обращаясь к этой же находке, Н. Я. Мерперт пишет: «Ножны…, или, вернее, футляр для ножа, также состояли из двух половинок, скрепленных через отверстия кожаным ремешком» (*Мерперт*, 1954. С. 148). С определенной долей условности в выборку включен и обнаруженный к. 10, п. 4 могильника Южный нож «…в деревянном, частично сохранившемся чехле» (*Захариков, Цыбрий*, 2009. С. 105).

При картографическом анализе обращает на себя внимание достаточно компактное расположение этих памятников вдоль среднего и нижнего течения р. Волга, а расстояние между самыми удаленными из них не более 600 км (рис. 1).

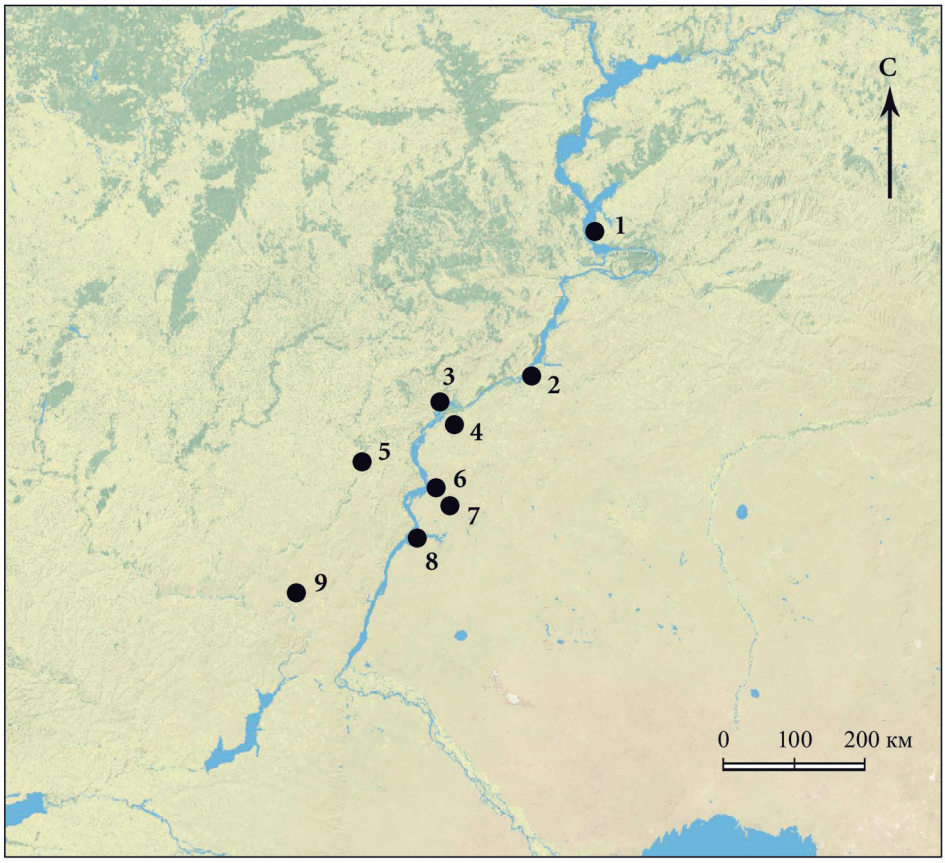

Рис. 1. Погребальные памятники с комплексами, содержащими ножи в деревянных футлярах

1 – Ягодное; *2* – Натальино II; *3* – Чардымский; *4* – Осиновка; *5* – Южный; *6* – Кочетное; *7* – Визенмиллер; *8* – Бережновский II; *9* – Красные Липки

Такое территориальное распределение позволяет предположить существование единой группы комплексов, содержащих определенный характерный набор некерамического инвентаря, на конкретной территории.

Обратимся к анализу погребального обряда этих памятников, основные характеристики которого приведены в табл. 1. Погребения располагались не в одиночных курганах, а в могильниках. В насыпи курганов трех памятников отмечены следы огня либо в виде кострищ (Ягодное, к. 5 и Бережновский II, к. 90), либо в виде зольной подсыпки (Визенмиллер, к. 2). Вокруг погребений из могильников Кочетное, к. 7, п. 4 и Красные Липки, к. 3, п. 1 зафиксированы ровики. Везде, где есть информация, захоронения являлись основными с сохранившимися в большинстве случаев выкидами. Погребены взрослые, и в случаях наличия антропологических определений – это мужчины 25–55 лет.

Таблица 1. Основные характеристики погребального обряда комплексов с металлическими ножами в деревянных футлярах*

Комплекс	Тип погребения	Наличие выкида	Перекрытие могильной ямы	Форма могильной ямы	Размеры могильной ямы, м	Ориентировка могильной ямы/костяка	Поза костяка	Пол костяка	Количество сосудов	Некерамический инвентарь**	Наличие костей животных	Органические или минеральные остатки
Ягодное, к. 5, п. 8	осн.	нет	есть	прямоуг.	2 × 1,5	С	скорч., л. б.	муж.	2	нож	КРС	нет
Натальино II, к. 10, п. 1	осн.	нет	нет	прямоуг.	2,2 × 1,8	СЗ	скорч., л. б.	муж.	1	нож, булава, туесок, бусы, наконечники стрел, камен. предм.	КРС	есть
Чардымский, к.1, п. 9***	осн.	есть	есть	подквад.	1,7–1,4 × 1,75	ССВ	скорч., л. б.	взр.		костяные пряжка и предмет, белемнит	нет	есть
Осиновка, к. 6, п. 1	осн.	есть?	есть	прямоуг.	1,9 × 1,2	С	скорч., л. б.	взр.	2	нож	есть	нет
Южный, к. 10, п. 4	осн.	есть	есть	прямоуг.	2,18 × 1,64	С	скорч., л. б.	взр.		нет	КРС	есть
Кочетное, к. 7, п. 4	осн.	есть	есть	прямоуг.	4,4 × 2,5	В–З, яма; С–Ю, циновки	кенотаф			нож, серп, деревян. предм. в виде лодки (сосуд?)	есть	есть
Визенмиллер, к. 2, п. 1	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	С	скорч., л. б.	нет данных	2	костяные стрелы	нет данных	нет данных

Окончание табл. 1

Комплекс	Тип погребения	Наличие выкида	Перекрытие могильной ямы	Форма могильной ямы	Размеры могильной ямы, м	Ориентировка могильной ямы/ костяка	Поза костяка	Пол костяка	Количество сосудов	Некерамический инвентарь**	Наличие костей животных	Органические или минеральные остатки
Бережнов-ский II, к. 90, п. 2	осн.	есть	есть	прямоуг.	1,9 × 1,4	СВ	скорч., л. б.	муж.		булава	КРС	есть
Красные Липки, к. 3, п. 1	осн.	есть	есть	прямоуг.	1,9 × 1,5	СВ	скорч., л. б.	муж.	1	нож	КРС	нет
Красные Липки, к. 6, п. 2	осн.	есть	есть	прямоуг.	2,07 × 1,97	С	кремация пр. б.		3	металлич. накладки на венчик и тулово деревян. сосуда, костяной диск	нет	нет

Примечания: * – сокращения в таблице: осн. – основные погребения; ориентировки: С – на север, СВ – на северо-восток, ССВ – на северо-северо-восток, СЗ – на северо-запад, З–В – запад–восток, С–Ю – север–юг; скорч. – положение костяка скорченно; л. б. – левый бок; пр. б. – правый бок; муж. – мужской; взр. – взрослый; КРС – крупный рогатый скот;

** – состав некерамического инвентаря указан без учета ножа в деревянном футляре;

*** – нумерация погребения по раскопкам В. Г. Миронова в 1987 г. (*Малов*, 2022. С. 77–78).

Обращает на себя внимание высокая частота встречаемости костей животных или в виде тризны у края могильной ямы, или в самой яме. В ряде случаев есть определения костей, которые позволяют их отнести к крупному рогатому скоту.

Практически все могильные ямы были прямоугольными и имели деревянные перекрытия. Размеры варьировали по длине от 1,7 до 2,2 м, по ширине – от 1,2 до 2 м. Единственное исключение – кенотаф размером 4,4 на 2,5 м. Ориентировка погребенных совпадала с ориентировкой могильных ям по длинной оси и была направлена головой на север, северо-восток и реже на северо-запад. В случае с кенотафом (Кочетное к. 7, п. 4) по длинной оси он ориентирован восток – запад.

Особое внимание привлекает п. 2 из к. 6 м-ка Красные Липки, где отмечен случай кремации. При этом скопление фрагментов кальцинированных костей человека помещены в могилу в мешке, имитируя позу скорчено на правом боку с незначительно согнутыми коленями (*Луньков и др.*, 2024. С. 135), что позволило определить ориентировку погребенного.

При обряде ингумации костяк обычно находился в скорченном положении на левом боку в центре могильной ямы, реже смещен к западной стенке. В могильной яме находился только один костяк, а вот кенотаф был рассчитан, скорее всего, на захоронение как минимум трех индивидов, так как зафиксировано наличие трех циновок (*Юдин, Матюхин*, 2006. Рис. 7).

Керамический инвентарь представлен сосудами разных размеров и степени профилированности. На баночных сосудах сохранились следы расчесов, на профилированных, низких пропорций с выделенным ребром – сложные композиции орнамента, элементы которого связаны с конструктивными частями сосуда – венчиком, плечиком и туловом. На одном из сосудов могильника Красные Липки в его верхней части прочерчен линиями знак в виде неправильного пятиугольника, в середине которого проведена короткая слабо изогнутая черта, ограниченная двумя вдавлениями округлой формы (*Луньков и др.*, 2024. Рис. 20). В погребениях с обрядом ингумации количество сосудов не превышало двух, в могилах с кремацией – присутствовало три.

Некерамический инвентарь, помимо ножей в деревянных футлярах, достаточно разнообразен и представлен такими предметами, как: ножи без футляров, бусы, костяные и кремневые наконечники стрел, костяные пряжка и диск, скобы, металлические обкладки деревянных сосудов, булавы, каменные и костяные предметы неясного назначения. Хотя выборка погребений невелика, можно наметить выделение группы комплексов, где в составе некерамического инвентаря встречены только ножи, один из которых находился в футляре, а другой – нет (Ягодное, к. 5, п. 8; Осиновка, к. 6, п. 1; Красные Липки, к. 3, п. 1). Неотъемлемой частью большинства погребений является присутствие органических подстилок и минеральных остатков.

Обращает на себя внимание близость по всем основным характеристикам обряда двух погребений – Красные Липки к. 3, п. 1 и Ягодное к. 5, п. 8: размер могильных ям прямоугольной формы, кости крупного рогатого скота – в виде тризны или в могиле, мощные деревянные перекрытия, поза, ориентировка и пол погребенного, состав инвентаря. Складывается впечатление, что это два

«идентичных погребения», хотя и расположенных на достаточно значительном удалении друг от друга: могильник Ягодное – самый северный памятник из данной выборки, а могильник Красные Липки – самый южный (рис. 1). В хронологическом плане тоже есть различия – могильник Красные Липки занимает более раннюю позицию по сравнению с могильником Ягодное.

Проведенный анализ погребального обряда изучаемых комплексов продемонстрировал высокую степень близости черт обряда внутри данной группы: погребения являлись основными в кургане, фиксируются крупные могильные ямы прямоугольной формы, сопровождавшиеся перекрытием. Захоронения совершены по обряду ингумации за исключением двух случаев (кремация и кенотаф). Погребены взрослые и там, где есть антропологические определения, это мужчины 25–55 лет. В могильных ямах присутствовали кости животных как внутри ям, так и около них в качестве жертвенника, а также остатки минерального и органического происхождения. В то же время нельзя не отметить и некоторые черты различия: не для всех погребений прослежены ровики и выкиды, присутствует наряду с обрядом ингумации обряд кремации и кенотаф.

Все перечисленные выше характеристики, а также разнообразный набор некерамического инвентаря рассматриваются в качестве маркеров «неординарных» погребений, где захоронен умерший, обладавший социально значимым статусом (*Цимиданов*, 2004. С. 7–10 и др.). Погребения могут быть отнесены к раннему периоду срубной КИО (*Семенова*, 2000. С. 161–171; и др.).

В рассматриваемых погребениях встречено 14 ножей, десять из которых находились в футлярах и представлены как «универсальными» двулезвийными орудиями (рис. 2: *3, 6, 10*), так и более «специализированными» ножами-бритвами со слабо намеченным перекрестьем или без него, длинным черенком, плавно сужающимся к концу, приобретая прямоугольную форму, широким лезвием с округлым окончанием (рис. 2, *1, 2, 4, 5, 7–9*). Первые достаточно широко представлены в памятниках срубной КИО (*Черных*, 1970. С. 63 и др.), вторые, численно преобладающие в выборке, относятся к «специализированным» ножам-бритвам и встречаются, преимущественно, в покровских – раннесрубных – погребениях.

В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН определен состав металла ножей из комплексов Натальино II, к. 10, п. 1 и Бережновский II, к. 90, п. 2 (*Черных*, 1970. С. 129. Рис. 56: *5*7). Оба изготовлены из оловянной бронзы (7 и 3,7 % Sn соответственно). Другие элементы содержатся в незначительных количествах.

В четырех комплексах (Ягодное, к. 5, п. 8; Натальино II, к. 10, п. 1; Осиновка, к. 6, п. 1; Красные Липки, к. 3, п. 1) одновременно (соответственно в одинаковых условиях сохранности) находилось по два ножа в каждом, причем один нож был в футляре, а другой нет. Это позволяет говорить о нечастом использовании ножей в футлярах в повседневной жизни и предназначении их для «особых» случаев. В большинстве случаев в футляре находился нож именно той формы, которая в памятниках позднего бронзового века встречается редко, что, возможно, и потребовало их специального хранения.

Для поиска «особых» случаев, когда такие ножи могли использоваться, привлечем аналогии. Предварительно необходимо отметить, что трасологически эти

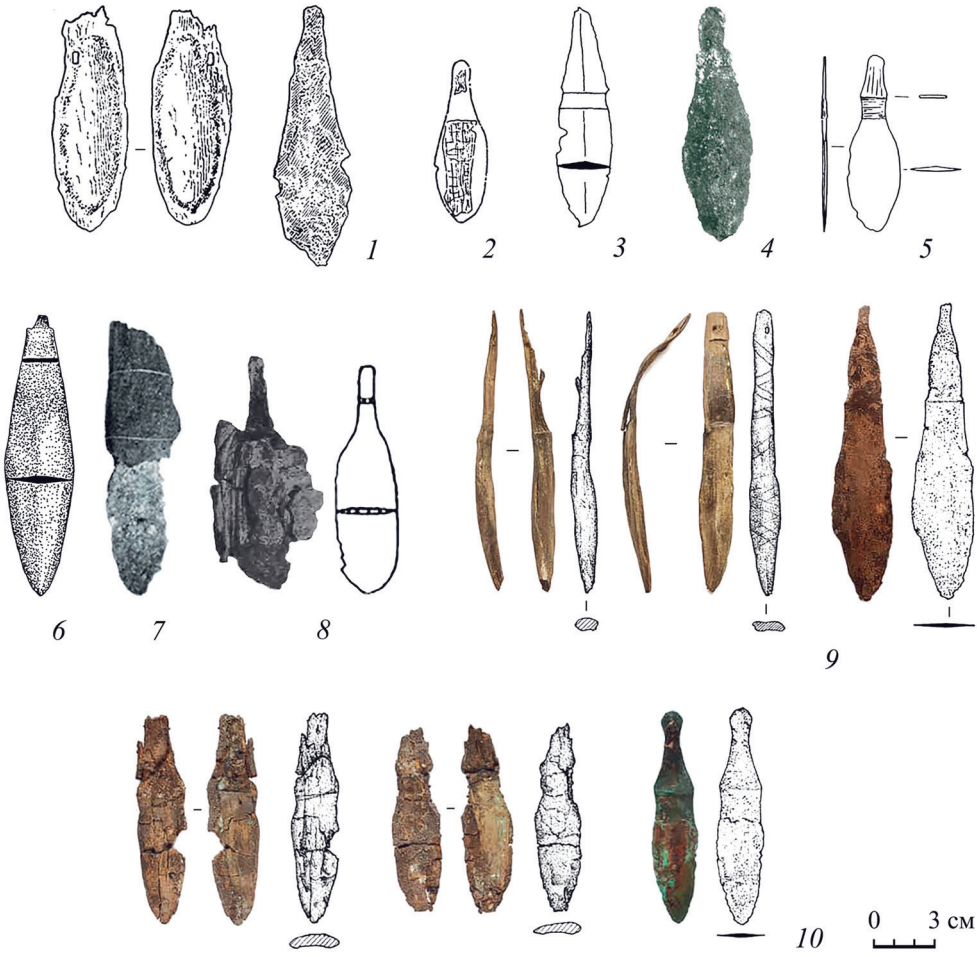

Рис. 2. Ножи с деревянными футлярами

1 – Ягодное, к. 5, п. 8 (по: *Мерперт*, 1954); *2* – Натальино II, к. 10, п. 1 (по: *Малов*, 1991); *3* – Чардымский, к. 1, п. 9 (по: *Малов*, 2022); *4* – Осиновка, к. 6, п. 1 (по: *Галкин*, 1977); *5* – Южный, к. 10, п. 4 (по: *Захариков, Цыбрий*, 2009); *6* – Кочетное, к. 7, п. 4 (по: *Юдин, Матюхин*, 2006); *7* – Визенмиллер, к. 2, п. 1 (без масштаба) (по: *Rykov*, 1927); *8* – Бережновский II, к. 90, п. 2 (по: *Синицын*, 1960; *Черных*, 1970); *9, 10* – Красные Липки, к. 3, п. 1; к. 6, п. 2 (по: *Луньков и др.*, 2024)

ножи не изучались. Есть лишь комментарии обнаруживших их исследователей, сформированные на основании визуального осмотра предметов. Так, в единственном погребении кургана 2 могильника у с. Песочное обнаружен нож-бритва, находившийся между ребрами крупного животного, которые располагались за спиной погребенного около продольной стенки (*Зудина, Скарбовенко*, 1985. С. 54. Рис. 6). Это позволяет предположить использование «специализированных» ножей, найденных в футлярах, для совершения действий, связанных, в том

числе, и с разделыванием туш животных. Не стоит забывать и о высоком проценте встречаемости костей животных в могильных ямах или около них рассматриваемого круга памятников.

С другой стороны, по морфологическим признакам данная категория ножей может рассматриваться и как медицинский инструмент[2]. Н. М. Малов на костях черепа женщины из к. 35, п. 2 покровской культуры близ г. Покровска зафиксировал надрезы в форме четырехугольника, выполненные, вероятнее всего, с использованием ножа (*Малов*, 2018. С. 98). Автор считает это свидетельством операционного вмешательства. По его мнению, ножи, сочетающиеся с иглами в одном погребении (Покровск, к. 13, Сухая Саратовка, Алексеевка II, Букатовка II), могут являться медицинским инструментом (Там же). В нашей выборке подобных наборов не отмечено. В собрании Минусинского регионального краеведческого музея им. Мартьянова имеются бронзовые ножи более позднего времени (РЖВ), часть из которых морфологически близка ножам в футлярах из рассматриваемой выборки. А. О. Наглер считает, что они могут быть определены как инструменты из медицинских наборов, приводя в качестве аналогий инструменты римских врачей (*Наглер*, 2013. С. 348).

О существовании в ямно-катакомбное время на памятниках Северного Причерноморья специализированных ножей, которые имели отношение к медицине, писал и С. Ж. Пустовалов (*Пустовалов*, 2019. С. 776).

Таким образом, в качестве вариантов назначения ножей-бритв, помещенных в футляры, можно рассматривать их использование для совершения надрезов кожных покровов, в том числе при ритуальных действиях и/или при проведении полостных операций, следы которых не фиксируются на посткраниальном скелете.

Вопрос о социальном статусе погребенных и их положении в коллективе требует специального исследования. Кратко стоит отметить, что возможны разные интерпретации, учитывая широкий круг разработок в этом направлении (*Цимиданов*, 2004. С. 7–10; и др.). В качестве одной из версий можно предположить, что захороненные мужчины 25–55 лет из рассматриваемых погребений участвовали в ритуалах или обрядах, связанных с применением «специализированных» ножей, а возможно, и возглавляли определенные коллективы людей. Именно использование в такого рода действиях и редкое применение в повседневной жизни обусловило особый способ их хранения и «владения» конкретным человеком, после смерти которого нож оставался при нем.

Вместе с тем необходимо отметить, что наборы орудий в деревянных футлярах, тканевых и кожаных чехлах, обнаруженные в комплексах святилища Шайтанское озеро (*Корочкова и др.*, 2020. С. 33–35), не являлись сопроводительным погребальным инвентарем.

Большой интерес вызывают сами футляры. Как отмечалось выше, полностью сохранившихся футляров практически нет, за исключением трех комплексов: два из курганного могильника Красные Липки (*Луньков и др.*, 2024. Рис. 22; 40) и один из могильника у с. Ягодное (*Мерперт*, 1954. Рис. 10).

[2] Благодарим С. В. Кузьминых, обратившего наше внимание на данный аспект использования «специализированных» ножей-бритв.

Обнаруженные деревянные футляры состояли из двух симметричных створок с вырезанными/выдолбленными по форме конкретных ножей выемками. Учитывая специфику сохранности деревянных предметов только в местах соприкосновения с металлом, на полевых фотографиях погребений форма деревянных футляров повторяет форму ножей (*Мерперт*, 1954. Рис. 9: *4*; *Галкин*, 1977. Рис. 117а). Тем не менее можно предположить, опираясь на данные о двустворчатых литейный формах времени ПБВ, что футляры имели подпрямоугольную форму со скругленными углами. По наблюдениям Н. Я. Мерперта, створки деревянного футляра одного из ножей в к. 5, п. 8 могильника Ягодное скреплены «…узким кожаным ремешком, который, может быть, обматывал футляр целиком. Остатки ремешка заметны в нескольких местах на поверхности ножен, так же, как и дырочки для скрепления» (*Мерперт*, 1954. С. 148). Аналогичное крепление отмечается им и для находки из Визенмиллера (Там же).

Более детально представить конструктивные элементы футляра позволяют находки из могильника Красные Липки:

Погребение 1 курган 3: деревянные обкладки (две створки) полностью охватывали с обеих сторон один из ножей. Внутренняя поверхность уплощена, в районе черенка сохранились углубления прямоугольной формы, соответствующие его форме. Сечение плашек-обкладок овальное. На внешней стороне одной из них прорезан узор в виде зигзагообразных и крестообразных линий, занимающих всю ширину створки. Створки деформированы. Сохранившиеся размеры: длина 13,4 см и 12,8 см, максимальная ширина 1,1 см и 1,6 см соответственно (рис. 2: *9*) (*Луньков и др.*, 2024. С. 131. Рис. 22).

Погребение 2 курган 6: деревянный футляр состоит из двух частей и повторяет форму ножа. Зафиксированные размеры: длина одной части 9,7 см, максимальная ширина в районе лезвия 2,5 см; длина второй – 8,6 см, максимальная ширина 2,24 см. Вероятно, сохранились лишь непосредственно прилегающие к ножу части изделия (рис. 2: *10*) (Там же. С. 136. Рис. 40: *1, 3*).

Сохранившиеся остатки деревянных рукоятей ножей, помещенных в футляры, обнаружены в погребениях могильников Чардымский и Осиновка (*Малов*, 2022. С. 76; *Галкин*, 1977. С. 38. Рис. 118а), следы обвязки по перехвату ножа – в могильнике Южный (рис. 2: *5*) (*Захариков, Цыбрий*, 2009. С. 105). Вместе с тем, судя по имеющимся футлярам в двух комплексах могильника Красные Липки, помещенные в них ножи не имели деревянных рукоятей или кожаной обмотки черенка (рис. 2: *9, 10*).

Следует обратить внимание и на орнамент на створке футляра из к. 3, п. 1 могильника Красные Липки. Он представляет собой нанесенные острым орудием линии, расположенные под разными углами к длинной оси предмета (рис. 3: *а, б*) (*Луньков и др.*, 2024. Рис. 22). Реконструированная на основании орнаментов на срубной посуде композиция состоит из нескольких групп знаков-символов (*Захарова*, 2000. С. 69, 70. Рис. 40). Достаточно хорошо определяются выполненные сдвоенными линиями два угла, отдельно расположенная наклонная линия, заполненный угол и знак-рамка (рис. 3: *в*). Подобные знаки достаточно широко распространены на срубной посуде, а на ряде сосудов встречены совместно в составе орнаментальной композиции (Там же. Рис. 17: *1*; 19: *4*), в том числе на сосуде из насыпи одного из курганов рассматриваемого

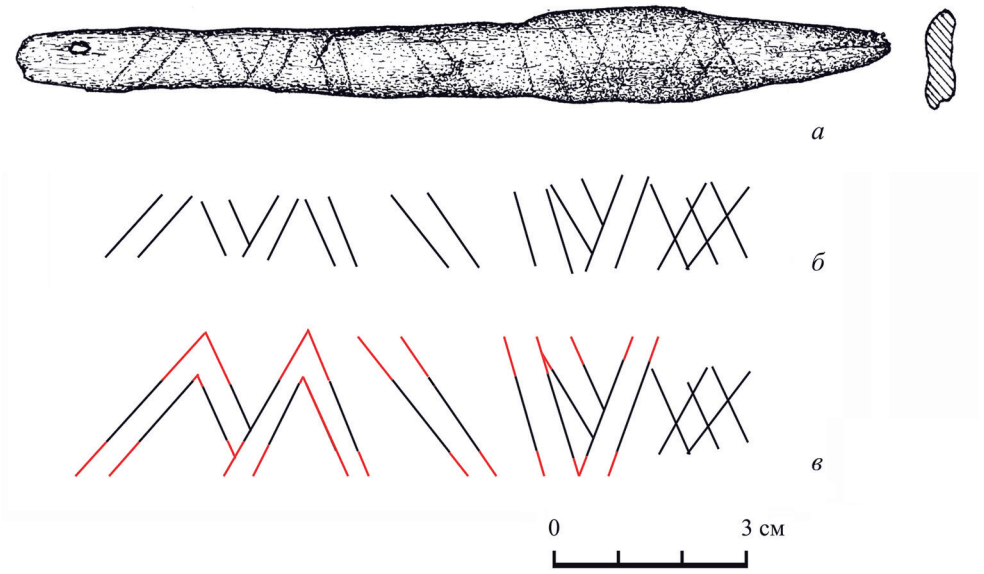

Рис. 3. Красные Липки, к. 3, п. 1. Створка футляра с орнаментом
а – створка; *б* – прорисовка орнамента; *в* – реконструкция орнамента

могильника Осиновка (*Захарова*, 2000. Рис. 26: *8*). Двойной зигзаг (на анализируемом футляре – углы, выполненные сдвоенными линиями) рассматривается исследователями как наиболее характерный элемент орнамента на покровских сосудах (*Кузнецов, Мочалов*, 2021. С. 365). Это позволяет получить дополнительные хронологические маркеры для исследуемых памятников.

Стоит отметить, что помещение металлических ножей в деревянные футляры не является уникальным явлением, отмеченным только на памятниках срубной КИО. Подобные находки известны и для более раннего времени. Два ножа-бритвы в деревянных футлярах обнаружены А. А. Бобринским при раскопках в 1911 г. в Киевской губернии (*Бобринский*, 1913. С. 93. Рис. 1; 4: *а, б*). Оба погребения, по всей видимости, относятся к позднеямному времени. Находки ножей и шильев в деревянных или кожаных футлярах зафиксированы также в катакомбных памятниках (Ремесло…, 1994. С. 148).

Завершая рассмотрение комплексов с металлическими ножами в деревянных футлярах, можно сделать ряд заключений:

– анализ обряда погребений с ножами в деревянных футлярах продемонстрировал единство сформированной группы, проявившееся в таких чертах погребального ритуала, как: основные погребения в кургане, крупные могильные ямы прямоугольной формы, сопровождавшиеся перекрытием; обряд ингумации, за исключением двух случаев (кремация и кенотаф); захоронение взрослых, как правило, мужчин 25–55 лет; разнообразный некерамический инвентарь; присутствие костей животных как внутри ямы, так и около нее в качестве жертвенника: остатки минерального и органического происхождения;

– наличие специального способа хранения конкретной категории ножей – «специализированных» ножей-бритв, предназначенных для использования в обрядово-ритуальной практике;

– охарактеризованные конструктивные элементы и способ крепления деревянных футляров, предназначенных для ножей, могут способствовать интерпретации деревянных фрагментов неясного назначения;

– отнесение погребений к категории «социально значимых», статусный некерамический инвентарь, присутствие костей животных в могильных ямах или около них позволяют предполагать, что в данных комплексах погребены мужчины, обладавшие особым социальным статусом и принимавшие участие в ритуальных действиях, а возможно, и стоявшие во главе коллективов;

– орнамент, нанесенный на деревянные футляры, полностью соответствует традициям украшения керамических сосудов срубной КИО.

Таким образом, проанализированные комплексы продемонстрировали единство сформированной группы погребений, проявившееся в устойчивости характеристик погребального обряда, выразительности вещевого комплекса и интерпретации как социально значимых погребений. Это позволяет рассматривать данные памятники в качестве источника информации, характеризующей не только определенный хронологический период развития срубной КИО – ранний этап (а возможно, и начало развитого), но и социальный аспект истории населения, оставившего эти памятники.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1913. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1911 году (с 6 рис.) // ИИАК. Вып. 49. СПб. С. 89–100.

Галкин Л. Л., 1977. Отчет о работе Средневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5843. 69 л., № 5843а. Альбом иллюстраций к отчету. 116 л., 203 ил.

Захариков А. П., Цыбрий В. В., 2009. Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году // АВЕС. Вып. 7. С. 98–122.

Захарова Е. Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во. 163 с.

Зудина В. Н., Скарбовенко В. А., 1985. Раннесрубный могильник в с. Песочное // Древности Среднего Поволжья: межвуз. сб. / Ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 51–78.

Корочкова О. В., Стефанов В. И., Спиридонов И. А., 2020. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Уральский ун-т. 214 с.

Крамарев А. И., 2015. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара: Самарский науч. центр РАН. С. 336–397.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., 2021. Памятники потаповской культуры // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: АН РТ. С. 347–367.

Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Демиденко С. В., 2024. Комплексы эпохи поздней бронзы могильника Красные Липки (левый берег р. Дон, Волгоградская область) // АВЕС. Вып. 20. С. 125–197.

Лунькова Ю. В., 2002. Погребения с ножами срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н. Я. Мерперта / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 181–188.

Малов Н. М., 1991. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. Вып. 2. С. 15–42.

Малов Н. М., 2018. Металлические швейные иглы позднего бронзового века в Нижнем Поволжье // АВЕС. Вып. 14. С. 78–117.

Малов Н. М., 2022. Первый Чардымский курган эпохи поздней бронзы с коллективными могилами: раскопки П. С. Рыкова // АВЕС. Вып. 18. С. 65–107.

Мерперт Н. Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1 / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 39–156. (МИА; № 42.)

Наглер А. О., 2013. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 337–351.

Пустовалов С. Ж., 2019. Некоторые данные о развитии медицины в ямно-катакомбном обществе Северного Причерноморья // Vir Bimaris: od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich: studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko / Red. Marzeny Szmyt et al. Poznań: Instytut Archeologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. S. 775–784.

Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. Киев: Наукова думка, 1994. 190 с.

Семенова А. П., 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Отв. ред.: Ю. И. Колев, А. Е. Мамонов, М. А. Турецкий. Самара: Самарский науч. центр РАН. С. 152–208.

Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / Отв. ред.: Е. И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР. С. 10–168. (МИА; № 78.)

Цимиданов В.В., 2004. Социальная структура срубного общества / Отв. ред. В.В. Отрощенко. Донецк. 203 с.

Черных Е. Н., 1970. Древняя металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука. 178 с. (МИА; № 172.)

Юдин А. И., Матюхин А. Д., 2006. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Научная книга. 116 с.

Rykov P., 1927. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // ESA. Vol. I. Helsinki. S. 51–84.

Сведения об авторах

Лунькова Юлия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vlunkov69@yandex.ru;

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru

Yu. V. Lunkova, V. Yu. Lunkov, S. V. Demidenko

SRUBNAYA BURIALS WITH KNIVES IN WOODEN CASES: CHARACTERISTICS OF THE ASSEMBLAGES

Abstract. The paper describes the results of analyzing the burial rite of Srubnaya graves with funerary offerings that include metal knives with preserved wooden cases. The authors examined ten graves demonstrating a high degree of similarity regarding the funeral traits within the identified group. The discussed burials are located in the middle and lower reaches of the Volga. The characteristics identified made it possible to describe

these associations as «unordinary» graves where an adult (as a rule, a man aged 25–55) of a high social status was buried. The authors suggest their interpretation variant regarding the functional purpose of «specialized» knives. They also review structural parts of the wooden cases as well as the method by which their parts were held together.

Keywords: Srubnaya archaeological community, burial rite, metal knife, knife-razor, wooden case.

REFERENCES

Bobrinskiy A. A., 1913. Otchet o raskopkakh v Kievskoy gubernii v 1911 godu [Report on excavations in Kiev province in 1911]. *IIAK*, 49. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, pp. 89–100: 6 il.

Chernykh E. N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [The earliest metallurgy of Urals and Volga region]. Moscow: Nauka. 178 p. (MIA, 172.)

Galkin L. L., 1977. Otchet o rabote Srednevolzhskoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1976 g. [Report on the work of Middle Volga expedition of IA, AS of the USSR in 1976]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.) Album of illustrations.

Korochkova O. V., Stefanov V. I., Spiridonov I. A., 2020. Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala [Sanctuary of first metallurgists of Middle Urals]. Ekaterinburg: Uralskiy universitet. 214 p.

Kramarev A. I., 2015. Nekeramicheskiy inventar' v pogrebalnykh pamyatnikakh srubnoy kul'tury Yuzhnogo Srednevolzh'ya [Non-ceramic goods in burial sites of Srubnaya culture of Southern Middle Volga region]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of Volga region archaeology]*, 5. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 336–397.

Kuznetsov P. F., Mochalov O. D., 2021. Pamyatniki potapovskoy kul'tury [Potapovo culture sites]. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya [Archaeology of Volga-Urals region], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]*. A. G. Sitdikov, A. A. Chizhevskiy, eds. Kazan': AN RT, pp. 347–367.

Lunkov V. Yu., Lunkova Yu. V., Demidenko S. V., 2024. Kompleksy epokhi pozdney bronzy mogil'nika Krasnye Lipki (levyy bereg r. Don, Volgogradskaya oblast') [Late Bronze Age associations from Krasnye Lipki cemetery (left bank of Don River, Volgograd region)]. *AVES*, 20, pp. 125–197.

Lunkova Yu. V., 2002. Pogrebeniya s nozhami srubnoy kul'tury lesostepnoy zony Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [Burials containing knives of Srubnaya culture in forest-steppe zone of Volga-Don interfluve]. *Problemy arkheologii Evrazii [Issues of archaeology of Eurasia]*. R. M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 181–188.

Malov N. M., 1991. Pogrebeniya s bulavami i vtokami iz Natal'inskogo mogilnika [Burials with maceheads and plugs from Natal'inskiy cemetery]. *AVES*, 2, pp. 15–42.

Malov N. M., 2018. Metallicheskie shveynye igly pozdnego bronzovogo veka v Nizhnem Povolzh'e [Late Bronze Age metal sewing needles from Lower Volga region]. *AVES*, 14, pp. 78–117.

Malov N. M., 2022. Pervyy Chardymskiy kurgan epokhi pozdney bronzy s kollektivnymi mogilami: raskopki P. S. Rykova [Late Bronze Age First Chardymsky kurgan with multiple graves: excavations by P. S. Rykov]. *AVES*, 18, pp. 65–107.

Merpert N. Ya., 1954. Materialy po arkheologii Srednego Zavolzh'ya [Materials on archaeology of Middle Trans-Volga region]. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Kuybyshev archaeological expedition]*, 1. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 39–156. (MIA, 42.)

Nagler A., 2013. O nalichii meditsinskikh instrumentov u naseleniya Evrazii v epokhu rannego zheleza (k postanovke problemy) [On availability of medical instruments among population of Eurasia in Early Iron Age (raising the problem)]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii [Fundamental problems of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia]*. V. I. Molodin, M. V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 337–351.

Pustovalov S. Zh., 2019. Nekotorye dannye o razvitii meditsiny v yamno-katakombnom obshchestve Severnogo Prichernomor'ya [Some data on development of medicine in Yamnaya-Catacomb society of North Pontic region]. *Vir Bimaris: od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich: studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko*.

M. Szmyt, ed. Poznań: Instytut Archeologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, pp. 775–784.

Remeslo epokhi eneolita–bronzy na Ukraine [Craft of Chalcolithic-Bronze Age in Ukraine]. Kiev: Naukova dumka, 1994. 190 p.

Semenova A. P., 2000. Pogrebal'nye pamyatniki srubnoy kul'tury [Burial sites of Srubnaya culture]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Bronzovyy vek [History of Samara Volga region from ancient times to the present day. Bronze Age]*. Yu. I. Kolev, A. E. Mamonov, M. A. Turetskiy, eds. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 152–208.

Sinitsyn I. V., 1960. Drevnie pamyatniki v nizov'yakh Eruslana (po raskopkam 1954–1955 gg.) [Ancient sites in lower reaches of Yeruslan (based on 1954–1955 excavations)]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Antiquities of Lower Volga region (Results of work of Stalingrad archaeological expedition)]*, II. E. I. Krupnov, K. F. Smirnov, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 10–168. (MIA, 78.)

Tsimidanov V. V., 2004. Sotsialnaya struktura srubnogo obshchestva [Social structure of Srubnaya society]. Donetsk. 203 p.

Yudin A. I., Matyukhin A. D., 2006. Rannesrubnye kurgannye mogil'niki Zolotaya Gora i Kochetnoe [Early Srubnaya kurgan cemeteries Zolotaya Gora and Kochetnoe]. Saratov: Nauchnaya kniga. 116 p.

Zakharikov A. P., Tsybriy V. V., 2009. Okhrannye raskopki kurgannogo mogil'nika «Yuzhnyy» v 2003 godu [Salvage excavations of «Yuzhny» kurgan cemetery in 2003]. *AVES*, 7, pp. 98–122.

Zakharova E. Yu., 2000. Sosudy so znakami srubnoy obshchnosti epokhi pozdney bronzy [Vessels with signs of Late Bronze Age Srubnaya community]. Voronezh: Tsentralno-Chernozemnoe knizhnoe izdatelstvo. 163 p.

Zudina V. N., Skarbovenko V. A., 1985. Rannesrubnyy mogil'nik u s. Pesochnoe [Early Srubnaya cemetery near village Pesochnoe]. *Drevnosti Srednego Povolzh'ya [Antiquities of Middle Volga region]*. G. I. Matveeva, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 51–78.

About the authors

Lunkova Yulia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Lunkov Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vlunkov69@yandex.ru;

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru

С. С. Горланов, М. О. Жуковский

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ПРИКУБАНЬЕ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Резюме. Елизаветинский археологический комплекс расположен на правой террасе р. Кубань, на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской, на западной окраине г. Краснодара и состоит из городища, грунтового могильника, курганного могильника, селища и системы земляных укреплений – рва и вала. Элементы памятника, принадлежащего к меотской археологической культуре, образуют единую композиционную структуру, объединенную пространственным расположением и общим временем существования. Несмотря на активное изучение памятника на протяжении всего XX в., остается немало белых пятен в структуре и организации жизненного пространства на данной территории в период функционирования комплекса. Авторами систематизируются результаты ранее проведенных археологических работ на Елизаветинском городище, приведены итоги визуального обследования и оценка текущего состояния памятника. Впервые вводятся в научный оборот результаты топографической съемки территории археологического комплекса, определены и координированы границы всех его элементов.

Ключевые слова: Краснодарский край, р. Кубань, Елизаветинский археологический комплекс, история исследования, определение границ территории, проект зон охраны.

Елизаветинский археологический комплекс расположен в 11,7–13,5 км к западу от центра г. Краснодара, на южной окраине станицы Елизаветинской, входящей согласно современному административно-территориальному делению в Елизаветинский сельский округ г. Краснодара. Территория памятника, состоящая из нескольких участков, занимает первую надпойменную террасу правого берега р. Кубань. Русло р. Кубань на этом участке образует подковообразную излучину, благодаря чему образованы обширная пойма и примыкающая к ней выраженная площадка террасы, возвышающаяся над уровнем поймы на 7–9 м (рис. 1).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.94-112

Рис. 1. Топографический план Елизаветинского археологического комплекса (Сост. Жуковский М.О., 2013)

Элементы ансамбля памятника расположены вдоль края террасы: западную оконечность территории занимает Елизаветинское городище с примыкающим к нему с запада, севера и востока грунтовым могильником; на удалении около 200 м к востоку расположен курганный могильник, насчитывающий 15 сохранившихся насыпей и состоящий в настоящее время из двух участков: северо-западного и юго-восточного; в 280 м к востоку от курганного могильника расположено селище, занимающее мыс террасы правого берега р. Кубань. Территория селища и юго-восточного участка курганного могильника покрыты смешанным лесом, остальная территория памятника (городища, грунтового могильника и северо-западного участка курганного могильника) застроена усадьбами станицы Елизаветинской, за исключением центральной части площадки Елизаветинского городища, включающей две его цитадели. Общая протяженность территории памятника по линии северо-запад – юго-восток составляет около 2260 м, максимальная протяженность по линии юго-запад – северо-восток – около 450 м (рис. 1).

Элементы памятника образуют единую композиционную структуру, объединенную пространственным расположением и общим временем существования. Компоненты структуры формируют культурно-исторический ландшафт, неразрывно связанный с археологическим комплексом. В настоящее время значительная часть этого ландшафта утрачена, однако поддается восстановлению с помощью методов ретроспективного анализа и должна учитываться при проектировании зон охраны объекта археологического наследия.

Начиная с 30-х гг. XX в. территория, на которой расположен Елизаветинский археологический комплекс, испытывает непрерывное разрушающее антропогенное воздействие, связанное с расширением застройки станицы Елизаветинская; возведением хозяйственных объектов, активным сельскохозяйственным освоением территории (включая такое необратимое изменение природного ландшафта, как мелиорация), проведением земляных работ.

Существенный вклад в ретроспективную реконструкцию историко-культурного ландшафта территории памятника, а также выявление его значимых элементов, разрушенных или не локализуемых в настоящее время на поверхности, вносит использование архивных данных дистанционного зондирования (аэрофотосъемки). В рамках работ по определению границ комплекса были привлечены архивные аэрофотоснимки, выполненные люфтваффе во время Великой Отечественной войны в 1943 г. Из общего массива доступных источников были отобраны фотосерии, обладающие наилучшим дешифровочным потенциалом: контрастные снимки, сделанные с малой высоты. Привлеченные данные полностью охватывают территорию комплекса и его округи. Детализация использованной аэрофотосъемки достаточно высока, что позволяет надежно локализовать отдельные курганные насыпи, постройки, сооружения, контуры раскопов и элементы рельефа. Использование современных компьютерных технологий обработки пространственных данных сделало возможным произвести высокоточную ректификацию аэрофотоснимков на современной топографической основе с погрешностью, не превышающей 1 м (*Жуковский*, 2013. С. 29). Уникальной особенностью аэрофотосъемки 1940-х гг., существенно повышающей ее потенциал с точки зрения локализации курганов Елизаветинского могильника,

является отсутствие растительности на большей части его территории в момент съемки – лес был в значительной мере вырублен в период Великой Отечественной войны (рис. 2: *а, г*).

Применение современного компьютерного инструментария геопространственной обработки данных позволило координатно увязать все использованные топографические, картографические материалы и данные дистанционного зондирования в единую многослойную геоинформационную систему с точной локализацией обследованных объектов.

Архивные материалы, относящиеся к научному изучению Елизаветинского городища и могильника, включают отчеты о полевых работах М. В. Покровского (1929–1931 гг.), В. А. Городцова, Н. В. Анфимова и М. В. Покровского (1934–1936 гг.) и В. П. Шилова (1952 г.) из архива ИИМК РАН (*Анфимов*, 1934; *Городцов*, 1935б; 1936б; 1936в; *Покровский*, 1929; 1931; *Шилов*, 1952а; 1952б), материалы личного фонда В. А. Городцова, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Ф. 431. Ед. 83–91) и в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, а также материалы рукописного фонда Н. В. Анфимова, хранящиеся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына и материалы паспорта памятника археологии, составленного И. Г. Волковым в 1979 г. (архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края). В ходе подготовки статьи проведено ознакомление с археологической коллекцией предметов, обнаруженных на территории комплекса в 1934–1936 гг., хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, включающей два фонда: Ф. 5266 (248 номеров, 1440 предметов) и Ф. 5338 (1451 номер, 2729 предметов)[1].

Первые сведения об археологических памятниках на территории станицы Елизаветинской относятся ко второй половине XIX столетия. В 1882 г. были опубликованы Труды предварительных комитетов подготовки V Археологического съезда в Тифлисе. Среди опубликованных материалов присутствовал «Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году» В. Л. Беренштама. Среди представленных результатов работ были описаны раскопки автора нескольких курганов и городища в окрестностях Екатеринодара (*Беренштам*, 1879. С. 297–321). Исследователь Кубани Е. Д. Фелицын на протяжении нескольких лет путешествовал по Западному Кавказу, собирая информацию о древностях, и в 1882 г. составил археологическую карту Кубанской области, ставшую первой в своем роде в Российской империи. На территории, расположенной в окрестностях станицы Елизаветинской, на правом берегу р. Кубань, исследователь нанес на карту 2 городища и несколько курганов (*Фелицын*, 1882).

В первую очередь внимание исследователей привлекал Елизаветинский курганный могильник, расположенный к востоку от городища и грунтового могильника, он приурочен к небольшой возвышенности террасы правого берега р. Кубань, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1). Минимальное

[1] Выражается благодарность хранителю коллекции к. и. н. с. н. с. Отдела археологии МАЭ РАН С. Н. Бельскому.

а
1
2
3
4
б
1
в
3
г
2

расстояние от крайней северо-западной насыпи могильника до условной границы единой территории городища и грунтового могильника составляет около 190 м. Наиболее крупные насыпи, расположенные в юго-восточной части могильника, были исследованы Н. И. Веселовским в 1912–1917 гг. и содержали сложные погребальные конструкции с многочисленным инвентарем. Курганы северо-западной части могильника имеют несколько меньшие размеры, два из них также были исследованы Н. И. Веселовским (*Веселовский*, 1916. С. 57–59; 1918. С. 151–157).

Все раскопанные в Елизаветинском комплексе курганы были схожи между собой. Везде были найдены: склеповая погребальная конструкция, деревянное перекрытие над ней, опиравшееся на столбы; к погребению вел дромос, тоже с деревянным перекрытием. Во всех курганах встречалась греческая керамика, предметы защитного и наступательного вооружения, золотые бляшки, сопроводительные человеческие и конские захоронения. Н. И. Веселовский детально описал погребальный обряд и сделал заключение, что, судя по характеру ограбления курганов, в них вторглись в древности, когда деревянные перекрытия погребальных камер еще не сгнили и грабители могли беспрепятственно действовать в могиле (*Веселовский*, 1916. С. 57–59)

По свидетельству В. П. Шилова, обследовавшего Елизаветинский курганный могильник в 1952 г., он насчитывал на тот момент около 35 насыпей, из которых к настоящему времени сохранилось лишь 15 (*Шилов*, 1955. С. 229). Уцелевшие курганы сосредоточены в двух неравных по числу насыпей локальных группах, определяющих северо-западную и юго-восточную оконечности некогда единого могильника. В северо-западной группе сохранились фрагменты двух насыпей (№ 1 и 2), юго-восточная – насчитывает 13 курганов (№ 3–15). Насыпи юго-восточной группы имеют хорошую сохранность благодаря расположенному здесь лесу, предотвращающему разрушение памятника (рис. 1).

В 1917 г. Н. И. Веселовский копал и на территории самого городища, ошибочно приняв один из двух холмов (цитаделей) на поселении за курган. Им была раскопана примерно четверть объекта. Вероятно, он понял ошибку и прекратил раскопки. Информация о находках в отчете Н. И. Веселовского отсутствует (*Городцов*, 1936а. С. 172).

Елизаветинское городище представляет собой хорошо выраженную в рельефе площадку первой надпойменной террасы правого берега р. Кубань, возвышающуюся над прилегающей с юга поймой на 7–9 м. Площадка имеет форму, приближенную к прямоугольному треугольнику, длинная сторона которого обращена к пойме р. Кубань (рис. 1).

Юго-западная граница городища, проходящая по кромке террасы, имеет протяженность около 690 м с учетом изгиба края террасы (640 м по прямой

Рис. 2 (с. 98). Елизаветинский археологический комплекс на архивных аэрофотоснимках люфтваффе, 1943 г.

а – общий вид (*1* – городище и грунтовый могильник; *2* – курганный могильник; *3* – остатки земляных укреплений; *4* – селище); *б* – городище и грунтовый могильник; *в* – земляные укрепления (ров и вал), дешифрируемые на незастроенном участке местности; *г* – курганный могильник

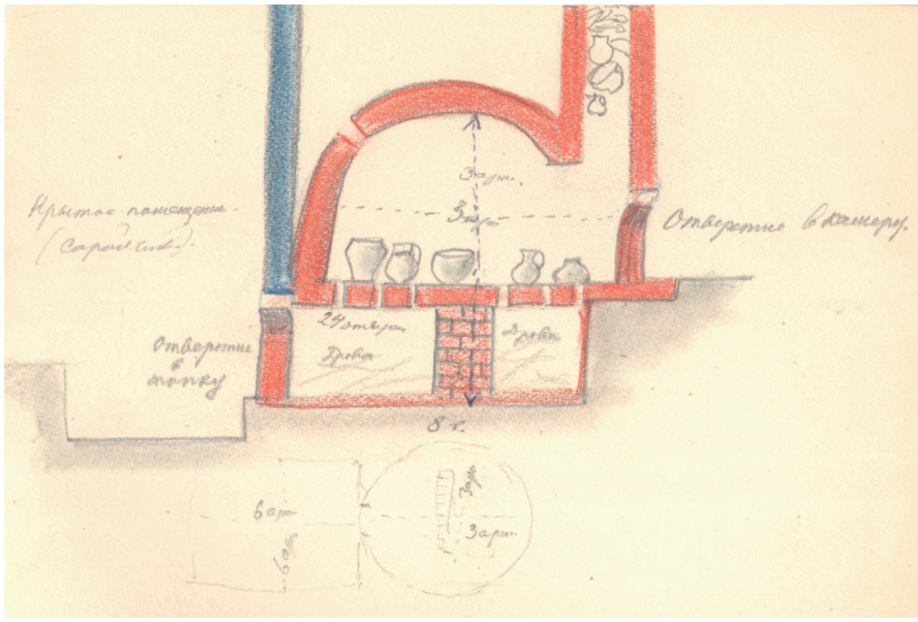
линии). Северная граница проходит по тальвегу оврага, входящего в пойму, и вытянутого по линии С – Ю. Высота площадки над тальвегом оврага составляет до 5 м. Протяженность северной границы – около 430 м с учетом изгиба края оврага (418 м по прямой линии). В месте соединения оврага с долиной поймы площадка городища образует заостренный выраженный мыс (рис. 1).

Восточная граница территории городища проходит по заплывшему оврагу, высота площадки городища над тальвегом оврага составляет на этом участке от 0,5 до 4 м. Протяженность северной границы – около 480 м с учетом изгиба края оврага (468 м по прямой линии). Судя по данным аэрофотосъемки 1940-х гг., овраг, образующий восточную границу городища, имел изначально большую глубину и был частично спланирован жителями станицы (рис. 2: *б*). На участке восточной границы городища в месте пересечения улиц Дубинская и Калинина овраг, образующий восточную границу памятника, практически не выражен в рельефе, что может быть связано как с существованием здесь древнего въезда на городище, так и современной антропогенной деятельностью при прокладке улиц.

В 1926 г. М. В. Покровский, на тот момент преподаватель школы № 2 II ступени г. Краснодара, создал археологический кружок для старшеклассников с целью поиска новых памятников и сбора находок у населения. В течение осени и зимы 1927 г. на территории Елизаветинского городища школьники под руководством М. В. Покровского собирали подъемный материал, производили промеры, делали зарисовки. Сборы подъемного материала осуществлялись в обрывах берега старого русла р. Кубани, где на протяжении 600 м имелись выходы культурного слоя. Толщина культурного слоя, по наблюдениям М. В. Покровского, варьировала в пределах 1–2 м. Сборы на дневной поверхности на самом городище были затруднены тем, что оно в значительной своей части уже было застроено и продолжало застраиваться. Среди находок следует отдельно отметить пантикапейские монеты, терракотовую статуэтку Кибелы, фрагменты чернолаковых сосудов, канфары, патеры, фрагменты мегарских чаш, а также фрагменты сероглиняных орнаментированных сосудов (*Покровский*, 1931).

В 1928–1929 гг. на территории городища проводились небольшие шурфовочные работы Ю. С. Крушкол. В 1928 г. ею были заложены два шурфа, на севере и на юго-западе городища, а в следующем полевом сезоне – на юго-востоке. В результате раскопок были обнаружены фрагменты керамики, как местной, так и греческой, и, по всей видимости, был расчищен пол жилища (*Крушкол*, 1930. С. 19).

В 1934 г. в станице Елизаветинской производились раскопки I Кубанской археологической экспедиции АН СССР и МОГАИМК под руководством профессора В. А. Городцова, в составе которой работали его заместитель – профессор С. Н. Быковский и научные сотрудники Д. Н. Лев, М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Экспедиции удалось раскопать часть обнажившейся в обрыве глинобитной печи. По мнению автора раскопок, она была предназначена для обжига керамической посуды (рис. 3: *а*). Также была начата, но не закончена расчистка ямы и произведена рекогносцировочная зачистка обрыва берега, где было обнаружено большое количество обугленных зерен пшеницы и проса (*Городцов*, 1935а. С. 76).

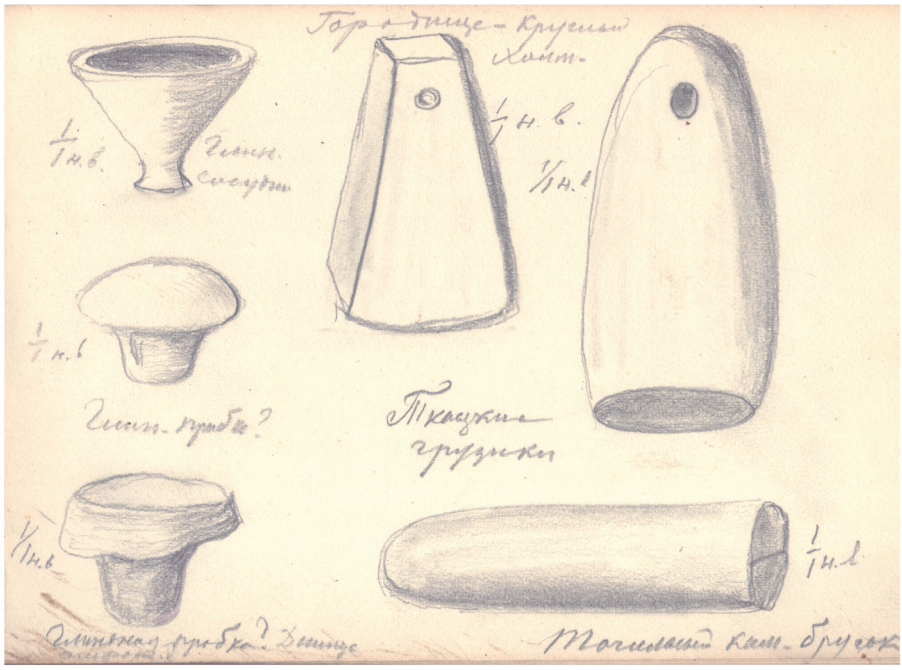

а

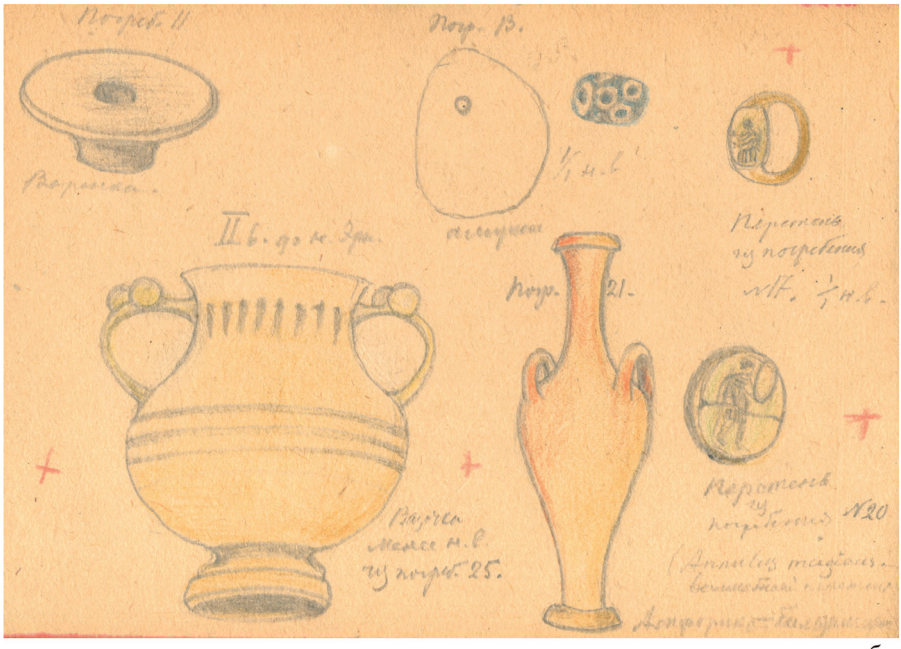
б

Рис. 3. Рисунки В. А. Городцова по результатам исследований 1934–1935 гг.

а – реконструкция гончарной печи; *б* – находки из слоя городища (траншея III) (*Городцов*, 1936б. Л. 40, 59 об.)

а

б

Рис. 4. Рисунки В. А. Городцова по результатам исследований 1935–1936 гг.

а – находки из слоя городища (раскопки «Круглого холма»); *б* – находки из погребений грунтового могильника (*Городцов*, 1936б. Л. 60, 26 об.)

В 1935 г. II Кубанская археологическая экспедиция АН СССР под руководством профессора В. А. Городцова работала в станице Елизаветинской более месяца, с 1 июня по 15 июля. Эти работы, без сомнения, можно назвать самыми крупномасштабными. Были заложены раскопы не только на территории городища, но и на грунтовом могильнике. К сожалению, до конца неясен принцип нумерации разведочных траншей – сквозной нумерации не было, иногда номера отсутствовали или, наоборот, повторялись. Максимальная длина траншеи была 22,5 м, минимальная – 5 м, ширина варьировала от 1,2 от 3 м. Глубина раскопов была разная, где-то был мощный слой, где-то его не было вовсе (от 80 до 260 см). Самый мощный и насыщенный находками слой был обнаружен при раскопках траншеи I, заложенной на городище, вдоль берега. Она имела длину 18 м, ширину – 2 м, глубину – 2,6 м и делилась на 12 участков. В траншее было 7 «слоев» (уровней зачистки и фиксации). Здесь были обнаружены две гончарные печи, много фрагментов керамического шлака и бракованной керамики (рис. 3: *а, б*).

В. А. Городцовым был составлен план памятника, он предложил разделить городище на две части: «Западное» и «Восточное». Под «Западным городищем» исследователь понимал собственно площадку поселения, под «Восточным» – обширный участок террасы, ограниченный упомянутыми рвом и валом (рис. 1: *в*). Так, целью работ экспедиции в 1936 г. было выяснение планов и форм жилых и хозяйственных помещений и рвов, окружающих два укрепленных холма западного городища: 1) в северо-западной части, 2) во рву, восточнее круглого холма и 3) восточнее круглого холма. В результате в северо-западной части городища были обнаружены остатки жилой постройки, судя по глинобитному полу ее размеры составляли 8,25 × 2,90 м.

Стены были сооружены из камышового каркаса, обмазанного глиной. По мнению исследователей, дом погиб в пожаре, над этим жилищем были обнаружены несколько других жилищ, более позднего времени. Рядом экспедиция обнаружила хозяйственные пристройки, которые были идентифицированы как погреб и амбар. Всего в этот сезон Кубанской экспедицией было найдено около 1000 предметов. Большинство из них представляли фрагменты керамики, как импортной, так и местной (*Городцов*, 1941. С. 210–214).

Также в том же году были продолжены работы по раскопкам рва, и, несмотря на то что дна рва В. А. Городцов достигнуть не смог, так как выступили грунтовые воды, им были сделаны выводы о масштабности этого объекта. По мнению В. А. Городцова, во время существования городища глубина воды во рву достигала 2,25 м, чего было вполне достаточно для плавания самых крупных судов и для защиты от нападения врагов. Этот ров-канал имел большое экономическое значение еще и потому, что соединялся с р. Кубанью. Находки, происходящие из рва, по свидетельству В. А. Городцова, не отличались от находок с территории городища (Там же. С. 213).

Мощность культурного слоя на разных участках городища различна. Так, В. А. Городцов в 1935 г. исследовал за Н. И. Веселовским один из двух холмов (восточную цитадель), которые находились в центральной части поселения. С этой целью была сделана траншея и зачищен ее разрез. Мощность культурного слоя этого холма, меньшего из двух, достигала 5,70 м. Слой содержал остатки жилищ

и предметы домашнего быта (рис. 4: *а*). В. А. Городцовым было сделано наблюдение, что «нижние прослойки культурного слоя были гораздо богаче культурными остатками, чем верхние прослойки, а это свидетельствует, что первые насельники холма были гораздо зажиточнее, чем последние» (*Городцов*, 1936а. С. 173).

В 1937–1951 гг. на Елизаветинском городище масштабные работы не велись, только Н. В. Анфимов расчистил две гончарные печи и исследовал несколько грунтовых погребений (*Шилов*, 1955. С. 230).

В 1952 г. на памятнике проводил работы Краснодарский отряд Северо-Кавказской экспедиции ИИМК под руководством В. П. Шилова. На территории центральной площадки городища В. П. Шиловым были заложены два раскопа – оба на краю террасы, там, где обрушался культурный слой. В результате были весьма тщательно исследованы четыре гончарные печи, вокруг которых был найден надежно датируемый керамический материал (Там же. С. 228–240).

Были проведены разведки на городище с целью выявления культурных напластований на территории «Восточного городища» и уточнения стратиграфии на территории «Западного городища». В. П. Шилов пришел к выводу, что «Восточное городище» не имеет культурного слоя и эта территория использовалась как убежище для людей и скота в случае нападения врага. На взгляд исследователя, в пользу этого говорит и наличие здесь курганного могильника, который находился внутри укреплений (Там же. С. 230). Однако проведенные в ходе определения границ территории памятника шурфовочные работы 2013 г. частично подтвердили правоту В. А. Городцова: на мысу террасы, отрезанной линией укреплений от «внешней» степи, было выявлено синхронное городищу селище с достаточно мощным культурным слоем. Таким образом, нельзя согласиться с В. П. Шиловым, безоговорочно отрицавшим наличие поселения на территории, ограниченной валом.

Городище расположено в очень удобном месте и благодаря резкому изгибу р. Кубани не защищено рельефом только с севера и северо-запада. Поэтому возникшие там земляные укрепления (ров и вал) при минимальных трудозатратах сделали это городище неприступным со всех сторон, благодаря чему образовался своего рода полуостров, отрезанный фортификационными сооружениями протяженностью более одного километра.

Земляные укрепления Елизаветинского городища – ров и вал – располагаются под жилой застройкой станицы Елизаветинская и к настоящему времени полностью снивелированы в ходе хозяйственной деятельности. Северо-восточная оконечность укреплений протяженностью около 375 м, сохранявшаяся, по всей видимости, вплоть до начала 1980-х гг., хорошо читается на архивной аэрофотосъемке начала 1940-х гг. (рис. 2: *а, в*) и топографическом плане, составленном в 1976 г., на участке от начала Молодежного пр. (на юго-западе) до конца ул. Полуяна (на северо-востоке) (рис. 1: *г*). Таким образом, эти материалы позволяют точно локализовать северо-восточную границу рва и вала. Юго-западная граница укреплений определяется по описаниям в районе северо-восточного угла площадки Елизаветинского городища. Общая реконструируемая протяженность укреплений составляет около 1350 м.

Елизаветинский грунтовый могильник (еще его называют Елизаветинский могильник № 1) примыкает к городищу с запада, севера и востока, преимуще-

ственно находится под жилой застройкой станицы. За все годы работ на нем было исследовано примерно 113 погребений.

В 1929 г. помимо сборов подъемного материала М. В. Покровским также была осуществлена расчистка трех погребений грунтового могильника на краю террасы, на участке, примыкающем к городищу с северо-запада. Все они были совершены в соответствии с меотским погребальным обрядом. Костяки людей находились в вытянутом положении, около черепа или в ногах находилась сероглиняная миска. В могилу были положены кости животных и погребальный инвентарь. В отчете исследователь отмечает аналогии в керамическом материале с Фанагорией. Помимо керамики в погребениях было встречено бронзовое зеркало, монеты, глиняные таблички, наконечники копий, бусы, подвески, перстни, фрагменты бронзового сосуда. Материал был зарисован, были составлены планы погребений и опись находок (*Покровский*, 1929). Всего с 1928 по 1931 г. было исследовано 14 погребений. Работы велись М. В. Покровским (уже преподавателем КГПУИ) совместно с Н. В. Анфимовым с привлечением школьников и студентов из Краснодара (*Покровский*, 1931).

В 1934–1935 гг. на грунтовом могильнике исследовано 95 погребений в результате работ Кубанской археологической экспедиции АН СССР и МОГАИМК под руководством профессора В. А. Городцова.

Самые ранние погребения относятся к концу IV в. до н. э., самые поздние – к началу I в. до н. э. Н. Е. Берлизов и И. Н. Анфимов опубликовали описания раскопанных погребений, используя дневники Н. В. Анфимова, планы части погребений и раскопов, зарисовки находок и таблицы, характеризующие обряд и характер находок из каждого погребения (*Берлизов, Анфимов*, 2006. С. 121). Поскольку авторами раскопок некоторые закрытые поминальные комплексы были отнесены к плохо сохранившимся погребениям (в том числе ограбленным), точно установить, сколько погребений в итоге было исследовано, проблематично. В некоторых комплексах артефакты сохранились *in situ*, но полностью отсутствуют кости человека. Таким образом, количество раскопанных погребений варьирует в пределах 109–113.

Регулярной планировки в могильнике проследить не удается. Захоронения располагались неравномерно и залегали на различной глубине, от 80 до 220 см. Контуры могильных ям в грунте авторами раскопок не прослеживались. Об ориентировке погребенных можно судить в 72 случаях. В целом, ее можно охарактеризовать как восточную и южную, с сезонными отклонениями и без, с явным преобладанием положения покойных головой на восток. Что же касается положения погребенного в могиле, оно также прослеживается в 72 захоронениях. Подавляющее большинство людей было захоронено вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами.

В погребениях была обнаружена лепная и гончарная посуда. Самым часто встречаемым типом сосудов здесь, как и на городище, были черноглиняные горшки, чуть реже встречались кувшины (рис. 4: *б*). Также очень часто в погребениях находились сероглиняные миски, характерные для меотов (*Каменецкий*, 1989. С. 240). В нескольких случаях она лежала под головой умершего, иногда переворачивалась и была обнаружена на черепе сверху, в остальных случаях была обнаружена в ногах погребенного.

Так же как и в поселенческих слоях, здесь были обнаружены остатки античной керамики. В погребениях присутствовали амфоры, канфары, амфориски, рыбные блюда и одна мегарская чаша. Из украшений встречались бусы (чаще стеклянные, реже гешировые), браслеты, кольца, перстни, булавки и височные кольца. В одном из женских погребений были обнаружены флакончики и небольших размеров керамические сосудики, похожие на косметические. В инвентаре некоторых захоронений были зеркала. Предметы вооружения были представлены наконечниками стрел, копий и мечами. Также были обнаружены удила и псалии, оселки и ножи, глиняные пряслица и пантикапейские монеты. Последние в нескольких случаях были положены в рот умершему, что является само по себе яркой иллюстрацией влияния греческой культуры на меотскую или, как считают некоторые исследователи, это подтверждает, что на территории Елизаветинского городища помимо меотов проживали боспорские греки.

Учитывая, что после 1952 г. масштабные полевые работы на Елизаветинском городище и прилегающих к нему могильниках не проводились, несомненно, современные раскопки могли бы помочь в деле уточнения стратиграфии, планиграфии и хронологии этого, без сомнения, важного памятника.

В 2013 г. сотрудниками АНО «Современные Технологии в Археологии и Истории» (АНО «СоТАрИ») под руководством М. О. Жуковского в рамках разработки научно-проектной документации проекта зон охраны Елизаветинского археологического комплекса были проведены археологические работы по определению границ территории объекта археологического наследия (*Жуковский*, 2013. С. 2)

По результатам визуального обследования была осуществлена оценка текущего состояния памятника. В ходе проведенных мероприятий по уточнению границ территории Елизаветинского городища было установлено, что фактически культурный слой поселения распространяется за пределы естественных границ его площадки. Случайные археологические находки, относящиеся к материальной культуре поселенческого характера, зафиксированы на участках к северо-западу, северу и востоку от площадки городища. При этом очевидно, что территория грунтового некрополя, расположенного по периметру городища, и территория поселения взаимно накладываются. Наложение территорий могильника и поселения может дифференцироваться хронологически и демонстрировать ситуацию, когда разрастающееся городище перекрыло ранние участки некрополя, однако имеющихся археологических данных для анализа недостаточно.

Среди случайных находок, происходящих с участков к северу и северо-западу от площадки городища, выделяется концентрация находок монет, сделанных на небольшой территории усадьбы, расположенной на углу ул. Майская и Курганная. С площади в несколько сотен квадратных метров из слоя огорода происходит более 180 находок. Даже с учетом целенаправленной выборки монет из слоя хозяином участка количество находок велико и может свидетельствовать о прохождении здесь древней дороги, ведущей к поселению. Возможность существования дороги косвенно подтверждается рельефом участка. Монеты могут относиться к распаханному кладу.

Таким образом, периметр границы территории центральной площадки Елизаветинского городища составляет 1603,5 м, площадь – около 162 120 кв. м (16,212 га). С учетом участков распространения культурного слоя за пределами центральной площадки площадь памятника достигает около 24 га.

Композиционным центром городища и его визуальной доминантой являются две холмообразные насыпи, расположенные в южной части памятника на краю террасы, так называемые цитадели. Одна из насыпей имеет правильную округлую полусферическую форму, вторая – вытянутую подовальную. Обе цитадели окружены кольцевым рвом. Дно рва возвышается над современным уровнем поймы на 1 м, однако, по наблюдениям исследователей городища, сделанным до ее мелиорации, естественный уровень поймы был выше и соответствовал тальвегу рва. Ширина рва к западу и востоку от цитаделей составляет 8–15 м, на участке между ними – до 30 м. Округлая восточная насыпь имеет высоту над тальвегом рва около 7,5 м, диаметр по основанию – около 60 м, по площадке вершины – около 30 м. Западная цитадель имеет размеры по основанию – 95 × 52 м, площадки вершины – 66 × 30 м и аналогичную высоту около 7–7,5 м.

Восточная цитадель, очевидно, принятая Н. И. Веселовским за курган, была частично раскопана глухой траншеей, впущенной с юго-востока. Здесь к выемке холма примыкает отвал, выброшенный в ходе проведенных земляных работ. Вершина холма также изрыта, в том числе в результате следующих пробных раскопок цитадели, предпринятых уже В. А. Городцовым.

Западная цитадель также имеет нарушения поверхности на верхней площадке и склонах, часть из которых связаны с неидентифицируемыми раскопками. По результатам раскопок В. А. Городцова и натурным наблюдениям, проведенным в рамках разработки проекта, оба холма составлены культурными напластованиями, насыщенными находками – фрагментами сырцовых построек, керамикой, монетами. Прослеженная мощность культурного слоя восточной цитадели достигает 5,6 м и потенциально может составлять до 7–8 м. Земляные цитадели Елизаветинского городища, безусловно, являются уникальной особенностью памятника.

Вдоль участка рва, отделяющего цитадели от основной площадки городища, в рельефе прослеживается невыраженный вал высотой около 1–1,3 м. Вал испорчен многочисленными нарушениями и ямами, по его верху проходит грунтовая дорога (ул. Курганная).

Незастроенная (открытая) часть основной площадки городища в целом ровная, однако нарушена многочисленными ямами и выборками земли разного размера, в том числе ямами старых раскопов. На общем фоне не очень крупных нарушений выделяется своими размерами котлован в восточной части площадки городища, связанный с выборкой глины для производства саманного (сырцового) кирпича. Котлован имеет округлую форму, его диаметр составляет около 50 м, глубина – около 3 м. К востоку от котлована располагается футбольное поле. Центральная часть площадки – наиболее ровная.

Около половины площади территории центральной площадки городища (около 74 000 кв. м с учетом дорог) занято современной застройкой станицы Елизаветинская, территория распространения культурного слоя к северо-западу, северу и востоку от центральной площадки городища полностью застроена.

По территории памятника проходят улицы Курганная, Дубинская, Калинина и Краснодарская. Земельные участки и усадьбы жителей станицы занимают северную, юго-западную и восточную части памятника.

Грунтовый могильник Елизаветинского городища относится к типу археологических памятников, не имеющих визуальных признаков и выявляемых либо случайно, либо в ходе систематических целенаправленных археологических раскопок. В силу отсутствия видимых на поверхности земли границ распространения грунтовых погребений определение границ территории, занимаемой грунтовым могильником, составляет существенные сложности. Такие границы выделяются всегда очень приблизительно на основании косвенных свидетельств, например – естественных границ ландшафтных зон. О точных границах территории грунтового могильника можно говорить лишь в отношении полностью исследованного археологическими раскопами памятника.

В зоне расположения Елизаветинского грунтового могильника отсутствуют видимые элементы рельефа, которые могли бы служить естественными границами поля грунтовых погребений. Неясен также характер распространения погребений: сплошным поясом, окружающим городище, либо, что вероятнее, локальными участками с разной степенью концентрации комплексов. Исходя из этого, четкая локализация территории грунтового могильника возможна лишь на его участках, исследованных раскопками.

Раскопки Елизаветинского грунтового могильника очень плохо документированы в части локализации точного местоположения раскопов, можно говорить лишь о примерном расположении исследованных участков в следующих зонах:

1. Участок по краю террасы к северо-западу от площадки Елизаветинского городища в пределах квартала, образованного улицами Курганная и Майская.
2. Участок на Майской улице между домами № 21 и 14 в пределах квартала, ограниченного ул. Шевченко и Калинина. При этом современная нумерация домов на ул. Майской не соответствует существовавшей на момент раскопок в 1930-е гг.
3. Участок по Краснодарской улице в пределах квартала между улицами Дубинская и Майская.

Невозможность точной локализации мест проведенных раскопок не позволяет определить границы всей территории грунтового могильника в соответствии с принятыми в настоящее время требованиями к точности. Материалы раскопок Елизаветинского грунтового могильника свидетельствуют о его наиболее вероятном расположении на территории, условно ограниченной по внешнему периметру ул. Набережной на севере, ул. Краснодарской – на востоке и краем террасы правого берега р. Кубань и территорией городища на юго-западе.

В ходе проведения работ по определению территории объекта археологического наследия «Елизаветинское городище и могильник» территория городища и грунтового могильника (к северо-западу и северу от городища в пределах ул. Майская) были объединены в один контур протяженностью 2469 м, подчеркивающий композиционное, пространственное и культурное единство памятника. Площадь выделенной территории составила около 289 100 кв. м (рис. 1).

В 2013 г. на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Кубань было выявлено селище, синхронное времени существования памятника (рис. 1).

Селище расположено в 280 м к востоку от юго-восточной части курганного могильника. Культурный слой толщиной до 1,3 м слабо насыщен керамическим материалом. Территория Елизаветинского селища полностью покрыта густым смешанным лесом. Площадка селища, имеющая подтреугольную форму, ограничена с юга и востока крутым склоном террасы высотой около 6–7 м, с запада – пологим береговым валом шириной около 10 м. Параллельно валу (с внешней относительно территории памятника стороны) проходит замытое старинное русло-протока шириной около 15–25 м. И замытое русло, и пологий вал не имеют выраженных признаков антропогенного происхождения, что делает более вероятным их естественный характер, однако полностью исключить или подтвердить искусственный характер этих элементов рельефа могут лишь масштабные археологические работы. Культурный слой, относящийся к селищу, обнаружен также на небольшом участке вдоль южного края террасы за пределами (к западу) от старичного русла.

Размеры селища составляют около 185 м по линии юго-запад – северо-восток (вдоль южного края террасы) на 305 м по линии юго-восток – северо-запад. Периметр границы территории памятника – около 870 м, площадь – около 35 830 кв. м (3,59 га).

Таким образом, после детального изучения библиографических и архивных данных об археологических исследованиях на территории Елизаветинского археологического комплекса, а также в ходе работ 2013 г. по определению границ комплекса были получены следующие основные результаты:

1. Произведены визуальное обследование и оценка текущего состояния памятника археологии. Установлено, что линия оборонительных сооружений (ров и вал), относящихся к археологическому комплексу, в настоящее время полностью снивелирована в ходе хозяйственной деятельности жителей ст. Елизаветинская. Курганы № 1, 2, 3, 11 курганного могильника находятся в аварийном состоянии. Основными угрозами сохранности памятника являются неконтролируемая строительная деятельность и земляные работы, в том числе забор плодородного грунта (культурного слоя).

2. Было установлено, что культурный слой Елизаветинского городища распространяется к востоку от естественных ландшафтных границ его основной площадки.

3. В составе археологического комплекса было выявлено неизвестное ранее селище, занимающее мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Кубань.

4. Впервые произведена съемка топографического плана всех элементов археологического комплекса, в частности, курганного могильника.

5. Определены и координированы границы территории всех памятников, входящих в состав археологического комплекса, общей площадью 41,4 га («Елизаветинское городище и грунтовый некрополь» площадью 28,91 га; «Елизаветинский курганный могильник. Северо-западный участок» площадью 3,21 га; «Елизаветинский курганный могильник. Юго-восточный участок» площадью 5,69 га; «Елизаветинское селище» площадью 3,59 га).

Полученные в результате проведенных работ материалы были положены в основу проекта зон охраны ОАН «Елизаветинское городище и могильник IV–II вв. до н. э.» (*Жуковский и др.*, 2013).

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н. В., 1934. Раскопки в Краснодарском крае // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122.

Бернштам А. В., 1879. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1876 г. // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета. М.: Синод. тип. С. 297–321.

Берлизов Н. Е., Анфимов И. Н., 2006. Елизаветинский могильник № 1 (по данным рукописного архива Н. В. Анфимова) // МИАСК. Вып. 6. С. 121–138.

Веселовский Н. И., 1916. Станица Елизаветинская // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1912 год. Петроград: Тип. Гл. Упр. уделов. С. 57–59.

Веселовский Н. И., 1918. Раскопки Н. И. Веселовского // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 годы. Петроград: Девятая гос. тип. С. 148–157.

Городцов В. А., 1935. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища в 1934 году (предварительное сообщение) // СЭ. № 3. С. 71–76.

Городцов В. А., 1935а. Отчет о раскопках на Елизаветовском городище близ Краснодара в 1935 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 83.

Городцов В. А., 1936. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. № 1. С. 171–185.

Городцов В. А., 1936а. Копия предварительного отчета о раскопках на Елизаветовском городище в 1936 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 338.

Городцов В. А., 1936б. Материалы Кубанской экспедиции. Альбом зарисовок предметов из Елизаветинского городища 1935 г. // Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 439. Д. 90.

Городцов В. А., 1941. Станица Елизаветинская // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л. С. 210–214.

Жуковский М. О., 2013. Отчет об археологических работах по определению границ территории объекта археологического наследия «Елизаветинское городище и могильник, IV–II вв. до н. э.» (ст. Елизаветинская, Краснодарский край) в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 38890.

Жуковский М. О., Симонова Ю. В., Марченко Ю. В., Щербаков В. Л., 2013. Проект зон охраны объекта археологического наследия (памятника археологии) «Елизаветинское городище и могильник IV–II вв. до н. э.» // Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. 2 т.

Каменецкий И. С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 224–251.

Крушкол Ю. С., 1930. Археологические работы на Кубани и Черноморье (о раскопках Краснодарского и Елизаветинского городищ) // Наука и техника. Л. № 38. С. 19–20.

Покровский М. В., 1929. Краткий отчет о работах в Кубанском округе Краснодарского края // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177.

Покровский М. В., 1931. Отчет о работах на Елизаветинском городище // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794.

Фелицын Е. Д., 1882. Археологическая карта Кубанской области. М. 1 л. карт.

Шилов В. П., 1952. Полевой дневник (работы на Елизаветинском городище) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 122.

Шилов В. П., 1952а. Опись находок из раскопок Елизаветинского городища и могильника и обследования городищ: Старо-Корсунского, станицы Раевской, хутора Батарейного // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 103.

Шилов В. П., 1955. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам в 1952 г. // СА. № 23. С. 228–249.

Сведения об авторах

Горланов Сергей Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: gorlanovsergserg@mail.ru;

Жуковский Михаил Олегович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия; e-mail: mzhukovsky@mail.ru

S. S. Gorlanov, M. O. Zhukovskiy

THE ELIZAVETINSKAYA ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN THE KUBAN REGION: HISTORY OF RESEARCH AND CURRENT STATUS

Abstract. The Elizavetinskaya archaeological site is located on the right terrace of the Kuban River on the southeastern fringe of the Elizavetinskaya village in the western outskirts of the Krasnodar city. It consists of a fortified settlement, an in-ground cemetery, a kurgan cemetery, an unfortified settlement and a system of earthwork fortifications including a ditch and a rampart. The elements of the site attributed to the Maeotian archaeological culture formed an architectural ensemble, all these elements made up a single spatial composition and functioned during the same period. Despite an intensive study of the site throughout the XX century, a lot of gaps remain regarding its composition and organization of living space in this area when the site was occupied. The authors systemize the results of earlier archaeological excavations at the Elizavetinskaya hillfort, describe the results of visual survey and assess the site current status. This paper is the first to introduce into scientific discourse results of the topographical survey of the archaeological site area; the exact location and boundaries of all elements of the site were determined as well.

Keywords: Krasnodar region, Kuban river, Elizavetinskaya archaeological site, history of research, determination of the area boundaries, planned exclusion zones.

REFERENCES

Anfimov N. V., 1934. Raskopki v Krasnodarskom krae [Excavations in Krasnodar Krai]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Berenshtam A. V., 1879. Dnevnik arkheologicheskikh rabot, vedennykh na Kavkaze v 1876 g. [Diary of archaeological work conducted in the Caucasus in 1876]. *Pyatyy Arkheologicheskiy s"ezd v Tiflise. Protokoly Podgotovitelnogo komiteta [Fifth Archaeological congress in Tiflis. Protocols of Preparatory committee]*. Moscow: Sinodalnaya tipografiya, pp. 297–321.

Berlizov N. E., Anfimov I. N., 2006. Elizavetinskiy mogilnik № 1 (po dannym rukopisnogo arkhiva N. V. Anfimova) [Elizavetinsky cemetery No. 1 (according to N. V. Anfimov's handwritten archive)]. *MIASK*, 6, pp. 121–138.

Felitsyn E. D., 1882. Arkheologicheskaya karta Kubanskoy oblasti [Archaeological map of Kuban region]. Moscow. 1 map.

Gorodtsov V. A., 1935. O rezultatakh arkheologicheskikh issledovaniy Elizavetinskogo gorodishcha v 1934 godu (predvaritelnoe soobshchenie) [On results of archaeological investigations of Elizavetinskoe hillfort in 1934 (preliminary report)]. *SE*, 3, pp. 71–76.

Gorodtsov V. A., 1935a. Otchet o raskopkakh na Elizavetovskom gorodishche bliz Krasnodara v 1935 g. [Report on excavations at Elizavetovskoe hillfort near Krasnodar in 1935]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Gorodtsov V. A., 1936. Elizavetinskoe gorodishche i soprovozhdayushchie ego mogilniki po raskopkam 1935 g. [Elizavetinskoe hillfort and its accompanying cemeteries based on 1935 excavations]. *SA*, 1, pp. 171–185.

Gorodtsov V. A., 1936a. Kopiya predvaritelnogo otcheta o raskopkakh na Elizavetovskom gorodishche v 1936 g. [Copy of preliminary report on excavations at Elizavetovskoe hillfort in 1936]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Gorodtsov V. A., 1936b. Materialy Kubanskoy ekspeditsii. Albom zarisovok predmetov iz Elizavetinskogo gorodishcha 1935 g. [Materials of Kuban expedition. Album of drawings of objects from Elizavetinskoe hillfort, 1935]. *Otdel pis'mennykh istochnikov GIM [Department of written sources, GIM]*. (In Russian, unpublished.)

Gorodtsov V. A., 1941. Stanitsa Elizavetinskaya [Cossack village Elizavetinskaya]. *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. [Archaeological research in the RSFSR, 1934–1936]*. Moscow; Leningrad, pp. 210–214.

Kamenetskiy I. S., 1989. Meoty i drugie plemena severo-zapadnogo Kavkaza v VII v. do n. e. – III v. n. e. [Maeotians and other tribes of Northwestern Caucasus in VII c. BC – III c. AD]. Stepi Evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of European part of the USSR in Scythian – Sarmatian times]. Moscow: Nauka, pp. 224–251.

Krushkol Yu. S., 1930. Arkheologicheskie raboty na Kubani i Chernomor'e (o raskopkakh Krasnodarskogo i Elizavetinskogo gorodishch) [Archaeological work in Kuban and Black Sea regions (on excavations of Krasnodar and Elizavetinskoe hillforts)]. *Nauka i tekhnika [Science and technique]*, 38. Leningrad, pp. 19–20.

Pokrovskiy M. V., 1929. Kratkiy otchet o rabotakh v Kubanskom okruge Krasnodarskogo kraya [Brief report on work in Kuban region, Krasnodar Krai]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Pokrovskiy M. V., 1931. Otchet o rabotakh na Elizavetinskom gorodishche [Report on work at Elizavetinskoe hillfort]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Shilov V. P., 1952. Polevoy dnevnik (raboty na Elizavetinskom gorodishche) [Field diary (work on Elizavetinskoe hillfort)]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Shilov V. P., 1952a. Opis' nakhodok iz raskopok Elizavetinskogo gorodishcha i mogilnika i obsledovaniya gorodishch: Staro-Korsunskogo, stanitsy Raevskoy, khutora Batareynogo [Inventory finds from excavations of Elizavetinskoe hillfort and cemetery and surveys of hillforts: Staro-Korsunsky, village Raevskaya, Batareynyy farmstead]. *NA IIMK RAS. RO.* (In Russian, unpublished.)

Shilov V. P., 1955. Novye dannye ob Elizavetinskom gorodishche po raskopkam v 1952 g. [New data on Elizavetinskoe hillfort from 1951 excavations]. *SA*, 23, pp. 228–249.

Veselovskiy N. I., 1916. Stanitsa Elizavetinskaya [Cossack village Elizavetinskaya]. *IAK report for 1912*. Petrograd: Tipografiya Glavnogo Upravleniya udelov, pp. 57–59.

Veselovskiy N. I., 1918. Raskopki N. I. Veselovskogo [Excavations of N. I. Veselovskiy]. *Otchet Arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gody [Report of Archaeological Commission for 1913–1915]*. Petrograd: Devyataya gos. tipografiya, pp. 148–157.

Zhukovskiy M. O., 2013. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh po opredeleniyu granits territorii ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Elizavetinskoe gorodishche i mogilnik, IV–II vv. do n. e.» (st. Elizavetinskaya, Krasnodarskiy kray) v 2013 g. [Report on archaeological work to determine boundaries of archaeological heritage site «Elizavetinskoe hillfort and cemetery, IV–II cc. BC» (Elizavetinskaya village, Krasnodar Krai) in 2013]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Zhukovskiy M. O., Simonova Yu. V., Marchenko Yu. V., Shcherbakov V. L., 2013. Proekt zon okhrany ob"ekta arkheologicheskogo naslediya (pamyatnika arkheologii) «Elizavetinskoe gorodishche i mogilnik IV–II vv. do n. e.» [Project of zones of protection of archaeological heritage site (archaeological site) «Elizavetinskoe hillfort and cemetery, IV–II cc. BC»]. *Arkhiv upravleniya gosudarstvennoy okhrany ob"ektov kulturnogo naslediya Krasnodarskogo kraya [Archive of Department of state protection of cultural heritage sites of Krasnodar Krai]*. 2 vols. (In Russian, unpublished.)

About the authors

Gorlanov Sergey S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: gorlanovsergserg@mail.ru;

Zhukovskiy Mikhail O., Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mzhukovsky@mail.ru

Т. В. Егорова, С. А. Володин, А. А. Шевченко

НОВЫЕ НАХОДКИ ЧЕРНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКИ IV в. до н. э. НА СРЕДНЕМ ДОНУ: К ПРОБЛЕМЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТИЧНОЙ ПОСУДЫ РАННИМИ КОЧЕВНИКАМИ[1]

Резюме. В статье представлены итоги изучения находок двух чернолаковых сосудов, обнаруженных в 2019 г. в погребении под курганом 9 могильника Девица V на Среднем Дону. Среди них – достаточно редкий тип одноручных канфаров классической формы. В результате исследования установлено время попадания керамики в погребение в пределах третьей четверти IV в. до н. э. Кроме этого, была изучена чернолаковая миска из кургана 11 могильника Колбино-I, носящая как следы ремонта, так и свидетельства ее подвешивания на стене. На основании анализа этих материалов вносятся новые тезисы в дискуссию о длительности использования кочевниками импортной столовой посуды. Предполагается возможность бытования отдельных предметов в рамках продолжительности жизни одного поколения.

Ключевые слова: скифы, Средний Дон, керамика, черный лак, античность, курганный могильник, погребальный обряд, хронология.

Население лесостепного Подонья скифского времени, хоть и было географически весьма отдалено от античных центров Причерноморья, тем не менее имело весьма тесные связи с эллинским миром. Это хорошо фиксируется в первую очередь благодаря многочисленным находкам амфорной тары и ее фрагментов как в культурном слое поселений (*Разуваев*, 2017), так и в погребальных комплексах (*Безматерных*, 2006). Безусловно, среднедонские племена не обладали таким уровнем достатка, чтобы позволить класть в гробницы своей элиты роскошные заупокойные дары даже из десятка амфор (что можно было видеть

[1] Работа проведена в рамках выполнения НИР «Причерноморская и центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.113-127

в богатых захоронениях Поднепровья). Тем не менее в подавляющем большинстве подкурганных захоронений обнаруживается хотя бы одна амфора, а в насыпях курганов – фрагменты амфорной тары.

Иначе обстоит дело с античной чернолаковой посудой. Находки фрагментов подобного рода изделий на среднедонских городищах единичны (см.: *Разуваев*, 2017. С. 17–18; *Пузикова*, 1971. С. 71–72; *Синюк, Березуцкий*, 2001. С. 144. Рис. 98). Не лучше ситуация и с погребальными комплексами: до недавнего времени в среднедонских захоронениях было найдено всего пять относительно целых чернолаковых сосудов (*Городцов*, 1947. С. 17. Рис. 5; *Замятнин*, 1946. С. 41; *Савченко*, 2001. С. 101. Рис. 34: *2*; С. 103. Рис. 36: *10*; *Шевченко*, 2009. С. 76. Рис. 15: *10*)[2].

Именно поэтому обнаружение в комплексе кургана 9 могильника Девица V, исследованного Донской экспедицией ИА РАН в 2019 г., в одном захоронении сразу двух таких экземпляров представляет значительный интерес. В целом комплекс кургана вместе с рассматриваемыми изделиями уже был опубликован (*Гуляев и др*., 2020), однако в данной работе хотелось бы обратить на эти находки более пристальное внимание, поскольку именно они во многом определяют хронологические позиции памятника.

Первый из рассматриваемых в работе сосудов был обнаружен в составе погребального инвентаря второго индивида. Он был уложен в ногах покойной, вместе с лепной курильницей (Там же. С. 31. Рис. 7: *2*). Это миниатюрный глубокий сосуд для питья (рис. 1: *1*) с массивным формованным венчиком, коротким горлом, гладким туловом, низкой профилированной ножкой и одной вертикальной овальной в сечении ручкой, которая крепится к нижней части венчика и верхней трети тулова (Dв. – 8 см; Dн. – 6 см; H – 10.2 см). Тесто, из которого он сделан (хорошо отмученное, без видимых включений, бежевого цвета после обжига) (рис. 1: *2*. Munsell: 5YR6/6), позволяет говорить о его аттическом происхождении. Покрытие сохранилось только частично, но, судя по его остаткам, изначально это был толстый слой черного чуть блестящего лака, нанесенный на всю поверхность изделия, за исключением подошвы ножки и внешней плоскости дна, декорированной лаковым кольцом малого диаметра и центральной точкой. Такие сосуды Б. Спаркс и Л. Талькотт относят к одноручным канфарам – одному из типов группы канфаров классических форм (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 123). Своеобразие этого типа состоит в наличии только одной ручки, лишенной характерного шипообразного выступа (например: *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 286. Fig. 7. Pl. 29: *700–708*; *Rotroff*, 1997. P. 242–246. Fig. 4–6: *1–46*) или украшения в виде налепа в ее верхней части, которые обычно делали в форме ротеллей, листьев плюща или масок актеров (например: *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 287. Fig. 7. Pl. 29: *719–721*; *Rotroff*, 1997. P. 252, 253. Fig. 10: *102–109*; *Knigg*, 2005. Abb. 37: *854*). Отличается и расположение верхнего прилепа ручки. Аналогичное заниженное крепление встречается еще только у некоторых

[2] Необходимо сделать краткое примечание о том, что люди из погребений, в которых была обнаружена чернолаковая посуда, отличались особыми традициями питания, что было выявлено на основании результатов изотопного анализа (см. подробнее: *Нелюбов и др*., 2024. С. 400).

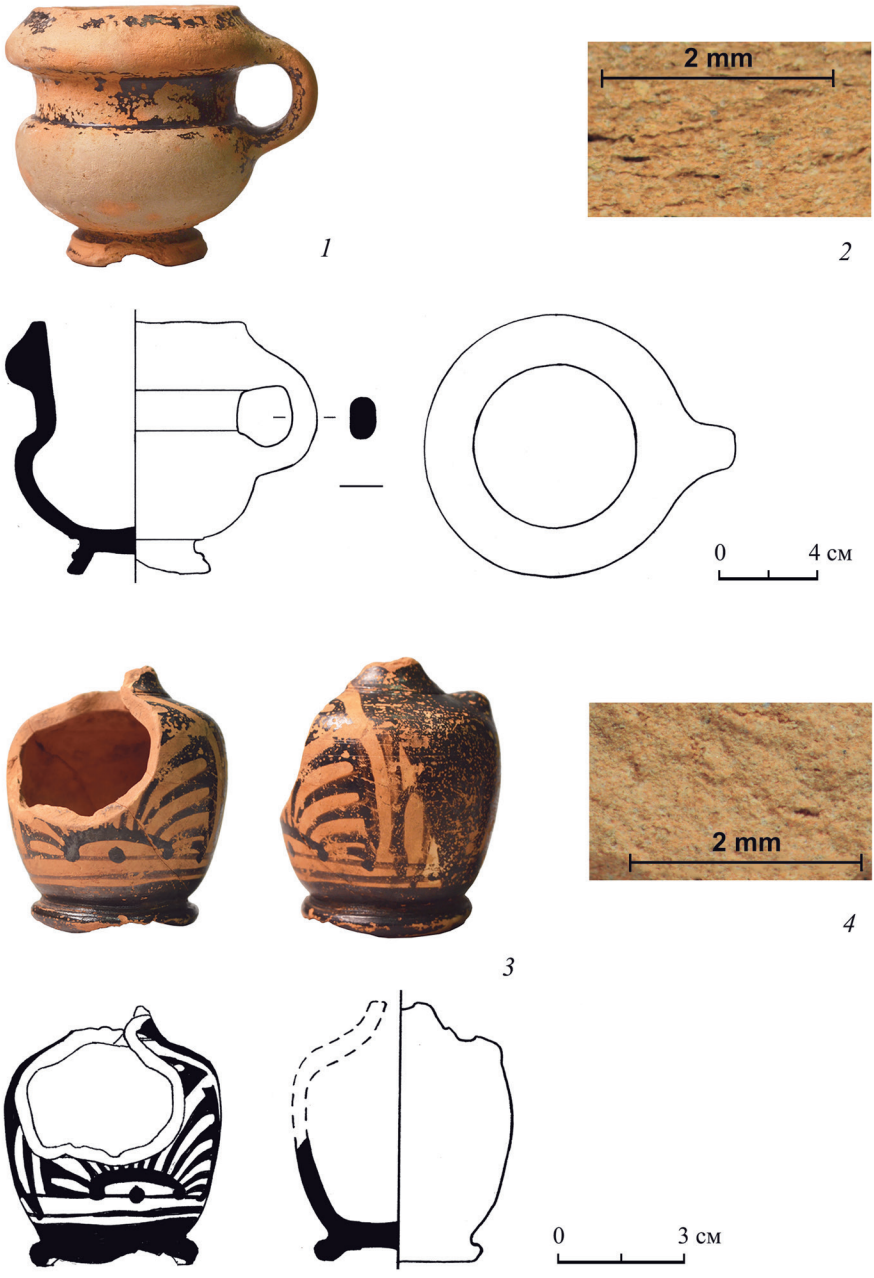

Рис. 1. Чернолаковая керамика из кургана 9 могильника Девица V

1 – одноручный канфар; *2* – макросъемка скола канфара; *3* – краснофигурный арибалли-ческий лекиф с изображением пальметты; *4* – макросъемка скола лекифа

более поздних вариантов аттических канфаров с прямым венчиком (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 287. Fig. 7. Pl. 29: *720, 721*) и этрусских с формованным краем: так называемых ваз типа *Malacena* (*Hayes*, 1984. P. 68–69: *114–116*). В остальном они весьма схожи с другими типами классических канфаров варианта с формованным краем[3]. Среди них также есть экземпляры как с гладким туловом, как в нашем случае, так и с каннелированным (например: *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 286. Pl. 29: *705*; *Hayes*, 1984. P. 34–35. Fig. 7: *55*; *Егорова*, 2017. С. 38, 42. Рис. 7. Табл. 14: *70, 71*).

В отличие от стандартных двуручных классических канфаров, ставших, пожалуй, самой популярной формой среди сосудов для питья в античном мире уже со второй четверти IV в. до н. э., т. е. с того самого момента, как они вошли в употребление (*Crowfoot et al.*, 1957. P. 241; *Hellström*, 1965. P. 12–14; *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 122; *Edwards*, 1975. P. 74–76; *Rotroff*, 1997. P. 83–85 и др.), одноручные варианты не были широко распространены ни на территории Греции, ни за ее пределами. Тем не менее аналогичные сосуды встречаются не только в Аттике[4], но и в Олинфе (*Robinson*, 1950. P. 288. Pl. 188), на Кипре (*Hayes*, 1984. P. 34) и в Самофракии (*Ηλιοπουλου*, 2015. P. 89). Несколько экземпляров найдено в Причерноморье, в частности, в некрополях Аполлонии, Панского I, в погребении 1 кургана 16 у хут. Ливенцовка на Нижнем Дону, а также в меотском Прикубанском могильнике (*Иванов*, 1963. С. 190: *451*; *Hermary et al*., 2010. P. 212. Pl. 98; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 169–170. Рис. 6: *9*; *Лукьяшко*, 2012. С. 97; *Лимберис, Марченко*, 2009. С. 265, 267. Рис. 2: *11*).

Считается, что такие канфары выпускали непродолжительный промежуток времени. Обычно их датируют в пределах от конца первой четверти до середины IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 286; *Hayes*, 1984. P. 35; *Монахов, Рогов*, 1990. С. 138; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 169–170). Самые ранние происходят из некрополей Аполлонии Понтийской и Самофракии, где они были найдены в погребениях с материалами 390–380 гг. до н. э. и первой трети IV в. до н. э. соответственно (*Hermary et al*., 2010. P. 212. Pl. 98; *Ηλιοπουλου*, 2015. P. 89. Εικ. 144).

Обнаруженный в кургане 9 могильника Девица V сосуд имеет некоторые особенности формы. В частности, он отличается более широким и коротким горлом и венчиком, диаметр которого по внешней кромке выступа больше максимального диаметра тулова, в то время как остальные опубликованные экземпляры имеют диспропорциональное сужение горла кверху. Аналогичная нашему форма верхней части сосуда больше характерна для классических канфаров с формованным краем второй четверти IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 285–286. Pl. 29: *696–698*). Очевидно, что именно к этому времени можно отнести его изготовление. Однако состояние поверхности изделия, испещренной многочисленными сколами и потертостями, а также почти полная утрата лакового покрытия, качество которого, судя по сохранившимся участкам, изначально

[3] Отметим, что одноручные канфары *с прямым венчиком* известны только среди продукции коринфских мастерских конца III – первой четверти II в. до н. э. (так называемые Hexamilia cup: *James*, 2018. P. 90. Fig. 17: *101*).

[4] Авторам «Афинской агоры» на момент ее публикации было известно всего 15 экземпляров (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 123).

было довольно высоким, свидетельствуют о возможном длительном периоде его использования до того момента, как он попал в погребение.

Второй чернолаковый сосуд, обнаруженный в заполнении грабительского хода и происходивший, вероятно, из северной, разграбленной в древности части погребения, – аттический арибаллический лекиф (*squat lekythos*) (*Гуляев и др.*, 2020. С. 25. Рис. 4: *1*). Он сохранился не полностью: утрачены горло, часть тулова и ручка, на поверхности заметны повреждения лака, но не такие значительные, как у канфара (рис. 1: *3*). Обычно для лекифов этого типа характерны раструбообразный венчик со скошенным внутрь краем, высокое узкое горло и приземистое тулово, опирающееся на низкий кольцевой поддон. Глина бежевая (рис. 1: *4*. Munsell: 7.5YR6/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Основные характеристики лакового покрытия аналогичны описанному выше канфару. Тулово декорировано крупной пальметтой. Подобные сосуды являются распространенной находкой в погребениях античных некрополей конца второй четверти – второй половины IV в. до н. э., но подавляющее большинство их встречается с материалами третьей четверти IV столетия (подробнее: *Morgan*, 2004. P. 167–168; *Κωτιτσα*, 2019. P. 210–211; *Рукавишникова и др.*, 2019. С. 463–464). Известны они и в варварских захоронениях того же времени (например: *Лимберис, Марченко*, 2014. С. 105–106). На материалах северного некрополя Пидны З. Котитса выделяет 16 групп лекифов с пальметтами, подробно анализируя особенности деталей орнамента, характерного для каждой группы, обосновывая хронологические рамки их бытования и предполагая, что они могут быть продукцией того же количества аттических мастерских (*Κωτιτσα*, 2019. P. 213–222). В соответствии с предложенной ей схемой наш лекиф, пальметта которого состоит из 14 лепестков с широким основанием и одной точкой на нижней границе, а также имеет дополнение в виде одного вертикально поставленного вытянутого лепестка сбоку, относится к группе II.4 (Ibid. P. 218–219. Εικ. 2β). Функционирование мастерской, производившей подобные лекифы, автор датирует 360–320 гг. до н. э. Судя по относительному и абсолютному количеству находок сосудов этой группы (Ibid. P. 214. Διάγραμμα 3), мастерская работала довольно активно, и ее продукция достигала в том числе и Причерноморского региона.

Таким образом, можно говорить о несколько более ранней дате канфара, но, учитывая совершенно явные следы его длительного использования, время попадания этих сосудов в погребение можно определить около третьей четверти IV в. до н. э.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратиться к давно ведущейся в среде исследователей дискуссии по вопросу продолжительности использования в варварской среде Северного Причерноморья импортной чернолаковой посуды. И в качестве одного из примеров, свидетельствующих в пользу возможности существования так называемого «бабушкиного сервиза», можно привести еще одну находку чернолакового сосуда из погребения кургана 11 могильника Колбино-I (*Шевченко*, 2009. С. 76. Рис. 15: *10*).

Фрагментированная чернолаковая миска представляет собой стандартный вариант формы с загнутым внутрь венчиком (рис. 2: *1*). Край заострен, заметно утолщение в верхней трети стенки. Высокий кольцевой поддон имеет

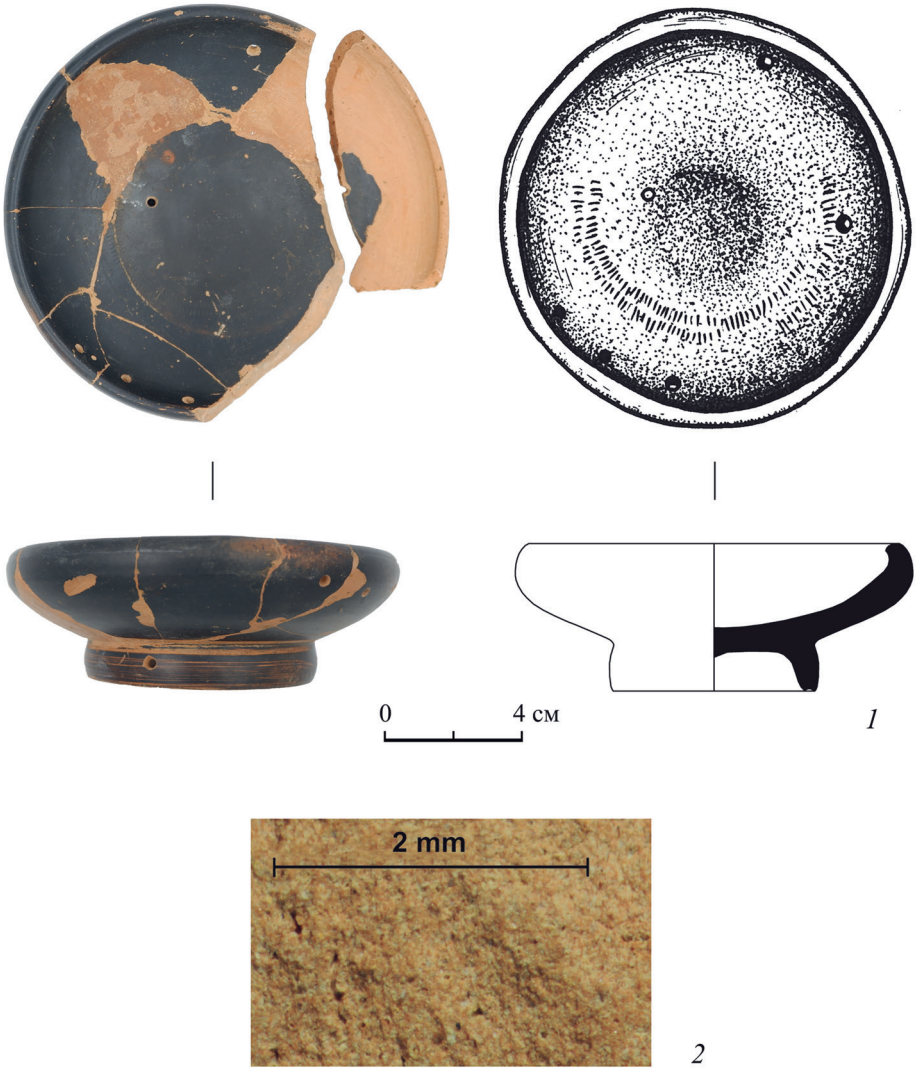

Рис. 2. Фрагментированная чернолаковая миска

1 – фрагментированная чернолаковая миска из кургана 11 могильника Колбино-I; *2* – макросъемка скола миски

желобок на подошве, на внешней поверхности дна – небольшой конический выступ. Размеры: Dв. – 11см; Dпод. – 6 см; H – 4,2 см. Глина розово-бежевая (рис. 2: *2*. Munsell: 7.5YR 6/4), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонким неровным слоем покрывает весь сосуд, за исключением ленты на стыке стенки и поддона, а также подошвы поддона. Внутреннюю поверхность украшает штампованный орнамент в виде двух–трех рядов насечек. Типологически близкие миски производились в Аттике со второй

четверти и до конца IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 295–296: *828–839*). Однако по ряду деталей, таких как отсутствие декора из лаковых концентрических кругов на внешней поверхности дна, наличие подвертикального гладкого поддона в сочетании с характерным утолщением стенок, этот сосуд стоит отнести к середине – третьей четверти IV в. до н. э.

По-видимому, до попадания в захоронение изделие имело некоторую историю, о чем свидетельствуют отверстия для ремонта, проведенного в древности. Всего зафиксировано семь отверстий. Однако часть из них, очевидно, была сделана с другой целью. Вероятнее всего, они были проделаны для подвешивания: по крайней мере, два отверстия никак не соотносятся с линиями разломов, несмотря на то, что они абсолютно идентичны остальным по диаметру и характеру краев. Отсутствие характерных потертостей у отверстий, а также со стороны поддона или венчика свидетельствует о том, что ее не носили на поясе, а вешали, например, на стену. Традиции развешивания посуды известны в Античной Греции (например: *Osborne*, 2011. P. 136), чего нельзя сказать о скифской среде. Поэтому можно предположить, что до того, как оказаться у скифов, эта миска какое-то время принадлежала греческому владельцу. Какое – сложно судить. Скорее всего, не очень долго, поскольку на лаковом покрытии не фиксируются следы длительного использования. Вероятно, миска была продана после того, как разбилась и была отремонтирована. Кроме того, некоторые исследователи высказывали предположение о возможности ремонта чернолаковой посуды самими скифами (*Гаврилюк*, 2006. С. 170–171; *Полин*, 2014. С. 643). Но это не исключает тот факт, что она могла попасть к своему последнему владельцу не сразу, а через некоторый промежуток после своего изготовления.

В целом вопросы о продолжительности бытования чернолаковой керамики и, соответственно, необходимости в отдельных случаях корректировать даты с учетом наличия возможного хронологического разрыва между временем изготовления и временем их попадания в слой давно обсуждаются в научной литературе (*Брашинский*, 1980. С. 49; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 173–174; *Вдовиченко*, 2008. С. 39; *Масленников*, 2010. С. 390; *Внуков*, 2015. С. 161–162; *Егорова*, 2019. С. 242–257 и др.). Особенно остро они поднимаются в дискуссиях о хронологии кочевнических погребений, относительно узкое датирование которых порой возможно исключительно на основе анализа античных импортов: преимущественно амфорной тары, а также чернолаковой и/или краснофигурной посуды. Так, С. В. Полин полагает, что «все допущения о длительности бытования чернолаковой и краснофигурной керамики у скифов совершенно надуманы и в целом абсолютно произвольны», отрицая саму возможность соотнесения следов стертости лакового покрытия и ремонта сосудов с продолжительностью их использования и объясняя расхождения в датах с клейменой амфорной тарой несовершенством современной хронологии (*Полин*, 2014. С. 642–644). Диаметрально противоположной точки зрения придерживаются Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков и В. С. Синика, посвятив этой проблеме и обоснованию своих выводов отдельный параграф главы о хронологии скифского могильника у села Глиное (*Тельнов и др.*, 2016. С. 937–945).

Оставляя за скобками те случаи, когда исследователь при публикации и анализе материалов приводит ошибочные аналогии и, соответственно, даты сосудов,

отметим, что примеров наличия отдельных ранних чернолаковых изделий в комплексах с чуть более поздним общим хронологическим фоном, в том числе в закрытых погребальных комплексах, довольно много. Это касается как греческих поселений и некрополей (например: *Азарова*, 1962. С. 321–327; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 173–174; *Boardman*, 2001. P. 245; *Масленников*, 2010. С. 390; *Сапрыкин, Внуков*, 2015. С. 112–113 и многие др.), так и варварских (*Дашевская*, 2014. С. 35–36, 42–43, 86; *Зайцев*, 1998. С. 58–59; *Лимберис, Марченко*, 2013. С. 428; 2015. С. 302–304 и др.), что, на наш взгляд, подтверждает выводы авторов публикации могильника у с. Глиное (*Тельнов и др.*, 2016. С. 945). Сложно согласиться только с их утверждением, что из-за доступности и широкой распространенности чернолаковой посуды в греческих городах можно говорить, напротив, о «непродолжительности использования греками сосудов для питья и иного назначения…» (Там же. С. 944). Даже в самых крупных греческих полисах находят, пусть и небольшой, процент столовой посуды с характерными потертостями и следами ремонта (*Rotroff*, 2011. P. 118–119; *Bilde, Handberg*, 2012. P. 461–481). К слову, ее количество значительно увеличивается с удалением от основных центров к периферии античного мира[5]. Вполне закономерно, что в кочевнические погребения она также могла попадать с запозданием, причем по разным причинам. Прежде всего после долгого использования в быту, что, как правило, оставляет следы на сосудах в виде частичной утраты лакового покрытия. В полной мере этот момент демонстрирует описанный выше одноручный канфар из кургана 9. Если же принять предположение С. В. Полина, что такие повреждения керамические изделия могли получить за месяц-два в результате небрежного хранения и перевозки (*Полин*, 2014. С. 643), то придется допустить, что и греки ровно таким же образом обращались со своей посудой, о чем свидетельствуют многочисленные находки на античных поселениях сосудов аналогичной сохранности (подробнее: *Егорова*, 2019. С. 245). Срок бытования греческой столовой посуды в скифском сообществе определяется Н. А. Гаврилюк и Н. П. Тельновым, И. А. Четвериковым и В. С. Синикой «продолжительностью жизни одного поколения», т. е. в пределах до четверти века (*Гаврилюк*, 2006. С. 170–171; *Тельнов и др.*, 2016. С. 942–943), что, однако, в некоторой степени нивелируется длительностью производства и, соответственно, широтой датировок отдельных типов изделий. В любом случае это обстоятельство необходимо принимать во внимание при датировании каждого конкретного комплекса.

Интересно отметить, что канфар из кургана 9 является не единственным предметом погребального инвентаря, попавшим туда далеко не сразу после его изготовления. При захоронении в данной гробнице индивида 1 («дама с калафом»), знатной женщины высокого социального ранга, у ее головы был положен сильно поврежденный железный нож. Он был обнаружен после снятия нетронутых грабителями золотых нашивных деталей парадного головного убора, что исключает его повреждения в ходе мародерских действий (рис. 3: *1*). То есть нож был преднамеренно положен именно таким, каким его и удалось обнаружить, –

[5] Подробнее этот вопрос рассмотрен в статье, посвященной проблеме продолжительности использования чернолаковой керамики на основе анализа материалов из Пантикапея и Танаиса (*Егорова*, 2019. С. 242–257).

Рис. 3. Железный нож из погребения под курганом 9 могильника Девица V

1 – фиксация железного ножа, обернутого в ткань, после снятия металлических деталей парадного головного убора индивида 1 (находка обведена красным кругом); *2* – до реставрации; *3* – после реставрации и удаления фрагментов ткани

старым, с сильно сработанным лезвием, обломанным как со стороны клинковой части, так и со стороны рукояти, которая была сильно потерта от длительного использования (судя по его состоянию, явно не один-два года). При этом ножик, несмотря на состояние, был заботливо обернут несколькими слоями ткани (рис. 3: *2*)[6]. Данное наблюдение свидетельствует о том, что скифскому населению, при всей пышности и помпезности погребальной обрядности, не была чужда практичность. Она позволяла им при соблюдении традиций захоронения порой использовать не только новые и хорошие вещи, которые могли бы пригодиться в мире живых, но и побывавшие в длительном употреблении (рис. 3: *3*).

В связи с этим наблюдением кажется, что положение в погребение сильно потертого канфара, служившего хозяину не один год, не выглядит чем-то нереалистичным. Как говорилось выше, чернолаковых изделий на Средний Дон поступало не так уж и много. И можно предположить, что население могло дорожить такой редкой вещью и использовать ее в рамках одного-двух десятилетий.

Завершая работу, хотелось бы отдельно остановиться на еще одном небольшом сюжете. Рассматриваемая чернолаковая миска из кургана 11 могильника Колбино-I, равно как и находки в скифских погребениях сосудов с греческими граффити (*Гаврилюк*, 2006. С. 170), позволяют предположить, что все не так однозначно и с путями попадания импортной столовой посуды в варварскую среду. Очевидно, далеко не все греческие сосуды были товаром, произведенным, доставленным в античные северопричерноморские колонии и сразу или через какое-то непродолжительное время отгруженным для поставки в другой регион. Некоторые могли доходить «индивидуальным маршрутом» или добавляться к партии товара уже после того, как какое-то время служили своим греческим владельцам, что также до определенной степени (к сожалению, сложно определить, до какой, и каждый случай надо рассматривать отдельно в сравнении с другими материалами) увеличивает промежуток от момента их производства до попадания в конкретный кочевнический комплекс. Именно поэтому, на наш взгляд, каждая из таких находок импортных чернолаковых изделий требует кропотливого индивидуального анализа, что позволит наиболее объективно подойти к реконструкции сложных культурно-исторических процессов в Восточной Европе в скифскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

Азарова В. П., 1962. Один из участков пантикапейского некрополя // Археология и история Боспора. Т. II / Отв. ред. Л. М. Славин. Симферополь: Крымиздат. С. 321–327.

Безматерных А. Е., 2006. Античный керамический импорт в курганах скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья (греческие амфоры): автореф. дис. … канд. ист. наук / Воронежский гос. ун-т. Воронеж. 24 с.

[6] Нож был завернут в ткань минимум в четыре слоя. Ткань полотняного переплетения 1/1 из растительных (лубяных) волокон, коричневого цвета. Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность за определения м. н. с. ИА РАН М. С. Яковчик. Специальная публикация о тканях из кургана 9 могильника Девица V находится в стадии подготовки.

Брашинский И. Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука. 267 с.

Вдовиченко И. И., 2008. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). Симферополь: СОНАТ. 351 с.

Внуков С. Ю., 2015. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. Вып. 238. С. 161–169.

Гаврилюк Н. А., 2006. Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений // АВ. № 13. СПб. С. 151–181.

Городцов В. А., 1947. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // СА. IX. С. 13–28.

Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А., 2020. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // РА. № 4. С. 21–39.

Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс. 284 с.

Егорова Т. В., 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.: НП-Принт. 204 с.

Егорова Т. В., 2019. К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 19 / Гл. ред. С. Ю. Монахов. Саратов: Техно-декор. С. 242–257.

Зайцев Ю. П., 1998. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М.: ГИМ. С. 52–60. (Тр. ГИМ; вып. 102.)

Замятнин С. Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. Вып. VIII. С. 9–51.

Иванов Т., 1963. Антична керамика некрополя Аполлония // Аполлония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947–1949 г. София: Българска академия на науките. С. 65–273.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2009. Чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 262–270.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2013. Импортная парадная керамика VI–IV вв. до н. э. из могильников меотских городищ Краснодарской группы // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История. С. 424–434.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2014. Палестрит из окрестностей Фанагории // Погребальная культура Боспорского царства: материалы круглого стола, посвящ. 100-летию Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998) (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.) / Отв. ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История. С. 102–113.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2015. Два типа чернолаковых чаш из меотских погребений правобережья Кубани // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. С. Ю. Монахов. Саратов: Научная книга. С. 299–317.

Лукьяшко С. И., 2012. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX–IV вв. до н. э.): дис. … д-ра ист. наук / МГУ. Ростов-на-Дону. 578 с.

Масленников А. А., 2010. Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-западное (юго-западный склон) // ДБ. Т. 14. С. 373–396.

Монахов С. Ю., Рогов Е. Я., 1990. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология: межвуз. науч. сб. Вып. 8. Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры / Отв. ред. В. Г. Борухович. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. С. 122–151.

Нелюбов С. А., Володин С. А., Добровольская М. В., 2024. Биоархеологические аспекты изучения коллективных подкурганных захоронений скифского времени на Среднем Дону // КСИА. Вып. 274. С. 391–405.

Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Олег Филюк. 776 с.

Пузикова А. И., 1971. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 2087.

Разуваев Ю. Д., 2017. Античный керамический импорт на поселениях скифского времени в донской лесостепи: картографическое исследование // Вестник Волгоградского государственного

университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 2. С. 15–24.

Рогов Е. Я., Тункина И. В., 1998. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. № 5 (1996–1997). СПб. С. 159–175.

Рукавишникова И. В., Егорова Т. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., 2019. Чернолаковые и краснофигурные сосуды из тризновых комплексов кургана «Госпитальный» // ДБ. Т. 24. С. 445–472.

Савченко Е. И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–144.

Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю., 2015. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. № 2. С. 98–119.

Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. 192 с.

Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья; 3.)

Шевченко А. А., 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–112.

Bilde P. G., Handberg S., 2012. Ancient Repairs on Pottery from Olbia Pontica // AJA. Vol. 116. № 3. P. 461–481.

Boardman J., 2001. The History of Greek vases. London: Thames & Hudson. 320 p.

Crowfoot J. W., Crowfoot G. M., Kenyon K. M., 1957. The objects from Samaria. London: Palestine exploration fund. 478 p. (Samaria-Sebaste; 3.)

Edwards G. R., 1975. Corinthian Hellenistic pottery. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. 340 p. (Corinth. American School excavations; vol. VII, part III.)

Hayes J. W., 1984. Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: a Catalogue. Toronto: Royal Ontario Museum. 204 p.

Hellström P., 1965. Pottery of classical and later date terracotta lamps and glass. Lund: Gleerup. 130 p. (Labraunda. Swedish Excavation and researches; vol. II.)

Hermary A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A., 2010. Apollonia du Pont (Sozopol) la necropole de Kalfata (V–III s. av. J.-C.). Paris: Aix-en-Provence. 433 p.

Ηλιοπούλου Σ., 2015. Αρχαία Ζώνη IIIa. Το νεκροταφείο: Ταφικά έθιμα και πρακτικές. Komotini: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού, Εφορεία Αρχαιοτήτων Έβρου. 185 p.

James S. A., 2018. Hellenistic pottery: the fine wares. Princeton, New Jersey: American school of classical studies at Athens. 360 p. (Corinth; vol. VII.7.)

Knigge U., 2005. Der bau Z: Kerameikos, Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd. XVII. München: Hirmer. 460 S.

Κωτιτσα Z., 2019. Εργαστήρια και χρονολόγηση των αρυβαλλοειδών ληκύθων με ανθέμιο από το βόρειο νεκροταφείο της Πύδνας // Τῷ διδασκάλῳ. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη. Θεσσαλονίκη. P. 209–223.

Morgan C., 2004. Attic fine pottery of the archaic to Hellenistic periods in Phanagoria. Leiden; Boston: Brill. XVI, 291, 54 p., ill. (Phanagoria Studies; 1.)

Osborne R., 2011. The History Written on the Classical Greek Body. Cambridge: Cambridge University Press. 322 p.

Robinson D. M., 1950. Excavation at Olynthus. Part XIII. Vases found in 1934 and 1938. Baltimore: Johns Hopkins Press. 463 p.

Rotroff S. I., 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies. 2 vols. (The Athenian Agora; vol. XXIX.)

Rotroff S. I., 2011. Mended in Antiquity: Repairs to Ceramics at the Athenian Agora // Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond: Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens. Aarhus: Aarhus University Press. P. 117–134.

Sparkes B. A., Talcott L., 1970. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. New Jersey; Princeton: The American school of classical studies at Athens. 500 p. (The Athenian Agora; vol. XII.)

Сведения об авторах

Егорова Татьяна Валерьевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: tvegorova@yandex.ru;

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Шевченко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru

T. V. Egorova, S. A. Volodin, A. A. Shevchenko

NEW FINDS OF THE BLACK-GLAZED CERAMICS OF THE IV CENTURY BC ON THE MIDDLE DON: REVISITING THE ISSUE ON THE DURATION OF USE OF CLASSICAL VESSELS BY EARLY NOMADS

Abstract. The paper reports on the results of the study of two black-glazed vessels found in a grave in kurgan no. 9 at the Devitsa V cemetery on the Middle Don in 2019. One of the vessels is a rather rare type of one-handle kantharos of classical shape. Thечstudy put the time when the ceramics had been placed into the grave around the third quarter of the IV century BC. Another object examined is a black-glazed bowl from kurgan 11 at the Kolbino-I cemetery. The vessel exhibits both traces of repair and traces suggesting that it hang on the wall. Based on the analysis of these materials, new concepts are introduced in the discussion of how long the nomads used imported tableware. According to one suggestion, some items were in use within the life-span of one generation.

Keywords: Scythians, Middle Don, ceramics, black glaze, Classical period, kurgan cemetery, burial rite, chronology.

REFERENCES

Azarova V. P., 1962. Odin iz uchastkov pantikapeyskogo nekropolya [One of the sites of Panticapaean necropolis]. *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and history of Bosporus]*, II. L. M. Slavin, ed. Simferopol: Krymizdat, pp. 321–327.

Bezmaternykh A. E., 2006. Antichnyy keramicheskiy import v kurganakh skifskogo vremeni Dnepro-Donskogo lesostepnogo mezhdurech'ya (grecheskie amfory): avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Antique ceramic imports in kurgans of Scythian period in Dnieper-Don forest-steppe interfluve (Greek amphorae): PhD Thesis]. Voronezhskiy gos. universitet. Voronezh. 24 p.

Brashinskiy I. B., 1980. Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu v V–III vv. do n. e. [Greek ceramic imports on Lower Don in V–III cc. BC]. Leningrad: Nauka. 267 p.

Dashevskaya O. D., 2014. Nekropol Belyausa [Belyaus necropolis]. Simferopol: Feniks. 284 p.

Egorova T. V., 2017. Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitelnykh iskusstv imeni A. S. Pushkina [Antique black glazed ceramics from collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow: NP-Print. 204 p.

Egorova T. V., 2019. K voprosu o prodolzhitelnosti ispolzovaniya chernolakovoy posudy (po materialam Pantikapeya i Tanaisa) [On duration of use of black glazed tableware (based on materials from

Pantikapaeum and Tanais)]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Classical world and archaeology]*, 19. S. Yu. Monakhov, ed. Saratov: Tekhno-dekor, pp. 242–257.

Gavrilyuk N. A., 2006. Chernolakovye kiliki i kanfary iz stepnykh skifskikh pogrebeniy [Black-figure kylixes and kanthares from steppe Scythian burials]. *AV*, 13, pp. 151–181.

Gorodtsov V. A., 1947. Raskopki «Chastykh kurganov» bliz Voronezha v 1927 g. [Excavations of «Chastye kurgans» near Voronezh in 1927]. *SA*, IX, pp. 13–28.

Gulyaev V. I., Volodin S. A., Shevchenko A. A., 2020. Elitnyy kurgan skifskogo vremeni na Srednem Donu (po materialam raskopok mogilnika Devitsa V) [Elite mound of the Scythian period in the Middle Don (materials from the excavations in the Devitsa V cemetery)]. *RA*, 4, pp. 21–39.

Ivanov T., 1963. Antichna keramika nekropolya Apolloniya [Antique ceramics fron necropolis of Apollonia]. *Apolloniya. Razkopkite v nekropola na Apoloniya prez 1947–1949 g. [Apollonia. Excavations in necropolis of Apollonia in 1947–1949]*. Sofia: B"lgarska akademiya na naukite, pp. 65–273.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2009. Chernolakovye sosudy iz Prikubanskogo mogilnika [Black glazed vessels from Prikubansky cemetery]. *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira [Bosporan phenomenon. Art on the periphery of Classical world]*. V. Yu. Zuev, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 262–270.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2013. Importnaya paradnaya keramika VI–IV vv. do n. e. iz mogilnikov meotskikh gorodishch Krasnodarskoy gruppy [Imported ceremonial ceramics of VI–IV cc. BC from cemeteries of Maeotian hillforts of Krasnodar group]. *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke [Bosporan phenomenon. Greeks and barbarians at Eurasian crossroad]*. M. Yu. Vakhtina, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 424–434.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2014. Palestrit iz okrestnostey Fanagorii [A palestrite from Phanagoria vicinity]. *Pogrebalnaya kultura Bosporskogo tsarstva [Funerary culture of Bosporan kingdom]*. V. Yu. Zuev, V. A. Khrshanovskiy, eds. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 102–113.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2015. Dva tipa chernolakovykh chash iz meotskikh pogrebeniy pravoberezh'ya Kubani [Two types of black glazed bowls from Maeotian burials on Kuban right bank]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Classical world and archaeology]*. S. Yu. Monakhov, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 299–317.

Luk'yashko S. I., 2012. Naselenie Nizhnego Dona v predskifskoe i skifskoe vremya (IX–IV vv. do n. e.): dissertatsiya … doktora istoricheskikh nauk [Population of Lower Don in pre–Scythian and Scythian times (IX–IV cc. BC): Thesis presented for the degree of Doctor of Science]. MGU. Rostov-na-Donu. 578 p.

Maslennikov A. A., 2010. Chernolakovaya posuda s poseleniya Generalskoe-zapadnoe (yugo-zapadnyy sklon) [Black glazed tableware from Generalskoe-Zapadnoe settlement (south-western slope)]. *DB*, 14, pp. 373–396.

Monakhov S. Yu., Rogov E. Ya., 1990. Keramicheskie kompleksy nekropolya Panskoe I [Ceramic associations from Panskoe I necropolis]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Classical world and archaeology], 8. Problemy antichnoy gosudarstvennosti, materialnoy i dukhovnoy kultury [Issues of ancient statehood, material and spiritual culture]*. V. G. Borukhovich, ed. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 122–151.

Nelyubov S. A., Volodin S. A., Dobrovolskaya M. V., 2024. Bioarkheologicheskie aspekty izucheniya kollektivnykh podkurgannykh zakhoroneniy skifskogo vremeni na Srednem Donu [Bioarchaeological aspects of studying multiple kurgan burials on Middle Don from the Scythian period]. *KSIA*, 274, pp. 391–405.

Polin S. V., 2014. Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogilnik V–IV vv. do n. e. na Khersonshchine [Scythian kurgan necropolis of Zolotaya Balka of V–IV cc. BC in Kherson region]. Kiev: Oleg Filyuk. 776 p.

Puzikova A. I., 1971. Kultura osedlykh plemen Pravoberezh'ya Srednego Dona v skifskoe vremya [The culture of sedentary tribes of Middle Don Right bank in Scythian period]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Razuvaev Yu. D., 2017. Antichnyy keramicheskiy import na poseleniyakh skifskogo vremeni v donskoy lesostepi: kartograficheskoe issledovanie [Antique ceramic imports in Scythian settlements in Don forest-steppe: cartographic study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd state university. Series 4. History. Regional studies. International relations]*, vol. 22, no. 2, pp. 15–24.

Rogov E. Ya., Tunkina I. V., 1998. Raspisnaya i chernolakovaya keramika iz nekropolya Panskoe I [Painted and black glazed ceramics from Panskoe I necropolis]. *AV*, 5 (1996–1997), pp. 159–175.

Rukavishnikova I. V., Egorova T. V., Beylin D. V., Fedoseev N. F., 2019. Chernolakovye i krasnofigurnye sosudy iz triznovykh kompleksov kurgana «Gospitalnyy» [Black glazed and red figure vessels from funeral feast complexes in «Gospitalnyy» kurgan]. *DB*, 24, pp. 445–472.

Saprykin S. Yu., Vnukov S. Yu., 2015. Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) [Greek inscriptions from Kara-Tobe (North-Western Crimea)]. *VDI*, 2, pp. 98–119.

Savchenko E. I., 2001. Mogilnik skifskogo vremeni «Ternovoe I – Kolbino I» na Srednem Donu (pogrebalnyy obryad) [Cemetery «Ternovoe I – Kolbino I» of Scythian period on Middle Don (burial rite)]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg. [Archeology of Middle Don in Scythian period: proceedings of Potudan archaeological expedition of IA RAS, 1993–2000]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 53–144.

Shevchenko A. A., 2009. Novye materialy k izucheniyu kurgannogo mogilnika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu [New materials for the study of Scythian period cemetery Kolbino I on Middle Don]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archeology of Middle Don in Scythian period: proceedings of Potudan archaeological expedition of IA RAS, 2004–2008]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–112.

Sinyuk A. T., Berezutskiy V. D., 2001. Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (Epokha bronzy – ranniy zheleznyy vek) [Mostishchi complex of ancient sites (Bronze Age – Early Iron Age)]. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 192 p.

Tel'nov N. P., Chetverikov I. A., Sinika V. S., 2016. Skifskiy mogilnik III–II vv. do n. e. u s. Glinoe [Scythian cemetery of III–II cc. BC near village Glinoe]. *SP*. 1096 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya, 3.)

Vdovichenko I. I., 2008. Antichnye raspisnye vazy v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. e.) [Antique painted vases in North Pontic region (VII–IV cc. BC)]. Simferopol: Sonat. 351 p.

Vnukov S. Yu., 2015. Prodolzhitelnost' ispolzovaniya antichnykh vinnykh amfor [Duration of the period Classical wine amphorae were used]. *KSIA*, 238, pp. 161–169.

Zamyatnin S. N., 1946. Skifskiy mogilnik «Chastye kurgany» pod Voronezhem [Scythian cemetery «Chastye kurgans» near Voronezh]. *SA*, VIII, pp. 9–51.

Zaytsev Yu. P., 1998. Keramika s lakovym pokrytiem iz sloya pozhara 1 Yuzhnogo dvortsa Neapolya Skifskogo [Ceramics with a glaze coating from the layer of fire 1 of Southern Palace in Scythian Neapolis]. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e [Hellenistic and Roman ceramics in North Ponticregion]*. Moscow: GIM, pp. 52–60. (Trudy GIM, 102.)

About the authors

Egorova Tatyana V., Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: tvegorova@yandex.ru;

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com;

Shevchenko Aleksandr A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail:she.shevchenko@yandex.ru

В. В. Вахонеев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЛОЖА В КРЕМАЦИЯХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮЖНОГО ПРИГОРОДА В 2021–2023 гг.)[1]

Резюме. Статья посвящена исследованию остатков погребальных лож (lectus funebris), обнаруженных в кремационных площадках (ustrina) Южного пригорода Херсонеса Таврического в 2021–2023 гг. Анализ этих находок (бронзовых деталей, гвоздей и резных костяных накладок) позволяет реконструировать погребальную практику элитной части общества в рамках элитарного кремационного обряда I–II вв. н. э. Работа ставит целью сопоставить херсонесские материалы с аналогичными находками из провинций Римской империи и выявить степень культурной интеграции Херсонеса. Исследование расширяет представления о римском погребальном обряде на периферии империи и подчеркивает значение археологических данных, фиксирующих такую часть ритуала, как сожжение предметов, не попавших в состав захоронения.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, кремация, кремационная площадка, *ustrinum*, погребальные практики, погребальное ложе, костяные накладки, слоновая кость, Южный пригород.

Херсонес Таврический и его округа предоставляют богатый материал для изучения погребальных практик на периферии античного мира. В 2021–2023 гг. Античной новостроечной экспедицией ИИМК РАН проводились масштабные исследования Южного пригорода Херсонеса на площади 8,6 га (*Соловьева и др.*, 2024. С. 19–28). По результатам исследований удалось детально проследить процесс освоения этой достаточно большой по площади территории.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20456, https://rscf.ru/project/24-28-20456/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.128-140

На этом участке помимо традиционных захоронений было обнаружено значительное количество кремационных площадок, свидетельствующих о распространении обряда сожжения умерших в римское время. Всего выявлено более 340 таких объектов, относящихся ко второй половине I – II в. н. э. Каждая кремационная площадка представляет собой прямоугольную яму неглубокого заложения (обычно 0,2–0,6 м), стенки и дно которой сильно прокалены огнем. Во многих случаях зафиксировано наличие специального бокового канала – поддувала, обеспечивавшего приток воздуха к горящему погребальному костру (*Кропотов, Вахонеев*, 2025. С. 175).

Материалы, обнаруженные в кремационных площадках, позволяют заглянуть за пределы традиционного набора инвентаря, известного по захоронениям. При кремации далеко не все предметы, участвовавшие в обряде, попадали в погребальную урну. Значительная часть вещей сгорала на костре и оставалась на месте сожжения. В результате исследования таких площадок дают возможность реконструировать полный комплекс погребального церемониала, включая те его компоненты, которые ранее ускользали от внимания.

В частности, одним из наиболее интересных аспектов является выявление остатков сгоревшей деревянной мебели – предметов, которые могли служить ложем для покойного или участвовать в церемонии как погребальная утварь и были намеренно уничтожены огнем в ходе обряда.

Несмотря на то что кремация как погребальный обычай на территории Херсонеса практиковалась еще в доримское время (*Зубарь*, 1982. С. 51), появление специально оборудованных площадок для погребального костра *ustrinum* и *bustum* прямо коррелирует с влиянием римских похоронных практик в первые века н. э. (*Pearce*, 2013. P. 28–29). В римской провинциальной археологии феномен сожжения погребальных лож привлекал внимание исследователей уже не раз, однако в отечественной историографии он практически не исследовался. Настоящая работа ставит целью представить материалы из Херсонеса, содержащие возможные остатки сгоревших лож, и обсудить их интерпретацию на фоне известных аналогий из других регионов империи.

Раскопками южного пригорода выявлен разнообразный инвентарь, оставшийся в заполнении кремационных площадок. Среди этих находок особый интерес представляют фрагменты, интерпретируемые как элементы погребальных лож: бронзовые детали, гвозди и декоративные накладки из кости. Практически все они несут отчетливые следы воздействия огня, указывающие на то, что данные предметы были на погребальном костре во время кремации. Из всего массива археологических данных наиболее выразительными являются материалы из объектов 65 (раскоп 4) и 44 (раскоп 2.1), на которых следует остановиться детальнее.

Объект 65 располагался в квадрате 120/175–176 и представлял собой кремационную площадку – неглубокую (0,17 м) прямоугольную яму размером 1,65 × 0,96 м, ориентированную по линии юго-запад – северо-восток. В северо-западном борту находилось поддувало. Борта ямы и поддувала обмазаны слоем глины и прокалены. Заполнение состояло из двух слоев. Первый – темно-серый суглинок с пеплом и фрагментированным древесным углем, второй – плотный, слежавшийся слой золы с древесным углем. Погребальный инвентарь

представлен красноглиняным закрытым сосудом, тремя бусинами из фаянса и стекла, фрагментом золотой фольги, а также бронзовым предметом конической формы. Последний представляет собой часть составной ножки погребального ложа или бисселиума (рис. 1: *1*). Аналогии подобным бронзовым элементам известны по многочисленным находкам, происходящим, в частности, из Бургуэн-Жалье, Помпей, Боскореале, Канозы-ди-Пульи, Каноса, Маддии и др. (*Boucher*, 1982; *Cormier*, 2022. Pl. XVIII: *1, 2, 4*; *Tarbell, Dorsey*, 1909. P. 102–103. Fig. 19–22). Такие предметы имеют сходные структурные части, такие как верхний цилиндрический участок, отверстие для крепления деревянного каркаса, средняя часть с профилированными выступами и плоское основание для устойчивости (рис. 1: *2–4*).

В заполнении части кремационных площадок обнаружены также железные и бронзовые гвозди. Как правило, их количество на одном объекте исчисляется всего несколькими экземплярами, причем часто не загнутыми. Длина гвоздей колеблется, встречаются как небольшие бронзовые, так и более массивные железные экземпляры. Лишь в одном случае было выявлено 13 железных гвоздей по периметру кремационной площадки.

Назначение гвоздей в таких комплексах дискутируется. Возможны две основные интерпретации: техническая и обрядовая. Первая – гвозди могли использоваться при сооружении самого погребального костра. Они должны были скреплять деревянные опоры так, чтобы тот не обрушился раньше времени и обеспечивал равномерное кремирование тела. Однако в археологической литературе чаще склоняются ко второй интерпретации, согласно которой гвозди – это остатки деревянного ложа или носилок, на которых тело усопшего было принесено и сожжено (*Oţa*, 2007. P. 78–79). Реже встречается предположение, что кремация тела происходила в гробу (*Зубарь*, 1982. С. 51), хотя известная иконография не находит этому подтверждения (*Cormier*, 2022. Pl. XXV–XXVIII).

Помимо гвоздей показательными оказались и находки декоративных пластин из кости. При исследовании ряда площадок были обнаружены такие предметы, причем в некоторых случаях сразу группой (рис. 2: *1–4*). Некоторые из них, безусловно, могли принадлежать небольшим шкатулкам, другие являлись фрагментами костяных пиксид. Однако комплекс находок из объекта 44 в кв. 112/166 на раскопе 2.1 позволяет однозначно говорить о сожжении погребального ложа с отделкой из слоновой кости, подобного тем, которые обнаруживались на памятниках центральной и северной Италии (рис. 3) (*Cormier*, 2022; *Bianchi*, 2010; *Béal*, 1991; *Frapiccini*, 2014), а также южной Франции (*Lacombe*, *Cormier*, 2020; *Béraud*, *Gébara*, 1986).

Объект 44 представлял собой также типичную площадку для кремации. В составе инвентаря было обнаружено более 350 фрагментов резных пластин из слоновой кости (рис. 2: *5*). Все они имеют следы термического воздействия (почернение, деформация, трещины), что указывает на пребывание материала в зоне горения. Значительная часть фрагментов обуглена, отдельные элементы сильно повреждены, вероятно, в результате обрушения или разбора конструкции. Степень сохранности варьируется от мелких неоформленных обломков до крупных фрагментов с читаемой иконографией. Некоторые детали украшены декоративными поясками, профилированными краями, зубчиками, перехватами и насечками.

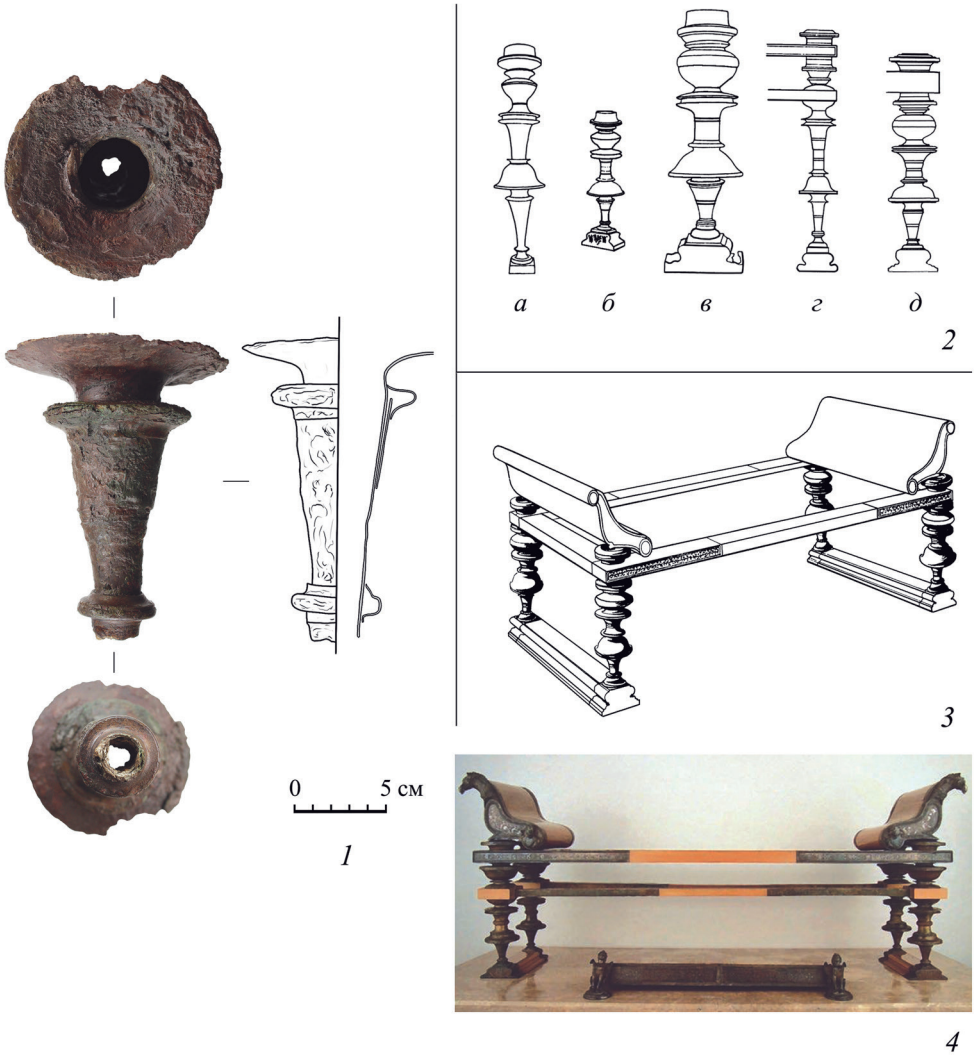

Рис. 1. Римские ложа с бронзовыми ножками

1 – фрагмент бронзовой ножки из Херсонеса; *2* – схемы ножек лож из Махдии (а), Помпей (б), Марокко (в), Каноса (г), Бургуэн-Жалье (е) (по: *Boucher*, 1982); *3* – реконструкция ложа из Бургуэн-Жалье (по: Ibid.); *4* – погребальное ложе с бронзовыми ножками, музей Чентрале Монтемартини (по: *Cormier*, 2022)

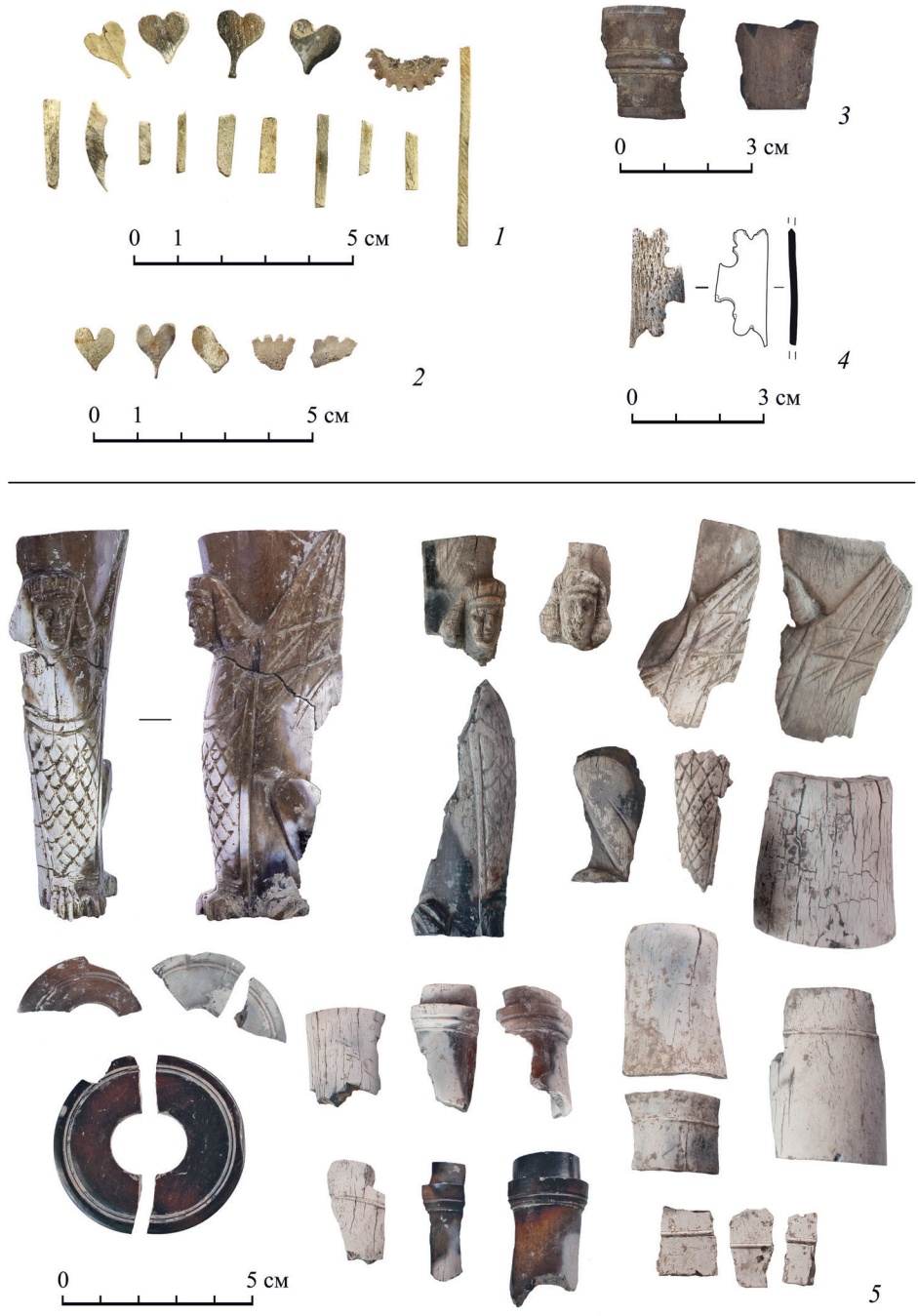

Рис. 2. Костяные накладки из кремационных площадок Южного пригорода Херсонеса

1 – объект 41 раскопа 2.1; *2* – объект 66 раскопа 2.1; *3* – объект 262 раскопа 4; *4* – объект 195 раскопа 4; *5* – объект 44 раскопа 2.1 (выборка)

1 *2* *3* *4*

5

Рис. 3. Римские погребальные ложа, украшенные резной костью (по: *Cormier*, 2022)

1 – Рим; *2* – Италия (?); *3* – Кремона; *4* – Норча; *5* – Фосса

На нескольких крупных фрагментах ножек ложа сохранились рельефные изображения мифического существа с человеческой головой и туловищем грифона, сидящего в спокойной позе. Передняя часть туловища покрыта рельефным орнаментом в виде ромбов, имитирующих чешую или перья. Композиция завершается двумя выразительными когтистыми передними лапами, вертикально стоящими на опоре, и согнутыми задними лапами, прижатыми к туловищу. Крылья отходят от плеч и изображены в приподнятом положении, с диагональной гравировкой, создающей сетчатый рисунок перьев, характерный для восточной стилистики.

Образ можно интерпретировать как синкретическую фигуру сфинкса восточного типа, обладающего охранительной функцией. По стилистике и технике

исполнения накладки могут быть отнесены к изделиям парфянской резьбы. Комплекс из Херсонеса, вероятно, представляет собой элитарный импорт. Парфянская резная кость известна в том числе среди предметов из сарматских погребений первых веков н. э. (*Трейстер*, 2019. С. 317).

Таким образом, комплекс находок из объекта 44 представляет собой часть декоративного оформления погребального ложа, которое было сожжено вместе с телом умершего. Реконструкцию его формы на основании обнаруженных сотен фрагментов еще предстоит выполнить в будущем, однако наличие такого роскошного предмета на некрополе периферийного Херсонеса крайне показательно и требует дополнительного осмысления.

Опираясь на рассмотренные примеры, можно реконструировать отдельные аспекты погребального ритуала в Херсонесе. Очевидно, некоторые представители местной знати сжигали умерших не просто на голых дровах костра, а устраивали для них погребальное ложе, украшенное декоративными элементами и называемое *lectus funebris*, которое затем сжигали вместе с телом. В некоторых случаях вместе с телом на погребальный костер также могли класться любимые предметы обстановки, символизировавшие статус покойного. В элитарных погребениях ложе могло быть инкрустированным костью и металлом. При кремации ложе с телом возлагали на костер целиком. Деревянная рама выгорала, металл оплавлялся, а кость осыпалась в пепел. Именно такую картину мы наблюдаем в Херсонесе: костяные инкрустации и некоторые металлические детали – все, что осталось от ложа после огня.

Античная мебель часто собиралась не на гвоздях, а на столярных соединениях, металлические детали использовались мало. Поэтому от сгоревшего ложа в основном остаются декоративные накладки и наконечники ножек, а гвоздей – минимум. Это вполне согласуется с полученными результатами исследований на некрополе Херсонеса.

Сами по себе гвозди, как отмечалось, тоже могут относиться к вспомогательной конструкции. Возможно, что тело приносили к месту кремации на носилках (ложе), которые затем ставили на дрова и сжигали вместе с телом. Такие носилки могли иметь минимум металлических частей – только гвозди или скобы. Тогда обнаруженные несколько гвоздей – это все, что от них осталось. При этом присутствие костяных накладок заставляет думать, что в Херсонесе дело не ограничивалось простыми носилками, как минимум в одном случае было настоящее парадное ложе. Вероятно, члены высшего слоя общества таким образом демонстрировали статус усопшего.

Интересно отметить, что подобные действия вполне соответствуют римским погребальным представлениям. Сожжение дорогих вещей на костре можно рассматривать как своего рода жертву имущества покойного. Погребальное ложе выполняло двойную функцию: с одной стороны, практическую (удобство транспортировки и эстетика церемонии), с другой – символическую (последнее ложе, на котором возлежит покойный, уходя в загробный мир).

В целом интерпретация херсонесских находок как остатков погребальных лож соответствует современным научным представлениям. Аналогичные находки в римских провинциях уверенно трактуются как следы сожжения погребальных лож или иных предметов обстановки, принесенных в жертву во время

похоронного костра. Рассмотрим ниже, какие примеры подобного рода зафиксированы в других регионах и как данная проблема отражена в историографии.

Вплоть до середины XX в. немногочисленные находки гвоздей или обугленных досок в кремационных погребениях не привлекали особого внимания исследователей и зачастую интерпретировались рутинно – как остатки погребального костра или сгоревшего гроба. Однако с 1960-х гг. археологи начали обращать внимание на возможность существования погребальных лож и мебели в ритуале кремации. Одним из первых сигналов стала публикация М. Биддла, описавшего два кремационных захоронения эпохи Флавиев в г. Винчестер (Британия). Исследователь обратил внимание, что в этих комплексах присутствуют гвозди, хотя тела были кремированы, и предложил видеть в них свидетельства сожжения деревянных носилок или ложа (*Biddle*, 1967. P. 3). В последующие годы аналогичные наблюдения сделали и другие исследователи в разных странах. В Британии находки гвоздей в кремациях отмечали А. Даун и М. Рул при раскопках в Чичестере (*Down, Rule*, 1971. P. 72–73), а в северной Италии – Дж. Сена Кьеза при исследовании некрополя в Ангере (Angera Romana…, 1985. P. 51). Все эти авторы сходились во мнении, что гвозди могли остаться от погребального ложа либо элементов костра, но точных доказательств мебели не имелось.

Настоящий всплеск интереса к данной проблеме произошел с открытием богатых кремационных комплексов в 1990-е – 2000-е гг. Дж. Пирс систематизировал эти данные, отметив, что помимо металла иногда в кремационных комплексах находят и обгоревшие фрагменты костяных накладок – хотя это редкость, но такие случаи известны (*Pearce*, 2013. P. 35–37). Исследователь приводит три подтвержденных примера погребальных лож с инкрустацией костью в Британии: Фолли-Лэйн, «детское» погребение в Колчестере и захоронение в Бруэме (Камбрия), где также обнаружены обугленные тонкие пластины из кости. Он отмечает, что все они датируются I в. н. э. и подобные находки крайне редки после начала II в., что может свидетельствовать об изменении ритуала или моды.

В Галлии и провинциях континентальной Европы к проблеме остатков мебели обратились также благодаря исследованиям мест погребальных костров. Так, в 1980-х гг. во Франции прошла серия конференций по некрополям с кремациями, где публиковались сообщения о находках гвоздей и других артефактов на местах погребальных костров (*Dussot*, 1987. P. 19; *Lintz*, 1993. P. 282; *Bura*, 2001). Однако самым полным стал труд К. Сензон-Сальвайр, защитившей в 2014 г. диссертацию по погребальным кострам южной Галлии. Она подробно описала несколько комплексов, где в остатках брошенного костра сохранились фрагменты погребальных лож (*Cenzon-Salvayre*, 2014. P. 243–245). Таким образом, к началу XXI в. в ряде регионов накопилось достаточно данных, позволивших подтвердить практику сожжения лож на погребальных кострах.

Параллельно шло осмысление этого явления в более широком культурном контексте. Исследователи задумывались о происхождении самой традиции сожжения ложа с телом. Две основные концепции выделил И. Оца при анализе провинций Нижнего Дуная: согласно первой, это развитие местных (греческих или кельтских) традиций, где кремация могла сопровождаться жертвоприношением имущества; согласно второй – новшество, напрямую заимствованное из римских обычаев (*Oţa*, 2007. P. 86). В случае Херсонеса можно отметить

синтез: с одной стороны, кремация там практиковалась еще с эллинистического времени, с другой – именно появление сложных устройств типа *ustrinum* явно связано с влиянием римской культуры I–II вв. н. э.

Резюмируя историографию, отметим, что проблема предметов мебели в погребальном обряде кремации прошла путь от единичных наблюдений до осознания ее массовости в римском мире. Если ранее находки гвоздей в кремациях толковались по-разному, то сейчас в научном сообществе сформировалось понимание, что значительная часть таких находок – это именно свидетельства сжигания погребальных лож или сопутствующих деревянных предметов. Особенно это характерно для богатых захоронений эпохи ранней империи. Новые материалы из Херсонеса позволяют добавить к этой картине еще один региональный вариант и делают необходимым сравнительный анализ с аналогиями из других провинций.

Явление сожжения мебели на погребальных кострах фиксируется во многих провинциях Империи, преимущественно в I–II вв. н. э., когда обряд кремации был доминирующим. Рассмотрим наиболее показательные примеры из разных регионов – Британии, Галлии, дунайских провинций и Северной Африки – чтобы поместить херсонесские материалы в широкий контекст.

В северо-западных провинциях (Британия, Галлия) археология дала яркие примеры сгоревших погребальных лож. В Британии уже упоминались два известных комплекса: Фолли-Лэйн (Веруламиум) и Колчестер. В богатом захоронении Фолли-Лэйн (ок. 50–60 гг. н. э.), предположительно погребение местного знатного лица, помимо обильного инвентаря обнаружены остатки деревянной погребальной камеры, которая была сожжена *in situ* (тип bustum). Среди обугленных остатков – остатки повозки или колесницы, конское снаряжение, а также фрагменты стула или кушетки из слоновой кости и более 4 кг расплавленного серебра (*Niblett*, 2000. P. 98–99).

В Колчестере известен так называемый детский могильник I в. н. э., где тоже нашли обгоревшие костяные пластинки – вероятно, остатки небольшой кровати или колыбели ребенка, сожженной при кремации (*Pearce*, 2013. P. 36; *Eckardt*, 1999. P. 77). Еще один пример из Британии – некрополь в Бруэме на севере Англии: там обнаружены фрагменты обугленных костяных инкрустаций и бронзовых элементов мебели в нескольких кремациях, связываемые с погребальными ложами (*Eckardt*, 1999. P. 77; *Pearce*, 2013. P. 36–37).

В Галлии аналогичные явления прослеживаются в ряде некрополей римского времени. В одном погребальном комплексе некрополя Ришом (Прованс) было найдено сразу несколько свидетельств погребальных лож: бронзовые украшения ножек, гвозди, остатки деревянного основания и, главное, 1960 обгоревших костяных накладок – очевидное свидетельство сгоревшего *lectus funebris* (*Cenzon-Salvayre*, 2014. P. 243–245). Рядом лежала свинцовая табличка-проклятие, что показывает элитарный характер захоронения. Подобные находки встречались и ранее. Например, на некрополе Ла Вэссьер в южной Франции изучено несколько *ustrinum*, где среди золы были найдены железные гвозди, бронзовые украшения и детали замков – вероятно, от сгоревших ящиков или мебели (*Vernhet*, 1987. P. 88). Все эти примеры подтверждают, что и в Галлии при кремациях сжигали деревянные изделия, иногда весьма богато украшенные.

Особенно показательно, что в Галлии и Британии датировка таких комплексов концентрируется в I – начале II в. н. э., что совпадает по времени с херсонесскими материалами.

В провинциях вдоль Дуная (Паннония, Мёзия, Дакия) кремация также была распространена в I–II вв., и имеются свидетельства сожжения мебели, хотя и менее показательные. И. Оца отмечает, что в 55 погребениях типа *bustum* (когда кремация и захоронение проходили прямо в одном месте) были найдены гвозди – по несколько штук в каждом, иногда из железа, иногда из бронзы (*Oţa*, 2007. P. 78). В некоторых случаях рядом фиксировались обгоревшие куски бронзы или обугленное дерево. Исследователи интерпретировали гвозди как остатки погребальных лож или, реже, – гробов, в которых кремировали умерших. В связи с малым числом гвоздей было высказано предположение, что они могли происходить также от мелких сожженных деревянных предметов (шкатулок, ларцов), положенных на костер (Ibid. P. 79). Однако сам факт присутствия этих гвоздей в кремационных комплексах Мёзии говорит о том, что при кремации там тоже сжигались деревянные конструкции.

В провинциях Северной Африки кремация была воспринята местным населением вслед за романизацией, хотя традиционно в Карфагене и других пунических центрах до начала империи преобладали другие обряды. Археологические данные показывают, что эти провинции демонстрируют «всеобщность» римских погребальных традиций, включая и такие элементы, как сожжение предметов вместе с телом. Однако из-за климатических условий и состава почв сохранились в основном неорганические остатки. Тем не менее и здесь зафиксированы свидетельства мебели в кремациях.

Так, на восточном кладбище Лептиминуса (Тунис) установлено, что в ряде кремационных захоронений отсутствовали урны. При этом прах оставался на месте, а рядом в ямах лежали гвозди и декоративные аппликации, образуя прямоугольные контуры. Эти гвозди и накладки интерпретированы как следы сгоревших деревянных гробов или лож, на которых сжигали тела (*Moore, Stirling*, 2021. P. 104). В некоторых случаях отмечены даже органические отпечатки – темные пятна от тлена древесины, обрамленные россыпью гвоздей (*Jeddi*, 1995. P. 149). В более скромных кремациях в провинции *Africa Proconsularis* вместо ложа использовали простые погребальные пелены – зафиксированы случаи, когда прах был завернут в ткань. Однако в богатых гробницах, включая подземные склепы (гипогеи) Северной Африки, иногда находят части мебельной обстановки. Например, в Мадавре (Нумидия) сообщается о бронзовых деталях кровати в кремационном захоронении II в. н. э. (*Moore, Stirling*, 2021. P. 105).

Таким образом, в Африке археологические примеры менее представительны, однако следы деревянных погребальных лож тоже присутствуют. Это подтверждает универсальность рассматриваемого феномена: схожая ритуальная практика прослеживается от далеких окраин Британии до городов Африки.

Рассмотренная совокупность данных позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, ряд находок из кремационных площадок Южного пригорода Херсонеса могут быть интерпретированы как остатки сгоревших деревянных предметов мебели, вероятнее всего, погребальных лож.

Во-вторых, практика сожжения погребальной мебели не была локальной особенностью. Напротив, она являлась частью распространенного элитарного погребального обряда раннеримского времени, в основе которого заимствования более ранней греческой традиции. Аналогии прослежены в провинциях Британии, Галлии, Паннонии, Мёзии, Африки – повсюду фиксируются схожие артефакты (гвозди, накладки, металлические детали), свидетельствующие о том, что знатных покойников кремировали вместе с ложами, креслами, шкатулками или иными деревянными предметами. Херсонес в этом ряду выступает как еще один регион, где под влиянием римских традиций закрепился обычай сжигать не только само тело, но и окружавшие его предметы интерьера.

Наконец, значимость новых данных из Херсонеса состоит в том, что они заполняют пробел в изучении погребальной культуры этого города. Ранее исследователи уделяли основное внимание типам гробниц и наборам инвентаря внутри захоронений, тогда как «невидимая» часть обряда – то, что происходило на костре до помещения праха в могилу, – оставалась неясной. Теперь же благодаря раскопкам *ustrina* на Южном пригороде, мы получаем прямые свидетельства этой части ритуала. Погребальный инвентарь был гораздо разнообразнее, чем можно судить по вещам из погребальных урн. В огне кремаций исчезали целые роскошные предметы, от которых в лучшем случае остаются лишь следы в виде пепла и золы.

Подводя итог, можно констатировать, что такие предметы мебели, как погребальные ложа из кремационных площадок Херсонеса, представляют собой новый ценный источник по римскому погребальному обряду на периферии империи. Их исследование позволяет поднять проблему использования мебели в кремации и показать, что эта практика имела широкий географический охват. В дальнейшем привлечение данных археоботаники, антракологии и продолжение раскопок других кремационных площадок позволят еще глубже понять сценарий кремационной церемонии: от сооружения костра и укладки на него ложа с телом – до сбора праха и выбора, какие предметы отправляются в могилу, а какие остаются в пепле. Таким образом, изучение сгоревшей погребальной мебели открывает новое измерение в реконструкции ритуала и приближает нас к пониманию духовного мира и социальных коммуникаций античного общества в момент прощания с умершими.

ЛИТЕРАТУРА

Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка. 142 с.

Кропотов В. В., Вахонеев В. В., 2025. Кремационная площадка 7 (раскоп 4.1) Южного пригорода Херсонеса Таврического // НАВ. Т. 24. № 1. С. 173–188.

Соловьева Н. Ф., Виноградов Ю. А., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В., 2024. Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: охранная археология. Вып. 15. СПб.: Невская типография. С. 17–28.

Трейстер М. Ю., 2019. Парфянская резная кость из погребений кочевников азиатской Сарматии первых веков н. э. // Scythia et Sarmaria / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Макс Пресс. С. 317–327.

Angera Romana. Scavi nella necropoli 1970–1979 / Ed. G. Sena Chiesa. Roma: Giorgio Bretschneider, 1985. 613 p.

Béal J.-C., 1991. Le mausolée de Cucuron (Vaucluse), 2e partie: le lit funéraire à décor d'os de la tombe n° 1 // Gallia. Fouilles et monuments archéologiques en France métropolitaine. Vol. 48. Paris: Centre national de la recherche scientifique. P. 285–317.

Béraud I., Gébara C., 1986. Lits funéraires de la nécropole gallo-romaine de Saint-Lambert (Fréjus) // Revue archéologique de Narbonnaise. T. 19. P. 183–205.

Bianchi C., 2010. I letti con rivestimento in osso e in avorio: analisi dei rinvenimenti dai contesti di abitato e funerari // LANX. Vol. 5. P. 39–106.

Biddle M., 1967. Two Flavian burials from Grange Road, Winchester // The Antiquaries Journal. Vol. 47. P. 224–250.

Boucher S., 1982. Les lits grecs en bronze de Bourgoin-Jallieu (Isère) // Gallia – Fouilles et monuments archéologiques en France métropolitaine. Vol. 40. Part 1. Paris: Centre national de la recherche scientifique. P. 171–193.

Bura P., 2001. Autopsie d'une tombe-bûcher: les exemples de Thérouanne et de Bruay-la-Buissière // Les nécropoles à incinérations en Gaule Belgique. Synthèses régionales et méthodologie. Lille: Université Charles de Gaulle. P. 167–176. (Revue du Nord hors série; № 8.)

Cenzon-Salvayre C., 2014. Le bûcher funéraire dans l'Antiquité: une approche archéologique, bioarchéologique et historique d'après l'étude des structures de crémation en Gaule méridionale: thèse de doctorat en Archéologie et Préhistoire. Vol. 1 / Université du Maine. Le Mans. 444 p.

Cormier A., 2022. Lectus eburneus: les lits funéraires en ivoire à Cumes et dans le monde romain. Naples: Publications du Centre Jean Bérard. 360 p.

Down A., Rule M., 1971. Chichester Excavations. 1. Chichester: Chichester Civic Society Excavations Committee. 173 p.

Dussot D., 1987. La nécropole gallo-romaine à incinération de Louroux, commune de Saint-Priest (Creuse) // Aquitania. T. 5. P. 3–34.

Eckardt H., 1999. The Colchester 'Child's Grave' // Britannia. Vol. 30. P. 57–89.

Frapiccini N., 2014. Letti funerari in osso dalle Marche // Bollettino di Archeologia. Vol. 5. Iss. 3–4. P. 91–104.

Jeddi N., 1995. À propos d'une nécropole à Thina (Thaenae). Note préliminaire // Monuments funéraires, institutions autochtones en Afrique du Nord antique et médiévale: VIe Colloque international sur l'histoire et l'archéologie de l'Afrique du Nord, Pau, octobre 1993 / Ed. by P. Trousset. Paris: Comité des travaux historiques et scientifiques. P. 139–151.

Lacombe A., Cormier A., 2020. Lits funéraires à décor d'os ouvragé // Revue archéologique de Narbonnaise. T. 53. P. 87–98.

Lintz G., 1993. Les sépultures rurales gallo-romaines à incinération en Limousin // Monde des morts, monde des vivants en Gaule rurale / Ed. by A. Ferdière. Tours: Fédération pour l'édition de la Revue archéologique du Centre de la France. P. 273–283. (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France; 6.)

Moore J. P., Stirling L. M., 2021. Practicalities of Grief and Commemoration: Accounting for Variation in Cremation Practices in Africa Proconsularis // Antiquités africaines. Vol. 57. P. 93–116.

Niblett R., 2000. Funerary rites in Verulamium during the early Roman period // Burial, Society and Context in the Roman World / Ed by J. Pearce, M. Millett, M. Struck. Exeter: Oxbow. P. 97–104.

Oţa L., 2007. Busta in Moesia Inferior // Acta Terrae Septemcastrensis. Vol. 6, 1. P. 75–99.

Pearce J., 2013. Contextual Archaeology of Burial Practice: Case Studies from Roman Britain. Oxford: Archaeopress. 247 p. (British Archaeological Reports. British Series; 588.)

Tarbell F. B., Dorsey G. A., 1909. Catalogue of Bronzes, etc., in Field Museum of Natural History. Chicago: Field Museum. 54 p.

Vernhet A., 1987. La nécropole de la Vayssière à Hospitalet-du-Larzac (Aveyron) // Nécropoles à incinération du Haut-Empire: table ronde de Lyon. 30 et 31 mai 1986. Lyon: Direction des Antiquités Historiques. P. 87–92.

Сведения об авторе

Вахонеев Виктор Васильевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186; Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Россия; e-mail: vvvkerch@mail.ru

V. V. Vakhoneev

FUNERARY COUCHES IN CREMATIONS OF CHERSONESUS TAURIC (BASED ON RESEARCH MATERIALS FROM THE SOUTHERN SUBURB EXCAVATIONS, 2021–2023)

Abstract. The article is devoted to the study of the remains of wooden funerary furniture discovered in cremation sites (*ustrina*) of the Southern Suburb of Chersonesus Taurica in 2021–2023. The analysis of archaeological finds (bronze fittings, nails and carved bone inlays) makes it possible to reconstruct the practice of burning funerary couches (*lectus funebris*) as part of an elite cremation rite of the I–II centuries AD. The aim of the study is to compare this material with similar examples from the provinces of the Roman Empire and to assess the degree of cultural integration of Chersonesus. The study expands the understanding of the Roman funeral rite on the periphery of the empire and emphasizes the importance of archaeological data documenting such a part of the ritual as the burning of objects that were not included in the burial.

Keywords: Chersonesus Tauric, cremation, cremation sites, *ustrinum*, funerary practices, funerary couch, bone inlays, ivory, Southern Suburb.

REFERENCES

Kropotov V. V., Vakhoneev V. V., 2025. Krematsionnaya ploshchadka 7 (raskop 4.1) yuzhnogo prigoroda Khersonesa Tavricheskogo [Cremation ground 7 (excavation trench 4.1) of the southern suburb of Taurian Chersonese]. *NAV*, vol. 24, no. 1, pp. 173–188.

Solov'eva N. F., Vinogradov Yu. A., Myts V. L., Solov'ev S. L., Vakhoneev V. V., 2024. Kratkie itogi arkheologicheskikh raskopok Yuzhnogo prigoroda Khersonesa [Summary of the archaeological excavations of Southern suburb of Chersonese]. *Byulleten' Instituta istorii materialnoy kultury RAN: okhrannaya arkheologiya [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS: Protection archeology]*, 15. St. Petersburg: Nevskaya tipografiya, pp. 17–28.

Treyster M. Yu., 2019. Parfyanskaya reznaya kost' iz pogrebeniy kochevnikov aziatskoy Sarmatii pervykh vekov n. e. [Parthian carved bone from burials of the nomads of Asian Sarmatia in the first centuries AD]. *Scythia et Sarmaria*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Maks Press, pp. 317–327.

Zubar' V. M., 1982. Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e. [Necropolis of Tauric Chersonese of I–IV cc. AD]. Kiev: Naukova dumka. 142 p.

About the author

Vakhoneev Viktor V., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186; Sevastopol State university, ul. Universitetskaya, 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; e-mail: vvvkerch@mail.ru

С. В. Язиков, А. Н. Свиридов

РИМСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ВОИНА ИЗ МОГИЛЫ 5 НЕКРОПОЛЯ КИЛЬ-ДЕРЕ 1 (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)[1]

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот уникальной находки римской спаты на могильнике Киль-Дере 1 (Юго-Западный Крым, окрестности г. Севастополь). Обнаружены детали амуниции (меч, железные гвозди от обуви калига), позволяющие предположить, что это погребение римского солдата, который мог нести службу на близлежащих постах. Данные находки относятся к пику римской экспансии на территории Крыма – вторая половина II – первая половина III в. н. э.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, могильник Киль-Дере 1, меч, погребение, погребальный обряд, скоба, обувные гвозди.

Могильник Киль-Дере 1 расположен в Инкерманской долине на левом берегу реки Черная, на склонах крутого безымянного холма, в месте пересечения автодороги из Инкермана и трассы Таврида, к западу от последней (рис. 1). Памятник был исследован полностью, сильно пострадал от грабительских раскопок в 2000-х гг. – из зафиксированной 421 могилы только 29 оказались неразграбленными. Некрополь функционировал в I–IV вв. н. э. и занимал небольшую возвышенность. Предварительная информация о памятнике опубликована (*Язиков, Свиридов*, 2022а).

В центральной части некрополя была исследована могила 5, которая представляла собой одноподбойное погребальное сооружение с остатками непотревоженного грабителями каменного заклада с восточной стороны и погребальной камеры – с западной. Южная часть могилы в IV в. н. э. была прорезана каменным ящиком могилы 418 (*Язиков, Свиридов*, 2022б).

При выборке заполнения могильной ямы были обнаружены смещенные предметы погребального инвентаря и разрозненные костные человеческие

[1] Исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020» (№ НИОКТР 122011200265-6).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.141-159

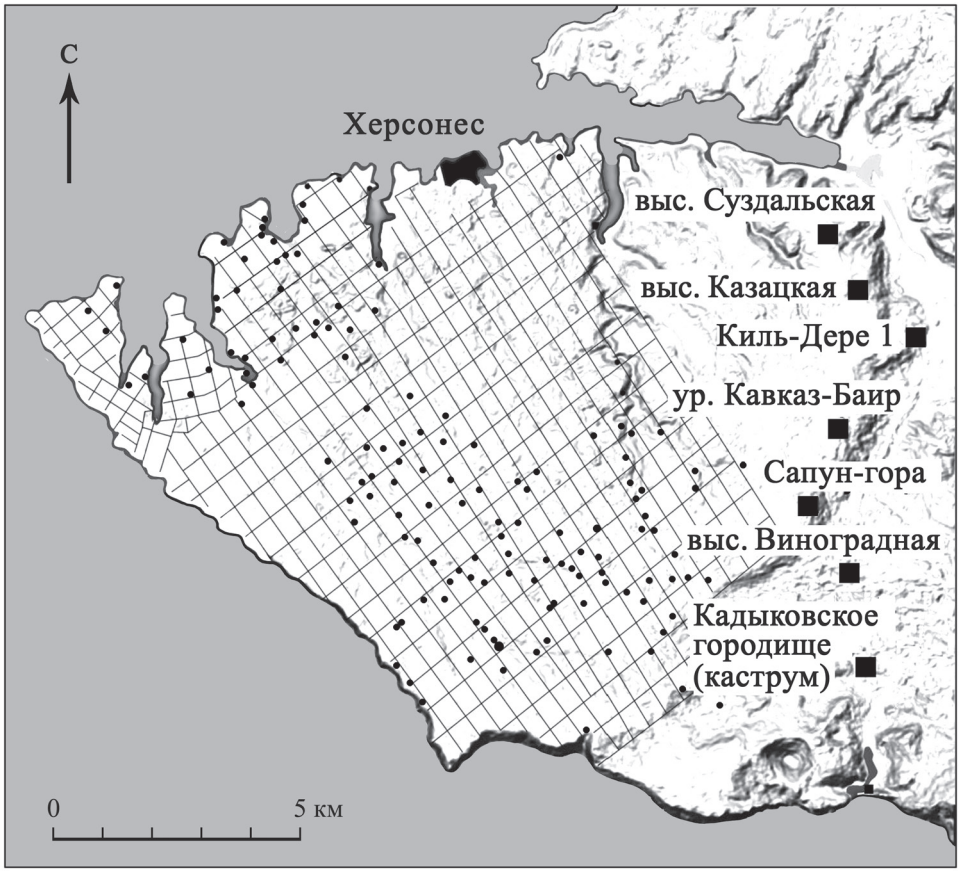

Рис. 1. Гераклейский полуостров с расположением могильника Киль-Дере 1 и мест дислокации римских войск в окрестностях Херсонеса (по: *Дорошко*, 2022. Рис. 1)

останки, из-за неудовлетворительной сохранности которых удалось определить только примерный возраст погребенного – 20–55 лет[2].

В могиле выявлены следующие находки: фрагменты стеклянного блюда (D около 29,5 см) на низком коническом в сечении кольцевом поддоне (рис. 2: *1*), к сожалению, аналогий данной форме найти не удалось; фрагмент, по всей видимости, D-образной бронзовой пряжки, в связи с отсутствием язычка и утратой полной формы определить ее тип и датировать оказалось невозможным (рис. 2: *3*); вставка из синего стекла (рис. 2: *2*); два железных прикипевших друг к другу подтока (рис. 2: *5*); остатки двух железных также прикипевших друг к другу ножей (рис. 2: *6*); обломки железных изделий неизвестного назначения (рис 2: *7–9*); фрагменты двух краснолаковых тарелок, миски и донца

[2] Благодарим М. А. Самородову и Н. Г. Свиркину за обработку антропологического материала могильника Киль-Дере 1.

Рис. 2. Могильник Киль-Дере 1. Находки из могилы № 5

1 – блюдо стеклянное; *2* – вставка стеклянная; *3* – фрагмент бронзовой пряжки; *4* – монета бронзовая; *5* – фрагменты железных втоков; *6* – ножи железные; *7, 9* – фрагменты железных изделий; *8* – фрагмент железного изделия

сосуда (рис. 3: *2–5*), помимо этого фрагменты венчиков и донца лепной керамики (рис. 3: *6–8*); бронзовая монета Антонина Пия (138–161 гг. н. э.), дата чеканки[3] – 153–154 гг. н. э. (рис. 2: *4*).

К снаряжению римского воина можно отнести: фрагменты меча (рис. 4: *2*) и железной рукояти с остатками, по всей видимости, костяного эфеса (рис. 4: *1*), железной скобы для фиксации меча (рис. 4: *3*); 37 железных обувных гвоздей (рис. 4: *4*), обломки бронзового изделия, состоящего из пластин и заклепок (рис. 3: *1*). С большой долей вероятности, как мы увидим далее, можно предположить, что это детали снаряжения римского солдата, погребенного на некрополе Киль-Дере 1.

Меч сильно фрагментирован, представляет собой обоюдоострый клинок, длина которого (с учетом рукояти) могла составлять 600–700 мм, ширина – 45 мм; клинок сужается к острию треугольной формы, сечение линзовидное (рис. 4: *1, 2*). На одной стороне клинка проходят два дола (обычно уменьшающие вес меча с сохранением общей прочности), в верхней части клинка выявлены следы бронзовой проволоки – инкрустации, что хорошо видно на изломе. На клинке сохранились остатки деревянных ножен и фрагмент бронзовой бутероли. Черенок железной рукояти имел длину 200 мм и прямоугольное сечение, в верхней части – две бронзовые шайбы для фиксации отделки рукояти. Эфес, по всей видимости, был сделан из кости.

Исходя из морфологических признаков, меч из могилы 5 некрополя Киль-Дере 1 можно отнести к типу римских спат (лат. *spatha*). Данное оружие использовалось изначально римской кавалерией, а среди пехоты были распространены более короткие гладиусы (лат. *gladius*). В начале II в. спата была принята на вооружение римской пехоты. Существует несколько подробно разработанных типологий для классификации мечей римского времени (*Ulbert*, 1974; *Biborski*, 1994; *Biborski, Ilkjaer*, 2006а; 2006б; *Miks*, 2007; *Bichop*, 2020). В данной работе использована типология С. Микса, как более полная, учитывающая все предшествующие; далее все типологические определения будут упоминаться по его разработкам (*Miks*, 2007).

Аналогии меча

Рассматриваемый нами меч относится к типу «Штраубинг/Нидам» («*Straubing/Nydam*»). Свое наименование тип получил по находкам, которые происходят из раскопанного *villa rustica* – римского поместья в Штраубинге, что на юге Германии, а также из Нидама, находящегося в болотистой местности Дании. С. Микс выделил несколько вариантов этого типа: «*Newstead*», «*Nydam*», «*Straubing*», «*Eining*» и «*Ejsbøl*», наш меч относится к варианту Штраубинг. В работе С. Микса представлено 216 мечей данного типа, из которых 52 он отнес к варианту Штраубинг. Для них характерны тонкие клинки шириной от 39 до 49 мм, длиной от 560 до 815 мм. Длина черенка – в пределах от 110 до 200 мм. Клинок такой формы имел пропорции 1:16. В 11 случаях на клинках

[3] Благодарим за помощь в определении монет Е. И. Рузаеву.

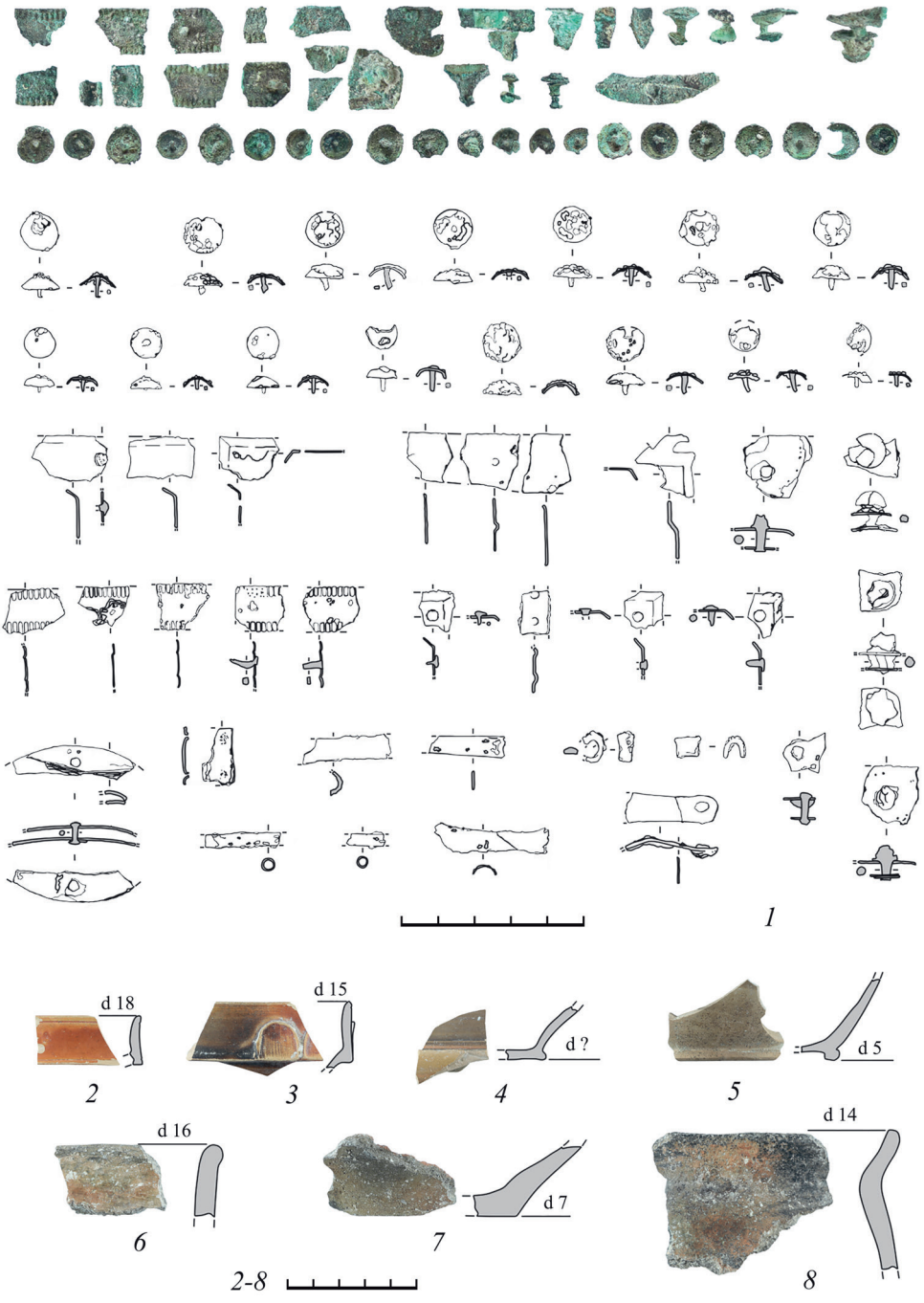

Рис. 3. Могильник Киль-Дере 1. Находки из могилы № 5

1 – изделие бронзовое; *2, 3* – венчики краснолаковые; *4, 5* – донца краснолаковые; *6, 8* – венчики лепные; *7* – донце лепное

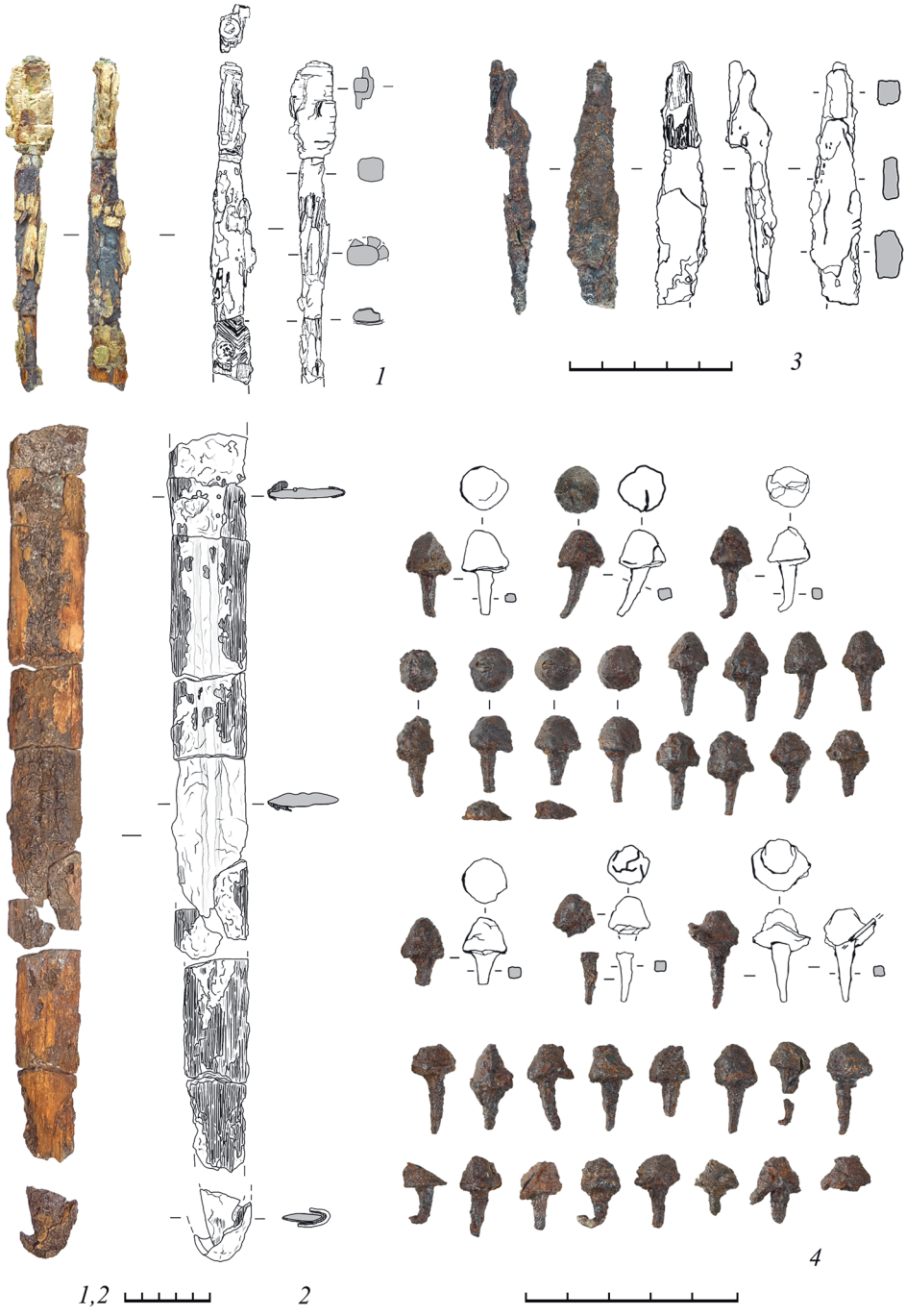

Рис. 4. Могильник Киль-Дере 1. Находки из могилы № 5

1 – рукоять железная; *2* – клинок железный с бутеролью; *3* – скоба железная; *4* – гвозди железные

присутствовала инкрустация, на 9 лезвиях имелись товарные знаки производителя (*Miks*, 2007. S. 80, 83–85. Taf. 60; 61; 65–70. Vortaf. C: *23*). Данный вариант меча бытовал начиная с фазы B2b и заканчивая фазами C2 и C3 хронологии европейского Барбарикума римского времени (т. е. приблизительно от 110 до 320/350 гг. н. э.) (Ibid. Vortaf. B).

На данный момент известны всего несколько мечей с территории Крыма, которые можно отнести к римским спатам. Один находится в музее Неаполя Скифского, в верхней части его клинка присутствует инкрустация, контекст находки неизвестен[4]. Еще одна находка происходит из слоев культового комплекса Эклизи-Бурун, авторы работы относят клинок к спате типа «Штраубинг/Нидам», варианту «*Newstead*» (*Лысенко, Турова*, 2023. С. 175).

Еще одна спата происходит из Краснодарского края, где была обнаружена при неизвестных обстоятельствах между городом Сочи и поселком Красная Поляна в 1990-х гг. (*Радюш*, 2007). Сохранилась только верхняя часть клинка с двухсторонней инкрустацией, ширина лезвия в верхней части – 61 мм, длина черенка – 190 мм. Инкрустация представлена легионным орлом с двумя воинскими штандартами по обе стороны (*insignia*), с другой стороны – стоящим Марсом (*Mars Ultor*). О. А. Радюш, использовавший в своей работе подробную классификацию М. Биборского (*Biborski*, 1978), считает, что этот меч сочетает признаки двух типов – VI и VIII (по Биборскому), а ближайшей аналогией ему является меч из Громовки (Западная Украина) (рис. 5: *11*). Сама находка из Сочи датируется по отчеканенной при императоре Филиппе II (248–249 гг.) монете, которая была использована как навершие на черенке (*Радюш*, 2007. С. 53, 54).

Клинок с Украины также фигурирует в работе С. Микса (тип Лауриакум/Громовка «*Lauriacum/Hromówka*») и относится к одноименному варианту Громовка, бытовавшему в то же время, что и вариант меча из Киль-Дере 1 (*Miks*, 2007. S. 94–96. Vortaf. B; C: *17, 18*). Стоит отметить, что два типа спат – Лауриакум/Громовка и Штраубинг/Нидам – использовались в одно время, имея множество вариантов. Для первого характерно более широкое лезвие, а сам клинок короче, в отличие от второго типа.

Случайная находка меча в Пропасной балке рядом с селом Красный Маяк, что в Херсонской области, также принадлежит к типу римских спат варианта Ньюстед «*Newstead*», по Миксу (Ibid. S. 81, 82. Vortaf. B; C: *20, 21*. Taf. 54–60). Длина клинка – 590 мм, прямоугольный в сечении черенок длиной 150 мм, линзовидное лезвие шириной у пяты 35 мм. На черенке имелось навершие в виде шестигранной металлической шайбы (рис. 5: *12*). Отличительной особенностью данного типа меча является пята – переход от лезвия к черенку не под прямым углом, а под тупым (*Дзнеладзе и др.*, 2023. С. 158. Рис. 7: *1*). Авторы работы по аналогичным находкам датируют данный меч I в. н. э. (Там же. С. 158). В работе Микса отмечено, что вариант Ньюстед бытовал с начала периода B1b до середины периода C1b (20/40–220/230–250/270 гг.)

Схожий вариант клинка был обнаружен в 1900 г. в могиле у села Арданово (рис. 5: *4*) Закарпатской области на Украине. У него ромбовидное сечение, долы

[4] Выражаем благодарность Ю. П. Зайцеву за предоставленную информацию.

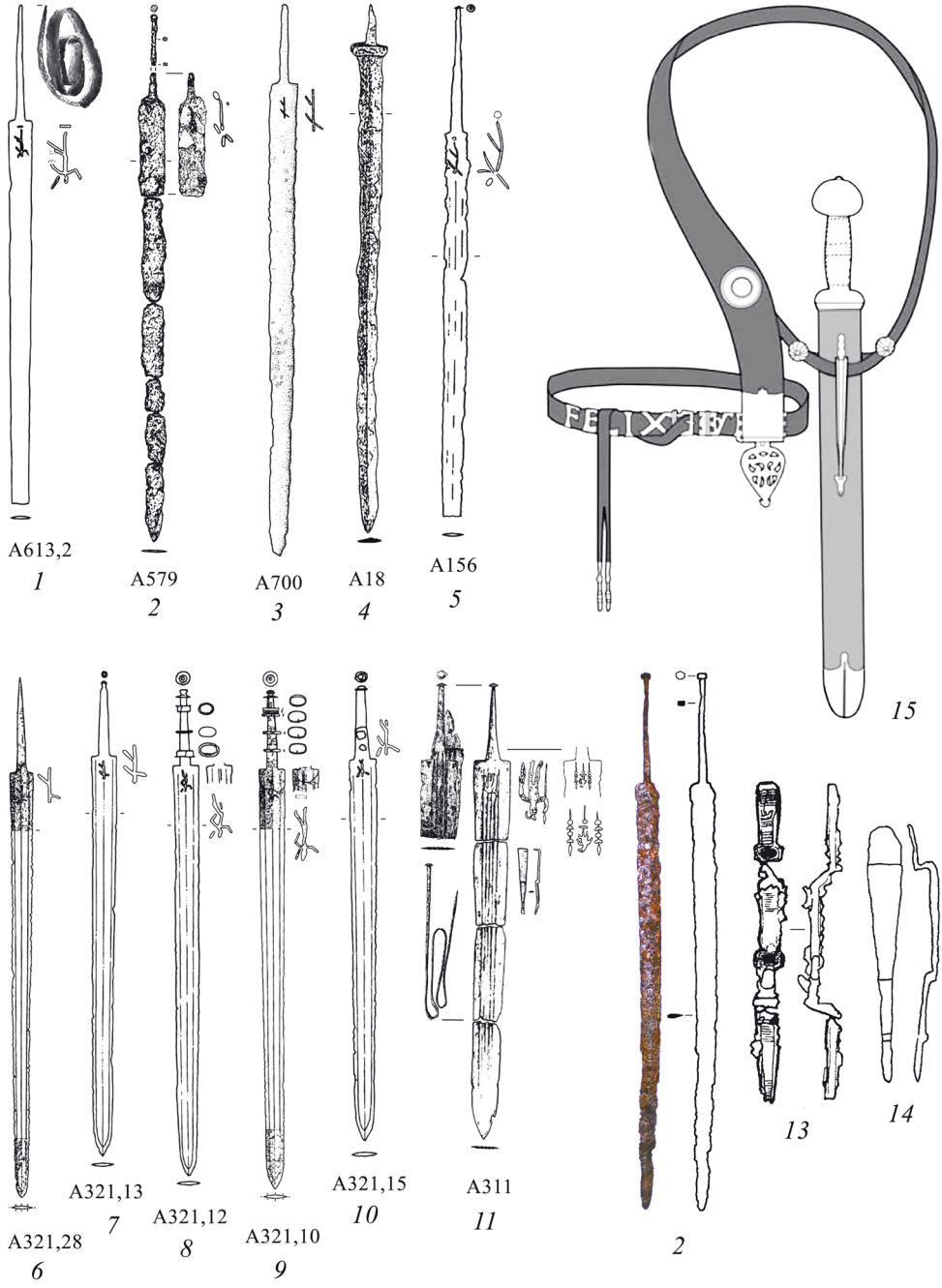

Рис. 5. Римские мечи – спаты (*1–12*), скобы (*13, 14*) и реконструкция способа ношения (*15*)

1 – Норвегия; *2* – Плавневице; *3* – Штраубинг; *4* – Арданово; *5* – Ендре; *6–10* – Иллеруп; *11* – Громовка; *12, 13* – Красный Маяк; *14* – Гурзуфское Седло; *15* – реконструкция римской спаты из погребения в Лионе (по: *Bishop*, 2020)

и инкрустация отсутствовали; датируется второй половиной II в. н. э. (*Miks*, 2007. S. 536. Taf. 61: *A 18*).

На изломе клинка из могильника Киль-Дере 1 четко просматривается одинарная бронзовая проволока. Можно предположить, что это инкрустация, стилизованно изображающая Викторию. В работе С. Микса она отмечена на находках из кургана около города Ендре (Endre) на о. Готланд, датируемых началом III в. н. э. (рис. 5: *5*) (Ibid. S. 579. Taf. 61: *A 156*). Несколько экземпляров, также датируемых началом III в. н. э., происходят из болот Иллерупа (Illerup) в Дании (рис. 5: *6–10*) (Ibid. S. 618, 620–624. Taf. 66, 68, 69: *A 321,10.12.13.15.28*). Еще один меч (рис. 5: *2*) обнаружен в кремации рядом с деревней Плавневице (Plawniowice) на юге Польши, в ходе спасательных археологических работ под строительство автодороги; данный комплекс датирован первой половиной III в. н. э. (Ibid. S. 702, 703. Taf. 61: *A 579*). Меч, найденный в Штраубинге (рис. 5: *3*), имел линзовидное сечение, долы отсутствовали, на одной стороне имелась инкрустация с абстрактным изображением Виктории; он датируется 233/260 гг. н. э. (Ibid. S. 734. Taf. 61: *A 700*). Известна находка со схожей инкрустацией, но с ромбовидным сечением клинка, происходящая из разрушенных курганов в Норвегии (рис. 5: *1*), датированная около первой половины III в. н. э. (Ibid. S. 712. Taf. 60: *A 613,2*).

Железная скоба

С принятием на вооружение нового длинного меча спаты меняется и способ ношения. Теперь он располагался на левом бедре, фиксировался при помощи железной скобы, прикрепленной к внешней стороне ножен, через которую пропускался кожаный ремень – балдрик (рис. 5: *15*). Скоба из некрополя Киль-Дере 1 (рис. 4: *3*) была изготовлена из железа и имела размеры 77 × 15 мм. Исходя из формы скобы можно предположить, что клиновидный край утапливался в деревянные ножны, а второй, расширяющийся к концу, фиксировался при помощи гвоздиков или кожаного ремня.

Согласно разработанной типологии С. Микса, наш вариант можно отнести к типу скоб с выступающей головкой (*Lashenkopf*) вариант B (Ibid. S. 305–308. Vortaf. F: *15, 16*. Taf. 230–233). Скобы, отнесенные к этому типу, имеют неодинаковый внешний вид при взгляде сверху на трапециевидную форму и клиновидное основание. Скобы изготавливались преимущественно из железа, но встречаются и бронзовые. Данный тип был широко распространен как в провинциях Римской империи, так и за ее пределами и бытовал со второй половины II в. н. э. до середины III в. н. э.

Сходная по типу скоба была обнаружена в Крыму в ходе раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло и датируется второй половиной II – III в. н. э. Она обладает характерными признаками типа скоб с выступающими головками (*Lashenkopf*) и вытянутым корпусом, постепенно сужающимся к концу, на котором присутствует небольшой выступ полукруглой формы (рис. 5: *14*) (*Костромичев*, 2007. С. 183. Рис. 1: *1*).

Интересная находка, схожая по форме со скобой из некрополя Киль-Дере 1, происходит из могильника Красный Маяк, расположенного на правом берегу

р. Днепр в Херсонской области. В могиле 121 у правой стороны скелета 3 лежал меч, рядом с которым находилась железная скоба (рис. 5: *13*), инкрустированная серебряной проволокой и двумя позолоченными овальными медальонами. Длина скобы – 150 мм, длина петли для ремня – 60 мм, ее высота – 30 мм (*Дзнеладзе и др.*, 2017. С. 258, 259. Рис. 6: *2б*). В погребении скоба располагалась ближе к середине меча: там имелись характерные корродированные следы на клинке. На основании этого исследователи предполагают, что на ножнах она размещалась ниже, чем у римских спат (где скобы помещались ближе к устью ножен), что относится к типу расположения скоб, характерному для длинных парфянских мечей (Там же. С. 264. Рис. 11). Могила 121 некрополя Красный Маяк датируется авторами первой половиной II в. н. э. (*Дзнеладзе и др.*, 2023. С. 156).

Нельзя обойти вниманием и сам меч из могилы 121 могильника Красный Маяк, с которым шла скоба. Его клинок, обоюдоострый и линзовидный в сечении, имел длину 900 мм, ширину у пяты – 50 мм. Пята переходила в черенок под тупым углом; черенок, закругленный в сечении, длиной 280 мм, на конце имел две железные шайбы (*Дзнеладзе и др.*, 2017. С. 259. Рис. 4: *2*). Исходя из пропорций клинка и длины черенка, его нельзя отнести ни к одному из типов римских спат. К такому же мнению пришли и авторы работы, найдя в нем как восточные, так западные элементы технологии изготовления, что может говорить о его местном происхождении (Там же. С. 264).

Находки данного типа были обнаружены и в Восточной Европе: железная скоба из Краянки (Krajanka) (Польша) найдена со спатой типа Лауриакум/ Громовка и датируется серединой III в. н. э. (*Miks*, 2007. S. 641. Taf. 230: *A 382*). Известна еще одна находка с территории Польши – у Спицемежа (Spicymierz) – с клинком типа Штраубинг/Нидам варианта Нидам, также железная, только в отличие от скобы из Киль-Дере 1 сильно сужающаяся к вытянутому концу; отнесена к первой половине III в. н. э. (Ibid. S. 731. Taf. 231: *A 683*). Возможно, такие изделия, как скоба для крепления меча, производились на месте – сделать их было достаточно просто, и внешний вид зависел исключительно от предпочтений заказчика и возможностей мастера.

Бутероль

От бутероли, найденной в могиле 5 некрополя Киль-Дере 1, мало что сохранилось, и определить ее тип практически невозможно; при ее изготовлении, вероятно, использовалось два металла – железо и бронза (рис. 4: *2*). Известны две находки бутеролей ножен спаты, происходящих из Херсонеса, – одна бронзовая, коробчатая, из раскопок некрополя в 1903 г. датируется концом II – серединой III в. н. э.; вторая, из слоновой кости, была обнаружена в цитадели в 1992 г. и датируется в тех же пределах, что и первая (*Костромичев*, 2006. С. 89. Рис. 1: *1, 6*; *Зубарь, Антонова*, 2001. С. 124).

Железные гвозди

Гвозди (рис. 4: *4*) из рассматриваемой могилы могут относиться к важному элементу гардероба римского легионера – обуви. Они были найдены в количестве

37 экз., имели длину около 20 мм и конусовидные шляпки диаметром 10 мм. В римской армии такая обувь называлась калиги (лат. ед. ч. – *caliga*). Она изготавливалась из цельного куска кожи, состояла из подошвы и ремней для фиксации, стопа была частично прикрыта. Подошва была очень толстой и подбивалась гвоздями, что защищало ее от изнашивания и усиливало прочность и долговечность сандалии (*Дорошко*, 2012. С. 102). Еще существовали высокие ботинки – кальцеи (лат. *calceus*) и низкие – карбатины (лат. *carbatinae*). Эту обувь делали из более мягкой кожи, и она полностью закрывала стопу.

Аналогии

В трех км к северо-западу от некрополя Киль-Дере 1 на вершине горы Суздальская располагался пункт римского военного базирования, где за все время исследования обнаружено более трехсот обувных гвоздей (*Дорошко, Дорошко*, 2019. С. 325). В своей работе, посвященной римской военной обуви в Херсонесе и его округе, В. В. Дорошко проводит подробный анализ всех обнаруженных гвоздей как из раскопок цитадели, так и некрополя Херсонеса. Он делит их на три группы по размерам и форме шляпок, датируя первую группу по сопутствующим находкам II – началом III в. н. э. Гвозди из Киль-Дере 1 относятся ко второй группе – с массивными конусовидными шляпками. В. В. Дорошко делает вывод, что обувь легионеров Херсонеса ничем не отличалась от обуви римской армии в любом конце Римской империи, и отмечает символизм наличия одного сандалия в могиле – как обозначения принадлежности погребенного к римским легионам (*Дорошко*, 2012. С. 112).

Бронзовые пластины и заклепки

Фрагменты бронзовых пластин и заклепок с полусферическими шляпками из могилы 5 некрополя Киль-Дере 1, вероятно, относятся к одному изделию, но трудно сказать, к какому (рис. 3: *1*). Можно предположить, что это либо детали римского поясного набора, либо обломки чешуйчатой брони, а также, возможно, что и элементы отделки шкатулки. Поясной набор, обнаруженный в могиле 492 некрополя Херсонеса (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1894 г.), состоял в том числе из нескольких заклепок, схожих по исполнению с найденными в могиле 5 некрополя Киль-Дере 1, датируется второй половиной II – III в. н. э. Из могилы 93 некрополя Херсонеса (раскопки Р. Х. Лепера 1910 г.) также происходило несколько бронзовых накладок (с вырезами на торцах) поясного набора второй половины II – начала III в. н. э. (*Костромичев*, 2006. С. 101. Рис. 7; 8: *4*).

Оружие и другие элементы воинского снаряжения (специальная обувь, доспехи и детали военного костюма), вероятно, изготавливались либо при гарнизонах, либо частными оружейными мастерскими специально для легионов. Наличие в могиле 5 некрополя Киль-Дере 1 нескольких таких предметов может указывать на принадлежность погребенного к римской армии.

К вопросу о размещении римских войск в Херсонесе и его округе

История присутствия римских легионов в Херсонесе хорошо изучена исследователями (*Ростовцев*, 1900; *Гриневич*, 1947; *Кадеев*, 1981; *Зубарь*, 1994). Римские войска на постоянной основе появляются на Гераклейском полуострове на рубеже I–II вв. н. э. (*Сарновски*, 2000. С. 210, 211). Во время правления императора Антонина Пия (138–161 гг.) статус Херсонеса меняется, он получает права элевтерии (*Зубарь*, 2003. С. 139). Из эпиграфических источников известно о названии гарнизона в Херсонесе – *Vexillatio Chersonessitana* (*Соломоник*, 1983). Вексилляция – это соединение, состоящее из различных частей легионов, вспомогательных подразделений и флота, сформированных в один отряд. Предполагается также, что в Херсонесе в разное время находились отряды V Македонского легиона, солдаты I Италийского легиона несли службу в Херсонесе и его округе до рубежа II–III вв., а затем были заменены отрядами XI Клавдиевого легиона, входившими в состав войск провинции Нижняя Мезия (Нижний Дунай) (*Зубарь*, 2000а. С. 256, 258, 259). С конца II – первой половины III в. в состав вексилляции также входили отряды I когорты Бракаров, I Киликийской когорты, I Сугамбрской когорты и I алы Атекторигины (Там же. С. 260). В третьей четверти III в. н. э. римский гарнизон был выведен из Херсонеса (*Зубарь*, 2000б. С. 292). Исследователи связывают это с угрозами, исходившими от готов и их союзников, на других направлениях вдоль границ Римской империи (*Айбабин*, 1999. С. 36).

Следующее появление римской вексилляции связывают с боевыми действиями союза Херсонеса и Рима против Боспора в конце III в. н. э. (*Зубарь*, 2000б. С. 295, 296). О времени пребывания римских войск в этот период в Херсонесе и их статусе мнения исследователей расходятся. В. М. Зубарь предполагает, что данный союз носил временный характер и преследовал лишь одну цель – совместную операцию с Херсонесом против Боспора, после победы над которым римские войска вернулись в места постоянной дислокации в Подунавье (Там же. С. 296). К. Цукерман в своем исследовании, посвященном римскому гарнизону в IV в. н. э., указывает на эпиграфический всплеск в Херсонесе в конце III в., связывая его с постоянным размещением новой вексилляции, датируя самые поздние упоминания о ней концом первой четверти IV в. н. э. (*Цукерман*, 1994. С. 558). А. И. Айбабин, основываясь на новых данных, полученных в ходе археологических раскопок цитадели, предполагает, что под руководством протектора шло строительство лагеря для вексилляции и оборонительных сооружений, что также совпадает с точкой зрения К. Цукермана (*Айбабин*, 1999. С. 50). До 370–375 гг. какие-либо эпиграфические данные отсутствуют, все меняется с новым источником информации, которым стал обнаруженный в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 г. мраморный прямоугольный столб с латинской надписью, где говорится о отряде баллистариев (*Ростовцев*, 1907. С. 5). Был зафиксирован еще ряд эпиграфических источников, датируемых концом IV – началом V в. н. э., где упоминаются представители римской власти и войск в Херсонесе. Последние свидетельства наличия римских баллистариев датируются 488 г. (*Костромичев*, 2006. С. 46). Не входя в подробности, стоит отметить, что вопрос присутствия римских регулярных войск в Херсонесе и их влияния на регион с конца IV по конец V в. остается открытым. Существует

ряд противоположных мнений по этому вопросу, но в рамках статьи задача по освещению данной проблематики не ставилась (*Зубарь*, 1994; 2000б; *Цукерман*, 1994; *Айбабин*, 1999; 2015; *Костромичев*, 2005; 2006; 2012; *Вус*, 2016). По нашему мнению, опираясь помимо эпиграфических источников на результаты археологических исследований последних десятилетий, можно с большой долей уверенности говорить о присутствии в Херсонесе в той или иной степени римских войск с конца IV по конец V в. н. э.

Римские войска были рассредоточены на удалении от Херсонеса, создавая эшелонированную оборону города и его предместий при помощи укрепленных пунктов с размещением ограниченного контингента (*Зубарь*, 2000а. С. 261). Всего на данный момент известно о пяти постах римских легионеров, расположенных на разном расстоянии от могильника Киль-Дере 1: комплекс на высоте Казацкая – в 1,5 км к западу от некрополя; урочище Кавказ, находившееся в 2,5 км к юго-западу от могильника; пост на вершине горы Суздальская – в 2,8 км к северо-западу; остатки башни, зафиксированные в центральной части массива Сапун-горы – в 5 км, и пост на высоте Виноградная, что находится на расстоянии 5,4 км к югу (рис. 1). В. В. Дорошко[5] в своей работе, посвященной времени функционирования римских постов на Гераклейском перешейке, проанализировал материал, полученный в ходе исследований их всех (кроме урочища Кавказ, поскольку результаты раскопок не введены в научный оборот), и пришел к выводу, что везде присутствует схожий набор вещей, который указывает на синхронное существование постов в середине – первой половине II в. н. э. Суздальский пост мог существовать уже в 114–124 гг. С датой окончания их использования все обстоит сложнее из-за недостатка сведений. По мнению В. В. Дорошко, Казацкий пост продолжал функционировать и в первой четверти III в.; к середине III в. римляне не стали восстанавливать посты по гребню Сапун-горы (*Дорошко*, 2022. С. 296). Самый ближайший к некрополю Киль-Дере 1 пост (на высоте Казацкой), по мнению авторов раскопок, был заброшен после 223 г. (*Sarnowski et al.*, 2002. С. 171; *Филиппенко*, 2018. С. 343). Фрагмент краснолакового венчика из могилы 5 некрополя Киль-Дере 1 (рис. 3: *3*) имеет налеп на бортике, схожие варианты были обнаружены на перечисленных римских постах (*Дорошко*, 2022. С. 298. Рис. 3; 11: *4*; 17: *5, 8*).

На некрополе Киль-Дере1 захоронение в могиле 5 не единственное, возможно, связанное с римской армией погребение. Так, например, в могиле 58 находился погребальный инвентарь, состоящий из уздечного набора в «сарматском стиле» и, предположительно, римской спаты типа Громовка-Лауриакум варианта Майнц-Кентербери, датирующегося второй половиной II – первой половиной III в. (*Miks*, 2007. P. 92–94. Vortaf. B; C: *16*). Могила 58 некрополя Киль-Дере 1 датируется первой четвертью III в. н. э. (*Дорошко и др.*, 2021. С. 82).

Поскольку на могильнике Киль-Дере 1 обнаружено несколько погребений, которые можно с уверенностью связывать с римскими легионами, стоит обратиться к историографии вопроса о наличии как деталей римского вооружения, так и обряда кремации (обряд кремации характерен для захоронения римских

[5] Благодарим В. В. Дорошко за консультации по данному вопросу.

легионеров) на некрополях Инкерманской долины. На противоположном берегу реки Черная в непосредственной близости от некрополя Киль-Дере 1 (в 1,5 км к северу) располагался могильник Совхоз 10, где также были зафиксированы кремации. Т. Н. Высотская выдвинула идею о выделении ветеранам и солдатам римских легионов участков для расселения в Инкерманской долине, что и явилось причиной появления обряда кремации на могильнике Совхоз 10 (*Стржелецкий и др.*, 2005. С. 191, 192), так как основное время распространения данного обряда связывают с самым активным периодом римской экспансии в регионе во второй половине II – первой половине III в. н. э. Идея была встречена критикой (*Зубарь*, 2006. С. 79. Примеч. 1; *Пуздровский*, 2007. С. 115). В дальнейшем С. В. Ушаков, анализируя погребальные традиции на могильнике Совхоз 10, делает предположение о принадлежности погребенных в оссуариях к высокому социальному слою, возможно, к офицерам, командовавшим варварами-федератами на границе Херсонеса (*Ушаков*, 2010. С. 69). Стоит отметить, что в III в. н. э. на некрополе Совхоз 10 кремация начинает превалировать над ингумацией, в то время как в непосредственной близости (на другом берегу реки) на могильнике Киль-Дере 1 было зафиксировано всего 4 кремации (*Стржелецкий и др*., 2005. С. 30; *Свиридов, Язиков*, 2022).

Дальнейший анализ находок римского военного снаряжения с могильника Совхоз 10, проведенный Д. А. Костромичевым, привел к выводу, что погребения, в которых они были обнаружены, не принадлежали римским солдатам, так как это единичные вещи в могилах с типично варварским обрядом, характерным для сарматской археологической культуры (*Костромичев*, 2018. С. 112). К такому же выводу пришел и В. В. Масякин: детали римского снаряжения, найденные на могильнике Заветное, использовались как амулеты и попадали к варварам случайно (*Масякин*, 2007. С. 133).

На могильнике Киль-Дере 1 обнаружена еще и самая многочисленная лапидарная коллекция Юго-Западного Крыма – 68 экз., которые могут свидетельствовать о культурных связях с Херсонесом в период присутствия там частей римских войск (*Язиков и др.*, 2023).

Выводы

Есть несколько версий интерпретации погребения 5 некрополя Киль-Дере 1. По первой версии, захороненный – воин одного из отрядов римского контингента постов, размещенных на высотах в непосредственной близости от этого могильника. По второй версии, погребенный мог стать обладателем снаряжения римского воина, и не имея никакого отношения к римским легионам. И наконец, по третьей версии, он был местным жителем, проходившим службу в римской армии. Рассматриваемое погребение было совершено не ранее второй половины II в. н. э. (монета Антонина Пия является маркером этой даты), а верхняя граница – середина III в. н. э. – обусловлена окончанием присутствия в этом районе отрядов римских войск.

Таким образом, даже при наличии вариативности в интерпретации данного погребения можно лишь констатировать, что появление погребений с римским воинским снаряжением, несомненно, связано с присутствием в регионе римского воинского контингента.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма // Симферополь: ДАР. 352 с.

Айбабин А. И., 2015. О гарнизоне римской империи в Херсонесе в IV в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и Полис: VII Междунар. Византийский семинар (Севастополь – Херсонес. 1–5 июня 2015 г.): материалы науч. конф. / Ред.-сост. Н. А. Алексеенко. Севастополь: Нац. заповедник «Херсонес Таврический». С. 15–18.

Вус О. В., 2016. Мобильная группировка римской армии в Таврике в конце III – V в. н. э. // МАИАСП. Вып. 8. С. 357–376.

Гриневич К. Э., 1947. Херсонес и Рим // ВДИ. №2. С. 228–237.

Дзнеладзе Е. С., Сикоза Д. Н., Симоненко А. В., 2017. Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре // Археологія і давня історія України. № 2 (23) Київ. С. 255–271.

Дзнеладзе О. С., Сікоза Д. М., Симоненко О. В., 2023. Мечі пізньоскіфського некрополя Червоний Маяк // Археологія і давня історія України. № 2 (47). Київ. С. 150–161.

Дорошко В. В., 2012. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи // Евразия в скифо-сарматское время: памяти И. И. Гущиной: сб. науч. тр. М.: ГИМ. С. 100–113. (Тр. ГИМ; вып. 191.)

Дорошко В. В., 2022. О времени функционирования римских укреплений на перешейки Гераклейского полуострова // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: материалы IV Междунар. науч.-практич. конф. (п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 г.) / Отв. ред.: С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал. С. 295–306.

Дорошко В. В., Дорошко О. П., 2019. Комплекс II в. н. э. из раскопок пункта военного базирования на высоте Суздальская // БИ. Вып. XXXIX. С. 320–342.

Дорошко В. В., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2021. Уздечный набор из раскопок погребения 58 могильника Киль-Дере 1 // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма и со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. В. Лебединский. М.: ИВ РАН. С. 81–84.

Зубарь В. М., 1994. Херсонес Таврический и Римская империя // Очерки военно-политической истории. Киев: Киевская академия евробизнеса. 179 с.

Зубарь В. М., 2000а. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. // *Сарновски Т., Савеля О. Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава: Puszka Pandory. С. 252–264.

Зубарь В. М., 2000б. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V в. // SP. № 4. С. 291–302.

Зубарь В. М., 2003. Римское военное присутствие и население Таврики во II – первой половине III в. // VITA ANTIQUA. № 5–6. С. 136–152.

Зубарь В. М., 2006. Из истории Херсонеса и населения Таврики во второй половине III – начале V в. // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 76–93. (Труды ГИМ; вып. 159.)

Зубарь В. М., Антонова И. А., 2001. Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса // РА. № 2. С. 122–125.

Кадеев В. И., 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа. 143 с.

Костромичев Д. А., 2005. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XI. С. 94–118.

Костромичев Д. А., 2006. Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. С. 43–128.

Костромичев Д. А., 2007. Деталь ножен римского меча II–III вв. из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь. С. 183–187.

Костромичев Д. А., 2012. Римские фибулы Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XVIII. Севастополь: Арефьев М. Э. С. 47–154.

Костромичев Д. А., 2018. Римское военное снаряжения из могильника Совхоз-10 // Крым в Сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. III. Симферополь: Бровко А. А. С. 103–120.

Лысенко А. В., Турова Н. П., 2023. Исследования культового комплекса Эклизи-Бурун в 2019–2020 годах // История и археология Крыма. Вып. XVIII. Симферополь. С. 164–181.

Масякин В. В., 2007. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / Под общ. ред.: Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 125–138.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники // Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Радюш О. А., 2007. Новая находка римского меча в Сочинском районе Краснодарского края // РА. № 3. С. 52–56.

Ростовцев М. И., 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. СПб.: Тип. В. С. Балашев и К. 19 с. (Отт. из «Журн. М-ва нар. просвещения».)

Ростовцев М. И., 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИИАК. Вып. 23. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 1–20.

Сарновски Т., 2000. Надгробие вольноотпущенников IOSPE I 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонес // *Сарновски Т., Савеля О. Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава: Puszka Pandory. С. 206–214.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2022. Кремационные погребения могильника Киль-Дере 1 // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное: Междунар. науч. конф. Симферополь; Керчь. С. 291–297.

Соломоник Э. И., 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука. 96 с., 20 л. ил.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в перв. половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // SP. № 4/2003–2004. С. 27–277.

Ушаков С. В., 2010. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI в. н. э.). Опыт реконструкции. Донецк: Донбасс. 180 с. (Археологический альманах; № 23.)

Филиппенко А. А., 2018. Археологические памятники римской эпохи восточной части Гераклейского полуострова // Херсонесский сборник. Вып. XIX. Севастополь. С. 337–356.

Цукерман К., 1994. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. Вып. IV. С. 545–561.

Язиков С. В., Волошинов А. А., Свиридов А. Н., 2023. Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1. М.: ИА РАН. 204 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 32.)

Язиков С. В., Свиридов А. Н., 2022а. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Отв. ред.: А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 136–145.

Язиков С. В., Свиридов А. Н., 2022б. Каменные ящики могильника Киль-Дере 1 // КСИА. № 268. С. 46–64.

Biborski M., 1978. Miecze z okresu wplywow rzymskich na obzare kultury przeworskiej // Materialy archeologiczne. T. XVIII. Kraków. S. 53–165.

Biborski M., 1994. Römische Schwerter mit Verzierung in Form von figürlichen Darstellungen und symbolischen Zeichen // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg // Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Marburg: Philips-Universität. S. 109–135.

Biborski M., Ilkjaer J., 2006a. Die Schwerter: Textband. Århus: Jysk Arkæologisk Selskab. 412 S. (Illerup Ådal; vol. 11.)

Biborski M., Ilkjaer J., 2006b. Die Schwerter: Katalog, Tafeln und Fundlisten. Århus: Jysk Arkæologisk Selskab. 414 S. (Illerup Ådal; vol. 12.)

Bishop M. C., 2020. The Spatha: The Roman Long Sword. Oxford: Bloomsbury Publishing. 80 p.

Miks C., 2007. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Rahden: Leidorf. 2 Bd.

Sarnowski T., Savelja O., Karasiewicz-Szczypiorski R., 2002. Extra fines Imperii. Rzymski posterunek wojskowy w okolicach Sewastopola na Krymie // Swiatowit. T. IV (XLV). Fasc. A. S. 167–171.

Ulbert G., 1974. Straubing und Nydam. Zu römischen Langschwerten der spaten Limeszeit // Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. Bd. 1 / Hrsg.: G. Kossack, G. Ulbert. Munich: Beck. S. 197–216.

Сведения об авторах

Язиков Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru;

Свиридов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292, Россия; e-mail: a_sviridov@mail.ru

S. V. Yazikov, A. N. Sviridov

ACCOUTREMENTS OF A ROMAN WARRIOR FROM GRAVE 5 AT THE KIL-DERE 1 CEMETERY (SOUTHWESTERN CRIMEA)

Abstract. The paper introduces into scientific discourse a unique find of a Roman spatha at Kil-Dere 1 (Southwestern Crimea, Sevastopol vicinities). The grave yielded components of munition that consisted of a sword, and iron hobnails of *caligae*. The finds suggest that it was a grave of a Roman soldier who presumably kept sentry at nearby posts. These finds date to the peak of the Roman expansion in Crimea which occurred in the second half of the II – first half of the III centuries AD.

Keywords: Southwestern Crimea, Roman period, Kil-Dere cemetery, sword, grave, funerary rite, staple, hobnails.

REFERENCES

Aybabin A. I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of Early Byzantine Crimea]. Simferopol': DAR. 352 p.

Aybabin A. I., 2015. O garnizone rimskoy imperii v Khersonese v IV v. [On garrison of Roman Empire in Chersonesos in IV c.]. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiya i Polis: VII Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empir and Polis: VII International Byzantine seminar]*. N. A. Alekseenko, ed. Sevastopol': Natsionalnyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», pp. 15–18.

Doroshko V. V., 2012. Rimskaya voennaya obuv' iz raskopok Khersonesa i ego okrugi [Roman military footwear from excavations of Chersonesos and its surroundings]. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya [Eurasia in Scythian-Sarmatian period]*. Moscow: GIM, pp. 100–113. (Trudy GIM, 191.)

Doroshko V. V., 2022. O vremeni funktsionirovaniya rimskikh ukrepleniy na peresheyke Gerakleyskogo poluostrova [On the time of functioning of Roman fortifications on the isthmus of Heraclean Peninsula]. *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ya (IV konferentsiya) [Western Tauris in history and culture of ancient and medieval Mediterranean (IV conference)]*. S. B. Lantsov, N. V. Kukleva, eds. Simferopol: Arial, pp. 295–306.

Doroshko V. V., Doroshko O. P., 2019. Kompleks II v. n. e. iz raskopok punkta rimskogo voennogo bazirovaniya na vysote Suzdalskaya [Association of II c. AD from excavations of Roman military base at Suzdalskaya height]. *BI*, XXXIX, pp. 320–342.

Doroshko V. V., Sviridov A. N., Yazikov S. V., 2021. Uzdechnyy nabor iz raskopok pogrebeniya 58 mogilnika Kil'-Dere 1 [Bridle set from excavation of burial 58 of Kil'-Dere 1 cemetery]. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma i so Sredizemnomorskim regionom i stranami vostoka (V konferentsiya) [Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of Crimea with Mediterranean region and the countries of Orient (V Conference)]*. V. V. Lebedinskiy, ed. Moscow: IV RAN, pp. 81–84.

Dzneladze E. S., Sikoza D. N., Simonenko A. V., 2017. Voinskoe pogrebenie v mogilnike Krasnyy Mayak na Nizhnem Dnepre [Military burial in Krasnu Mayak cemetery on Lower Dnieper]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and ancient history of Ukraine]*, 2 (23). Kïïv, pp. 255–271.

Dzneladze O. S., Sikoza D. M., Simonenko O. V., 2023. Mechi pizn'oskifs'kogo nekropolya Chervoniy Mayak [CSwords from late Scythian necropolis Chervonyy Mayak]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and ancient history of Ukraine]*, 2 (47). Kyïv, pp. 150–161.

Filippenko A. A., 2018. Arkheologicheskie pamyatniki rimskoy epokhi vostochnoy chasti Gerakleyskogo poluostrova [Archaeological sites of Roman period in eastern part of Heraclean Peninsula]. *Khersonesskiy sbornik*, XIX, pp. 337–356.

Grinevich K. E., 1947. Khersones i Rim [Chersonese and Rome]. *VDI*, 2, pp. 228–237.

Kadeev V. I., 1981. Khersones Tavricheskiy v pervykh vekakh nashey ery [Tauric Chersonese in first centuries of our era]. Kharkov: Vishcha shkola. 143 p.

Kostromichev D. A., 2005. Tri pogrebeniya rimskikh soldat iz nekropolya Khersonesa [Three burials of Roman soldiers from Chersonese necropolis]. *MAIET*, XI, pp. 94–118.

Kostromichev D. A., 2006. Rimskoe voennoe snaryazhenie iz Khersonesa [Roman military equipment from Chersonese]. *MAIET*, iss. XII, part 1, pp. 43–128.

Kostromichev D. A., 2007. Detal' nozhen rimskogo mecha II–III vv. iz raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [A detail of scabbard of a Roman sword of II–III cc. from excavations of sanctuary at Gurzufskoe Sedlo pass]. *VIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Svyatilishcha i sakralnye ob"ekty [VIII Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Sanctuaries and sacred objects]*. Kerch, pp. 183–187.

Kostromichev D. A., 2012. Rimskie fibuly Khersonesa [Roman fibulae from Chersonese]. *Khersonesskiy sbornik*, XVII, pp. 47–154.

Kostromichev D. A., 2018. Rimskoe voennoe snaryazheniya iz mogil'nika Sovkhoz-10 [Roman military equipment from Sovkhoz-10 cemetery]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian period (II c. BC – IV c. AD)]*, III. Simferopol': Brovko A. A., pp. 103–120.

Lysenko A. V., Turova N. P., 2023. Issledovaniya kultovogo kompleksa Eklizi-Burun v 2019–2020 godakh [Research of Eklizi-Burun cult complex in 2019–2020]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of Crimea]*, XVIII. Simferopol', pp. 164–181.

Masyakin V. V., 2007. Rimskie fibuly i detali remennoy garnitury iz nekropolya Zavetnoe [Roman fibulae and belt fittings from Zavetnoe necropolis]. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol: Universum, pp. 125–138.

Puzdrovskiy A. E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebalnye pamyatniki [Crimean Scythia, II c. BC – III c. AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.

Radyush O. A., 2007. Novaya nakhodka rimskogo mecha v Sochinskom rayone Krasnodarskogo kraya [A Roman sword from Sochi region, Krasnodar territory]. *RA*, 3, pp. 52–56.

Rostovtsev M. I., 1900. Rimskie garnizony na Tavricheskom poluostrove i Ay-Todorskaya krepost' [Roman garrisons on Tauride Peninsula and Ai-Todor fortress]. St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balashev i K. 19 p. (Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.)

Rostovtsev M. I., 1907. Novye latinskie nadpisi iz Khersonesa [New Latin inscriptions from Chersonese]. *IIAK*, 23, pp. 1–20.

Sarnowski T., 2000. Nadgrobie volnootpushchennikov IOSPE I 562 i vopros o vremeni vvedeniya rimskogo garnizona v Khersones [Tombstone of freedmen IOSPE I 562 and the time of introduction of Roman garrison in Chersonese]. *Sarnowski T., Savelya O. Ya. Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena [Balaclava. Roman military base and sanctuary of Jupiter Dolichenus]*. Warsaw: Puszka Pandory, pp. 206–214.

Solomonik E. I., 1983. Latinskie nadpisi Khersonesa Tavricheskogo [Latin inscriptions of Tauric Chersonese]. Moscow: Nauka. 96 p., 20 pl. ill.

Strzheletskiy S. F., Vysotskaya T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I., 2005. Naselenie okrugi Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10») [Population of Chersonese vicinity in the first half of I millennium of the new era (based on materials from necropolis «Sovkhoz No. 10»)]. *SP*, 4/2003–2004, pp. 27–277.

Sviridov A. N., Yazikov S. V., 2022. Krematsionnye pogrebeniya mogilnika Kil'-Dere 1 [Cremation burials from cemetery Kil'-Dere 1]. *XXIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakralnoe i materialnoe [XXIII Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Sacred and material]*. Simferopol; Kerch, pp. 291–297.

Tsukerman K., 1994. Episkopy i garnizon Khersona v IV v. [Bishops and Kherson garrison in IV c.]. *MAIET*, IV, pp. 545–561.

Ushakov S. V., 2010. Varvary gornoy Tavriki na rubezhe epokh: Etnicheskaya situatsiya v Yugo-Zapadnom Krymu (III – seredina VI vv. n. e.). Opyt rekonstruktsii [Barbarians of Mountainous Taurica at the turn of the epochs: Ethnic situation in Southwestern Crimea (III – mid VI cc. AD). Reconstruction experience]. Donetsk: Donbass. 180 p. (Arkheologicheskiy almanakh, 23.)

Vus O. V., 2016. Mobil'naya gruppirovka rimskoy armii v Tavrike v kontse III – V vv. n. e. [Mobile grouping of Roman army in Taurica at the end of III – V cc. AD]. *MAIASP*, 8, pp. 357–376.

Yazikov S. V., Sviridov A. N., 2022a. Mogil'nik rimskogo vremeni Kil'-Dere 1. Itogi polevykh issledovaniy [The Roman-times cemetery Kil'-Dere 1. Results of field research]. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii [Cemetery of Roman times Frontovoe 3: Barbarians on the borders of Empire]*. A. V. Mastykova, E. A. Khayredinova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 136–145.

Yazikov S. V., Sviridov A. N., 2022b. Kamennye yashchiki mogil'nika Kil'-Dere 1 [Stone cists of Kil'-Dere 1 cemetery]. *KSIA*, 268, pp. 46–64.

Yazikov S. V., Voloshinov A. A., Sviridov A. N., 2023. Kamennye izvayaniya mogil'nika Kil'-Dere 1 [Stone sculptures of Kil'-Dere 1 cemetery]. Moscow: IA RAN. 204 p. (Materialy spasatelnykh arkheologicheskikh issledovaniy, 32.)

Zubar' V. M., 1994. Khersones Tavricheskiy i rimskaya imperiya: Ocherki voenno-politicheskoy istorii [Tauric Chersonese and Roman Empire: Essays on military and political history]. Kiev: Kievskaya akademiya evrobiznesa. 179 p.

Zubar' V. M., 2000a. O rimskikh voyskakh v Khersonese i ego okruge v seredine II – pervoy treti III vv. [On Roman troops in Chersonese and its vicinity in mid II – first third of III cc.]. *Sarnowski T., Savelya O. Ya. Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena [Balaclava. Roman military base and sanctuary of Jupiter Dolichenus]*. Warsaw: Puszka Pandory, pp. 252–264.

Zubar' V. M., 2000b. Po povodu prisutstviya rimskikh voysk v Khersonese vo vtoroy polovine III – na rubezhe IV–V v. [On the presence of Roman troops in Chersonese in the second half of III – turn of IV and V c.]. *SP*, 4, pp. 291–302.

Zubar' V. M., 2003. Rimskoe voennoe prisutstvie i naselenie Tavriki vo II – pervoy polovine III vv. [Roman military presence and population of Taurica in II –first half III cc.]. *VITA ANTIQUA*, 5–6, pp. 136–152.

Zubar' V. M., 2006. Iz istorii Khersonesa i naseleniya Tavriki vo vtoroy polovine III – nachale V v. [From the history of Chersonese and Taurica population in second half of III – early V c.]. *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya [North Pontic region in Antiquity and Middle Ages]*. D. V. Zhuravlev, ed. Moscow: GIM, pp. 76–93. (Trudy GIM, 159.)

Zubar' V. M., Antonova I. A., 2001. Buterol' nozhen dlinnogo rimskogo mecha iz Khersonesa [A detail of sheath of long Roman sword from Chersonese]. *RA*, 2, pp. 122–125.

About the authors

Yazikov Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru;

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a_sviridov@mail.ru

А. А. Масленников, М. Ю. Трейстер

КРЫШКА БРОНЗОВОГО СВЕТИЛЬНИКА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЯНКА[1]

Резюме. Статья посвящена публикации круглой бронзовой крышки с фигуркой дельфина, найденной на поселении Полянка в Крымском Приазовье, происходящей из контекста не позднее второй половины I в. до н. э. Несмотря на то что ее конструкция (два шарнира) отличается от большинства известных крышек светильников, учитывая сравнительно редкое использование откидных крышек, ее размеры и декор в виде объемной фигуры дельфина, а также параллели с аналогичными изображениями дельфинов в схожих позах именно в декоре бронзовых светильников раннеимператорского времени, есть основания атрибутировать предмет как крышку светильника. Учитывая контекст находки, можно уверенно предполагать, что она могла быть элементом богато декорированного светильника позднеэллинистического времени, вероятно, восточносредиземноморского или малоазийского происхождения. Таким образом, находка с поселения Полянка дополняет не очень большой список находок бронзовых светильников эллинистического и римского времени, обнаруженных в Северном Причерноморье, даже с учетом того, что он несколько расширен за счет находок последних десятилетий и публикаций старых материалов.

Ключевые слова: Европейский Боспор, поселение Полянка, мусорный слой, крышка бронзового светильника, восточносредиземноморские и малоазийские аналогии, I в. до н. э.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00088, https://rscf.ru/project/23-18-00088/, а также в ходе работ по плановой теме отдела Классической археологии ИА РАН (НИОКТР № 122011200269-4).

Выявление и описание контекста находки сделано А. А. Масленниковым, обмеры предмета – В. Фроловым, атрибуция, искусствоведческий анализ и поиск аналогий – М. Ю. Трейстером, определения состава сплавов – Т. Н. Смекаловой.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.160-170

Контекст

В 2009 г. в мусорном по своему характеру и происхождению слое, примерно на глубине -1–1,2 м, непосредственно за внешней (западной) стеной одного из блоков/кварталов застройки поселения Полянка, что в Крымском Приазовье, был найден металлический предмет, назначение которого вначале не было понято. Он представлял собой небольшую фигурку дельфина, укрепленную на крышке некоего сосуда. После реставрации находка поступила в собрание Керченского музея древностей, являясь одной из немногих примечательных вещей, обнаруженных на практически полностью раскопанной боспорской «деревне» эпохи Митридата VI и его ближайших преемников.

Описание, размеры

Крышка имеет нерегулярную округлую форму. К ней на расстоянии ок. 5 мм друг от друга припаяны две пластинчатые петли с небольшим овальным вырезом между ними. В отверстия в петлях вставлен стержень из проволоки округлого сечения, загнутый на одном из концов. В центральной части пластины на низком цоколе ромбовидной формы под углом ок. 45° к поверхности крышки и примерно под таким же углом к оси вращения шарнира припаяна обобщенно трактованная фигурка дельфина, головой вниз. Хвост дельфина, загнутый крючком, обломан (рис. 1).

Размеры крышки: диаметр 33 × 31 мм, толщина ок. 3,5 мм, диаметр шарниров ок. 7,5 мм, стержень: длина ок. 17 мм, диаметр ок. 2,5 мм. Размеры фигурки дельфина: высота ок. 21 мм, толщина у основания ок. 12 мм, толщина хвоста ок. 55 мм (Керчь, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, инв. № 8405, № КП 177392, № КО 128).

Назначение

В эллинистическую эпоху и первые века нашей эры лишь немногие категории металлической утвари имели подвижные крышки, закрепленные на шарнирах. Прежде всего, это светильники и фигурные сосуды в форме человеческой, как правило, африкоидного «типа» головы – бальзамарии, персонажей дионисийского круга, а также портретных изображений.

Другие сосуды имели крышки на шарнирах очень редко. Они представлены, например, серебряным турибулом из кургана Хохлач, вероятнее всего, относящимся к концу II – первой половине I в. до н. э. (*Трейстер*, 2007. С. 40–41. № В45.5. Табл. 58; *Засецкая*, 2011. С. 222–226. Илл. 118–119; С. 266–267. № 24), а также датированным первой половиной I в. до н. э.[2] бронзовым лебесом

[2] А. Херрман, которая вначале рассматривала лебес как изделие раннеавгустовского времени, отмечает, что этот сосуд обнаруживает связь с находками из кораблекрушения в Махдии, т. е. изделиями, выполненными не позднее 70-х гг. до н. э. Вместе с тем в декоре лебеса имеются определенные параллели с произведениями искусства последних десятилетий I в. до н. э. (*Herrmann*, 2002. P. 248–249). По мнению Р. Петровского,

из бывшей коллекции Фляйшманов, в Музее П. Гетти (A Passion for Antiquities…, 1994. P. 258–262. No. 130; *Petrovszky*, 1996. P. 323–326. Abb. 1; *Herrmann*, 2002. P. 241–249; *Banghard, Gorecki*, 2004. P. 132; Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World, 2016. P. 311. No. 261), однако крышки этих сосудов существенно крупнее и имеют другую форму. В данном случае мы оставляем вне внимания датируемые в рамках конца I – III в. н. э. так называемые *Blechkanne* не только потому, что их крышки имели другую форму и всегда оформлялись фигурками уточек, но и потому, что стержень шарнира всегда проходил через хвост птицы. Кроме того, круглую форму, как правило, плоскую и с геометрическим декором, имели всегда снабженные одним шарниром крышки римских коробочек для печатей (*Siegelkapseln*) (*Furger et al.*, 2009).

Конструкция крышек фигурных бальзамариев такая же, как у крышек светильников: два петли шарнира припаивались к телу сосуда, а сама крышка также имела одну петлю, никогда при этом не украшалась какими-либо объемными фигурками, а была оформлена как продолжение головы с прической (*Majewski*, 1963. P. 95–126; *Fleischer*, 1967. P. 135–137. Nr. 181–182. Taf. 95–97; *Balty*, 1973. P. 261–264; *Faider-Feytmans*, 1979. P. 126–127. Nos. 220–222. Pls. 88–90; *Petit*, 1980. P. 135–136. No. 81; *Szabó*, 1984. P. 99–113; *Pozo*, 1988. P. 275–297; *Byjoвић*, 1994. C. 87–95; *Marti*, 1996. P. 979–1000; *Sedlmayer*, 1999. P. 43–45. Taf. 17: *12, 13*; 18; *Marti-Clercx, Mille*, 2002. P. 385–392; *Balabanov, Nenova-Merdjanova*, 2006. P. 35–51; *Mustaţă*, 2010. P. 51–56; *Facsády*, 2014. P. 157–169; *Fani*, 2017. P. 232–238; *Agre et al.*, 2019. P. 687–698). Так же как и крышки светильников и фигурных бальзамариев, крышки сосудов из Хохлача и Музея Гетти имели по одному припаянному к ним шарниру, закрепленному между двух шарниров фигурного атташе в виде головки грифона, припаянного к краю вместилища сосуда из Хохлача или к верхней пластине ручки сосуда в Гетти.

Соответственно, в нашем распоряжении остается только одна опция, а именно: рассматриваемая крышка является элементом светильника. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что, по крайней мере, со II – начала I в. до н. э. отверстия для заправки маслом бронзовых светильников могли закрываться крышками на шарнирах. Примером этому служит бронзовый однорожковый светильник с крышкой в форме раковины[3] из материалов кораблекрушения у Махдии (*Barr-Sharrar*, 1994. P. 650–652. Figs. 15; 16), светильники из клада у хут. Клименкова (*Treister*, 2005. P. 293, 296. No. 1. Figs. 2–4; *Трейстер*, 2017. С. 209–211. Рис. 6; 7), из Артюховского кургана (*Максимова*, 1979. С. 92. Рис. 32. С. 94. № 4. Прим. 354; *Treister*, 2005. P. 293, 296. No. 2. Fig. 5; Древности Тамани, 2019. С. 288. Рис. 324), из датируемого серединой I в. до н. э. комплекса утвари, обнаруженного в Вани, с фигуркой стоящего Эрота на крышке (*Avkhlediani et al.*, 2016. P. 184–185. No. 9. Fig. 10; *Maish et al.*, 2019. P. 80. Fig. 8: *8*; *Franken*, 2019. P. 238), с плоской круглой крышкой из поселения Попешти в Валахии (Antique Bronzes in Romania…, 2003. P. 155. No. 254; *Simion*, 2003. P. 40. No. 6

аналогии из кораблекрушения в Махдии свидетельствуют о том, что лебес датируется временем до середины I в. до н. э. (*Petrovszky*, 1996. P. 324, 326).

[3] Также в форме раковины выполнена крышка эллинистического бронзового светильника, хранящегося в Торонто (*Hayes*, 1984. P. 129–130. No. 200).

Рис. 1. Поселение Полянка. Бронзовая крышка светильника. Керчь, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, инв. № 8405, № КП 177392, № КО 128. Рисунки и фото А. Н. Гаврилюка

(с лит.). Fig. 26. Pl. VI), а также светильники с сохранившейся (*Wiegand, Schrader*, 1904. P. 384. Abb. 486–487; *Raeder*, 1983. P. 57. Nr. 27; P. 70. Taf. 8b, справа) и утраченной (*Wiegand, Schrader*, 1904. P. 383–384. Abb. 485; *Raeder*, 1983. P. 57. Nr. 280; P. 70. Taf. 8b, слева вверху) крышками из Приены, образцы позднеэллинистического типа с утраченными крышками из находок у побережья Израиля в районе Атлита (*Galili et al.*, 2016. P. 22–25. Fig. 11), из Хомса в Сирии (*Atasoy*, 2005. P. 1. No. 1), Кастамону – в Малой Азии (Ibid. P. 1. No. 2), из Кипра – в Бостоне (*Comstock, Vermeule*, 1971. P. 348. No. 488), а также светильники, датируемые эллинистическим временем по стилистическим признакам (*Bailey*, 1996. P. 8, Q3542. Pl. 3; P. 9, Q3549. Pl. 4; P. 10, 3559–3560. Pl. 7).

Сохранившиеся крышки светильников в некоторых случаях украшались фигурками животных, чаще всего мышей (Ibid. Q3549. Pl. 4; P. 52–54, Q3733–3736, 3748–3750. Pl. 63), реже собак (Ibid. P. 52, Q3732. Pl. 63) или птиц (*Bailey*, 1996. P. 10, 3559–3560. Pl. 7; P. 53, Q3737–3739. Pl. 63; *Stefanelli*, 1990. P. 198–199. Figs. 172–173; P. 275. No. 73–74. Fig. 263; *Atasoy*, 2005. P. 2. No. 4), или кеглевидной формы навершиями (*Mazis*, 2023. P. 187, 198–199, H2736. Fig. 7). При этом эти крышки всегда имели один шарнир (*Bailey*, 1996. P. 52–54. Pl. 63), который подвижно вращался на стержне, вставленном между двумя шарнирами, припаянными к тулову светильника (см. выше конструкцию крышек светильников позднеэллинистического времени из Артюховского кургана, кладов у хут. Клименкова и в Вани, кораблекрушения в Махдии, а также: Ibid. P. 8, Q3542. Pl. 3; Q3549. Pl. 4; 3550. Pl. 5; P. 10, 3559–3560. Pl. 7; P. 24–25, Q3614–3615. Pl. 25).

Тот факт, что к крышке припаяно два шарнира, является, казалось бы, аргументом против атрибуции публикуемой крышки как элемента бронзового светильника. Единственный пример крышки (в форме раковины) с двумя шарнирами – покупной и, предположительно, датируется II–III вв. н. э. По мнению Д. Бейли, он мог служить крышкой фигурного бальзамария в форме головы человека (*Bailey*, 1996. P. 54, Q3745. Pl. 63), что, впрочем, маловероятно, учитывая особенности ее оформления.

Фигурка дельфина

Объемные бронзовые фигурки дельфинов в первые века н. э. использовались в качестве ручек различных предметов утвари (*Boucher*, 1971. P. 108. No. 82; P. 152. No. 303; 1973. P. 158–159. Nos. 264–265; 1983. P. 125. No. 107; *Mitten*, 1975. P. 184–185. No. 68; *Leibundgut*, 1976. P. 66. Nr. 53. Taf. 48; 1980. P. 117. Nr. 145. Taf. 149; Animals in ancient art from the Leo Mildenberg collection, 1981. P. 48. No. II,100; *Menzel*, 1986. P. 95. Nr. 225. Taf. 105; P. 148. Nr. 394. Taf. 134; P. 208. Nr. 579. Taf. 180; *Kaufmann-Heinimann*, 1994. P. 168–169. Nr. 282–288. Taf. 113), могли оформлять водосливы (*Leibundgut*, 1980. P. 112. Nr. 133. Taf. 140; *Menzel*, 1986. P. 92. Nr. 216. Taf. 103; *Kaufmann-Heinimann*, 1994. P. 168–169, 120–121. Nr. 200 (с лит.). Taf. 77–79). Парные изображения дельфинов в рельефе образовывали подвижные ручки шкатулок (*Menzel*, 1960. P. 51. Nr. 87. Taf. 55; 1986. P. 183–188. Nr. 503–520. Taf. 152–156; *Leibundgut*, 1976. P. 81–82. Nr. 83. Taf. 54; *Kaufmann-Heinimann*, 1977. P. 128–129. Nr. 207–210. Taf. 134–135;

1994. P. 116–117. Nr. 192 (с лит.). Taf. 75; P. 208–209. Nr. 373. Taf. 135; *Faider-Feytmans*, 1979. P. 121–125. Nos. 192–215. Pls. 79–86; P. 201. No. A10. Pl. 189; *Nuber*, 1988. P. 103–104. Abb. 51–52; *Riha*, 2001. P. 24–27. Nr. 53–66. Taf. 6).

Объемные бронзовые фигурки дельфинов, которые изображались подобным же образом, хвостом вверх, под углом, украшали подвесные ручки бронзовых светильников раннеимператорского времени (*Bailey*, 1996. P. 33–34, Q3649. Pls. 35–37; P. 43, Q3684. Pl. 54; *Stefanelli*, 1990. P. 272–273. No. 64. Fig. 259). Аналогично оформлена и основная ручка бронзового светильника из Измита, который относят к первым векам н. э. (*Atasoy*, 2005. P. 21. No. 38), а также ручка еще одного бронзового светильника неизвестного происхождения в коллекции Археологического музея в Стамбуле (Ibid. P. 21. No. 39). Это ближайшие параллели, которые, возможно, являются косвенным свидетельством того, что публикуемая крышка могла относиться именно к светильнику. В этой связи упомянем также изображения в рельефе дельфинов на тулове бронзового светильника позднеэллинистического типа неизвестного происхождения в коллекции Археологического музея в Стамбуле (Ibid. P. 2. No. 3). В позднеантичную и ранневизантийскую эпохи получили распространение бронзовые светильники в форме фигурок дельфинов (*Boucher*, 1973. P. 159. Nos. 266; Tierbilder aus vier Jahrtausenden…, 1983. P. 197. Nr. 192).

Исследование состава сплава

Измерения состава сплава крышки с фигуркой дельфина проводились в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (г. Керчь) на рентгенофлуоресцентном спектрометре Mistral M1 (Bruker) отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Всего было произведено 68 измерений по всей поверхности изучаемого объекта. Согласно им, крышка в виде диска, петли шарнира, постамент и фигурка дельфина были отлиты из свинцово-оловянной бронзы, в которой свинца около 17–24 %, а олова 9–18 %. Зафиксирована значительная концентрация свинца в месте скругления петель шарнирного механизма (до 68,3 %), что может свидетельствовать о формировании петель пайкой свинцовым припоем. Еще одно место аномально высокого содержания свинца отмечено у обломанного хвоста дельфинчика (до 58,3 %), что, возможно, говорит о попытке ремонта (присоединении хвостового плавника), впрочем, неудачной[4].

Выводы

Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемая здесь крышка с фигуркой дельфина из поселения Полянка конструктивно (два шарнира) отличается от большинства известных крышек светильников, учитывая сравнительно редкий вариант использования крышек на шарнирных соединениях, ее размеры,

[4] Более подробно результаты по распределению элементов по поверхности крышки сосуда см.: *Смекалова*, 2025.

оформление трехмерной фигуркой и параллели подобных изображений для украшения бронзовых светильников раннеимператорского времени, есть основания атрибутировать данную находку именно как крышку светильника. Соответствующий археологический контекст не позволяет, однако, датировать данный предмет позднее второй половины I в. до н. э. Вместе с тем есть все основания предположить, что она могла относиться к богато оформленному бронзовому светильнику позднеэллинистического времени, вероятно, восточносредиземноморского или малоазийского происхождения. Именно для бронзовых светильников II–I вв. до н. э. были характерны различные типы крышек: вставные, на шарнирах, вращающиеся в горизонтальной (*Franken*, 2023. P. 23–33) и, как публикуемый экземпляр, в вертикальной плоскости, украшенные различными фигурками, чаще всего дионисийского круга (*Franken*, 2019. P. 237–245).

Таким образом, «дельфинчик» из поселения Полянка дополняет не очень большой, даже с учетом находок последних десятилетий в Танаисе (*Арсеньева и др.*, 2010. С. 20. Рис. 12) и Усть-Альме (*Труфанов и др.*, 2023. С. 261. Рис. 3: *3–б*) и публикаций старых материалов из Херсонеса (*Дорошко*, 2014. С. 35–49), список бронзовых светильников античного времени из Северного Причерноморья (*Treister*, 2005. P. 293–298).

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А., 2010. Археологические исследования и открытия о хронологии Древнего Танаиса // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1 / Ред.: А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М.; Киев: ИА РАН. С. 11–21.

Вујовић М., 1994. Антропоморфне бронзане посуде на тлу Србије = Anthropomorphic bronze vessels from Serbia // Зборник Народної музеја. Т. 15. № 1. С. 87–95.

Дорошко В. В., 2014. Античные бронзовые светильники из Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. 18. С. 35–49.

Древности Тамани / Ред. В. Д. Кузнецов. Краснодар; Тамань: И. Платонов, 2019. 471 с.

Засецкая И. П., 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во ГЭ. 328 с.

Максимова М. И., 1979. Артюховский курган. Л.: Искусство. 151 с.

Смекалова Т. Н., 2025. Рентгенофлуоресцентное картирование распределения свинца по поверхности бронзовой крышки сосуда с фигуркой дельфина I в. до н. э. из поселения Полянка в Крымском Приазовье // Российские нанотехнологии. Т. 20. № 5. (В печати.)

Трейстер М. Ю., 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // *Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Т. 1. Симферополь; Бонн. С. 15–194.

Трейстер М. Ю., 2017. Находка у хут. Клименкова (полвека спустя публикации И. В. Яценко) // Исторические исследования: журнал ист. фак. МГУ. Вып. 8. С. 201–220.

Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И., Соломоненко А. Е., Чуркин А. С., 2023. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2022 году // История и археология Крыма. Вып. XIX. С. 260–266.

A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman. Malibu: J. Paul Getty Museum, 1994. 358 p.

Agre D., Dichev D., Agre G., 2019. Roman Balsamarium Shaped as a Male Head in Feline-Skin Cap from the Territory of Southeast Bulgaria // AJA. Vol. 123. № 4. P. 687–698.

Akhvlediani D., Amaghobeli B., Chi J., Chichinadze M., Kalandadze N., Kacharava D., Maish J., Kvirkvelia G., Lordkipanidze N., Saunders D., Tsereteli M., Walton M., 2016. The Hoard from the City-Site of Vani // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. Vol. 10. № 2. P. 182–191.

Animals in ancient art from the Leo Mildenberg collection. Cleveland: Cleveland Museum of Art, 1981. 207 p.

Antique Bronzes in Romania: Exhibition catalogue. Bucharest: Muzeul Naţional de Istorie a României, 2003. 199 p.

Atasoy S., 2005. Bronze Lamps in the Istanbul Archaeological Museum: an illustrated catalogue. Oxford: Archaeopress. 143 p. (BAR. International series; 1436.)

Bailey D. M., 1996. A Catalogue of the Roman Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London. 192 p.

Balabanov P., Nenova-Merdjanova R., 2006. A Rare Bronze Balsamarium from the Necropolis of Colonia Flavia Pacis Deultensium // Archaeologia Bulgarica. Vol. 10. № 3. P. 35–51.

Balty J.-C., 1973. Balsamaires anthropomorphes du monde romain // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 20. S. 261–264.

Banghard K., Gorecki J., 2004. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr // Saalburg-Jahrbuch. Bd. 54. S. 119–150.

Barr-Sharrar B., 1994. The Bronze Lamps // Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia. Köln: Rheinland Verlag. S. 639–655.

Boucher S., 1971. Vienne. Bronzes antiques. Paris: Éditions de la Réunion des Musées Nationaux. 229 p. (Inventaire des collections publiques françaises; 17.)

Boucher S., 1973. Bronzes romains figurés du Musée des Beaux-Arts de Lyon. Lyon. 209 p.

Boucher S., 1983. Les bronzes figurés antiques du Musée de Chalon-sur-Saône. Lyon. 188 p.

Comstock M., Vermeule C. C., 1971. Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston. Boston. 511 p.

Facsády A., 2014. Antropomorf bronz «balsamarium» Aquincumból // Archaeologiai Értesítő. Vol. 139. P. 157–169.

Faider-Feytmans G., 1979. Les bronzes romains de Belgique. Mainz: P. von Zabern. 223 p.

Fani Z., 2017. An Anthropomorphic Vessel in the National Museum of Beirut // Artistry in Bronze. The Greeks and Their Legacy: XIXth International Congress on Ancient Bronzes. Los Angeles. P. 232–238.

Fleischer R., 1967. Die römischen Bronzen aus Österreich. Mainz: P. von Zabern. 221 S.

Franken N., 2019. Scharnier, Tülle oder Zapfen. Beobachtungen an hellenistischen Bronzelampen mit Statuettendekor // Proceedings of the XX International Congress on Ancient Bronzes. Resource, Reconstruction, Representation, Role. Oxford. P. 237–245. (BAR. International series; 2958.)

Franken N., 2023. Genial oder unpraktisch? – Bemerkungen zu hellenistischen Bronzelampen mit Drehdeckeln // In Honorem Constantin C. Petolescu. Craiova: Antheo. P. 23–33.

Furger A. R., Wartmann M., Riha E., Hunger K., 2009. Die römischen Siegelkapseln aus Augusta Raurica. Augst: Augusta Raurica. 251 S. (Forschungen in Augst; 44.)

Galili E., Syon D., Finkielsztejn G., Sussman V., Stiebel G. D., 2016. Late Ptolemaic Assemblages of Metal Artifacts and Bronze Coins Recovored off the Coast of ‘Atlit // ‘Atiqot. Vol. 87. P. 1–35.

Hayes J. W., 1984. Greek, Roman and Related Metalware in the Royal Ontario Museum. Toronto: Royal Ontario Museum. 204 p.

Herrmann A., 2002. A bronze lebes in the light of the Mahdia wreck // From the Parts to the Whole: Acta of the 13th International Bronze Congress, Held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996. Vol. 1. Portsmouth. P. 241–249. (Journal of Roman Archaeology; suppl. 39.)

Kaufmann-Heinimann A., 1977. Die römischen Bronzen der Schweiz. I. Augst und das Gebiet der Colonia Augusta Raurica. Mainz: P. von Zabern. 184 S.

Kaufmann-Heinimann A., 1994. Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge. Mainz: P. von Zabern. 225 S.

Leibundgut A., 1976. Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. II. Avenches. Mainz: P. von Zabern. 154 S.

Leibundgut A., 1980. Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. III. Westschweiz. Bern und Wallis. Mainz: P. von Zabern. 200 S.

Maish J., Sanders D., Kalandadze N., Walton M., 2019. Artful Illumination: Four Hellenistic Bronze Lamps from the eastern Black Sea site of Vani // Proceedings of the XX International Congress on Ancient Bronzes. Resource, Reconstruction, Representation, Role. Oxford. P. 75–85. (BAR. International series; 2958.)

Majewski K., 1963. Brązowe balsamaria antropomorficzne w cesarstwie Rzymskim // Archeologia. XIV. P. 95–126.

Marti V., 1996. De l'usage des «balsamaires» anthropomorphes en bronze // Mélanges de l'École Française à Rome. Antiquité. Vol. 108. P. 979–1000.

Marti-Clercx V., Mille B., 2002. Nouvelles données sur la répartition des ateliers producteurs des vases anthropomorphes d'époque romaine // I bronzi antichi: produzione e tecnologia: Atti Del XV Congresso Internazionale Sui Bronzi Antichi. Montagnac: Mergoil. P. 385–392. (Monographies Instrumentum; 21.)

Mazis M., 2023. Jebel Khalid on the Euphrates. Vol. 7. Part. 1–2. The Metals. Sydney. 2 vols. (331 + 491 p.) (Mediterranean Archaeology; suppl. 12.)

Menzel H., 1960. Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd. 1. Speyer. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 59 S.

Menzel H., 1986. Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd. III. Bonn. Mainz: P. von Zabern. 215 S.

Mitten D. G., 1975. Museum of art Rhode Island School of Design. Classical Bronzes. Providence. 211 p.

Mustaţă S., 2010. The Roman Anthropomorphic bronze vessel from Strâmba (Turceni, Gorj country). Typological, functional and chronological aspects // Oltenia. Vol. 17. P. 51–56.

Nuber H.-U., 1988. Antike Bronzen aus Baden-Württemberg. Aalen. 128 S. (Schriften des Limesmuseums Aalen; 40.)

Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 346 p.

Petit J., 1980. Bronzes antiques de la collection Dutuit: grecs, hellénistiques, romains et de l'Antiquité tardive. Paris: Musée de Petit Palais. 223 p.

Petrovszky R., 1996. Die Bronzegefäße von Mahdia. Nachträge und neue Überlegungen // Bonner Jahrbücher. Bd. 196. S. 321–336.

Pozo S. F., 1988. Balsamarios antropomorfos en bronce de época romana hallados en Hispania // Archivo español de arqueología. Vol. 61. P. 275–297.

Raeder J., 1983. Priene. Funde aus einer griechischen Stadt. Berlin. 92 S. (Bilderhefte der Staatlichen Museen Preußischer Kulturbesitz; 45/46.)

Riha E., 2001. Kästchen, Truhen, Tische, Möbelteile aus Augusta Raurica. Augst: Augusta Raurica. 141 S. (Forschungen in Augst; 31.)

Sedlmayer H., 1999. Die römischen Bronzegefässe in Noricum. Montagnac: Monique Mergoil. 277 S. (Monographies Instrumentum; 10.)

Simion G., 2003. Opaiţe greco-romane de bronz din Romania. Cluj-Napoca: Nereamia Napocae. 157 p. (Biblioteca Istro-Pontică. Seria Arheologie; 6.)

Stefanelli L. P. B., 1990. Il bronzo dei Romani: arredo e suppellettile. Roma: L'Erma di Bretschneider. 299 p.

Szabó K., 1984. Balsamaires en bronze provenant de la Pannonie // Bronzes romains figurés et appliqués et leurs problèmes techniques: Actes du VII e colloque international sur les bronzes antiques. Székesfehérvár. P. 99–113. (Alba Regia; 21.)

Tierbilder aus vier Jahrtausenden. Antiken der Sammlung Mildenberg: Katalog. Mainz: P. von Zabern, 1983. 227 S.

Treister M. Yu., 2005. Bronze Lamps of the Hellenistic Period and the First Centuries AD in the North Pontic Area // Lychnological Acts 1: Actes du Ier Congrès International d'études sur le luminaire antique (Nyon – Genève, 29.IX – 4.X. 2003). Montagnac: Mergoil. P. 293–298. (Monographies Instrumentum; 31.)

Wiegand Th., Schrader H., 1904. Priene: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895–1898. Berlin: G. Reimer. 492 S.

Сведения об авторах

Масленников Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: iscander48@mail.ru;

Трейстер Михаил Юрьевич, независимый исследователь, Вайсенбургштрассе, 59, Бонн, 53175, ФРГ; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de

A. A. Maslennikov, M. Yu. Treister

BRONZE LAMP LID FROM THE POLYANKA SETTLEMENT

Abstract. The paper is devoted to the publication of a round bronze lid with a dolphin figurine from the Polyanka settlement in the Azov Sea region of the Crimea. The find originates from a context no later than the second half of the I century BC. Despite the fact that its construction (two hinges) differs from the most known lamp lids, given the relatively rare use of hinged lids, the size of the lid and its decoration with a three-dimensional figure of a dolphin and parallels of similar images of dolphins in similar positions specifically for the decoration of bronze lamps dating back to the early imperial period, there are grounds for attributing the object as a lamp lid. Taking into account the context of the find, there is every reason to assume that it could belong to a richly decorated bronze lamp of the late Hellenistic period, probably of Eastern Mediterranean or Asia Minor origin. Thus, the find from the Polyanka settlement complements rather short list of finds of Hellenistic and Roman bronze lamps found in the North Pontic region, even taking into account the fact that it has been somewhat expanded by finds of recent decades and publications of old materials.

Keywords: European part of the Bosporan Kingdom, settlement Polyanka, debris layer, lid of a bronze lamp, Eastern Mediterranean and Asia Minor parallels, I century BC.

REFERENCES

Arsen'eva T. M., Il'yashenko S. M., Naumenko S. A., 2010. Arkheologicheskie issledovaniya i otkrytiya o khronologii Drevnego Tanaisa [Archaeological investigations and discoveries referring to the chronology of ancient Tanais]. *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya [ΣΥΜΒΟΛΑ. Antique world of the North Pontic region. The newest finds and discoveries]*, 1. A. A. Maslennikov, N. A. Gavrilyuk, A. A. Zavoykin, eds. Moscow; Kiev: IA RAN, pp. 11–21.

Doroshko V. V., 2014. Antichnye bronzovye svetilniki iz Khersonesa Tavricheskogo [Antique bronze lamps from Tauric Chersonese]. *KhSb*, 18, pp. 35–49.

Drevnosti Tamani [Antiquities of Taman]. V. D. Kuznetsov, ed. Krasnodar; Taman: I. Platonov, 2019. 471 p.

Maksimova M. I., 1979. Artyukhovskiy kurgan [Artyukhovskiy kurgan]. Leningrad: Iskusstvo. 151 p.

Smekalova T. N., 2025. Rentgenofluorestsentnoe kartirovanie raspredeleniya svintsa po poverkhnosti bronzovoy kryshki sosuda s figurkoy delfina I v. do n. e. iz poseleniya Polyanka v Krymskom Priazov'e [X-ray fluorescence mapping of lead distribution on the surface of bronze vessel lid with a dolphin figurine of I c. BC from settlement Polyanka in Crimean Azov region]. *Rossiyskie nanotekhnologii [Russian nanotechnologies]*, vol. 20, no. 5. (In print.)

Treyster M. Yu., 2007. Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n. e. – II v. n. e. (ellinisticheskaya traditsiya) [Toreutics and jewelry production in North Pontic region. II c. BC – II c. AD (Hellenistic tradition)]. *Mordvintseva V. I., Treyster M. Yu. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n. e. – II v. n. e. [Works of toreutics and jewelry art in North Pontic region. II c. BC – II c. AD]*, 1. Simferopol; Bonn, pp. 15–194.

Treyster M. Yu., 2017. Nakhodka u khut. Klimenkova (polveka spustya publikatsii I. V. Yatsenko) [A find at the Klimenkova farmstead (half a century after publication of I. V. Yatsenko)]. *Istoricheskie issledovaniya [Historical research]*, 8, pp. 201–220.

Trufanov A. A., Zaytsev Yu. P., Shkriblyak I. I., Solomonenko A. E., Churkin A. S., 2023. Issledovaniya Ust'-Alminskogo nekropolya v 2022 godu [Ust'-Alma necropolis research in 2022]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of Crimea]*, XIX, pp. 260–266.

Zasetskaya I. P., 2011. Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad [Treasures of Khokhlach kurgan. Novocherkassk hoard]. St. Petersburg: GE. 328 p.

About the authors

Maslennikov Aleksandr A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: iscander48@mail.ru;

Treister Mikhail Yu., independent researcher, Weißenburgstrasse, 59, Bonn, 53175, Germany; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de

В. М. Петровский

СУДОВАЯ ЧЕРЕПИЦА АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ[1]

Резюме. Статья посвящена обзору такого редкого типа археологического памятника, как черепица, которая использовалась в качестве элемента конструкции на торговых судах античности и средневековья. Данный тип памятника встречается на затонувших судах во многих частях Средиземноморского региона, в том числе в Северном Причерноморье, где у берегов Тамани выявлен как минимум один объект такого рода.

Ключевые слова: античное время, Средневековье, черепица, Черное море, подводная археология.

В 1981 г. у мыса Панагия (Таманский п-ов, Краснодарский край), в центральной части рифа Трутаева экспедицией Керченского историко-археологического музея под руководством А. Е. Кислого у подножия подводных скал, на глубинах 6–6,5 м был обнаружен обособленный комплекс строительной черепицы. Данный комплекс представлял собой разбросанные по дну, в квадрате 16 × 18 м, 25 фрагментов солен (рис. 1: *2*), одну калиптеру и один антефикс (рис. 1: *1*) (*Кислый*, 1981. С. 28. Рис. 114–116). Вся керамика комплекса была определена как произведенная в Гераклее Понтийской в I в. до н. э. – I в. н. э. (*Зинько, Шамрай*, 2017. С. 171). В 2015–2016 гг. в этом же районе работала экспедиция под руководством А. В. Зинько, которая подтвердила наличие на дне черепицы, было выявлено 33 фрагмента солен, а также еще один антефикс (*Зинько*, 2018. С. 61–62) (рис. 1: *3*), аналогичный антефиксу, найденному в 1981 г. Гераклея была подтверждена как центр производства, но датировка существенно скорректирована – IV–III вв. до н. э. (*Шамрай*, 2021. С. 306).

[1] Данная работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН государственного задания «Комплексные морские междисциплинарные исследования на НИС “Пионер-М” в шельфовой зоне и континентальном склоне Черного моря в условиях антропогенного воздействия и климатических изменений» (FEFM-2024-0013).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.171-182

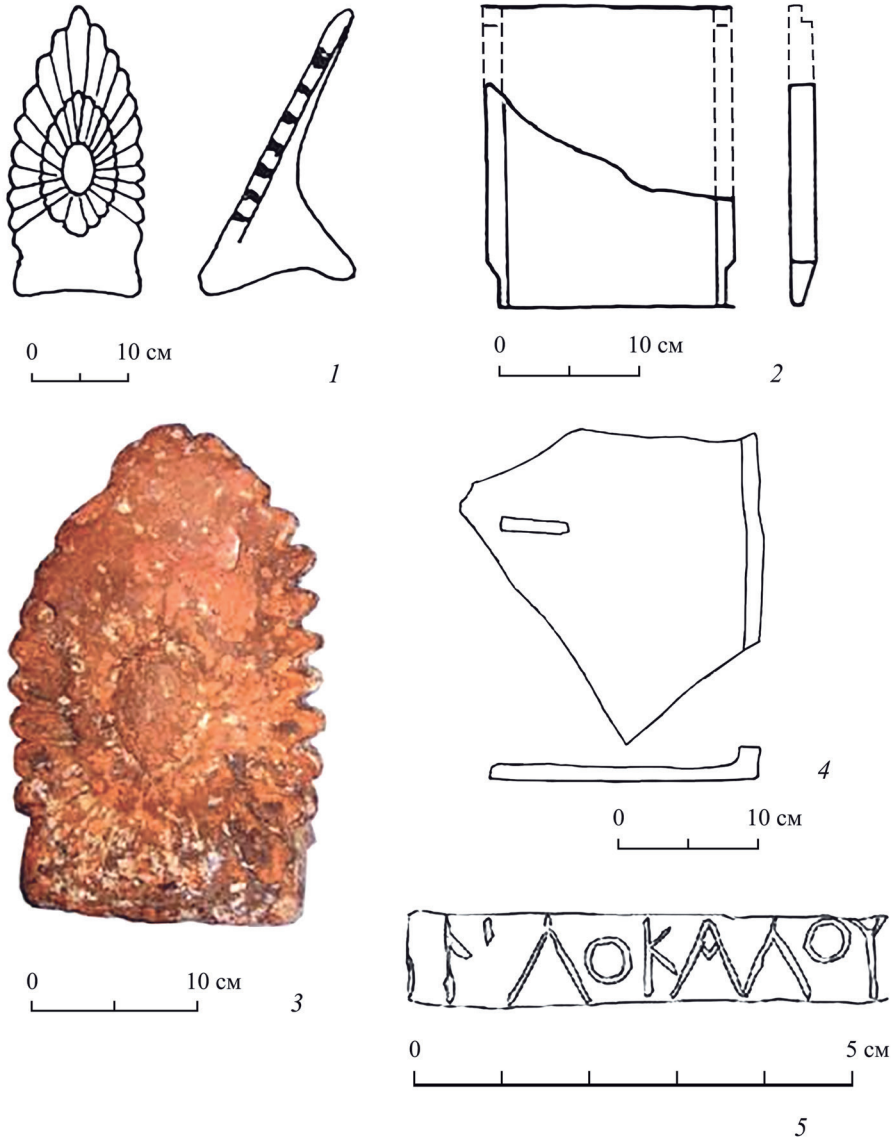

Рис. 1. Предметы, найденные у м. Панагия

1 – антефикс (по: *Кислый*, 1981. Рис. 114, 115); *2* – фрагмент солены (по: Там же); *3* – антефикс (по: *Зинько*, 2018. Рис. 3.4); *4* – солена (по: *Кислый*, 1981. Рис. 128); *5* – клеймо на ней (по: Там же)

Кроме вышеуказанного объекта на восточной окраине рифа, на глубине 9,4 м был обнаружен еще один комплекс черепицы, состоящий из 10 фрагментов солен (*Кислый*, 1981. С. 28. Рис. 128). По цвету глины и составу теста центр производства был определен как Синопа, а на одном из обломков (рис. 1: *4*) сохранилось клеймо ΦΙΛΟΚΑΛΟΥ (рис. 1: *5*), которое датируется концом I в. до н. э. (*Шамрай*, 2021. С. 307).

В начале 1990-х гг. на этом же рифе работала экспедиция Краснодарского музея-заповедника под руководством А. В. Кондрашова, в ходе которой удалось локализовать скопление из 30 фрагментов черепицы, но без указания ее типа и без отсылки к тому, была ли это та же самая находка, что и в 1981 г. (*Кондрашев*, 1995. С. 67).

Характер расположения черепицы говорит о том, что оба комплекса – «гераклейский» и «синопский» – образовались единовременно, попав на дно с борта неких двух судов, которые посетили этот регион в античное время. Вероятнее всего, одно или оба судна потерпели аварию у рифов, в результате чего черепица была смыта или выброшена за борт при борьбе за живучесть. Была ли найденная черепица частью груза или являлась элементом конструкции самого судна, осталось неясным в силу того, что в науке долгое время не было единого мнения о том, использовалась ли черепица как элемент конструкции на судах античного (а затем средневекового) времени.

В большинстве случаев в ходе подводно-археологических работ на судах, затонувших в средиземноморском регионе (включая Черное море), найденная черепица представляет собой не элемент конструкции судна, а именно груз погибшего корабля. В этом случае она расположена либо в виде массового скопления в трюме затонувшего судна, либо разбросана по дну, если корпус разрушен. В таких случаях количество плиток черепицы относительно велико, порой она встречается в виде укладки, сохраняя свое первоначальное положение. Такие находки хорошо известны. Так, несколько сотен плиток черепицы найдены на судне, затонувшем около I в. до н. э. – I в. н. э. у *Secanion* (средиземноморское побережье Франции), где они сохранили свою первоначальную укладку в три ряда (*Parker*, 1992. P. 394); на судне V–VI вв. *Kıyrak Liman* (к востоку от большой гавани Книда) (*Bass*, 1975. S. 34); до 5 тыс. плиток черепицы выявлено на судне, затонувшем в V–VII вв. н. э. в *Kerme Gulf* (средиземноморское побережье Турции) (*Frost*, 1963. P. 214); несколько сотен солен размерами 70 × 30 × 3 см найдены на судне, затонувшем в VII в. н. э. у *Kuyu Burnu* (мраморноморское побережье Турции) (*Günsenin*, 1998. S. 301); на судне, затонувшем в XIII в. н. э. у *Tekmezar* (мраморноморское побережье Турции) (*Pulak*, 1985. S. 57) и т. д. Всего же найдены десятки торговых судов, которые пошли на дно с грузом черепицы на борту, к 1992 г. было выявлено более 40 таких крушений (*Parker*, 1992. P. 18).

Бесспорно, находка массового скопления черепицы на дне свидетельствует о том, что она перевозилась в виде груза. Однако в ряде случаев вместе с корпусом затонувшего судна находят черепицу, количество и характер расположения которой говорит о том, что она перевозилась не в качестве груза, а служила в качестве элемента конструкции самого судна.

Впервые такое предположение было высказано после находки в 1957 г. нескольких плиток черепицы на затонувшем судне I в. н. э. у о. *Île du Levant* (Titan)

(Франция) (*Tailliez*, 1961. P. 191). Здесь черепица, представленная соленами размерами 60 × 45 см, имела очень хорошую сохранность и была расположена в одной зоне с кухонной утварью. Вероятнее всего, это остатки камбуза, который был покрыт сверху черепичной крышей. Похожая находка была сделана на затонувшем в I в. до н. э. судне *Albenga* (западное побережье Италии), там были найдены несколько фрагментов черепиц от перекрытия крыши кормовой или носовой надстройки (*Parker*, 1992. P. 49–50). Аналогичное открытие было сделано во время раскопок на судне, которое затонуло в I в. до н. э. у *Mahdia* (Тунис). Здесь были обнаружены плитки черепицы, предположительно с крыши каюты (*Höckmann*, 1997. P. 254–255).

Наличие кают для пассажиров или вообще неких надстроек на палубах судов известно еще со времен Древнего царства – со знаменитых «Солнечных ладей» Хеопса II (*Haldane*, 1996. P. 235–244). Такие палубные надстройки видны на сохранившихся изображениях, известны они и из описаний древних авторов. Так, живший во II в. н. э. Лукиан Самосатский (в диалоге Navigium), описывая крупный торговый корабль, построенный для перевозки зерна, упоминает судно с каютами (Lucianus Nav. 5–6). Похожий корабль описывает Афиней, называя его θαλαμηγός, т. е. буквально «каюты несущий» (Aph. V, 38, E). В Дигестах Юстиниана VI в. н. э. упоминаются жилые помещения для пассажиров, которые обслуживали «каютные служители» (Iust. Digesta. 4, 9, 3). Здесь жилое помещение на судне названо *praetoriola*. О. С. Павлова, со ссылкой на Меймобия (Meibomius. CXLIII), считает, что этим термином назывались каюты на флагманских судах, а каюты на прочих судах назывались *tentorium*. Это соответствует греческому σκηνή, которым Юлий Поллукс (Poll. Gram. I, 89) и Палефат (Palaephatus. 29) называют каюты (*Павлова*, 2018. С 37–38).

Таким образом, наличие кают на судах античного и средневекового времени не вызывает сомнений, но конструкция их совершенно неизвестна. Античные авторы, а также изобразительные памятники, дошедшие до нашего времени, никак не проясняют данный вопрос. Соответственно, опираясь только на эти два типа исторических источников, невозможно утверждать, что черепица использовалась в качестве покрытия для кают, камбуза или иных надстроек на борту судна. Тем более что сама по себе конструкция черепичной крыши совершенно не приспособлена для судна, которое постоянно испытывает качку, регулярно попадает в шторма, и кажется наиболее логичным делать крышу надстройки из чего-то более устойчивого к качке: досок, плотной ткани, кожи. По этой причине первые находки черепицы на вышеуказанных затонувших судах – у *Île du Levant* (Titan), *Albenga*, *Mahdia* и др. – вызвали дискуссию о том, что плитки черепицы использовались как дополнение к балласту либо покрытие для защиты груза на беспалубных судах, либо в качестве некоего ограждения камбуза, которое предохраняло деревянное судно от жара и пламени очага.

Однако в 1967 г. у берегов Румынии была сделана важная находка, которая позволила доказать, что черепица использовалась на судах и по своему прямому назначению, т. е. для покрытия крыши.

Данное затонувшее судно было обнаружено в 400 м от берега у входа в порт Мангалии (Румыния) (объект получил название Mangalia B). Расположен

погибший корабль на глубине 8–10 м и представляет собой довольно крупное (размерами 35 × 6 м) судно, лежащее под слоем донных отложений, которые способствовали хорошей сохранности как деревянных деталей корпуса, так и изделий из керамики (*Munteanu, Vochiţu*, 2009. P. 117–118). Датировка была произведена по амфорам, 25 штук из которых в конструктивно целом виде были извлечены во время частичных раскопок судна в 1968 г. Амфоры происходили из производственных центров Родоса, Аттики и Эвбеи и датируются III–II вв. до н. э. (*Cosma*, 1973. P. 51–58), в том числе по клеймам в виде виноградной грозди и листа.

Во время этих же раскопок у одной из оконечностей судна (кормовой или носовой – осталось неизвестным) были выявлены целые и фрагментированные плитки черепицы, представленные двумя типами: солена коринфского и калиптера лаконского типа (*Ohnesorg*, 1990. P. 181–199). Первых было выявлено 16 штук, вторых – 7. Конструктивно они ничем не отличались от черепицы, которая применялась в античное время при строительстве на суше. Размеры солен (рис. 2: *1*) варьировали от 42 × 15,5 см до 65 × 44 см и весили в среднем 12,7 кг. Калиптеры (рис. 2: *2*) имели длину 29,7 и ширину 14 см при среднем весе 2,5 кг. Наиболее примечательным было то, что две плитки солен имели срезы,

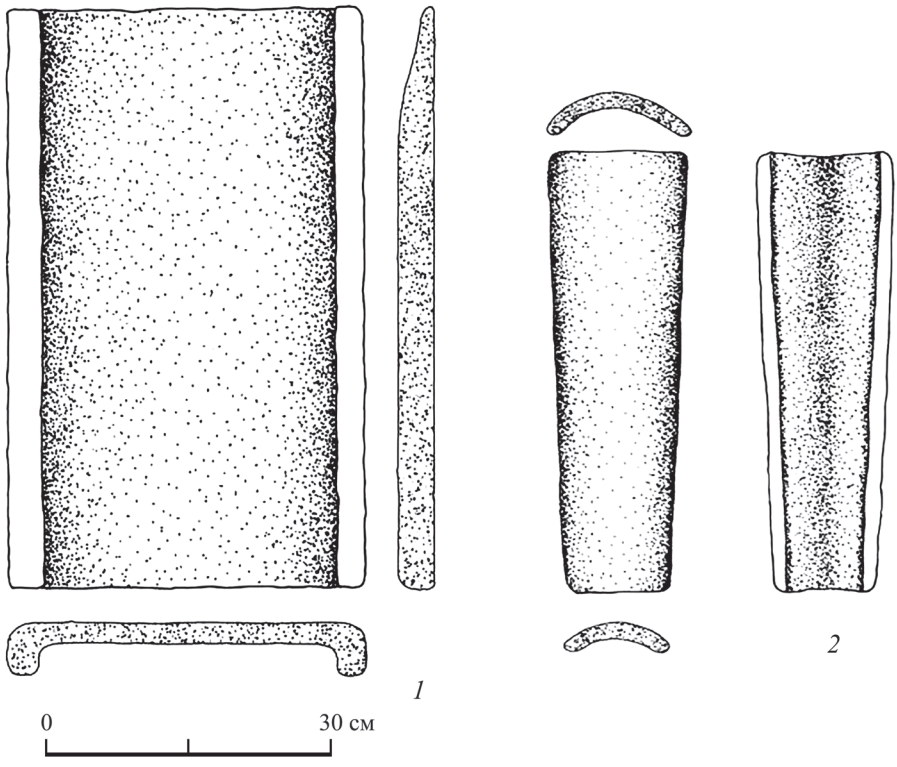

Рис. 2. Солена (1) и калиптера (2) с *Mangalia B*
(по: *Munteanu, Vochiţu*, 2009. P. 127. Fig. 5; P. 128. Fig. 6)

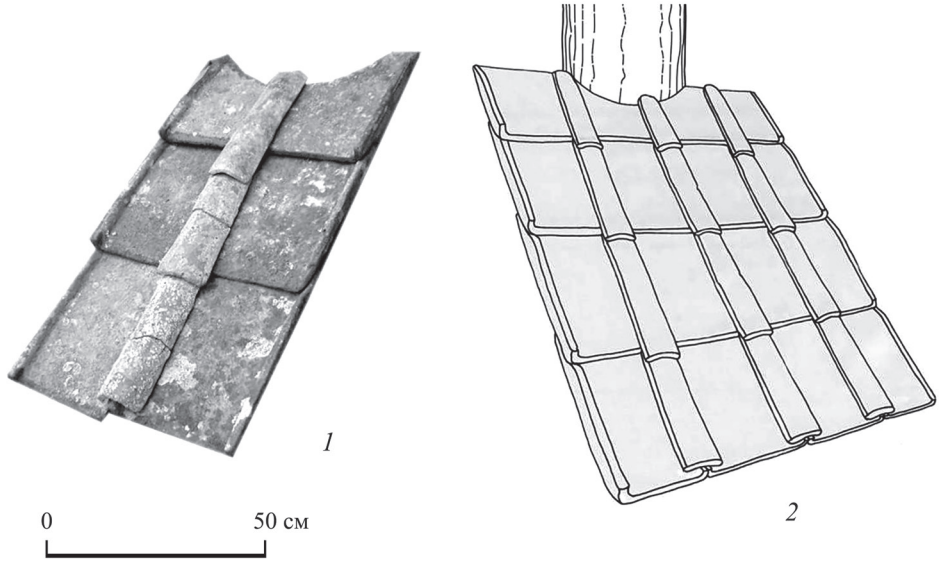

Рис. 3. Реконструкция черепичной крыши на *Mangalia B*
(*Munteanu, Vochițu*, 2009. P. 126. Fig. 2; P. 132. Fig. 15)

которые отсекали четверть поверхности плитки в левом углу на одной и правом углу на второй солене. Случайность слома была исключена, так как все найденные плитки черепицы были выкрашены в вишнево-коричневый цвет. Краска на них сохранилась, в том числе и на месте среза. То есть покрашены плитки черепицы были уже после того, как осуществлен вырез. Именно этот факт позволил в 2009 г. при повторном исследовании находок с *Mangalia B* предположить, что данные срезы были сделаны для того, чтобы верхняя часть уложенной на место черепичной крыши опиралась на круглую мачту (*Munteanu, Vochițu*, 2009. P. 121). Реконструкция, произведенная тогда же, показала, что найденные плитки черепицы складываются в единую конструкцию (рис. 3: *1*), которая вполне может быть скатом крыши, верхний край которой опирается на мачту, а нижний на фальшборт судна (рис. 3: *2*). Что касается веса такой крыши, то она оценена в 232 кг, что с учетом размеров самого судна – 35 × 6 м (соответствует водоизмещению более 200 тонн) – не кажется избыточным.

Такой вариант реконструкции находит свое подтверждение на многочисленных изображениях античного времени, где встречаются сюжеты, на которых мачта судна проходит сквозь крышу каюты или некоего навеса. Так, на мозаике, найденной в древнем порту Келендерис (совр. Айдинчик (Турция)), которая относится к V–IV вв. до н. э. (*Pomey*, 2017. P. 9–25), изображено торговое судно, единственная мачта которого проходит сквозь крышу надстройки на палубе (рис. 4). Похожее изображение надстройки вокруг мачты видно на дипинти VII в. н. э. из Келлии в Египте (рис. 5) и др.

При этом остается непонятным, каким образом крепилась крыша надстройки, так же как не было выяснено, как именно крепилась черепица на *Mangalia B*.

Рис. 4. Фрагмент мозаики V–IV вв. до н. э. из Келендерис (совр. Айдинчик (Турция)) с изображением палубной надстройки с крышей

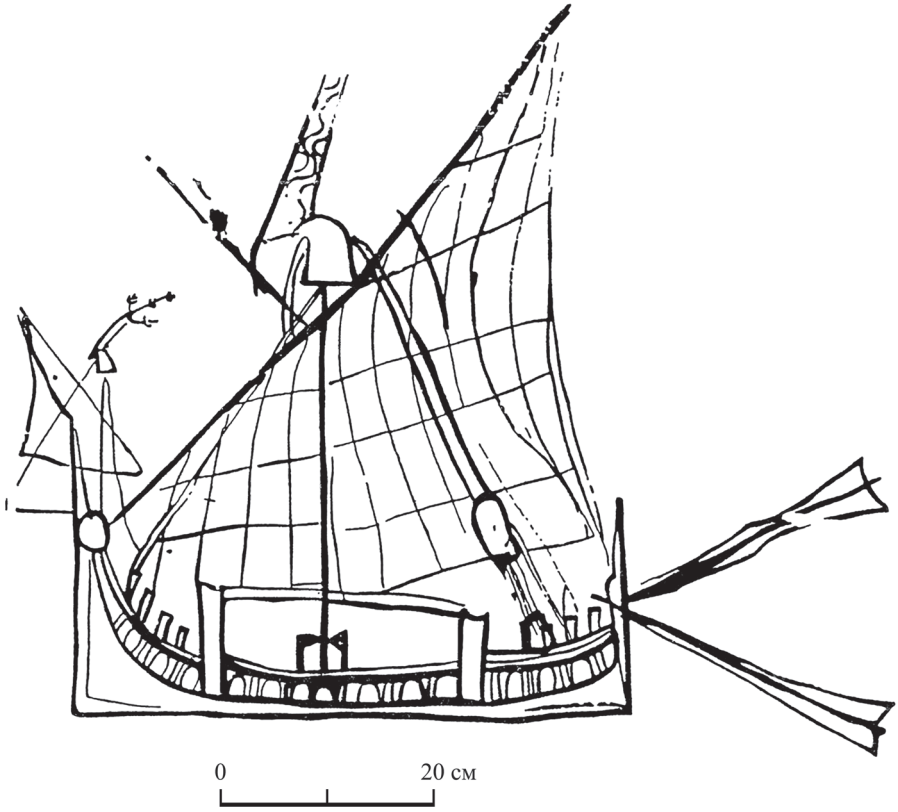

Рис. 5. Дипинти VII в. н. э. из Келлии (Египет) с изображением палубной надстройки с крышей

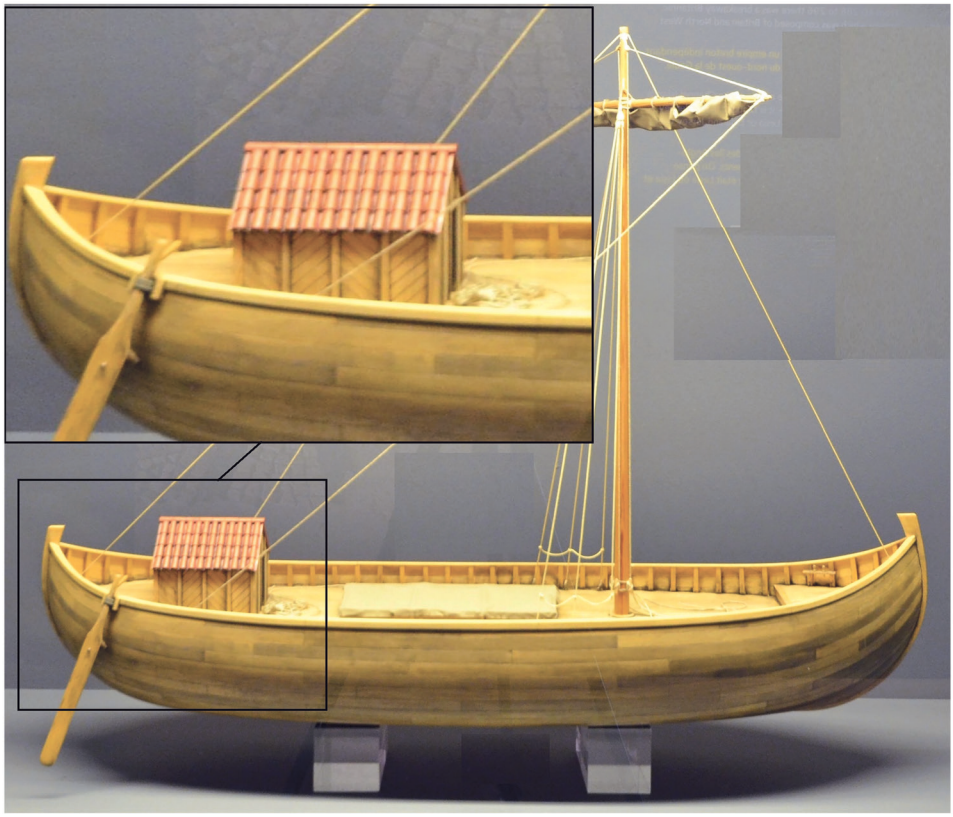

Рис. 6. Масштабная модель судна III в. н. э., затонувшего в гавани о. Гернси, выставленная в Морском музее в замке Корнет (о. Гернси), и реконструкция надстройки с черепичной крышей (справа вверху)

Существуют и другие находки на затонувших судах, которые позволяют подтвердить, что черепица на них использовалась по своему прямому назначению. На дне гавани Гернси (о. Гернси) было найдено относительно хорошо сохранившееся судно III в. н. э. *Guernsey Harbour*, которое погибло в результате пожара, что позволило уцелеть значительной части элементов судна, в том числе набору из десятков солен и калиптер. Реконструкция этого корабля, выполненная в виде модели (макета) судна и выставленная в Морском музее в замке Корнет (о. Гернси), представляет черепицу в виде двускатной крыши на кормовой надстройке (рис. 6). На судне, затонувшем в VII в. н. э. у о. *Yassı Ada* (средиземноморское побережье Турции), выявлено два скопления лаконской черепицы. Одно из них расположено у кормовой части судна и является остатками крыши камбузной надстройки, снабженной черепичной крышей с отверстием для выхода дыма. Второе скопление черепицы расположено по левому борту, также в корме (*Bass, Van Doorninck*, 1982. P. 5). Оно представляло собой остатки самого камбуза площадью 1,5 × 3 м, в центре которого сохранилась печь –

прямоугольная конструкция из черепицы. Здесь плитки черепицы служили в качестве ограждения и пола очага. Сверху печь была перекрыта железной решеткой жаровни (*Bass, Van Doorninck*, 1982. P. 314). То, что данная печь использовалась для приготовления пищи, а не являлась частью груза, доказывается наличием здесь же кухонной посуды. Деталей из древесины, которые позволили бы реконструировать конструкцию крыши или очага более подробно, не сохранилось.

Наличие камбуза выявлено не только на *Yassı Ada*. В Мраморном море найдено затонувшее судно XII в. н. э. *Çamaltı Burnu I*, которое было снабжено камбузом в носовой части. Здесь камбузная надстройка, выявленная по скоплению в этом месте кухонной посуды, также имела черепичную крышу (*Günsenin*, 2005. P. 118–123). Примечательно, что все вышеуказанные суда с черепичной крышей были относительно крупными для своего времени (Mahdia имела размеры 41 × 14 м, Mangalia B – 35 × 6 м, Albenga – 40 × 10 м, Yassı Ada – 20 × 5 м, Çamaltı Burnu I – 28 × 6 м, Guernsey – 25 × 5 м).

Встречается черепица и на судах меньшего размера. Например, на небольшом (размерами 15 × 5 м) корабле II в. до н. э. *Chretienne C* (Франция) в носовой части сохранился развал черепичной крыши, впрочем, без следов какого-либо очага или скопления кухонной утвари (*Parker*, 1992. P. 141–142). На судне II–III вв. н. э. *Plemmirio B* (Италия) найдено 25 солен и калиптер, которые вместе с четырьмя кирпичами, двумя каменными блоками и керамической дымовой трубой (а также кухонной посудой) представляют собой остатки камбуза (*Gibbins, Parker*, 1986. P. 267).

Всего же, согласно статистическим данным на 1992 г., в морях Средиземноморского бассейна было найдено 54 затонувших корабля, на которых черепица использовалась в качестве крыши для камбуза или надстройки (*Parker*, 1992. P. 29). В ряде случаев черепица служила для ограждения очага.

В целом, анализируя все находки, можно утверждать, что камбуз представлял собой помещение, которое было сооружено вокруг очага или печи, которая, в свою очередь, зачастую была сложена из кирпичей и каменных блоков. Порой использовалась специально изготовленная судовая керамическая жаровня (*Doksanalti, Aslan*, 2018. P. 659–666). Черепица здесь служила надежным ограждением деревянных конструкций судна от жара открытого огня и летящих искр. Черепичная крыша, как представляется, также строилась лишь для того, чтобы поднимающееся вверх пламя камбузной печи встречалось с керамическим несгораемым материалом. В этом случае предположение авторов реконструкции *Mangalia B* о том, что черепичная крыша обнимала мачту, неверно, и перед нами реконструкция именно крыши камбуза с отверстием не для мачты, а для выхода дыма.

Таким образом, использование на судах черепицы по ее прямому назначению, т. е. в качестве крыши, можно считать надежно установленным фактом. Что же касается находки скопления гераклейской черепицы у м. Панагия в 1981 г., то оно, вероятнее всего, также является элементом крыши камбуза. В пользу этого говорит тот факт, что черепица была разбросана на относительно небольшой площади, а один из фрагментов солены имеет точно такой же срез, отсекающий верхнюю четверть плитки (*Шамрай*, 2021. С. 314. Рис. 4.4) (рис. 1: *2*), что и на образцах с *Mangalia B*. При этом одна из плиток гераклейской черепицы

и оба антефикса конструктивно целые, это также подтверждает факт, что за борт эти элементы попали случайно, а не были выброшены как негодные. То есть перед нами единственный в Северном Причерноморье образец такого редкого типа археологического памятника, как камбузная черепица античного судна, которая оказалась на дне моря в результате того, что крыша была либо смыта волнами с борта терпящего крушение судна, либо сброшена за борт экипажем в ходе борьбы за живучесть.

Что же касается второго из найденных у м. Панагия комплексов черепицы – синопской, – то он, вероятнее всего, оказался на дне в результате преднамеренного сброса экипажем судна за борт фрагментов солен, которые были повреждены в ходе транспортировки или перегрузки. Впрочем, исследование данного комплекса после 1981 г. не проводилось и, возможно, на дне сохранились иные предметы, относящиеся к данному комплексу, которые смогут подтвердить или опровергнуть наличие на рифе Трутаева еще одного комплекта судовой черепицы.

ЛИТЕРАТУРА

Зинько А. В., 2018. К вопросу о локализации якорных стоянок древних судов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. № 23. С. 55–69.

Зинько А. В., Шамрай А. Н., 2017. Памятник древней навигации на Боспоре – якорная стоянка у мыса Панагия (история открытия и изучения) // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения: материалы Междунар. конф. / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 167–179.

Кислый А. Е., 1981. Отчет о раскопках пос. Каменка в 1981 г., Маяк в 1981 г., о подводных разведках у м. Тузла и Панагия в 1981 г. Ч. II // Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 2. Ед. хр. № 767. 31 с.

Кондрашев А. В., 1995. Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 55–67.

Павлова О. С., 2018. SERMO NAVTICVS. Латинская мореходная лексика в античности. М.: Р. Валент. 319 с.

Шамрай А. Н., 2021. Открытие и начало изучения памятников древней навигации у мыса Панагия в Керченском проливе (обзор материалов разведок 1977–1981 гг.) // БИ. XLII. С. 302–314.

Bass G. F., 1975. Underwater Survey – 1973 // Türk Arkeoloji Dergisi. 22.2. S. 33–38.

Bass G., Van Doorninck F., 1982. Yassi ada. Vol. I. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. College Station: Texas A & M University Press. 350 p.

Cosma V., 1973. Amphoras from Callatis (Romania) // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. Vol. 2. Iss. 1. P. 51–58.

Doksanalti E. M., Aslan E., 2018. Comparison of a «Ship-type» Brazier found in Knidos underwater research and «Ship-type» Braziers of the Roman Imperial Period // Rei Cretariæ Romanæ Favtorum Acta. 45: Congressus Tricesimvs Rei Cretariæ Romanæ Favtorvm Olisipone Habitvs MMXVI. P. 659–666.

Frost H., 1963. Under the Mediterranean: marine antiquities. Englewood: Prentice-Hall. 334 p.

Gibbins D. J., Parker A. J., 1986. The Roman wreck of c. AD 200 at Plemmirio, near Siracusa (Sicily): interim report // International Journal of Nautical Archaeology. 15. P. 267–304.

Günsenin N., 1998. 1996 Yılı Marmara Adaları yan taramalı sonar araştırması Ekinlik Adası mermer batiği // XV Araştırma Sonuçları Toplantısı. 1. 26–30 mayıs 1997, Ankara). Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı. S. 295–306.

Günsenin N., 2005. A 13th-Century Wine Carrier: Çamaltı Burnu, Turkey // Beneath the Seven Seas / Ed. G. F. Bass. London: Thames and Hudson. P. 118–123.

Haldane C., 1996. Ancient Egyptian hull construction // Tropis IV. Fourth International Symposium on Ship Construction in Antiquity (Athens, 28–31 August 1991) / Ed. H. Tzalas. Athens: Hellenic Institute for the Preservation of Nautical Tradition. P. 235–244.

Höckmann O., 1997. Mahdia Wreck // Encyclopedia of Underwater and Maritime Archaeology / Ed. J. P. Delgado. New Haven; London: Yale University. P. 254–255.

Munteanu C., Vochițu A., 2009. Țigle și olane de pe epava antică Mangalia B // Pontica. 42. P. 117–132.

Ohnesorg A., 1990. Archaic Roof Tiles from the Heraion on Samos // Hesperia. Vol. 59, № 1. P. 181–199.

Parker A. J., 1992. Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces Oxford: Archaeopress. 547 p. (BAR. International series; 580.)

Pomey P., 2017. À propos de la voile latine: la mosaïque de Kelenderis et les Stereometrica (II, 48–49) d'Héron d'Alexandrie // L'archéologie maritime et navale de la préhistoire à l'époque contemporaine. Paris: Centre national de la recherche scientifique. P. 9–25. (Archaeonautica; 19.)

Pulak C., 1985. 1984 yılı Marmara sualtı araştırmaları // Araştırma Sonuçları Toplantısı. 3. Ankara. S. 47–62.

Tailliez P., 1961. Travaux de l'été 1958 sur l'épave du «Titan» à Île du Lévant (Toulon) // Atti del II Congresso Internazionale di Archeologia Sottomarina (Albenga, 1958). Bordighera: Istituto internazionale di studi liguri: Museo Bicknell. P. 175–198.

Сведения об авторе

Петровский Василий Михайлович, Центр морских исследований и технологий Севастопольского государственного университета, ул. Курчатова, 7, Севастополь, 299015, Россия; e-mail: petrovskiyvm@yandex.ru

V. M. Petrovskiy

ANCIENT AND MEDIEVAL SHIP ROOF-TILES

Abstract. The paper analyzes the finds of roof-tiles of sunken merchant ships of the Classical and Medieval times. This is a rare archaeological find, which is sometimes discovered on shipwrecks in many parts of the Mediterranean region, but only one object of this kind has been identified in the Northern Black Sea region near the Taman coast.

Keywords: Classical period, Middle Ages, roof-tiles, Black Sea, underwater archaeology.

REFERENCES

Kislyy A. E., 1981. Otchet o raskopkakh pos. Kamenka v 1981 g., Mayak v 1981 g., o podvodnykh razvedkakh y m. Tuzla i Panagiya v 1981 g. Chast' II [Report on excavations of village Kamenka in 1981, Mayak in 1981, on underwater exploration near capes Tuzla and Panagia in 1981. Part II]. *Archive of East-Crimean historical and cultural museum-reserve.* 31 p. (In Russian, unpublished.)

Kondrashev A. V., 1995. Podvodnye issledovaniya u mysa Panagiya [Underwater research near cape Panagia]. *Izuchenie pamyatnikov morskoy arkheologii [Study of marine archaeological sites]*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 55–67.

Pavlova O. S., 2018. SERMO NAVTICVS. Latinskaya morekhodnaya leksika v antichnosti [SERMO NAVTICVS. Latin nautical vocabulary in antiquity]. Moscow: R. Valent. 319 p.

Shamray A. N., 2021. Otkrytie i nachalo izucheniya pamyatnikov drevney navigatsii y mysa Panagiya v Kerchenskom prolive (obzor materialov razvedok 1977–1981 gg.) [Discovery and beginning of study of ancient navigation sites at Cape Panagia in Kerch Strait (a review of exploration materials from 1977 to 1981)]. *BI*, XLII, pp. 302–314.

Zin'ko A. V., 2018. K voprosu o lokalizatsii yakornykh stoyanok drevnikh sudov na Bospore Kimmeriyskom [On the issue of localization of anchorages of ancient ships on Cimmerian Bosporus]. *MAIET*, 23, pp. 55–69.

Zin'ko A. V., Shamray A. N., 2017. Pamyatnik drevney navigatsii na Bospore – yakornaya stoyanka u mysa Panagiya (istoriya otkrytiya i izucheniya) [Site of ancient navigation on the Bosporus – anchorage at Cape Panagia (history of discovery and exploration)]. *XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya [XVIII Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Trade: ways – goods – relationships]*. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko, eds. Simferopol; Kerch, pp. 167–179.

About the author

Petrovskiy Vasiliy M., Center for marine research and technology of Sevastopol State University. ul. Kurchatova, 7, Sevastopol, 299015, Russian Federation; e-mail: petrovskiyvm@yandex.ru

И. А. Прокофьев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛИНЫ В ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ТАНАИСА II–III вв. н. э.

Резюме. Статья представляет собой обобщающее исследование, направленное на определение значения, которое имела глина в домостроительстве Танаиса II–III вв. н. э. В ней собрана и проанализирована информация из полевых отчетов и публикаций об источниках и видах сырья, способах применения глины в жилой архитектуре города, а также приведены аналогии с ближайших боспорских памятников рассматриваемого периода. Глина составляла основу глинобитных полов, глиняно-тростниковой кровли крыш, состава строительного раствора, скреплявшего каменные кладки стен, и многослойной штукатурки, которой они покрывались, а также применялась в устройстве турлучных перегородок и сырцовых печей внутри помещений. Перечисленные конструкции нуждались в периодическом подновлении и ремонте, для которого требовалось значительное количество материала, по всей видимости, добывавшегося в непосредственной близости от территории города. Глина помогала обеспечивать прочность несущих конструкций зданий, а также гидро- и теплоизоляцию внутренних помещений. В трех усадебных постройках были отмечены случаи применения глины и в декоративном оформлении их внутреннего пространства в виде полихромной расписной штукатурки.

Ключевые слова: архитектурная археология, Танаис, глина, расписная штукатурка, античное домостроительство, жилые усадьбы.

Введение

К настоящему времени открыто значительное количество построек, относящихся к жилым усадьбам Танаиса II–III вв. н. э.: внутри контура основного четырехугольника городища исследованы, полностью или частично, архитектурные остатки 122 построек (*Прокофьев*, 2024. С. 15. Рис. 2; 3). Накопленная информация позволяет реконструировать строительные технологии, конструктивные решения и состав материалов, характерные для домостроительства римского периода Танаиса как уникального по своему географическому положению

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.183-194

памятника, располагавшегося на северо-восточной периферии Боспорского царства.

Основные ресурсы, использовавшиеся в местном домостроительстве, составляли камень, дерево и глина. Из рваного, чаще всего необработанного, камня сооружались стены. Из дерева формировались межэтажные перекрытия, крыши, делались дверные косяки, сами двери и окна, а также, в отдельных случаях, стяжки стен и покрытие полов подвалов. Но ни один из перечисленных конструктивных элементов не был бы возможен без использования, в том или ином виде, глины – иногда с различными примесями или привлечением дополнительных материалов, таких как песок или тростник.

Целью данной статьи является обобщение информации по применению глины в домостроительстве Танаиса II–III вв., в обрывочном виде представленной в полевых отчетах и публикациях последних десятилетий. В нее входят определение источников и видов задействованного в жилой архитектуре глиняного сырья, описание примеров его возможного использования, а также поиск аналогий на близких в хронологическом, географическом и культурном отношении памятниках – в первую очередь среди боспорских городов первых веков нашей эры.

Источники строительного материала

Выходы глины, использовавшиеся в период Античности, вероятно, находились в непосредственной близости от городища. Для возведения новых построек и сооружений (не только жилых домов, но также цистерн, водостоков и оборонительных стен) и поддержания уже существовавших в удовлетворительном состоянии путем периодических подмазок полов, укрепления и ремонта крыш и стен требовались значительные объемы строительного сырья. Кроме того, определенное количество глины нужно было для поддержания местного гончарного производства, вероятно, функционировавшего в это время в городе (*Книпович*, 1949. С. 28–30; *Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 20). По мнению Л. М. Казаковой, при строительстве использовались местные делювиальные покровные лессовидные суглинки, покрывающие слоем толщиной ок. 3 м всю Хапровскую террасу, на которой расположен памятник, а также подстилающая их в отдельных местах так называемая скифская[1] глина (*Казакова*, 1992. С. 40). Лессовидные суглинки Нижнего Дона и Приазовья, по наблюдению Г. И. Попова, выделяются преобладанием глинистых частиц над пылеватыми, а содержание

[1] Термин «скифская глина» закрепился в историографии памятника за использовавшейся в домостроительстве глиной зеленого и зеленовато-серого цвета местного происхождения (*Казакова*, 1992. С. 40; *Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 26–27). При этом необходимо отметить, что в литературе геологического профиля скифские глины вообще и Хапровской террасы в частности характеризуются как «красновато-бурые», в то время как местные «зеленовато-бурые и зеленовато-серые плотные однородные неслоистые глины» выделяются специалистами в отдельную категорию (*Синяков и др*., 2014. С. 100). Учитывая расхождение устоявшейся в историографии и принятой в геологической науке трактовок, термин «скифская» в данной статье мы приводим в кавычках.

физической глины у них достигает 50–75 % (*Попов*, 1947. С. 48), что позволяло использовать их как связующий раствор в каменных кладках.

Местоположение ближайшего античного глиняного карьера Л. М. Казакова предполагает к западу от северо-западного угла городища: в современном рельефе в этом месте читается округлая в плане горловина, из которой местные жители до недавнего времени продолжали добывать глину, а охранные раскопки 1980-х гг. выявили здесь культурный слой III–II вв. до н. э. и искусственное углубление диаметром ок. 8 м, нижняя часть которого вырыта в материковом грунте (*Казакова*, 1992. С. 41–42). Отсутствие в слое материала первых веков нашей эры может указывать на то, что к этому периоду он исчерпал большую часть своего ресурса, а жители переключились на добычу глины в другом месте, более удаленном от города. Карьер римского времени мог располагаться к северо-востоку от основного четырехугольника городища: в этом направлении в современном рельефе читаются значительные углубления антропогенного характера, требующие дополнительного археологического исследования. Глина также могла добываться во время рытья и расширения подвалов, полуподвалов, цистерн и оборонительных рвов, однако одних этих объемов было явно недостаточно для удовлетворения постоянной потребности жителей в сырье.

Вместе с глиной для связующих растворов, обмазки стен, кровель и полов использовался местный тростник, мелкие камни и песок, которые в большинстве своем также добывались в окрестностях города. Следов целенаправленной добычи песка в античный период на памятнике и в его окрестностях выявить не удалось – они могли быть уничтожены в результате хозяйственной деятельности человека в более позднее время, однако его выходы зафиксированы как на территории самого города – в ямах в подвалах ДТ и ДЖ на раскопе XIV, так и за его пределами – к западу от городища и в устье Каменной балки (Там же. С. 42). Древние карьеры могли также располагаться ближе к реке, на территории первой надпойменной террасы, где песок залегает достаточно близко к дневной поверхности. О недостатке тростника в дельте р. Дон говорить также не приходится.

Способы применения глины в домостроительстве

Все усадебные постройки первых веков нашей эры в городе были каменными. Для скрепления кладок, которые чаще всего в Танаисе были трехслойные однорядные постелистые иррегулярные[2], во II–III вв. н. э. использовались местные коричневые и палевые суглинки (Там же. С. 41). Зеленовато-серая глина применялась для дополнительной облицовки внутреннего фаса нижней части стен – чаще всего подвальных – в виде однослойной орфостатной кладки из крупных каменных плит в 1–2 ряда, закрывавшей соединение стен с полом. Такие примеры прослежены в восьми помещениях пяти усадебных комплексов, расположенных в разных частях городища. Ряд орфостатных каменных плит, примазанных с помощью зеленовато-серой «скифской» глины к нижней

[2] Определение кладок дается в соответствии с классификацией С. Д. Крыжицкого (*Крыжицкий*, 1982. С. 24).

части стен и формирующих подобие «плинтуса», был зафиксирован в подвале помещения Г на раскопе XIV (*Арсеньева*, 1978. С. 96–97), в углах подвала помещения ЭЭ усадьбы 2[3] (*Шелов и др*., 1967. С. 15) и в подвале помещения КЖ усадьбы 15 (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 53–54). В усадьбе 20 облицовка стен была прослежена сразу в трех помещениях из пяти: в подвалах помещений Г (Там же. С. 94) и У (Там же. С. 92), а также в открытом во двор полуподвальном помещении Ф (Там же. С. 90). В подвале помещения КГ усадьбы 10 подобная кладка была двупанцирной: примыкавший к стене панцирь был сформирован из вмазанных в стену с помощью глиняного раствора крупных фрагментов красноглиняных амфор и плоских камней, а внешний – из четырех орфостатных каменных плит (*Арсеньева, Науменко*, 1987. С. 77), на одну из которых красной краской была нанесена буква «Z» (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 27). Использование дополнительной орфостатной однослойной однорядной кладки было зафиксировано и в основании западной стены помещения ГО усадьбы 15 (Там же. С. 51–52), однако из ряда других этот пример выделяет то, что «плинтус» был выявлен у стен наземного помещения, а не подвала.

Л. М. Казакова предполагает, что зеленоватая «скифская» глина применялась в домостроительстве Танаиса в связи с ее высокими гидроизоляционными свойствами (*Казакова*, 1992. С. 41). Это же отмечают в своей монографии Т. М. Арсеньева и С. А. Науменко (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 26–27). Примечательно, что на территории памятника не фиксируется целенаправленное использование этого вида глины при сооружении водосборных цистерн и водостоков. В подавляющем большинстве случаев подобным образом укреплялись именно основания подвальных стен. Еще в одном случае слой из «плотной зеленой глины» подстилал один из уровней пола подвала ДИ усадьбы 10 (Там же. С. 31). Не стоит исключать вероятность того, что использование «скифской» глины в строительстве никак не было связано с вопросами гидроизоляции. Но если теория о применении этого вида глины в связи с его высокими гидроизоляционными свойствами верна, то надо предполагать, что подвалы, в которых зафиксированы подобные «плинтусы», находились под угрозой подтопления во время сильных осадков, а сточных вод в городе было настолько в избытке, что жители позволяли значительной их части впитываться в землю через швы кладок цистерн и водостоков вместо того, чтобы аккумулировать ее для дальнейшего использования в хозяйстве. Все это являлось бы признаками плохой организации системы городского водоотведения, не справлявшейся со своими функциями.

Глина также применялась для закрепления деревянных стяжек-обрешеток в вертикальных пазах, устроенных в каменных стенах подвалов и предохранявших кладку от разрушения. Часть подобной обрешетки – закрепленное глиной обуглившееся бревно диаметром 0,18 м – была обнаружена *in situ* в одном из пазов в стене помещения ДФ усадьбы 11 (Там же. С. 40).

Помимо использования в каменных кладках стен домов, цистерн и водостоков глина применялась для подмазки полов нижних уровней построек и крытых навесом частей дворов (рис. 1: *1*). Во всех открытых к сегодняшнему

[3] Здесь и далее нумерация усадеб по: (*Арсеньева, Науменко*, 1992).

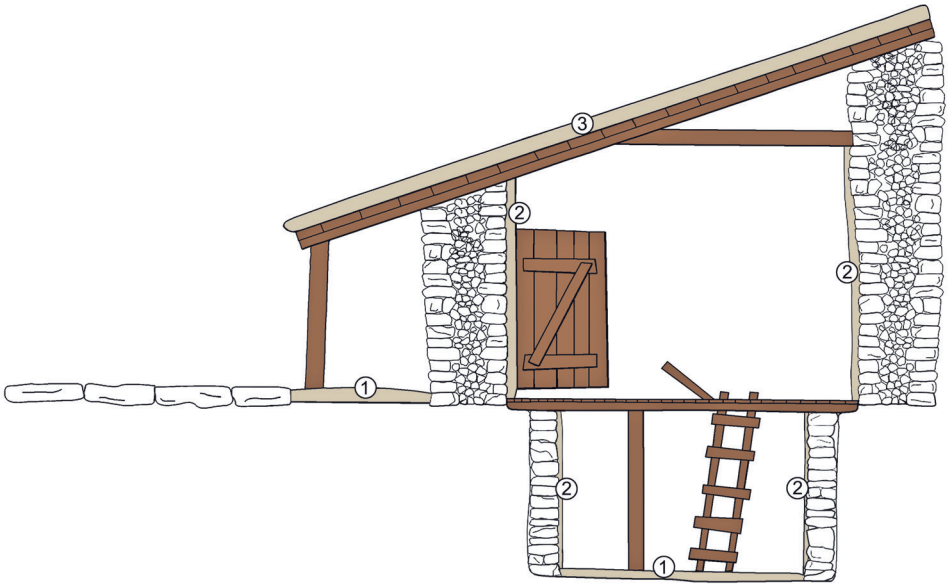

Рис. 1. Схематичная реконструкция глиняных конструктивных элементов «типичного» дома в Танаисе

1 – глинобитный пол; *2* – многослойная глиняно-тростниковая штукатурка стен (в отдельных случаях – беленая известью или покрытая красной краской); *3* – глиняно-тростниковая кровля

дню постройках полы нижних уровней были глиняными. В четырех подвалах, по интерпретации исследователями угольных построек в их заполнении, поверх глиняного пола в древности дополнительно был уложен деревянный настил: в подвалах помещения В на раскопе XX (*Арсеньева, Науменко*, 2001. С. 67), помещения Д усадьбы 20 (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 96), а также помещения 4 постройки 3 (*Науменко, Арсеньева*, 2000. С. 7) и помещения 2 постройки 4 (*Арсеньева*, 1995. С. 14) на раскопе XIX.

Полы второго и третьего уровней были в основном деревянными, хотя в помещении 2 постройки 4 на раскопе XIX на деревянную основу межэтажного перекрытия были уложены «глиняные плиты» (Там же. С. 61), а в помещении 3 постройки 3 – глина с примесью ракушек и соломы (*Арсеньева*, 1997. С. 60).

По наличию покрытого утрамбованной глиной свободного от каменного мощения пространства по периметру некоторых дворов (или их отдельных сторон) реконструируется факт существования над ним в древности деревянного навеса, являвшегося продолжением крыш построек, выходивших в эти дворы. Если допустить, что навес над ним отсутствовал, то глиняный пол во время сильных осадков должен был бы превращаться в вязкую и легко разносимую по помещениям усадьбы грязевую массу.

Другой пример функционального применения глины – использование ее для создания толстого гидроизоляционного слоя обмазки крыши. Один из хорошо

сохранившихся кусков такой глиняной обмазки с тростником (в тексте публикации назван «камышом»[4]), уложенный поверх деревянных слег и стропил, был прослежен в заполнении помещения И на раскопе VI (*Арсеньева, Шелов*, 1974. С. 156). Глиняно-тростниковую кровлю имели крыши большинства построек в городе. Подобное покрытие, подвергавшееся постоянному воздействию осадков, с определенной периодичностью должно было требовать подновления. Эти факты указывают на постоянную потребность жителей города в значительном объеме глиняного сырья.

Черепица имела сравнительно небольшое распространение – ее использование в качестве кровли установлено для менее десяти из открытых построек Танаиса первых веков нашей эры. Причем все обнаруженные к настоящему моменту экземпляры имеют импортное происхождение, из чего исследователями традиционно делается вывод об отсутствии в городе своего черепичного производства (*Казакова*, 1987. С. 83). На это косвенно указывает и ее дефицитность в Танаисе первых веков нашей эры, проявлявшаяся как в том, что в оформлении крыши одного здания этого периода могло быть одновременно представлено до четырех типов черепицы, различных по форме и глине (*Казакова*, 1987. С. 89; *Ullman*, 2000. S. 529), так и в том, что одни и те же куски черепицы могли использоваться многократно, о чем свидетельствуют следы повторного окрашивания, а также подправки и оббивки бортиков и обратных сторон отдельных экземпляров (*Казакова*, 1987. С. 89).

Глина применялась и как теплоизоляционный облицовочный материал – для штукатурки (многослойной обмазки) внутренних фасов стен. Глиной покрывалась непосредственно сама кладка стены внутри помещения, к которой примазывались стебли тростника, поверх которого примазывался еще один слой глины (*Арсеньева*, 1983. С. 106). Следы стеблей тростника диаметром 0,5–1,5 см хорошо различимы в кусках обмазки, находимых в заполнении помещений (рис. 2: *1–3*). Подобная штукатурка могла также содержать примеси в виде измельченных костей животных, керамики, мелких камешков и извести (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 53). За счет своей многослойности она должна была значительно повышать теплоизоляционные качества стен, дольше сохраняя внутри помещений тепло летом и прохладу зимой. Следы обмазки внешних фасов стен не сохранились – штукатурка отмечалась либо *in situ* на внутренних фасах стен помещений, либо фрагментами в их заполнении. Их отсутствие с одинаковой степенью вероятности может объясняться как лучшими условиями консервации прокаленной глины внутри уничтоженных пожаром середины III в. н. э. зданий, чем за их пределами, так и тем, что внешние фасы стен просто не штукатурились.

Внутри отдельных помещений поверх штукатурки наносилась известковая (меловая) побелка, примеры которой отмечены в заполнении подвалов

[4] «Камышом» в отчетах и публикациях, связанных с памятником, вероятно, ошибочно называются стебли тростника обыкновенного, широко распространенного в дельте Дона. Именно его стебли обладают необходимыми физическими свойствами для формирования описываемых конструкций. Стебли камыша имеют менее подходящую для этого структуру.

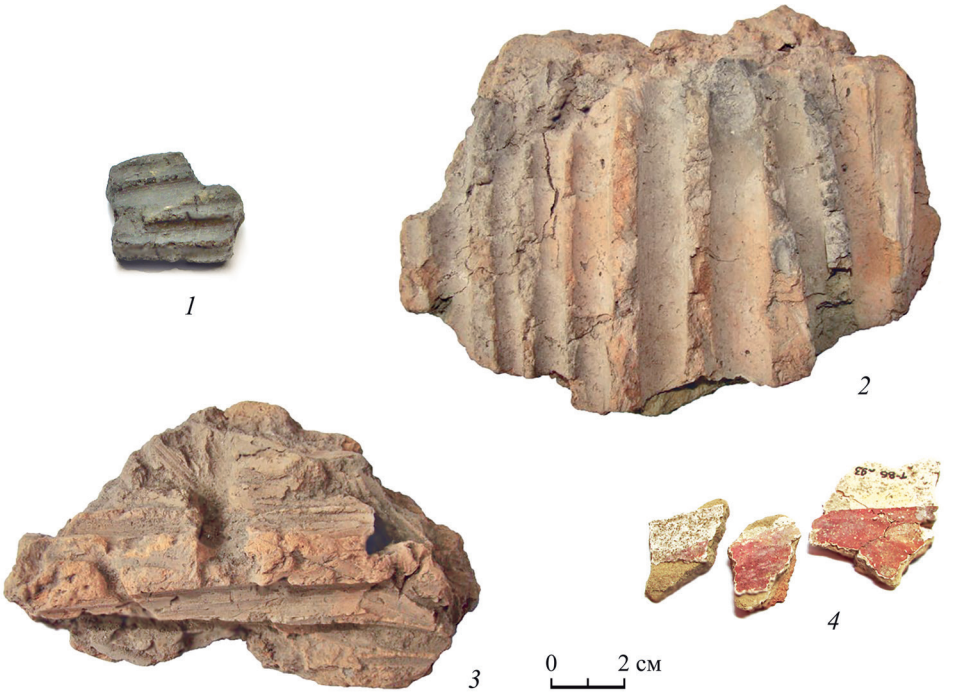

Рис. 2. Фрагменты штукатурки стен из собрания археологического музея-заповедника Танаис

1–3 – фрагменты обмазки стен со следами тростника (фонды АМЗТ, инв. № АГ-41/528, АО-49/185, АО-49/257); *4* – фрагменты внешнего слоя со следами росписи из помещения ЕЖ усадьбы 16 (фонды АМЗТ, инв. № АГ-63/93)

помещений 2 постройки 9 на раскопе XIX (*Арсеньева и др*., 2009. С. 44), КГ усадьбы 10 (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 27), ДЧ усадьбы 13 (Там же. С. 45–46), Б на раскопе XII (*Наливкина*, 1965. С. 146) и в подвале помещения И на раскопе IV (*Арсеньева, Шелов*, 1974. С. 164).

В помещениях минимум трех усадеб были зафиксированы следы расписной (цветной) штукатурки. В помещении ДФ усадьбы 11 Т. М. Арсеньева и С. А. Науменко отмечают следы побелки и росписи в виде полос «разной ширины и направлений», сделанных красной краской (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 40), в заполнении подвала помещения ЕЖ усадьбы 16 – куски штукатурки «со следами побелки и росписью красной краской» (Там же. С. 57. Рис. 2: *4*). Штукатурка, которая, по предположению Т. М. Арсеньевой, могла быть цветной, обнаружена также в заполнении подвала двухэтажного помещения 3 постройки 3 на раскопе XIX (*Арсеньева*, 1997. С. 59). Каждая из трех построек, внутри которых были обнаружены следы цветной штукатурки, являлась крупнейшей по площади в своем усадебном комплексе. К сожалению, реконструировать точное назначение этих помещений на основе имеющихся данных об их заполнении не представляется возможным.

Роспись стен жилых зданий – как моно-, так и полихромная, в том числе сюжетная – к первым векам нашей эры имела большое распространение в античном мире и довольно часто использовалась в оформлении парадных помещений в домах зажиточных горожан (*Salvadori, Sbrolli*, 2021). Наиболее сохранившиеся примеры известны в Геркуланум и Помпеях. Цветная штукатурка имела распространение и во внутреннем оформлении жилых домов Северного Причерноморья. В одном из его главных центров – Пантикапее – с эллинистического времени для декорирования стен продолжала использоваться большая палитра цветов, из сочетания которых складывались различные геометрические орнаменты (*Алексеева*, 1977). За пределами столицы Боспорского царства примеры применения цветной штукатурки в этот период известны, в частности, в жилых домах поселения у с. Козырка (*Бураков*, 1962. С. 82; 1966; реконструкции: *Крыжицкий*, 1982. С. 95. Рис. 29.3; *Крыжицкий, Бураков*, 1975. С. 215) и Михайловского городища (*Петерс*, 1978. С. 126), а среди памятников Азиатского Боспора – в домах I–II вв. н. э. в Кепах (*Сокольский*, 1963. С. 55).

Внутри помещений глина также использовалась при сооружении турлучных перегородок. Так, перегородка, обнаруженная в вытянутом по линии север – юг помещении И на раскопе IV и делившая его на два отдельных пространства, различавшихся как по функции, так и по форме (южное было одноэтажным наземным и служило для хранения и переработки зерна, северное – одноэтажным с подвалом, совмещавшим несколько функций), представляла собой, по интерпретации Д. Б. Шелова, прутья или доски, обмазанные глиной (*Шелов*, 1967. С. 90–93). Остатки такой же по конструкции перегородки были найдены в полу помещения Л, располагавшегося неподалеку от помещения И и имевшего схожие с ним размер, ориентацию по сторонам света и функциональное назначение: от перегородки в полу «сохранился небольшой глинобитный валик и неглубокая канавка со следами дерева, толщина валика и канавки – 0,18 м» (*Арсеньева, Шелов*, 1974. С. 136–138). Еще в двух примерах – помещении С на раскопе XIV (*Арсеньева*, 1983. С. 106) и помещении 3 постройки 3 на раскопе XIX (*Арсеньева*, 1995. С. 13; 1997. С. 60) – перегородки реконструируются Т. М. Арсеньевой только по характеру заполнения этих помещений и взаиморасположению ведущих в них проходов и внешних стен. Сведения о конструкции этих перегородок отсутствуют – не сохранились ни их фрагменты, ни следы в полу, по которым можно было бы ее восстановить.

Сырцовый кирпич в Танаисе применялся в очень ограниченном объеме и никогда – при сооружении кладок несущих стен. Внутри усадебных помещений в большинстве случаев сырец фиксируется в конструкции печей (*Арсеньева, Науменко*, 1992. С. 34, 36, 39, 45, 91).

Заключение

Изложенные факты показывают, что глина являлась одним из трех основных строительных материалов, использовавшихся в домостроительстве Танаиса II–III вв. н. э., наряду с камнем и деревом. Основной ее объем, необходимый для удовлетворения постоянной потребности жителей в глиняном сырье, поступал, вероятно, из карьеров в ближайших предместьях города. Незначительное

в сравнении с ним количество строительного материала добывалось также при рытье котлованов глубоких подвалов, ям и цистерн на территории города. С помощью глины формировался каменно-деревянный каркас несущих конструкций усадебных помещений: на ее основе делались строительные растворы, скреплявшие каменные кладки стен, и с ее помощью монтировались укреплявшие их деревянные стяжки-обрешетки. Благодаря своим гидро- и теплоизоляционным свойствам она также помогала поддерживать внутри них уровень температуры и влажности, максимально комфортный для проживания в условиях местного климата, для которого характерны умеренно холодные зимы и достаточно жаркие летние сезоны. Она выступала основным материалом для устройства глинобитных полов, глиняно-тростниковой кровли крыш, а также многослойной штукатурки внутренних стен помещений. Кроме того, использование глины делало возможным декоративное оформление стен отдельных помещений в виде моно- и полихромной росписи.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1977. Фрагменты расписной штукатурки первых веков н. э. из Пантикапея // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 3–5.

Арсеньева Т. М., 1978. Раскопки Танаиса в 1973–1976 гг. // КСИА. Вып. 156. С. 93–100.

Арсеньева Т. М., 1983. Раскопки Танаиса в 1977–1980 гг. // КСИА. Вып. 174. С. 100–108.

Арсеньева Т. М., 1995. Отчет об исследованиях на городище Танаис в 1995 г. Раскоп XIX // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 19520.

Арсеньева Т. М., 1997. Отчет Нижне-Донской экспедиции о работе в Танаисе в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21025. Т. 1.

Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А., 2009. Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н. э. // ДБ. Т. 13. М.: ИА РАН. С. 38–78.

Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 1987. Раскопки Танаиса в 1981–1984 гг. // КСИА. Вып. 191. С. 75–82.

Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 1992. Усадьбы Танаиса. М.: ИА РАН. 231 с.

Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 2001. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. Т. 4. М.: ИА РАН. С. 56–124.

Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. I / Ред. М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов. М.: Наука. С. 123–210.

Бураков А. В., 1962. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XI. Киев: Видавництво АН УРСР. С. 49–96.

Бураков А. В., 1966. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища // Культура античного мира / Отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Наука. С. 53–62.

Казакова Л. М., 1987. Кровельная черепица первых вв. н. э. из Танаиса // КСИА. Вып. 191. С. 83–89.

Казакова Л. М., 1992. Строительные ресурсы Танаиса // Историческая география Дона и Северного Кавказа / Ред.: В. Е. Максименко, В. Н. Королев. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. С. 37–46.

Книпович Т. Н., 1949. Танаис: Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 177 с.

Крыжицкий С. Д., 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 166 с.

Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., 1975. Опыт реконструкции жилых домов поселения ольвийской периферии первых веков нашей эры у с. Козырки // Ольвия: сб. ст. / Ред. С. Д. Крыжицкий и др. Киев: Наукова думка. С. 192–219.

Наливкина М. А., 1965. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961 гг.) // Древности Нижнего Дона / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука. С. 130–168. (МИА; № 127.)
Науменко С. А., Арсеньева Т. М., 2000. Отчет об исследованиях в Танаисе в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24223.
Петерс Б. Г., 1978. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии / Ред. В. В. Кропоткин и др. М.: Наука. С. 117–127.
Попов Г. И., 1947. Четвертичные и континентальные плиоценовые отложения Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья // Материалы по геологии и полезным ископаемым Азово-Черноморья. Вып. 22. М.; Л. С. 3–75.
Прокофьев И. А., 2024. Типология построек городских усадеб Танаиса II–III вв. н. э. // Человеческий капитал. № 5 (185). С. 11–22.
Синяков В. Н., Кузнецова С. В., Махова С. И., Полянская В. Н., 2014. Скифские глины: распространение, состав и физико-механические свойства. Волгоград: Волгоградский гос. архитектур.-строит. ун-т. 195 с.
Сокольский Н. И., 1963. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. Вып. 95. С. 52–59.
Шелов Д. Б., 1967. Раскопки Танаиса в 1964–1965 гг. // КСИА. Вып. 109. С. 88–93.
Шелов Д. Б., Арсеньева Т. М., Максименко В. Е., Деопик Д. В., 1967. Отчет о работе Нижне-Донской экспедиции (Танаис) в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3559.

Salvadori M., Sbrolli C., 2021. Wall paintings through the ages: the Roman period – Republic and early Empire // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 13. 187.
Ullman K., 2000. Studien zur Architektur von Tanais. Die Dachziegelfunde von Bau 4 // Eurasia Antiqua. Bd. 6. S. 529–563.

Сведения об авторе

Прокофьев Иван Алексеевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский просп., 27, к. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: i.prokofev1998@gmail.com

I. A. Prokofiev

USE OF CLAY IN HOUSE CONSTRUCTION IN TANAIS, II–III CENTURIES AD

Abstract. This paper integrates the results of the study aimed to understanding the role clay played in house construction in Tanais in II–III centuries AD. It contains information collected from field reports and publications on sources and types of raw material, methods of using clay in residential architecture of the city. The author analyses the data obtained and provides analogies from the nearest Bosporan sites of the period under consideration. Clay was a basic ingredient of *pise* floors, clay and reed roofs, mortar mixture used to bind wall masonry and multilayer facing plaster covering the walls; it was also used in making *turluk* (wattle and daub) wall partitions and adobe stoves inside dwellings. These types of constructions needed regular renovation and repairs and required significant amounts of materials which, apparently, were extracted or obtained in sites located in close proximity to the city. Clay helped ensure structural integrity of the house frameworks as well as hydro- and thermal insulation of indoor premises. Three urban estate buildings show evidence of clay use in decorative design of indoor spacing in the form of polychromic painted plaster.

Keywords: architectural archaeology, Tanais, clay, painted plaster, Ancient Greek house construction, residential urban estates.

REFERENCES

Alekseeva E. M., 1977. Fragmenty raspisnoy shtukaturki pervykh vekov n. e. iz Pantikapeya [Fragments of painted plaster of the first centuries AD from Panticapaeum]. *Istoriya i kultura antichnogo mira [History and culture of Classical world]*. M. M. Kobylina, ed. Moscow: Nauka, pp. 3–5.

Arsen'eva T. M., 1978. Raskopki Tanaisa v 1973–1976 gg. [Excavations in Tanais in 1973–1976]. *KSIA*, 156, pp. 93–100.

Arsen'eva T. M., 1983. Raskopki Tanaisa v 1977–1980 gg. [Excavations in Tanais in 1977–1980]. *KSIA*, 174, pp. 100–108.

Arsen'eva T. M., 1995. Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Tanais v 1995 g. Raskop XIX [Report on research at Tanais hillfort in 1995. Excavation trench XIX]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Arsen'eva T. M., 1997. Otchet Nizhne-Donskoy ekspeditsii o rabote v Tanaise v 1997 g. [Report of Lower Don expedition on work in Tanais in 1997]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Arsen'eva T. M., Il'yashenko S. M., Naumenko S. A., 2009. Novye zakrytye kompleksy Tanaisa II i III vv. n. e. [New closed associations of II and III cc. AD in Tanais]. *DB*, 13, pp. 38–78.

Arsen'eva T. M., Naumenko S. A., 1987. Raskopki Tanaisa v 1981–1984 gg. [Excavations in Tanais in 1981–1984]. *KSIA*, 191, pp. 75–82.

Arsen'eva T. M., Naumenko S. A., 1992. Usad'by Tanaisa [Tanais manors]. Moscow: IA RAN. 231 p.

Arsen'eva T. M., Naumenko S. A., 2001. Raskopki Tanaisa v tsentre vostochnoy chasti gorodishcha [Excavations of Tanais in the center of eastern part of the hillfort]. *DB*, 4, pp. 56–124.

Arsen'eva T. M., Shelov D. B., 1974. Raskopki yugo-zapadnogo uchastka Tanaisa (1964–1972 gg.) [Excavations of southwestern area of Tanais (1964–1972)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Podon'ya [Archaeological sites of Lower Don region]*, 1. M. G. Moshkova, D. B. Shelov, eds. Moscow: Nauka, pp. 123–210.

Burakov A. V., 1962. Gorodishche bilya s. Kozirki poblizu Olviï [Hillfort near village Kozirki in Olbia vicinity]. *Arkheologichni pam'yatki URSR [Archaeological sites of the URSR]*, XI. Kiev: AN URSR, pp. 49–96.

Burakov A. V., 1966. Izvestkovo-gipsovye karnizy i freski Kozyrskogo gorodishcha [Lime-gypsum cornices and frescoes of Kozyrki hillfort]. *Kultura antichnogo mira [Culture of Classical world]*. A. I. Boltunova, ed. Moscow: Nauka, pp. 53–62.

Kazakova L. M., 1987. Krovelnaya cherepitsa pervykh vv. n. e. iz Tanaisa [Roof tiles of the first centuries AD from Tanais]. *KSIA*, 191, pp. 83–89.

Kazakova L. M., 1992. Stroitelnye resursy Tanaisa [Tanais construction resources]. *Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza [Historical geography of Don and North Caucasus]*. V. E. Maksimenko, V. N. Korolev, eds. Rostov-na-Donu: Rostovskiy universitet, pp. 37–46.

Knipovich T. N., 1949. Tanais: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Tanais: Historical and archaeological research]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 177 p.

Kryzhitskiy S. D., 1982. Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [Residential buildings of ancient cities of North Pontic region]. Kiev: Naukova dumka. 166 p.

Kryzhitskiy S. D., Burakov A. V., 1975. Opyt rekonstruktsii zhilykh domov poseleniya olviyskoy periferii pervykh vekov nashey ery u s. Kozyrki [Experience of reconstruction of residential buildings in settlement of the Olbian periphery of first centuries of our era in village Kozyrki]. *Olviya [Olbia]*. S. D. Kryzhitskiy, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 192–219.

Nalivkina M. A., 1965. Raskopki yugo-vostochnogo uchastka Tanaisa (1960–1961 gg.) [Excavations of southeastern area of Tanais (1960–1961)]. *Drevnosti Nizhnego Dona [Antiquities of Lower Don]*. D. B. Shelov, ed. Moscow: Nauka, pp. 130–168. (MIA, 127.)

Naumenko S. A., Arsen'eva T. M., 2000. Otchet ob issledovaniyakh v Tanaise v 2000 g. [Report on research in Tanais in 2000]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Peters B. G., 1978. Mikhaylovskoe gorodishche antichnogo vremeni [Mikhaylovka hillfort of Classical period]. *Problemy sovetskoy arkheologii [Issues of Soviet archaeology]*. V. V. Kropotkin, ed. Moscow: Nauka, pp. 117–127.

Popov G. I., 1947. Chetvertichnye i kontinentalnye pliotsenovye otlozheniya Nizhnego Dona i Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Quaternary and continental Pliocene deposits of Lower Don and

Northeastern Azov region]. *Materialy po geologii i poleznym iskopaemym Azovo-Chernomor'ya [Materials on geology and minerals of Azov-Black Sea region]*, 22. Moscow; Leningrad, pp. 3–75.

Prokofiev I. A., 2024. Tipologiya postroek gorodskikh usadeb Tanaisa II–III vv. n. e. [Typology of buildings of Tanais manors, II–III cc. AD]. *Chelovecheskiy kapital [Human capital]*, 5 (185), pp. 11–22.

Shelov D. B., 1967. Raskopki Tanaisa v 1964–1965 gg. [Excavations in Tanais in 1964–1965]. *KSIA*, 109, pp. 88–93.

Shelov D. B., Arsen'eva T. M., Maksimenko V. E., Deopik D. V., 1967. Otchet o rabote Nizhne-Donskoy ekspeditsii (Tanais) v 1967 g. [Report on work of Lower Don expedition (Tanais) in 1967]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Sinyakov V. N., Kuznetsova S. V., Makhova S. I., Polyanskaya V. N., 2014. Skifskie gliny: rasprostranenie, sostav i fiziko-mekhanicheskie svoystva [Scythian clays: distribution, composition, and physico-mechanical properties]. Volgograd: Volgogradskiy gos. arkhitekturno-stroitelnyy universitet. 195 p.

Sokolskiy N. I., 1963. Raskopki gorodishcha Kepy v 1961 g. [Excavations of Kepoi hillfort in 1961]. *KSIA*, 95, pp. 52–59.

About the author

Prokofiev Ivan A., Lomonosov Moscow State university, Lomonosovskiy prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: i.prokofev1998@gmail.com

Н. В. Лопатин, Н. А. Кренке, В. В. Бегунова, В. Е. Пименов

СЕЛИЩЕ ХИСЛАВИЧИ 1 РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В СМОЛЕНСКОМ ПОСОЖЬЕ[1]

Резюме. В статье рассматриваются результаты новых исследований памятников, относящихся, вероятно, к киевской культуре, на юге Смоленской области. Детально проанализирован состав керамического комплекса селища Хиславичи 1, где проведены разведочные раскопки в 2024 г. Характеризуются находки и хозяйственные ямы, приведены результаты спорово-пыльцевого анализа. Упомянуты синхронные материалы, обнаруженные на двух соседних городищах.

Ключевые слова: керамика с расчесами, киевская культура, тип Абидня, керамика типа среднего слоя городища Тушемля, селище, городище.

В поселке городского типа Хиславичи на юге Смоленской обл. (бассейн р. Сож) и в его окрестностях в настоящее время известно три памятника с материалами римского времени (селище и два городища).

Селище Хиславичи 1 в 0,5 км к востоку от поселка, в высокой пойме р. Сож, открыто в 1986 г. экспедицией Смоленского музея под руководством Ф. Э. Модестова с участием Н. В. Лопатина (*Модестов*, 1986; *Кренке*, 2024) и в том же году обследовалось еще раз (*Лопатин*, 1986). В то время участок распахивался, и на пашне был собран подъемный материал – немногочисленный, но характерный. Также был заложен шурф 1 × 1 м, показавший слабую насыщенность культурного слоя. Краткое описание памятника и атрибуция находок опубликованы (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 128, 232). В 2024 г. Н. А. Кренке исследовал памятник пятью шурфами. Зафиксирован культурный слой мощностью до 0,5 м.

[1] Исследование выполнено по темам государственных заданий: Н. В. Лопатиным – «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0); Н. А. Кренке – «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.195-208

Селище занимает участок высокой поймы (высота поймы 3–4 м) Сожа на его правом берегу, ограниченный с севера старичным озером, с запада – ложбиной палеорусла, с юга – бровкой берега р. Сож (рис. 1: *1*). По подъемному материалу в 1986 г. были определены наибольшие размеры селища – 100 × 100 м (в восточном направлении площадка постепенно сужается). Восточная граница проходила по узкому перешейку, между современным руслом реки и старичным озером.

Для изучения культурного слоя селища Хиславичи 1 был заложен трансект из пяти шурфов (рис. 1: *1*), пересекший его территорию с юга на север – от бровки берега современного русла Сожа до бровки берега старичного озера. В трансекте было пять шурфов (№ 2–6, первый номер остался за шурфом 1986 г.) общей площадью 20 кв. м.

Наиболее интересные результаты получены в шурфе 2 (рис. 1: *2*; 2). Он имел размеры 2 × 4 м, состоял из двух квадратов. На фоне желтого материкового песка едва прослеживались пятна ям, имевшие чуть более темный цвет. Из-за незначительных различий в цвете грунтов форму ям удалось выявить только при выборке заполнения, которое темнело по мере углубления. Три из четырех ям уходили в стенки шурфа. Большие размеры не позволяли изучить их полностью, но были получены сведения об их общей форме. Все четыре ямы имели сходные размеры – около 1,5 м в диаметре, форма округлая. Лишь яма 3 вошла в шурф целиком. Ямы 2 и 3 разбирались в два приема. У ямы 2 сначала была выбрана западная половина, у ямы 3 – восточная. Ямы немного сужались книзу, стенки приближались к отвесным. Заполнение – бурый песок и темно-бурый с оттенком серого в нижней части заполнения. Во всех ямах найдены мелкие фрагменты лепной керамики традиции киевской культуры. В яме 3 найден фрагмент лощеной миски (?) с ребром (рис. 3: *17*), кальцинированная кость и кремневый отщеп. Из ямы 4 происходит маленький фрагмент венчика горшка с расчесами. Кроме этого, в яме 2 найден фрагмент стенки сосуда бронзового века, орнаментированный параллельными оттисками шнура (круг культур шнуровой керамики III тыс. до н. э.).

Стратиграфия и форма ям наилучшим образом видны в профиле западного борта шурфа 2 (рис. 2). Поверхность горизонтальная. Верхний горизонт сложен пахотным слоем (темно-серый песок) с нижней ровной резкой плужной границей. В левой части профиля разрез ямы 1, идентичный описанному выше. В правой части профиля разрез ямы 4. Южная стенка ямы вертикальная, северная чуть оплывшая, дно плоское. Заполнение песчаное, нижняя часть более темная, нежели верхняя.

Все ямы имели плоское дно диаметром около 1 м. Глубина ям от поверхности материка составила: яма 1 – 88 см, яма 2 – 80 см, яма 3 – 92 см, яма 4 – 74 см. Яма 4, видимо, прорезала яму 3. Можно предполагать функциональную однотипность данных ям: вероятно, они предназначались для хранения припасов (зерна?). Возраст ям определяется по найденной в них керамике. Судя по тому, что никаких фрагментов круговой керамики в ямах найдено не было[2],

[2] Находка одного фрагмента в верхней части заполнения ямы 2 не противоречит этому выводу (см. также ниже результаты палинологического анализа).

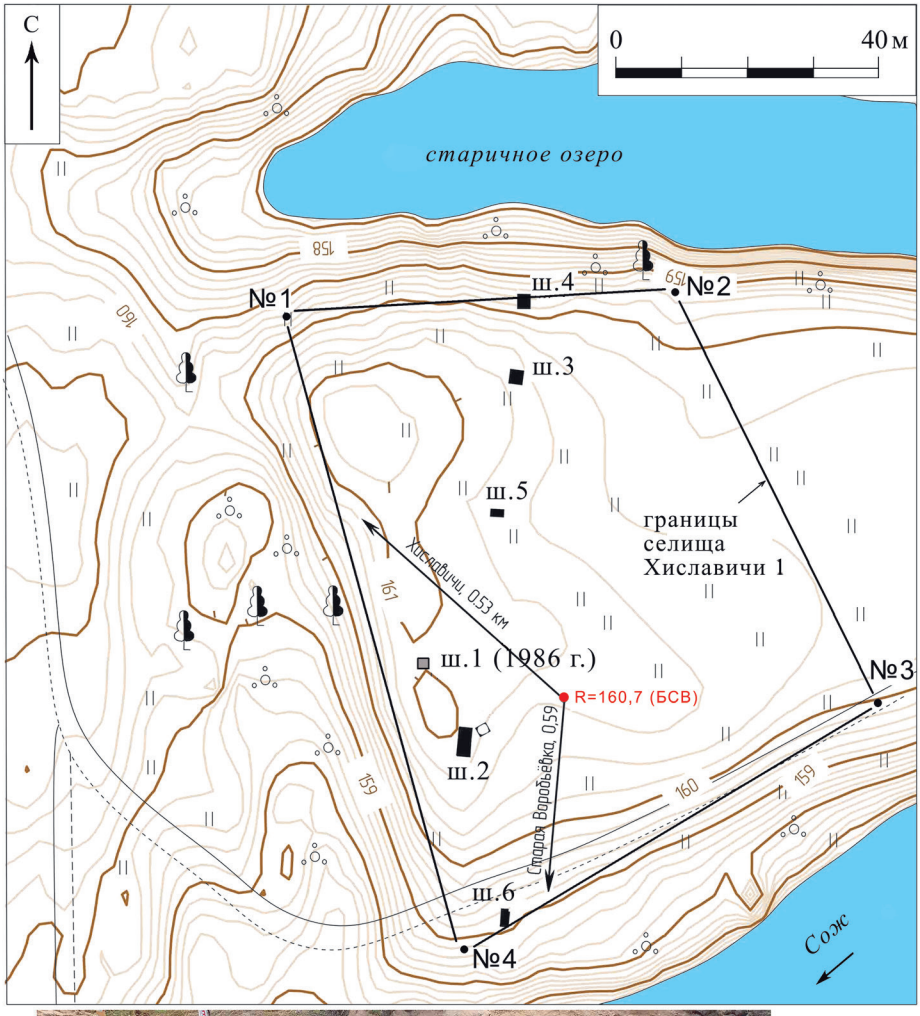

Рис. 1. Хиславичи, селище. Работы 2024 г. Топографический план, съемка К. А. Ганичева (*1*) и фото материка в шурфе 2 (*2*). Вид с запада

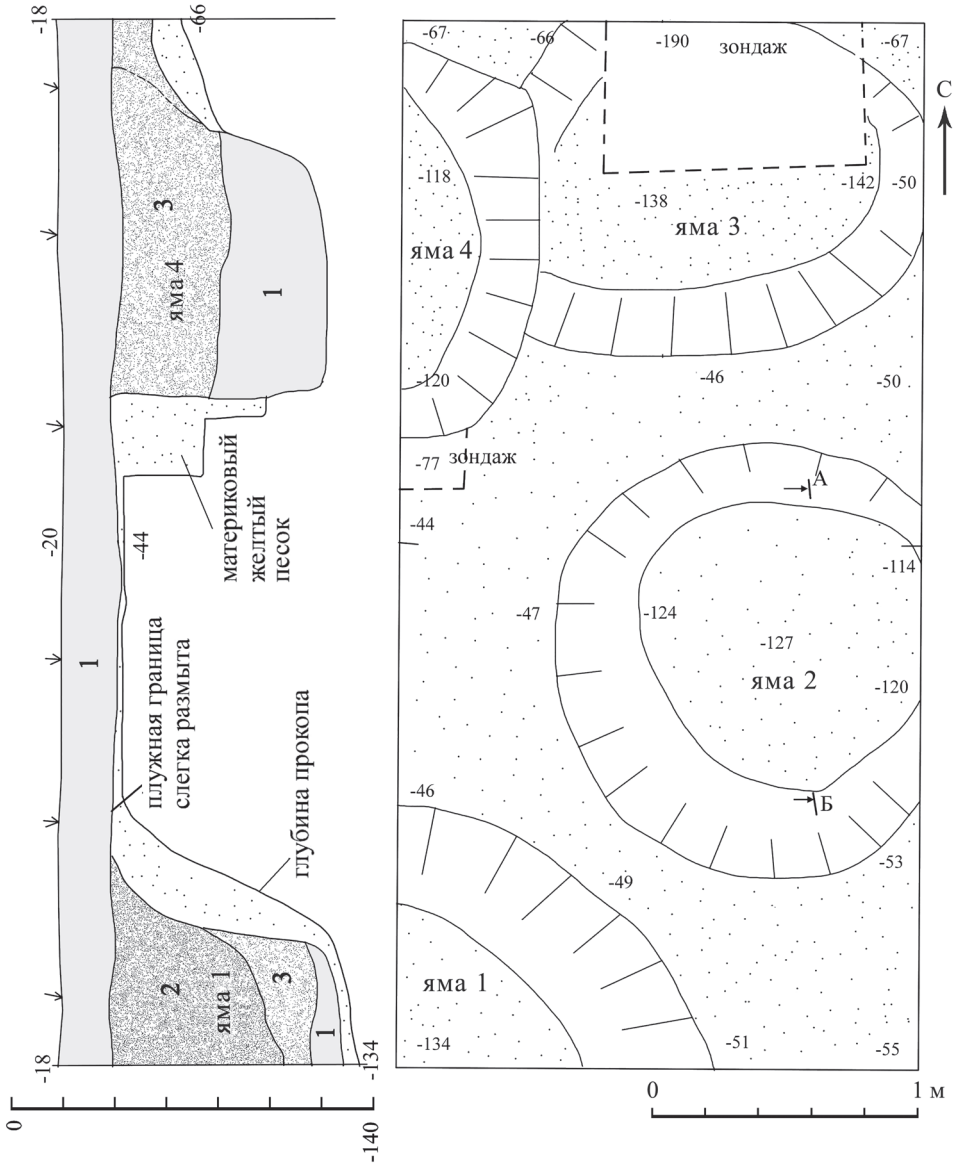

Рис. 2. Хиславичи, селище. Шурф 2. План материка и профиль западной стенки. В профиле номерами обозначены

1 – темно-серый песок; *2* – светлый серо-бурый песок; *3* – желто-бурый песок. А-Б – профиль ямы

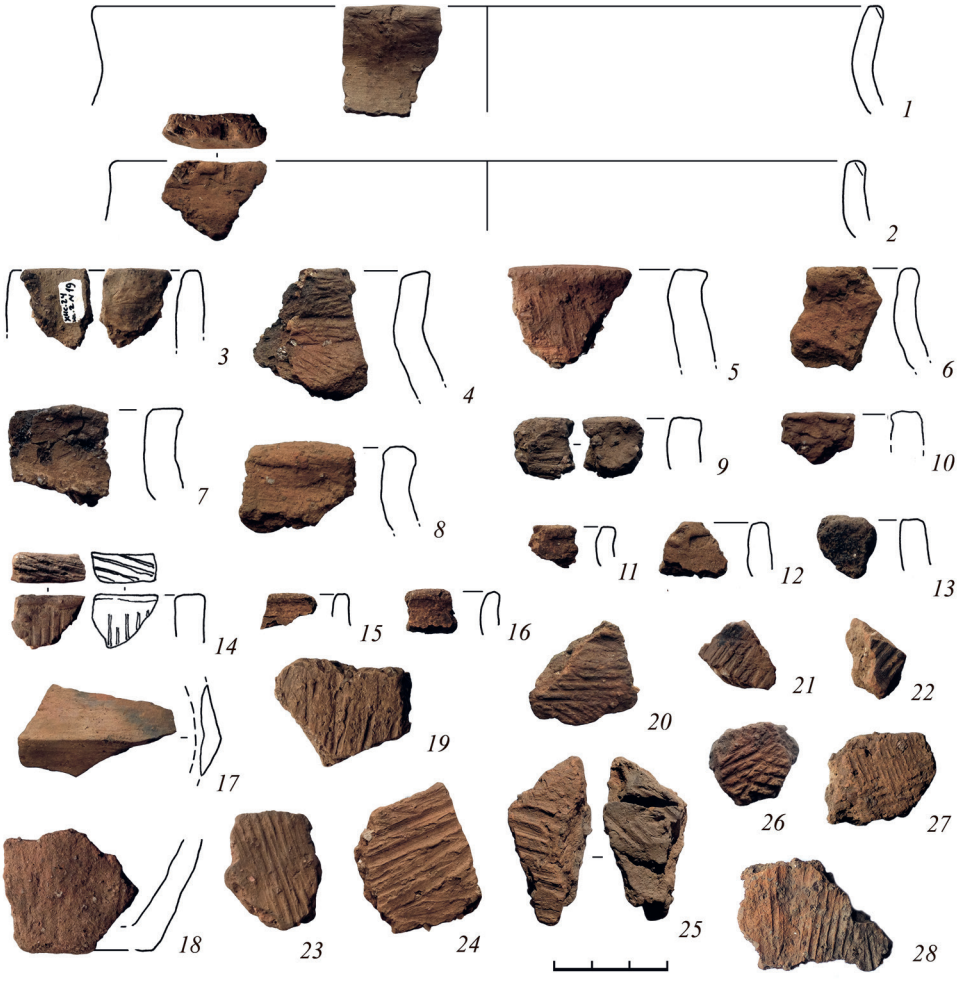

Рис. 3. Селище Хиславичи, шурфы (*1–27*); городище Городок, подъемный материал (*28*). Работы Н. А. Кренке 2024 г. Рис. и фото В. А. Раевой

они относятся к основному горизонту функционирования селища, т. е. к периоду III–IV вв. – времени существования поселения традиции киевской культуры.

Сравнение профилей шурфа 6 (на бровке берега Сожа) и шурфа 4 (на бровке склона старичного озера) показывает, что культурный слой в шурфе 6 мощнее и более насыщен. Здесь он имел вид серого песка, нижний уровень которого находился на глубине 25 см. То есть древнее поселение тяготеет к современному руслу Сожа.

Незначительное количество керамики на памятнике (всего около 100 фрагментов на 20 кв. м) и их мелкий размер, отсутствие характерных бытовых находок (пряслиц, игл, бритв и т. п.) и очажных камней свидетельствуют, вероятно,

о том, что здесь не было стационарного круглогодичного поселения. Допустима интерпретация данного памятника как специализированного сезонного поселения, связанного с земледельческой активностью.

Тем не менее имеющаяся коллекция из поверхностных сборов и шурфов позволяет составить некоторое представление о керамическом наборе (рис. 3–5). При этом небольшая насыщенность культурного слоя свидетельствует, скорее всего, против многократного использования участка и позволяет предполагать, что лепная керамика составляет здесь единый комплекс.

Наиболее очевидно деление керамики на три группы. Первая из них (преобладающая) – довольно толстостенная грубая керамика с примесью крупной дресвы. Венчики чаще всего близки к вертикальному положению (рис. 3: *3, 9–16*; 4: *2, 7, 9*; 5: *2, 4, 8*) и указывают на слабую профилированность форм. Некоторые происходят от сосудов с сужающейся верхней частью и слегка отогнутым краем (рис. 3: *1, 4–8*; 4: *4*; 5: *1, 3*). Часть сосудов имела перегиб тулова в виде ребра (рис. 4: *8, 10*). Большинство фрагментов очень мелкие для суждений о типологии форм, но, наиболее вероятно, – это типы 1, 2, 7 и Р-1.

Многие фрагменты снаружи покрыты «бороздчатым заглаживанием» (по А. А. Бобринскому), т. е. штриховкой или расчесами (рис. 3: *4, 5, 14, 19–27*; 4: *5, 6, 8–19*; 5: *1, 4, 6, 7, 10*). Трудно судить о предметах, которыми делался этот декор, но обычно предполагаются зазубренные щепки, обломки гребней, солома. Изредка присутствуют орнаментальные композиции – перекрещивания линий и полос (рис. 3: *20, 26, 27*; 4: *5–7*). Встречаются расчесы по верхнему уплощенному краю сосуда (рис. 3: *14*). В целом все экземпляры декора более хаотичны и грубы, чем на памятниках типа Заозерье, например, из недавних публикаций, на селище Силуяново (*Кренке и др*., в печати).

Вторую группу керамики составляют венчики с ногтевыми вдавлениями или насечками по краю, с изгибом профиля, образующим сужение-шейку. Некоторые из них похожи по форме на вышеперечисленные (рис. 3: *1, 2*; 5: *3*), но иногда они отогнуты наружу более сильно и бывают более тонкими (рис. 4: *3*; 5: *5*). К этой группе относятся всего пять небольших фрагментов, и следов бороздчатого заглаживания на них не замечено.

Третью группу составляет керамика лощеная, хоть и без зеркального блеска, с возможной примесью очень мелкой дресвы. Найдены фрагменты вертикального венчика и стенки с ребристым перегибом (рис. 3: *17*; 4: *1*). Очевидно, это столовая посуда (миски).

Спорово-пыльцевой анализ был проведен по семи образцам из заполнения ямы 2 с применением сепарационного метода (*Гричук*, 1940). Для выделения пыльцы использовали тяжелую жидкость ГПС-В (раствор гетерополисоединения вольфрама с плотностью 2,2 г/см^3). Спорово-пыльцевую диаграмму строили в Tilia 2.6.1. Процентное содержание пыльцы рассчитывали относительно общего числа пыльцевых зерен, а долю спор – относительно суммы пыльцы и спор.

Отбор образцов из профиля заполнения ямы 2 (бурый и темно-серый песок, насыщенный угольками) производился снизу вверх, начиная со дна ямы через 10 см (рис. 6: *2, 3*). Результаты анализа представлены на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 6: *1*).

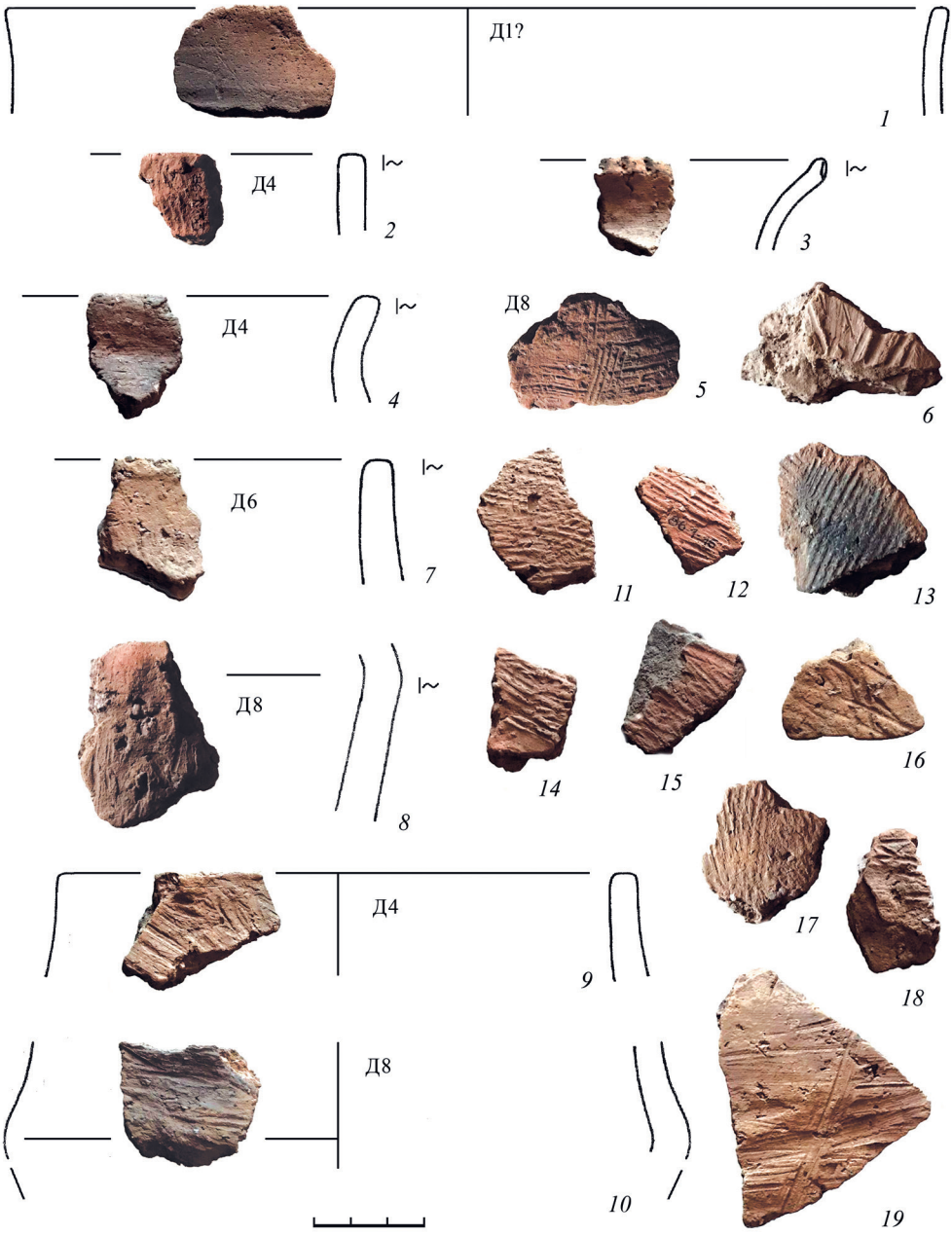

Рис. 4. Хиславичи, селище. Керамика. Подъемный материал Н. В. Лопатина, 1986 г. Рис. и фото автора исследования

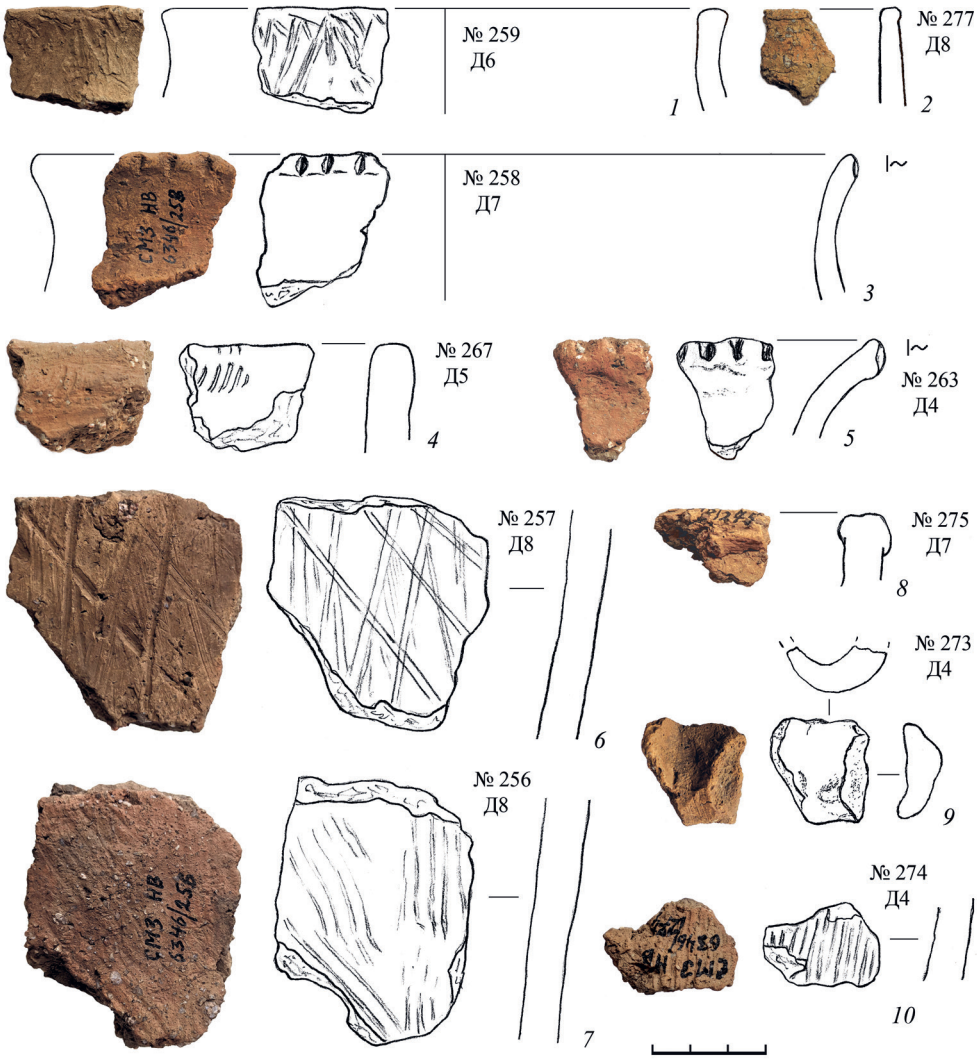

Рис. 5. Хиславичи, селище. Керамика. Подъемный материал Ф. Э. Модестова, 1986 г. Фонды Смоленского музея-заповедника (СМЗ НВ 6346). Рис. и фото В. В. Бегуновой

Изученные пыльцевые спектры достаточно однородны по составу. Во всех образцах доминирует пыльца березы (*Betula*, 50–75 %) при заметном участии пыльцы трав, характерных для нарушенных местообитаний, прежде всего полыни (*Artemisia*, до 15 %) и видов подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*, до 13 %). В меньших количествах присутствует пыльца других древесных пород – ольхи (*Alnus*), сосны (*Pinus*), липы (*Tilia*), лещины (*Corylus*). Среди луговых и рудеральных трав отмечены астровые (*Asteroideae*), злаки (*Poaceae*), гвоздичные (*Caryophyllaceae*), кипрейные (*Onagraceae*), розоцветные (*Rosaceae*),

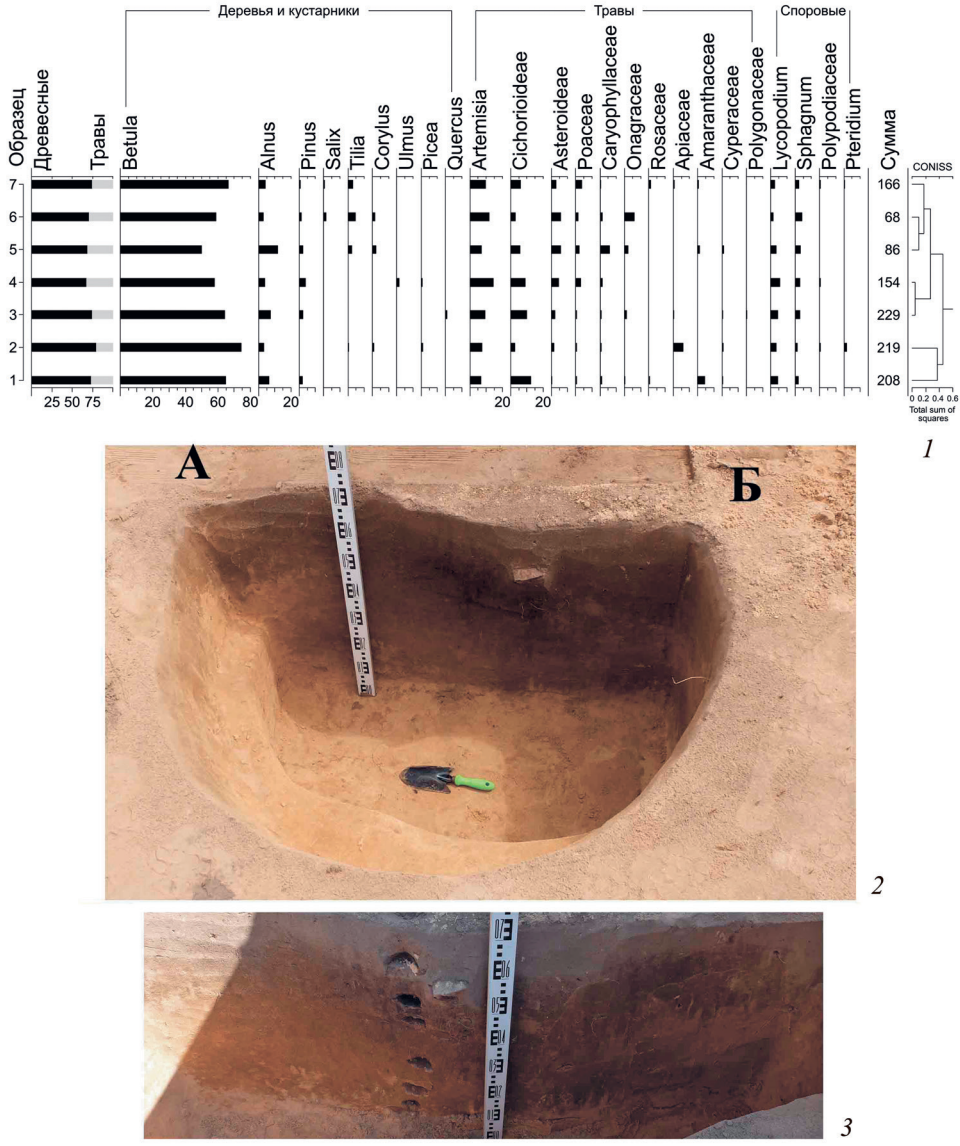

Рис. 6. Хиславичи, селище. Спорово-пыльцевая диаграмма заполнения ямы 2 (*1*) и место отбора образцов – профиль АБ заполнения ямы 2 (*2*), обозначенный на рис. 2; схема отбора образцов (*3*), вид с запада

маревые (*Amaranthaceae*), однако их суммарная доля не превышает 5–7 %. Среди споровых преобладают плауны (*Lycopodium*) и сфагновые мхи (*Sphagnum*). Однородность состава свидетельствует, что все спектры образованы в одно время, по-видимому, единомоментно при заполнении ямы. Они отражают преобразование растительного покрова во время жизни поселения – преобладание пыльцы березы свидетельствует о распространении вторичных лесов вокруг памятника, тогда как высокая доля пыльцы рудеральных растений указывает на большую площадь нарушенных местообитаний, таких как обочины дорог. Это свидетельствует о коренных изменениях растительности и ландшафта. Отсутствие пыльцы культурных злаков и других индикаторов земледелия указывает, что в непосредственной близости от изученной ямы не было пашен и сельскохозяйственных угодий.

Среди непыльцевых палиноморф во всех проанализированных образцах преобладают уголь и древесный детрит. В образцах 5, 6 и, в особенности, в образце 4 доминируют остатки древесины хвойных пород: многочисленные отдельные трахеиды и крупные фрагменты древесины с отчетливо различимыми окаймленными порами с торусами; сходные элементы отмечены и в остальных образцах, но существенно реже. Во всех образцах также обильны споры водоросли *Pseudoschizaea* и встречены единичные аскоспоры *Gelasinospora*. Совокупность этих признаков позволяет предположить, что слой 1 (темно-серый песок с углем) представляет собой остатки деревянной конструкции из хвойных пород (возможно, сожженной), а заполнение ямы произошло из окружающего почвенного материала во время бытования поселения.

Вопрос о времени заполнения ямы не может быть решен однозначно. В верхних 10 см был найден фрагмент круговой стенки горшка с линейным орнаментом, вероятно, древнерусского времени. Весь остальной материал – лепной первых веков н. э. С точки зрения палинологии образец 7, на уровне которого была найдена средневековая керамика, не отличается от остальных образцов. Таким образом, вероятны два решения. Первое – яма была выкопана и закопана в древнерусское время, прорезав слой древнего поселения. Тогда пыльца из ее заполнения позволяет реконструировать ландшафт XI–XIII вв. В это время в центре Хиславичей функционировало крупное поселение с укрепленным городищем в центре на удалении 1 км от селища Хиславичи 1. Второй вариант решения – яма древняя, соответствует времени жизни поселения киевской культуры. Фрагмент древнерусской керамики был случайно втоптан в ее верх. В этом случае спорово-пыльцевой спектр соответствует ситуации первых веков н. э. Палеоботанические материалы не позволяют сделать выбор из двух вариантов, так как реконструируемая природная обстановка не имеет ничего общего с фоновыми данными, мы имеем дело с тотально преобразованным антропогенным ландшафтом.

По всей совокупности признаков набор керамики селища Хиславичи находит наиболее вероятное соответствие в верхнеднепровском варианте киевской культуры – типа Абидня (*Поболь, Ильютик*, 2002). Некоторые фрагменты второй и третьей групп могут относиться и к более ранним зарубинецким и позднезарубинецким культурным группам, в том числе типа среднего слоя Тушемли. Однако если основываться на нашем предположении об однослойности памятника, то последний вариант атрибуции следует отвергнуть.

Судя по описанию, подобная керамика была найдена П. Н. Третьяковым на селище у д. Устье, которое находилось при впадении р. Хмары в Сож, в 17 км севернее Хиславичей: «…несколько десятков обломков толстостенной, грубой посуды в форме горшков… со слегка суженным и отогнутым наружу венчиком. Половина обломков венчиков украшена косыми насечками или защипами. Найдено два-три фрагмента сосудов с лощеной поверхностью… По общему облику она напоминает керамику верхнего слоя Тушемли, но является, по-видимому, несколько более ранней…» (*Третьяков, Шмидт*, 1963. С. 114–117). В раскопе были обнаружены следы наземной столбовой постройки, а также ямы-хранилища, похожие на ямы селища Хиславичи (Там же. С. 115). Материалы раскопок и следы памятника, по-видимому, не сохранились.

Неподалеку от селища Хиславичи известны два городища, на которых обнаружены в том числе и синхронные находки.

Городища в районе пос. Хиславичи впервые были нанесены на карту в 1822 г. Зорианом Доленга-Ходаковским. На листах атласа № 25 и 34 красными чернилами нанесены значки городищ в бассейне р. Сож, в том числе одно на правом притоке Сожа р. Городне, другое – в самом населенном пункте Хиславичи (Атлас… Л. 25, 34). Городище в Хиславичах лишь одно – высокий мыс на правом берегу Сожа (27 м над уровнем реки), современный микротопоним – Ржецкая горка (по имени проживавшего рядом в первой половине XX в. учителя Е. В. Ржецкого, 1885–1946). Городище в Хиславичах посетил в 1950 г. и дал краткую характеристику подъемных материалов Е. А. Шмидт (*Шмидт*, 1950. С. 33, 34; 1976. С. 255, 256), он указал на наличие на склонах находок древнерусского времени и раннего железного века (днепро-двинской культуры). В 2025 г. на верхней площадке городища Хиславичи был заложен шурф площадью 9 кв. м, показавший мощность культурного слоя до 2,9 м. На глубине 120–150 см от поверхности зафиксирован культурный слой эпохи Великого переселения народов, так называемый «черный слой», очень схожий по своим характеристикам со слоем аналогичного возраста на городище Демидовка. В этом слое, а также в перекопах были обнаружены фрагменты стенок лепных горшков со следами расчесов и подштриховки на поверхности, а также венчики грубые гладкостенные высокие, отогнутые наружу, либо вертикальные, имевшие вдавления по торцу. Эти находки, безусловно, относятся к первым векам н. э., возможно, типа Абидня.

Обследовано также расположенное западнее пос. Хиславичи городище у д. Городок на р. Городня. Это средневековый замок XIV–XV вв., хорошо сохранивший форму земляных укреплений (с использованием глиняных обмазок), но в обнажении западного склона были найдены фрагменты керамики позднего бронзового века и киевской культуры – фрагмент стенки с расчесами, предположительно относящийся к киевской культуре (рис. 3: *28*).

Выводы. Полученные данные позволяют выдвинуть гипотезу, что у первых славянских поселенцев на Смоленщине, которые мигрировали с юга на север вдоль долин крупных и средних рек, была уже достаточно сложная система поселений, имевших функциональные различия: 1) полевые станы при пашнях (типа селища Хиславичи 1); 2) стационарные «деревни» типа селища Силуяново 1 (*Кренке и др.*, в печати); 3) укрепленные городища (убежища и центры

власти?). Все эти предположения надо проверять раскопками и дополнять комплексными естественно-научными исследованиями. Необходимо также сравнение смоленских памятников с более южными, расположенными на территории Белоруссии и Украины.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас с пометками Ходаковского // Российская национальная библиотека. Фонд М. П. Погодина. Опись 2. № 2019.

Гричук В. П., 1940. Методика обработки осадочных пород, бедных органическими остатками, для целей пыльцевого анализа // Проблемы физической географии. Т. 8. С. 53–58.

Кренке Н. А., 2024. Изучение древнейших славянских памятников (киевская культура) на Смоленщине // Край Смоленский. № 11. С. 26–29.

Кренке Н. А., Лопатин Н. В., Мазуркевич А. Н., Раева В. А. Селище Силуяново и другие памятники киевской культуры на Смоленщине (по исследованиям 2019–2024 гг.) // Историко-культурные процессы в I тыс. н. э.: от Эльбы и Балкан до Кавказа и Урала: памяти Андрея Михайловича Обломского / Отв. ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН. (РСМ; вып. 23.) (В печати.)

Лопатин Н. В., 1986. Отчет о разведках в Смоленской области (Починковский, Хиславичский и Рославльский районы) в 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11297.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (РСМ; вып. 8.)

Модестов Ф. Э., 1986. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории Смоленской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11851.

Поболь Л. Д., Ильютик А. В., 2002. Поселение Абидня. Постройки 1, 2, 4, 5 // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э. Материалы / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 54–74. (РСМ. Вып. 4.)

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 194 с., 5 л. ил.

Шмидт Е. А., 1950. Отчет о разведке археологических памятников в бассейне р. Сож в пределах Смоленской области летом 1950 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 412.

Шмидт Е. А., 1976. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н. э.) / Смоленское. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Смоленск. 288 с.

Сведения об авторах

Лопатин Николай Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: n.lopatin@gmail.com;

Кренке Николай Александрович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: NKrenke@mail.ru;

Бегунова Виктория Викторовна, Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, 4, Смоленск, 214000, Россия; e-mail: v.begunova@yandex.ru;

Пименов Валерий Евгеньевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 12, Москва, 119991, Россия; e-mail: v-pimenov01@inbox.ru

N. V. Lopatin, N. A. Krenke, V. V. Begunova, V. E. Pimenov

THE KHISLAVICHI 1 UNFORTIFIED SETTLEMENT OF THE ROMAN PERIOD IN THE SMOLENSK SOZH RIVER VALLEY

Abstract. The paper reviews the new studies of the sites that are, presumably, ascribed to the Kiev culture in the south of the Smolensk region. The authors provide a detailed analysis of the ceramic assemblage from the Khislavichi 1 unfortified settlement where reconnaissance excavations were performed in 2024. The findings and household pits are described; the results of pollen analysis are also published. The paper also mentions contemporaneous materials discovered at the two adjacent fortified settlements.

Keywords: ceramics with comb decoration, Kiev culture, Abidnya type, ceramics of the Tushemlya middle layer type, unfortified settlement, hillfort.

REFERENCES

Atlas s pometkami Khodakovskogo [Atlas with notes by Khodakovsky]. *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka, Fond M. P. Pogodina [Russian National library. M. P. Pogodin Foundation]*. (In Russian, unpublished.)

Grichuk V. P., 1940. Metodika obrabotki osadochnykh porod, bednykh organicheskimi ostatkami, dlya tseley pyltsevogo analiza [Method of processing sedimentary rocks poor in organic residues for purposes of pollen analysis]. *Problemy fizicheskoy geografii [Issues of physical geography]*, 8, pp. 53–58.

Krenke N. A., 2024. Izuchenie drevneyshikh slavyanskikh pamyatnikov (kievskaya kultura) na Smolenshchine [Study of the earliest Slavic sites (Kiev culture) in Smolensk region]. *Kray Smolenskiy [Smolensk land]*, 11, pp. 26–29.

Krenke N. A., Lopatin N. V., Mazurkevich A. N., Raeva V. A., 2025 (in print). Selishche Siluyanovo i drugie pamyatniki kievskoy kultury na Smolenshchine (po issledovaniyam 2019–2024 gg.) [Siluyanovo settlement and other sites of Kiev culture in Smolensk region (based on 2019–2024 research)]. *Istoriko-kulturnye protsessy v I tys. n. e.: ot Elby i Balkan do Kavkaza i Urala [Historical and cultural processes in I mil. AD: from Elbe and Balkans to Caucasus and Urals]*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Moscow: IA RAN. (RSM, 23.)

Lopatin N. V., 1986. Otchet o razvedkakh v Smolenskoy oblasti (Pochinkovskiy, Khislavichskiy i Roslavlskiy rayony) v 1986 g. [Report on exploration in Smolensk region (Pochinkovsky, Khislavichi and Roslavl districts) in 1986]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Lopatin N. V., Furas'ev A. G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n. e. [Northern borders of Early Slavic world in III–V cc. AD]]. Moscow: IA RAN. 252 p. (RSM, 8.)

Modestov F. E., 1986. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh na territorii Smolenskoy oblasti v 1986 g. [Report on archaeological excavations and exploration in Smolensk region in 1986]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Pobol L. D., Il'yutik A. V., 2002. Poseleniye Abidnya. Postroyki 1, 2, 4, 5 [Settlement Abidnya. Dwellings 1, 2, 4, 5. *Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–V vekakh n. e.: materialy [Upper Dnieper and Dvina reaches in III–V centuries AD: materials]*. N. V. Lopatin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 54–74. (RSM, 4.)

Shmidt E. A., 1950. Otchet o razvedke arkheologicheskikh pamyatnikov v basseyne r. Sozh v predelakh Smolenskoy oblasti letom 1950 g. [Report on exploration of archaeological sites in Sozh river basin within Smolensk region in summer of 1950]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Shmidt E. A., 1976. Arkheologicheskie pamyatniki Smolenskoy oblasti (s drevneyshikh vremen do VIII v. n. e.) [Archaeological sites of Smolensk region (from ancient times to VIII c. AD)]. Smolensk. 288 p.

Tret'yakov P. N., Shmidt E. A., 1963. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient hillforts of Smolensk land]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 194 p., 5 pl. ill.

About the authors

Lopatin Nikolay V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow 117292, Russian Federation; e-mail: n.lopatin@gmail.com;

Krenke Nikolay A., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, bld. 4, Moscow, 119017; Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: NKrenke@mail.ru;

Begunova Viktoria V., Smolensk State Museum-resort, ul. Kommunisticheskaya, 4, Smolensk, 214000, Russian Federation; e-mail: v.begunova@yandex.ru;

Pimenov Valeriy E., Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1, bld. 12, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: v-pimenov01@inbox.ru

А. М. Воронцов[1], Е. В. Столяров

НАХОДКИ ГЛАЗЧАТЫХ ФИБУЛ И ИХ ДЕРИВАТОВ НА ТЕРРИТОРИИ БАССЕЙНОВ ВЕРХНЕГО ДНЕПРА, ДЕСНЫ И ВЕРХНЕЙ ОКИ

Резюме. В статье публикуется свод находок фибул группы III, по О. Альмгрену, и их дериватов, происходящих с территории восточных позднезарубинецких групп и их ближайших соседей. Они позволяют не только расширить круг хроноиндикаторов II – начала III в., происходящих из ареала памятников типа Почепа и среднего слоя городища Тушемля, но и наметить ряд важных векторов культурных связей и контактов, в том числе и с так называемыми позднескифскими группами.

Ключевые слова: глазчатые фибулы, фибулы типа Стрельня, памятники типа Почеп, памятники типа Ново-Клейменово, мощинская культура.

Одной из важных категорий находок, происходящих с позднезарубинецких групп памятников, являются глазчатые фибулы, относящиеся к основной и прусской сериям группы III, по О. Альмгрену (*Almgren*, 1923. S. 21–33). За последнее время накопились новые находки, связанные с памятниками, расположенными на территории бассейнов верхнего Днепра, Десны и верхней Оки. Они и публикуются в этой статье.

Единственной из них, происходящей из раскопок, является ножка фибулы прусской серии с поселения Курово 6 (рис. 1: *7*; 2: *5*). Ее рисунок и фотография были сделаны Андреем Михайловичем Обломским и присланы одному из авторов настоящей статьи как первая достоверная такая находка в материалах памятников типа Почепа. Ее важность состоит в том, что для этой

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.209-223

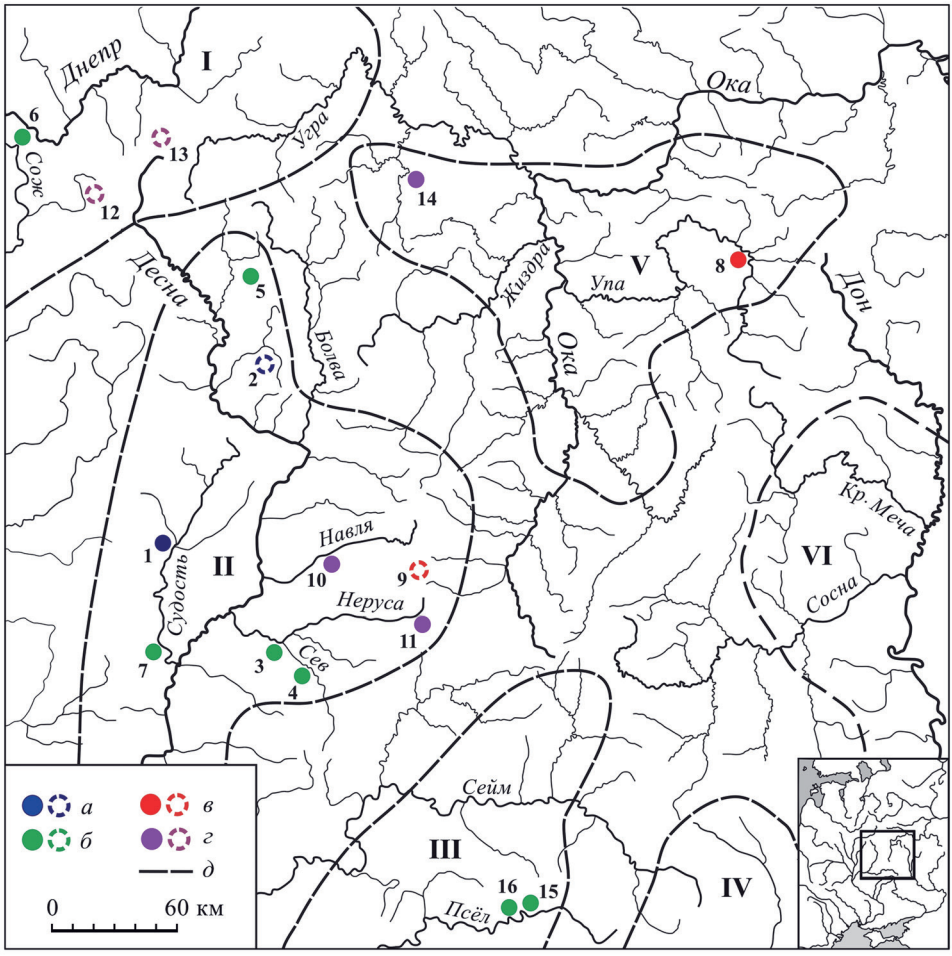

Рис. 1. Карта находок глазчатых фибул и их дериватов в бассейнах верхнего Днепра, Десны, Псла и верхней Оки

а – основная серия; *б* – прусская серия; *в* – дериваты прусской серии; *г* – фибулы типа Стрельня; *д* – ареалы культурных групп памятников

I – типа среднего слоя городища Тушемля; II – типа Почепа; III – типа Картамышево 2; IV – типа Терновки 2; V – типа Ново-Клейменово; VI – лесостепные памятники Верхнего Подонья сарматского времени

1 – Синьково; *2* – Брянская обл.; *3* – Суземка; *4* – Добрунь; *5* – Хатожа; *6* – Церковище; *7* – Курово 6; *8* – Гора Услань; *9* – Орловская обл.; *10* – Борщово; *11* – Дмитровск; *12* – Смоленская обл., юг; *13* – Смоленская обл.; *14* – Стрельня; *15* – Картамышево 2; *16* – Гочево

Рис. 2. Глазчатые фибулы с территории Подесенья и Верхнего Поднепровья

1 – Синьково; *2* – Брянская обл.; *3* – Добрунь; *4* – Хатожа; *5* – Курово 6; *6* – Церковище

1 – по: *Амброз*, 1966. Табл. 6: *20*; *2* – фотография О. А. Радюша; *3, 4* – рисунки М. А. Воронцова, фотографии Р. М. Солопова; *5* – рисунок и фотография А. М. Обломского; *6* – рисунок по: *Шмидт*, 1992. Табл. 45: *8*, фотография В. В. Бегуновой

позднезарубинецкой группы до сих пор практически не были известны хроноиндикаторы II в., что является серьезным пробелом в построениях, согласно которым потомки населения памятников типа Почепа играют главную роль в формировании на верхней Оке мощинской культуры в середине III в. (*Воронцов*, 2022. С. 146–147).

Многослойное поселение Курово 6 расположено на правом берегу р. Судость (правый приток р. Десна) в Погарском р-не Брянской обл. Содержит слой с материалами памятника типа Почепа, которые были кратко опубликованы, при этом находка фибулы упомянута не была (*Чубур и др.*, 2015). Она найдена в заполнении материковой ямы 192 (в полевых шифрах яма 32), перекрытой котлованом постройки роменской культуры (*Шинаков*, 2006. С. 104–105). Поскольку сохранилась только ножка, точное определение невозможно, хотя необходимо отметить, что для типологически поздних форм прусской серии – A59–A61[2] характерны прямоугольные ножки и, в целом, они сделаны более грубо (*Almgren*, 1923. S. 30–31. Taf. III: *59–61*).

Случайные находки из Подесенья, которые можно соотнести с ареалом памятников типа Почепа (рис. 1: *II*), существенно дополняют картину. Большая часть из них попала в фонды музея-заповедника «Куликово поле» и может быть опубликована. К типу A59, который характеризуют отсутствие «глазков» на головке, наличие «атрофированных» боковых выступов и рельефный валик при переходе от дужки к ножке, относится находка, сделанная у п. Суземка Суземского р-на Брянской обл. (рис. 1: *3*), известная только по фотографиям. К фибулам типа A60, сохраняющим еще небольшой валик при переходе от дужки к ножке, но утрачивающим выступы на головке, относится экземпляр, найденный на берегу р. Сев у д. Добрунь Суземского р-на (рис. 1: *4*; 2: *3*). Наиболее поздний тип A61, к которому отнесены застежки, не имеющие валика при переходе от дужки к ножке, представлен находкой у д. Хатожа Куйбышевского р-на Калужской обл. (рис. 1: *5*; 2: *4*).

Список крайних северо-восточных (за исключением Прибалтики) находок фибул прусской серии дополняет фибула типа A61 с городища Церковище под Смоленском (рис. 1: *6*; 2: *6*), которая соотносится с памятником типа среднего слоя городища Тушемля (рис. 1: *I*) (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 85).

Другие восточные позднезарубинецкие группы, такие как памятники типа Картамышево 2 и Терновки 2 (рис. 1: *III, IV*), дают очень мало находок глазчатых фибул. Фактически с момента их выделения известна только фибула типа A61 с поселения Картамышево 2 из раскопок Е. А. Горюнова (рис. 1: *15*; 3: *10*) (*Обломский, Терпиловский*, 1991. С. 73). Из недавних находок список дополняет только однотипная ей застежка из окрестностей с. Гочево (рис. 1: *16*; 3: *11*), хранящаяся в Курском музее археологии (Госкаталог № 12693980, КМА 295/13).

Подробный разбор современных данных по хронологии интересующих нас типов глазчатых фибул содержится в относительно недавней статье В. Г. Белевца (*Белевец*, 2014), что позволяет нам из-за ограниченного объема публикации

[2] Здесь и далее номера указаны по типологии О. Альмгрена в виде A59, A60 и т. д.

Рис. 3. Находки с местонахождения у д. Гора Услань (*1–3*), поселения Кожуховка 2 (*4–8*) и глазчатые фибулы (*9* – Вьюнище; *10* – Картамышево 2; *11* – Гочево)

1–8 – рисунки А. М. Воронцова, фотографии Р. М. Солопова; *9* – фотография по: *Ханенко, Ханенко*, 1901. Табл. IV: *129*; рисунок по: *Гороховский*, 1988. Табл. II: *56*; *10* – по: *Гороховский*, 1988. Табл. II: *57*; *11* – фотография О. А. Радюша

не делать самостоятельного обзора. Фибулы прусской серии преимущественно датируются в рамках фазы B2 (около 60/70–160/180 гг.), при этом для материалов западнобалтийского культурного круга и территории Литвы возможна и несколько более поздняя верхняя дата – фаза B2/C1 (около 150/160–190/200 гг.) (*Белевец*, 2014. С. 163). Для материалов восточной зоны пшеворской культуры в качестве наиболее позднего варианта выделяются фибулы типа A61 с характерным коленчатым изгибом спинки (*Andrzejowski*, 2001. S. 62) – как находки из Хатожи и Церковищ (рис. 2: *4, 6*).

Обзор находок из ареала памятников типа Почепа был бы неполным без упоминания более ранних глазчатых фибул основной серии. Неоднократно публиковалась находка из раскопок А. К. Амброза на селище Синьково (рис. 1: *1*; 2: *1*) (*Амброз*, 1966. С. 35–36. Табл. 6: *20*). Она относится к наиболее позднему в серии типу A53, характеризующемуся отсутствием штампованных «глазков» на головке, низким односторонним валиком при переходе от дужки к ножке (вместо округлой бусины у более ранних вариантов) и относительно узким пластинчатым крючком для фиксации тетивы (*Almgren*, 1923. S. 23–24. Taf. III: *53*). К этому же типу относится еще одна случайная находка, происходящая с территории Брянской обл. (рис. 1: *2*; 2: *2*).

Фибулы типа A53 в материалах пшеворской и богачевской культур относятся к финалу фазы B1 (около 0/10–60/70 гг.), для самбийско-натангийской культуры вероятно их более длительное существование, вплоть до начала фазы B2 (*Белевец*, 2014. С. 162). Таким образом, интересующие нас находки относятся к периоду возникновения памятников типа Почепа в середине – третьей четверти I в. (*Обломский, Терпиловский*, 1991. С. 57–58).

Приведенные данные говорят о том, что по крайней мере в ареал памятников типа Почепа глазчатые фибулы поступали достаточно регулярно начиная с середины – третьей четверти I в. и практически до конца II в., поскольку представлены большинством возможных вариантов, начиная с застежек типа A53 основной серии и до наиболее поздней вариации типа A61 прусской серии. В то же время назвать эти находки массовыми нельзя.

Вопрос об источниках и путях их поступления в интересующий нас регион не может быть решен в настоящее время однозначно. Наиболее близкие территории, где глазчатые фибулы распространены широко, это восточная часть ареала пшеворской культуры, а также практически вся Прибалтика. Для позднезарубинецких групп достаточно хорошо фиксируется культурный импульс со стороны пшеворских памятников. А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский среди материалов памятников типа Картамышево-2 – Терновки-2 выделили специфическую группу керамики – лощеные миски с зигзаговидным профилем, украшенные композициями из меандра, усложненной свастики и фризов зигзаговидных линий, которые находят аналогии среди пшеворских материалов и, вероятно, свидетельствуют о присутствии здесь группы населения – носителей этой культурной традиции (Там же. С. 88–93). Также обсуждались находки на территории Днепровского лесостепного левобережья элементов ременной гарнитуры центральноевропейского происхождения, вероятно, связанные с тем же пшеворским импульсом (*Малашев, Обломский*, 2002).

Для соседнего с ареалом памятников типа Почепа региона – территории Белоруссии, состав находок с которой близок нашим, наиболее вероятным источником их поступления признаются контакты с носителями пшеворской культуры, при этом не исключается и другой вектор – со стороны культур западнобалтийского круга и культурных групп, сформировавшихся на территории Литвы (*Белевец*, 2014. С. 163–166). Такую формулировку можно принять и для территории Подесенья.

Важным дополнением к вышеизложенному являются находки из местонахождения у д. Гора Услань на окраине Тулы (рис. 1: *8*; 3: *1–3*). На берегу оврага, левого притока р. Упа, недалеко друг от друга были найдены две случайные находки – глазчатая фибула и подковообразная застежка. При обследовании было установлено, что местонахождение расположено на довольно крутом склоне оврага, причем следов культурного слоя ни в этом месте, ни выше выявлено не было. Рядом с грабительскими ямами была обнаружена серебряная римская монета.

Найденная глазчатая фибула (рис. 3: *1*) формально относится к типу A60, но в то же время является «собранием» аномальных черт: орнаментация выполнена не с помощью штампов, а гравированная, форма ножки не прямоугольная, а близкая к «грушевидной»; присутствуют «нетипичные» элементы орнамента – орнаментальные глазки на дужке и вертикальная полоса на ножке. Очень близкая по форме и орнаментации застежка известна по фотографиям и происходит с территории Орловской обл., западная часть которой относится к ареалу памятников типа Почепа (рис. 1: *9*). Вероятнее всего, обе находки – дериваты, появившиеся на территории этой позднезарубинецкой группы.

Насколько нам известно, Я. Анджеевский впервые обратил внимание на то, что часть связанных с материалами позднезарубинецких групп глазчатых фибул прусской серии довольно значительно отличается от типичных форм и, вероятно, является локальными единичными подражаниями (*Andrzejowski*, 1999. S. 33). Наиболее ярким примером может служить фибула, найденная у с. Вьюнище Киевской губернии (рис. 3: *9*)[3]. Фотография ее была впервые опубликована в 1901 г., и в дальнейшем появились сделанные с нее прорисовки (*Ханенко, Ханенко*, 1901. Табл. IV: *129*; *Амброз*, 1966. Табл. 6: *21*; *Гороховский*, 1988. Табл. II: *56*). Орнаментация этой находки также гравированная и нетипична для фибул типа A60, дериватом которых она является. Кроме того, на приведенном рисунке помещено схематическое уменьшенное изображение ее вида сбоку из диссертации Е. Л. Гороховского (рис. 3: *9а*), которое отражает сделанное им при знакомстве с оригиналом открытие – эта застежка абсолютно непрофилирована.

Относительно недавно была опубликована еще одна серия дериватов глазчатых фибул, возникшая в позднезарубинецкой среде, – фибулы типа Хусынне (рис. 4: *1–3*) (*Niezabitowska-Wiśniewska*, 2017). Они выделены исключительно по случайным находкам, известны в Люблинской области и (гораздо больше) на территории Украины. Датируются эти изделия, по типологическим

[3] Искренне благодарим за консультации и возможность использовать неопубликованные рисунки из диссертации Евгения Леонардовича Гороховского.

Рис. 4. Фибулы типа Хусынне (*1–3*), фибулы типа Стрельня (*4–6*) и синхронные им окские с кнопкой ранней серии (*7, 8*)

1, 2 – территория Украины; *3* – Хусынне; *4* – Стрельня; *5* – Смоленская обл.; *6, 7* – Смоленская область, юг; *8* – Ускосы

1–3 – по: *Niezabitowska-Wiśniewska*, 2017. Rys. 4: *4, 11*; 2: *1*; *4–8* – рисунки А. М. Воронцова, фотографии Р. М. Солопова

соображениям, финалом фазы B2, не исключая несколько более позднего времени – фазы B2/C1–C1a. Отличительной особенностью их является наличие двух крючков для фиксации тетивы и разнообразный гравированный орнамент.

Неподалеку от вышеописанной глазчатой фибулы на местонахождении у д. Гора Услань была найдена бронзовая подковообразная застежка (рис. 3: *2*). Она имеет относительно тонкую дужку округлого сечения, концевые круглые щитки с гравированным орнаментом и центральный фигурный выступ. Такие застежки являются одними из самых ранних изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей, относятся к типу I, по А. Яблонской, или к серии I, типу 2, по более дробной типологии Е. Л. Гороховского, и датируются в рамках второй половины II – начала III в. (*Jabłońska*, 1992. S. 123–125. Tabl. II; *Гороховський*, 1982. С. 23, 28–30. Рис. 6: *2*). Необходимо отметить, что сочетание находок глазчатых фибул прусской серии с ранними подковообразными застежками круга восточноевропейских выемчатых эмалей отмечено и на белорусских памятниках Новоселки и Старые Чвирки (*Белевец*, 2014. С. 169).

При обследовании местонахождения был обнаружен сильно потертый серебряный римский денарий (рис. 3: *3*)[4]. Такие находки практически всегда связывают в Восточной Европе с черняховским контекстом. Вопрос, возможно ли более раннее, около рубежа II–III вв., поступление таких монет на нашу территорию, пока остается открытым.

Территория бассейна верхней Оки, где расположено местонахождение, во второй половине II – первой половине III в. была занята памятниками типа Ново-Клейменово (рис. 1: *V*), генетически связанными с лесостепными памятниками «позднескифского» населения Верхнего Подонья (рис. 1: *VI*). Ближайший памятник этого типа – Кожуховка 2 – расположен в 1 км вверх по оврагу от местонахождения. С него происходит представительная серия сильно профилированных фибул причерноморского типа (рис. 3: *4–7*), датирующихся в рамках II – середины III в. (*Воронцов, Столяров*, 2020. С. 68–70), и зеркало с боковой петлей (рис. 3: *8*). Таким образом, возможно, мы видим следы проникновения на верхнюю Оку каких-то групп позднезарубинецкого населения в поздний период существования памятников типа Ново-Клейменово ощутимо раньше середины III в., когда они исчезают и сменяются поселениями мощинской культуры.

Дериваты глазчатых фибул на интересующей нас территории не ограничиваются вышеописанным типом. За последнее время появилась небольшая серия случайных находок (5 экз.), которую мы выделяем в тип Стрельня. Три из них попали в фонды музея-заповедника «Куликово поле» и могут быть опубликованы (рис. 4: *4–6*). Это двучленные фибулы с верхней тетивой, имеющие массивную стойку с двумя отверстиями – для крепления оси пружины и тетивы. Первое из них всегда заметно больше, чем второе. Приемник короткий, в большинстве случаев расположен посередине ножки. Часто имеется рельефный 4–5-частный валик при переходе от дужки к ножке. Очевидно, что в деталях, а именно в первую очередь формой стойки и приемника, а также наличием рельефного

[4] RIC III Antoninus Pius 370, Антонин Пий, денарий, серебро. Рим, 141 г.

многочастного валика они родственны ранней серии окских фибул с кнопкой на ножке, возникающих в позднезарубинецкой среде (в том числе и на памятниках типа Почепа) как дериват западных сильно профилированных фибул во второй половине II в. (рис. 4: *7, 8*) (*Воронцов*, 2018. С. 97–101).

Наиболее ранний типологически экземпляр, к сожалению, известный только по фотографиям, происходит из района с. Борщово Навлинского р-на Брянской обл. (рис. 1: *10*). Он наиболее близок вышеописанным дериватам фибул прусской серии, характеризуется плоским сечением корпуса и, единственный из всей серии, имеет орнаментацию, причем в деталях совпадающую с фибулой из местонахождения у д. Гора Услань. Только у него короткий приемник смещен к концу ножки.

Другой экземпляр, также не попавший в музейные собрания, происходит из окрестностей г. Дмитровск Орловской обл. (рис. 1: *11*). У него единственного есть боковые выступы на головке, что отсылает к более ранним фибулам прусской серии – типам А57–А59. Он лишен орнаментации, имеет 8-образную стойку, 4-частный рельефный валик, сглаженное треугольное сечение корпуса и короткий приемник посередине ножки.

Застежка, найденная в Смоленской обл., сохранилась неполностью – обломана ножка (рис. 1: *13*; 4: *5*). На оставшейся части ножки следов приемника нет, корпус также характеризуется треугольным сечением треугольное сечение, стойка имеет характерную увеличенную внешнюю часть как на фибуле с кнопкой, найденной в районе д. Ускосы Хиславичского р-на Смоленской обл. (рис. 4: *8*).

Фибула из района д. Стрельня Мосальского р-на Калужской обл. (бассейн р. Угра) представляет собой наиболее грубую отливку (рис. 1: *14*; 4: *4*). Валик на ней фактически отсутствует, сечение корпуса треугольное.

Последний известный экземпляр найден в южной части Смоленской обл., вероятно, в одной локации с окской фибулой с кнопкой на ножке (рис. 1: *12*; 4: *6, 7*). Его отличает сегментовидное сечение корпуса, характерное для многих фибул с кнопкой ранней серии.

Таким образом, известные на сегодняшний день фибулы типа Стрельня достаточно разнообразны по форме, несмотря на свою немногочисленность. Только две из них однозначно связаны с ареалом памятников типа Почепа (находки из Борщово и Дмитровска), две другие связаны с верхним Поднепровьем и, следовательно, с ареалом памятников типа среднего слоя Тушемли (смоленские находки). Последняя находка (из Стрельни) связана с ареалом памятников типа Ново-Клейменово (II – середина III в.), сменяющихся памятниками мощинской культуры. Поскольку фибулы типа Стрельня соответствуют в деталях окским с кнопкой на ножке ранней серии, которые встречены в составе кладов круга восточноевропейских выемчатых эмалей (Брянский, Мощинский, Паниковец, Лебедянский), их датировка должна быть схожей – вторая половина II – середина – третья четверть III в. Таким образом, экземпляр из Стрельни может быть соотнесен и с ранним горизонтом мощинской культуры, тем более что он явно типологически не ранний.

Опубликованные в данной статье находки позволяют не только серьезно пополнить количество хроноиндикаторов, происходящих из северо-восточных позднезарубинецких групп, но и наметить ряд важных векторов культурных связей и контактов.

В завершение мы хотим высказать большую благодарность за помощь в сборе материалов для статьи Виктории Викторовне Бегуновой, Виталию Андреевичу Дудареву, Юрию Юрьевичу Петрову, Олегу Александровичу Радюшу и Николаю Геннадьевичу Рябчевскому.

Каталог находок (№ соответствует рис. 1)

ОСНОВНАЯ СЕРИЯ, Тип А53

1. Синьково, селище, Брянская обл., Жирятинский р-н (рис. 1: *1*; 2: *1*)
Культ. слой, раскопки А. К. Амброза, 1958 г. Длина 7,2 см.
Хран.: БГКМ. Публ.: *Амброз*, 1966. С. 35–36. Табл. 6: *20*; *Кропотов*, 2010. С. 331. Рис. 96: *4*.

2. Брянская обл. (рис. 1: *2*; 2: *2*)
Случ. нах. Длина 6,7 см.
Хран.: ГМЗ КП № 2005/60. Не публ.

ПРУССКАЯ СЕРИЯ

Тип А59

3. Суземка, Брянская обл., Суземский р-н (рис. 1: *3*)
Случ. нах. к востоку от пос., левый берег р. Горемля. Длина 7,4 см, 2 пары «глазков» на ножке, продольная полоса отпечатков прямоугольного штампа в середине дужки, пружина не сохр.
Хран.: неизв. Не публ.

Тип А60

4. Добрунь, Брянская обл., Суземский р-н (рис. 1: *4*; 2: *3*)
Случ. нах. на берегу р. Сев. Длина 7,3 см.
Хран.: ГМЗ КП. Не публ.

Тип А61

5. Хатожа, Калужская обл., Куйбышевский р-н (рис. 1: *5*; 2: *4*)
Случ. нах. на берегу р. Хатожка. Длина 7,4 см.
Хран.: ГМЗ КП. Не публ.

6. Церковище, гор., Смоленская обл., Смоленский М/О (рис. 1: *6*; 2: *6*)
Раскопки В. В. Седова, 1958 г. Длина 7,1 см.
Хран.: СГМЗ № 13506/15. Публ.: *Седов*, 1964. С. 73. Рис. 26: *5*; *Шмидт*, 1992. Табл. 45: *8*.

Без точн. типа.

7. Курово 6, сел. Брянская обл., Погарский р-н (рис. 1: *7*; 2: *5*)
Яма 192, раскопы 9 и 10, работы Е. А. Шинакова 2006 г. Фрагм., длина 3,3 см.
Хран.: БГКМ. Не публ.

ДЕРИВАТЫ ТИПА А60

8. Гора Услань, местонахождение, М/О г. Тула (рис. 1: *8*; 3: *1*)
Случ. нах. Длина 7,0 см.
Хран.: ГМЗ КП. Не публ.

9. Орловская обл. (рис. 1: *9*)

Случ. нах. Длина 7,1 см, пружина не сохр. Валик и орнамент, как на фибуле № 8, отсутствует вертикальная полоса на ножке.

Хран.: неизв. Не публ.

ТИП СТРЕЛЬНЯ

10. Борщово, Брянская обл., Навлинский р-н (рис. 1: *10*)

Случ. нах. Длина 6,5 см, пружинящий механизм не сохр. Орнамент, как на фибуле № 8, отсутствует линия орнамента по краю, валик из 2 частей, украшен косыми насечками. Приемник короткий, сдвинут к концу ножки.

Хран.: неизв. Не публ.

11. Дмитровск, Орловская обл., Дмитровский р-н (рис. 1: *11*)

Случ. нах. Длина 6,7 см, пружинящий механизм не сохр. Орнамента нет, на головке боковые выступы, продольное ребро по всему корпусу, валик из 4 частей, стойка 8-видная. Приемник короткий, посередине ножки.

Хран.: неизв. Не публ.

12. Смоленская обл., южная часть (рис. 1: *12*; 4: *6*)

Случ. нах. Длина 5,5 см.

Хран.: ГМЗ КП № 2005/85. Не публ.

13. Смоленская обл. (рис. 1: *13*; 4: *5*)

Случ. нах. Длина 6,0 см (не полн.).

Хран.: ГМЗ КП № 1896/311. Не публ.

14. Стрельня, Калужская обл., Мосальский р-н (рис. 1: *14*; 4: *4*)

Случ. нах. Длина 6,8 см.

Хран.: ГМЗ КП № 2005/95. Не публ.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: Наука. 114 с. (САИ; вып. Д1-30.)

Белевец В. Г., 2014. О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь // SP. № 4. С. 159–177.

Воронцов А. М., 2018. Глава 6. Окская фибула из Брянского клада и ее культурно-хронологический контекст // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 95–104. (РСМ; вып. 18.)

Воронцов А. М., 2022. Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II – VII век) // Археология Окско-Донского водораздела: 2 кн. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья / Ред. А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ КП. С. 142–184.

Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2020. Восточноевропейские сильно профилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела // История вещей – история и вещи: к 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 67–75. (РСМ; вып. 20.)

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: дис. … канд. ист. наук // Научный архив ИА НАНУ. Ф. 12. Д. 685.

Гороховський Е. Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38. С. 16–35.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (РСМ; вып. 8.)

Малашев В. Ю., Обломский А. М., 2002. Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья // РА. № 4. С. 113–124.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: ИА АН СССР. 175 с.

Седов В. В., 1964. Городище Церковище // КСИА. Вып. 102. С. 70–74.

Ханенко Б. И., Ханенко В. И., 1901. Древности Приднепровья. Вып. IV. Киев: Фототип. и тип. С. В. Кульженко. 30 с., 20 л. ил.

Чубур А. А., Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А., Титова О. В., 2015. Материал рубежа нашей эры с многослойного поселения Курово 6 на нижней Судости // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 1. С. 151–154.

Шинаков Е. А. Отчет об охранных раскопках поселений Курово-6 и Курово-7 в Погарском районе Брянской области в 2006 году. Т. 1. Кн. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 33553.

Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей. 208 с.

Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch. 254 S.

Andrzejowski J., 1999. Hryniewicze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin / Red. J. Andrzejowski. Warszawa: Fundacja Przyjaciół Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 17–60.

Andrzejowski J., 2001. Wschodnia strefa kultury przeworskiej – próba definicji // Wiadomości archeologiczne. T. LIV. S. 59–87.

Jabłońska A., 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-wschodniej w okresie wpływów rzymskich // Acta Baltico-Slavica. T. 21. S. 115–165.

Niezabitowska-Wiśniewska B., 2017. Zapinki typu Husynne z Lubelszczyzny // Orbis barbarorum. Studia ad archaeologiam Germanorum et Baltorum temporibus Imperii Romani pertinentia Adalberto Nowakowski dedicate / Red.: J. Andrzejowski, C. von Carnap-Bornheim, A. Cieśliński, B. Kontny. Warszawa; Schleswig. S. 475–493. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina; VI.)

Сведения об авторах

Воронцов Алексей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amvorontsov@gmail.com;

Столяров Евгений Васильевич, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», просп. Ленина, 47, Тула, 300041, Россия; e-mail: stolarov_e@mail.ru

A. M. Vorontsov, E. V. Stolyarov

FINDS OF EYE FIBULAE AND THEIR DERIVATES IN THE UPPER DNIEPER, THE DESNA AND THE UPPER OKA REGIONS

Abstract. The paper publishes a corpus of the fibulae and their derivatives of the Almgren III type found in the region inhabited by the eastern Zarubintsy groups and their closest neighbors. These fibulae enable the scholars not only to expand the list of the chrono-indicators of the II – early III centuries that come from the sites of the Pochep type and the middle layer of the Tushemlya hillfort but also get a better

understanding of cultural links and contacts, including contacts with the so called ‘Late Scythian’ groups.

Keywords: eye fibulae, fibulae of the Strelna type, sites of the Pochep type, sites of the Novo-Kleymenovo type, Moshchiny culture.

REFERENCES

Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Fibulae of the South of European part of the USSR (II c. BC – IV c. AD)]. Moscow: Nauka. 114 p. (SAI.)

Belevets V. G., 2014. O nakhodkakh glazchatykh fibul III gruppy O. Almgrena na territorii Respubliki Belarus’ [On finds of eye fibulae of group of O. Almgren in Republic of Belarus]. *SP*, 4, pp. 159–177.

Chubur A. A., Gur’yanov V. N., Shinakov E. A., Titova O. V., 2015. Material rubezha nashey ery s mnogosloynogo poseleniya Kurovo 6 na nizhney Sudosti [Material from turn of our era from multilayer settlement Kurovo 6 on Lower Sudost]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy [International journal of applied and fundamental research]*, 1, pp. 151–154.

Gorokhovs’kiy E. L., 1982b. Pidkovopodibni fibuli Seredn’ogo Podniprov’ya z viïmchastoyu emallyu [Horse-shoe shape fibulae from Middle Dnieper region with champlevé enamel]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 38, pp. 16–35.

Gorokhovskiy E. L., 1988. Khronologiya yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tysyacheletiya n. e. lesostepnogo Podneprov’ya i yuzhnogo Pobuzh’ya: avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk [Chronology of jewelry of first half of I millennium AD from forest-steppe Dnieper and South Bug regions: PhD Dissertation]. *Scientific Archive of IA NANU*. Kiev. 461 p. (In Russian, unpublished.)

Khanenko B. I., Khanenko V. I., 1901. Drevnosti Pridneprov’ya [Antiquities of Dnieper region], IV. Kiev: Fototipiya i tipografiya S. V. Kul’zhenko. 30 p., 20 pl. ill.

Kropotov V. V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of Sarmatian period]. Kiev: ADEF-Ukraina. 384 p.

Lopatin N. V., Furas’ev A. G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n. e. [Northern frontiers of Early Slavic world in III–V cc. AD]. Moscow: IA RAN. 252 p. (RSM, 8.)

Malashev V. Yu., Oblomskiy A. M., 2002. Poyasnaya tsentralno-evropeyskaya garnitura rimskogo vremeni na territorii Dneprovskogo Levoberezh’ya [Central European bekt sets of Roman period in territory of Dnieper Left bank]. *RA*, 4, pp. 113–124.

Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 1991. Srednee Podneprov’e i Dneprovskoe Levoberezh’e v pervye veka nashey ery [Middle Dnieper region and Dnieper Left bank in first centuries of our era]. Moscow: IA AN SSSR. 175 p.

Sedov V. V., 1964. Gorodishche Tserkovishche [Tserkovishche hillfort]. *KSIA*, 102, pp. 70–74.

Shinakov E. A. Otchet ob okhrannykh raskopkakh poseleniy Kurovo-6 i Kurovo-7 v Pogarskom rayone Bryanskoy oblasti v 2006 godu. T. 1. Kn. 1 [Report on protection excavations of Kurovo-6 and Kurovo-7 settlements in Pogarsky district, Bryansk region in 2006. T. 1. Book 1]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Shmidt E. A., 1992. Plemena verkhov’ev Dnepra do obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Upper Dnieper tribes before formation of Ancient Russian state], I. Dnepro-dvinskie plemena (VIII v. do n. e. – III v. n. e.) [Dnieper-Dvina tribes (VIII c. BC – III c. AD)]. Moscow: Prometey. 208 p.

Vorontsov A. M., 2018. Glava 6. Okskaya fibula iz Bryanskogo klada i ee kulturno-khronologicheskiy kontekst [Chapter 6. The Oka fibula from the Bryansk hoard and its cultural and chronological context]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emalyu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of jewelry with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 95–104. (RSM, 18.)

Vorontsov A. M., 2022. Pozdnerimskoe vremya i epokha Velikogo pereseleniya narodov (konets II – VII vek) [Late Roman and Migration periods (late II – VII century)]. *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela [Archaeology of Oka-Don watershed], 1. S drevneyshikh vremen do Srednevekov’ya [From ancient times to Middle Ages]*. A. M. Vorontsov, ed. Tula: GMZ KP, pp. 142–184.

Vorontsov A. M., Stolyarov E. V., 2020. Vostochnoevropeyskie silno profilirovannye fibuly s territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [East European highly profiled fibulae from territory of Oka-Don watershed]. *Istoriya veshchey – istoriya i veshchi [History of artifacts – history and artifacts]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 67–75. (RSM, 20.)

About the authors

Vorontsov Aleksey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amvorontsov@gmail.com;

Stolyarov Evgeniy V., State museum-reserve «Kulikovo pole», prosp. Lenina, 47, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: stolarov_e@mail.ru

И. Ф. Образцов

МИСКИ ЗАРУБИНЕЦКОГО МОГИЛЬНИКА ВОРОНИНО В ПРИПЯТСКОМ ПОЛЕСЬЕ

Резюме. Настоящая работа посвящена мискам могильника зарубинецкой культуры Воронино в Припятском Полесье из коллекции Государственного исторического музея и музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Публикуются сделанные с оригиналов точные рисунки (рис. 1; 2), а также предлагается основанная на методе сериации классификация мисок некрополя (рис. 3: *А*). Полученная хронологическая последовательность из четырех групп мисок проверяется посредством корреляции выделенных групп с латенскими фибулами (рис. 3: *Б*) и горизонтальной стратиграфией могильника Воронино (рис. 4).

Ключевые слова: миски, зарубинецкая культура, могильник Воронино, типология керамики.

Миски – яркая черта археологического комплекса зарубинецкой культуры (конец III в. до н. э. – середина I в. н. э.). Распространенность и разнообразие мисок на памятниках этой общности даже позволили М. Б. Щукину характеризовать ее как «мисочную», противопоставляя «горшечным» культурам Восточной Европы – соседям и предшественникам зарубинецких племен (*Щукин*, 1997. С. 114).

Настоящая статья предлагает вариант классификации мисок могильника Воронино Полесского варианта зарубинецкой культуры (Столинский р-н Брестской обл. Республики Беларусь). Могильник раскапывался в 1952–1954 гг. экспедицией Ю. В. Кухаренко, материалы раскопок были опубликованы в 1961 г. вместе с другими памятниками железного века Полесья (*Кухаренко*, 1961. С. 16. Табл. 38–42) и с тех пор не переопубликовывались, хотя необходимость этого уже отмечалась в специализированной литературе (*Гусаков*, 1993. С. 47). Материалы некрополя хранятся в Государственном историческом музее (Москва) и музее Гомельского дворцово-паркового ансамбля. В настоящей работе

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.224-239

анализируются 33 миски могильника, т. е. все миски памятника, имеющие полный профиль (рис. 1; 2; *Кухаренко*, 1961. С. 55–61. Табл. 38–42)[1].

Обзор подходов к классификации зарубинецкой керамики

Ю. В. Кухаренко разделил зарубинецкие миски на три группы (округлобокие, ребристые, на кольцевом поддоне), в первых двух выделив по пять вариантов (*Кухаренко*, 1964. С. 27–28; Табл. VI). К. В. Каспарова также предложила свою типологию, основанную на материалах ее исследований могильников Велемичи-II и Отвержичи. Было выделено восемь типов (*Каспарова*, 1972. С. 78–82; 1969. С. 144–149; 1976. С. 42–44). Е. В. Максимов разделил зарубинецкие миски на три типа (миски с округлым плечом и загнутым внутрь венчиком, с округлым плечом и выгнутым наружу венчиком, ребристые-«остроплечие»), внутри которых были выделены варианты (*Максимов*, 1982. С. 16–19). Все эти типологии были составлены интуитивно и без применения каких-либо формальных методов: сосуды группировались по ряду сходств, однако никаких аргументов в пользу того, что именно данные сходства являются типологически/хронологически значимыми, исследователями приведено не было[2]. Показательно, что и Ю. В. Кухаренко, и К. В. Каспарова пришли к выводу, что большая часть выделенных ими типов мисок не являются надежными хронологическими индикаторами (*Кухаренко*, 1964. Рис. 21. Табл. VI; *Каспарова*, 1972. С. 99–100).

Разработанная на материалах могильника Чаплин типология Л. Д. Поболя также была составлена интуитивно, однако выгодно отличается от вышеперечисленных построением конкретного эволюционно-типологического ряда, призванного отразить эволюцию форм от ранних к поздним (I – чаши без шейки, II – округлобокие, III – близкие к ребристым, IV – ребристые). Также Л. Д. Поболем была предложена аргументация хронологического положения выделенных отделов мисок на основании совстречаемости с формами латенских фибул и стеклянными бусами (*Поболь*, 1971. С. 96–100). Стоит упомянуть, что выводы исследователя в общих чертах подтвердились в рамках исследования А. М. Обломского, имеющего более строгие формальные основания (см. ниже).

В. Е. Ерёменко создал формализованную типологию мисок могильника Воронино, основанную на кластеризации данных промеров высот и диаметров сосудов (*Абезгауз и др*., 1992. С. 41–46. Рис. 1–3; *Ерёменко*, 1997. С. 123–139)[3].

[1] Публикуемые в настоящей работе точные рисунки сделаны автором с оригиналов с использованием копировального профиля. В случаях, когда сосуд асимметричен и/или профилировка сосуда отличается в разных местах, сечение и боковая проекция это демонстрируют.

[2] В статье 1976 г. К. В. Каспарова непосредственно указывала на это: «…известно, что при классификации керамики появляется необходимость выбрать среди множества отличительных особенностей сосуда те основные признаки, которые свидетельствуют о традиционности в его изготовлении. Однако не всегда возможно различить случайные и намеренные отклонения мастера… Работая над типологией керамики упомянутых могильников (Велемичи-II и Отвержичи), мы с этим и столкнулись» (*Каспарова*, 1976. С. 42–44).

[3] Аналогичная кластерная типология была применена В. Е. Ерёменко также при исследовании керамического комплекса Чаплинского могильника верхнеднепровского

На материале в 31 миску было выделено 9 кластеров. В среднем в кластер входит 3,4 миски. Очевидно, что в таком случае миски каждого из кластеров не могут являться вполне показательными хроноиндикаторами, так как встречаются с недостаточной частотой: классификация оказалась излишне дробной. Невольно возникают вопросы и при обращении к составу кластеров: к примеру, в кластер 1 вошла округлобокая миска с выпуклым туловом на кольцевом поддоне из погр. 15 (рис. 1: *10*) и ребристая плоскодонная миска с вогнутым туловом из погр. 14 (рис. 1: *9*). Если абстрагироваться от отвлеченных соотношений высот и диаметров, то становится очевидным, что почти ничего общего между ними нет. В итоге получившаяся относительная хронология могильника оказалась довольно сомнительной: согласно В. Е. Ерёменко, расчлененные фибулы LT C1 появляются в могильнике Воронино позже, чем гладкие среднелатенские фибулы LT C2 (*Ерёменко*, 1997. С. 139)[4]. Важно отметить, что объясняться это может не только особенностями избранного В. Е. Ерёменко метода, но и тем обстоятельством, что в основу кластеризации исследователь положил промеры не реальных сосудов, а их рисунков, опубликованных в монографии Ю. В. Кухаренко 1961 г. (*Кухаренко*, 1961. Табл. 38–42). Как показал опыт работы с материалами могильника Воронино в Государственном историческом музее и музее Гомельского дворцово-паркового ансамбля, реальные сосуды зачастую имеют с приведенными в публикации Ю. В. Кухаренко рисунками мало общего[5].

варианта зарубинецкой культуры: *Ерёменко, Журавлёв*, 1992. С. 57. Табл. 1. Рис. 1; *Ерёменко*, 1997. С. 146. Рис. 48–50.

[4] Как заметил сам В. Е. Ерёменко, «такая последовательность, по крайней мере, настораживает» (*Ерёменко*, 1997. С. 139).

[5] Ребристая миска из погр. 7 (рис. 1: *5*) изображена у Ю. В. Кухаренко как округлобокая (*Кухаренко*, 1961. Табл. 38: *2*), ребристая миска из погр. 4 (рис. 1: *3*) – как сосуд со сглаженным ребром (Там же. Табл. 38: *3*); округлобокая миска с вогнутым туловом из погр. 3 (рис. 1: *2*) – со сглаженным ребром и прямым туловом (Там же. Табл. 38: *22*), миска с вогнутым туловом из погр. 46 (рис. 2: *10*) – тоже как с прямым туловом (Там же. Табл. 42: *1*). Миски со сглаженным ребром из погр. 11, 22 и 33, а также груболепная слабопрофилированная миска из погр. 44 (рис. 1: *7, 17*; 2: *2, 9*) – как округлобокие (Там же. Табл. 39: *1*; 40: *1, 42*; 41: *28*), ребристая миска с выпуклым туловом из погр. 12 (рис. 1: *8*) – сосуд со сглаженным ребром и прямым туловом (Там же. Табл. 39: *3*). Миска со сглаженным ребром из погр. 17 (рис. 1: *13*) – как приземистый округлобокий горшковидный сосуд (Там же. Табл. 39: *10*). Миска с прямым туловом из погр. 16 (рис. 1: *12*) – с выпуклым туловом (Там же. Табл. 39: *19*), а миска на кольцевом поддоне с выпуклым туловом из погр. 15 (рис. 1: *11*), наоборот, – с вогнутым туловом (Там же. Табл. 39: *22*). Округлобокая миска на кольцевом поддоне из погр. 20 (рис. 1: *16*) – как ребристая (Там же. Табл. 39: *31*), а округлобокая миска из погр. 34 (рис. 1: *20*) – со сглаженным ребром. Миска с утолщенным валиковидным венчиком из погр. 39 (рис. 2: *5*) – с загнутым внутрь венчиком (Там же. Табл. 41: *18*). Все миски изображены как симметричные, в то время как большая часть сосудов могильника демонстрирует асимметрию.

То же обстоятельство заставляет признать подлежащей сомнению и классификацию керамики могильников Велемичи (I и II) и Воронино, составленную В. В. Пилипцевич (2002. С. 113–123).

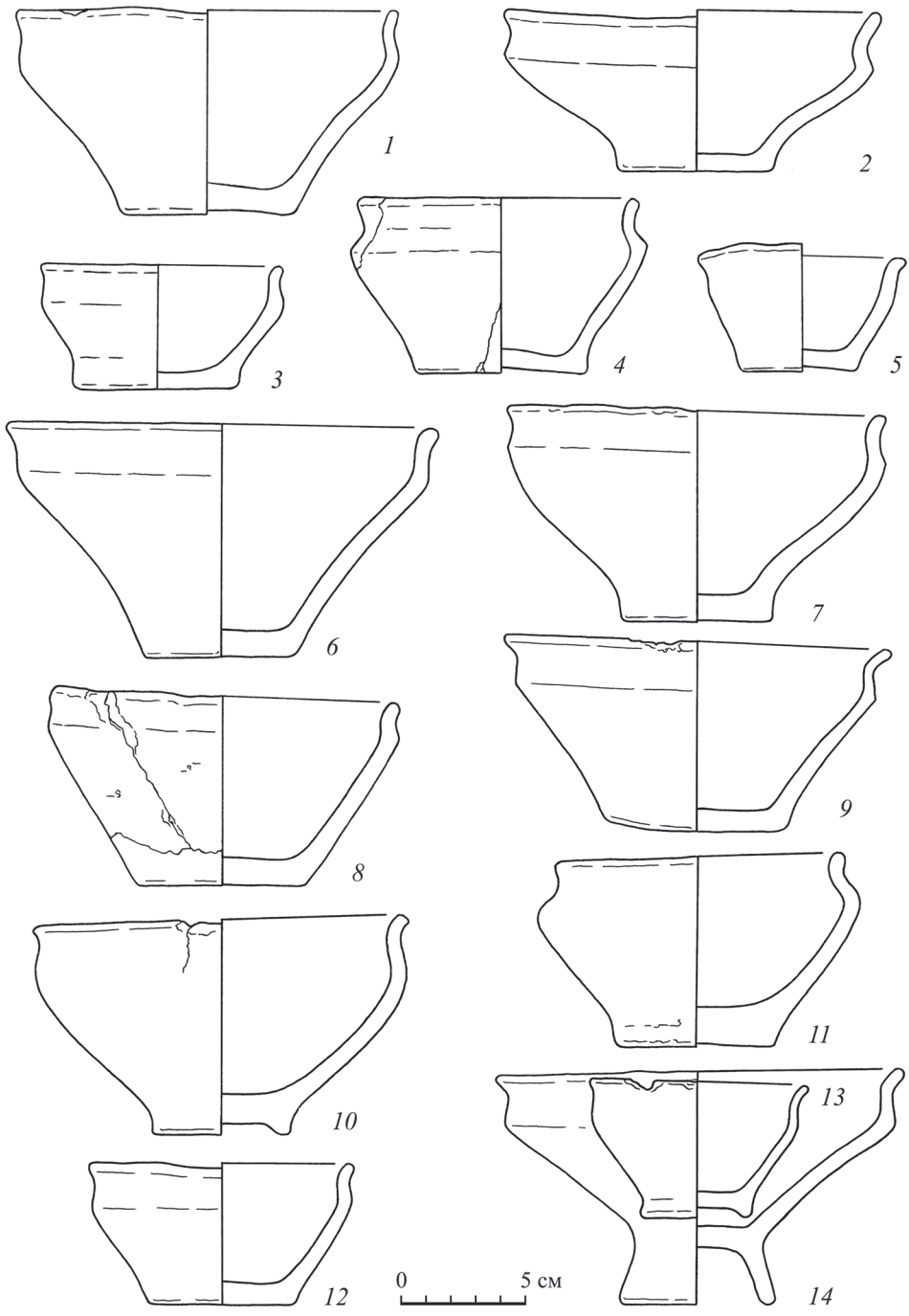
Весьма большую популярность в рамках исследования зарубинецкой керамики получили и иные количественные методы, в частности программа В. Ф. Генинга (*Генинг*, 1973. С. 114–125; *Бяліцкая*, 2002. С. 82–92; *Пилипцевич*, 2002. С. 113–123; *Пачкова*, 1989. С. 34–45; 1991. С. 62–74), основанная на отношениях между промерами высот и диаметров сосудов.

А. М. Обломский справедливо указывал, что отличия сосудов друг от друга никак не могут быть сведены лишь к количественным различиям их пропорций (*Обломский*, 1997. С. 137–140). В результате подход А. М. Обломского, примененный в рамках изучения керамики могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, заключался в создании параллельных классификаций по качественным характеристикам формы, количественным пропорциям (соотношениям диаметров и высот), декору и объему (*Обломский*, 1985). При этом типы и варианты, выделенные А. М. Обломским по качественным признакам, сгруппировались в четкие ареалы на плане могильника Чаплин, а также оказались весьма чувствительными хронологическими индикаторами (*Обломский*, 1990. С. 9–17. Табл. II; III. Рис. 5–8), в то время как все типы, выделенные математически по соотношениям промеров, оказались не имеющими ни узкой датировки, ни компактного ареала (Там же. С. 17–20. Табл. IV–VI)[6].

С. П. Пачкова предложила хронологию могильников зарубинецкой культуры, в том числе и Воронинского некрополя, основанную на корреляции фибул и керамических сосудов, анализируемых не в рамках типов, а по отдельным признакам (*Пачкова*, 2006. С. 114, 118–119. Табл. 7). Признаки, встречающиеся с более древними фибулами, признаются ранними, встречающиеся с более молодыми – поздними, сосуды же относятся к нескольким хронологическим группам на основании пропорционального соотношения ранних и поздних признаков. Для мисок ранними признаками С. П. Пачкова считает сильно отклоненный наружу венчик, близкие к округлым донца, ребристость; поздними исследовательница признает такие признаки, как слабо отклоненные наружу венчики, прямые/вогнутые линии нижней части. Заходя вперед, отметим, что эти наблюдения в целом подтвердились в рамках работы с мисками могильника Воронино. Предложенный С. П. Пачковой метод оригинален и представляется весьма фундированным. Следует, однако, отметить, что он не лишен умозрительного элемента: ведь проведение границ между хронологическими группами керамики – а значит, и отнесение погребения к той или иной фазе – основано на произвольно выбираемом исследователем пороговом значении пропорции поздних и ранних признаков.

Ю. Б. Цетлиным была предложена периодизация полесского могильника Отвержичи, основанная на систематизации сосудов могильника в соответствии с подходом А. А. Бобринского: суть методики заключается в расположении погребений могильника в последовательности на «оси времени», крайними

[6] Подход А. М. Обломского к классификации зарубинецкой керамики по количественным пропорциям подвергся критике со стороны В. Е. Ерёменко и коллег (*Абезгауз и др.*, 1992. С. 38–41; *Ерёменко*, 1997. С. 123–132). Ответ А. М. Обломского на критические замечания: *Обломский*, 1997. С. 137–140.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
0
5 см

точками которой выступают два погребения с минимальной степенью сходства найденных в них сосудов, и при этом датированных по фибулам. Все остальные погребения располагаются между ними на основании «коэффициента места», т. е. расчета степени сходства содержащихся в них сосудов с сосудами из двух крайних погребений (*Цетлин*, 2020. С. 343–349; систематизация сосудов: *Цетлин*, 2019. С. 94–113). На взгляд автора настоящей работы, положительной стороной методики Ю. Б. Цетлина является опора на построение конкретной последовательности, призванной отразить динамику развития керамических традиций, и попытка соотнести ее с хронологией форм латенских фибул. Тем не менее построение последовательности погребений как таковых (по всем содержащимся в них сосудам) вместо рядов эволюционного развития сосудов отдельных категорий (горшков, мисок, кружек) выглядит преждевременным обобщением. Кроме того, для хронологической привязки «оси времени» Ю. Б. Цетлиным используются лишь два погребения с фибулами, а не систематическая совстречаемость сосудов с фибулами и друг с другом. Видимо, именно из-за этого сопоставление выделенных исследователем четырех периодов с хронологией фибул не демонстрирует никакой хронологической последовательности[7]. К сомнению в использованной Ю. Б. Цетлиным методике также склоняет график, призванный отразить «ось времени» (*Цетлин*, 2020. Рис. 1), демонстрирующий, по сути, нормальное распределение (колоколообразную кривую), свидетельствуя, что «коэффициент места», строго говоря, является величиной, близкой к случайной.

Рис. 1 (с. 228). Миски могильника Воронино, ч. 1.
Коллекция Государственного исторического музея (Оп. Б911; ГИМ 84169; ГИМ 97601)

1 – погр. 3 (Оп. Б911/8, ГИМ 84169/8); *2* – погр. 4 (Оп. Б911/13, ГИМ 84169/13); *3* – погр. 5 (Оп. Б911/27, ГИМ 84169/27); *4* – погр. 7 (Оп. Б911/32, ГИМ 84169/32); *5* – погр. 8 (Оп. Б911/36, ГИМ 84169/36); *6* – погр. 11 (Оп. Б911/45, ГИМ 84169/45); *7* – погр. 12 (Оп. Б911/47, ГИМ 84169/47); *8* – погр. 13 (Оп. Б911/50, ГИМ 84169/50); *9* – погр. 14 (Оп. Б911/52, ГИМ 84169/52); *10* – погр. 15 (Оп. Б911/55, ГИМ 84169/35); *11* – погр. 16 (Оп. Б911/60, ГИМ 84169/60); *12* – погр. 17 (Оп. Б911/64, ГИМ 84169/64); *13* – погр. 18 (Оп. Б911/69, ГИМ 84169/69); *14* – погр. 18 (Оп. Б911/70, ГИМ 84169/70)

[7] Фибулы типа *B-Kostrzewski*, датируемые ~ II в. до н. э. (см. ниже), встречены в погребениях первого, третьего и четвертого периодов, поздние формы фибул «зарубинецкого типа» ~ I в. до н. э. – начала I в. н. э. (ЗТ-IV, *Пачкова*, 2006. С. 74) встречаются только в комплексах второго периода, в то время как более древние формы (ЗТ-II и III) – с первого по третий, а типологически наиболее ранняя фибула (*B/A-Kostrzewski*, по определению С. П. Пачковой – Там же. Табл. 7) встречена в погребении четвертого периода, предполагаемого самым поздним (*Цетлин*, 2020. С. 349). На плане могильника захоронения, отнесенные исследователем к разным периодам, также оказались расположены без какой-либо закономерности (Там же. С. 342. Рис. 2).

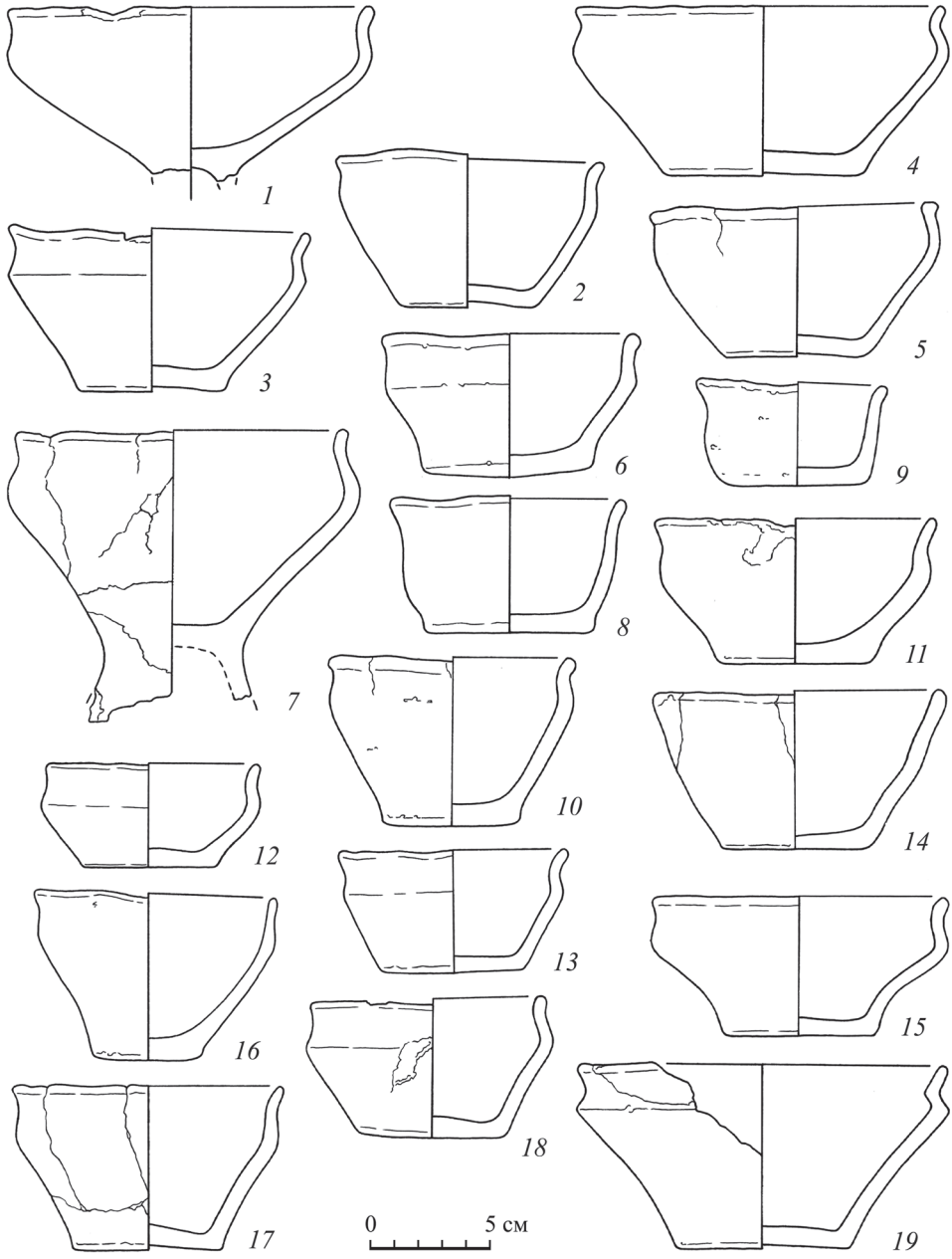

Рис. 2. Миски могильника Воронино, ч. 2.
Коллекции Государственного исторического музея (Оп. Б911; ГИМ 84169; ГИМ 97601) и музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля (КП 5371)

1 – погр. 20 (Оп. Б911/76, ГИМ 84169/76); *2* – погр. 22 (Оп. Б911/81, ГИМ 84169/81); *3* – погр. 23 (Оп. Б911/84, ГИМ 84169/84); *4* – погр. 25 (Оп. Б911/96, ГИМ 84169/96); *5* – погр. 30 (5371/15); *6* – погр. 33 (5371/18); *7* – погр. 34 (ГИМ 97601/142); *8* – погр. 35 (5371/23); *9* – погр. 36 (5371/27); *10* – погр. 39 (5371/38); *11* – погр. 40 (5371/42); *12* – погр. 42 (5371/46); *13* – погр. 43 (5371/50); *14* – погр. 44 (5371/51); *15* – погр. 46 (5371/55); *16* – погр. 47 (ГИМ 97601/179); *17* – погр. 48 (5371/58); *18* – погр. 48 (5371/57); *19* – погр. 51 (5371/63)

Сериация мисок могильника Воронино

Настоящая работа предлагает вариант формальной классификации мисок могильника Воронино, основанный не на количественных промерах высот, углов и диаметров, а на комбинаторном методе, предполагающем учет качественных признаков: сериации.

Классическая сериация представляет из себя помещение закрытых комплексов в последовательность (серию), отражающую степень их сходства друг с другом на основании совстречаемости в них типов вещей, выражаемую в виде таблицы: по оси абсцисс откладываются типы (совстречающиеся элементы), по оси ординат – комплексы. Систематически совстречающиеся типы и комплексы, содержащие одни и те же типы, группируются друг рядом с другом по соответствующим осям таким образом, что оптимальная последовательность представляет из себя диагональ (*Renfrew, Bahn*, 2016. С. 135–136; *Narr*, 1978. С. 23–29). Метод сериации нашел широкое применение как для периодизации зарубинецких могильников (*Кухаренко*, 1964. Рис. 21; *Ерёменко, Журавлёв*, 1992. Рис. 4; 5; *Абезгауз и др*., 1992. Рис. 4; 7; *Ерёменко*, 1997. С. 121–171. Рис. 40; 41; 45; 55; 56; *Обломский*, 1990. Табл II; III; *Iarmulschi*, 2021. Рис. 3; 2022. Рис. 3), так и для типолого-хронологического исследования керамических сосудов, в частности, пражской культуры Полесья и Поднепровья (*Гавритухин*, 2003. Табл. 1; *Шовкопляс, Гавритухин*, 1993. Табл. 1).

В настоящей работе сериация используется для типологических целей: отдельные вещи понимаются как комплексы тех или иных качественных признаков, которые, в свою очередь, понимаются как совстречающиеся элементы (пример применения: *Хомякова*, 2022. С. 207, 209). Типологические разряды (группы) выделяются по линиям максимальной дискретности признаков, т. е. таким линиям между вещами, которым соответствует исчезновение одного и появление другого признака: таким образом, границы между типологическими разрядами являются не умозрительными, а продиктованными закономерностями развития самого материала (*Narr*, 1978. С. 29–30). Полученная же посредством сериации последовательность вещей представляет из себя типологический ряд.

Признаками, на основании которых проводится сериация, являются качественные характеристики каждого из элементов формы сосуда: венчика (плавно/резко изогнутый, валиковидный), места максимального расширения (ребристые/округлобокие / со сглаженным ребром / без ребра), профилировка тулова (вогнутое/прямое/выпуклое + слабая профилировка, т. е. отсутствие плечика), дна (плоскодонные / на кольцевом поддоне), а также качественная характеристика пропорций сосуда (открытые/закрытые) и обработки поверхности (лощеная/груболепная). Для сохранения отражения полноценной характеристики формы сосуда в сериационной таблице не оказавшиеся хронологически значимыми признаки не исключаются из нее.

Результаты сериации представлены на рис. 3. Формально сериационная таблица позволяет выделить четыре группы.

В группу А входят миски с наиболее ранними признаками. Она объединяет в себе миски с выделенным ребром (рис. 3А: *1–8*). Ряд из них имеют резко

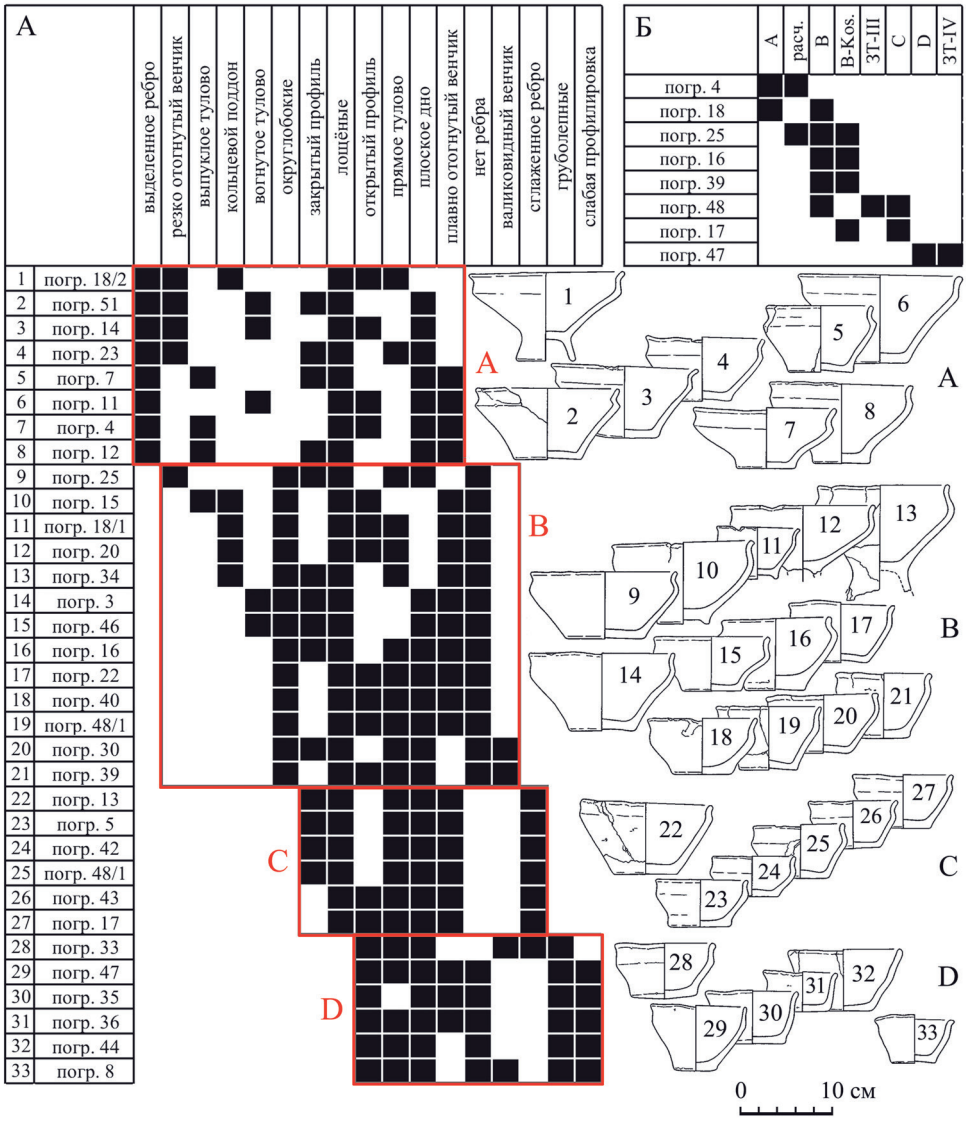

Рис. 3. Сериация мисок могильника Воронино (*А*); номера рисунков соответствуют номерам в таблице

Б – таблица совстречаемости мисок выделенных групп с типами латенских фибул (расч. – среднелатенские расчлененные фибулы; B-Kos. – среднелатенские фибулы типа В-Костшевский; ЗТ-III – среднелатенская фибула «зарубинецкого типа» III варианта; ЗТ-IV – среднелатенская фибула «зарубинецкого типа» IV варианта). A, B, C, D – группы мисок

отогнутый венчик (рис. 3А: *1–4*), что дает им узнаваемый зигзаговидный профиль. Одна миска (погр. 18/2, рис. 3А: *1*) имеет кольцевой поддон, что роднит ее с некоторыми мисками группы В. Все миски группы отличаются очень качественным лощением как внешней поверхности, так и внутренней, а также дна.

Группа В включает в себя лощеные миски с округлым туловом (рис. 3А: *9–21*). Четыре из них отличаются кольцевым поддоном (рис. 3А: *10–13*). Для двух мисок группы (рис. 3А: *20, 21*) характерен утолщенный, валиковидный венчик. Выпуклые и вогнутые тулова также оказались характерны только для мисок групп А и В (рис. 3А: *2, 3, 5–8, 10, 14, 15*).

Группа С включает в себя подлощенные плоскодонные сосуды со сглаженным ребром (рис. 3А: *22–27*). Лощение на мисках этой группы значительно хуже, донца и внутренние поверхности, как правило, не лощены вовсе.

В группу D входят миски, объединяемые наиболее поздними в рамках могильника Воронино признаками. Она включает груболепные, открытые миски (рис. 3А: *28–33*), часто вовсе не имеющие плечиков, слабопрофилированные (рис. 3А: *29–33*) и демонстрирующие явные признаки деградации. Две миски группы (рис. 3А: *28, 33*) отличает утолщенный, валиковидный венчик.

Кроме того, общий взгляд на получившуюся последовательность позволяет заметить явную тенденцию к постепенному уменьшению размеров мисок со временем.

Проверка сериации посредством совстречаемости с латенскими фибулами

Анализ совстречаемости мисок выделенных групп с фибулами латенских типов и друг с другом подтверждает получившуюся последовательность (рис. 3Б).

В погр. 4 миска группы А (рис. 1: *2*) обнаружена вместе с «расчлененной» среднелатенской фибулой. Такие застежки являются наиболее ранними в зарубинецкой культуре и датируются в пределах LT C1b – начала LT C2 (конец III – начало II в. до н. э.) (*Дробушевский*, 2016. С. 107; *Пачкова*, 2006. С. 71, 90–93; *Скиба*, 2001. С. 42–43). В погр. 25 «расчлененная» фибула с проволочной намоткой в виде «восьмерок» найдена вместе с гладкой проволочной фибулой типа В-Костшевский и миской группы В (рис. 1: *18*). С фибулами типа В-Костшевский найдены также миски группы В из погр. 16 и 39 (рис. 1: *11*; 2: *5*) и миска группы С из погр. 17 (рис. 1: *12*). В пшеворской и оксывской культурах длинные гладкие проволочные среднелатенские фибулы (типов AI- и BI-Костшевский) датируются в рамках фазы A1, синхронной среднему и началу позднего латена (LT C1b-D1a. ~ конец III – начало I в. до н. э. (*Kostrzewski*, 1919. С. 17–18. Рис. 2; *Łuczkiewicz et al*., 2020. Рис. 1; *Bokiniec*, 2008. С. 17–26; *Dąbrowska*, 1988. С. 16, 50–62). В классическом латене аналогичные фибулы являются индикаторами ступени LT C2 (~ 210- ~ 150-е гг. до н. э.; *Gebhard*, 1991. С. 81–82. Рис. 42; *Lanting, van der Plicht*, 2006. С. 245–249). Исследователи склонны датировать их исчезновение в Восточной Европе более поздним временем (*Пачкова*, 2006. С. 90–93; *Völling*, 2005. С. 88; *Скиба*, 2001. С. 43–45; *Ерёменко*, 1997. С. 139; *Каспарова*, 1984. С. 115–117). В Северном Причерноморье часть фибул, близких типу В-Костшевский, встречаются с краснолаковой керамикой I в. до н. э.,

в одном случае – с амисской монетой 105–90 гг. до н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 46; *Мачинский*, 1963. С. 23–24).

В погр. 48 миски групп B и C (рис. 2: *11, 12*) были найдены с фибулой зарубинецкого типа (с треугольным щитком на ножке) развитой формы (ЗТ-III, по С. П. Пачковой: *Пачкова*, 2006. С. 74. Табл. 3). В погр. 47 груболепная миска группы D (рис. 1: *20*) найдена с фибулой зарубинецкого типа с уплощенной проволокой пружины и большим, украшенным выпуклым чеканным орнаментом щитком, что отличает поздние формы, характерные для позднелатенского времени (~ конец II в. до н. э. – начало I в. н. э.[8]; *Каспарова*, 1986. С. 6; ЗТ-IVa, согласно С. П. Пачковой: *Пачкова*, 2006. С. 74. Табл. 3).

Таким образом, с расчлененными фибулами конца III – начала II в. до н. э. (LT C1b) найдены только миски групп A и B; с зарубинецкой фибулой поздней генерации, датируемой примерно I в. до н. э. (LT D), найдена миска группы D; с фибулами же II в. до н. э. (LT C2-D1a; B-Костшевский и ЗТ-III) встречаются только группы B и C. Это подтверждает, что полученный посредством сериации типологический ряд представляет из себя хронологическую последовательность.

Проверка сериации посредством планиграфического анализа

Дополнительное подтверждение этому дает анализ распространения мисок выделенных групп на плане раскопанной части могильника (рис. 4). Получившаяся горизонтальная стратиграфия демонстрирует ряд наглядных закономерностей:

– все миски, вошедшие в группу A (лощеные ребристые), найдены в юго-западной части могильника;

– миски группы B (лощеные округлобокие) и C (подлощенные со сглаженным ребром) найдены в основном к востоку и северу от зоны распространения мисок группы A и лишь одна (погр. 3) – в юго-западной части;

– группа D (груболепные с элементами деградации) образует довольно компактное скопление в северо-восточной части раскопанной площадки некрополя.

Напрашивается умозаключение, что зона распространения мисок группы A – раннее ядро могильника, несколько позже погребения распространяются восточнее и севернее, в зоне распространения мисок B и C, а ареал мисок группы D соответствует погребениям наиболее позднего этапа. Полученная горизонтальная стратиграфия представляется довольно четкой – она демонстрирует нормальную для могильников позднего предримского времени схему роста из одного древнего центра (*Völling*, 2005. Табл. 1; 2; 5–7; 11–25; 27; 28; 31; 33–40; *Обломский и др*., 1990. С. 12) и выглядит гораздо более правдоподобной, чем варианты В. Е. Ерёменко (*Ерёменко*, 1997. Рис. 47: *2*) и В. Ярмульски (*Iarmulschi*, 2021. Рис. 6), согласно выводам которых погребения всех этапов существования некрополя бессистемно расположены по всей его площади. Несмотря на это, полученные выводы являются предварительными и все еще требуют

[8] Вопрос об абсолютных датах и периодизации ступени LT D является актуальным и выходит за рамки настоящей работы, поэтому приводится примерная датировка. Подробнее см.: *Rieckhoff*, 1995; *Łuczkiewicz P. et al*., 2020. С. 238–259; *Lanting, van der Plicht*, 2006. С. 245–252; *Kysela*, 2020. С. 48–65.

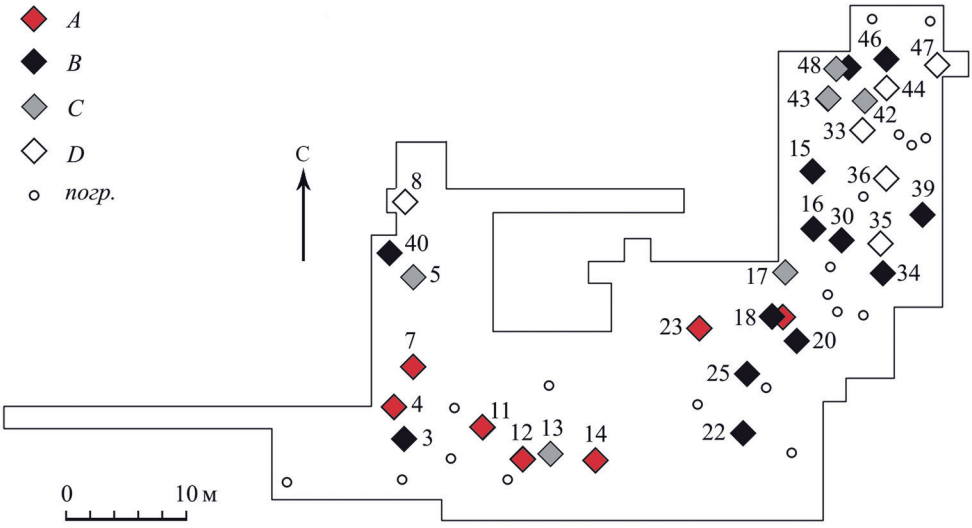

Рис. 4. Расположение групп мисок на плане могильника Воронино. Цифрами на плане могильника обозначены номера погребений

подтверждения на основании анализа распространения иных хронологических индикаторов и датируемых на основании их совстречаемости погребений.

Итак, полученная посредством сериации последовательность мисок могильника Воронино от группы A (лощеные ребристые миски), объединяющей миски с наиболее ранними признаками до наиболее поздней группы D (груболепные миски с элементами деградации), была дважды подтверждена посредством двух независимых друг от друга методов: совстречаемостью с латенскими фибулами и горизонтальной стратиграфией (планиграфией) могильника. Это позволяет считать полученные результаты закономерными, а принципы построения классификации рабочими.

Конечно, полученные выводы ожидают дополнительной проверки как посредством исследования других категорий керамических сосудов (горшков и кружек) могильника Воронино, так и обращением к керамике других могильников зарубинецкой культуры Полесья, однако эти выводы уже представляют довольно стройную картину хронологии некрополя.

* * *

Автор выражает благодарность Н. А. Биркиной (Государственный исторический музей), Е. С. Ивановой-Праля и Д. Н. Линденкову (Государственное историко-культурное учреждение «Гомельский дворцово-парковый ансамбль») за помощь в обработке коллекций могильника Воронино и И. О. Гавритухину (ИА РАН) за методические консультации.

ЛИТЕРАТУРА

Абезгауз Г. Г., Ерёменко В. Е., Журавлёв В. Г., Каргапольцев С. Ю., 1992. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Ред.: М. Б. Щукин, О. А. Гей. СПб. С. 34–55.

Бяліцкая Г. М., 2002. Тыпалогія місак з паселішча зарубінецкай культуры Хотамель II // МАБ. № 5. С. 83–92.

Гавритухин И. О., 2003. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Минск. С. 123–138.

Генинг В. Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1. С. 114–136.

Гусаков М. Г., 1993. Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей // КСИА. Вып. 207. С. 43–47

Дробушевский А. И., 2016. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1. Минск: Беларуская навука. С. 38–136.

Ерёменко В. Е., 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: Изд-во СПбГУ. 232 с.

Ерёменко В. Е., Журавлёв В. Г., 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Ред.: М. Б. Щукин, О. А. Гей. СПб. С. 55–79.

Каспарова К. В., 1969. Могильник и поселение у деревни Отвержичи // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Ред. П. Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 131–168. (МИА; № 160.)

Каспарова К. В., 1972. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. № 14. Л.: Аврора. С. 53–111.

Каспарова К. В., 1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. № 17. Л.: Аврора. С. 35–66.

Каспарова К. В., 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. № 25. Л.: Искусство. С. 108–117.

Каспарова К. В., 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев. С. 5–25.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 386 с.

Кухаренко Ю. В., 1961. Памятники железного века на территории Полесья. М.: Изд-во АН СССР. 114 с. (САИ; вып. Д1-29.)

Кухаренко Ю. В., 1964. Зарубинецкая культура. М.: Наука. 89 с. (САИ; вып. Д1-19.)

Максимов Е. В., 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка. 184 с.

Мачинский Д. А., 1963. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур // КСИА. Вып. 94. С. 20–28.

Обломский А. М., 1985. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // СА. № 1. С. 90–106.

Обломский А. М., 1990. Периодизация и характер развития зарубинецкого керамического комплекса Чаплинского могильника // РСМ. Вып. 1. С. 7–44.

Обломский А. М., 1997. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии чаплинского могильника // Stratum + Петербургский археологический вестник: сб. ст. к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб.; Кишинев. С. 138–146.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В., 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев. 49 с.

Пачкова С. П., 1989. К методике классификации зарубинецкой керамики // Древние славяне и Киевская Русь / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 34–45.

Пачкова С. П., 1991. Методика хронологізації кераміки зарубинецкої культури // Археологія. № 1. С. 62–75.

Пачкова С. П., 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев. 372 с.

Пилипцевич В. В., 2002. К вопросу о типологии керамического комплекса могильников полесского варианта зарубинецкой культуры (по материалам могильников Велемичи-I и II, Воронино) // МАБ. № 5. С. 113–123.

Поболь Л. Д., 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск: Наука и техника. 322 с.

Скиба Л. Е., 2001. Пирогівський могильник зарубинецької культури. Киев. 176 с.
Хомякова О. А., 2022. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН. 320 с.
Цетлин Ю. Б., 2019. Систематика форм сосудов могильника Отвержичи зарубинецкой культуры // Вестник «История керамики». № 1. М.: ИА РАН. С. 94–113.
Цетлин Ю. Б., 2020. Относительная периодизация погребений и керамики могильника Отвержичи зарубинецкой культуры // КСИА. Вып. 261. С. 343–365.
Шовкопляс А. М., Гавритухин И. О., 1993. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИА. Вып. 208. С. 52–62.
Щукин М. Б., 1997. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор. С. 110–147.

Bokiniec E., 2008. Kultura oksywska na ziemi Chełmińskiej w świetle materiałów sepulkralnych. Toruń: Muzeum Okręgowe w Toruniu. 448 s.
Dąbrowska T., 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej (chronologia – zasięg – powiązania). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 340 s.
Gebhard R., 1991. Die Fibeln aus dem Oppidum von Manching. Stuttgart: Franz Steiner. 321 S. (Die Ausgrabungen in Manching; № 14.)
Iarmulschi V., 2021. Cu privire la cronologia şi periodizarea necropolei de tip Zarubincy de la Voronino (reg. Jitkavichy, Bielorusia) // Revista Arheologică. Serie nouă. № XVII, 2. S. 62–67.
Iarmulschi V., 2022. Zur Chronologie und Periodisierung des Gräberfeldes der Zarubincy Kultur von Pirogov // Cercetări Arheologice. № 29, 2. P. 479–484.
Kostrzewski J., 1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit. Leipzig: Kabitsch. 255 S.
Kysela J., 2020. Things and Thoughts. Central Europe and the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC. Praha: Univerzita Karlova. 440 p.
Lanting J. N., van der Plicht J., 2006. De 14C-chronologie van de Nederlandse pre- en protohistorie V: midden- en late ijzertijd // Palaeohistoria. № 47/48 (2005/2006). P. 241–428.
Łuczkiewicz P. et al., 2020. On the chronology of the Late Pre-Roman Iron Age in eastern Germania in the light of selected types of brooches // Archeologické rozhledy. № 2. S. 238–259.
Narr K. J., 1978. Typologie und Seriation // Bonner Jahrbücher. № 178. S. 21–30.
Renfrew C., Bahn P., 2016. Archaeology: Theories, Methods, and Practice. 7th edition. London: Thames & Hudson. 672 p.
Rieckhoff S., 1995. Süddeutschland im Spannungsfeld von Kelten, Germanen und Römern: Studien zur Chronologie der Spätlatènezeit im Südlichen Mitteleuropa. Trier: Rheinisches Landesmuseum Trier. 318 p.
Völling T., 2005. Germanien an der Zeitenwende (Studien zum Kulturwandel beim Übergang von der Vorrömischen Eisenzeit zur Älteren Römischen Kaiserzeit in der Germania Magna). Oxford: Archaeopress. 476 p. (British Archaeological Reports. International Series; 1360.)

Сведения об авторе

Образцов Иван Филиппович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: byrnieyma3@gmail.com

I. F. Obraztsov

BOWLS FROM THE ZARUBINTSY VORONINO CEMETERY IN PRIPYAT POLESYE

Abstract. This paper explores bowls from the Voronino cemetery of the Zarubintsy culture, kept in the collection of the State Historical Museum. It publishes precise drawings of the original bowls (Fig. 1; 2). The author also proposes a classification of the bowls

from this cemetery based on the seriation method (Table 1: A). The obtained chronological sequence made up of four groups of bowls is verified by correlating the identified groups with La Tène fibulae (Table 1: B) and the horizontal stratigraphy of the Voronino cemetery (Fig. 3).

Keywords: bowls, Zarubintsy culture, Voronino cemetery, typology of ceramics.

REFERENCES

Abezgauz G. G., Eremenko V. E., Zhuravlev V. G., Kargapoltsev S. Yu., 1992. K voprosu o ranney date mogilnikov zarubinetskoy kultury [On the early date of Zarubintsy culture cemeteries]. *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni [Issues of chronology of La Tene era and Roman times]*. M. B. Shchukin, O. A. Gey, eds. St. Petersburg, pp. 34–55.

Byalitskaya G. M., 2002. Typalogiya misak z paselishcha zarubinetskay kultury Khotamel II [Typology of bowls from Zarubintsy culture settlement Khotamel II]. *MAB*, 5, pp. 83–92.

Drobushevskiy A. I., 2016. Zarubinetskaya kultura Belorusskogo Podneprov'ya [Zarubintsy culture in Belarus Dnieper region]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period [Slavs in territory of Belarus in pre-state period]*, 1. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 38–136.

Eremenko V. E., 1997. «Keltskaya vual'» i zarubinetskaya kultura. Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III–I vv. do n. e. v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope [«Celtic Veil» and Zarubintsy culture. The experience of reconstruction of ethnopolitical processes of III–I cc. BC in Central and Eastern Europe]. St. Petersburg: SPbGU. 232 p.

Eremenko V. E., Zhuravlev V. G., 1992. Khronologiya mogilnika Chaplin verkhnedneprovskogo varianta zarubinetskoy kultury [Chronology of Chaplin cemetery of Upper Dnieper variant of Zarubintsy culture]. *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni [Issues of chronology of La Tene era and Roman times]*. M. B. Shchukin, O. A. Gey, eds. St. Petersburg, pp. 55–79.

Gavritukhin I. O., 2003. Khronologiya prazhskoy kultury Belorusskogo Poles'ya [Chronology of Prague culture of Belarusian Polesie]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical and archaeological collection]*, 18. Minsk, pp. 123–138.

Gening V. F., 1973. Programma statisticheskoy obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [Statistical processing program for ceramics from archaeological excavations]. *SA*, 1, pp. 114–136.

Gusakov M. G., 1993. Osnovnye itogi i zadachi izucheniya zarubinetskikh drevnostey [Main results and objectives of the study of Zarubintsy antiquities]. *KSIA*, 207, pp. 43–47.

Kasparova K. V., 1969. Mogilnik i poselenie u derevni Otverzhichi [Cemetery and settlement near village Otverzhichi]. *Novye dannye o zarubinetskoy kulture v Podneprov'e [New data on Zarubintsy culture in Dnieper region]*. P. N. Tret'yakov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 131–168. (MIA, 160.)

Kasparova K. V., 1972. Zarubinetskiy mogilnik Velemichi II [Zarubintsy cemetery of Velemichi II]. *ASGE*, 14, pp. 53–111.

Kasparova K. V., 1976. Novye materialy mogilnika Otverzhichi i nekotorye voprosy otnositelnoy khronologii zarubinetskoy kultury Poles'ya [New materials from Otverzhichi cemetery and some issues of relative chronology of Zarubintsy culture in Polesie]. *ASGE*, 17, pp. 35–66.

Kasparova K. V., 1984. Zarubinetskaya kultura v khronologicheskoy sisteme kultur epokhi latena [Zarubintsy culture in chronological system of cultures of La Tene era]. *ASGE*, 25, pp. 108–117.

Kasparova K. V., 1986. Pozdnyaya faza zarubinetskikh mogilnikov [Late stage of Zarubitsy cemeteries]. *Kultury Vostochnoy Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe of I millennium]*. G. I. Matveeva, ed. Kuybyshev, pp. 5–25.

Khomyakova O. A., 2022. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiyskoy kultury I–IV vv. Analiz komponentov i khronologiya [Female attire of Sambian-Natangian culture in I–IV cc. Component analysis and chronology]. Moscow: IA RAN. 320 p.

Kropotov V. V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of Sarmatian period]. Kiev: ADEF-Ukraina. 386 p.

Kukharenko Yu. V., 1961. Pamyatniki zheleznogo veka na territorii Poles'ya [Iron Age sites in territory of Polesie]. Moscow: AN SSSR. 114 p. (SAI.)

Kukharenko Yu. V., 1964. Zarubinetskaya kultura [Zarubintsy culture]. Moscow: Nauka. 89 p. (SAI.)

Machinskiy D. A., 1963. O khronologii nekotorykh tipov veshchey zarubinetskoy i odnovremennykh ey kultur [On chronology of some types of items of Zarubintsy and contemporaneous cultures]. *KSIA*, 94, pp. 20–28.

Maksimov E. V., 1982. Zarubinetskaya kultura na territorii USSR [Zarubintsy culture in territory of UkrSSR]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.

Oblomskiy A. M., 1985. Klassifikatsiya keramiki verkhnedneprovskogo varianta zarubinetskoy kultury (po materialam Chaplinskogo mogilnika) [Classification of ceramics of Upper Dnieper variant of Zarubintsy culture (based on materials from Chapli cemetery)]. *SA*, 1, pp. 90–106.

Oblomskiy A. M., 1990. Periodizatsiya i kharakter razvitiya zarubinetskogo keramicheskogo kompleksa Chaplinskogo mogilnika [Periodization and character of development of Zarubintsy ceramic complex from Chapli cemetery]. *Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]*, 1. S. A. Pletneva, I. P. Rusanova, eds. Moscow: Nauka, pp. 7–44.

Oblomskiy A. M., 1997. O nekotorykh spornykh voprosakh klassifikatsii keramiki, periodizatsii i khronologii chaplinskogo mogilnika [On some controversial issues of pottery classification, periodization and chronology of Chapli cemetery]. *Stratum + Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Stratum + St. Petersburg archaeological bulletin]*. St. Petersburg; Kishinev, pp. 138–146.

Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., Petrauskas O. V., 1990. Raspad zarubinetskoy kultury i ego sotsialno-ekonomicheskie i ideologicheskie prichiny [Disintegration of Zarubintsy culture and its socio-economic and ideological causes]. Kiev. 49 p.

Pachkova S. P., 1989. K metodike klassifikatsii zarubinetskoy keramiki [On methodology of classification of Zarubintsy ceramics]. *Drevnie slavyane i Kievskaya Rus' [Ancient Slavs and Kievan Rus]*. P. P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 34–45.

Pachkova S. P., 1991. Metodika khronologizatsii keramiki zarubinetskoi kulturi [Methodology of chronologization of Zarubintsy culture ceramics]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 62–75.

Pachkova S. P., 2006. Zarubinetskaya kultura i latenizirovannye kultury Evropy [Zarubintsy culture and La Tene-influenced cultures in Europe]. Kiev. 372 p.

Piliptsevich V. V., 2002. K voprosu o tipologii keramicheskogo kompleksa mogilnikov polesskogo varianta zarubinetskoy kultury (po materialam mogilnikov Velemichi-I i II, Voronino) [On typology of ceramic complex from cemeteries of Polesie variant of Zarubintsy culture (based on materials from cemeteries Velemichi-I and II, Voronino)]. *MAB*, 5, pp. 113–123.

Pobol' L. D., 1971. Slavyanskie drevnosti Belorussii [Slavic antiquities of Belarus]. Minsk: Nauka i tekhnika. 322 p.

Shchukin M. B., 1997. Rozhdenie slavyan [The birth of the Slavs]. *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoy indoevropeyskoy istorii [Stratum: Structures and catastrophes. Collection of symbolic Indo-European history]*. St. Petersburg: Nestor, pp. 110–147.

Shovkoplyas A. M., Gavritukhin I. O., 1993. Kompleksy prazhskoy kultury s Oboloni i nekotorye problemy izucheniya pamyatnikov tipa Korchak [Complexes of Prague culture from Obolon and some issues of studying Korczak type sites]. *KSIA*, 208, pp. 52–62.

Skiba L. E., 2001. Pirogivs'kiy mogilnik zarubinets'koï kulturi [Pirigivsky cemetery of Zarubintsy culture]. Kiev. 176 p.

Tsetlin Yu. B., 2019. Sistematika form sosudov mogilnika Otverzhichi zarubinetskoy kultury [Systematization of vessel forms from cemetery of Otverzhichi, Zarubintsy culture]. *Vestnik «Istoriya keramiki» [Bulletin «History of Ceramic»]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 94–113.

Tsetlin Yu. B., 2020. Otnositelnaya periodizatsiya pogrebeniy i keramiki mogilnika Otverzhichi zarubinetskoy kultury [Relative periodization of burials and ceramics from cemetery of Otverzhichi of Zarubintsy culture]. *KSIA*, 261, pp. 343–365.

About the author

Obraztsov Ivan F., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: byrnieyma3@gmail.com

А. М. Воронцов

НОВЫЕ НАХОДКИ КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ ИЗ АРЕАЛА МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Резюме. В статье публикуются новые находки украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей, происходящие с территории бассейна верхней Оки (рис. 2–4). Они дополняют ранее опубликованный свод находок этого круга с территории мощинской культуры (*Воронцов*, 2020). Анализ всех известных в настоящее время находок позволяет сделать вывод, что основной ареал предметов этого круга, достаточно аргументированно связанных с наиболее ранним горизонтом мощинской культуры, занимает русло Оки от впадения Зуши до впадения Протвы, а также нижнее и среднее течение Упы (рис. 1: *а, б*). Находки из верховьев Оки в границах современной Орловской области, вероятнее всего, связаны с поздними памятниками типа Почепа и, возможно, с проникновением в регион носителей киевской культуры.

Ключевые слова: верхняя Ока, мощинская культура, памятники типа Воздремо, памятники типа Почепа, изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

Мощинская культура, с момента ее выделения П. Н. Третьяковым, традиционно ассоциируется с находками круга восточноевропейских выемчатых эмалей (*Третьяков*, 1941. С. 47–51). Изучение юго-восточной части ее ареала – памятников Окско-Донского водораздела – позволило соотнести такие находки только с ее наиболее ранним культурно-хронологическим горизонтом, датирующимся в рамках середины – второй половины III в. (*Воронцов*, 2013. С. 26–29). В дальнейшем был опубликован свод находок этого круга со всей территории культуры (рис. 1: *а, в*) (*Воронцов*, 2020). Несколько более широкий круг находок, происходящих с самых верховьев Оки (территория современной Орловской обл.),

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.240-255

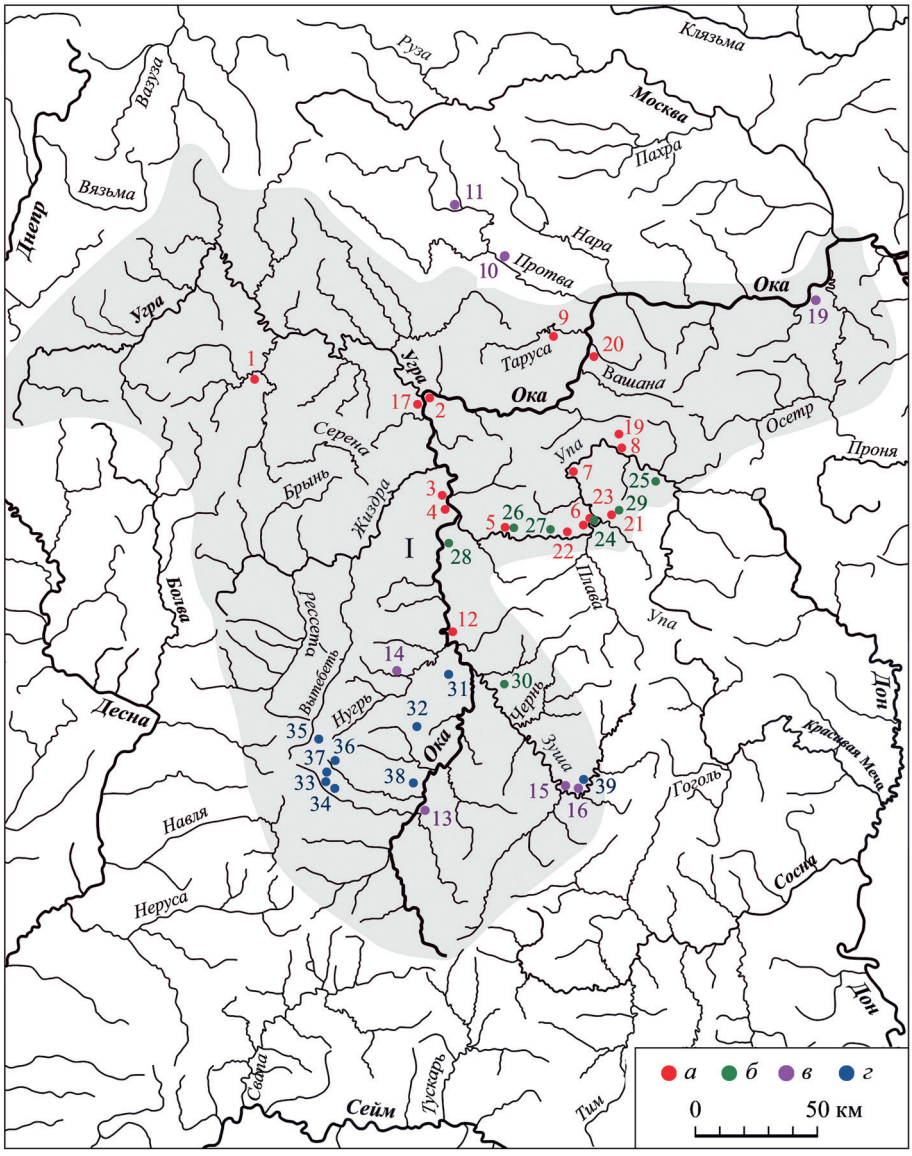
был практически одновременно опубликован О. А. Радюшем (рис. 1: *г*) (*Радюш*, 2020). С момента этих публикаций накопился довольно представительный ряд новых находок, который и приведен в настоящей статье (рис. 1: *б*; 2–4). Кроме того, за последнее время несколько изменилось понимание этнокультурной ситуации, сложившейся в верхнеокском регионе в позднеримское время. В связи с этим необходимо определить, какие из находок украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей мы можем достоверно связать именно с мощинской культурой.

Наиболее представительным комплексом вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей, связанным с мощинской культурой, несомненно, является Мощинский клад (рис. 1: *1*). А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский, основываясь на том, что в его состав входят в подавляющем большинстве вещи 2-й, средней стадии развития стиля (ажурные с эмалью), наряду с единичными архаичными лунницами 1-й стадии и одной треугольной фибулой с прорезями без эмали (3-й стадии), предложили его датировку в рамках III в., скорее всего, исключая его конец (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 123). Узкая датировка объясняется наличием в кладе единичной вещи поздней стадии стиля, который появляется, по мнению авторов, в конце раннего этапа киевской культуры (около середины III в.), при преобладании более архаичных изделий.

Большинство приведенных в сводке 2020 г. находок также относятся к средней стадии развития стиля, включая находки с городища Щепилово – единственные в настоящий момент, происходящие из хорошо документированного раскопанного мощинского поселенческого слоя (*Воронцов*, 2013. С. 26–29. Рис. 31–33; 2020. С. 265–269).

Еще одна группа находок, надежно связанная с мощинскими памятниками, происходит с небольших по размеру однослойных поселений, расположенных в среднем и нижнем течении Упы. Часть из них выделяется культурным своеобразием – наличием следов железоделательного и бронзолитейного производства, а также происходящими с них находками фибул и оружия центральноевропейского происхождения (*Воронцов, Столяров*, 2020; *Воронцов*, 2022. С. 149–150; *Воронцов и др.*, в печати). При этом керамический комплекс этих памятников соответствует раннему горизонту мощинской культуры. С них происходят достаточно многочисленные находки украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей второй стадии развития стиля. В настоящий момент они выделены в группу памятников типа Воздремо. В своде 2020 г. уже были учтены находки с памятников этого типа, в частности, происходящие с поселений Воздремо 3а и Супруты 6 (*Воронцов*, 2020. С. 273. Рис. 9: *2*; 10: *1*). В настоящей сводке учтена еще одна находка с поселения Супруты 6 – фрагмент литого прямоугольного звена от цепи, имеющего на сохранившемся конце петлю для крепления, расположенную в перпендикулярной плоскости (кат. № 1.1; рис. 1: *23*; 2: *4*) (*Корзухина*, 1978. С. 37–42).

С соседнего поселения Супруты 7, также относящегося к группе памятников типа Воздремо, происходят две треугольные фибулы с треугольным окончанием ножки (кат. № 2.1, 2.2; рис. 1: *24*; 2: *1, 2*), относящиеся к типу III.1, по Г. Ф. Корзухиной (Там же. С. 24). К нему же или же к типу III.2 (с крестовидной ножкой) относится находка с поселения Залесный 1 с утраченной ножкой

Руза
Клязьма
Москва
Вазуза
Пахра
Вязьма
Днепр
Нара
Протва
Ока
Угра
Таруса
Ваншана
Серена
Брынь
Жиздра
Упа
Осетр
Проня
I
Болва
Рессета
Выпребеть
Плава
Десна
Нугрь
Черть
Дон
Красивая Мечя
Зуша
Гоголь
Навля
Неруса
Сосна
Свапа
Сейм
Гускарь
Тим
а
б
в
г
0
50 км

(кат. № 3.1; рис. 1: *25*; 2: *5*). Необходимо подчеркнуть, что этот экземпляр заметно отличается очень скромными количеством и размерами эмалевых полей. Три маленьких круглых поля с красной эмалью могут говорить о его типологически более ранней позиции. В то же время несомненна его «ажурность», не характерная для изделий первой стадии развития стиля. Это поселение однослойное, мощинской культуры, но не содержит находок, позволяющих отнести его к памятникам типа Воздремо.

Список новых украшений, относящихся ко второй стадии развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, дополняет ряд случайных находок, не имеющих привязок к конкретным памятникам.

Фрагмент широкого, трехгранного в сечении браслета с гребешками, не имевшего эмалевых полей, найден в районе г. Одоев (кат. № 4.1; рис. 1: *26*; 2: *3*). Такие браслеты относятся к типу I, по Г. Ф. Корзухиной, и имеют многочисленные аналогии, в том числе на территории верхней Оки, в частности в Мощинском кладе (*Корзухина*, 1978. С. 34–35). О. А. Хомякова отнесла такие браслеты к типу 1б гребенчатых браслетов круга восточноевропейских выемчатых эмалей – разомкнутые без эмалей, «упрощенной» формы, причем наш экземпляр несет признаки (уплощенное сечение обода, отсутствие дополнительного украшения торцевых сторон гребня) «более поздних», по ее мнению, браслетов, для которых предложена дата в рамках середины – второй половины III в. (*Хомякова*, 2018. С. 87, 92).

Большая трехрогая лунница-подвеска найдена в районе кладбища с. Богослово Чернского р-на (кат. № 8; рис. 1: *30*; 4). Она относятся к типу I, по Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1978. С. 36). Недавно была опубликована свежая сводка находок таких больших ажурных лунниц, насчитывающая 21 экз. (*Бакулина*, 2025. С. 67. Рис. 1: *8–12*; 2; 3: *1–3*).

Рис. 1 (с. 242). Карта находок украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей в ареале мощинской культуры

I – ареал памятников мощинской культуры

а – находки, учтенные в каталоге 2020 г. (по: *Воронцов*, 2020); *б* – новые находки; *в* – находки, соотношение которых с мощинской культурой неясно; *г* – находки из бассейна р. Ока, учтенные в сводке по Орловской области (по: *Радюш*, 2020)

1 – городище и селище Мощины; *2* – городище Ромоданово; *3* – городище Дуна; *4* – окрестности д. Косолапово; *5* – окрестности г. Одоев; *6* – городище Супруты; *7* – городище Поречье; *8* – городище Щепилово; *9* – городище Лысая Гора 2; *10* – городище Огубское; *11* – селище Рыжково; *12* – городище Федяшево; *13* – район г. Орел; *14* – клад Бессоновский; *15* – городище Одинок; *16* – окрестности г. Новосиль; *17* – городище Воротынск; *18* – городище Ростиславль; *19* – окрестности д. Варфоломеево; *20* – окрестности д. Верхнее Ламоново; *21* – селище Воздремо 3а; *22* – селище Каменка 3; *23* – селище Супруты 6; *24* – селище Супруты 7; *25* – селище Залесный 1; *26* – окрестности г. Одоев; *27* – севернее д. Козюлькино; *28* – окрестности пос. Хрящ; *29* – окрестности д. Воздремо; *30* – окрестности с. Богослово; *31* – окрестности д. Новый Синец; *32* – окрестности д. Полозовские Дворы; *33* – селище Мешково 2; *34* – окрестности д. Квасово; *35* – окрестности оз. Мертвое; *36* – селища Сорокино 1 и 2; *37* – окрестности д. Богатищево; *38* – окрестности д. Спасское; *39* – окрестности д. Подъяковлево

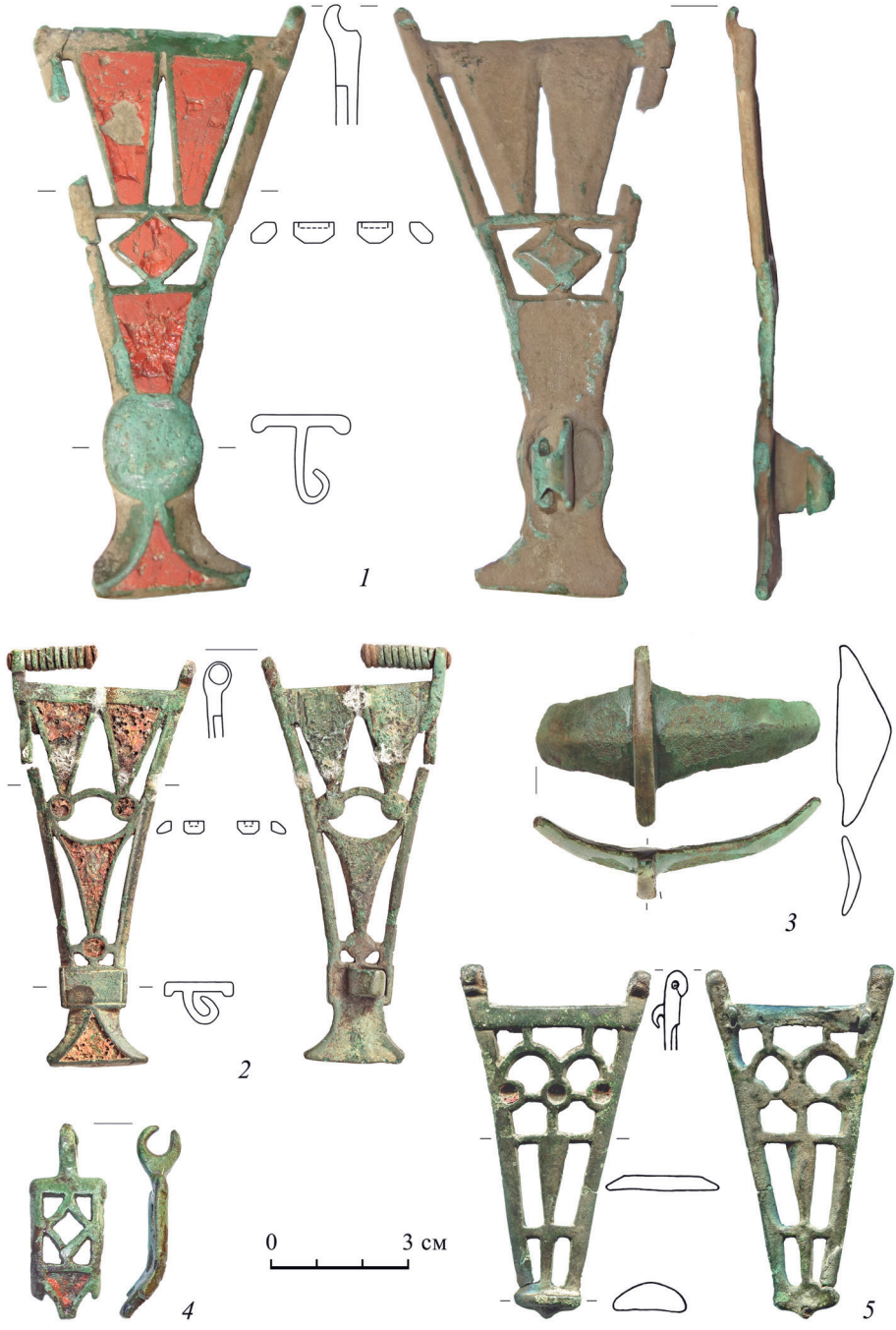

Рис. 2. Новые находки бронзовых украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей в ареале мощинской культуры

1, 2 – поселение Супруты 7; *3* – окрестности г. Одоев; *4* – поселение Супруты 6; *5* – поселение Залесный 1

1–5 – фотографии Р. М. Солопова, рисунки М. А. Воронцова

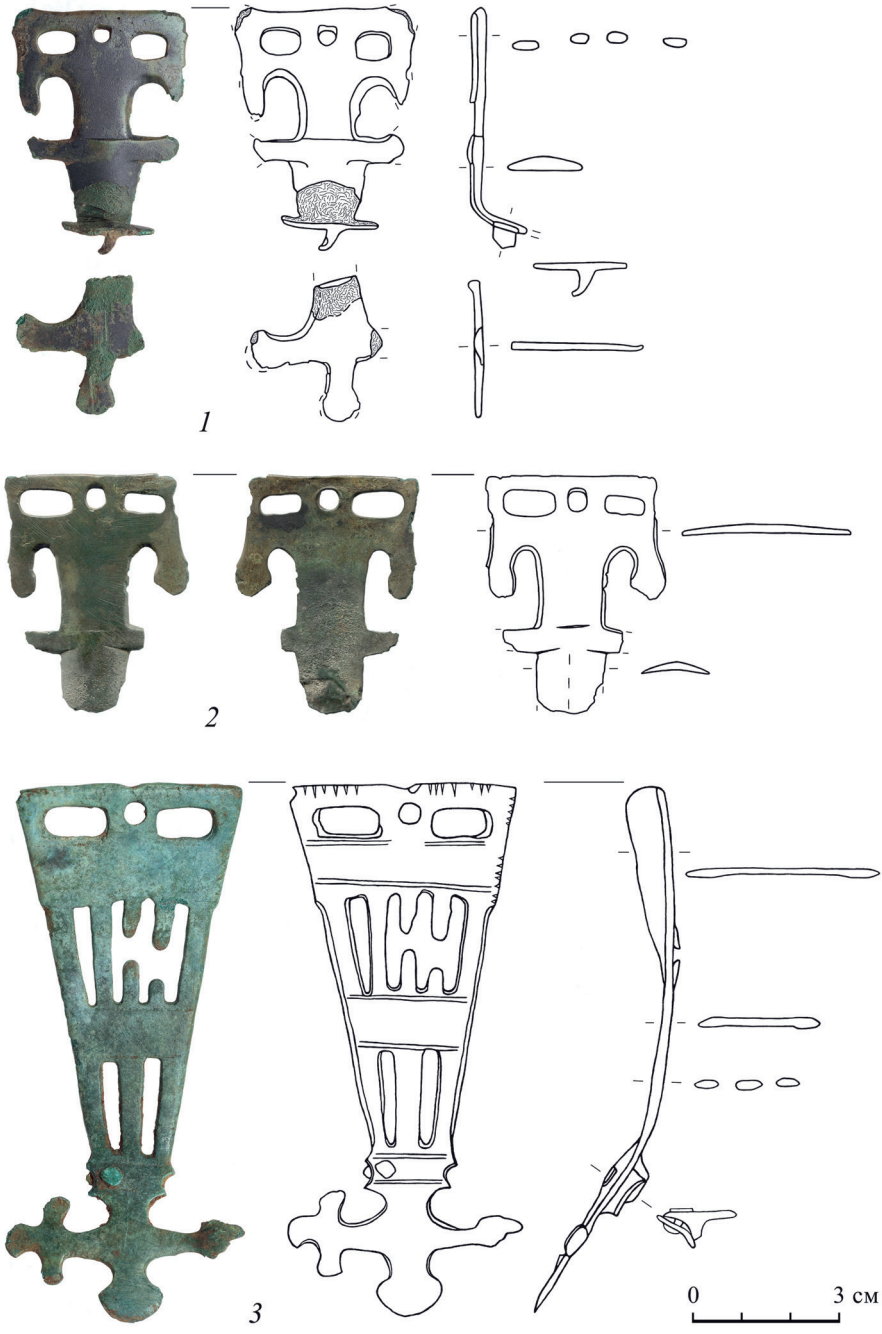

Рис. 3. Новые находки бронзовых украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей в ареале мощинской культуры

1 – окрестности д. Воздремо; *2* – севернее д. Козюлькино; *3* – окрестности пос. Хрящ
1–3 – фотографии Р. М. Солопова, рисунки М. А. Воронцова

Рис. 4. Новая находка бронзового украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей в ареале мощинской культуры

1 – окрестности с. Богослово. Фотографии Р. М. Солопова, рисунок А. М. Воронцова

Наибольший интерес из новых поступлений представляют собой три фибулы, территориально связанные со средним и нижним течением р. Упа (рис. 1: *27–29*). Это случайные находки, сделанные севернее д. Козюлькино, у п. Хрящ и у д. Воздремо (кат. № 5–7; рис. 3: *1–3*). Их можно отнести к изделиям «с элементами деградации», которые традиционно соотносятся с поздним этапом развития стиля, наряду с «ажурными» изделиями с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок (*Корзухина*, 1978. С. 25–26; *Обломский,*

Терпиловский, 2007. С. 120–124). Такие изделия ранее в мощинском ареале не фиксировались.

Все три публикуемые фибулы бронзовые, отлитые по восковой модели. Их отличает грубая форма, отсутствие профилировки, упрощенная застежка – наличие круглого отверстия на головке для примитивной, вероятно железной, иглы. Полностью сохранившиеся экземпляры имеют крестообразное окончание ножки (рис. 3: *1, 3*).

Экземпляры из Воздремо и Козюлькино (рис. 3: *1, 2*) относятся к типу IV.1, по Г. Ф. Корзухиной, – фибулы с элементами деградации, имеющие в основе тип обычной перекладчатой фибулы (*Корзухина*, 1978. С. 25–26). Е. Л. Гороховский объединил типы I (сильно профилированные), II (перекладчатые) и IV.1, по Г. Ф. Корзухиной, в одну группу – двучленных Т-образных фибул круга выемчатых эмалей (*Гороховский*, 1982а). Ее характеризует наличие у всех экземпляров характерной, расширенной у пружины подтреугольной головки с уплощенной центральной частью и боковыми гранями различной площади, которая переходит в суженную спинку с продольным ребром и боковыми гранями, отделенную от головки и ножки (в большинстве случаев) поперечными гребнями или перекладинами (Там же. С. 126–132). Группа делится на три серии: с узкой, трапециевидной и крестообразной ножками; серии делятся на типы по степени профилированности корпуса (S-видная, в двух плоскостях, уплощенная). Наши экземпляры относятся к третьей серии, типу III, признаются наиболее поздними экземплярами и датируются в рамках середины – 2-й половины IV в. (Там же. С. 137–142).

Экземпляр из Хряща (рис. 3: *3*) относится к типу IV.2, по Г. Ф. Корзухиной, – фибулы с элементами деградации, имеющие в основе тип обычной треугольной фибулы (*Корзухина*, 1978. С. 26).

Рассматриваемые изделия, безусловно, стилистически относятся к кругу восточноевропейских выемчатых эмалей, но в то же время они представляют собой очень простые, грубые по исполнению изделия, явно не относящиеся к престижному набору. Их невозможно рассматривать вместе со сложными ажурными изделиями третьей стадии развития стиля, некоторые из которых украшены серебряной фольгой, как экземпляры из найденного на верхней Оке Бессоновского клада, датируемого концом IV – началом V в. (*Радюш*, 2020. С. 147–148. Рис. 6: *1–3*). Таким образом, они относятся не к третьему этапу развития стиля, а характеризуют свою линию развития украшений этого круга, не относящуюся к престижному убору.

В их оформлении сложно усмотреть элементы «ажурности»: во всех случаях на головке присутствуют два овальных отверстия и расположенное между ними круглое отверстие для иглы. Дополнительные «прорези» есть только на треугольной фибуле, на ней же прослежен дополнительный декор в виде линий, ограничивающих три условных поля без прорезей (такой прием орнаментации встречается на изделиях средней стадии развития стиля, например рис. 2: *2*) и насечки на головке.

Хронология подобных изделий в настоящий момент неясна, поскольку большинство из них представляет собой случайные находки. Рассмотренные А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским находки из Компанийцев, Ульяновки

и Кветуни позволяют предположить существование таких изделий в IV в., но исключить их появление в период бытования изделий средней стадии развития стиля невозможно (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 123). Можно предположить, что возникновение примитивных подражаний престижным украшениям круга восточноевропейских выемчатых эмалей на верхней Оке, наиболее вероятно, связано с ранним культурно-хронологическим горизонтом памятников мощинской культуры, датирующимся в рамках середины – второй половины III в. Небольшое количество находок не позволяет говорить о длительном времени их бытования.

Имеющаяся на сегодняшний день информация позволяет говорить о том, что большинство находок украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей в ареале мощинской культуры связано не с городищами, а с выявленными поселениями или с не выявленными поселениями или грунтовыми могильниками. Накопившаяся информация позволяет сделать попытку выделения ареала ранних памятников мощинской культуры, которых характеризуют изделия этого стиля.

При знакомстве с картой находок (рис. 1) бросается в глаза полное отсутствие пунктов находок на большей части левобережья Оки, в частности в бассейне Жиздры. В бассейне Угры выделяется единственный пункт – городище Мощины и селище, расположенное за валом городища (рис. 1: *1*). Кроме этого, есть еще упоминание о несохранившихся находках с городища Ленское, расположенного в 7 км от Мощинского (*Воронцов*, 2020. С. 261).

Проще всего было бы объяснить этот факт отсутствием информации о массовых грабительских находках с этой территории. Тем не менее это не так – мониторинг этого региона ведется, благодаря чему удалось собрать большое количество сведений о находках, относящихся к мощинской культуре. При подготовке настоящей статьи была проведена дополнительная тщательная проверка сведений о случайных находках из этого региона. Кроме того, здесь проводились масштабные раскопки экспедиции ИА АН СССР под руководством Т. Н. Никольской, давшие выразительные материалы мощинской культуры с городищ Дешовки, Серенск, Николо-Ленивец, Свинухово (*Никольская*, 1959; 1962; 1966; 1970; *Фролов*, 1970).

Таким образом, вероятнее всего, здесь практически отсутствуют памятники мощинской культуры раннего горизонта, характеризующегося находками вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Наличие анклава таких находок в районе городища Мощины требует своего объяснения, в настоящее время убедительной версии нет.

Две находки из северной части ареала – с городищ Лысая Гора и Ростиславль (рис. 1: *9, 19*; *Воронцов*, 2020. С. 269, 270, 272. Рис. 5: *6, 7*) – представляют собой хоть и имеющие эмалевые поля, но очень грубые отливки изделий, несомненно являющиеся дериватами, а не стильными вещами средней стадии развития стиля. В отношении находки с Ростиславля существуют обоснованные сомнения в соотнесении ее с памятником мощинской культуры. Наибольшее сходство с материалами мощинской культуры имеет выделенный на нем горизонт пожара гуннского времени – последней четверти IV – первой половины V в. (*Тавлинцева*, 2010). Соотнесение обсуждаемой находки с этим горизонтом сомнитель-

но. Предшествует ему горизонт памятника с так называемой поздней профилированной текстильной керамикой, датирующийся от рубежа эр до III в. н. э. (*Лопатина, Тавлинцева*, 2017). Верхняя дата обоснована находкой двух пряжек позднесарматского круга, относящихся к типу П2б, по В. Ю. Малашеву, и датирующихся в рамках III в. (Там же. С. 352. Рис. 4: *3*; *Малашев*, 2000. С. 195, 196, 199–201). Хронологически именно с этим горизонтом можно соотнести находку интересующей нас подковообразной фибулы, хотя среди относящихся к нему материалов она выглядит чужеродно.

Находки в бассейне р. Протва (рис. 1: *10, 11*) также неоднозначны. Они достаточно далеко отстоят от основного ареала, кроме того, контекст их не вполне ясен. Находка с селища Рыжково происходит из переотложенного в ходе сооружения древнерусских курганов слоя (*Воронцов,* 2020. С. 270–271. Рис. 2: *4*). Предметы с Огубского городища происходят из старых, плохо документированных раскопок, и однозначное соотнесение их с мощинской культурой проблематично (*Воронцов*, 2020. С. 270. Рис. 3: *3*; 5: *3*; 7: *1*).

Южная часть рассматриваемого ареала, включающая верховья Оки в границах современной Орловской области, насчитывает большое количество пунктов (рис. 1: *13–16, 31–37*). Тем не менее в последнее время появился ряд сомнений в правильности их соотнесения с мощинской культурой.

В этом регионе отсутствует развитая сеть городищ, характерная для более северной части мощинского ареала. Работа с коллекцией из раскопок Т. Н. Никольской на одном из базовых памятников региона – городище Воротынцево, хранящейся в Орловском краеведческом музее, показала, что весь материал относится к позднему горизонту мощинской культуры, датирующемуся не ранее гуннского времени (*Никольская*, 1959. Рис. 17).

Раскопки 2014 г. на поселении Железное городище 1 Шаблыкинского района, расположенном в западной части Орловской области, в верховьях р. Навля, проводившиеся под руководством Е. В. Столярова, дали синхронные материалы (*Воронцов и др.*, 2017. С. 170–171)[2]. Знакомство со всеми доступными, к сожалению пока неопубликованными, материалами разведочных и раскопочных работ на территории региона позволяет говорить уверенно только о наличии в орловском Поочье поздних материалов мощинской культуры. Соотнесение с ними вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей весьма сомнительно.

Сомнения по поводу принадлежности орловских находок мощинской культуре ранее были высказаны и О. А. Радюшем (*Радюш*, 2020. С. 145–146). Он предлагает рассматривать их в рамках памятников «позднезарубинецко-киевской-колочинской культурной традиции». Под позднезарубинецкими здесь подразумеваются памятники типа Почепа, восточная часть ареала которых в бассейне верхней Оки (орловское течение) была открыта И. К. Фроловым (Там же. С. 152). Попробуем, насколько это возможно в настоящее время, рассмотреть их контекст более подробно.

[2] Сейчас эти материалы готовятся к публикации.

Среди учтенных О. А. Радюшем находок выделяется фрагмент подковообразной фибулы с поселения Подъяковлево на Зуше (рис. 1: *39*) (Там же. С. 142, 150. Рис. 4: *2*). Такие застежки являются одними из самых ранних изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей, относятся к типу I, по А. Яблонской, или к серии I, типу 2, по более дробной типологии Е. Л. Гороховского, и датируются в рамках второй половины II – начала III в. (*Jabłońska*, 1992. S. 123–125. Tabl. II; *Гороховський*, 1982б. С. 23, 28–30. Рис. 6: *2*). Хронологически эта находка более ранняя, чем время появления памятников мощинской культуры.

Находки, происходящие с селища Мешково 2 на р. Цон (рис. 1: *33*), по результатам разведочных исследований были отнесены к горизонту, относящемуся к киевской культуре (*Радюш*, 2020. С. 151–153. Рис. 3: *1, 2, 4*). С 2019 г. на памятнике ведутся раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С. В. Воронятова. Эти материалы еще практически не введены в научный оборот, но освещались на ряде докладов. Наиболее интересны материалы изученной почепской постройки, где была найдена бронзовая трапециевидная подвеска, аналогии которой известны в составе Мощинского, Межигорского и Брянского кладов круга восточноевропейских выемчатых эмалей (*Воронятов, Горячев*, 2023). Автор работ считает, что эта находка свидетельствует в пользу гипотезы о появлении таких пластинчатых украшений раньше вещей с эмалями, «еще в период существования памятников горизонта Рахны – Почеп (вторая половина I – начало II в. н. э.)». На наш взгляд, аргументация может быть повернута в другую сторону, и эта находка, скорее, говорит о необходимости омоложения верхней границы существования памятников типа Почепа до начала III в., что позволит сократить хронологическую лакуну между ними и ранними памятниками мощинской культуры середины III в., с которыми они генетически связаны (*Воронцов*, 2022. С. 146–147). Необходимо также отметить, что в докладах С. В. Воронятов неоднократно сообщал, что при раскопках изучены только объекты памятника типа Почепа и колочинской культуры, слои и сооружения киевской культуры отсутствуют. Безусловно, поскольку исследования памятника продолжаются, полностью исключить возможность обнаружения на нем горизонта киевской культуры невозможно.

Другой интересный случай – находки, сделанные на поселениях Сорокино 1 и 2 в Хотынецком р-не (рис. 1: *36*) при проведении широкомасштабных спасательных исследований экспедицией ООО «Черноземье» (*Радюш*, 2020. С. 146, 153–154). Результаты раскопок пока не опубликованы, но мне удалось ознакомиться с отчетом[3]. Основной материал с памятника датируется древнерусским временем, но ряд заглубленных объектов относятся к киевской культуре, хотя и не к ее раннему периоду, для которого характерны находки вещей с эмалями. Сами вещи происходят из культурного слоя и, к сожалению, с изученными объектами не связаны. В непосредственной близости от этих поселений, при изучении района обнаружения находки у пункта Мертвое/Луговая Хотынецкого р-на (рис. 1: *35*), было обнаружено селище с материалами ранней киевской культуры (*Радюш*, 2020. С. 153. Рис. 3: *8*). Эти два случая позволяют предположить,

[3] Благодарю Игоря Егоровича Бирюкова за предоставленную возможность.

что часть орловских находок действительно может быть связана с киевскими памятниками.

Таким образом, основной ареал находок предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, достаточно аргументированно связанных с наиболее ранним горизонтом мощинской культуры, занимает русло Оки от впадения Зуши до впадения Протвы, а также нижнее и среднее течение Упы (рис. 1: *а, б*). Находки из верховьев Оки в границах современной Орловской области, вероятнее всего, связаны с поздними памятниками типа Почепа и, возможно, с проникновением в регион носителей киевской культуры.

В завершение хочу высказать искреннюю благодарность за помощь в сборе материалов для статьи Виталию Андреевичу Дудареву, Сергею Вячеславовичу Зимину, Юрию Юрьевичу Петрову и Олегу Александровичу Радюшу.

Каталог находок

1. Селище Супруты 6, Щекинский р-н Тульской обл. (рис. 1: *23*)[4].

1.1. Звено цепи, прямоугольное, фрагмент (рис. 2: *4*). Бронза, длина фрагмента – 4,3 см, ширина – 1,6 см. С одной стороны имеет ушко, расположенное в перпендикулярной плоскости. Сохранилось треугольное эмалевое поле с остатками красной эмали.

Публ.: *Воронцов, Столяров*, 2020. Рис. 6: *2*. Хран. ГМЗ «КП».

2. Селище Супруты 7, Щекинский р-н Тульской обл. (рис. 1: *24*).

2.1. Фибула треугольная с треугольной ножкой (рис. 2: *1*). Бронза, размеры 13,0 × 6,0 см. Утрачены игла и пружина, небольшие утраты по краю. Имеет 5 крупных эмалевых полей, заполненных красной эмалью.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

2.2. Фибула треугольная с треугольной ножкой (рис. 2: *2*). Бронза, размеры 9,2 × 4,1 см. Утрачены игла и половина пружины, небольшие утраты по краю. Имеет 4 крупных эмалевых поля и 3 маленьких круглых, заполненных красной эмалью.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

3. Селище Залесный 1, муниципальное образование г. Тула (рис. 1: *25*).

3.1. Фибула треугольная, фрагмент (рис. 2: *5*). Бронза, длина фрагмента – 7,7 см, ширина – 4,1 см. В верхней части имеет три расположенных горизонтально маленьких эмалевых поля с остатками красной эмали.

Не публ.: Хран. ГМЗ «КП».

4. Окрестности г. Одоев, Одоевский р-н Тульской обл. (рис. 1: *26*).

4.1. Браслет широкий, треугольного сечения, с гребнями, фрагмент (рис. 2: *3*). Бронза, длина фрагмента – 6,3 см, ширина гребня – 4,0 см. Эмалевых полей не имеет.

[4] В каталоге 2020 г. этот пункт был учтен, публикуемая вещь дополняет список находок, происходящих с этого памятника.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

5. Севернее д. Козюлькино, Одоевский р-н Тульской обл. (рис. 1: *27*).

5.1. Т-образная фибула, фрагмент (рис. 3: *2*). Бронза, длина фрагмента – 4,8 см, ширина – 3,5 см. Эмалевых полей и орнамента не имеет.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

6. Окрестности пос. Хрящ, Белевский р-н Тульской обл. (рис. 1: *28*).

6.1. Треугольная фибула с крестовидной ножкой (рис. 3: *3*). Бронза, размеры 11,4 × 4,7 см. Утрачена игла, деформирована. На обломанном в древности приемнике следы ремонта – с помощью заклепки прикреплена пластина. Эмалевых полей не имела, украшена гравированными линиями и насечками по краю головки.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

7. Окрестности д. Воздремо, Щекинский р-н Тульской обл. (рис. 1: *29*).

7.1. Т-образная фибула с крестовидной ножкой (рис. 3: *1*). Бронза, 2 фрагмента, длиной 4,9 и 2,9 см, ширина – 3,6 см. Утрачена игла, деформирована, преемник сохранился не полностью. Эмалевых полей и орнамента не имеет.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

8. Окрестности с. Богослово (район кладбища), Чернский р-н Тульской обл. (рис. 1: *30*).

8.1. Лунница большая, трехрогая (рис. 4). Бронза, размеры 6,1 × 8,7 см. Сохранность полная. Имеет в верхней части два секировидных эмалевых поля, в 1-м сохранились остатки эмали зеленого, во 2-м – красного цвета. Лопасти в верхней части соединены рельефным поясом.

Не публ. Хран. ГМЗ «КП».

ЛИТЕРАТУРА

Бакулина У. Д., 2025. Большие ажурные лунницы круга восточноевропейских выемчатых эмалей // КСИА. Вып. 279. С. 66–82.

Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ КП. 173 с.

Воронцов А. М., 2020. Находки круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территории мощинской культуры // Германия – Сарматия. Вып. III / Ред.: О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. М.: ИА РАН. С. 258–275.

Воронцов А. М., 2022. Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II – VII век) // Археология Окско-Донского водораздела: в 2 кн. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья / Ред. А. М. Воронцов. Тула: ГМЗ КП. С. 142–184.

Воронцов А. М., Гавритухин И. О., Радюш О. А., в печати. Северо-восточная зона распространения фибул с высоким приемником (группы Almgren-VII) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференции 5 и 6 / Отв. ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: ГМЗ КП.

Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2020. Поселение Супруты 6 (середина III–IV вв.) на верхней Оке // Между Востоком и Западом = Inter Orientem et Occidentem: сб. ст. к 65-летию доктора Эрдмуте Шультце и 20-летию Германо-Славянской археолог. экспедиции / Ред.: М. В. Любичев, К. В. Мызгин. Харьков: Харьковский гос. ун-т им. В. Н. Каразина. С. 109–130. (Остроготика; т. 3.)

Воронцов А. М., Столяров Е. В., Столярова К. А., Простяков И. С., Колоколов А. М., Фомин К. Н., 2017. Археологические исследования в Тульской и Орловской областях в 2014–2015 гг. // АО. 2015 год. М.: ИА РАН. С. 168–172.

Воронятов С. В., Горячев И. О., 2023. Постзарубинецкий «длинный дом» селища Мешково II // От Урала до Балкан: контакты и конфликты в римское время в эпоху Средневековья: IV Российско-Сербская археолог. конф.: программа с тезисами. Нови-Сад; Белград: Музей Воеводины. С. 38–39.

Гороховский Е. Л., 1982а. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 115–151.

Гороховський Е. Л., 1982б. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38. С. 16–35.

Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 125 с. (САИ; вып. Е1-43.)

Лопатина О. А., Тавлинцева Е. Ю., 2017. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке / Отв. ред.: Л. А. Беляев, М. И. Гоняный. Смоленск: Свиток. С. 345–361.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. 1.)

Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. М.: Изд-во АН СССР. 151 с. (МИА; № 72.)

Никольская Т. Н., 1962. Городище у дер. Николо-Ленивец (Раскопки 1954–1958 гг.) // СА. № 1. С. 221–240.

Никольская Т. Н., 1966. К этнической истории бассейна Верхней Оки // КСИА. Вып. 107. С. 9–16.

Никольская Т. Н., 1970. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. С. 83–90. (МИА; № 176.)

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (РСМ; вып. 10.)

Радюш О. А., 2020. Новый ареал вещей круга выемчатых эмалей в Орловском верхнем Поочье // Краеведческие записки. Вып. 13. Орел: Картуш. С. 140–156.

Тавлинцева Е. Ю., 2010. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тысячелетия н. э. // АП. Вып. 6 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 24–33.

Третьяков П. Н., 1941. Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. Т. 1 / Ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 9–55. (МИА; № 6.)

Фролов И. К., 1970. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. С. 80–82. (МИА; № 176.)

Хомякова О. А., 2018. Браслеты Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 86–94. (РСМ; вып. 18.)

Jabłońska A., 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-wschodniej w okresie wpływów rzymskich // Acta Baltico-Slavica. T. 21. S. 115–165.

Сведения об авторе

Воронцов Алексей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amvorontsov@gmail.com

A. M. Vorontsov

NEW FINDS MADE IN THE EAST EUROPEAN CHAMPLEVÉ TRADITION FROM THE MOSHCHINY CULTURE AREA

Abstract. The paper publishes new finds of jewelry ascribed to the East European champlevé tradition that come from the Upper Oka region (Fig. 2–4). They complement the earlier published corpus of the items made in this tradition that have been found in the area occupied by the Moshchiny culture (*Vorontsov*, 2020). The analysis of all presently known finds has led us to conclude that the area where, based on rather sound arguments, these items linked to the earliest Moshchiny horizon, were mostly common, includes the Oka waterway from the confluence of the Zusha river and the Oka river as far as the point where the Protva river flows into the Oka and the lower and the middle stream of the Upa river (Fig. 1: *a, b*). The finds from the Upper Oka region within the boundaries of the present-day Orel Region most likely are linked to the sites of the Pochep type of the later period and, possibly, to the penetration of the Kievan culture people.

Keywords: Upper Oka, Moshchiny culture, sites of the Vozdremo type, sites of the Pochep type, items made in the East European champlevé tradition.

REFERENCES

Bakulina U. D., 2025. Bolshie azhurnye lunnitsy kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley [Large openwork lunulae of the East European champlevé enamel tradition]. *KSIA*, 279, pp. 66–82.

Frolov I. K., 1970. Nizhniy sloy gorodishcha u der. Serensk [Lower layer of hillfort near village Serensk]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi [Ancient Slavs and their neighbors]*. Yu. V. Kukharenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 80–82. (MIA, 176.)

Gorokhovskiy E. L., 1982a. O gruppe fibul s vyemchatoy emalyu iz Srednego Podneprov'ya [On a group of champlevé enameled fibulae from Middle Dnieper region]. *Novye pamyatniki drevney i srednevekovoy khudozhestvennoy kultury [New pieces of ancient and medieval art culture]*. V. D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 115–151.

Gorokhovs'kiy E. L., 1982b. Pidkovopodibni fibuli Seredn'ogo Podniprov'ya z viïmchastoyu emallyu [Horse-shoe shape fibulae from Middle Dnieper region with champlevé enamel]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 38, pp. 16–35.

Khomyakova O. A., 2018. Braslety Bryanskogo klada [Braslets from the Bryansk hoard]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of jewelry with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 86–94. (RSM, 18.)

Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'e [Attire details with champlevé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 125 p. (SAI.)

Lopatina O. A., Tavlintseva E. Yu., 2017. Pozdnyaya profilirovannaya «tekstilnaya» keramika gorodishcha Rostislavl [Late profiled «textile» ceramics from Rostislavl hillfort]. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya [De mare ad mare. Archaeology and history]*. L. A. Belyaev, M. I. Gonyanyy, eds. Smolensk: Svitok, pp. 345–361.

Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of late Sarmatian period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]*. Yu. K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, 1.)

Nikolskaya T. N., 1959. Kultura plemen basseyna verkhney Oki v I tys. n. e. [Culture of tribes of Upper Oka basin in I mill. AD]. Moscow: AN SSSR. 151 p. (MIA, 72.)

Nikolskaya T. N., 1962. Gorodishche u der. Nikolo-Lenivets (Raskopki 1954–1958 gg.) [Hillfort near village Nikolo-Lenivets (1954–1958 excavations)]. *SA*, 1, pp. 221–240.

Nikolskaya T. N., 1966. K etnicheskoy istorii basseyna Verkhney Oki [On ethnic history of Upper Oka basin]. *KSIA*, 107, pp. 9–16.

Nikolskaya T. N., 1970. K istorii domostroitelstva u plemen basseyna Verkhney Oki [On history of house building among the tribes of Upper Oka basin]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi [Ancient Slavs and their neighbours]*. Yu. V. Kukharenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 83–90. (MIA, 176.)

Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G. F. Korzukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire details with champlevé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (supplement to corpus by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovsky)]. *Pamyatniki kievskoy kultury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Sites of Kiev culture in forest–steppe zone of Russia (III – early V c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)

Radyush O. A., 2020. Novyy areal veshchey kruga vyemchatykh emaley v Orlovskom verkhnem Pooch'e [New area of objects from the circle of champlevé enamels in the Orel Upper Oka region]. *Kraevedcheskie zapiski [Local lore notes]*, 13. Orel: Kartush, pp. 140–156.

Tavlintseva E. Yu., 2010. Gorodishche Rostislavl – gorizont pozhara serediny I tysyacheletiya n. e. [Rostislavl hillfort – a fire horizon of mid I millennium AD]. *AP*, 6, pp. 24–33.

Tret'yakov P. N., 1941. Severnye vostochnoslavyanskie plemena [North Eastern Slavik tribes]. *Etnogenez vostochnykh slavyan [Ethnogenesis of Eastern Slavs]*, 1. M. I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 9–55. (MIA, 6.)

Vorontsov A. M., 2013. Kulturno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural and chronological horizons of sites of II–V centuries in territory of Oka-Don watershed]. Tula: GMZ KP. 173 p.

Vorontsov A. M., 2020. Nakhodki kruga vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley na territorii moshchinskoy kul'tury [Finds of a circle of East European champlevé enamels in territory of Moshchiny culture]. *Germaniya – Sarmatiya [Germania – Sarmatia]*, III. O. Radyush, A. Blyuene, M. Lyubichev, eds. Moscow: IA RAN, pp. 258–275.

Vorontsov A. M., 2022. Pozdnerimskoe vremya i epokha Velikogo pereseleniya narodov (konets II – VII vek) [Late Roman and Migration periods (late II – VII century)]. *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela [Archaeology of Oka-Don watershed], 1. S drevneyshikh vremen do Srednevekov'ya [From ancient times to Middle Ages]*. A. M. Vorontsov, ed. Tula: GMZ KP, pp. 142–184.

Vorontsov A. M., Gavritukhin I. O., Radyush O. A., in print. Severo-vostochnaya zona rasprostraneniya fibul s vysokim priemnikom (gruppy Almgren-VII) [Northeastern zone of distribution of fibulae with high receiver (Almgren-VII group)]. Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsii 5 i 6 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the period of Roman influences and Migration period. Conferences 5 and 6]. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Tula: GMZ KP.

Vorontsov A. M., Stolyarov E. V., 2020. Poselenie Supruty 6 (seredina III–IV vv.) na verkhney Oke [Settlement Supruty 6 (mid III–IV cc) on Uper Oka]. *Mezhdu Vostokom i Zapadom = Inter Orientem et Occidentem*. M. V. Lyubichev, K. V. Myzgin, eds. Kharkov: Kharkovskiy gos. universitet imeni V. N. Karazina, pp. 109–130. (Ostrogotika, 3.)

Vorontsov A. M., Stolyarov E. V., Stolyarova K. A., Prostyakov I. S., Kolokolov A. M., Fomin K. N., 2017. Arkheologicheskie issledovaniya v Tulskoy i Orlovskoy oblastyakh v 2014–2015 gg. [Archaeological research in Tula and Orel regions in 2014–2015]. *AO 2015*. Moscow: IA RAN, pp. 168–172.

Voronyatov S. V., Goryachev I. O., 2023. Postzarubinetskiy «dlinnyy dom» selishcha Meshkovo II [Post-Zarubintsy «long house» at settlement Meshkovo II]. *Ot Urala do Balkan: kontakty i konflikty v rimskoe vremya v epokhu Srednevekov'ya: IV Rossiysko-Serbskaya arkheologicheskaya konferentsiya [From the Urals to the Balkans: contacts and conflicts in Roman period in Middle Ages: IV Russian-Serbian archaeological conference]*. Novi-Sad; Belgrad: Muzey Voevodiny, pp. 38–39.

About the author

Vorontsov Aleksey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amvorontsov@gmail.com

А. А. Ковалев

ДАТИРОВКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕТЕСИНСКИХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАНА АРШАНОВО-30, РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ)[1]

Резюме. В 2022 г. отрядом Института археологии РАН на территории Республики Хакасия были проведены полные научные раскопки кургана Аршаново-30, относящегося к раннему периоду тесинской культуры (тесинского этапа тагарской культуры). Впервые в истории исследований основная коллективная могила («склеп», могила 9) в таком кургане оказалась не потревоженной грабителями. Результаты зачистки костей на дне склепа дают основания полагать, что здесь захоранивались фрагменты человеческих тел. С юга от склепа располагалась каменная площадка, которая могла использоваться для выставления трупов. Аналогичные площадки найдены при раскопках других раннетесинских курганов. Поэтому в качестве вероятной причины религиозной трансформации в тагарской культуре на этом этапе (исчезновение «звериного стиля», новые формы погребения и курганной архитектуры) нужно рассматривать влияние традиций Средней Азии (и прилегающих к ней земель), где выставление трупов и захоронение разложившихся останков практиковалось издревле. Десятки уменьшенных копий бронзовых кинжалов, чеканов и ножей в склепе соответствуют находкам в других раннетесинских склепах. Близкие им аналогии встречены в курганах пазырыкской культуры V–III вв. до н. э., в том числе датированных по абсолютной дендрошкале концом IV – началом III в. до н. э. По костям животных из склепа были получены две ^{14}C-даты (AMS): GV-04362 2271 ± 33 некал. л. н.; GV-04363 2291 ± 33 некал. л. н. Кроме того, в склепе был найден глиняный сосуд пазырыкского облика (по форме и орнаментации). Таким образом, начало тесинского этапа (культуры) приходится на конец IV в. до н. э., а не на хуннское время, как считалось ранее.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00424, https://rscf.ru/project/25-18-00424

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.256-274

Ключевые слова: Республика Хакасия, Средняя Азия, тесинская культура (тесинский этап тагарской культуры), сарагашенский этап тагарской культуры, пазырыкская культура, бронзовые вотивные предметы, обряд выставления трупов.

В июле – августе 2022 г. Бейским отрядом Института археологии РАН были проведены спасательные раскопки одиночного кургана Аршаново-30, попадающего в полосу отвода строительства железнодорожной инфраструктуры Бейского угольного месторождения. В результате работ было установлено, что первоначальным сооружением в кургане была подквадратная ограда размерами в плане 19,5 × 19,5 м из установленных на ребро каменных плит, ориентированная осями по сторонам света с отклонением около 15 градусов против часовой стрелки. Ограда была сильно разрушена в древности, особенно в западной части. Сохранившиеся *in situ* плиты ограды были в большинстве вкопаны на незначительную глубину (0,1–0,3 м от древней поверхности) и подпирались снаружи установленными на ребро камнями-контрфорсами (рис. 1).

В середине огражденной площадки была выкопана подквадратная яма (склеп, могила 9) около 6 м в поперечнике[2], ориентированная осями по сторонам света с отклонением около 8 градусов против часовой стрелки, глубиной около 2,5 м от древней дневной поверхности. Выкиды материковой гальки из ямы легли к западу и востоку от нее, причем с востока в разрезе было прослежено, что выкид налегал на стенку ограды, которая служила препятствием для его расширения. На дне ямы, на дощатом полу, было устроено коллективное захоронение человеческих останков с погребальным инвентарем, не потревоженное при последующих прокопах (рис. 2). Склеп изначально был на уровне древнего горизонта перекрыт бревнами в один (два?) наката (фрагменты этих бревен сохранились у бортов ямы).

Не более чем в трех метрах от середины южного борта ямы, в проходе, образованном западным и восточным материковыми выкидами, на уровне древнего горизонта была сооружена каменная площадка (рис. 3: *3*). Ее основу составляла каменная плита размерами около 1,5 × 1,5 м, уложенная на каменно-земляную подсыпку с целью обеспечить надлежащий уровень ее поверхности (рис. 3: *4*). С запада и востока эту плиту обрамляли вкопанные в материк вертикальные плиты (с юга, видимо, была установлена такая же плита, но впоследствии она была извлечена, прослежен ровик для ее установки). Выкиды материковой гальки из ровиков для установки плит зафиксированы на поверхности погребенной почвы. С севера, со стороны склепа, по сторонам площадки были установлены небольшие камни, символически обозначавшие проход к могиле. Между площадкой и могильной ямой под фрагментом бревна перекрытия ямы были зачищены останки головы взрослого человека[3].

[2] Стенки ямы в материковом галечнике оползли и не прослеживались даже у ее дна, их конфигурация устанавливается по расположению фрагментов деревянных конструкций.

[3] Череп, нижняя челюсть, атлант. Голова могла быть захоронена намеренно или откатиться с площадки в результате разложения трупа (см. ниже); между площадкой и ямой на уровне древнего горизонта собраны разрозненные человеческие кости.

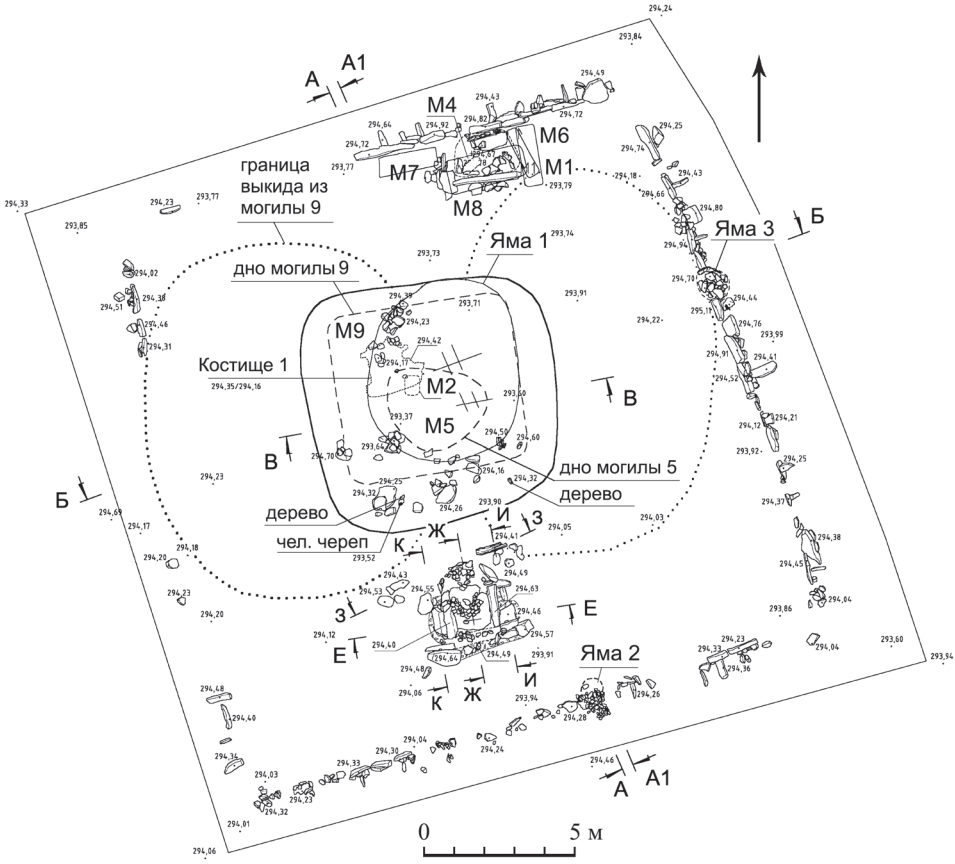

Рис 1. Курган Аршаново-30. Общий план

После завершения захоронений в склепе перекрытие могилы 9 подверглось воздействию огня. Затем все сооружение было перекрыто насыпью из мешаного гумусированного суглинка с включениями кусков дерна. Ее мощность составляла около 1 м и не превышала максимальную высоту выкидов, насыпь выходила за периметр ограды на 1–1,5 м и, таким образом, перекрывала контрфорсы. Вероятно, на момент сооружения насыпи склеп с обрушенным перекрытием был уже засыпан аналогичным гумусированным суглинком, поскольку признаки запáда насыпи в могильную яму не прослеживались.

Затем с поверхности насыпи в центре кургана была выкопана бесформенная яма с пологими стенками размерами в плане 3,2 × 2,6 м, глубиной 2,7 м, глубоко врезавшаяся в заполнение могилы 9. На дне этой ямы было устроено захоронение останков не менее 40 человек, чьи тела и фрагменты тел были бессистемно набросаны друг на друга (могила 5) (рис. 3: *1, 2*). После совершения захоронений яма была засыпана мешаным гумусированным суглинком, практически не отличавшимся от насыпи (заполнение прослеживалось в разрезах). В заполнении

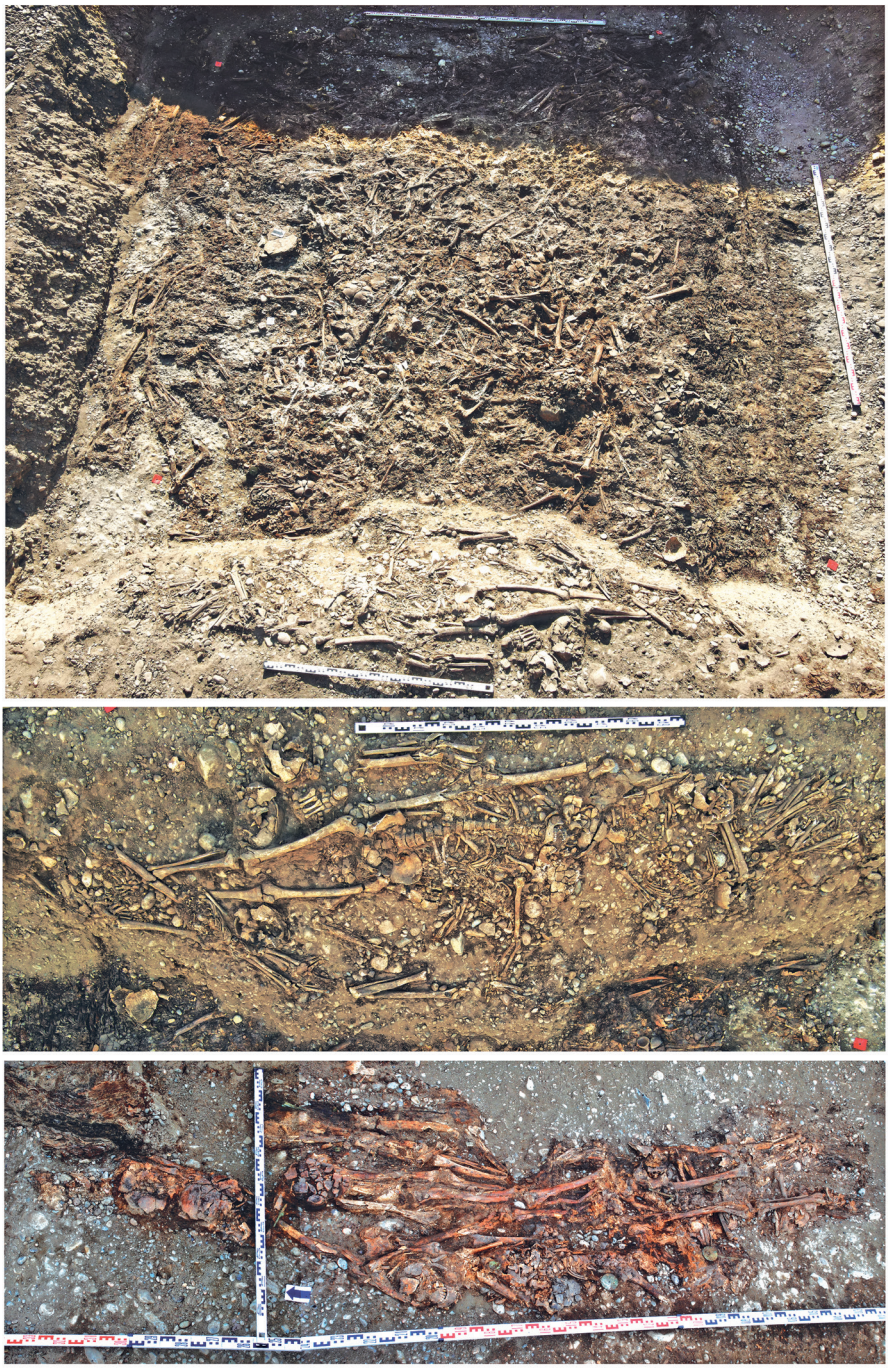

Рис. 2. Курган Аршаново-30, могила 9

1 – общий вид дна склепа (второй этап зачистки) с востока; *2* – кости погребенных на поверхности материкового оползня, вид с запада; *3* – кости погребенных с инвентарем на полу склепа, перекрытые материковым оползнем, вид с запада (коллаж)

Рис. 3. Курган Аршаново-30

1 – могила 5, первый уровень зачистки, вид с севера; *2* – могила 5, второй уровень зачистки, вид с юго-запада; *3* – ритуальная площадка, первый уровень зачистки, вид с востока (бревно перекрытия могилы 9 и голова человека, запавшие в могильную яму, отмечены стрелкой, вид с востока); *4* – ритуальная площадка, второй уровень зачистки (каменная кладка под плитой-помостом), вид с юга

этой ямы позже (в таштыкское время) было устроено костище останков домашних животных[4] (Костище 1).

В кургане также были исследованы одиночные могилы и керамические комплексы. Из них одно безынвентарное детское захоронение (могила 2) было

[4] По кости животного из костища получена ^{14}C-дата GV-04361: 1732 ± 33 л. н., 247 (95,4 %) 406 CalAD (калибровка в программе OxCal v4.4.4.).

впущено в центр кургана с поверхности насыпи, остальные устраивались вплотную друг к другу у северной стенки ограды. Наиболее раннее захоронение из этого «северного» комплекса (могила 8) – погребение взрослого человека с сохранившимися фрагментами раскрашенной глиняной маски на лице и с железным ножом (форма не прослеживается) – с большой вероятностью могло быть совершено с уровня древнего горизонта (были прослежены материковый выкид, стела и галечная наброска над ямой, однако эти наблюдения не являются бесспорными в связи с сильной деформацией грунта). Остальные могилы (1, 3, 4, 6, 7) впускались на том же месте уже с уровня насыпи.

Склеп (могила 9) – первый и пока единственный случай обнаружения нетронутого коллективного захоронения в курганах такого типа. Приведенные выше стратиграфические наблюдения и уникальный случай сохранения неразграбленным основного склепа позволяют сделать ряд выводов о характере погребального обряда, относительной и абсолютной хронологии коллективных могил тесинской культуры (этапа) (обзор дискуссии об этих дефинициях см.: *Красниенко*, 2023), которые позволяют по-новому интерпретировать данные раскопок аналогичных погребальных комплексов.

Судя по составу погребального инвентаря склепа (бронзовые вотивные копии кинжалов, чеканов, зеркала с центральной петелькой, ножи, подвески-пирамидки, чешуйки слюды, характерная керамика, отсутствие изделий из железа) (рис. 4; 5), а также исходя из особенностей его архитектуры, курган Аршаново-30 входит в круг «курганов-склепов раннетесинского периода» (*Пшеницына*, 1992. С. 234; *Кузьмин*, 2011. С. 33–34, 192–203). От типологически предшествующих тагарских курганов так называемого лепёшкинского этапа, в том числе эпонимного кургана у бывш. заимки Лепёшкина (территория совр. Лугавского сельсовета, Красноярский край), его отличают не только особенности конструкции, но и полное отсутствие предметов в зверином стиле, предметов неизвестного назначения, «штандартов» (*Вадецкая*, 1986. С. 118; *Кузьмин*, 2011. С. 31–33, 38, 40, 43–45, 55–58; *Герман и др*., 2023. С. 142–144). Соответствуют указанным критериям отнесенные к раннетесинским курганы: Маяк к. 8, Большое Русло, Степновка II, к. 1, Чалпан 1, к. 1 и к. 2, Лисий (склеп «а»), Тогр-Таг, к. 1, Летник II, к. 4 мог. 1, Новый Сарагаш, Разлив I, к. 3, мог. 2 (впускное погр., см. ниже) (*Кузьмин*, 2011. С. 33–34, 199–203, 251–300), а также, судя по инвентарю, склепы в курганах у с. Сухобузимское, у д. Карымское, у д. Татарская (*Вадецкая*, 2022), в кургане Шинное кладбище 1 (*Виноградов*, 2022). Нижеследующие выводы будут актуальны для интерпретации и датирования как минимум этих памятников.

Несмотря на незначительную разницу между грунтом, заполнявшим склеп (могилу 9), и заполнением впускной коллективной могилы 5, нам удалось проследить, что могила 5 была впущена с уровня насыпи и имела наклонные стенки, на которые опирались бессистемно набросанные тела и фрагменты тел погребенных (рис. 3: *1, 2*). Такую же картину мы видим на чертежах и фотографиях по результатам зачистки и последовательной разборки в 1984 г. коллективных погребений в пределах основного склепа кургана Большое Русло (*Кузьмин*, 2011. С. 284–286. Табл. 80–84; НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III Кол. 3147/ 290, 352, 353, 356–371). Отличие заключается только в том, что в кургане Большое Русло впускная могила была выкопана практически

Рис. 4. Курган Аршаново-30, могила 9

1 – развал сосуда (н. 53) на истлевшем черепе погребенного А4, вид с севера; *2* – кинжал и нож (н. 225), вид с запада; *3* – две подвески-пирамидки (н. 226), вид с севера; *4–10* – глиняные сосуды и их фрагменты (н. 53, 221а, 202а, 116а, 36, 190, 118а)

на всю площадь основной. 157 нетронутых скелетов, тщательно исследованных Н. А. Кузьминым при разборке пяти верхних «условных уровней» погребения (I–V), должны интерпретироваться как захоронения во впускной могиле, поскольку, во-первых, нижний горизонт этих останков залегает на 30–40 см выше дощатого пола основного склепа, во-вторых, крайние скелеты вместе с соседними каменными плитками имеют наклон к центру ямы, т. е. они были уложены с опорой на стенки ямы, впущенной в заполнение основной могилы,

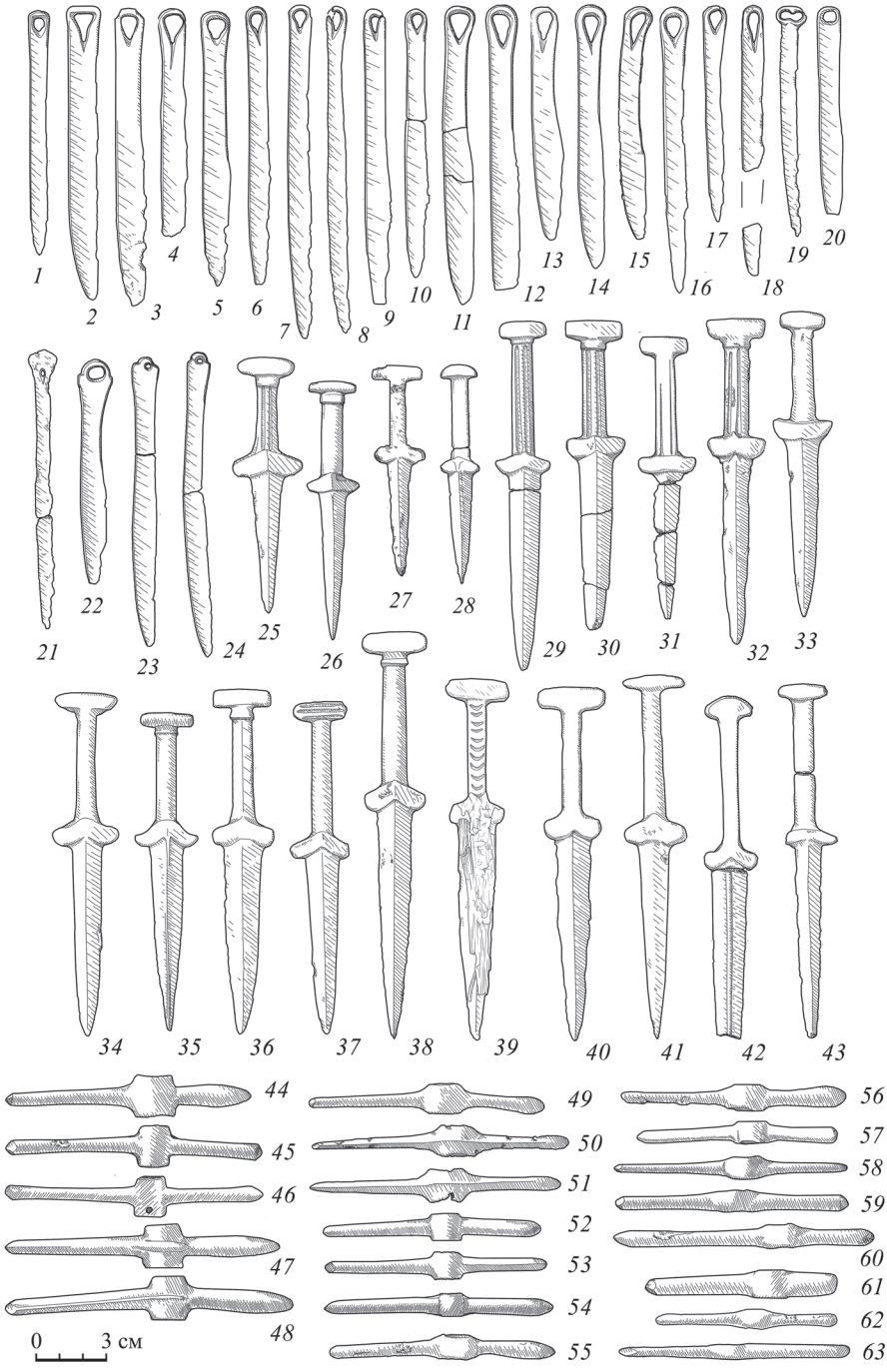

Рис. 5. Курган Аршаново-30, могила 9. Бронзовые предметы (уменьшенные копии) из скопления человеческих останков на полу склепа

1–24 – ножи; *25–43* – кинжалы; *44–63* – чеканы

и в-третьих, в разрезе А по центральной бровке мы видим на месте залегания этих пяти верхних уровней разрыв в сложенной из дерна насыпи, а поверх него – дополнительную каменную наброску. Таким образом, к захоронениям в основном склепе можно отнести только материалы разграбленного уровня VI – разрозненные кости, отдельные предметы и фрагменты керамики непосредственно на дощатом полу. Аналогичная ситуация прослеживается в могиле 2 кургана 3 могильника Разлив I, где впускное захоронение в обширной яме с раннетесинским инвентарем[5] было впущено в заполнение основной сарагашенской могилы, а не устраивалось «на ее перекрытии», как полагала М. Н. Пшеницына (*Пшеницына*, 1992. С. 227–228. Табл. 93: *32, 34–37, 39–41, 57–62, 64, 65*; НА ИИМК РАН. ФО. О.3070/25-29). Материалы полевых наблюдений показывают, что, как и в нашем случае, так и в курганах Большое Русло и Разлив I, к. 3, впускные коллективные захоронения не имели перекрытия, формировались за очень короткое время и сразу же засыпались землей, чем можно объяснить сохранность костяков *in situ* вплотную друг к другу. Это может быть следствием экстремальной модификации погребального обряда. Об изменении обряда говорит и то, что эти впускные погребения, в отличие от захоронений на дне склепов, содержат в большинстве целостные скелеты.

Тщательное исследование каменной конструкции, сооруженной на древнем горизонте у южного борта могильной ямы склепа (рис. 3: *3, 4*), показывает, что ее главным элементом была каменная плита, уложенная на подсыпку с небольшим наклоном к могиле. Площадку невозможно рассматривать как часть реального «входа» в склеп. В то же время аналогичные сооружения у других раннетесинских склепов без каких-либо оснований принято называть «входами» и даже дополнять на реконструкциях несуществовавшими стенами и потолком (*Кузьмин*, 2011. С. 76. Рис. 11; 12). Непредвзятое изучение данных полевых исследований показывает, что около склепов раннетесинских курганов на древнем горизонте фиксировались именно аналогичные площадки, составленные либо из камней, либо из камней и дерева: Большое Русло (горизонтальная плита 1,5 × 1,5 м на высоте 20 см, обрамленная бревнами, надстроена для укладки плиты меньшего размера), Чалпан 1, к. 1 (площадка из деревянных плах на высоте 30 см, обрамленная вертикальными плитками), Чалпан 1, к. 2 (горизонтальная плита 1 × 1,5 м на высоте около 30 см, обрамленная вертикальными плитками), Тогр-Таг (площадка полуразрушена при сооружении впускной могилы 2, *in situ* сохранились вкопанные плитки обрамления, горизонтальная плита размерами в плане 2 × 1,5 м отвалена в сторону) (*Zubkov*, 2003. Abb. 5–7; 28; *Кузьмин*, 2011. Табл. 81; 93–95. Приложение V). Данные об особенностях человеческих останков на дне непотревоженной погребальной камеры кургана Аршаново-30 (см. ниже) позволяют выдвинуть предположение, что эти площадки использовались для выставления тел умерших.

Зачистка костей погребенных на дне склепа показала, что их сохранность в большинстве случаев не позволяет без полного разрушения отделить их

[5] Кстати, эти материалы отчета свидетельствуют, что позднейшие восьмерковидные железные пряжки (*Пшеницына*, 1992. Табл. 93: *52*), якобы входившие в инвентарь этой могилы, вообще не были найдены при погребенных.

друг от друга и от тлена досок пола, хотя в нескольких местах их перекрывали циновки, плетенные из луба (?) (рис. 2: *1*). Кости лежали в три-четыре слоя, они спеклись в единую массу, и зачистить отдельные фрагменты тел в сочленении удавалось в единичных случаях. Многие кости уже рассыпались в прах (рис. 4: *1*). С южной стороны (откуда, скорее всего, заносили останки с поверхности) переслаиваемые маломощными материковыми натеками кости и артефакты к тому же были затоптаны и растащены при неоднократных актах подхоронения. Тем не менее на всей площади можно было проследить, что захоранивались не целые тела или скелеты, а их фрагменты, поскольку открывающиеся кости не находили своего анатомического продолжения. При этом сопроводительный инвентарь залегал в относительном порядке: зачищены развалы керамических сосудов и комплекты бронзовых предметов (зеркало-нож-шило, кинжал-нож, кинжал-чекан, комплекты парных пирамидок и т. п.) (рис. 4: *1–3*), что свидетельствует об отсутствии намеренного вмешательства в положение останков после их захоранивания.

Понять характер захоронения человеческих останков в склепе помогает уникальная ситуация у восточной стенки могилы. В этом месте после совершения на дощатом полу нескольких захоронений произошел мощный обвал материкового галечника. Образовавшийся выступ высотой около метра был обнесен тыном или лубяными циновками, а на его поверхности продолжали совершать захоронения. Таким образом, сформировались два уровня захороненных останков, каждый практически в один слой, которые можно было зачистить. Наверху уступа были совершены захоронения 11–12 фрагментов человеческих тел, включая один почти целый труп (рис. 2: *2*), а внизу, на дощатом полу сруба, – захоронения двух неполных тел, отдельных фрагментов конечностей и трех голов (череп с нижней челюстью) (рис. 2: *3*).

Таким образом, укладывавшиеся в склеп человеческие останки уже были фрагментированными, что позволяет говорить об их предварительном разложении или, что менее вероятно, расчленении. В совокупности с наличием каменной площадки у края ямы это дает основание предполагать наличие традиции выставления тел умерших. Все исследователи раннтесинских склепов отмечают крайне неудовлетворительную сохранность и фрагментированность останков на дне могил, однако прийти к выводу о намеренном захоронении здесь фрагментов человеческих тел не позволяла высокая степень разрушения погребений грабителями. В нашем случае этот фактор отсутствует.

Полное исчезновение изображений в зверином стиле и появление нестандартных типов захоронений свидетельствуют о глобальных изменениях в религии населения Среднего Енисея, что, как неоднократно отмечалось ранее, могло быть следствием внешнего влияния. Многочисленные находки предметов, относящихся к культуре хунну (ложечковидные наконечники ремней, железные кинжалы и ножи с кольцевидными навершиями, ажурные пряжки и т. п.), в тесинских комплексах определили мнение, что переход к тесинскому этапу (культуре) связан с хуннской экспансией, вызвавшей активные перемещения центральноазиатских племен (*Кузьмин*, 2011. С. 238–239). Однако инвентарь, надежно датирующийся хуннским временем, найден в более поздних склепах и грунтовых могильниках. Поэтому датировка раннетесинских склепов

с бронзовыми миниатюрами должна строиться на независимых основаниях. Все опубликованные ранее радиоуглеродные даты по тесинским материалам относятся к поздним или даже позднейшим памятникам и, естественно, в основном укладываются в промежуток II в. до н. э. – III в. н. э. (*Поляков, Святко*, 2009. С. 40, 54–55; *Кузьмин*, 2011. С. 219–220). В то же время комплекс радиоуглеродных датировок памятников сарагашенского этапа тагарской культуры (если принимать во внимание только даты по образцам кости) относится ко времени не позже начала IV в. до н. э., причем калиброванная AMS-дата, полученная по эталонному для позднесарагашенских (по периодизации М. П. Грязнова – «лепёшкинских») Лепёшкинскому кургану (2σ) – 511–376 гг. до н. э.; разрыв минимум в два века с датами тесинских курганов убедительно объяснить еще не удалось (*Поляков, Святко*, 2009. С. 40, 52–54). Н. Ю. Кузьмин предложил «растянуть» сарагашенский этап до I в. до н. э., опираясь на несколько поздних дат по дереву срубов (*Кузьмин*, 2020. С. 103), но это весьма рискованно, поскольку все они, кроме четырех аномальных дат по могильнику Медведка-1, весьма широки (попадают на так называемое радиоуглеродное плато) и охватывают в том числе вторую половину IV в. до н. э. (*Поляков, Святко*, 2009. С. 52–54).

В связи с этим вызывает удивление, что до сих пор не было сделано ни одной попытки синхронизации поздних сарагашенских и тесинских курганов с памятниками сопредельных территорий по бронзовому инвентарю. В отношении более древних тагарских памятников такое исследование на материалах Тувы, Алтая и Казахстана было предпринято К. В. Чугуновым, который пришел к выводу, что наиболее ранние курганы сарагашенского этапа могут быть отнесены к раннескифскому времени, как о том свидетельствуют и данные радиоуглеродного датирования (*Чугунов*, 2013. С. 98–99).

В инвентарь склепа кургана Аршаново-30 входили около сотни глиняных сосудов (удалось частично и полностью восстановить 89 экземпляров) (рис. 4: *4–10*: 7: *1*), а также многочисленные бронзовые предметы (уменьшенные и миниатюрные копии): 26 зеркал с центральной петелькой и три с боковой, 60 ножей, 24 кинжала, 23 чекана, 9 шильев, 15 «пирамидок» (рис. 5). Этот набор соответствует по составу и типологии находкам в других раннетесинских склепах, перечисленных выше. Однако аналогичные миниатюрные и уменьшенные копии предметов вооружения характерны также для курганов пазырыкской культуры Алтая, которая «может быть признана самой надежно датированной из всех для своей эпохи, так как целый пласт ее памятников получил календарные даты благодаря построению дендрошкалы, привязанной к современности» (*Чугунов*, 2013. С. 99). В пазырыкских комплексах найдены и полноразмерные предметы, аналогичные копиям из сарагашенских и раннетесинских склепов. Соответствие в пазырыкском материале (рис. 6) имеют найденные в склепе ножи с петлевидными отверстиями (рис. 5: *1–17*), кинжалы с брусковидным и уплощенно-грибовидным навершиями, бабочковидным (включая слабовыраженное спрямленное) перекрестьем, плоской и рубчатой рукоятями (рис. 5: *25–43*), втульчатые и проушные чеканы с округлыми в сечении бойком и обушком (включая утолщенный обух) (рис. 5: *44–63*). Миниатюрные втульчатые чеканы с плоским обушком, встреченные в пазырыкских могилах (рис. 6: *31*), находят аналогии в инвентаре Сухобузимского кургана (*Вадецкая*,

2022. Табл. 2) и склепа «а» кургана «Лисий» (*Кузьмин*, 2011. Рис. 38). Все реальные ножи, кинжалы и чеканы, аналогичные найденным в аршановском склепе, датируются начиная с конца VI по IV в. до н. э., их вотивные копии – начиная с V по III в. до н. э. (*Кирюшин, Степанова*, 2004. С. 57, 59–60, 74; *Кубарев, Шульга*, 2007. С. 74, 81–82, 87–89; *Чотбаев*, 2022). Для курганов позднепазырыкского этапа юга Горного Алтая (откуда происходит большинство приведенных на нашем рисунке уменьшенных копий вооружения) согласно построенной на материалах их срубов абсолютной дендрошкале получена узкая датировка в пределах последней трети IV – первой четверти III в. до н. э. (*Слюсаренко*, 2011. С. 248–249), при этом нужно заметить, что тесинские копии гораздо более точно передают формы кинжалов и чеканов, обычно относимых к V–IV вв. до н. э. Кроме того, в склепе кургана Аршаново-30, как и в других раннетесинских, и в пазырыкских памятниках найдены разноразмерные копии кинжалов и чеканов, обычно разделяемые на «миниатюрные» и «уменьшенные». Поэтому «миниатюризация» вотивных изделий не может служить основанием для омоложения комплексов. Исходя из этого, дата склепа в кургане Аршаново-30 не должна выходить за пределы рубежа IV–III – начала III в. до н. э., близкие даты, видимо, имеют и другие раннетесинские памятники. Поздние сарагашенские курганы, где аналогичные бронзовые «уменьшенные» копии обнаружены вместе с тагарскими «штандартами», предметами неизвестного назначения, ножами с трапециевидным окончанием, предметами в зверином стиле, должны смыкаться с ними во времени, поэтому целесообразно принять для них датировку IV– начало III в. до н. э.[6]

Это вывод подтверждают результаты радиоуглеродного датирования (AMS) двух образцов костей животных (челюсти КРС), залегавших в массе человеческих останков на дне склепа кургана Аршаново-30 (калибровка в программе OxCal v4.4.4.):

GV-04362 2271 ± 33 л. н.: 399 (42,1 %) 349, 309 (53,4 %) 207 гг. до н. э.;

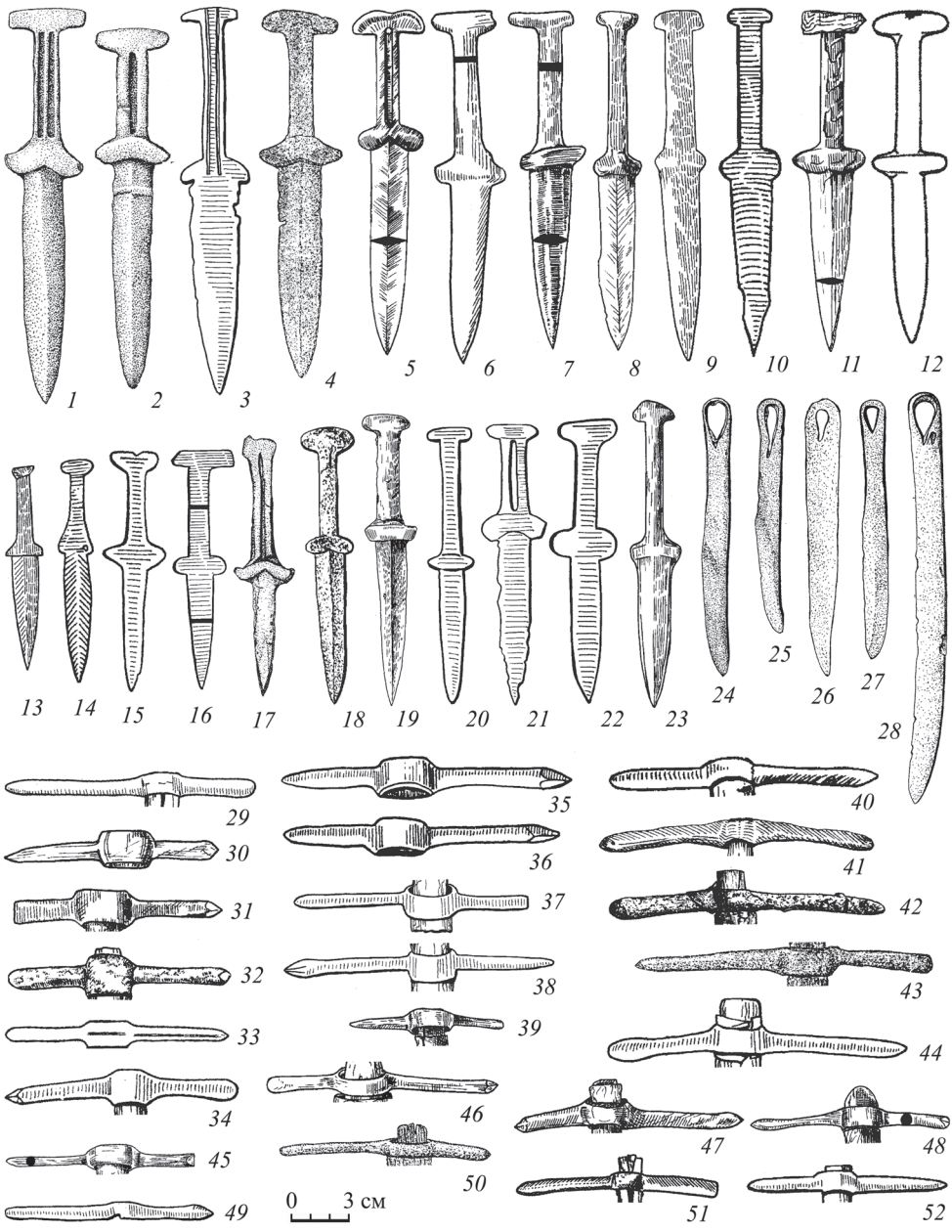
GV-04363 2291 ± 33 л. н.: 406 (57,7 %) 351, 295 (37,7 %) 208 гг. до н. э.[7]

В тот же интервал укладываются современные радиоуглеродные даты (AMS), полученные по внешним годичным кольцам бревен из поздних пазырыкских курганов и использованные для привязки «плавающей» дендрошкалы: Пазырык-2 (2130 ± 40 л. н., 2170 ± 20 л. н.), Уландрык IV, курган 1 (2215 ± 25 л. н.; 2180 ± 25 л. н.) (Евразия в скифскую эпоху…, 2005. С. 255–258).

Кроме того, в склепе кургана Аршаново-30 обнаружен сосуд типичной пазырыкской формы с орнаментом в виде полосы треугольных фестонов, заполненных ямочными вдавлениями. Аналогичные сосуды с такими же орнаментальными поясками были найдены в поздних пазырыкских комплексах, в том числе в кургане 11 могильника Барбугазы I (*Кубарев*, 1992. С. 126) и как минимум

[6] Предлагавшиеся ранее датировки лепёшкинского этапа в пределах III–I вв. до н. э. основаны на традиционном мнении о поздней дате раннетесинских склепов и убеждении в том, что найденные в сарагашенских памятниках фаянсовые бусины могли появиться на Енисее почему-то только после освоения китайцами синьцзянского отрезка Шелкового пути (см.: *Вадецкая*, 1999. С. 153–154; *Герман и др*., 2023. С. 143–144).

[7] Благодарим Центр коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-Новосибирский научный центр» за проведение анализов.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
0 3 см

в двух курганах (41 и 43) могильника Берель (*Самашев и др*., 2013. С. 160; *Калиева, Кунанбаева*, 2013) (рис. 7).

Таким образом, религиозная трансформация, следствием которой стало появление особенностей тесинской погребальной архитектуры, погребального обряда, а также исчезновение (запрет?) звериного стиля – атрибута традиционной религии, произошла на сто лет ранее начала хуннской экспансии, на рубеже IV–III вв. до н. э. Материалы раскопок кургана Аршаново-30 помогают установить, что изменения в погребальных традициях включали появление обряда выставления трупов на специальных площадках и захоронения фрагментов уже разложившихся тел. Соответственно, поиски истоков формирования раннетесинского погребального обряда следует направить на среднезиатский регион с прилегающими землями, где подобные традиции развивались в различных изводах; в основе обряда выставления трупов лежали представления древних индоиранских племен о вознесении души на небеса (*Boys*, 1996. P. 113–114). Как предполагается, древнейшая площадка для выставления трупов – каменный настил 2 × 3 м в плане, приподнятый на 30 см от древнего горизонта – исследована в южном Узбекистане на могильнике Бустон VI второй половины II тыс. до н. э. (*Аванесова*, 2013. С. 512, 519)[8]. Обращают на себя внимание также новые данные о том, что в раннетесинское время совершались коллективные погребения другого типа: беспорядочный навал трупов во впускных ямах, заваленных землей. Было ли это следствием экстремальных событий в жизни общества, еще предстоит

Рис. 6 (с. 268). Бронзовые предметы из погребений пазырыкской культуры

1 – Тербедок, к. 2; *2* – Тете-4, к. 4; *3, 20, 37, 38* – Юстыд-I, к. 6; *4, 43, 50* – Чичке-1, к. 6; *5* – Малталу-IV, к. 25; *6* – Барбугазы-I, к. 30; *7, 31* – Малталу-IV, к. 5; *8, 11, 46* – Малталу-IV, к. 18; *9, 41* – Уландрык-I, к. 5; *10, 40* – Юстыд-XII, к. 23; *12* – Арагол, к. 5; *13* – Барбугазы-I, к. 25; *14, 52* – Юстыд-XII, к. 22; *15, 33* – Джолин-I, к. 6; *16, 29* – Юстыд-XII, к. 26; *17* – Верхняя Еланда-2, к. 9; *18* – Уландрык-I, к. 7; *19* – Малталу-IV, к. 3; *21, 49* – Юстыд-XII, к. *16*; *22, 51* – Юстыд-XII, к. 20; *23* – Барбугазы-I, к. 13; *24, 25* – Тыткескень-VI, к. 27, к. 43; *26, 36* – Бике-I, к. 6; *27, 28* – Кайнду, к. 2, к. 7; *30* – Малталу-IV, к. 11; *32* – Барбугазы-I, к. 31; *34* – Юстыд-XII, к. 8; *35* – Бике-I, к. 4; *39, 48* – Малталу-IV, к. 13; *42* – Семисарт-2, к. 1; *44* – Юстыд-XXII, к. 1; *45* – Малталу-IV, к. 21; *47* – Барбугазы-I, к. 22

1, 2, 4, 12, 42, 43, 50 – по: *Кубарев, Шульга*, 2007; *3, 10, 14–16, 20–22, 29, 33, 34, 37, 38, 40, 44, 49, 51, 52* – по: *Кубарев*, 1991; *5–8, 11, 13, 19, 23, 30–32, 39, 45–48* – по: *Кубарев*, 1992; *9, 18, 41* – по: *Кубарев*, 1987; *17, 24–28, 35, 36* – по: *Кирюшин, Степанова*, 2004

[8] Интересно, что если считать уникальные для раннетесинских склепов (*Кузьмин*, 2011. С. 202) бронзовые подвески-пирамидки с отверстиями (в склепе Аршаново-30 их найдено 15 штук, см. рис. 3: *3*) уменьшенными копиями реальных предметов наподобие миниатюрным кинжалов и чеканов, то их денотатами могут быть пирамидальные грузики для вертикального ткацкого станка, который мог проникнуть в Сибирь только с территории Бактрии, где он вошел в обиход благодаря греческим переселенцам. Ближайший комплекс находок грузиков пирамидальной формы, типичных для Древней Греции, – нижние культурные слои Кампыртепа (Александрия Оксиана) конца IV – начала III в. до н. э. (*Ртвеладзе*, 2017. С. 69).

Рис. 7. Глиняные сосуды из мог. 9 кургана Аршаново-30 (*1*) и курганов пазырыкской культуры

1 – Аршаново-30, мог. 9, н. 68а *2* – Барбугазы-I, курган 11; *3, 3а* – Берель, курган 41; *4* – Берель, курган 43 (*2, 4* – по: *Му Цзиньшань*, 2023; *3, 3а* – по: *Калиева, Кунанбаева*, 2013)

установить. Комплекс одиночных могил (в том числе погребение с глиняной маской) в северной части кургана Аршаново-30, который начал формироваться, видимо, еще до перекрытия кургана насыпью, свидетельствует о сосуществовании в раннетесинское время различных видов погребального обряда.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н. А., 2013. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: Междунар. ин-т центральноазиат. исслед. 640 с.

Вадецкая Э. Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. 180 с.

Вадецкая Э. Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение. 440 с. (Archaeologica Petropolitana; вып. 7.)

Вадецкая Э. Б., 2022. Сухобузимский курган (новый взгляд на старые раскопки) // Енисейская провинция: альманах. Вып. VI / Ред. и сост.: А. С. Вдовин, Н. П. Макаров. Красноярск: Литера-Принт. С. 55–70.

Виноградов Д. А., 2022. Погребение тесинского времени в Красноярске. (предварительное сообщение) // Евразия в энеолите – раннем средневековье. Инновации, контакты, трансляции идей и технологий: материалы Междунар. науч. конф. к 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Юж. Сибири и Центр. Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 286–289.

Герман П. В., Субботин А. В., Боброва Л. Ю., 2023. Курган 29 Берёзовского могильника (раскопки М. Н. Пшеницыной 1981 года): к атрибуции позднетагарских погребальных комплексов в лесостепном районе // Записки ИИМК РАН. № 29. СПб. С. 132–146.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Калиева Ж. С., Кунанбаева Ш., 2013. Результаты технико-технологического анализа керамических коллекций Береля // Сборник материалов конференции «Алтай – золотая колыбель тюркского мира». Усть-Каменогорск. С. 41–47.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., 2004. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. 282 с.

Красниенко С. В., 2023. Тесинский феномен: от этапа к культуре // Записки ИИМК РАН. № 29. СПб. С. 175–179.

Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 299 с.

Кубарев В. Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. 190 с.

Кубарев В. Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. 220 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. 282 с.

Кузьмин Н. Ю., 2011. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг. 456 с.

Кузьмин Н. Ю., 2020. О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // Camera praehistorica. № 2 (5). С. 100–121.

Му Цзиньшань, 2023. Керамическая посуда из погребальных памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени: комплексные исследования и реконструкции: дис. … канд. ист. наук / Алтайский гос. ун-т. Барнаул. 634 с.

Поляков А. В., Святко С. В., 2009. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Азбука. С. 20–56.

Пшеницына М. Н., 1992. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 224–235. (Археология СССР.)

Ртвеладзе Э. В., 2017. Камыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на борегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. – I в. до н.э.). Ташкент: Изд-во журнала «San'at». 144 с. (Мат-лы Тохаристанской экспедиции. Вып. X. Археологические исследования Камыртепа)

Самашев З., Онгар А., Жунисханов А., Киясбек Г., Кашкинбаев К. А., Казырхан М., 2013. Берел 2013. Новые исследования // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана: Изд. группа филиала Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. С. 159–162.

Слюсаренко И. Ю., 2011. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // Terra Scythica: материалы Междунар. симп. / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 239–251.

Чотбаев А. Е., 2022. Новые материалы по вооружению ранних кочевников Казахского Алтая // Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта: Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 2 том / Бас редактор А. Оңғар. Алматы; Түркістан: Ә. Х. Марғұлан ат. Археология институты. С. 312–321.

Чугунов К. В., 2013. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). С. 97–102.

Boys M. A., 1996. History of Zoroastrianism. Vol. 1. The Early Period. Third impression with corrections. Leiden: E. J. Brill. 350 p.

Zubkov V. S., 2003. Čalpan-1, ein Gräberfeld der Tes'-Stufe in Südchakassien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd. 9. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. S. 163–219.

Сведения об авторе

Ковалев Алексей Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: chemurchek@mail.ru

A. A. Kovalev

THE DATING AND PROSPECTS OF INTERPRETING THE EARLY TES' MASS GRAVES (BASED ON THE EXCAVATIONS OF THE ARSHANOVO-30 KURGAN, REPUBLIC OF KHAKASSIA)

Abstract. In 2022 an expedition team of the Institute of Archaeology, RAS, conducted comprehensive research excavations of the Arshanovo-30 kurgan in the Republic of Khakassia. The kurgan is dated to the early period of the Tes' culture (the Tes' stage of the Tagar culture). For the first time in the history of investigations, the primary mass grave ('vault', grave No. 9) in a kurgan of this type was found untouched by looters. The cleanup of the bones on the vault bottom suggests that fragments of human bodies were buried there. A stone platform was located south of the vault, it may have been used for exposure of dead bodies. Similar platforms have been found by excavations of other Early Tes' kurgans. At this stage the influence of the traditions that prevailed in Central Asia (and adjacent regions) where exposure of corpses and burial of the decayed bodies was practiced since time immemorial should be viewed as the likely reason of religious transformation in the Tagar culture (disappearance of the 'animal style', and new forms of burial and kurgan architecture). Dozens of diminutive copies of bronze daggers, pickaxes and knives found in the vault correspond to the finds in other Early Tes' vaults. These replicas find close analogies in the Pazyryk culture kurgans of the V–III centuries BC, including those dated to the late IV – early III centuries BC using the absolute dendroscale. Two ^{14}C dates (AMS) were obtained for the animal bones from the vault: GV-04362 2271 ± 33 non-cal. years BP; GV-04363 2291 ± 33 non-cal. years BP. Besides, a clay vessel made in the Pazyryk tradition (form and ornamentation) was found

in the vault. Hence, the Tes' period (of the culture) began at the end of the IV century BC, not in the Xiongnu period as thought previously.

Keywords: Republic of Khakassia, Central Asia, Tes' culture (Tes' stage of the Tagar culture), Saragash stage of the Tagar culture, Pazyryk culture, bronze votive items, ritual of exposure of corpses.

REFERENCES

Avanesova N. A., 2013. Buston VI – nekropol ognepoklonnikov dourbanisticheskoy Baktrii [Buston VI – necropolis of fire-worshippers of pre-urban Bactria]. Samarkand: Mezhdunarodnyy institut tsentralnoaziatskikh issledovaniy. 640 p.

Chotbaev A. E., 2022. Novye materialy po vooruzheniyu rannikh kochevnikov Kazakhskogo Altaya [New materials on armament of early nomads of Kazakh Altai]. *Euraziyalyқ dalalyқ өrkeniet: adam zhəne tarikhi-mədeni orta (5 kongress)*, 2. A. Oңғar, ed. Almaty; Tүrkistan: Ə. Kh. Marғұlan atyndaғy Arkheologiya instituty, pp. 312–321.

Chugunov K. V., 2013. Aktualnye problemy khronologii pamyatnikov epokhi rannikh kochevnikov Tsentralnoy Azii i Sibiri [Current problems of chronology of sites urrent problems of chronology of sites from the era of early nomads in Central Asia and Siberia the era of early nomads in Central Asia and Siberia]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk state university. History]*, 3 (23), pp. 97–102.

Evraziya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya [Eurasia in Scythian era: radiocarbon and archaeological chronology]. G. I. Zaytseva, ed. St. Petersburg: Teza, 2005. 290 p.

German P. V., Subbotin A. V., Bobrova L. Yu., 2023. Kurgan 29 Berezovskogo mogilnika (raskopki M. N. Pshenitsynoy 1981 goda): k atributsii pozdnetagarskikh pogrebalnykh kompleksov v lesostepnom rayone [Kurgan 29 of Berezovsky cemetery (excavated by M. N. Pshenitsyna in 1981): attribution of Late Tagar burial complexes in forest-steppe region]. *ZIIMK RAN*, 29, pp. 132–146.

Kalieva Zh. S., Kunanbaeva Sh., 2013. Rezultaty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskikh kollektsiy Berelya [Results of technical and technological analysis of Berel ceramic collections]. *Sbornik materialov konferentsii «Altay – zolotaya kolybel tyurkskogo mira» [Collection of materials of the conference «Altai – golden cradle of the Turkic world»]*. Ust-Kamenogorsk, pp. 41–47.

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F., 2004. Skifskaya epokha Gornogo Altaya [Scythian era of Mountainous Altai], 3. Pogrebalnye kompleksy skifskogo vremeni Sredney Katuni [Burial complexes of Scythian period on Middle Katun]. Barnaul: Altayskiy gos. universitet. 282 p.

Krasnienko S. V., 2023. Tesinskiy fenomen: ot etapa k kulture [Tes' phenomenon: from stage to culture]. *ZIIMK RAN*, 29, pp. 175–179.

Kubarev V. D., 1987. Kurgany Ulandryka [Kurgans of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka. 299 p.

Kubarev V. D., 1991. Kurgany Yustyda [Kurgans of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka. 190 p.

Kubarev V. D., 1992. Kurgany Saylyugema [Kurgans of Saylyugem]. Novosibirsk: Nauka. 220 p.

Kubarev V. D., Shul'ga P. I., 2007. Pazyrykskaya kultura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (Chuya and Ursul kurgans)]. Barnaul: Altayskiy gos. universitet. 282 p.

Kuz'min N. Yu., 2011. Pogrebalnye pamyatniki khunno-syanbiyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kultura [Burial sites of Xiongnu-Xianbei period in Middle Yenisei steppes: Tes' culture]. St. Petersburg: Aysing. 456 p.

Kuz'min N. Yu., 2020. O dostovernosti radiouglerodnogo datirovaniya pogrebalnykh pamyatnikov tagarskoy kultury [On reliability of radiocarbon dating of burial sites of Tagar culture]. *Camera praehistorica*, 2 (5), pp. 100–121.

Mu Jinshan, 2023. Keramicheskaya posuda iz pogrebalnykh pamyatnikov pazyrykskoy kultury skifosakskogo vremeni: kompleksnye issledovaniya i rekonstruktsii: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Ceramic tableware from burial sites of Pazyryk culture of Scythian-Saka period: comprehensive research and reconstruction: PhD dissertation]. Altayskiy gos. universitet. Barnaul. 634 p.

Polyakov A. V., Svyatko S. V., 2009. Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zheleznogo veka Srednego Eniseya: obzor rezultatov i novye dannye [Radiocarbon dating of archaeological sites of Neolithic – Early Iron Age on Middle Yenisei: a review of results and new data]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]*, 5. Barnaul: Azbuka, pp. 20–56.

Pshenitsyna M. N., 1992. Tesinskiy etap [Tes' stage]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 224–235. (Arkheologiya SSSR.)

Rtveladze E. V., 2017. Kampyrtepa – Aleksandriya Oksianskaya: gorod-krepost' na beregu Oksa v ellinisticheskoe i postellinisticheskoe vremya (konets IV v. do n. e. – I v. do n. e.) [Kampyrtepa – Alexandria Oxian: fortress city on the banks of Oxus in Hellenistic and post-Hellenistic period (late IV c. BC – I c. BC)]. Tashkent: Izdatel'stvo zhurnala «San'at». 144 p. (Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii, X. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa).

Samashev Z., Ongar A., Zhuniskhanov A., Kiyasbek G., Kashkinbaev K. A., Kazyrkhan M., 2013. Berel 2013. Novye issledovaniya [Berel 2013. New researches]. *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana [Proceedings of the branch of Margulan Institute of Archaeology in Astana]*, II. Astana: Filial Instituta arkheologii imeni A. Kh. Margulana v g. Astana, pp. 159–162.

Slyusarenko I. Yu., 2011. Datirovanie skifskikh drevnostey Evrazii: sovremennye tendentsii, dostizheniya, problemy, perspektivy [Dating of Scythian antiquities of Eurasia: current trends, achievements, problems, prospects]. *Terra Scythica*. V. I. Molodin, S. Hansen, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 239–251.

Vadetskaya E. B., 1986. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya [Archaeological sites in steppes of Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka. 180 p.

Vadetskaya E. B., 1999. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri [The Tashtyk era in early history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 440 p. (Archaeologica Petropolitana, 7.)

Vadetskaya E. B., 2022. Sukhobuzimskiy kurgan (novyy vzglyad na starye raskopki) [Sukhobuzimsky kurgan (new look at old excavations)]. *Eniseyskaya provintsiya [Yenisei province]*, VI. A. S. Vdovin, N. P. Makarov, eds. Krasnoyarsk: Litera-Print, pp. 55–70.

Vinogradov D. A., 2022. Pogrebenie tesinskogo vremeni v Krasnoyarske. (predvaritelnoe soobshchenie) [Burial of Tes' period in Krasnoyarsk (preliminary report)]. *Evraziya v eneolite – rannem srednevekov'e. Innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologiy [Eurasia in Eneolithic – Early Middle Ages. Innovations, contacts, transmission of ideas and technologies]*. M. T. Kashuba, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 286–289.

About the author

Kovalev Alexey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru

К. И. Панченко

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ[1]

Резюме. В статье рассматриваются клейма на донцах керамических сосудов, найденные в ходе последних раскопок (2016–2021 гг.) в Московском Кремле. Керамические клейма датируются в пределах второй половины XII – XVI в., но подавляющее большинство относится ко второй половине XII – XIV в. Также дается описание технологических параметров глиняной посуды и графических характеристик набора отпечатков, характерных для изучаемого места и времени. Выделяются клейма, которые сделаны не московскими гончарами.

Ключевые слова: средние века, Московский Кремль, керамическая посуда, гончарные клейма.

Впервые рисунки 6 отпечатков на обломках донцев сосудов из раскопок в Москве были опубликованы М. Г. Рабиновичем. Однако, где были найдены эти обломки, каким временем они датируются, автор не написал (*Рабинович*, 1964. С. 97–98). В дальнейшем к теме исследования керамических клейм из Москвы практически никто не обращался. На сегодняшний день единственное подробное описание 31 клейма XIV–XVI вв. из Москвы сделано В. Ю. Ковалем в статье, посвященной керамической посуде, найденной на Подоле Московского Кремля. К сожалению, в той выборке отсутствовала посуда XII–XIII вв., а количество керамики XV в., и в особенности XVI в., было существенно больше, по сравнению с материалом XIV в. В результате данные о распределении клейм по векам получились искаженными и не могут рассматриваться в качестве свидетельства более широкого использования клейм в XVI в. Несмотря на этот недостаток, материалы Подола показали, что в XIV–XV вв. московские гончары не только широко применяли отпечатки на днищах горшков, но и использовали сложные,

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР № 122011100062-2 «Московский Кремль по материалам новейших археологических исследований: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.275-283

комбинированные (многокомпонентные) клейма. Разнообразие рисунков исчезает только в XVI в., и преобладающим становится отпечаток с «крестом в круге» (*Коваль*, 2016. С. 469–474).

Восполнить пробел по ранним московским клеймам позволяют археологические исследования, проводившиеся на территории Кремля в 2016–2021 гг. на месте Чудова монастыря (Древности…, 2022), в Большом Кремлевском сквере и Тайницком саду[2]. Большая часть отпечатков из раскопов в Чудовом монастыре опубликована вместе с керамическими комплексами, но отдельно они не рассматривались (*Коваль*, 2022. С. 210–222). В результате последних работ в Кремле было собрано 47 донцев глиняных сосудов с клеймами, из них 42 найдены в хорошо датированных комплексах и горизонтах. По хронологии они распределялись следующим образом: *11* найдены в слоях и комплексах второй половины XII – первой трети XIII в., *4* – первой половины XIII в., *6* – второй половины XIII в., *6* – первой половины XIV в., *8* – середины XIV в., *2* – второй половины XIV в., *3* – второй половины XV в., *2* – рубежа XVI–XVII вв. Остальные предположительно можно датировать в пределах XIII–XIV вв., исходя из их технологических характеристик и вида рисунка.

Как видно в этой выборке, в отличие от Подола, здесь преобладал ранний материал, и максимум отпечатков зафиксирован в слоях домонгольского времени. Однако суммарные данные по Кремлю дают совершенно другой результат: наибольшее количество клейменой посуды приходится на вторую половину XIII – XIV в., а во второй половине XII – первой половине XIII в. и XVI в. фиксируется равное число отпечатков (табл. 1)[3]. Похожая ситуация в золотоордынское время наблюдается в Ростиславе Рязанском, а в Твери в других городах, напротив, прослеживается тенденция к спаду клеймения керамической посуды (*Коваль*, 2002. С. 130; *Кобозева*, 2014. С. 386–389; *Кадиева*, 2007. С. 187; *Панченко*, 2007. С. 197–198; *Хижняков*, 2002. С. 145). Тем не менее говорить о доминировании клейм в Московском гончарстве во второй половине XIII – XIV в. пока рано, т. к. анализируемая выборка еще очень мала, а наиболее ранний материал представлен в недостаточном объеме.

Таблица 1. Находки клейменой посуды в Московском Кремле

	Вторая половина XII – первая половина XIII в.	Вторая половина XIII – XIV в.	XV в.	XVI в.	ВСЕГО
Подол		9	11	13	33
Боровицкий холм	15	21	3	2	41
ВСЕГО	15	30	14	15	74

[2] Автор выражает благодарность руководителям раскопок Н. А. Макарову, В. Ю. Ковалю, Р. Н. Модину за предоставленные для публикации материалы.

[3] Одно клеймо из Тайницкого сада в таблице учтено в строке Подол.

Рис. 1. Клейма второй половины XII – первой половины XIII в.

Большинство из рассматриваемых клейм (33 шт.) сохранилось полностью или их можно достоверно реконструировать. У 14 экземпляров изображение имеет значительные утраты, и восстановить его можно только гипотетически или нельзя совсем. Половину оттисков можно отнести к слаборельефным. Их высота не превышает 0,8 мм, а в среднем составляет около 0,4 мм. Высокорельефные отпечатки достигают 1,5 мм, а их усредненная высота доходит до 0,8 мм.

Самыми распространенными среди анализируемых клейм были наиболее простые оттиски в виде окружностей (рис. 1: *1*; 2: *1*; 3: *5*). Всего их найдено 13, а 10 из них точно являются окружностями. В домонгольских комплексах собрано 4 клейма. Все они принадлежали горшкам, сформованным из красножгущихся глин с примесью мелкой дресвы, обжиг неполный: 3 – на зольной подсыпке, 1 – на подсыпке из дресвы. 7 клейм датируются второй половиной XIII – XIV в., когда состав глиняного теста оставался прежним: помимо днищ на подсыпках из золы (5 шт.) и дресвы (1 шт.) найдено одно донце на песчаной подсыпке. Один обломок с клеймом найден в слое третьей четверти XV в., по технологическим характеристикам он ничем не отличается от ранних изделий, поэтому мог попасть в слой случайно. Еще одно клеймо обнаружено в отложениях рубежа XVI–XVII вв. на красноглиняном сосуде, сформованном на песчаной подсып-

Рис. 2. Клейма второй половины XIII – XIV в.

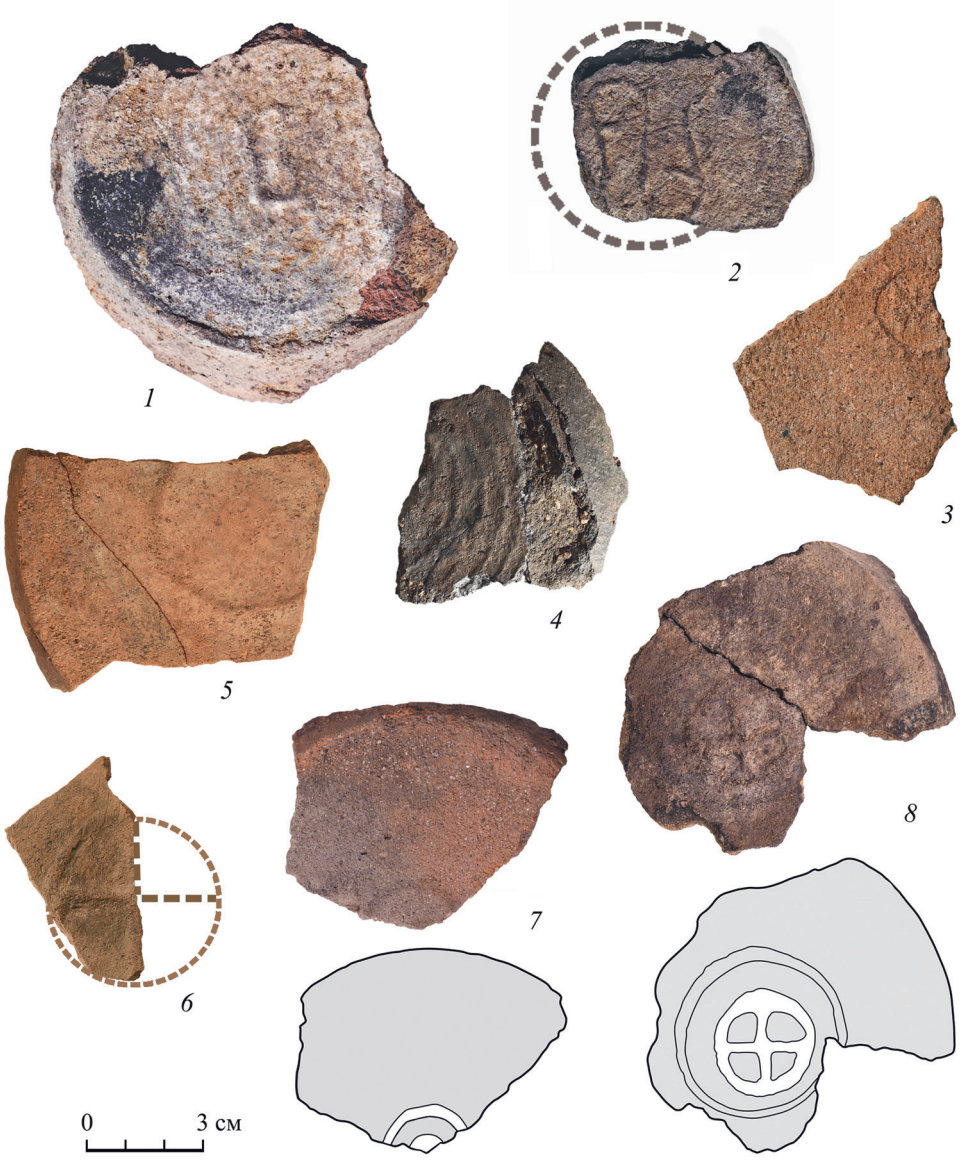

Рис. 3. Клейма второй половины XIII – XVI в.
1–4 – второй половины XIII – XIV в.; *5–8* – второй половины XV – XVI в.

ке, в тесте примесь песка. Материалы с Подола подтверждают, что такого типа клейма все еще ставились на днища горшков в XVI в. (*Коваль*, 2022. С. 471).

Комбинации из нескольких одинаковых по форме простых элементов представлены концентрическими окружностями (рис. 2: *2*; 3: *4*). Рисунков с двумя окружностями обнаружено 3, с пятью – 1. Все они сделаны на посуде из красной глины с примесью мелкой дресвы и подсыпкой золы под днище. Один экземпляр датируется домонгольским временем, 3 – второй половиной XIII – первой половиной XIV в.

К числу простых клейм предположительно можно отнести пересекающиеся в виде буквы «Х» линии, однако обломок с этим отпечатком очень маленький, поэтому нельзя полностью исключить более сложного геометрического рисунка. Клеймо найдено в слоях середины XIV в. Сосуд, на котором его оттиснули, сделан на песчаной подсыпке из красной глины с примесью мелкой дресвы.

Среди чуть более сложных изображений доминировали отпечатки, на которых присутствовали два простых элемента: четырехугольник (квадрат, прямоугольник), внутри которого имелись перекрещивающиеся линии, проведенные по диагонали или по вертикали и горизонтали (рис. 2: *4–6*). Все донца с такими клеймами сформованы на зольной подсыпке из глины с примесью мелкой дресвы, цвет черепка – серый, темно-серый, бурый. Три оттиска датируются серединой XIV в. Еще 2 найдены в поздних переотложенных слоях, но, скорее всего, они относились к сосудам, изготовленным не позже XIV в. К этому виду предположительно можно отнести еще одно клеймо (рис. 2: *7*) с очень нечетким отпечатком на дне сосуда, который изготовлен по той же технологии и в том же временном периоде.

Сочетание окружности с крестом (рис. 1: *2, 3*; рис. 3: *6*) или буквой «Х» (рис. 1: *4*) тоже относится к рисункам, состоящим из двух простых элементов. В комплексах второй половины XII – первой половины XIII в. найдено 2 таких клейма (донца на подсыпках дресвы, золы, красножгущаяся глина с примесью мелкой дресвы). Возможно, еще одно неполное клеймо этого времени относится к тому же типу изображений. Во второй половине XV в. отпечаток немного усложнили, расположив окружность с крестом внутри другой окружности (рис. 3: *8*). Сам сосуд изготовлен по старым технологиям на зольной подсыпке. В XVI в. технологический рецепт изменился (тесто с примесью песка, подсыпка – песок), к этому времени относится 1 донце.

К группе сложных рисунков можно отнести отпечатки букв или похожих на буквы изображений (рис. 1: *10, 11*; рис. 3: *1*). Все оттиски сделаны на днищах горшков, имеющих примесь мелкой дресвы в тесте и сформованных на зольной подсыпке. Всего найдено 4 клейма: 1 с буквой «Д», 3 с буквой «В». Из них 3 датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в., 1 – первой половиной XIV в.

Несколько днищ несли отпечатки сложных рисунков. 5 клейм происходят из отложений второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 1: *5–9*) Все они сделаны по архаичной технологии на зольной подсыпке. На одном изображены две пересекающиеся посередине дугообразные линии с точкой в месте пересечения. На другом – окружность с вписанным в нее сложным геометрическим рисунком в виде пересекающихся линий. Похожие клейма известны в Тве-

ри в XIV–XVI вв., реже встречаются в других регионах в XI–XIII вв. (*Лапшин*, 2009. С. 400; *Кобозева*, 2014. С. 375; *Кадиева*, 2007. Рис. 5: *20*; *Хижняков*, 2002. Рис. 1: *34*). Третий отпечаток трудно реконструировать, предположительно, это мог быть рисунок из серии геральдических знаков (двузубец) или «птичек». Еще одно фрагментарно сохранившееся клеймо предположительно, является оттиском спирали, впрочем не исключен и вариант с несколькими неправильными окружностями, или другие. Подобные спирали были найдены в Твери в горизонте XIV в. (*Лапшин*, 2009. С. 130, 394). Изображение на последнем (пятом) клейме восстановить невозможно: сохранилась часть линии и окружности или дуги.

Второй половиной XIII – XIV в. датируются 7 донцев со сложными отпечатками индивидуальных форм. Среди них выделяются 2 днища от белоглиняных сосудов с примесью песка в тесте, сформованные на песчаной подсыпке (рис. 2: *3, 9*). Рисунки клейм представляют собой восьмиспицевое колесо и окружность с несохранившимся рисунком (возможно, «птичка») внутри. Центром производства такой керамики считается район Среднего Поочья (*Коваль*, 2022. С. 227). К ранее не известным можно отнести отпечаток, похожий на шестеренку с нарисованным внутри нее символом, напоминающим букву «М» (рис. 3: *3*). Красноглиняный сосуд с этим клеймом, скорее всего, также сделан немосковскими гончарами, потому что сформован в другой керамической традиции: он имеет в тесте примесь мелкого песка с органикой и красными конкрециями, а на донце следы песчаной подсыпки. Похожие гончарные технологии известны в Подонье, но не исключены и другие регионы (*Панченко*, 2015. С. 298–299).

Остальная посуда с клеймами изготовлена по традиционной для удельного периода технологии с подсыпкой золы под дно сосуда (рис. 2: *8, 10, 11*; 3: *2*). В основном это уникальные рисунки: вогнутый цилиндр с дугами, волнистая линия с черточками, возможно, внутри окружности. Один очень нечеткий отпечаток, предположительно, трех окружностей с линией через их центр. Возможно, к этому же периоду можно отнести еще одно донце из перекопа с отпечатком окружности с дугами и линиями.

Последнее единичное клеймо с комбинацией простых элементов (окружность с точкой в центре) найдено в комплексе последней четверти XV в. Его оттиснули на красноглиняном сосуде с примесью мелкой дресвы в тесте и подсыпкой дресвы на гончарном круге (рис. 3: *7*).

Анализ состава формовочной массы сосудов с клеймами показывает, что подавляющее большинство из них было изготовлено из ожелезненных глин с примесью мелкой дресвы в тесте со следами зольной подсыпки на донцах. В четырех случаях зафиксирована подсыпка дресвы, в двух – песка. Посуда, произведенная по такой технологии, была найдена в горизонтах и комплексах второй половины XII – XV в. Тем не менее, как отмечалось выше, некоторые обломки ранних горшков могли попасть в поздние слои в результате перекопов.

Только 5 донцев были изготовлены из глин (беложгущихся и красножгущихся), основной добавкой к которым являлся мелкий песок, его же использовали в качестве подсыпки под днища на гончарном круге. При этом 3 из них,

датированные второй половиной XIII – XIV в., привезены из других регионов (см. выше). Остальные сосуды сделали московские гончары в XVI в.

Изучение рисунков клейм показывает, что во второй половине XII – XIV в. в среде московских гончаров не происходит значительных изменений. В течение этого периода сохраняется разнообразие отпечатков и сложность композиций у многих изображений. Единственное, что можно предварительно отметить по столь незначительной выборке, – намечающееся в XIV в. желание гончаров использовать самые простые элементы (окружности, линии) для клейм. В XV–XVI вв. эта тенденция проявляется более ярко. В это же время доля одинарных окружностей достигает минимальных значений, но становятся очень популярными простые композиции на основе окружности. Наиболее отчетливо последнее видно по результатам исследований, полученным в ходе раскопок на Подоле (*Коваль*, 2016. С. 471–474).

Данный обзор клейм на глиняной посуде из Московского Кремля позволил заметно дополнить полученные ранее сведения, в первую очередь, по ранней группе отпечатков. Благодаря этому стало очевидно, что пик распространения клейм в московском гончарстве приходится на вторую половину XIII – XIV в. Однако коллекция клейм остается пока недостаточно представительной, в первую очередь, из-за дефицита материалов домонгольского времени, так что материалы будущих раскопок могут существенно скорректировать ту картину, которая вырисовывается на сегодняшний день.

ЛИТЕРАТУРА

Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2022. 552 с.

Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.

Кобозева Е. В., 2014. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затьмацком и Загородском посадах // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 370–392.

Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // ТТЗ. Вып. 4. С. 125–135.

Коваль В. Ю., 2016. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.

Коваль В. Ю., 2022. Бытовая посуда // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 205–230.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: СПбГУ. 540 с.

Панченко К. И., 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 197–204.

Панченко К. И., 2015. Клейма на донцах керамических сосудов с селища Новиково 1 конца XII – XIII в. в Липецкой области // КСИА. Вып. 241. С. 297–306.

Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука. 354 с.

Хижняков О. И., 2002. Новгородские гончарные клейма // ТТЗ. Вып. 4. С. 136–148.

Сведения об авторе

Панченко Константин Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: pakoi@mail.ru

K. I. Panchenko

POTTERY STAMPS FROM THE MOSCOW KREMLIN

Abstract. The paper explores stamps on the bottoms of clay pots found in the course of the latest excavations (2016–2021) in the Moscow Kremlin. Pottery stamps are dated within the second half of the XII–XVI centuries; however, most stamps date to the second half of the XII–XIV centuries. The paper also contains description of technological traits of the clay pots as well as graphical characteristics of the set of stamps typical for the studied location and the analyzed period. Marks made by non-Moscow potters have been singled out.

Keywords: Middle Ages, Moscow Kremlin, ceramic pots, pottery stamps.

REFERENCES

Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin], 1. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, 2022. 552 p.

Kadieva E. K., 2007. Kleyma na krugovoy posude Tsentra Severo-Vostochnoy Rusi: khronologiya i rasprostranenie [Stamps on wheel-made tableware of the Center of Northeastern Russia: chronology and distribution]. *AP*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 172–196.

Khizhnyakov O. I., 2002. Novgorodskie goncharnye kleyma [Novgorod pottery stamps]. *TTZ*, 4, pp. 136–148.

Kobozeva E. V., 2014. Tverskie goncharnye kleyma iz raskopok 2007–2011 godov na Zat'matskom i Zagorodskom posadakh [Tver pottery stamps from 2007–2011 excavations in Zat'matsky and Zagorodsky Posads]. *AP*, 10. Moscow: IA RAN, pp. 370–392.

Koval V. Yu., 2002. Kleyma na srednevekovoy russkoy keramike (opyt issledovaniya na primere Rostislavlya Ryazanskogo) [Stamps on medieval Russian ceramics (research experience on the example of Rostislavl Ryazansky)]. *TTZ*, 4, pp. 125–135.

Koval V. Yu., 2016. Keramika iz raskopok na Podole Moskovskogo Kremlya [Ceramics from excavations in Podol of the Moscow Kremlin]. *AP*, 12. Moscow: IA RAN, pp. 437–475.

Koval V. Yu., 2022. Bytovaya posuda [Everyday ware]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin], 1. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. Moscow: IA RAN, pp. 205–230.

Lapshin V. A., 2009. Tver v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver in XIII–XV cc. (based on 1993–1997 excavation materials)]. St. Petersburg: SPbGU. 540 p.

Panchenko K. I., 2007. Kleyma XII–XIX vekov na dontsakh keramicheskikh sosudov iz raskopok v gorode Dmitrove [Stamps of XII–XIX centuries on bottoms of ceramic vessels from excavations in the city of Dmitrov]. *AP*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 197–204.

Panchenko K. I., 2015. Kleyma na dontsakh keramicheskikh sosudov s selishcha Novikovo 1 kontsa XII – XIII v. v Lipetskoy oblasti [Stamps on the bottoms of ceramic pots from the unfortified settlement of Novikovo I dated to late 12th – 13th centuries, Lipetsk region]. *KSIA*, 241, pp. 297–306.

Rabinovich M. G., 1964. O drevney Moskve. Ocherki materialnoy kultury i byta gorozhan v XI–XVI vv. [On ancient Moscow. Essays on material culture and everyday life of the townspeople in XI–XVI cc.]. Moscow: Nauka. 354 p.

About the author

Panchenko Konstantin I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: pakoi@mail.ru

И. Н. Кузина

НЕОБЫЧНЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАСКОПОК В МОСКВЕ. ВАРИАНТЫ АТРИБУЦИИ[1]

Резюме. В статье рассматриваются два необычных стеклянных предмета из раскопок в Московском Кремле – стеклянные шары, гладкий и ребристый. Гладкие шары в отечественной литературе описываются как метательные снаряды. На основе аналогий, в том числе зарубежных, в публикации предлагается новая интерпретация этих находок в качестве рыболовных поплавков. Ребристые шары могут быть реликвариями, прослеживаемыми с домонгольских времен. Предложенные варианты не ставят точку в определении этих находок, помимо их функциональности нет ясности с датированием и местом производства.

Ключевые слова: Московский Кремль, стеклянные шары, метательные ядра, поплавки, реликварии.

Время от времени в культурном слое Москвы находят необычные предметы – стеклянные шары разных размеров. Они найдены в Кремле[2] (рис. 1: *а, б*) (*Столярова*, 2022. С. 194), Зарядье, на Чижевском подворье, при раскопках в Манеже, а также в других городах: Дмитрове, Липецке и в Омской области (*Векслер, Лихтер*, 2011. С. 430). Последняя по времени находка сделана в Соймоновском проезде, в Москве (рис. 1: *в*)[3]. Это гладкие пустотелые предметы, полученные свободным выдуванием или выдутые в форму. Иногда они немного уплощенные.

[1] Публикация подготовлена в рамках выполнения Госзадания ИА РАН «Московский Кремль по материалам новейших археологических исследований: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты» (№ НИОКТР 122011100062-2).

[2] В настоящей статье рассматриваются или впервые публикуются материалы из раскопок в Кремле археологической экспедиции ИА РАН в 2016–2021 гг. Руководители Н. А. Макаров и В. Ю. Коваль.

[3] Благодарю В. А. Берковича и Н. В. Фролова за информацию и возможность опубликовать две находки 2025 г. из раскопок ООО «Археологические изыскания в строительстве».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.284-291

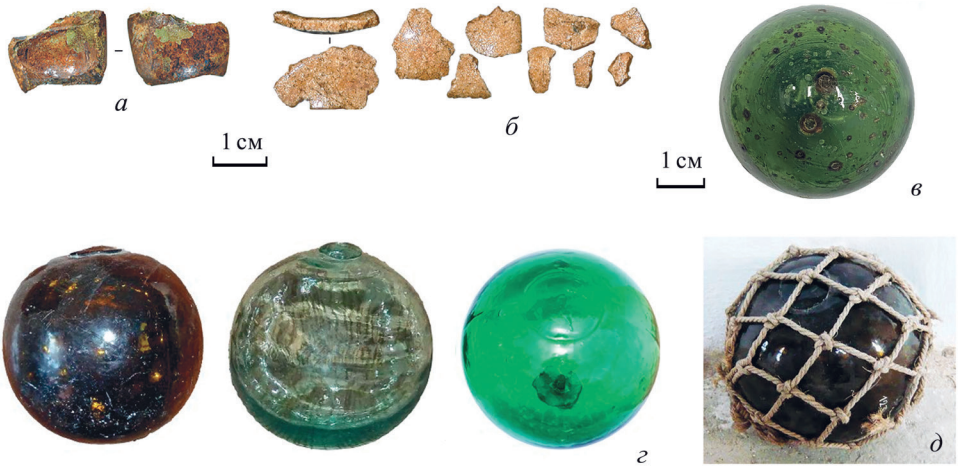

Рис. 1. Гладкие стеклянные шары

а, б – из раскопок на месте 14-го корпуса в Московском Кремле (по: *Столярова*, 2022. Рис. 141, *1, 2*); *в* – шарик из раскопок 2025 г. в Соймоновском проезде в Москве (два крупных круглых пятна на поверхности предмета – результат коррозии); *г, д* – стеклянные поплавки из Греции, без масштаба (по: *Antonaras*, 2017. Fig. 1; 3; 4)

Отверстие, оставленное стеклодувной трубкой, запаяно и зашлифовано, в стекле присутствуют множественные пузырьки воздуха. Стекло прозрачное и полупрозрачное из-за насыщенного цвета, в некоторых случаях прозрачность и цвет установить невозможно из-за коррозии стекла. Цвет стекла может различаться: встречаются изделия коричневые и разных оттенков зеленого. Цвет обеспечивается наличием железа в составе стеклянной массы, скорее всего – это естественная примесь к другим компонентам шихты, хотя возможно и специальное введение красителя. Размер шаров колеблется в диапазоне от 3,5 до более 10 см.

Самый маленький размер имеет светло-зеленый шар из Соймоновского проезда – всего 3,5 см в диаметре, вероятно, близка к нему по размеру находка на Чижевском подворье. Диаметр фрагментированной кремлевской находки прозрачного оливкового стекла из раскопа на месте 14-го корпуса в Московском Кремле – 4 см, размер другого шарика из этого объекта не устанавливается (*Столярова*, 2022. С. 194). Толщина стекла одной из московских находок составляет 0,68 см (*Векслер, Лихтер*, 2011. С. 430), кремлевской – 0,30–0,40 см (*Столярова*, 2022. С. 194).

Датируются известные нам находки стеклянных шаров XVII–XVIII столетиями, возможно, и XIX в. В шурфах на Ивановской площади в Кремле обнаружены рыболовные грузила, датируемые XVII в. (*Панченко*, 2022. С. 199). Фрагменты стеклянных шаров найдены недалеко от этих шурфов – в перекопанных слоях А и В раскопа 3 на месте 14-го корпуса (в целом слои датируются концом XV – XVII в.). Шарик из Соймоновского проезда также датируется XVII в., липецкая находка – XVIII в., вероятно, к этому же столетию можно отнести шарик из Ананьино Омской области (*Векслер, Лихтер*, 2011. С. 430).

Назначение круглых шаров неочевидно. Ю. А. Лихтер считает их «ядрами для метательных орудий» из-за найденных рядом каменных ядер, близких стеклянным шарам по размеру (*Векслер, Лихтер*, 2011. С. 430). Ее мнение приводит Е. К. Столярова (*Столярова*, 2022. С. 194).

Стеклянные шары в качестве метательных снарядов, согласно письменным источникам, применялись в Европе еще во время Тридцатилетней войны. Такие гранаты использовали польские гренадеры в XVI – начале XVIII в. (*Olczak*, 1989. С. 32, 33). Цель применения гранат (стеклянных и керамических) заключалась в прорыве линии обороны противника в начале сражения. Гранаты начиняли порохом и затыкали деревянной пробкой с фитилем; при попадании в цель они разбивались, порох взрывался. Судя по археологическим находкам западноевропейские стеклянные снаряды имели почти правильную круглую форму диаметром 10–11 см при толщине стенок 0,7–1,0 см. В гранатах оставляли отверстие, вокруг которого формовалась шейка высотой до 2 см. Выдувались снаряды, вероятно, в форму, и на них ставилось клеймо изготовителя. Стекло также окрашивалось окислами железа. Такие гранаты были ручными или насаживались пробками на специальный вал – его катили в сторону противника (Ibid.).

Какой урон неприятелю наносили выпущенные из пращи небольшие пустотелые шарики без пороха или зажигательной смеси, пока непонятно[4].

Однако есть и другие варианты интерпретации необычных находок. Так, А. Антонарас называет стеклянные шары поплавками для рыболовных сетей (*Antonaras*, 2017). Он публикует этнографические материалы XIX–XX вв. из монастырей Греции: Хиландара, Ватопеда, скита на Афоне, из Кавалы на севере Греции и с о. Аморгос в Эгейском море. Автор статьи зафиксировал стеклянные шары, до сих пор закрепленные в рыболовных сетях (рис. 1: *г, д*).

Описание стеклянных шаров из Греции в целом совпадает с российскими находками, но есть и отличия: все они значительно больше по размеру – 12–14 см в диаметре, вес около 450 г. На некоторых сделаны специальные бороздки для лучшего крепления сети. Отверстие тщательно заделывалось дополнительно наложенным кусочком стекла, на поверхности видны следы от выдувания в составные формы. На многих присутствуют клейма производителей из Норвегии, Чехии, Великобритании, США, стран Тихоокеанского региона и других. Эти изделия к концу XIX в. широко бытовали как на Севере Европы, так и в Средиземноморье (Ibid. P. 597–598). Стеклянные шары – поплавки для трала – хранятся в фондах Архангельского краеведческого музея[5]. Они сделаны из зеленого стекла разных оттенков, размером 11,5–16,0 см и датируются концом XIX – началом XX в.[6] По сведениям А. Антонараса, стеклянные поплавки изготавливали и в Советском Союзе. Патент на их изготовление первым получил норвежский предприниматель около 1840 г. (Ibid. P. 597).

Все сказанное выше о находках XVII–XVIII вв. на первый взгляд исключает атрибуцию московских находок в качестве поплавков. Однако некоторые факты

[4] Шарик из Соймоновского проезда в Москве весит 33 г.

[5] Искренне благодарю Ю. А. Лихтер, сообщившую эту информацию.

[6] ГК № 29353373, 29353411, 29353412, 29353416. ГБУК Архангельской обл. «Архангельский краеведческий музей».

указывают на сходство этих предметов. Так, автор статьи о стеклянных поплавках из Греции указывает, что обнаруженные в Европе шары имели большой разброс размеров – от 5 до 50 см (*Antonaras*, 2017. P. 598). Поначалу их выдували свободно, а не в формы, стекло также толстое. Способ заделывания отверстия мог отличаться в зависимости от времени и места изготовления. И что особенно важно, изготавливать и применять стеклянные шары в Северной Европе в качестве поплавков стали еще до выдачи патента – предприимчивый норвежский купец оформил право на производство предметов, уже хорошо известных рыбакам. А. Антонарас сетует, что информация в письменных источниках о применении и производстве стеклянных поплавков крайне скудна (Ibid.). Вероятно, поплавки считались вещью обыденной, недостойной специальных описаний. Практическая ценность стеклянных поплавков, по мнению А. Антонараса, очевидна – они хорошо держаться на плаву и менее страдают от воды по сравнению с деревянными и пробковыми поплавками.

Еще одна загадочная находка, также по форме близкая к шару, сделана в раскопе у Боровицкой башни Кремля в 2021 г. (участок 2, слой 2, № 27). Это ребристая полая почти правильная сфера из полупрозрачного темного, зеленовато-коричневого стекла диаметром 5 см и высотой 4,1 см (рис. 2: *а*). На стекле заметны многочисленные каверны и тонкая радужная пленка иризации. Изделие выдуто в форму, отверстие запаяно, видимо, с добавлением маленького кусочка стекла. Слои раскопа, где сделана находка, сильно перемешаны, поэтому датировать ее по слою невозможно (*Коваль*, 2021. Л. 62–64). Находок древнерусского времени в том раскопе не зафиксировано, однако надо помнить, что Боровицкий холм длительное время был центром жизни Кремля. Его территория подвергалась особенно интенсивным изменениям: подрезанию, перемещению и перемешиванию грунта, поэтому ребристую стеклянную сферу можно датировать в широких рамках начиная от древнерусского времени.

Интерпретировать новую стеклянную находку как часть люстры или другого осветительного прибора мешает цвет и качество стекла. По этой же причине она не подходит для каких-либо других украшений интерьера. Для навершия крышки сосуда она слишком массивна, хотя такая возможность не исключается.

В связи с нашей находкой интересна публикация одного предмета Н. Н. Качаловым (рис. 2: *в*). По его сведениям, в Киеве в слоях XI–XIII вв. иногда находят «чрезвычайно толстостенные шаровидные стеклянные сосуды, величиной с небольшое яблоко, имеющие гладкую или ребристую поверхность» (*Качалов*, 1959. С. 212). Автор приводит фотографию ребристого сосуда (Там же. Рис. 161), но, к сожалению, подробное описание изделия отсутствует. По его мнению, это реликварии из святых мест, из Палестины, в сосуде заключена жидкость – соленая вода, имитирующая слезы. Вероятно, привести такую интерпретацию Н. Н. Качалову помог личный опыт: традиция производства подобных реликвий должна быть очень долгой и доживать до XIX – начала XX в.

Интересно, что в Москве известны находки небольших ребристых сферических сосудов. В 2007 г. во время раскопок в Тайницком саду, в раскопе 1, в слое XVII в. (*Панова, Коваль*, 2007а. Л. 52, 57) найдены фрагменты маленького округлого ребристого сосуда с толстыми стенками (рис. 2: *г*) (*Панова, Коваль*, 2007б. Л. 91. № 301/47). Несколько таких фрагментов сопровождали стеклянный шарик

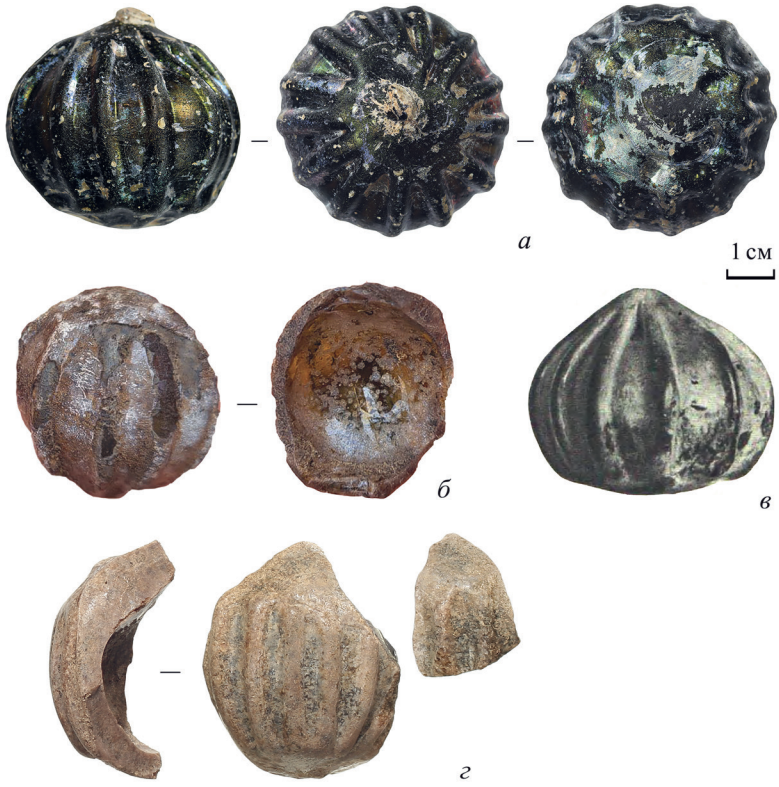

Рис. 2. Ребристые стеклянные «шары»

а – из раскопа 2021 г. у Боровицкой башни Московского Кремля; *б* – фрагмент из раскопок 2025 г. в Соймоновском проезде в Москве; *в* – стеклянный реликварий из Киева, без масштаба (по: *Качалов*, 1959. Рис. 161); *г* – фрагменты изделия из раскопок в Тайницком саду в 2007 г., без масштаба (по: *Панова, Коваль*, 2007. Л. 91. № 301/47)

в раскопе в Соймоновском проезде в Москве (рис. 2: *б*). Ю. А. Лихтер приводит подобную находку с Арбата из раскопок 1997 г. и в качестве аналогии привлекает ребристый сосудик XVIII в. из Швейцарии (*Лихтер*, 2024. Рис. VIII-1, *2, Б*). Эти предметы по размерам и форме имеют сходство между собой; наибольшее сходство наблюдается – по форме ребер и общему абрису – между находкой у Боровицкой башни Московского Кремля и приведенным Н. Н. Качаловым предметом. При этом Н. Н. Качалов упоминает и гладкие предметы, поэтому не исключено, что стеклянные шарики, рассмотренные в первой части статьи, также относятся к этой группе предметов (обязательное содержание жидкости внутри – вопрос спорный).

Еще одно мнение по поводу атрибуции стеклянных шаров высказали белорусские исследователи П. С. Курлович и А. В. Зыль. Они предполагают связь гладких шаров, схожих с описываемыми находками также по размеру, с производственным процессом, уточняя, что «стеклянные шары не имеют явных

структурных элементов, которые могли бы указывать на их использование в качестве оружия». «Однако некоторые факты могут указывать на то, что проанализированные предметы также могут быть связаны с производством стеклянных изделий». В Белоруссии известны их находки в комплексах стекольного производства XVII–XVIII вв. (*Курловіч, Зыль*, 2018. С. 149). С этим мнением перекликается информация из книги Е. И. Чижова[7] (*Чижов*, 1898), где прямо указывается, что на стекольном предприятии того времени «делают такие мячики целыми тысячами». Судя по всему, автор связывает их с получением так называемой баночки – наборки горячего стекла и предварительного выдувания будущего изделия (Там же. С. 7–9). Их описание – цвет, размер – также совпадает с нашими находками.

Конечно, ставить точку в интерпретации столь необычных стеклянных находок еще рано. Необходимы уточнения датировок самих находок и бытования приводимых аналогий. Точная фиксация обстоятельств новых находок и анализ слоев и комплексов, откуда они происходят, помогут в будущем определить их предназначение. Не исключено, что описанные здесь предметы были полифункциональными или их использование различалось в зависимости от эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2011. Стеклянные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве // АП. Вып. 7 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 429–432.

Качалов Н., 1959. Стекло. М.: Изд-во АН СССР. 466 с., 62 л. ил.

Коваль В. Ю., 2021. Отчет об археологических раскопках в «Александровском саду» в части входной зоны с организацией пропускного режима на территорию Московского Кремля через Боровицкую башню в 2021 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1.

Курловіч П. С., Зыль А. В., 2018. Гутныя шкляныя вырабы з Копысі (па матэрыялах раскопак Э. М. Загарульскага у 1972 г.) // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорульского / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: Белорус. гос. ун-т. С. 142–150.

Лихтер Ю. А., 2024. Московская стеклянная посуда XVI–XIX веков. М.: Буки Веди. 256 с.

Панова Т. Д., Коваль В. Ю., 2007а. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2909.

Панова Т. Д., Коваль В. Ю., 2007б. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 году. Т. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 29012.

Панченко К. И., 2022. § 9. Изделия из камня и глины // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 199–204.

Столярова Е. К., 2022. § 8. Стеклянные предметы // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 176–198.

Чижов Е. И., 1898. История стекла. СПб.: А. Н. Пешкова-Толиверова. 314 с. (Б-ка журн. «Игрушечка»; т. XI.)

[7] Это научно-популярная детская книжка о стекле. Несмотря на целевую аудиторию, она содержит довольно точную информацию, среди прочего он пишет, что одно из детских пособий рекомендовало поделки из таких стеклянных шариков ценою 5 копеек (*Чижов*, 1898. С. 65). Книга получила 1-ю премию журнала. Без сомнения, автор книги ученый или инженер, но, к сожалению, подробную информацию о нем пока найти не удалось.

Antonaras A., 2017. Glass Fishing Floats from Greek Sites // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Fribourg / Romont 7–11 Septembre 2015). Romont. P. 597–601.
Olczak J., 1989. Ręczny granat szklany z XVII wieku odkryty w Mogilnie // Acta Univereuatis Nikolai Copernici. Archeologia. XIV. Toruń. C. 27–37.

Сведения об авторе

Кузина Инна Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kuzina.i65@mail.ru

I. N. Kuzina

UNUSUAL GLASS ITEMS FROM THE EXCAVATIONS IN MOSCOW. POSSIBLE ATTRIBUTION

Abstract. The paper explores two unusual glass items from the excavations in the Moscow Kremlin. These are glass balls, one is smooth, the other is ribbed. In the Russian literature smooth balls are described as projectiles. Using analogies, including those described in foreign publications, this paper offers a new interpretation of these finds as fisher floats. Ribbed balls may have been also used as reliquaries that have been recorded starting from the pre-Mongol period onward. This suggestion do not make our interpretation of these objects final, though; just as their function is not clear, neither is their dating or production place.

Keywords: Moscow Kremlin, glass balls, projectile balls, fisher floats, reliquaries.

REFERENCES

Chizhov E. I., 1898. Istoriya stekla [History of glass]. St. Petersburg: A. N. Peshkova-Toliverova. 314 p. (Biblioteka zhurnala «Igrushechka», XI.)
Kachalov N., 1959. Steklo [Glass]. Moscow: AN SSSR. 466 p., 62 pl. ill.
Koval V. Yu., 2021. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v «Aleksandrovskom sadu» v chasti vkhodnoy zony s organizatsiey propusknogo rezhima na territoriyu Moskovskogo Kremlya cherez Borovitskuyu bashnyu» v 2021 g. T. 1 [Report on archaeological excavations in «Aleksandrovskiy Garden in entrance area in relation with organization of access to the territory of Moscow Kremlin through Borovitskaya Tower» in 2021. Vol. 1]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Kurlovich P. S., Zyl' A. V., 2018. Gutnyya shklyanyya vyraby z Kopysi (pa materyyalakh raskopak E. M. Zagarulskaga u 1972 g.) [Blown glass items from Kopys (based on materials from E. M. Zagarulsky's excavations in 1972)]. *Etnokulturnye protsessy na territorii Belarusi v I – nachale II tysyacheletiya nashey ery [Ethnocultural processes in territory of Belarus in I – early II millennium AD]*. A. A. Egoreychenko, ed. Minsk: Belorusskiy gos. universitet, pp. 142–150.
Likhter Yu. A., 2024. Moskovskaya steklyannaya posuda XVI–XIX vekov [Moscow glassware of XVI–XIX centuries]. Moscow: Buki Vedi. 256 p.
Panchenko K. I., 2022. § 9. Izdeliya iz kamnya i gliny [Stone and clay products]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin], I. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 199–204.
Panova T. D., Koval V. Yu., 2007a. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Taynitskogo sada v Moskovskom Kremle v 2007 godu. T. 1 [Report on archaeological protection excavations in territory of Tainitsky Garden in Moscow Kremlin in 2007. Vol. 1]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Panova T. D., Koval V. Yu., 2007b. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Taynitskogo sada v Moskovskom Kremle v 2007 godu. T. 4 [Report on archaeological protection excavations in territory of Tainitsky Garden in Moscow Kremlin in 2007. Vol. 4]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Stolyarova E. K., 2022. § 8. Steklyannye predmety [Glass items]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin], I. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 176–198.

Veksler A. G., Likhter Yu. A., 2011. Steklyannye izdeliya neizvestnogo naznacheniya, naydennye pri arkheologicheskikh issledovaniyakh v Moskve [Glass products of unknown purpose found during archaeological research in Moscow]. *AP*, 7, pp. 429–432.

About the author

Kuzina lnna N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kuzina.i65@mail.ru

А. Ю. Сергеев, Н. М. Алтынов

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ ДЬЯКОВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПА 1 В БОЛЬШОМ СКВЕРЕ)[1]

Резюме. В статье представлены результаты исследования археоботанических материалов из нижних горизонтов раскопа в Большом сквере Московского Кремля. Выявлен набор культур, характерный для раннежелезного века лесной зоны европейской части в целом. Он включает в себя, прежде всего, просо обыкновенное, пленчатый ячмень, пшеницу двузернянку в качестве основных злаков, а также мягкую пшеницу и лен в качестве минорных компонентов. Наибольшую схожесть с изученной коллекцией в отношении археоботанических спектров проявляют поселения москворецкого и окского регионов, имеющие раннедьяковские слои.

Ключевые слова: Московский Кремль, археоботаника, дьяковская культура, просо, ячмень, двузернянка.

В 2019–2021 гг. Институтом археологии РАН были проведены раскопки в Большом сквере Московского Кремля, к востоку от Архангельского собора, где в XVI–XVIII вв. размещались Приказы – органы центрального управления Русского государства. В толще отложений, общая мощность которых достигала 6 м (до 9 м в заглубленных погребах), удалось выделить несколько слоев, часть из которых включала строительный мусор от возведения зданий Старых (1591 г.) и Новых (1675–1682 гг.) Приказов. В ходе работ было выделено и изучено 14 слоев (нумерация 1–9 и прослойки, получившие литеру «а») (*Коваль и др.*, 2023).

Во время раскопок была собрана представительная археоботаническая коллекция, включающая 38 флотационных образцов, 5 образцов из зерновых

[1] А. Ю. Сергеевым исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН «Московский Кремль по материалам новейших археологических исследований: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты» (№ НИОКТР 122011100062-2).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.292-302

скоплений и одну визуальную выборку. Эта публикация посвящена исключительно находкам культурных растений, обнаруженным в шести образцах, происходящих из разных уровней слоя 7 (4 обр.) и слоя 9 (2 обр.), с двух участков (сектора 1 и 3), где зафиксированы остатки дьяковского слоя (*Коваль и др.*, 2023. С. 109. Рис. 6). Слой 7 на основе керамического материала датируется второй половиной XIV в., однако возможно, что он начал формироваться уже в XIII в. (Там же. С. 107). Слой 9 содержал материалы двух этапов дьяковской культуры – V–II вв. до н. э. и II–V вв. н. э. (Там же. С. 109). Слой 7 в секторе 1 лежал прямо на слое раннего железного века. Стоит отметить, что слой 9 не имел четкой стратиграфии и сильно порушен многочисленными перекопами средневековой эпохи. Между слоем железного века и средневековым слоем не прослежено стерильной прослойки, которая, скорее всего, была подрезана в древнерусский период (*Лопатина, Коваль*, 2022. С. 154, 156). Слой 7 наряду с древнерусской керамикой также содержал дьяковскую, а слой 9 наряду с дьяковской – древнерусскую (Там же. С. 156. Табл. 1). Выделение именно этих шести образцов из общей выборки обусловлено резким отличием от археоботанических спектров древнерусского времени их набора основных зерновых культур, который соответствует скорее раннежелезной эпохе.

Целями данной статьи являются публикация проанализированных материалов и попытка их сопоставления с опубликованными ранее коллекциями из дьяковских поселений московского региона. Рассмотрение, безусловно, важных причин, определивших различие дьяковских и древнерусских спектров сельскохозяйственных культур (с привлечением этноботанических и палеоклиматических свидетельств), выходит за рамки настоящей статьи, но планируется в дальнейших публикациях.

Три пробы отобраны из верхнего горизонта слоя 7, одна – из нижнего и две пробы из слоя 9 (табл. 1). Объем каждой пробы составлял 10 л, все они были промыты методом ручной флотации на ситах с ячейкой 0,5 мм по методике, принятой в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (*Лебедева*, 2016). Полученные флоты несколько отличались друг от друга, но в целом имели в основе древесный уголь, загрязненный плотно прикипевшими к нему частицами песка. В образцах из верхнего горизонта слоя 7 отмечены остатки некарбонизированной древесины, кости грызунов, рыб, а в половине образцов – склероции почвенных грибов. Объемы флотов составляли 10–30 мл, кроме образца № 3874 (70 мл). Результативность флотации составила 100 %, т. е. в каждой пробе были обнаружены ботанические макроостатки.

Всего извлечено 1788 различных макроостатков, из них 41 находился в некарбонизированном (далее – НК) состоянии и 3 в минерализованном. Практически все находки культурных растений являются карбонизированными, за исключением одной минерализованной зерновки проса и одного НК плода конопли. Поскольку сам слой 7 имеет смешанное происхождение, то НК остатки (в нашем случае – в основном семена сорных видов и косточки малины), скорее всего, имеют отношение к средневековым переувлажненным горизонтам (см.: *Лебедева, Сергеев*, 2022). Кроме того, вышележащие слои 5 и 6 имеют повышенное содержание НК макроостатков, так что вероятность интрузивов по микроперекопам довольно высока.

Таблица 1. Большой сквер Московского Кремля, раскоп 1. Археоботанический спектр образцов из слоев 7 и 9

№ раб.	№ ан.	Место отбора пробы	*Triticum monococcum / dicoccum*	*Triticum turgidum* ssp. *dicoccum*	*Triticum aestivum*	*Triticum* sp.	*Hordeum vulgare* ssp. *vulgare*	*Hordeum vulgare*	*Panicum miliaceum*	*Avena sativa*	*Linum usitatissimum*	ВСЕГО	Мякина	Узлы соломы
11	3874	Сект. 1, гл. -340/-350, кв. 3, сл. 7		10	2	4	21		78		5	**120**	81	4
12	3875	Сект. 1, гл. -340/-350, кв. 2, 3, сл. 7	2	1		2		2	18	1		**26**	265	6
14	3876	Сект. 1, гл. -360/-370, кв. 2, 3, сл. 7		2	1	2		6	10		1	**22**	1	1
15	3877	Сект. 1, гл. -390/-400, кв. 3, сл. 7, низ	1	3		1		2	18			**25**	12	
17	3878	Сект. 1, гл. -440/-450, кв. 4, 5, сл. 9				1		4	33			**38**	55	
42	3879	Сект. 1, гл. -490/-510, кв. 31, 32, сл. 9		2		1		9	36			**48**	125	3
ВСЕГО			**3**	**18**	**3**	**11**	**21**	**23**	**193**	**1**	**6**	**279**	**539**	**14**
%			*1,1*	*6,5*	*1,1*	*3,9*	*7,5*	*8,2*	*69,2*	*0,4*	*2,1*	**100,0**	*97,6*	*2,2*
			12,6				*15,7*							
Частота встречаемости, %				*83,3*	*33,3*		*100*		*100*	*16,3*	*33,3*		*100*	

Сохранность материалов ниже средней оценена в 2,5–3 балла по пятибалльной шкале. Поэтому, хотя культурные растения составили 75,1 % в общей структуре рассматриваемой здесь коллекции, на долю определимых зерен пришлось всего 16 %. Неопределимые фрагменты зерновок составили 27,5 %, а вот остатков мякины непривычно много для московских образцов – 30,9 % (см.: *Лебедева, Сергеев*, 2022); еще 0,8 % – это узлы соломы. Индекс насыщенности (ИН)[2] для слоев 7 и 9, таким образом, составляет 219, и этот показатель сопоставим

[2] ИН – среднее количество макроостатков культурных растений (зерна, семена, мякина, солома) на 10 л грунта (*Лебедева*, 2016).

со средневековыми городскими слоями разных раскопов Московского Кремля: 339 (14 корпус) и 168 (Подол) (*Лебедева, Сергеев*, 2022. С. 341).

Археоботанический спектр (АБС) составлен на основе всего 279 определимых целых и фрагментированных зерновок и семян культурных растений (табл. 1). При этом определено не менее шести их видов. Две трети находок (69,2 %) относятся к просу обыкновенному *Panicum miliaceum* (рис. 1: *а*). Второе место принадлежит ячменю *Hordeum vulgare* (рис. 1: *б*), вероятно, в его пленчатой форме (15,7 %). Только в одном образце (№ 3874) выявлены искривленные зерновки, что дает основание говорить о присутствии многорядного подвида *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare*. Чуть меньшую часть спектра (12,6 %) занимают пшеницы: пшеница двузернянка *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum* (6,5 %) (рис. 1: *в*), единичные зерна мягкой пшеницы *Triticum aestivum* (1,1 %) и зерновки *Triticum* sp., неопределимые до вида (3,9 %). Также имеются фрагментированные зерновки, которые можно отнести и к *Triticum turgidum* ssp. *Dicoccum*, и к *Triticum monococcum* (1,1 %). Кроме того, найдено небольшое количество других культур: одно зерно, вероятно, культурного овса *Avena sativa* (0,4 %) и шесть семян льна *Linum usitatissimum* (2,1 %) (рис. 1: *г*). Единственное семя конопли *Cannabis sativa* в обр. № 3879 (слой 9) условно признано древнерусским интрузивом, так как находится в НК состоянии (см. выше). Частота встречаемости выше всего у проса, ячменя и двузернянки (табл. 1).

Остатки мякины занимают треть в структуре археоботанической коллекции, и на первый взгляд это кажется очень высоким значением по сравнению с 1,3 % мякины в раскопе на месте 14 корпуса Московского Кремля (Там же. С. 336). Кроме того, в отличие от той коллекции, где фрагменты мякины встречаются спорадически, в данном случае они обнаружены во всех шести образцах. Имея в наличии только эти цифры, мы должны были бы считать, что имеем дело с очисткой урожая на поселении, т. е. с частью производственного цикла зерновых. Однако, учитывая, что 97,6 % из этой категории относятся к колосковым вилочкам и основаниям чешуй пленчатых пшениц, а еще 2,2 % – к отдельным сегментам колосового стержня пшеницы, становится ясно, что перед нами – результат домашней очистки пленчатых пшениц, т. е. отходы, появляющиеся после отделения зерна от плотно прилегающих чешуй. Такую операцию с древности проводили в домохозяйствах, имеющих дело с хранением пленчатых злаков; после этого фрагменты колоса становятся частью мусорной составляющей культурного слоя (*Peña-Chocarro, Zapata*, 2003). К двузернянке нами достоверно отнесены лишь 96 колосовых фрагментов (рис. 1: *д*), из них 13 вилочек из верхней части колоса (рис. 1: *е*). Еще 430 фрагментов по причине худшей сохранности отнесены в общую категорию пленчатых пшениц *Tr. monococcum/dicoccum*. Однако поскольку других видов пленчатых пшениц в образцах достоверно не выявлено, то условно можно считать, что основным, если не единственным, видом была все же двузернянка.

Археоботанические критерии, позволяющие отделять дьяковские поселения, производившие сельхозпродукцию, от потреблявших ее, на данный момент не разработаны; мы надеемся, что это получится сделать в будущем. Поэтому отметим только, что в нашей коллекции не обнаружены отходы от первых

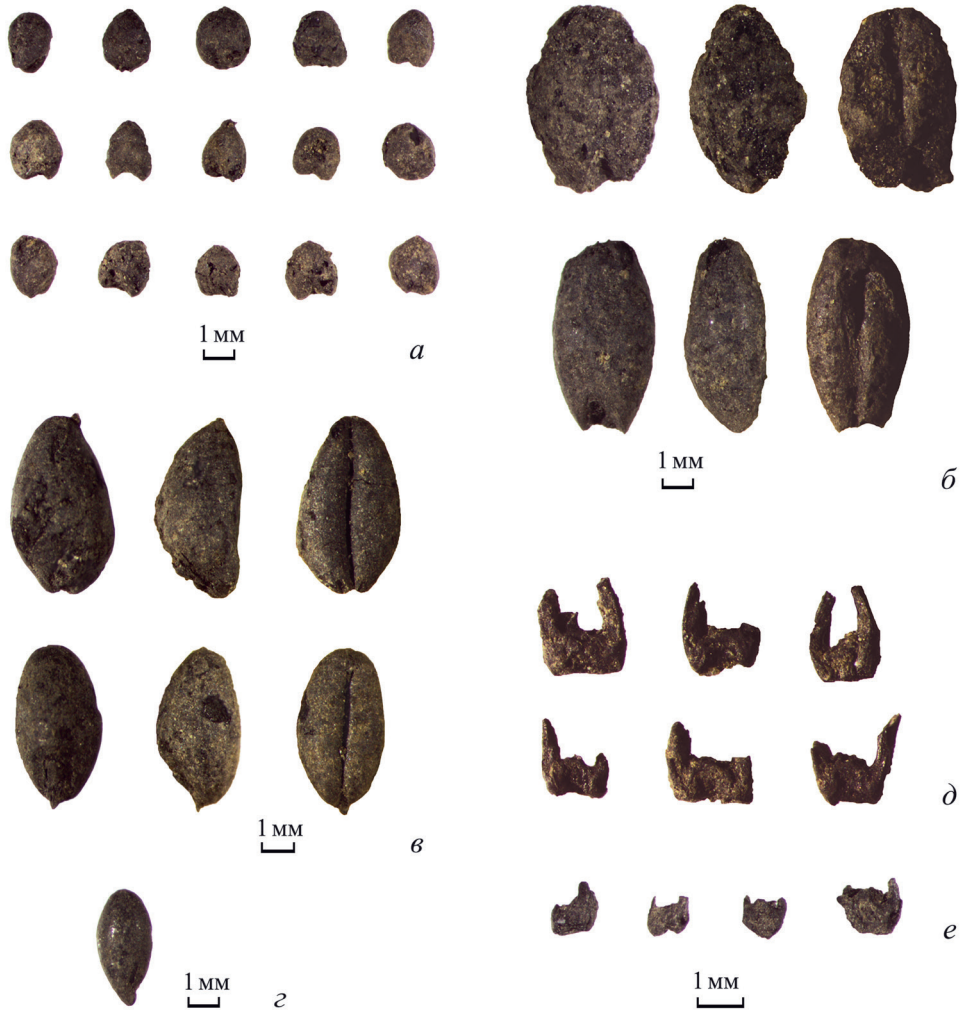

Рис. 1. Археоботанические макроостатки

а – зерновки проса обыкновенного; *б* – зерновки ячменя; *в* – зерновки двузернянки; *г* – семя льна; *д* – колосковые вилочки из средней и нижней частей колоса двузернянки; *е* – колосковые вилочки двузернянки из верхней части колоса

послеуборочных стадий очистки урожая – например, при значительном числе вилочек и оснований чешуй отсутствуют основания колоса двузернянки (место, где колос переходит в соломину), также нет ни одного колосового фрагмента ячменя. Кроме того, зафиксировано низкое содержание семян сорных таксонов (всего 15 %) и недозрелых зерновок проса (3 % от всего проса), что скорее характерно для поселений-потребителей. Однако выборка образцов, как и исследованная площадь дьяковского слоя, слишком мала, чтобы экстраполировать полученные данные на все поселение.

Судя по керамическому материалу, дьяковские слои в Большом сквере перемешаны между собой, и выборка из шести образцов не является достаточной и адекватной для проведения сравнений с другими стратифицированными памятниками этого периода. Однако для общего представления можно попытаться сопоставить коллекцию Кремля с поселениями, где исследователями были выделены ранне- и позднедьяковские горизонты. В настоящее время мы располагаем археоботанической базой данных не менее чем по 15 памятникам дьяковской культуры, составленной как по опубликованным материалам, так и по данным внутренней АБД Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Среди них преобладают городища, при этом сравнительно репрезентативных дьяковских выборок исследовано и опубликовано немного – Царицыно-1 (*Лебедева*, 2008), Кикинское (*Вишневский*, 2021. С. 14, 15, 60), Настасьино (*Лебедева*, 2004; 2013), Дьяково (*Кренке*, 2011. С. 189–191), Ростиславль (*Лебедева*, 2005; 2009). Но для корректного сравнения нам подходят лишь последние четыре.

Если сравнивать наш спектр со спектрами наиболее близко расположенного к Кремлю Дьякова городища, то видно, что АБС Большого сквера близок к нижним (раннедьяковским) слоям Дьякова городища (рис. 2: *1, 2*). Так, проса в кремлевском АБС 69,2 % против 78 % Дьякова городища, ячменя – 15,7 и 9 % соответственно. А совокупные доли пшениц почти одинаковы – 12,6 и 13 % (к сожалению, исследовавшая эту коллекцию Н. А. Кирьянова в своих таблицах не проводила подробную разбивку на двузернянку и мягкую пшеницу).

Примерно эти же пропорции характерны и для АБС Настасьино (раннедьяковские слои) (рис. 2: *3*). А вот в верхнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища 81,4 % всего спектра занимает ячмень, он же лидирует и на позднедьяковском Кикинском городище, что сильно отличает их от кремлевской коллекции.

Доминирование проса отмечено также на всем протяжении существования Ростиславльского городища (и в раннедьяковском, и в позднедьяковском периодах) (рис. 2: *4, 5*).

Мягкая пшеница и лен если и присутствуют на указанных памятниках, то либо в небольших количествах, либо в отпечатках на керамике (например, на Кикинском городище).

Конечно, нужно учитывать разные методические подходы, применявшиеся при изучении приведенных коллекций, их неравнозначность в отношении количества образцов, проблему вероятной контаминации образцов на многослойных памятниках. Однако даже при всех этих ограничениях можно сделать некоторые выводы.

В целом для шести кремлевских образцов прослеживается базовая для дьяковской культуры триада: просо, пшеница двузернянка и ячмень с минимальным участием мягкой пшеницы и льна. АБС Кремля, хотя имеет смешанную природу, таким образом, больше тяготеет к раннедьяковским памятникам, на которых выявлено преобладание проса.

Стоит отметить принципиальное отличие АБС рассматриваемых образцов от спектров, полученных на основе коллекций из городских древнерусских слоев XIII–XIV вв. – Москвы, Суздаля, Ярославля, Ростиславля (*Лебедева*, 2005; 2023; *Антипина, Лебедева*, 2012. С. 160–165; *Лебедева, Сергеев*, 2022. С. 334–337), где зафиксировано преобладание ржи и овса, остальные же злаки уступают им

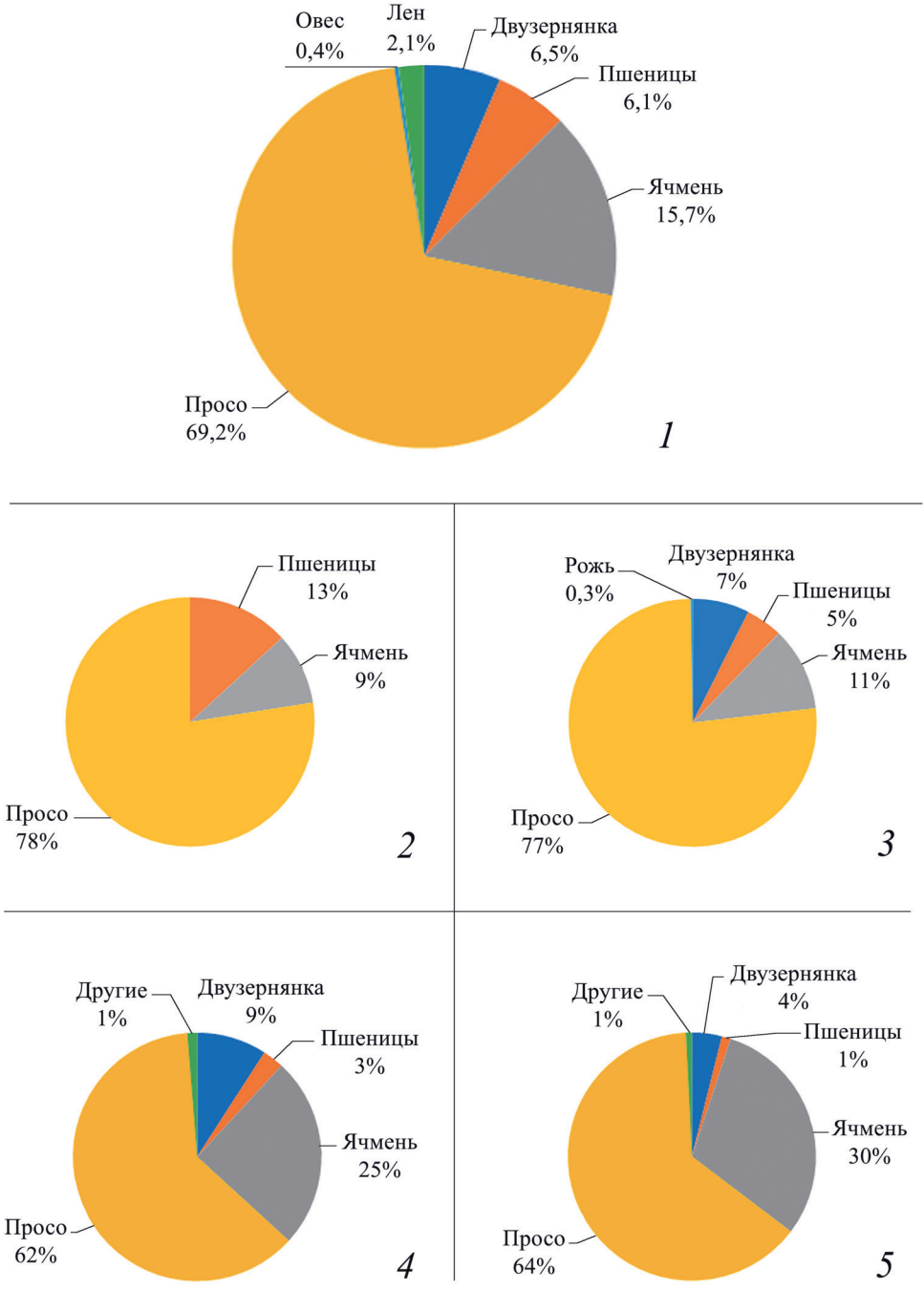

Рис. 2. Археоботанические спектры дьяковских памятников

1 – Большой сквер Московского Кремля, раскоп 1, слои 7 и 9 (279); *2* – Дьяково г-ще, раннедьяковские слои (280); *3* – пос. Настасьино, раннедьяковские слои (376); *4* – Ростиславль, раннедьяковские слои (943); *5* – Ростиславль, позднедьяковские слои (770)

(В скобках указано количество макроостатков)

порой значительно. Похожая ситуация наблюдается и в Новгороде Великом (*Кирьянов*, 1959). На сельских памятниках картина более сложная, однако даже для северных областей Древней Руси, где ячмень, вероятно, имел большое значение, к XII–XIII вв. рожь вытесняет его с первой позиции, а двузернянка не обнаружена вовсе (*Макаров и др.*, 1998. С. 181). Лишь на нескольких селищах Суздальского Ополья в это время наблюдается заметное присутствие двузернянки, ячменя и проса, но все же при лидировании в спектрах ржи и овса (*Лебедева*, 2023). В рассматриваемых здесь шести образцах отсутствует рожь, имеется всего одно зерно овса (которое, вероятнее всего, имеет средневековое происхождение), а мягкая пшеница занимает лишь незначительную часть спектра.

Таким образом, пробы из слоя 9 имеют состав, характерный для поселений дьяковской культуры, а вот схожее с ними соотношение культур в образцах из слоя 7 выглядит странным, учитывая датировку слоя, но при этом оно не могло быть вызвано случайным смешением «ботанического» содержимого древнерусских слоев разного времени.

С точки зрения керамического материала слой 7 на раскопе 1 считается в основном сформированным в древнерусское время (XIII–XIV вв.), но с примесью дьяковской керамики, однако с археоботанической точки зрения он выглядит как дьяковский, вероятно, с небольшой примесью древнерусских растительных остатков (в основном в категории сорных таксонов, происходящих из влажного слоя). Наблюдаемое несоответствие свидетельствует о сложных процессах формирования культурных слоев на многослойных памятниках (в частности – для древнерусских/дьяковских городищ), которые мы пока не до конца понимаем. Похожие проблемы существуют и для других аналогичных поселений (Настасьино и Ростиславль), однако слои смешанного происхождения на них фиксируются и по керамике, и по археоботаническим находкам – наряду с «дьяковской триадой» в них присутствуют рожь и овес (*Лебедева*, 2004; 2005).

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., 2012. Растения и животные // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН. С. 144–229.

Вишневский В. И., 2021. Кикинское городище. Древнее поселение середины I тысячелетия до н. э. на севере Подмосковья. М.: Белый ветер. 223 с.

Кирьянов А. В., 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (по археологическим материалам) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2 / Ред.: А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: АН СССР. С. 306–362. (МИА; № 65.)

Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Макаров Н. А., 2023. Стратиграфия культурного слоя Московского Кремля: новые данные по материалам раскопок 2019–2021 гг. // РА. № 3. С. 98–113.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Лебедева Е. Ю., 2004. Глава XI. Палеоэтноботанические материалы // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 104–107. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 2.)

Лебедева Е. Ю., 2005. Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост.: Е. Н. Черных и В. И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры. С. 159–180.

Лебедева Е. Ю., 2008. Результаты археоботанического анализа образцов с селища «Храм Цереры» // Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции ИА РАН 2002–2008 гг. / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008. С. 72–76.

Лебедева Е. Ю., 2009. Продолжение археоботанических исследований на Ростиславльском городище дьяковской культуры // АИЛЕМ. Вып. 1 / Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: Таус. С. 245–255.

Лебедева Е. Ю., 2013. К истории земледелия дьяковской культуры: археоботанические исследования в Настасьино // АИЛЕМ. Вып. 3 / Отв. ред. и сост.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Таус. С. 202–243.

Лебедева Е. Ю., 2016. Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 118–146.

Лебедева Е. Ю., 2023. Археоботанические материалы о производстве и потреблении аграрной продукции //Археология Суздальской земли. Т. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. Н. Д. Угулава. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 192–211.

Лебедева Е. Ю., Сергеев А. Ю., 2022. Растения и растительная пища средневековых москвичей // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 326–343.

Лопатина О. А., Коваль В. Ю., 2022. Новые данные о Боровицком холме Москвы в железном веке (по керамическим материалам) // РА. № 3. С. 152–167.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Кирьянова Н. А., 1998. Палеоботанические материалы из Белозерья: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси // РА. № 1. С. 175–186.

Peña-Chocarro L., Zapata L., 2003. Post-harvest processing of hulled wheats. An ethnoarchaeological approach // Le traitement des récoltes: un regard sur la diversité, du Néolithique au présent. Actes des XXIIIe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes, 17–19 octobre 2002 / Ed. P. C. Anderson et al. Antibes: Association pour la promotion et la diffusion des connaissances archéologiques. P. 99–114.

Сведения об авторах

Сергеев Алексей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: alexarchbot@yandex.ru;

Алтынов Николай Матвеевич, Музейное объединение «Музеи Москвы», Зубовский бульв., 2, Москва, 119034, Россия; e-mail: kot-rk@mail.ru

A. Yu. Sergeev, N. M. Altynov

DOMESTICATED PLANTS OF THE DYAKOVO PERIOD FROM THE MOSCOW KREMLIN (MATERIALS FROM EXCAVATION TRENCH 1 IN THE GRAND KREMLIN PUBLIC GARDEN)

Abstract. The paper presents the study of archaeobotanical materials from the lower horizons of the excavation trench in the Grand Kremlin Public Garden. The study identified crops characteristic of the Early Iron Age in the forest zone of the European part. The domesticated plant assemblage includes millet, husked barley and emmer wheat as staple crops as well as soft wheat and flax as minor components. Regarding the achaeobotanical spectra, the settlements in the Moskva-river and Oka-river regions which have early Dyakovo layers show the greatest degree of similarity with the examined crop assemblage.

Keywords: Moscow Kremlin, archaeobotany, Dyakovo culture, millet, barley, emmer wheat.

REFERENCES

Antipina E. E., Lebedeva E. Yu., 2012. Rasteniya i zhivotnye [Plants and animals]. *Arkheologiya drevnego Yaroslavlya. Zagadki i otkrytiya [Archaeology of ancient Yaroslavl. Riddles and discoveries]*. 2nd edition. Moscow: IA RAN, pp. 144–229.

Kir'yanov A. V., 1959. Istoriya zemledeliya Novgorodskoy zemli X–XV vv. (po arkheologicheskim materialam) [History of agriculture in Novgorod land, X–XV cc. (based on archaeological materials)]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Novgorod archaeological expedition]*, 2. A. V. Artsikhovskiy, B. A. Kolchin, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 306–362. (MIA, 65.)

Koval V. Yu., Modin R. N., Makarov N. A., 2023. Stratigrafiya kul'turnogo sloya Moskovskogo Kremlya: novye dannye po materialam raskopok 2019–2021 gg. [Stratigraphy of the cultural layer of the Moscow Kremlin: new data from the 2019–2021 excavations]. *RA*, 3, pp. 98–113.

Krenke N. A., 2011. Dyakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Dyakovo hillfort: culture of population of Moskva River basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.

Lebedeva E. Yu., 2004. Glava XI. Paleoetnobotanicheskie materialy [Chapter XI. Paleoethnobotanic materials]. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [Medieval settlement Nastas'ino]*. Moscow: IA RAN, pp. 104–107. (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii IA RAN, 2.)

Lebedeva E. Yu., 2005. Kul'turnye rasteniya Rostislavlya: arkheobotanicheskie materialy iz d'yakovskogo gorodishcha i drevnerusskogo goroda [Cultivated plants of Rostislavl: archeobotanical materials from Dyakovo hillfort and Ancient Russian city]. *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody [Archaeology and natural science methods]*. E. N. Chernykh, V. I. Zavyalov, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 159–180.

Lebedeva E. Yu., 2008. Rezul'taty arkheobotanicheskogo analiza obraztsov s selishcha «Khram Tserery» [Results of archaeobotanical analysis of samples from Temple of Ceres settlement]. *Arkheologiya parka Tsaritsyno: Po materialam issledovaniy ekspeditsii IA RAN 2002–2008 gg. [Archaeology of Tsaritsyno Park: Based on materials of IA RAS expedition's research in 2002–2008]*. N. A. Krenke, comp. Moscow: IA RAN, pp. 72–76.

Lebedeva E. Yu., 2009. Prodolzhenie arkheobotanicheskikh issledovaniy na Rostislavl'skom gorodishche d'yakovskoy kultury [Continuation of archaeological and botanical research at Rostislavl hillfort of Dyakovo culture]. *AILEM*, 1. E. N. Chernykh, ed. Moscow: Taus, pp. 245–255.

Lebedeva E. Yu., 2013. K istorii zemledeliya d'yakovskoy kul'tury: arkheobotanicheskie issledovaniya v Nastas'ino [To the history of Dyakovj culture agriculture: archaeological and botanical research in Nastas'ino]. *AILEM*, 3. E. N. Chernykh, V. I. Zavyalov, eds. Moscow: Taus, pp. 202–243.

Lebedeva E. Yu., 2016. Arkheobotanika: metody issledovaniy i interpretatsiya rezul'tatov [Archaeobotany: research methods and interpretation of results]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh uchenykh) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for graduate students and young scientists)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 118–146.

Lebedeva E. Yu., 2023. Arkheobotanicheskie materialy o proizvodstve i potreblenii agrarnoy produktsii [Archaeobotanical materials on production and consumption of agricultural products]. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Suzdal land]*, 1. N. A. Makarov, ed., N. D. Ugulava, comp. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 192–211.

Lebedeva E. Yu., Sergeev A. Yu., 2022. Rasteniya i rastitel'naya pishcha srednevekovykh moskvichey [Plants and plant food of medieval Muscovites]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin], I. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 326–343.

Lopatina O. A., Koval V. Yu., 2022. Novye dannye o Borovitskom kholme Moskvy v zheleznom veke (po keramicheskim materialam) [New data on Borovitsky Hill in Moscow in the Iron Age (based on ceramic materials)]. *RA*, 3, pp. 152–167.

Makarov N. A., Zakharov S. D., Kir'yanova N. A., 1998. Paleobotanicheskie materialy iz Belozer'ya: k istorii stanovleniya zemledeliya na severnykh okrainakh Drevney Rusi [Paleobotanical materials from Belozerye: on the history of formation of agriculture in northern outskirts of Ancient Rus]. *RA*, 1, pp. 175–186.

Vishnevskiy V. I., 2021. Kikinskoe gorodishche. Drevnee poselenie serediny I tysyacheletiya do n. e. na severe Podmoskov'ya [Kikino hillfort. Ancient settlement of mid I mill. BC in the north of Moscow region]. Moscow: Belyy veter. 223 p.

About the authors

Sergeev Aleksey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: alexarchbot@yandex.ru;

Altynov Nikolay M., Museum Association «Museum of Moscow», Zubovskiy boul., 2, Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: kot-rk@mail.ru

Н. А. Баранов

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦЕЛЬНЫХ РУКОЯТЕЙ И КРЕСТОВ ИЗ КОСТНОГО СЫРЬЯ НА ОСНОВЕ НАХОДОК ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ М. В. СЕДОВОЙ В СВЯТО-РИЗОПОЛОЖЕНСКОМ ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ В 1991 г.

Резюме. Статья посвящена реконструкции технологического процесса изготовления цельных рукоятей и крестов из костного сырья средневековыми мастерами. Основой для исследования послужили находки, обнаруженные в ходе археологических раскопок, проведенных М. В. Седовой в 1991 г. в Суздале.

Ключевые слова: Суздаль, период Средневековья, производственный сброс, заготовки, бракованные поделки, технология изготовления цельных рукоятей и крестов из костного сырья.

В 1991 г. на территории Свято-Ризоположенского женского монастыря в Суздале проводились археологические раскопки под руководством М. В. Седовой. Эти работы стали продолжением начатых в 1990 г. изысканий, направленных на изучение культурного слоя неукрепленного городского посада XII–XIII вв., а также разрушенного курганного могильника XI – начала XII в. (рис. 1).

Результаты исследования показали, что с середины XII в. постепенно разрастающийся посад стал занимать территорию, ранее отведенную под городской некрополь. Со временем курганы были полностью срыты поселенцами, а на их месте проложили улицу, остатки частоколов которой были обнаружены в ходе раскопок. По обеим сторонам от изгородей были открыты небольшие участки средневековых усадеб. На одной из них в период XII – начала XIII в. проживали мастера, совмещавшие несколько видов ремесленной деятельности, таких как кузнечное и косторезное. Об этом свидетельствуют находки металлургических шлаков, обломки тиглей, крицы, предметы из железа и бронзы, а также производственные отходы от резьбы по кости (рис. 2).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.303-310

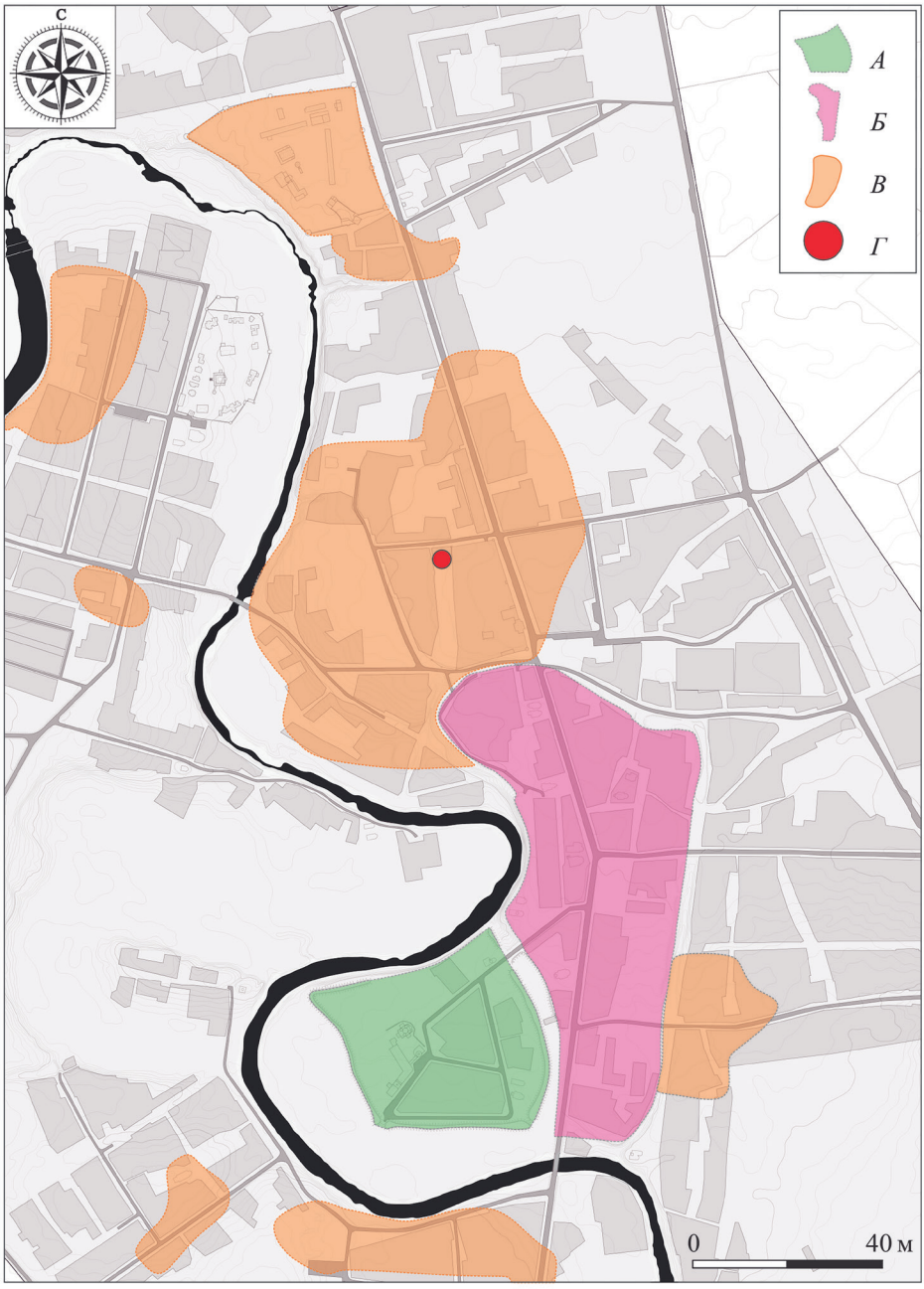

Рис. 1. Карта г. Суздаль с указанием места проведения исследований М. В. Седовой в 1991 г.

а – территория Суздальского кремля; *б* – территория Окольного города; *в* – неукрепленные посады и ближайшие села; *г* – место проведения исследования М. В. Седовой в Свято-Ризоположенском монастыре 1991, 2001 гг.

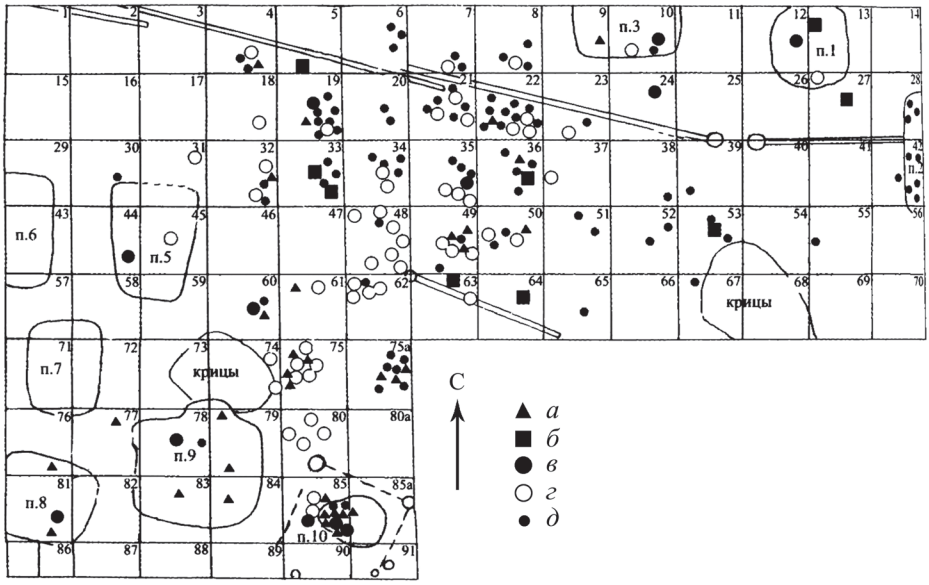

Рис. 2. Картографирование находок производственного сброса на плане Ризоположенского VI раскопа в Суздале 1991 и 2001 гг.

а – заготовки; *б* – гребни; *в* – другие изделия из кости; *г* – кости опиленные; *д* – рога опиленные (по: *Нестерова*, 2007. С. 120. Рис. 1)

К сожалению, в 1991 г. исследования по ряду причин не были завершены. Раскоп законсервировали на уровне 4-го пласта, оставив часть археологических объектов неразобранной (*Седова и др*., 1992).

Продолжить изучение этой мастерской удалось только спустя 10 лет. В 2001 г. работы на участке были доведены до логического завершения. Собранный материал, хотя и незначительно, но дополнил и подтвердил выводы, сделанные ранее М. В. Седовой (*Седова*, 2002).

Общие данные по этому раскопу были опубликованы в монографии М. В. Седовой «Суздаль в X–XV веках» (*Седова*, 1997). Более подробная информация о косторезной мастерской представлена в статье Н. В. Нестеровой (*Нестерова*, 2007. С. 118–121). В своей работе Н. В. Нестерова отмечает, что резьба по кости была сопутствующим, а не основным видом деятельности мастерской. Коллекция изделий из костного сырья не отличается от аналогичных поделок, обнаруженных на других древнерусских памятниках. Одним из видов выпускаемой продукции, наряду с металлообработкой, были цельные рукояти для ножей и криновидные костяные крестики, что делались с расчетом на массового потребителя (Там же. С. 121).

Несмотря на кажущуюся исчерпывающей информацию о данной мастерской, многие частные аспекты, такие как последовательность действий при создании предметов, не нашли своего отражения в печатных работах. Учитывая,

что источники по косторезному ремеслу сильно разрознены, а также существуют значительные пробелы в понимании процессов развития этого вида ремесла на территории Древней Руси, пренебрегать этими деталями нельзя. Именно о них и пойдет речь далее.

Общая коллекция артефактов из животного сырья из исследований 1991 г. в Свято-Ризоположенском монастыре насчитывает 166 предметов[1].

Из них 113 экземпляров относятся к свидетельствам производственной деятельности, связанной с изготовлением простых и наборных рукоятей, а также криновидных крестиков. Данная группа находок включает производственные отходы, заготовки и бракованные изделия.

Анализ видового состава показал, что лишь 3 предмета были сделаны из плотного лосиного рога, в то время как остальные 110 шт. изготовлены из пястных и плюсневых костей крупных копытных млекопитающих, таких как корова и лошадь.

Из них 107 предметов были отнесены к свидетельствам изготовления рукоятей для ножей, а 6 – к производству костяных крестиков.

Комплексный анализ производственных отходов, а также их сопоставление с готовыми цельными костяными рукоятями и криновидными крестами, обнаруженными на других раскопах в Суздале, позволили поэтапно реконструировать технологическую последовательность их производства.

Технология изготовления цельных костяных рукоятей включала следующие этапы. После отбора подходящего исходного сырья дистальный эпифиз кости удаляли (рис. 3). Эта процедура позволяла мастеру оценить толщину компактного вещества костяной трубки и определить ее пригодность для создания рукояти. Если кость соответствовала требованиям, то ее раскалывали на две части с сохранением проксимального эпифиза. Вероятно, полученные половины могли подвергаться дополнительной обработке топором, в ходе которой удалялись сколы, а также излишнее пористое вещество.

На следующем этапе заготовка, возможно, проходила предварительную подготовку, включавшую длительное вымачивание для придания кости эластичности. После этого мастер приступал к резьбе.

Будущей рукояти придавалась прямая или коническая форма с овальным, прямоугольным, каплевидным или ромбовидным сечением. Тыльная сторона рукояти стилизовалась в виде полукруга или килевидного выступа.

На завершающем этапе удалялся ненужный участок с остатками суставной поверхности кости. Для этого выполнялся кольцевой пропил, после чего лишняя часть отламывалась и выбрасывалась (рис. 3). Место слома тщательно выравнивалось, а в центральной части заготовки высверливался канал для установки лезвия ножа или другого металлического инструмента (рис. 3).

[1] На момент написания статьи материалы из исследований М. В. Седовой 2001 г. на территории Свято-Ризоположенского женского монастыря находились на стадии приема на постоянное хранение в фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Поэтому в статье рассматривается только коллекция предметов из кости и плотного рога, обнаруженная в 1991 г.

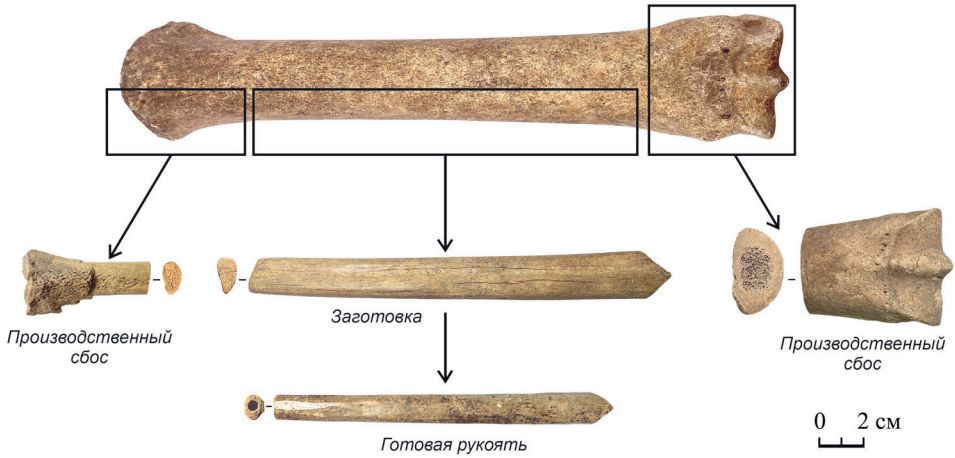

Рис. 3. Схема раскроя плюсневой кости лошади для создания цельной рукояти

Еще одним видом выпускаемой мастерской продукции были криновидные крестики.

Процесс их изготовления начинался с создания пластин из костных трубок, которые затем распиливали на небольшие ромбовидные заготовки. На начальном этапе в верхней части заготовки высверливали ушко для подвешивания, после чего на поверхность мог наноситься кружковый (циркульный) орнамент. Затем по четырем сторонам будущего креста делали сквозные отверстия, которые после обработки ножом приобретали форму лопастей и стилизовались в виде крина (рис. 4).

Судя по следам, оставшимся на заготовках и производственных отходах, средневековые мастера использовали топор, нож, пилу, сверла и напильники. Также не стоит исключать применения тисков. Кроме того, для финальной обработки поверхности изделий вероятно применялось лощение с помощью куска кожи или плотной ткани.

Что касается массовости производства вышеописанных изделий, то цельные рукояти из кости и плотного рога регулярно встречаются в культурном слое Суздаля. Однако целый криновидный крестик, изготовленный по описанной технологии, обнаружен лишь в единственном экземпляре. Эта находка, являющаяся случайной, и в настоящее время экспонируется в Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (номер по КП (ГИК) В-23427)[2]. Вероятно, производство таких поделок носило очень ограниченный характер, хотя аналогии есть и на других древнерусских памятниках (*Монгайт*, 1955. С. 134. Рис. 97: *12*). Не стоит

[2] Изображение находки размещено в интернет-ресурсе goskatalog.ru. Ранее этот предмет был опубликован в музейном каталоге А. Н. Муравьевой «Энколпионы и кресты-тельники XI – н. XVI вв. из археологических коллекций ВСМЗ» в 1999 г. во Владимире (см. литературу и архивные источники).

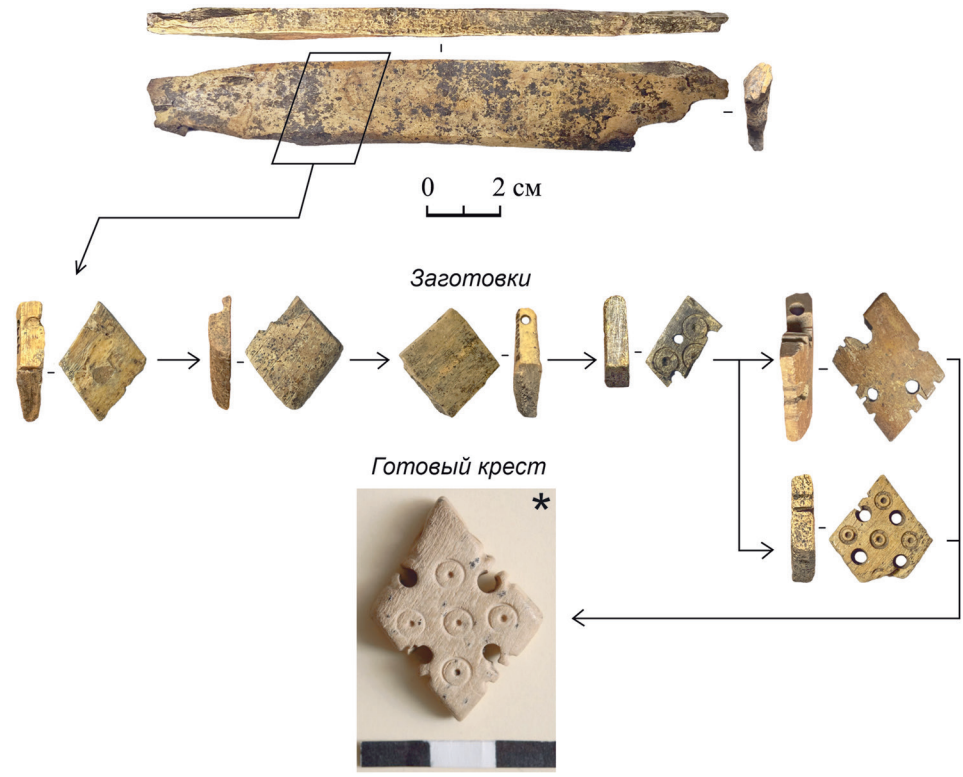

Рис. 4. Последовательность действий для создания костяного креста

исключать и того, что перед нами пример подражания нательным крестам из янтаря или другого камня, аналогии которым найдены как в Суздале (*Седова*, 1997. Рис. 72: *2*), так и на близлежащих древнерусских памятниках (*Муравьева*, 1999. С. 25, 26).

Таким образом, анализ материалов исследований М. В. Седовой 1991 г. позволил восстановить технологические процессы изготовления цельных костяных рукоятей и криновидных крестиков. Основным сырьем для их производства служили кости крупных копытных животных, таких как корова и лошадь. Изучение производственных отходов и готовых изделий показало, что методы обработки были стандартизированы, и это указывает на высокий уровень развития косторезного ремесла в XII – начале XIII в. Именно этот период характеризуется массовым производством однотипных предметов, в том числе и в косторезном деле. Исследователи отмечают этот отрезок времени в качестве промежуточного этапа, когда ремесленники постепенно переходили от изготовления изделий для узкого круга привилегированных семей к удовлетворению потребностей широкого городского населения (*Смирнова*, 1998. С. 16–18; *Сергєєва*, 2011. С. 39–42).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с., 4 л. илл.
Муравьева А. Н., 1999. Энколпионы и кресты-тельники XI – н. XVI вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог. Владимир. 27 с.
Нестерова Н. В., 2007. Косторезное ремесло древнего Суздаля по материалам раскопок // АВСЗ. Вып. 1. С. 116–121.
Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.
Седова М. В., 2002. Отчет о раскопках в Ризоположенском монастыре г. Суздаля в 2001 г. // Архив ИА РАН. № 25391.
Седова М. В., Сабурова М. А., Данилов В. В., 1992. Отчет о полевых исследованиях Владимиро-Суздальской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. № 16412, 16413.
Сергєєва М. С., 2011. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ. 256 с.
Смирнова Л. И., 1998. Косторезное ремесло средневекового Новгорода: автореф. дис. … канд. ист. наук / МГУ. М. 18 с.

Сведения об авторе

Баранов Николай Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dr.till2011@yandex.ru

N. A. Baranov

THE TECHNOLOGY OF MAKING MEDIEVAL ONE-PIECE HANDLES AND CROSSES FROM BONE RAW MATERIAL (BASED ON THE FINDS FROM THE EXCAVATIONS BY M. V. SEDOVA IN THE CONVENT OF THE DEPOSITION OF THE HOLY ROBE IN 1991)

Abstract. The paper reconstructs the technological process of making one-piece handles from bone raw material by medieval artisans. This research is based on the finds discovered by the archaeological excavations conducted by M. V. Sedova in Suzdal in 1991.

Keywords: Suzdal, medieval period, production waste, blanks, rejects, technology of making one-piece handles and crosses from bone raw material.

REFERENCES

Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan [Staraya Ryazan]. Moscow: AN SSSR. 228 p., 4 pl. ill.
Murav'eva A. N., 1999. Enkolpiony i kresty-telniki XI – n. XVI vv. iz arkheologicheskikh kollektsiy Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika: katalog [Encolpions and pectoral crosses of XI – early XVI cc. from archaeological collections of Vladimir-Suzdal museum-reserve: catalog]. Vladimir. 27 p.
Nesterova N. V., 2007. Kostoreznoe remeslo drevnego Suzdalya po materialam raskopok [Bone-carving craft of ancient Suzdal based on excavation materials]. *AVSZ*, 1, pp. 116–121.
Sedova M. V., 1997. Suzdal v X–XV vekakh [Suzdal in X–XV centuries]. Moscow: Russkiy mir. 320 p.
Sedova M. V., 2002. Otchet o raskopkakh v Rizopolozhenskom monastyre g. Suzdalya v 2001 g. [Report on excavations in the convent of the Deposition of the Holy Robe in Suzdal, 2001]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Sedova M. V., Saburova M. A., Danilov V. V., 1992. Otchet o polevykh issledovaniyakh Vladimiro-Suzdalskoy ekspeditsii v 1991 g. [Report on field research of Vladimir-Suzdal expedition in 1991]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Sergeeva M. S., 2011. Kostorizna sprava u Starodavn'omu Kievi [Bone-carving craft in ancient Kiev]. Kiïv. 256 p.

Smirnova L. I., 1998. Kostoreznoe remeslo srednevekovogo Novgoroda: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Bone-carving craft of medieval Novgorod: PhD Thesis]. MGU. Moscow. 18 p.

About the author

Baranov Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dr.till2011@yandex.ru

М. Г. Абрамзон, С. Н. Остапенко

КОШЕЛЬКИ С ПОЗДНЕБОСПОРСКИМИ СТАТЕРАМИ ИЗ СЛОЯ КАТАСТРОФЫ VI в. В ФАНАГОРИИ (РАСКОПКИ 2023–2024 гг.)[1]

Резюме. В ходе продолжающихся в 2023–2024 гг. археологических исследований жилых кварталов Фанагории, погибших в пожаре середины VI в., были найдены четыре кошелька со статерами Фофорса, Радамсада, Рескупорида VI и подражаниями (подделками). Время изготовления одного из типов подражаний статеру 620 г. б. э. теперь надежно датируется серединой VI в. Находки демонстрируют небольшие денежные суммы, которыми оперировали рядовые горожане в повседневном обиходе. Новые комплексы представляют большую важность для изучения денежного обращения Боспора середины VI в.

Ключевые слова: Фанагория, раннесредневековый период, денежное обращение, монетные клады, кошельки.

В середине VI в. Фанагория пережила катастрофу, о чем свидетельствуют сообщение Прокопия Кесарийского о разрушении ее и Кеп соседними племенами (Procop. Caes. De bell. VIII. 5. 28) и археологические данные. В 2019 г. в ходе работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН на раскопе «Нижний город» был вскрыт слой мощного пожара, уничтожившего город в VI в. К настоящему моменту расчищены уникальный для Северного Причерноморья и всей диаспоры синагогальный комплекс – остатки сгоревшей синагоги и принадлежавшего ей хозяйственного комплекса с винодельней (пострадавшей от пожара и обстрела каменными ядрами) и пифосами с соленой рыбой и зерном, а также кладки фундаментов построек прилегающего иудейского квартала. Датировку катастрофы в Фанагории определяют, во-первых, находка в помещении 1 синагогальной винодельни золотого солида Юстиниана I группы 545–565 гг. (ГМЗ «Фанагория». Инв. ФМ-КП 104/3

[1] Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.311-320

H 3355. Тип: *DOC* 1. P. 71. Nos. 9f.1–3 = *Bellinger*, 1992. P. 71. Nos. 9f.1–3), во-вторых, – дата завершения работы Прокопия Кесарийского над VIII книгой Истории войн – 554 г. н. э. Таким образом, данное событие имело место между 545 и 554 гг. (*Голофаст*, 2021. С. 54; *Абрамзон, Остапенко*, 2023. С. 252).

Нумизматические материалы слоя катастрофы включают более 300 монет – единичных и в закрытых комплексах. Среди последних – клады и кошельки с позднебоспорскими бронзовыми статерами. В сезоне 2021 г. был найден клад 1 / кошелек 1 с 82 монетами, спрятанный в отбитом горле амфоры понтийского производства типа Opaiţ B–1b, вкопанном в пол помещения жилого дома в кв. Ж3 (*Абрамзон, Остапенко*, 2022). В 2022 г. во дворе дома или на улице в кв. А1 обнаружен кошелек 2 с 33 статерами (*Абрамзон, Остапенко*, 2023). Сезон 2023 г. дал клад 2, сокрытый в тайнике в молельном зале синагоги (*Abramzon et al.*, 2024. P. 178–179, 183–184. Nos. 1–13. Pl. 7: *1–13*), а также находки поблизости от ее здания еще трех кошельков с позднебоспорскими статерами (№ 3, 4, 5). К ним присоединяется кошелек 6, найденный в сезоне 2024 г. Все эти кошельки были обронены горожанами в панике между горевшими домами во время штурма города, о чем свидетельствует археологический контекст. Комплексы из раскопок 2023–2024 гг. включают (табл. 1):

– кошелек 3 (кв. Е3, шт. 23 – синагогальный сад) – 7 статеров Фофорса и Рескупорида VI (ГМЗ «Фанагория». Инв. ФМ-КП-157/1–7 Н6265–6271);

– кошелек 4 (кв. Ж3, шт. 23 – улица) – 10 статеров Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI (Там же. Инв. ФМ-КП-158/1–10 Н6272–6281) (рис. 1: *А*);

– кошелек 5 (кв. Г5, шт. 24) – 5 статеров Рескупорида VI (Там же. Инв. ФМ-КП-155/1–5 Н6219–6223), один из них с легендой BACIVEO (sic) PICKOYПОРIC – скорее всего, ошибка резчика (рис. 1: *Б*; все илл. в конце статьи); этот кошелек найден на вымостке (объект 59) у синагоги, примыкающей к ее южной стене со стороны синагогального сада. Вряд ли можно сомневаться в определении статуса его владельца, оказавшегося у синагоги в момент катастрофы;

– кошелек 6 (кв. Е6, шт. 24 – синагогальный сад) – 3 монеты, слипшиеся в стопку: статер Рескупорида VI и два подражания статеру 620 г. б. э. (ГМЗ «Фанагория». № п/о Ф-24-32–34).

Таблица 1. Составы кошельков из слоя пожара VI в.

Комплексы	Фофорс	Радамсад	Рескупорид VI	Имитации	Всего
Кошелек 1 (2021 г.)	22	4	55	1	82
Кошелек 2 (2022 г.)	10	2	21	–	33
Кошелек 3 (2023 г.)	3	–	4	–	7
Кошелек 4 (2023 г.)	3	2	5	–	10
Кошелек 5 (2023 г.)	–	–	5	–	5
Кошелек 6 (2023 г.)	–	–	1	2	3

Состав кошелька 6 требует особого комментария, касающегося подражаний статеру 620 г. б. э. (рис. 1: *В, 1, 2*), битых общей парой штемпелей (отлитых в одной форме?) (ГМЗ «Фанагория». № п/о Ф-24-33–34. Тип: *Юшков*, 2010. № 257). Последнее обстоятельство очень важно, поскольку случайная выборка из денежного обращения одноштемпельных подражаний (причем новых монет) исключена. Описание типа:

Л. с. ВACIVOЄC PICKOYПOK. Бюст царя вправо; справа Х.

О. с. Бюст императора вправо. По сторонам К – Х. Точечный ободок.

Ранее такой же экземпляр (рис. 1: *В, 3*) был найден на раскопе «Верхний город» (ГМЗ «Фанагория». № п/о Ф-98-22), что заставляет предполагать изготовление данного типа имитаций в Фанагории в середине VI в. Четвертый известный нам экземпляр происходит из Керченского клада 2009 г. (*Сидоренко*, 2011. С. 483. Табл. IV: *135*). Мы прежде датировали этот комплекс 341/342 г. н. э. (*CH* XI, 257 = *Abramzon, Kuznetsov*, 2021. No. 257). Однако в свете фанагорийских находок из слоя пожара VI в. подтверждается предположение В. А. Сидоренко о датировке Керченского клада данным столетием (*Сидоренко*, 2011. С. 479). Наконец, известны еще два экземпляра (рис. 1: *В, 4, 5*), изданные в каталоге В. Н. Юшкова (*Юшков*, 2010. № 257) и на веб-сайте Каталог-архив «Монеты Боспора» (https://bosporan-kingdom.com/769-5261/1.html).

Новые находки демонстрируют небольшие денежные суммы, которыми оперировали рядовые горожане в повседневном обиходе середины VI в., и отражают степень платежеспособности слоя населения, имевшего скромный достаток (рис. 2; 3). С другой стороны, они свидетельствуют о том, что спустя более 200 лет после прекращения боспорской чеканки в 341/342 г. в обращении продолжала находиться огромная масса деградированных позднебоспорских бронзовых статеров III–IV вв., в которой преобладали статеры Рескупорида VI 323/324–325/326 гг. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., 2017. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: ИА РАН. 748 с. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 5.)

Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н., 2019. Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров. М.: ИА РАН. 344 с.

Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н., 2022. Клад боспорских статеров из слоя пожара VI в. в Фанагории // РА. № 1. С. 97–108.

Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н., 2023. Кошелек с боспорскими статерами из слоя пожара VI в. в Фанагории // КСИА. Вып. 270. С. 250–257.

Голенко К. В., Сокольский Н. И., 1968. Клад 1962 г. из Кеп // Нумизматика и эпиграфика. Т. VII. М.: Наука. С. 72–126.

Голенко К. В. 1960. Второй патрэйский клад монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.: Наука. С. 223–288.

Голофаст Л. А., 2021. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // РА. № 4. С. 53–64.

Сидоренко В. А., 2011. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. Т. VII. С. 458–569.

Фролова Н. А., 1997. Монетное дело Боспора (середина I в до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. II. М.: Эдиториал УРСС. 536 с.

Юшков В. Н., 2010. Боспорские монеты от Котиса III до Рискупорида V. Краснодар: В. Н. Юшков. 208 с.

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., 2021. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus. Leuven; Paris; Bristol: Peeters. 410 p. (Colloquia Antiqua; 32.)

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., Ostapenko S. N., 2024. Coins from the Roman-Byzantine Synagogue at Phanagoria, the Cimmerian Bosporus // Israel Numismatic Research. 19. P. 167–192.

Bellinger A. R., 1992. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 1. Anastasius I to Maurice. 491–602. Washington: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University. 384 p.

Сведения об авторах

Абрамзон Михаил Григорьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Магнитогорский государственный технический университет, просп. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Остапенко Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», ул. Ленина, 7, пос. Сенной, Темрюкский р-н, Краснодарский край, 353540, Россия; e-mail: sao_nasledie@mail.ru

M. G. Abramzon, S. N. Ostapenko

PURSES WITH LATE BOSPORAN STATERS FROM THE VI-CENTURY DISASTER LAYER IN PHANAGORIA (THE 2023–2024 EXCAVATIONS)

Abstract. During the ongoing archaeological studies in 2023–2024 at the residential quarters of Phanagoria, which were destroyed in a fire of the mid-VI century BC, four purses containing staters of Thothorses, Rhadamsades, Rheskuporis VI and imitations (forgeries) were discovered. The production time of one type of 620 BC imitative stater is now reliably dated to the mid-VI century BC. The finds demonstrate small sums of money that ordinary citizen handled in everyday life. The new assemblages are of great importance for the examining the currency pattern in the Bosporus in the mid-VI century BC.

Keywords: Phanagoria, early Medieval period, currency pattern, coin hoards, purses.

REFERENCES

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., 2017. Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii [A Hoard of Late Bosporan staters from Phanagoria]. Moscow: IA RAN. 748 p. (Fanagoriya. Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy, 5.)

Abramzon M. G., Novichikhin A. M., Saprykina I. A., Smekalova T. N., 2019. Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnebosporskikh staterov [The third Gay-Kodzor hoard of late Bosporan staters]. Moscow: IA RAN. 344 p.

Abramzon M. G., Ostapenko S. N., 2022. Klad bosporskikh staterov iz sloya pozhara VI v. v Fanagorii [A hoard of late Bosporan staters from the sixth-century fire layer in Phanagoria]. *RA*, 1, pp. 97–108.

Abramzon M. G., Ostapenko S. N., 2023. Koshelek s bosporskimi staterami iz sloya pozhara VI v. v Fanagorii [Purse with Bosporan staters from the sixth-century fire layer in Phanagoria]. *KSIA*, 270, pp. 250–257.

Frolova N. A., 1997. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.) [The Bosporus coinae (mid I c. BC – mid IV c. AD)], II. Moscow: Editorial URSS. 536 p.

Golenko K. V., 1960. Vtoroy patreyskiy klad monet [Second Patrean coin hoard]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, I. Moscow: Nauka, pp. 223–288.

Golenko K. V., Sokolskiy N. I., 1968. Klad 1962 g. iz Kep [The 1962 hoard from Kepoi]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, VII. Moscow: Nauka, pp. 72–126.
Golofast L. A., 2021. Amfory VI v. c izobrazheniem menory iz Fanagorii [Sixth-century amphorae with representations of menorah from Phanagoria]. *RA*, 4, pp. 53–64.
Sidorenko V. A., 2011. Kerchenskiy klad 2009 g. degradirovannykh bosporskikh staterov [The 2009 Kerch hoard of degraded Bosporan staters]. *MAIET*, VII, pp. 458–569.
Yushkov V. N., 2010. Bosporskie monety ot Kotisa III do Riskuporida V [Bosporan coins from Kotis III to Rheskuporis V]. Krasnodar: V. N. Yushkov. 208 p.

About the authors

Abramzon Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Nosov Magnitogorsk State Technical University, prosp. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Ostapenko Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; State Historical and Archaeological Museum-Reserve «Phanagoria», ul. Lenina, 7, pos. Sennoy, Temryuk district, Krasnodar Territory, 353540, Russian Federation; e-mail: sao_nasledie@mail.ru

Приложение

Кошелек 3

№ п/п	Инв. ФМ-КП-157/1–7 Н6265–6271	Царь	Год б. э.	Год н. э.	Вес, г	Диаметр, мм	Литература
1	/1 Н6265	Фофорс	592	295/296	6,65	20	Ср.: *Абрамзон, Кузнецов*, 2017. № 2564–2585
2	/2 Н6266	–”–	595	298/299	6,61	20	Там же. № 2993–2995
3	/3 Н6267	–”–	597	300/301	6,61	19	Там же. № 3293
4	/4 Н6268	Рескупорид VI	617	320/321	6,35	18	Ср.: *Абрамзон и др.*, 2019. № 451–452
5	/5 Н6269	–”–	621	324/325	7,20	19	Там же. № 646–648
6	/6 Н6270	–”–	621	324/325	6,17	18	Там же. № 692–696
7	/6 Н6271	–”–	622	325/326	6,21	20	Там же. № 844–847

Кошелек 4

№ п/п	Инв. ФМ-КП-158/1–10 Н6272–6281	Царь	Год б. э.	Год н. э.	Вес, г	Диаметр, мм	Литература
1	/1 Н6272	Фофорс	593	296/297	7,02	18	Ср.: *Абрамзон, Кузнецов*, 2017. № 2686–2688
2	/2 Н6273	–”–	595	298/299	7,63	20	Там же. № 3061
3	/3 Н6274	–”–	596	299/300	4,73	19	Там же. № 3171
4	/4 Н6275	Радамсад	613	316/317	6,47	19	Ср.: *Фролова*, 1997. Табл. LXXXIII: *7–9*
5	/5 Н6276	–”–	613	316/317	6,10	20	Там же. Табл. LXXXIV: *5*
6	/6 Н6277	Рескупорид VI	616	319/320	5,46	18	Ср.: *Голенко*, 1960. Табл. V: *156*
7	/7 Н6278	–”–	621	324/325	6,27	20	Ср.: *Абрамзон и др.*, 2019. № 744
8	/8 Н6279	–”–	621	324/325	6,39	19	Там же. № 758–759
9	/9 Н6280	–”–	621	324/325	6,12	18	Там же. № 806–808
10	/10 Н6281	–”–	623	326/327	7,02	20	Ср.: *Фролова*, 1997. Табл. CV: *24*

Кошелек 5

№ п/п	Инв. ФМ-КП-155/1–5 Н6219–6223	Царь	Год б. э.	Год н. э.	Вес, г	Диаметр, мм	Литература
1	/1 Н6219	Рескупорид VI	619	322/323	7,38	20	Ср.: *Фролова*, 1997. Табл. XCIII: *11*
2	/2 Н6220	–”–	620	323/324	7,42	21	Ср.: *Абрамзон и др.*, 2019. № 572–575
3	/5 Н6223	–”–	620	323/324	6,20	19	Там же. № 580–581
4	/3 Н6221	–”–	621	324/325	6,65	20	Нет в публикации. *Л.с.* BACIVEO (sic) PICKOYПOPIC
5	/4 Н6222	–”–	621	324/325	6,39	19	Ср.: *Абрамзон и др.*, 2019. № 758–759

Кошелек 6

№ п/п	№ описи Ф-24-32–34	Царь	Год б. э.	Год н. э.	Вес, г	Диаметр, мм	Литература
1	Ф-24-32	Рескупорид VI	616	319/320	6,31	20	Ср.: https://bosporan-kingdom.com/765-4472/25.html (эта пара штемпелей); *Голенко, Сокольский*, 1968. Табл. VI: *257* (о.с.), *258* (л.с.)
2	Ф-24-33	Подражание	620	323/324	7,72	19	Ср.: *Юшков*, 2010. № 257; *Сидоренко*, 2011. С. 483. Табл. IV: *135*; https://bosporan-kingdom.com/769-5261/1.html
3	Ф-24-34	Подражание	620	323/324	5,58	18	То же

А

Б

В

1 *2* *3* *4* *5*

Рис. 1. Фанагория. Слой катастрофы VI в.

А – кошелек 4 из слоя катастрофы VI в. в Фанагории *in situ*; *Б* – статер с ошибкой резчика в легенде из кошелька 5; *В* – подражания статерам 620 г. б. э.

1, 2 – кошелек 6 из слоя катастрофы в Фанагории; *3* – Фанагория, раскоп «Верхний город»; *4* – по: *Юшков*, 2010. № 257; *5* – по: Каталог-архив «Монеты Боспора» (https://bosporan-kingdom.com/769-5261/1.html)

Рис. 2. Фанагория. Слой катастрофы VI в.
А – кошелек 3; *Б* – кошелек 4

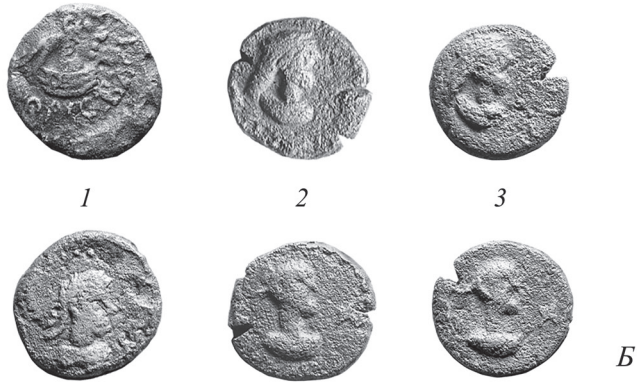

Рис. 3. Фанагория. Слой катастрофы VI в.
А – кошелек 5; *Б* – кошелек 6

В. А. Волков

МОНЕТНЫЙ КЛАД 1613 г. ИЗ д. ВОЛОСОВО-ЗВЯГИНО КОЗЕЛЬСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В статье вводится в научный оборот монетный клад 1613 г., переданный в 1942 г. в ГИМ «Политотделом 16 Армии» и ранее в публикациях подробно не рассматривавшийся. Он состоит из кладовой тары (кубышки) и 680 русских серебряных монет, сумма клада – 5 рублей и 60 копеек. На основании архивных данных уточнено место сокрытия, а также намечен круг засекреченных документов, проработка которых могла бы дать больше информации об обстоятельствах обнаружения. Подробно рассмотрены состав и кладовая тара, исторический контекст сокрытия. Сделаны предположения о том, что в кладе находился ныне утраченный небольшой предмет из медного сплава, а формирование большей части суммы происходило на территории Смоленских земель.

Ключевые слова: Смоленская область, Калужская область, река Жиздра, Козельск, Смутное время, Великая Отечественная война, клад, денежное обращение Московской Руси, монеты Московской Руси, кубышка.

Русские монетные клады XVI–XVII вв. представляют собой не утративший актуальности источник по истории монетной чеканки, денежного обращения и социально-экономических процессов. Наряду с публикацией сведений о новых обнаруживаемых кладах важной задачей является полный ввод в научный оборот комплексов, поступивших в музеи много десятилетий назад, но до сих пор в литературе детально не рассматривавшихся. К их числу относится клад, хранящийся в фонах Отдела нумизматики ГИМ под учетными номером ГИМ 115395/1-681 (старый номер ГИМ 81029), представленный 680 монетами и некогда вмещавшей их белоглиняной кубышкой.

Рассматриваемый комплекс упоминался в литературе только дважды. В статье Н. Д. Мец о русской кладовой керамике XVI–XVII вв. из собрания ГИМ (*Мец*, 1949. С. 110. № 7) подробно рассмотрена только сама белоглиняная кубышка, при этом допущены неточности в указании младших монет комплекса (копейки Владислава Жигимонтовича) и места обнаружения (Смоленская обл.,

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.321-335

Думинический р-н, д. Волосово). Второй раз он фигурирует в изданной посмертно статье А. С. Мельниковой в списке «кладов, свидетельствующих о возрождении денежного обращения после весны 1612 г.», где датирован рубежом 1612–1613 гг. и подробно не охарактеризован (*Мельникова*, 2007. С. 126). Этот комплекс не был рассмотрен в монографии А. С. Мельниковой «Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков» по причине того, что он относится уже к другому периоду, о котором в конце книги говорится «…это время и события заслуживают отдельного исследования» (*Мельникова*, 2003. С. 105).

Обстоятельства обнаружения и поступления клада в музейной документации отражены весьма лапидарно: «Найден в 1942 году при земляных работах в деревне Волосово Смоленской области. Передан в музей Политотделом 16 Армии 9 июля 1942 г.». Локализация места обнаружения является не такой уж и простой задачей, как это может показаться на первый взгляд. Тщательное изучение полукилометровых военно-топографических карт показало, что в границах Смоленской области на начало Великой Отечественной войны было три населенных пункта с таким названием:

1) ныне исчезнувшая деревня, сейчас это поле близ трассы М1 «Москва – Минск» между н. п. Кожино и Усилительный Пункт Гагаринского района Смоленской области;

2) село, которое в настоящий момент относится к Ульяновскому муниципальному округу Калужской области и в послевоенные годы получило двойное название Волосово-Дудино;

3) деревня, которая в настоящий момент относится к Козельскому муниципальному округу Калужской области и в послевоенные годы получила двойное название Волосово-Звягино.

В качестве зацепки, позволяющей идентифицировать один из этих пунктов как место обнаружения хранящегося в ГИМ клада, можно рассматривать сведения о действиях 16-й армии в январе – начале июля 1942 г. Их задействование позволяет сразу отмести вариант, относящийся к территории современного Гагаринского района Смоленской области, так как весь массив архивных данных свидетельствует о том, что с января 1942 г. 16-я армия действовала в районе Сухиничей (территория современной Калужской области).

Сохранилась серия отчетных карт 16-й армии и Западного фронта, отразивших обстановку по состоянию на 25 февраля – 10 марта (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2016), 10–31 марта (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2017), 1–10 апреля (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2019), 10–15 апреля (ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 160), 5–11 мая (ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 1614), 30 мая – 9 июня (ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 1901) и 10 июня – 9 июля (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2021) 1942 г. На всех этих картах оба интересующих нас Волосова, находящихся ныне на территории Калужской области и расположенных друг от друга на расстоянии 17 км, отнесены к зоне ответственности 16-й армии, однако по 11 мая включительно находятся в тылу и не заняты никакими воинскими частями. Однако не позднее 30 мая и вплоть до окончания интересующего нас периода район деревни, ныне называемой Волосово-Звягино, занимает 12-й гвардейская стрелковая дивизия, причем непосредственно в Волосово и его ближайших окрестностях все это время располагался входивший в состав указанной дивизии

37-й гвардейский стрелковый полк. Силами этой дивизии здесь сооружается многокилометровая линия обороны, о ходе ее возведения за период с 23 мая (ЦАМО. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 11. Л. 90) по 5 июля (ЦАМО. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 11. Л. 123) сохранилось не менее 8 донесений, свидетельствующих об очень масштабных земляных работах.

Как показывает картографический материал, то Волосово, которое ныне носит название Волосово-Дудино и относится к Ульяновскому муниципальному округу, с мая относилось к зоне ответственности действовавшей на передовой 322-й стрелковой дивизии, однако весь рассматриваемый период времени находилось в стороне как от боевых действий так и от тыловых оборонительных работ и никакими воинскими частями непосредственно не занималось.

Таким образом, хранящиеся в ЦАМО материалы указывают на то, что рассматриваемый клад был, вероятно, обнаружен в районе современной д. Волосово-Звягино, относящейся к Козельскому муниципальному округу Калужской области, а на момент начала Великой Отечественной войны имевшей название Волосово и входившей в состав Сухиничского района Смоленской области. Земляные работы, в ходе которых была сделана эта находка, скорее всего, были связаны с сооружением линии обороны и велись бойцами 37-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской стрелковой дивизии наиболее активно в период с 23 мая по 5 июля 1942 г. Не исключено, что в донесениях политотдела 16-й армии или даже дивизии сохранились более подробные сведения об обстоятельствах находки клада, однако этот круг документов в настоящее время засекречен.

Общие и детальные сведения о составе клада представлены в табл. 1 и 2. Первичная разборка клада была осуществлена Н. Д. Мец, определения монет сделаны А. С. Мельниковой и уточнены О. С. Дядченко и В. А. Волковым. Денежная сумма комплекса составляет 5 рублей и 60 копеек. В нем содержатся монеты русских правителей Ивана III Васильевича, Ивана IV Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича, Дмитрия Ивановича, Василия Ивановича Шуйского, Владислава Сигизмундовича, копейка с именем Федора чекана времен Бориса Федоровича, а также копейка московского чекана времени Второго ополчения с именем царя Федора Ивановича, производства московского, новгородского, тверского и псковского денежных дворов.

Среди монет 2 экз. (новгородская и псковская копейки Ивана IV Васильевича) имеют отверстия, которые можно рассматривать как следы внеэкономического использования с последующим возвратом в обращение. Еще одной любопытной деталью является наличие большого количества зеленых окислов, прилипших к двум монетам – новгородской копейке Ивана IV Васильевича и московской копейке Бориса Федоровича. Это нехарактерно для кладов с русскими высокопробными серебряными монетами этого времени. Скорее всего, в кубышке находился небольшой предмет из медного сплава, который из-за плохой сохранности не был сочтен находчиками ценным и не дошел до музея. С учетом аналогий наиболее вероятно, что это был крестик.

Старшей монетой клада является сильно изношенная обращением московская денга Ивана III. Самой поздней монетой клада является московская копейка Второго ополчения. Она почти не имеет следов пребывания в обращении

и отчеканена лицевым штемпелем, передающим мельчайшие детали маточника. То, что она не отображена в музейной карточке, может быть объяснено тем, что на момент ее оформления (1950-е гг.) такие монеты еще не были должным образом изучены и атрибутировались в качестве копеек Федора Ивановича (1584–1598). Наличие в кладе всего одной такой монеты при достаточно большом объеме всего комплекса можно рассматривать в качестве обоснования датировки его сокрытия временем не позже первой половины 1613 г. Определяя время сокрытия клада, необходимо обратиться к событиям, происходившим на этой территории. В публикациях не удалось найти сведений о боевых действиях в бассейне р. Жиздра (близ которой был найден публикуемый клад) в первой половине 1613 г. Однако в это время на русских территориях продолжали промышлять разбоем небольшие польско-казацкие отряды, набеги которых до сих пор детально не исследованы. В середине 1613 г. «черкасы и литовские люди» «взяли и сожгли» Козельск (Дворцовые разряды, 1850. С. 101). Нельзя исключать, что именно с действиями одного из таких отрядов связаны трагические события, из-за которых публикуемый комплекс остался невостребованным.

Из серии хронологически близких опубликованных кладов наиболее схожими по составу с публикуемым являются комплексы 1611 г. из Смоленска (*Мельникова*, 1967. С. 289–294) и 1613 г. из города Белый (*Моряков*, 2024. С. 298–304). Это позволяет предположить, что основу клада из д. Волосово-Звягино могла составить сумма, попавшая сюда вместе с беженцами из зоны боевых действий 1609–1611 гг. и дополненная небольшим количеством «местных» денег незадолго до сокрытия. Это предположение хорошо согласуется с даваемой современными историками характеристикой Козельска в годы Смуты как места «скопления огромного количества постоянно меняющегося народа» (*Рябов*, 2007. С. 230–231). В этой связи нельзя исключать, что и вмещавшая клад белоглиняная кубышка была изготовлена вдали от места сокрытия, однако этот вопрос требует отдельного специального исследования.

Автор выражает благодарность В. В. Зайцеву, О. С. Дядченко, И. В. Болдину и М. В. Кузнецову за помощь с доступом к источникам и литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV до правления царя Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт. 691 с.

Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2021. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. М.: Леопарт. 880 с.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. 1612–1628. СПб., 1850. XXXVI, 1224, XII с.

Зайцев В. В., 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона монета. 204 с.

Мельникова А. С., 1967. Клад русских монет XVI–XVII вв. из Смоленска // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VI. М.: Московский рабочий. С. 289–294.

Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика. 316 с.

Мельникова А. С., 2003. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона монета. 196 с.

Мельникова А. С., 2007. Нумизматический памятник Смутного времени из Солигалича // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVIII. М. С. 123–134. (Тр. ГИМ; вып. 172.)

Мец Н. Д., 1949. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. 24. С. 108–115.

Моряков А. В., 2024. Новые клады русских монет XVI – начала XVII в. // Русское денежное обращение IX–XVII веков: материалы Новгородской нумизмат. конф. Т. I. М.: САБ. С. 288–304.

Рябов С. А., 2007. Здесь государевым «украинам» было бережение: российское пограничье – особый объект культурного наследия. М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева. 335 с.

Сведения об авторе

Волков Владислав Артурович, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vlad47777@list.ru

V. A. Volkov

THE COIN HOARD OF 1613 FROM THE VOLOSOVO-ZVYAGINO VILLAGE IN THE KOZELSK DISTRICT, KALUGA REGION

Abstract. The paper introduces into scientific discourse a coin hoard of 1613 which was handed over to the State Historical Museum by the Political Department of the 16th Army in 1942. This hoard has not been analyzed in publications before. The hoard consists of a clay pot containing 680 Russian silver coins totaling five rubles and 60 kopeks. The hoard findspot was clarified based on archival data; a preliminary list of classified documents that, if examined, could provide more information on the circumstances of its discovery, was prepared. The hoard composition and the clay pot containing the coins as well as the historical context of its concealment were reviewed in detail. Presumably, this hoard also contained a small item made of copper alloy which is now lost, while the greater part of this amount was amassed in the Smolensk lands.

Keywords: Smolensk region, Kaluga region, Zhizdra river, Kozelsk, Time of Trouble, Great Patriotic War, hoard, money in circulation in Medieval Russia, coins of Muscovy, clay pot.

REFERENCES

Dvortsovye razryady, po vysochayshemu poveleniyu izdannye II-m otdeleniem sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii [The Palace ranks, issued by II Department of His Imperial Majesty's own chancellery, by His highest command] 1. 1612–1628. St. Petersburg, 1850. XXXVI, 1224, XII p.

Grishin I. V., Kleshchinov V. N., Khramenkov A. V., 2015. Katalog russkikh srednevekovykh monet s pravleniya tsarya Ivana IV do pravleniya tsarya Petra I (1533–1717 gg.) [Catalog of Russian medieval coins from the reign of Tsar Ivan IV to the reign of Tsar Peter I (1533–1717)]. Moscow: Leopart. 691 p.

Grishin I. V., Kleshchinov V. N., Khramenkov A. V., 2021. Katalog russkikh monet ot Ivana Groznogo do Petra Velikogo [Catalog of Russian coins from Ivan the Terrible to Peter the Great]. Moscow: Leopart. 880 p.

Melnikova A. S., 1967. Klad russkikh monet XVI–XVII vv. iz Smolenska [A hoard of Russian coins of XVI–XVII cc. from Smolensk]. *Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti [Materials on the study of Smolensk region]*, VI. Moscow: Moskovskiy rabochiy, pp. 289–294.

Melnikova A. S., 1989. Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo [Russian coins from Ivan the Terrible to Peter the First]. Moscow: Finansy i statistika. 316 p.

Melnikova A. S., 2003. Russkie monetnye klady rubezha XVI–XVII vekov [Russian coin hoards of the turn of XVI–XVII centuries]. Kiev: Yunona moneta. 196 p.

Melnikova A. S., 2007. Numizmaticheskiy pamyatnik Smutnogo vremeni iz Soligalicha [Numismatic monument of the Time of Troubles from Soligalich]. *Numizmaticheskiy sbornik GIM [Numismatic collection of GIM]*, XVIII. Moscow, pp. 123–134. (Trudy GIM, 172.)

Mets N. D., 1949. Datirovka chernoy loshchenoy keramiki po sobraniyu kladov numizmaticheskogo sektora GIM [Dating of black burnished ceramics from collection of hoards of GIM numismatic sector]. *KSIIMK*, 24, pp. 108–115.

Moryakov A. V., 2024. Novye klady russkikh monet XVI – nachala XVII v. [New hoards of Russian coins of XVI – early XVII c.]. *Russkoe denezhnoe obrashchenie IX–XVII vekov: materialy Novgorodskoy numizmaticheskoy konferentsii [Russian monetary circulation in IX–XVII centuries: proceedings of Novgorod numismatic conference]*, I. Moscow: SAB, pp. 288–304.

Ryabov S. A., 2007. Zdes' gosudarevym «ukrainam» bylo berezhenie: rossiyskoe pogranich'e – osobyy ob"ekt kulturnogo naslediya [The sovereign «Ukraines» were protected here: Russian borderlands as a special object of cultural heritage]. Moscow: Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kulturnogo i prirodnogo naslediya imeni D. S. Likhacheva. 335 p.

Zaytsev V. V., 2006. Russkie monety vremeni Ivana III i Vasiliya III [Russian coins of the time of Ivan III and Vasily II]. Kiev: Yunona moneta. 204 p.

About the author

Volkov Vladislav A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vlad47777@list.ru

Таблица 1. Распределение монет комплекса из д. Волосово-Звягино по денежным дворам, правителям и номиналам

Правитель	Место чеканки / номинал	Кол-во, экз.	Кол-во, %
Иван III Васильевич	Москва, московка	1	0,15
Иван IV Васильевич	Москва, денги	167	23,97
	Тверь, денги	49	7,79
	Новгород, копейки	85	12,50
	Псков, копейки	82	12,06
Федор Иванович	Москва, денги	21	3,09
	Москва, копейки	23	3,38
	Новгород, копейки	24	3,53
	Псков, копейки	45	6,62
Борис Федорович	Новгород, копейки	32	4,71
	Псков, копейки	25	3,68
	С именем Федора	1	0,15
	Москва, копейки	86	12,65
Дмитрий Иванович	Новгород, копейки	2	0,29
	Псков, копейки	1	0,15
	Москва, копейки	6	0,88
Василий Иванович Шуйский	Москва, копейки	12	1,76
	Новгород, копейки	2	0,29
	Псков, копейки	4	0,59
Владислав Сигизмундович	Москва, копейки	7	1,03
Второе ополчение	Москва, копейка	1	0,15
Неопределимые денги		2	0,15
Неопределимые копейки		2	0,29
Всего	680 экз. / 100%		

Таблица 2. Состав комплекса из д. Волосово-Звягино

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
1	Иван III Васильевич (1462–1505)	Москва, московка	1500–1505	б/б	З. № 22	1	0,36
2–16	Иван IV Васильевич (1533–1584)	Новгород, копейка	1533–1547	б/б	М., т. 1, 9-12; ГКХ № 3; ГКХ (2) № 7	15	–
17–32	–”–	–”–	Начало 1540-х – 1547	ФС	М., т. 1, 14-17; ГКХ № 5; ГКХ (2) № 9	16	–
33–59	–”–	–”–	1547–1550-е	ПС	М., т. 1, 19-23; ГКХ № 6; ГКХ (2) № 10	27	–
60–63	–”–	–”–	1550-е	ЛЛ	М., т. 1, 22-26; ГКХ № 7; ГКХ (2) № 11	4	–
64	–”–	–”–	1550-е	юр	М., т. 1, 23-26; ГКХ № 8; ГКХ (2) № 12	1	0,68
65–66	–”–	–”–	1550-е	ЖДМ	М., т. 1, 25-26; ГКХ № 10; ГКХ (2) № 14	2	–
67–68	–”–	–”–	1550-е	С ВЛІЛ	М., т. 1, 27-26; ГКХ № 11; ГКХ (2) № 15	2	–
69	–”–	–”–	1550-е	ВЛІЛ	М., т. 1, 26-26; ГКХ № 12; ГКХ (2) № 16	1	0,67
70–71	–”–	–”–	1560-е – начало 1570-х	кВЛ	М., т. 1, 28-26; ГКХ № 13; ГКХ (2) № 17	2	–
72–84	–”–	–”–	1560-е – начало 1570-х	кВЛ	М., т. 1, 29-26; ГКХ № 14; ГКХ (2) № 18	13	–
85	–”–	–”–	1570-е – начало 1580-х	кВЛ	М., т. 1, 31-26; ГКХ № 17; ГКХ (2) № 21	1	0,66

Продолжение табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
86	–"–	–"–	1570-е – начало 1580-х	**кѦN**	М., т. 1, 33-26; ГКХ № 19; ГКХ (2) № 23	1	0,64
87–98	–"–	Псков, копейка	1533–1547	**Ѧ**	М., т. 1, 8-11; ГКХ № 21; ГКХ (2) № 25	12	–
99–118	–"–	–"–	1533–1547	б/б	М., т. 1, 1-1; ГКХ № 22; ГКХ (2) № 27	20	–
119–120	–"–	–"–	1547–1550-е	**ІвЯ**	М., т. 1, 20-24; ГКХ № 23; ГКХ (2) № 28	2	–
121–140	–"–	–"–	1547–1550-е	**ГР**	М., т. 1, 21-25; ГКХ № 24; ГКХ (2) № 29	20	–
141	–"–	–"–	1560-е	**ѦѦ**	М., т. 1, 36-28; ГКХ № 25; ГКХ (2) № 30	1	0,65
142–153	–"–	–"–	1560-е	**сѦИ**	М., т. 1, 35-27; ГКХ № 26; ГКХ (2) № 31	12	–
154–165	–"–	–"–	1570-е – начало 1580-х	**рІв**	М., т. 1, 37-27; ГКХ № 27; ГКХ (2) № 32	12	–
166–168	–"–	–"–	1570-е – начало 1580-х	**рІв**	М., т. 1, 37-29; ГКХ № 28; ГКХ (2) № 33	3	–
169–178	–"–	Москва, денга	1533–1547	б/б	М., т. 1, 2-2; ГКХ № 32; ГКХ (2) № 37	10	–
179–180				б/б	ГКХ № 44; ГКХ (2) № 50	2	–
181				б/б	ГКХ № 49; ГКХ (2) № 55	1	0,34
182–202	–"–	–"–	1533–1547	б/б	М., т. 1, 4-2; ГКХ № 38; ГКХ (2) № 44	21	–

Продолжение табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
203–228	–”–	–”–	1533–1547	б/б	М., т. 1, 5-2; ГКХ № 48; ГКХ (2) № 54	26	–
229–258	–”–	–”–	1533–1547	б/б	М., т. 1, 6-4; ГКХ № 56; ГКХ (2) № 62	30	–
259–276	–”–	–”–	1533–1547	б/б	М., т. 1, 6-9; ГКХ № 62; ГКХ (2) № 68	18	–
277–280				ⲘⲘ	ГКХ № 68; ГКХ (2) № 73	4	–
281–297	–”–	–”–	1547–1560-е	б/б	М., т. 1, 15-18; ГКХ № 73; ГКХ (2) № 78	17	–
298–303				ⲆⲈ	ГКХ № 77; ГКХ (2) № 82	6	–
304–330	–”–	–”–	1547–1560-е	ⲆⲈ	М., т. 1, 17-19; ГКХ № 78; ГКХ (2) № 83	27	–
331–335	–”–	–”–	1547–1560-е	ⲆⲈ	М., т. 1, 16-20; ГКХ № 82; ГКХ (2) № 87	5	–
336–345	–”–	Тверь, денга	1535–1547	б/б	М., т. 1, 11-13; ГКХ № 89; ГКХ (2) № 92	10	–
346–363	–”–	–”–	1535–1547	б/б	М., т. 1, 11-15; ГКХ № 91; ГКХ (2) № 94	18	–
364–380	–”–	–”–	1535–1547	Ⲱ	М., т. 1, 13-16; ГКХ № 98; ГКХ (2) № 101	17	–
381–383	–”–	–”–	1547–1584	ⲓⲃ	М., т. 1, 18-22; ГКХ № 99; ГКХ (2) № 102	3	–
384	–”–	–”–	1535–1538	б/б	М., т. 1, 11-14	1	0,25

Продолжение табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
385–390	Федор Иванович (1584–1598)	Новгород, копейка	1584–1596	НЄ	М., т. 2, 1-1; ГКХ № 107; ГКХ (2) № 110	6	–
391	–”–	–”–	1595–1596	в НО.РД	М., т. 2, 2-1; ГКХ № 109; ГКХ (2) № 112	1	–
392–394	–”–	–”–	1595–1596	в НО.РД	М., т. 2, 2-2; ГКХ № 110; ГКХ (2) № 113	3	–
395–402	–”–	–”–	1596–1597	в НОРЄ	М., т. 2, 3-2; ГКХ № 111; ГКХ (2) № 114	8	–
403–407	–”–	–”–	1597–1598	в НОРS	М., т. 2, 5-2; ГКХ № 113; ГКХ (2) № 116	5	–
408	–”–	–”–	1597–1598	в НОРS	ГКХ № 117; ГКХ (2) № 120	1	–
409	–”–	Москва, копейка	1595–1598	Н	М., т. 2, 4-5; ГКХ № 122; ГКХ (2) № 123	1	0,66
410–411	–”–	–”–	1595–1598	с М	М., т. 2, 6-4; ГКХ № 126; ГКХ (2) № 128	2	–
412–431	–”–	–”–	1595–1598	с М	М., т. 2, 9-4; ГКХ № 127; ГКХ (2) № 129	20	–
432–435	–”–	Псков, копейка	Конец 1580-х – 1590-е	ПС	ГКХ № 139; ГКХ (2) № 143	4	–
436–469	–”–	–”–	Конец 1580-х – 1590-е	ПС	М., т. 2, 4-2; ГКХ № 140–141; ГКХ (2) № 143, 145	34	–
470–476	–”–	–”–	Конец 1580-х – 1590-е	ПС	М., т. 2, 6-2; ГКХ № 143; ГКХ (2) № 149	7	–

Продолжение табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
477–496	–”–	Москва, денга	1584–1594	NG	М., т. 2, 1-1; ГКХ № 145; ГКХ (2) № 151	20	–
497	–”–	–”–	1584–1594	б/б	М., т. 2, 3-3; ГКХ № 150; ГКХ (2) № 156	1	0,35
498–512	Борис Федорович (1598–1605)	Москва, копейка	1599–1600	◦ М	М., т. 3, 1-1; ГКХ № 157; ГКХ (2) № 161	15	–
513	–»–	–”–	1599–1600	◦ М	М., т. 3, 2-1; ГКХ № 160; ГКХ (2) № 164	1	0,65
514	–”–	–”–	1599–1600	◦ М	М., т. 3, 2-2; ГКХ № 161; ГКХ (2) № 165	1	0,65
515–516	–”–	–”–	1599–1601	◦ М	М., т. 3, 2-3; ГКХ № 162; ГКХ (2) № 166	2	–
517–572	–”–	–”–	1600–1603	Б ◊ ◦ М	М., т. 3, 4-2; ГКХ № 165; ГКХ (2) № 169	56	–
573–574	–”–	–”–	1600–1603	Б ◊ ◦ М	М., т. 3, 4-3; ГКХ № 166; ГКХ (2) № 170	2	–
575–578	–”–	–”–	1600–1603	Б ◊ ◦ М	М., т. 3, 4-4; ГКХ № 167; ГКХ (2) № 171	4	–
579–581	–”–	–”–	1600–1601	б/б	М., т. 3, 5-2; ГКХ № 171; ГКХ (2) № 175	3	–
582	–”–	–”–	1600–1601	б/б	М., т. 3, 5-3; ГКХ № 172; ГКХ (2) № 176	1	0,62

Продолжение табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
583	–”–	–”–	1603	ГДРЬ МО	М., т. 3, 8-2; ГКХ № 180; ГКХ (2) № 186	1	0,67
584	–”–	–”–	1603	ГДРЬ МО	М., т. 3, 8-5; ГКХ № 181; ГКХ (2) № 189	1	0,65
585–603	–”–	Псков, копейка	1599	ПСРЗ	М., т. 3, 1-1; ГКХ № 183; ГКХ (2) № 191	19	–
604	–”–	–”–	1600–1603	ПС	М., т. 3, 2-1; ГКХ № 191; ГКХ (2) № 199	1	0,67
605	–”–	–”–	1600–1603	ПС	М., т. 3, 2-2; ГКХ № 192; ГКХ (2) № 200	1	0,63
606	–”–	–”–	1603–1604	ПС	М., т. 3, 4-4; ГКХ № 200; ГКХ (2) № 208	1	0,65
607–609	–”–	–”–	1604–1605	ПС	М., т. 3, 5-5; ГКХ № 201; ГКХ (2) № 209	3	–
610–617	–”–	Новгород, копейка	1599	в НО.РЗ	М., т. 3, 1-1; ГКХ № 202; ГКХ (2) № 210	8	–
618	–”–	–”–	1599–1600	в НОIРИ	М., т. 3, 3-2; ГКХ № 208; ГКХ (2) № 218	1	0,66
619–624	–”–	–”–	1599–1600	в НОIРИ	М., т. 3, 2-2; ГКХ № 209; ГКХ (2) № 219	6	–
625	–”–	–”–	1600–1601	в НОР·Ѳ·	М., т. 3, 4-2; ГКХ № 213; ГКХ (2) № 225	1	0,64
626–629	–”–	–”–	1600–1601	в НОР·Ѳ·	М., т. 3, 4-4; ГКХ № 216; ГКХ (2) № 228	4	–

Продолжение табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
630–634	–”–	–”–	1601–1602	в ꙮРІ	М., т. 3, 6-5; ГКХ № 224; ГКХ (2) № 236	5	–
635	–”–	–”–	1602–1603	в ꙮРАІ	М., т. 3, 8-7; ГКХ № 228; ГКХ (2) № 243	1	0,66
636	–”–	–”–	1602–1603	в ꙮРАІ	М., т. 3, 8-8; ГКХ № 229; ГКХ (2) № 244	1	0,72
637–638	–”–	–”–	1602–1603	в ꙮРАІ	М., т. 3, 9-8; ГКХ № 233; ГКХ (2) № 248	2	–
639	–”–	–”–	1602–1603	гє ꙮРАІ	М., т. 3, 9-9; ГКХ № 234; ГКХ (2) № 249	1	0,71
640	–”–	–”–	1604–1605	ѯ ꙮВІ	М., т. 3, 12-10; ГКХ № 240; ГКХ (2) № 255	1	0,66
641	–”–	–”–	1604–1605	ѯ ꙮГІ	ГКХ № 241; ГКХ (2) № 256	1	0,68
642–644	Дмитрий Иванович (1605–1606)	Москва, копейка	1605–1606	ѦѲ	М., т. 4, 2-1; ГКХ № 251; ГКХ (2) № 272	3	–
645–647	–”–	–”–	1605–1606	б/б	М., т. 4, 4-1; ГКХ № 254; ГКХ (2) № 275	3	–
648	–”–	Псков, копейка	1605–1606	ПС	М., т. 4, 2-1; ГКХ № 257; ГКХ (2) № 278	1	0,66
649	–”–	Новгород, копейка	1605	ѯРГІ	М., т. 4, 1-1; ГКХ № 259; ГКХ (2) № 280	1	0,63
650	–”–	–”–	1605–1606	н ꙮДІ	М., т. 4, 2-1; ГКХ № 260; ГКХ (2) № 281	1	0,73

Окончание табл. 2

№	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г.
651–655	Василий Иванович (1606–1610)	Москва, копейка	1606–1607	б/б	М., т. 4, 1-1; ГКХ № 269; ГКХ (2) № 290	5	–
656–661	–”–	–”–	1606–1607	б/б	М., т. 4, 1-4; ГКХ № 272; ГКХ (2) № 293	6	–
662	–”–	–”–	1606–1607	б/б	М., т. 4, 2-5; ГКХ № 278; ГКХ (2) № 299	1	0,62
663–666	–”–	Псков, копейка	1605–1606	ПС	М., т. 4, 1-1; ГКХ № 288; ГКХ (2) № 309	4	–
667	–”–	Новгород, копейка	1606	н РДІ	М., т. 4, 1-1; ГКХ № 292; ГКХ (2) № 314	1	0,69
668	–”–	–”–	1608–1609	н РSІ	М., т. 4, 3-2; ГКХ № 299; ГКХ (2) № 321	1	0,63
669–675	Владислав Жигимонтович (1610–1612)	Москва, копейка	1610–1612	б/б	М., т. 4, 2-2; ГКХ № 320; ГКХ (2) № 343	7	–
676	Второе земское ополчение	Москва, копейка	1612–1613	М о	М., т. 5, 1-1; ГКХ № 329; ГКХ (2) № 353	1	0,57
677–678	Плохая сохранность	денга	XVI в.	б/б	–	2	–
679–680	Плохая сохранность	копейка	Конец XVI – начало XVII в.	б/б	–	2	–

Сокращенные ссылки на каталоги в табл. 2:

М. – *Мельникова*, 1989; З. – *Зайцев*, 2006; ГКХ – *Гришин и др.*, 2015; ГКХ (2) – *Гришин и др.*, 2021.

А. А. Гольева, Е. В. Леонова, Ю. О. Карпова

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ ПЕЩЕРНЫХ СТОЯНОК КОНЦА ПЛЕЙСТОЦЕНА – НАЧАЛА ГОЛОЦЕНА В ГУБСКОМ УЩЕЛЬЕ ПО ДАННЫМ МИКРОБИОМОРФНОГО АНАЛИЗА[1]

Резюме. Изучение флористических микроостатков в отложениях поселений каменного века – один из основных способов реконструкции древних ландшафтов и растительных ресурсов, доступных первобытному человеку. Поступление флористических материалов в скальные убежища, в которых отсутствует растительный покров, в значительной мере связано с их обитателями (животными и человеком) и в меньшей мере с ветром или водными потоками. Палинологический анализ образцов из многослойного памятника каменного века пещера Двойная не дал достаточного материала для статистической обработки. В 2021 г. была отобрана колонка образцов с целью проведения микробиоморфного анализа слоев каменного века возрастом от 18 до 9,5 кал. тыс. л. н. Для этих же проб было определено содержание валового фосфора. Все образцы, вне зависимости от глубины отбора, обогащены валовым фосфором, значения колеблются от 1,33 до 2,35 %. По данным микробиоморфного и палинологического анализов намечена тенденция изменения ландшафтов от доминирующих степных с локальными лесными массивами в период начального заселения пещеры до преобладания лесных хвойно-лиственных и разнотравно-луговых в начале голоцена. Выявлено три перерыва накопления флористических материалов. Впервые определены остатки камыша/тростника, которые, несомненно, были принесены древним человеком для обустройства убежища.

Ключевые слова: фитолиты, содержание валового фосфора, каменный век, верхний палеолит, мезолит, Северо-Западный Кавказ, пещерные отложения.

[1] Археологический контекст и интерпретация данных выполнены в рамках Госзадания «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271-7). Естественнонаучные исследования выполнены в рамках темы Государственного задания ИГ РАН FMWS-2024-0010.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.336-351

Вступление

Изучение и реконструкция природного окружения поселений каменного века невозможны без привлечения целого ряда разнообразных естественнонаучных анализов. Наиболее доступные и информативные из них – видовые определения фаунистических остатков и состава пыльцы и спор. Но степень сохранности как фауны, так и флористических микрофоссилий даже на соседних археологических памятниках, содержащих синхронные культурные слои, различна и зависит от множества факторов. В ходе изучения двух соседних многослойных памятников каменного века навеса Чыгай и пещеры Двойная были отобраны колонки образцов для палинологического анализа. Е. А. Спиридоновой было проанализировано 12 образцов из навеса и построена диаграмма (*Леонова и др.*, 2014; *Леонова*, 2015). Проведенный Е. А. Спиридоновой палинологический анализ колонки образцов из разреза в пещере Двойная и серии плоскостных проб, отбиравшихся по мере углубления раскопа из культурных слоев каменного века (4/5–7) примерно в одной и той же точке квадрата *l*-4, не позволил в полной мере охарактеризовать изучаемые разрезы и последовательности отложений из-за плохой сохранности и низкого содержания пыльцы и спор, недостаточного для статистической обработки. Лишь в образцах верхней пачки отложений (от современности до самого верхнего слоя каменного века) насыщенность микрофлористическими материалами оказалась статистически значимой. Кроме плохой сохранности пыльцевых зерен и спор, связанной, видимо, со спецификой отложений и режима пещеры, одним из факторов низкого содержания пыльцы и спор является сам тип археологического памятника. Несмотря на то что это относительно неглубокий грот, занос и отложение пыльцы и спор в скальное убежище происходит гораздо менее интенсивно, чем на открытых пространствах. В самой пещере при высокой влажности и низком уровне инсоляции практически отсутствует какая-либо растительность, за исключением водорослей, покрывающих известняки. Значительная часть микрочастиц различного генезиса привносится извне посетителями/обитателями грота, как животными, так и человеком. И, конечно, обитание группы людей в течение некоторого, даже относительно непродолжительного (1–2 дня) периода предполагает значительное поступление разнообразных материалов, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью (топливо, пищевые ресурсы, обустройство жилых/спальных зон и т. д.).

Для верификации и дополнения данных палинологического анализа в 2021 г. в пещере Двойная отобрана еще одна колонка с целью проведения фитолитного анализа, для этих же образцов получены данные содержания валового фосфора.

Описание памятника и материалы

Пещера Двойная находится в 9 км к западу – юго-западу от станицы Баракаевская Мостовского района Краснодарского края и расположена на левом берегу р. Губс (левый приток р. Ходзь) на высоте 46 м над уровнем воды в реке (803 м над у. м.). В наши дни склоны ущелья на уровне 750–850 м над у. м. покрыты широколиственным лесом, доминируют буки, также произрастают дуб, клен, ясень, граб, лещина, тис ягодный, кизил, алыча. Выше, на так называемом верхнебара-

каевском террасовом уровне (*Несмеянов*, 1994), преобладают открытые луговые пространства и современные пастбища (*Аутлев, Любин*, 1994). Пещера состоит из двух полостей – малой (восточной) и большой (западной), не соединяющихся между собой. Открыта в 1962 г. П. У. Аутлевым (*Аутлев*, 1962) и вновь обнаружена в 2007 г. Е. В. Беляевой. Начиная с 2008 г. Губской экспедицией ИА РАН под руководством Е. В. Леоновой в западном гроте пещеры ведутся раскопки. Площадь раскопа составляет около 20 кв. м. На вскрытой раскопом площади вся мощность рыхлых отложений, содержащих культурные остатки, исследована на небольшом (2 × 1,5 м) участке у западного свода пещеры при входе и составляет около 2,2 м. К настоящему моменту на памятнике выделено три пачки культурных отложений, имеющих свои структурные особенности и отличия в комплексах каменного инвентаря (*Леонова*, 2015), проведены разнообразные анализы, включая фаунистический, геохимический, почвенно-микробиологический и др. (*Чернышева, Леонова*, 2016; 2017; *Leonova et al.*, 2021). Возраст археологических материалов намечен радиоуглеродными датами, в том числе серией AMS-датировок, образцы для которых были отобраны непосредственно из стратиграфических разрезов. Колонка из 19 образцов для микробиоморфного анализа и определения содержания валового фосфора была отобрана из северо-западного профиля квадрата *l*-4 (рис. 1). Образцы отбирались из вертикального разреза снизу вверх, от скального дна до подошвы верхнего горизонта обвала (Д. I), что позволило захватить всю изученную последовательность отложений, содержащую артефакты каменного века. Выше верхнего обвального горизонта образцы не отбирались, так как это могло привести к обрушению профиля. Нумерация соответствует порядку отбора, но пропущен номер 18, поэтому последовательность заканчивается 20-м номером. Зафиксирована следующая стратиграфия (слои описаны сверху вниз, указана их мощность):

1 – пачка слоистых позднейших отложений (средневековых и современных) – чередование светло-серых и розовато-палевых (обожженный и/или разложившийся известняк) суглинистых и супесчаных слоев с тонкими черными (углистыми), белесыми золистыми, рыже-бурыми (железистыми?) прослойками с мелким щебнем; подстилается слоистыми рыжевато-коричневыми супесчаными отложениями. Общая мощность до 1 м;

2 – яркая рыже-бурая прослойка супеси или суглинка, в верхней части которой фиксируются следы прокала – 0,07–0,17 м;

3 – горизонт мощного обвала свода пещеры (Д. I)[2]. На данном участке представлен обломками известняка. Наиболее крупные обломки в нижней части, в середине – мелкие, в верхней – чуть крупнее, заметна небольшая степень окатанности отдельных обломков – мощность до 0,2–0,7 м. Между обломками залегают единичные фрагменты костей животных, расщепленные кремни и раковины наземных улиток Helix *sp*., возможно, выдавленные из верхов нижележащего

[2] Горизонты обвалов, или десквамации, было решено обозначать отдельной номенклатурой с литерой «Д», так как они являются хронологическими маркерами и своеобразными сквозными «разделителями» пачек рыхлых отложений, дифференциация которых даже на профиле иногда затруднена в силу изменчивости цвета последних как по протяженности из глубины грота в сторону выхода, так и из-за антропогенного фактора (наличия золисто-углистых линз, скоплений раковин или костей животных и т. д.).

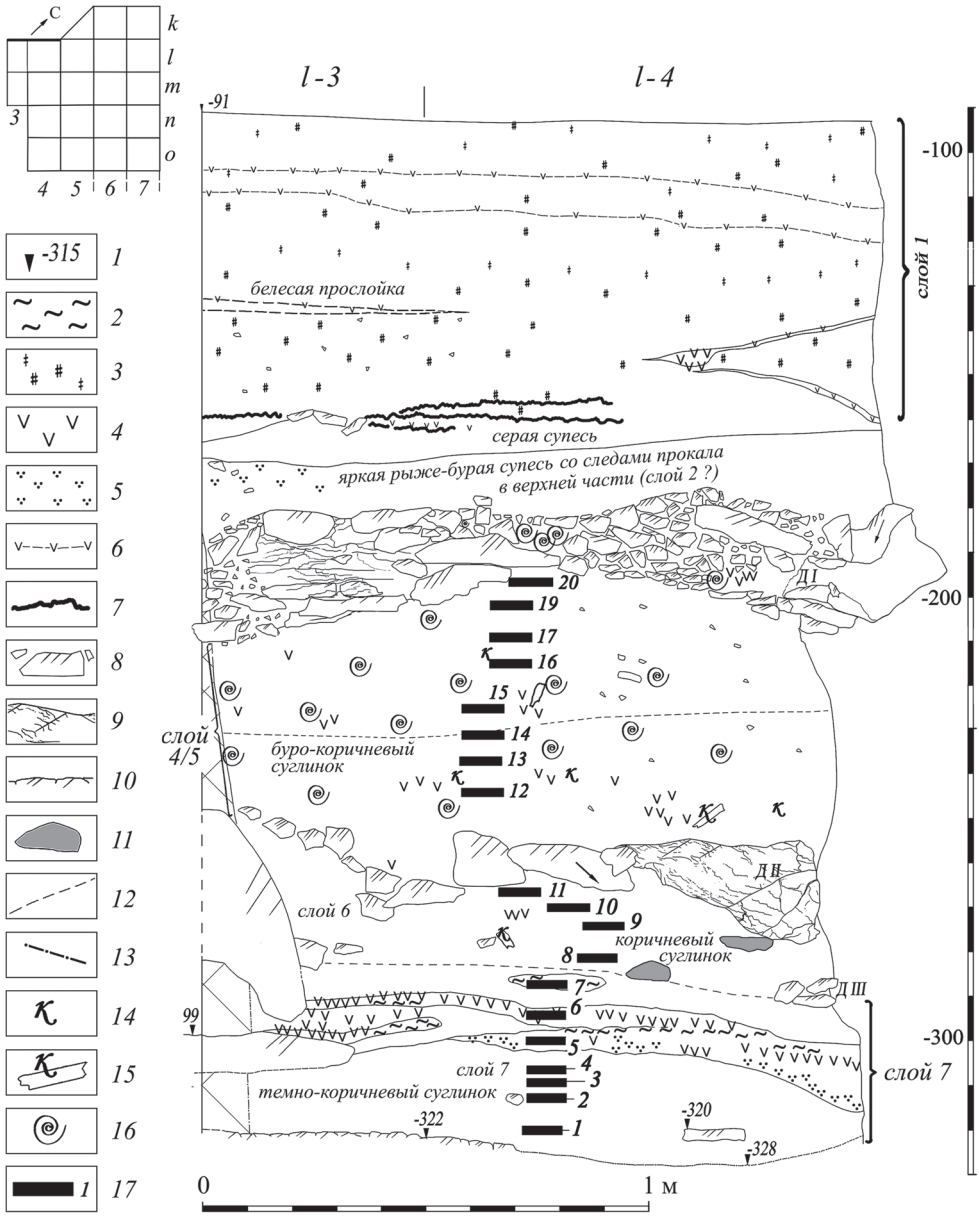

Рис. 1. Пещера Двойная. Северо-западный профиль квадратов *l*-3, 4. Место отбора образцов для микробиоморфного анализа и анализа валового состав фосфора

Условные обозначения: *1* – нивелировочная отметка; *2* – зола; *3* – слоистая толща с прослойками глины и разложившегося известняка; *4* – древесный уголь; *5* – прокаленный грунт; *6* – тонкая углистая прослойка; *7* – бурые железистые прослойки; *8* – обломки известняка; *9* – крупные блоки полуразложившегося известняка; *10* – скальное дно; *11* – фрагменты сланца; *12* – нечеткая граница между слоями; *13* – границы раскопа; *14* – небольшой фрагмент кости; *15* – абрис фрагмента кости; *16* – раковины наземных моллюсков Helix *sp.*; *17* – место отбора образца и его номер

слоя, хотя не исключена вероятность эпизода/эпизодов посещения пещеры в каменном веке после обвала, но состояние отложений непосредственно над завалом не позволяет проследить культурный слой, по крайней мере, на вскрытом раскопом участке. Из нижней части завала рассматриваемого разреза были отобраны угольки, по которым получена радиоуглеродная AMS-дата, калиброванное медианное значение которой соответствует 9,5 тыс. л. н.

4/5 – бурый (светло-коричневый) суглинок с щебнем, большим количеством раковин Helix *sp*., обломками костей, в нижней части с костным тленом. В толще читаются тонкие углисто-золистые прослойки. Мощность 15–30 см. Верхний культурный слой, образцы № 12–17, 19, 20. По образцам древесного угля этого же разреза получено две даты: 11,2 и 11,8 кал. тыс. л. н.

Д. II – горизонт обвала в виде некрупного щебня и разложившегося известняка – 5–20 см.

6 – темно-бурый суглинок, с тонкими углистыми прослойками, большим количеством раздробленных трубчатых костей и раковинами Helix *sp*., последних значительно меньше, чем в слое 4/5 – 5–30 см. Средний культурный слой, образцы № 8–11. По древесному углю, примерно соответствующему по уровню залегания образцу № 10, получена радиоуглеродная AMS-дата 14,5 кал. тыс. л. н.

Д. III – довольно плотный слой известняка. Обломки известняка окатаны. Между камнями попадаются обломки костей животных. Мощность – 0–20 см.

7 – темно-коричневый суглинок, читается горизонтальная слоистость. На данном участке довольно четко фиксируется несколько золистых прослоек, углистое пятно и линза прокала. Очень много расщепленного кремня, в том числе мельчайших чешуек от вторичной обработки орудий, сами орудия и их обломки. Мощность до 40 см. Нижний культурный слой, образцы № 1–7. AMS-даты для этого слоя получены по образцам древесного угля, отобранным на соседнем перпендикулярном разрезе на расстоянии около 1 м: медианное значение возраста, полученное по образцу из тонкой углистой линзы, залегающей почти в самом основании слоя 7 – 18,2 кал. тыс. л. н., из линзы выше, примерно соответствующей уровню пробы № 4 на фитолиты – 15,8 кал. тыс. л. н.

Ниже – скальное дно пещеры.

Результаты анализов

В 19 образцах было определено содержание валового фосфора – надежного диагноста природных и антропогенных отложений, горизонтов и слоев. Фосфор, являясь биофильным элементом, накапливается в органических объектах. При разложении органики фосфор соединяется с кальцием, железом или алюминием, формируя практически нерастворимые соли. То есть образующиеся фосфаты не растворяются со временем и не мигрируют за пределы слоя, где была органика (*Гольева, Турова*, 2015). Это позволяет диагностировать как эти слои, так и их генезис (естественный или антропогенно обусловленный) спустя неопределенно длительное время.

Все образцы вне зависимости от глубины отбора пробы обогащены валовым фосфором (рис. 2), содержание которого определено методом Гинзбурга

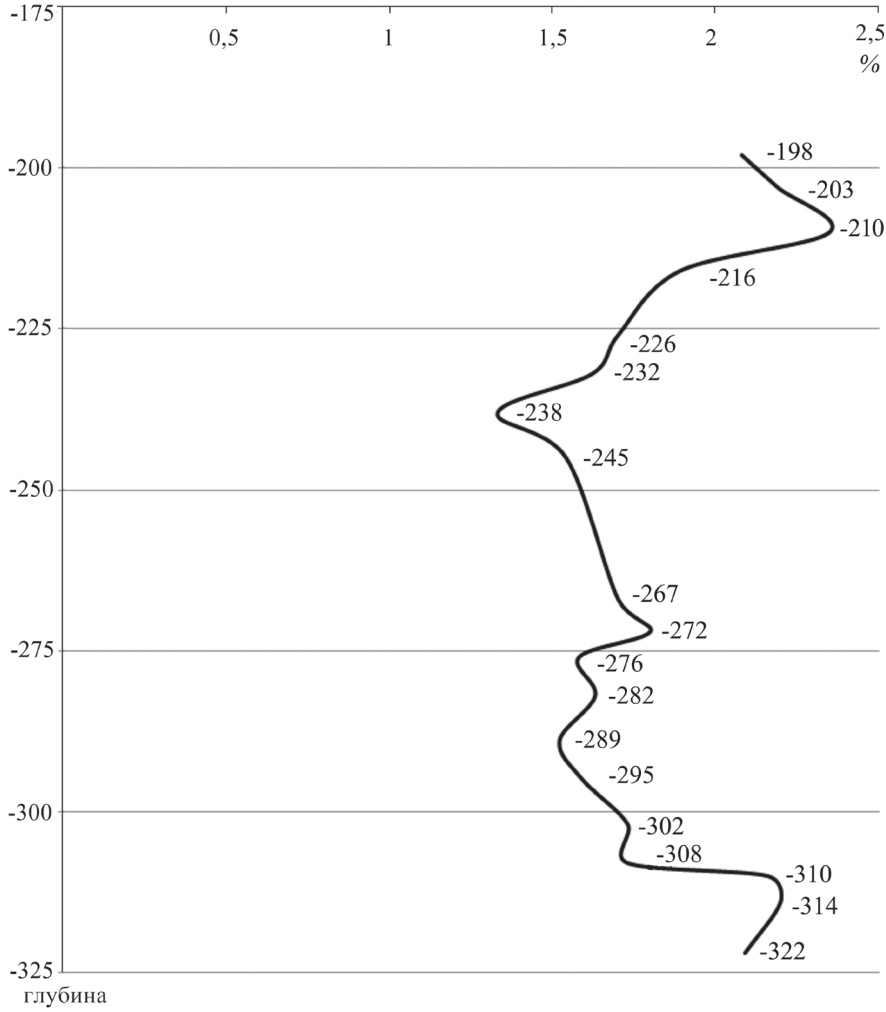

Рис. 2. Пещера Двойная.
Процентное содержание валового фосфора по глубине

с фотометрическим окончанием по Кирсанову в модификации лаборатории ИГ РАН (*Аринушкина*, 1970; Теория и практика…, 2006). Нормой для верхних, наиболее обогащенных органическим веществом горизонтов естественных почв являются значения 0,19–0,21 %. Все, что превышает данные величины, это искусственно созданные объекты с добавлением растительной или животной органики. Считается, что величины менее 1 % характеризуют добавление (использование) растительной массы. Значения более 1 % чаще обусловлены использованием в данном месте животной органики (шерсть, кожа, кость и пр.). Высокие значения валового фосфора характерны также для минерализованного навоза (особенно птичьего) и золы вне зависимости от ее генезиса.

Таким образом, вся изученная толща является культурным слоем. Какие-либо стерильные прослои не выявлены.

Микробиоморфный анализ 19 образцов из пещеры Двойная был проведен по стандартной методике (*Гольева*, 2001).

Распределение частиц биогенной природы неравномерно (табл. 1). По степени обогащенности материалом все изученные образцы можно сгруппировать в шесть блоков, образцы которых при описании будут рассматриваться вместе (рис. 3; табл. 2).

Таблица 1. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф и содержание валового фосфора

№ образца	Глубина от условного нулевого репера, см	Характеристика отложений	Слой	P_2O_5 вал, %	Детрит	Кутикулярные слепки	Спикулы губок	Диатомовые водоросли	Фитолиты
1	-313/-322	Коричневый суглинок	7	2,09	++	+		Ед.	+
2	-312/-314	Коричневый суглинок	7	2,2	++	++		Ед.	+++
3	-308/-310	Коричневый суглинок	7	2,16	++	++			+++
4	-306/-308	Коричневый суглинок	7	1,73	++	++			+++
5	-299/-302	Углистая прослойка	7	1,73	++	+		Ед.	++
6	-293/-295	Углисто-золистая прослойка	7	1,59	+				+
7	-287/-289	Золистая линза	7?	1,52	+				+
8	-280/-282	Бурый суглинок с щебнем	6	1,63	Ед.				Ед.
9	-274/-276	Темно-бурый суглинок	6	1,58	Ед.				Ед.
10	-270/-272	Темно-бурый суглинок	6	1,8	++	+			+
11	-265/-267	Под Д II	6	1,7	++	+		Ед.	+
12	-243/-245	Светло-бурый суглинок	4/5	1,54	+		Ед.		+
13	-236/-238	Светло-бурый суглинок	4/5	1,33	Ед.				Ед.
14	-230/-232	Темно-бурый суглинок	4/5	1,62	Ед.		Ед.		Ед.
15	-224/-226	Темно-бурый суглинок	4/5	1,7	Ед.				+
16	-214/-216	Бурый суглинок	4/5	1,89	Ед.				+
17	-208/-210	Бурый суглинок	4/5	2,35	Ед.				+
19	-201/-203	Бурый суглинок	4/5	2,19	+				+
20	-196/-198	Бурый суглинок, сразу под горизонтом обвала (Д1) – рядом уровень низа обвала	4/5	2,08	Ед.				+

Примечание: сравнительное содержание микробиоморф: +++ много; ++ средне; + мало; Ед. – единично.

Таблица 2. Распределение кремниевых микробиоморф (шт.) и отдельных групп фитолитов (%)

№ образца	Слой	Глубина от нулевого репера	Спикулы (шт.)	Диатомовые (шт.)	Фитолиты (шт./%)	Двудольные травы	Иглы хвоин	Лесные злаки	Луговые злаки	Степные злаки (сухие луга)	Культурные злаки	Аридная флора	Тростник	Осоки/камыш	Недиагностируемые обломки
1	7	-319/-322		1	24/100	14/59	2/8		3/12	3/13		1/4			1/4
2	7	-312/-314		1	102/100	25/24	10/10	6/6	20/20	31/30		4/4	4/4	2/2	
3	7	-308/-310			160/100	54/34	10/6	6/4	22/14	48/30		5/3	13/8		2/1
4	7	-306/-308			144/100	66/46	10/7		12/8	36/25		1/1	12/8	1/1	6/4
5	7	-299/-302		2	75/100	24/33	9/12	3/4	13/17	12/16		3/4	8/10	1/1	2/3
6	7	-293/-295			7/100	2/28				3/44					2/28
7	7?	-287/289			8/100	7/88				1/12					
8	6	-280/-282			3/100	3/100									
9	6	-274/-276			1/100	1/100									
10	6	-270/-272			26/100	17/65	3/12	3/11	3/12						
11	6	-265/-267		1	40/100	18/45	3/7		4/10	3/8		2/5	5/12		5/13
12	4/5	-243/-245	1		29/100	16/56		1/3	6/21	1/3	2/7*		1/3		2/7
13	4/5	-236/-238			2/100	1/50				1/50					
14	4/5	-230/-232	1		3/100		1/34			1/33			1/33		
15	4/5	-224/-226			6/100	2/34	1/16		2/33				1/17		
16	4/5	-214/-216			5/100	1/20						3/60			1/20
17	4/5	-208/-210			13/100	5/38	1/8	1/8	1/38		1/8*				
19	4/5	-201/-203			22/100	13/60	2/9	3/14	3/14				1/4		
20	4/5	-196/-198			4/100	1/25	1/25								2/50

Примечание: * – частицы корродированы, определение неточное.

1. В образцах 1–5 (слой 7) относительно много детрита и фитолитов, есть кутикулярные слепки, в трех обр. (1, 2, 5) встречены целые панцири диатомовых водорослей. Количество фитолитов в обр. 3 и 4 максимально среди всех исследованных. Состав фитолитных комплексов ровный, преобладают формы, характерные для степных злаков (26 %, здесь и ниже в скобках указаны проценты по суммарным данным для описываемого блока образцов). Есть фитолиты аридных ценозов (3 %), можно отметить наличие фитолитов крупных прибрежно-водных растений – тростника и камыша (9 %), что объясняет присутствие

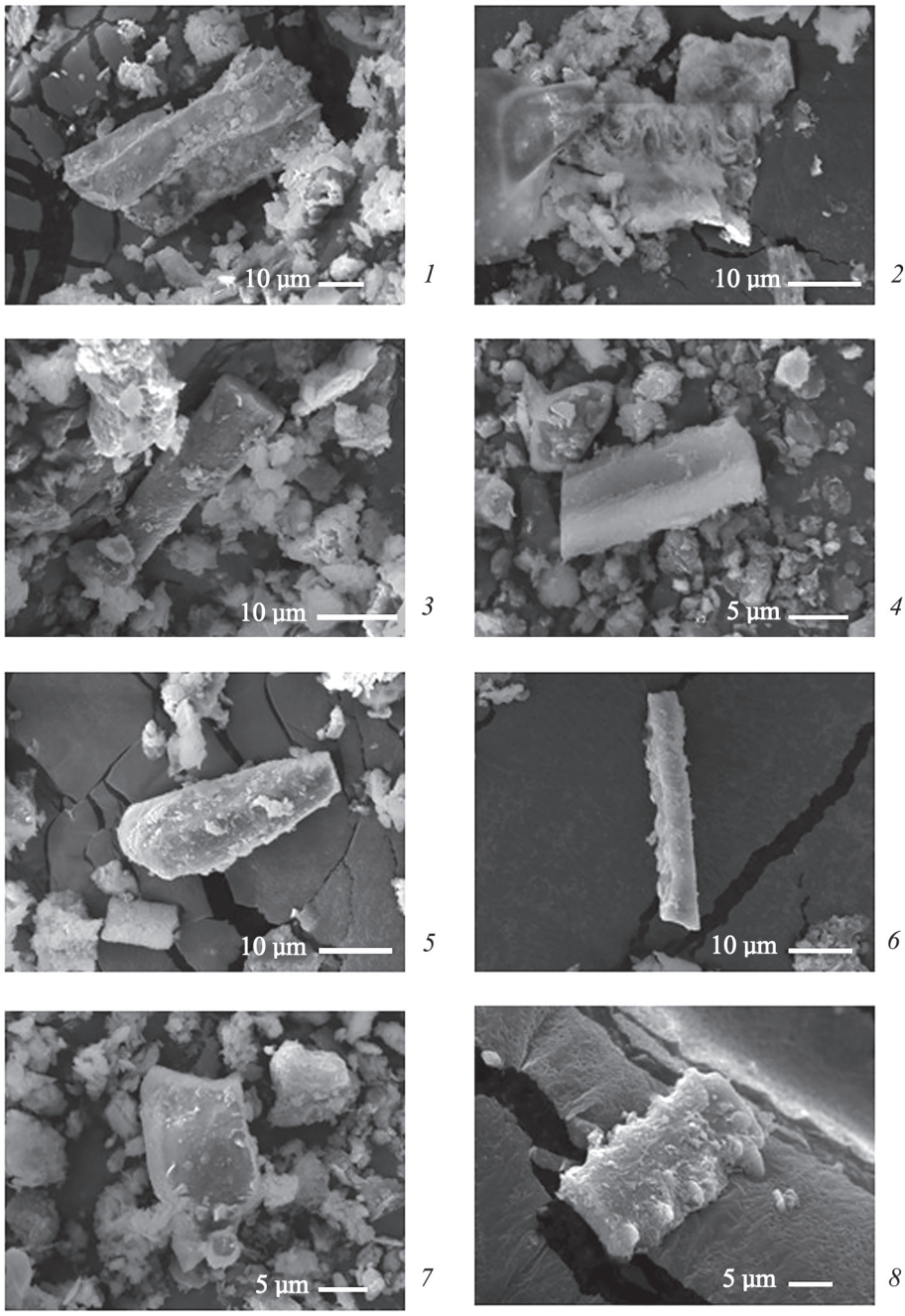

Рис. 3. Пещера Двойная. Микробиоморфы из образца № 3

1 – травянистый детрит; *2* – кутикулярный слепок; *3–8* – фитолиты (*3* – двудольные травы; *4* – хвойные; *5* – лесные злаки; *6* – луговые злаки; *7* – степные злаки; *8* – аридная флора)

диатомовых водорослей (частицы, скорее всего, были принесены на стеблях растений). В целом можно с высокой долей уверенности говорить о том, что образцы этой толщи (особенно образцы 2–4) формировались за счет разложения растительной массы *in situ*, т. е. это непереотложенный материал культурного слоя, больше отражающий бытовые предпочтения людей и, в меньшей мере, растительный покров региона. В первую очередь это касается тростника/камыша. За счет большого количества фитолитов полученные данные можно считать статистически значимыми. Наличие фитолитов хвойных (8 %) позволяет предположить, что помимо различных трав люди использовали и древесину хвойных пород деревьев. Исследуемая толща отложений отражает период заселения пещеры, когда использовались большие объемы растительного сырья, включая тростник/камыш и древесину хвойных пород. В целом по общему составу фитолитов можно предположить, что, скорее всего, в регионе доминировали степные ландшафты, локально произрастали хвойные, неподалеку был водоем со стоячей или слабо текущей водой.

2. Образцы 6–9 (верх слоя 7 – низ и середина слоя 6). Количество всех изучаемых частиц мало или они единичны. Вся толща сформирована практически без участия растительного материала. Встреченные фитолиты, скорее всего, случайны, переотложены. По данным микробиоморфного анализа можно предположить, что эта толща является минеральным наносом с незначительной примесью органического материала.

3. Образцы 10–12 (верх слоя 6 и низ слоя 4/5) содержат растительный детрит, кутикулярные слепки, фитолиты. Встречены единичные спикулы губки (обр. 12) и панцирь диатомовой водоросли (обр. 11). Фитолитов существенно меньше, чем в первом блоке, но больше по сравнению с выше- и нижележащими толщами. Состав фитолитных комплексов преимущественно луговой, хотя есть и формы, характерные для степных злаков. В обр. 11 и 12 присутствуют фитолиты гидрофильной флоры (6 экз.), что коррелирует с наличием в этих же образцах водных микроорганизмов. Образец 12 содержит формы, близкие к таковым для культурных злаков (2 экз.). Но эти морфотипы сильно корродированы, поэтому выделение их в отдельный столбец «культурные злаки» условно. Выделяемый блок образцов, скорее всего, является культурным слоем, в процессе формирования которого участвовали разные травы и, возможно, древесина хвойных. Отличием данного блока от самого первого (обр. 1–5) являются меньшие объемы использованного растительного сырья. При этом здесь, как и в первом блоке, люди для своих целей широко использовали крупные растения (тростник/камыш). Можно предположить несколько более влажные климатические условия, поскольку в составе привнесенных трав преобладают растения луговых ценозов.

4. Образцы 13–16 (слой 4/5) характеризуются резким уменьшением или полным отсутствием растительных микрочастиц. Наиболее вероятно, данная толща сформировалась за счет минерального мелкозема. Наличие частиц биогенной природы, скорее всего, случайно.

5. Образцы 17 и 19 (слой 4/5) содержат несколько больше детрита и фитолитов по сравнению с вышележащей толщей. Фитолитный комплекс в целом можно охарактеризовать как лугово-лесной. В образце 19 встречены фитолиты

тростника (1 экз.). В обр. 17 обнаружен один фитолит, аналогичный описанным для обр. 12, т. е. сильно корродированная форма, близкая к таковой для культурных злаков. Как и для обр. 12, корродированность формы не позволяет уверенно диагностировать ее, поэтому выделение условно. Вероятно, оба образца характеризуют культурный слой, одной из составляющих которого был тростник. Возможно, недалеко от пещеры произрастали хвойно-лиственные леса, сменяющиеся разнотравно-луговыми ландшафтами.

6. Образец 20 (самый верх слоя 4/5, сразу под горизонтом обвала Д. I) почти не содержит микробиоморф, выявленные фитолиты представлены преимущественно обломками. По данным микробиоморфного анализа наиболее вероятно, что это минеральный горизонт, а не культурный слой.

Обсуждение результатов анализов

Сопоставление результатов, полученных по двум независимым видам анализа – фитолитному и валовому содержанию фосфора, показывает некоторое расхождение данных. Во всех изученных образцах валовое содержание фосфора колеблется от 1,33 % (обр. 13) до 2,35 % (обр. 17), обе пробы отобраны из слоя 4/5, но значения, превышающие 2 %, зафиксированы как в самом низу изучаемой толщи (слой 7), так и в самом ее верху (слой 4/5) (рис. 2). То есть вся изученная древняя толща формировалась с участием значительного количества органики как растительного, так и животного происхождения. Колебания полученных значений отражают лишь степень интенсивности поступления органических остатков. Какие-либо стерильные прослои не выявлены.

На основе микробиоморфного анализа выделяются этапы активного обживания участка, этапы кратких посещений или вообще отсутствия следов жизни людей. Но следует отметить, что образцы 6 и 7 (слой 7) с незначительным количеством флористических материалов отобраны из углисто-золистой прослойки и золистой линзы, наличие которых само по себе указывает на присутствие человека (рис. 1; табл. 1). В образцах выше (№ 8 и 9, слой 6) единичные экземпляры фитолитов, вероятно, могут указывать на меньшую антропогенную нагрузку, иную стратегию освоения пространства древними насельниками, специфику сезона обитания и/или на более суровые климатические условия в этот период. Предположение, что местные породы содержат соли фосфора, которые могут значительно увеличить общие фоновые значения до 1,5–1,8 %, противоречит данным, полученным ранее по соседнему навесу Чыгай, где по образцам из культурных отложений содержание P_2O_5 колеблется от 0,33 до 0,75 % (*Александровский, Александровская*, 2009. С. 68), а также данным (0,32 %), полученным по образцу известняка из пещеры Двойная (*Чернышева, Леонова*, 2016. С. 348). Но и анализ валового содержания фосфора, и геохимический анализ показывают, что в толще слоя 6 и некоторых уровнях в пределах пачки отложений слоя 4/5 отмечается снижение значений показателей, отражающих привнос органических материалов, что, скорее всего, связано со снижением уровня антропогенной нагрузки.

По заключениям Е. А. Спиридоновой (*Leonova et al.*, 2021), сделанным на основе анализа колонки и серии плоскостных образцов, отобранных в пещере

Двойная, в слое 7 отмечена пыльца березы, лещины, меньше – дуба, единично – пыльца сосны и ольхи, среди травянистых – пыльца злаковых, сложноцветных, маревых и споры папоротников, но в верхней толще слоя 7 пыльцы мало, сохранность плохая. В слое 6 количество пыльцы значительно меньше, по сравнению с нижней частью толщи слоя 7 отмечена пыльца березы, сосны, злаковых, маревых, полыни, в одном из образцов присутствует крапива. Для вышележащей толщи слоя 4/5 распределение микрофоссилий неравномерно, но в целом пыльцы и спор больше и спектр гораздо богаче, включает в том числе разнообразные формы широколиственных пород деревьев. Обнаружена пыльца березы, лещины, граба, сосны, дуба, бука, рябины, злаков, бобовых, гречишных, полыни, мальвовых, сложноцветных, крапивы, споры папоротников (орляк и гроздовник) и зеленых мхов.

Кроме этого, в образцах из всех культурных слоев каменного века в ходе палинологического анализа зафиксировано много истлевшей древесины хвойных пород, для слоя 7 отмечено, что это древесина «сосны (Pinus), возможно, двух разновидностей». После обнаружения Е. А. Спиридоновой древесных волокон в палинологических образцах в процессе раскопок непосредственно на слое также были найдены окоренные древесные остатки, предположительно, хвойных пород. Наличие фитолитов хвойных деревьев определено и при помощи микробиоморфного анализа. Значительное количество и хорошая сохранность остатков хвойных растений заслуживают отдельного обсуждения вне рамок данной публикации. Отметим только, что ближайшие хвойники, за исключением ягодного тиса, в современных ландшафтах произрастают на горе Эквецопко примерно в километре по прямой от пещеры. Присутствие в культурных слоях остатков хвойных растений (древесного тлена, коры, фрагментов игл, волокон), зафиксированное как в лабораторных условиях при изучении образцов и переборке и промывке отложений, так и непосредственно в процессе раскопок, не может быть объяснено случайным привнесением в позднейшее время.

На основании микробиоморфного анализа вычленяется три эпизода с низким содержанием или почти полным отсутствием флористического материала.

Первый из них стратиграфически приурочен к отложениям выше и ниже десквамационного горизонта (Д. III). Почти полное отсутствие фитолитов и пыльцы, зафиксированное для образцов верхней пачки слоя 7 и низа слоя 6, разделенных десквамационным горизонтом, может соответствовать более суровым и холодным климатическим условиям в период около 14,5 тыс. л. н.

Второй определен по образцам 13–16, взятым из средней части толщи слоя 4/5, природа его пока неясна.

Единичность флористических остатков в самом верхнем образце может объясняться местом его отбора – в толще, непосредственно перекрытой мощным обвальным горизонтом (Д. I – частичное обрушение свода пещеры около (не ранее) 9,5 кал. тыс. л. н.).

Наиболее интересным для реконструкции как окружающей среды, так и хозяйственно-бытовой деятельности древних обитателей пещеры было обнаружение фитолитов крупных травянистых растений, таких как камыш/тростник, которые в ближайших окрестностях пещеры в настоящее время не произрастают, хотя ниже по течению реки Губс есть заводи со слабо текущей водой,

где можно найти подобную растительность. Стебли и листья тростника и камыша имеют широкий спектр применения в хозяйственной деятельности и, вероятно, активно использовались обитателями пещеры на начальных и финальных этапах ее заселения в каменном веке, что косвенно подтверждается данными трасологического анализа, проведенного О. И. Успенской (Александровой), который выявил значительную долю каменных орудий для обработки растительного сырья в культурных слоях пещеры Двойная (*Александрова*, 2015).

Заключение

Полученные данные микробиоморфного анализа и валового содержания фосфора в целом подтвердили выводы, сделанные ранее на основании геохимического (*Чернышева, Леонова*, 2016), палинологического и фаунистического анализов (*Leonova et al.*, 2021). На изученной раскопом площади с самого начала седиментации пещерных отложений фиксируются следы пребывания человека, но интенсивность хозяйственно-бытовой деятельности древних насельников, ведущейся в пределах грота на протяжении примерно 8,5 тыс. лет, различна. На протяжении этого периода намечена тенденция изменения природно-ландшафтного окружения изучаемого микрорегиона.

Наибольшая антропогенная нагрузка фиксируется на самых ранних этапах заселения пещеры, что также подтверждается археологическими материалами, количество и плотность артефактов в самой нижней толще на изученной площади значительно выше, чем в перекрывающих отложениях. Для начальных этапов заселения пещеры (около 18–15,8 кал. тыс. л. н.) на основании ранее полученных данных палинологического и фаунистического анализов (Ibid. P. 32–34), а также результатов микробиоморфного анализа реконструируются мозаичные ландшафты с доминированием степных при наличии луговой, околоводной и древесно-кустарниковой растительности.

Микробиоморфный анализ зафиксировал три эпизода, характеризующихся перерывом накопления флористических остатков. Самый ранний (около 14,5 тыс. л. н.), предположительно, может быть связан с неблагоприятными (более холодными) климатическими изменениями. Природа других неясна, но факт выявления всех трех эпизодов требует дополнительных исследований.

На позднем этапе заселения пещеры в каменном веке (около 11,2 кал. тыс. л. н.) в микрорегионе доминировали хвойно-лиственные леса и разнотравно-луговые ландшафты.

Наличие фитолитов крупных околоводных растений (камыш/тростник) в нижнем и самом верхнем культурных слоях каменного века расширяет наши представления о, пожалуй, наименее фиксируемой археологически деятельности древнего населения, связанной с собирательством с целью обустройства убежища и другими бытовыми нуждами. Спектр применения этих растений достаточно широк: топливо, поделочный и строительный материалы, пищевой ресурс. Учитывая расположение памятника и скорость сгорания, можно предположить, что пополнение топливных ресурсов не было основной целью сбора крупных околоводных растений. Для остальных нужд сбор этих растений в зависимости от цели мог

производиться с весны до поздней осени. Для верхнего слоя (4/5) на теплый (возможно, летне-осенний) период обитания древних насельников также указывает наличие крупных скоплений раковин наземных брюхоногих моллюсков Helix *sp.*

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., 2015. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 32 с.

Александровский А. Л., Александровская Е. И., 2009. Новые естественнонаучные исследования археологических памятников в пещерах Губского ущелья (Кубанский Кавказ) // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / Отв. ред. В. А. Трифонов. СПб.: ТЕЗА. С. 55–71.

Аринушкина Е. В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ. 487 с.

Аутлев П. У., 1962. Отчет об археологических экспедициях, проведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом в 1962 году // Архив ИА РАН. Р-I. № 2467.

Аутлев П. У., Любин В. П., 1994. Географическое положение Кубани и Губского ущелья. Особенности природной обстановки // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе / Отв. ред. В. П. Любин. Майкоп: Меоты. С. 5–11.

Гольева А. А., 2001. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М.; Сыктывкар; Элиста. 120 с.

Гольева А. А., Турова И. В., 2015. Фосфор в археологических объектах: формы, количество, устойчивость // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 155–164.

Леонова Е. В., 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М. С. 77–87.

Леонова Е. В., Антипушина Ж. А., Сердюк Н. В., Спиридонова Е. А., Тесаков А. С., 2014. Первобытный человек и природное окружение на рубеже плейстоцена – голоцена в Губском ущелье // И. Е. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН. С. 71–73.

Несмеянов С. А., 1994. Геоморфологический очерк района палеолитических памятников Борисовского ущелья р. Губс на Северном Кавказе // Неандертальцы Гуппского ущелья на Северном Кавказе / Отв. ред. В. П. Любин. Майкоп: Меоты. С. 22–36.

Теория и практика химического анализа почв / Ред. Л. А. Воробьева. М.: ГЕОС, 2006. 400 с.

Чернышева Е. В., Леонова Е. В., 2016. Предварительные результаты геохимического анализа культурных слоев пещеры Двойная в Губском ущелье // КСИА. Вып. 244. С. 340–354.

Чернышева Е. В., Леонова Е. В., 2017. Почвенный микробиологический анализ культурных слоев каменного века: возможности метода и проблемы интерпретации // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика: материалы Всерос. междисциплин. науч. конф. с междунар. участием (Пущино, 22–24 мая 2017 г.). Пущино: Т-во науч. изданий КМК. С. 208–212.

Leonova E. V., Uspenskaya O. I., Serdyuk N. V., Spiridonova E. A., Tesakov A. S., Chernysheva E. V., Frolov P. D., Syromyatnikova E. V., 2021. Early Holocene human adaptation and palaeoenvironment of the north-western Caucasus // Foraging Assemblages. Vol. 1 / Eds.: D. Borić, D. Antonović, B. Mihailović. Belgrade: Serbian Archaeological Society; New York: The Italian Academy for Advanced Studies in America, Columbia University. P. 29–35.

Сведения об авторах

Гольева Александра Амуриевна, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: golyevaaa@yandex.ru;

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Карпова Юлия Олеговна, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: juliakarpova10@yandex.ru

A. A. Golyeva, E. V. Leonova, Yu. O. Karpova

THE RECONSTRUCTION OF THE NATURAL ENVIRONMENT OF CAVE SITES AT THE END OF THE PLEISTOCENE – EARLY HOLOCENE IN THE GUBS GORGE USING THE MICROBIOMORPHIC ANALYSIS DATA

Abstract. The study of phytoliths in cave deposits is one of the main methods used to reconstruct the landscapes surrounding the ancient human sites, as well as the plant resources available to them. The presence of floral microfossils in caves, which lack vegetation cover, is largely associated with their inhabitants (animals and humans) and, to a lesser extent, with wind or water flows. Palynological analysis of samples from the multi-layered Stone Age site Dvoynaya Cave did not provide sufficient material for statistical processing. In 2021, nineteen samples was selected for microbiomorphological analysis of Stone Age layers dating from 18 to 9,5 calibrated ka BP. The total phosphorus content was determined for these samples. All samples, regardless of the depth of sampling, are enriched with total phosphorus, with values ranging from 1,33 to 2,35 %. According to microbiomorphological analysis, during the initial colonization of the cave, the surrounding landscapes consisted mainly of dominant steppes with local forests, which were later replaced by landscapes composed mainly of grasslands in the beginning of Holocene. Three breaks in the accumulation of floral microfossils were identified. For the first time, remains of reeds were discovered, which were undoubtedly brought by ancient dwellers humans for use in the settlement.

Keywords: phytoliths, total phosphorus content, Stone Age, Upper Paleolithic, Mesolithic, Northwestern Caucasus, cave deposits.

REFERENCES

Aleksandrova O. I., 2015. Funktsionalnyy analiz kamennogo inventarya stoyanok kontsa verkhnego paleolita i mezolita Gubskogo ushchel'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Functional analysis of stone inventory of Late Upper Paleolithic and Mesolithic sites of Gubs Gorge: PhD Thesis]. Moscow. 32 p.

Aleksandrovskiy A. L., Aleksandrovskaya E. I., 2009. Novye estestvennonauchnye issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov v peshcherakh Gubskogo ushchel'ya (Kubanskiy Kavkaz) [New scientific studies of archaeological sites in caves of Gubs Gorge (Kuban Caucasus)]. *Adaptatsiya kultur paleolita – eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze [Adaptation of Paleolithic and Eneolithic cultures to environmental changes in Northwest Caucasus]*. V. A. Trifonov, ed. St. Petersburg: TEZA, pp. 55–71.

Arinushkina E. V., 1970. Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv [Guidelines for chemical analysis of soils]. Moscow: MGU. 487 p.

Autlev A. U., 1962. Otchet ob arkheologicheskikh ekspeditsiyakh, provedennykh Adygeyskim nauchno-issledovatelskim institutom v 1962 godu [Report on archaeological expeditions conducted by Adyghe scientific research institute in 1962]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Autlev P. U., Lyubin V. P., 1994. Geograficheskoe polozhenie Kubani i Gubskogo ushchelya. Osobennosti prirodnoy obstanovki [Geographical location of Kuban and Gubs Gorge. Features of natural environment]. *Neandertaltsy Guppskogo ushchel'ya na Severnom Kavkaze [Neanderthals of Gupps Gorge in the North Caucasus]*. V. P. Lyubin, ed. Maykop: Meoty, pp. 5–11.

Chernysheva E. V., Leonova E. V., 2016. Predvaritelnye rezultaty geokhimicheskogo analiza kulturnykh sloev peshchery Dvoynaya v Gubskom ushchel'e [Preliminary geochemical analysis results of the cultural deposits from Dvoynaya cave in the Gubs gorge]. *KSIA*, 244, pp. 340–354.

Chernysheva E. V., Leonova E. V., 2017. Pochvennyy mikrobiologicheskiy analiz kulturnykh sloev kamennogo veka: vozmozhnosti metoda i problemy interpretatsii [Soil microbiological analysis of Stone Age cultural layers: possibilities of method and problems of interpretation]. *Paleopochvy, paleoekologiya, paleoekonomika [Paleosoils, paleoecology, paleoeconomics]*. Pushchino: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 208–212.

Golyeva A. A., 2001. Fitolity i ikh informatsionnaya rol' v izuchenii prirodnykh i arkheologicheskikh ob"ektov [Phytoliths and their informational role in study of natural and archaeological sites]. Moscow; Syktyvkar; Elista: Nauka. 120 p.

Golyeva A. A., Turova I. V., 2015. Fosfor v arkheologicheskikh ob"ektakh: formy, kolichestvo, ustoychivost' [Phosphorus at archaeological sites – the forms, amount and stability]. *AP*. 11. Moscow: IA RAN, pp. 155–164.

Leonova E. V., 2015. K probleme khronologii i kulturnoy variabelnosti kamennykh industriy kontsa verkhnego paleolita i mezolita Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam navesa Chygay i peshchery Dvoynaya) [On the issue of chronology and cultural variability of stone industries of Late Upper Paleolithic and Mesolithic in Northwestern Caucasus (based on materials from Chygay rock-shelter and Dvoynaya cave)]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kulture: programma fundamentalnykh issledovaniy Prezidiuma RAN [Traditions and innovations in history and culture: program of fundamental research of the Presidium of RAS]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow, pp. 77–87.

Leonova E. V., Antipushina Zh. A., Serdyuk N. V., Spiridonova E. A., Tesakov A. S., 2014. Pervobytnyy chelovek i prirodnoe okruzhenie na rubezhe pleystotsena – golotsena v Gubskom ushchel'e [Primitive man and natural environment at the turn of Pleistocene – Holocene in Gubs gorge]. *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya [E. I. Krupnov and development of archeology of North Caucasus. XXVIII Krupnov readings]*. Moscow: IA RAN, pp. 71–73.

Nesmeyanov S. A., 1994. Geomorfologicheskiy ocherk rayona paleoliticheskikh pamyatnikov Borisovskogo ushchel'ya r. Gubs na Severnom Kavkaze [A geomorphological essay on the area of Paleolithic sites of the Borisovskoe Gorge of Gubs River in the North Caucasus]. *Neandertaltsy Guppskogo ushchel'ya na Severnom Kavkaze [Neanderthals of Gupps Gorge in the North Caucasus]*. V. P. Lyubin, ed. Maykop: Meoty, pp. 22–36.

About the authors

Golyeva Aleksandra A., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: golyevaaa@yandex.ru;

Leonova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Karpova Yulia O., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: juliakarpova10@yandex.ru

А. Н. Бабенко, И. И. Шкрибляк, Д. А. Куприянов

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ТУАК-ОБА 1 И 2 БЛИЗ С. МИРОНОВКА БЕЛОГОРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ[1]

Резюме. Изученная курганная группа Туак-Оба, состоящая из двух курганов, расположена в Белогорском районе Республики Крым. Погребальный комплекс Туак-Оба 1 датирован последней четвертью IV в. до н. э. Курган 2 относится к эпохе бронзы (первая половина III – конец II тыс. до н. э. calBC). В верхней части кургана обнаружены погребения лошадей, относящиеся к скифскому горизонту насыпи. Из каждого кургана для спорово-пыльцевого анализа отобрано по 10 образцов. Учет концентрации пыльцы позволил оценить сохранность погребенной почвы и установить этапы подсыпок в кургане 2. Курган 1 сооружен единомоментно. Спорово-пыльцевые спектры погребенной почвы указывают на существование более влажных условий (по сравнению с современными) и на произрастание разнотравно-злаковых степных фитоценозов в окрестности курганов на момент их сооружения. Наличие в спектрах спор копрофильных грибов свидетельствует об использовании территории для выпаса скота, микроугля – о степных пожарах, а спор *Glomus* и цист *Pseudoschizaea* – об эрозии, возникающей как следствие указанных процессов. Анализ морфотипов микроугля образца, отобранного под каменной выкладкой скифского времени кургана 2, позволяет предположить разведение погребального костра в окрестности курганов и перенос золы на вершину кургана после захоронения лошадей. Большая доля пыльцы насекомоопыляемых растений (Dipsacaceae) в кургане Туак-Оба 1 может быть объяснена летним сезоном сооружения насыпи.

Ключевые слова: курган, Туак-Оба, археопалинология, антракология, погребенная почва, Крым.

[1] Палинологические исследования выполнялись в рамках темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.352-368

Введение

На территории Крымского полуострова расположено большое количество курганов, сооруженных в эпоху энеолита – бронзы и содержащих погребения различных археологических культур, в том числе более поздних. Нередки и курганы с одиночными погребениями скифской и кеми-обинской культуры (см., например: *Гаврилов*, 2010).

Курганная группа Туак-Оба расположена на первой надпойменной террасе левого берега реки Биюк-Карасу у с. Мироновка Белогорского района Республики Крым. Обнаружена по следам ограбления кургана Туак-Оба 1 в 2016 г., в этот же год были проведены первые разведочные мероприятия на месте расположения памятника. В 2018, 2020 и 2021 гг. обе насыпи были исследованы экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» под руководством Ю. П. Зайцева и И. И. Шкрибляк при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-09-00456 А «Археологические исследования царского скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму»). Предварительная информация о результатах раскопок публиковалась в 2021 и 2024 гг. (*Шкрибляк*, 2021; 2024).

Высота кургана 1 до начала раскопок составила 5,1–5,2 м, в восточной части фиксировалась длинная грунтовая просадка от вершины кургана до полы, впоследствии она была сопоставлена с дромосом, подведенным к центральному погребальному сооружению с востока. В центре кургана обнаружен каменный склеп трехчастной конфигурации, состоящий из проталамоса (привходовая камера склепа), таламоса (склеп с уступчатым перекрытием) и расположенного над таламосом небольшого четырехугольного помещения – верхней камеры. Основная гробница была неоднократно ограблена, внутри обнаружено деформированное каменное ложе, детали каменного алтаря и разрозненные мелкие находки: золотые и серебряные бляшки, фрагменты костяной инкрустации, разбитая лепная курильница. На выходе из склепа, в проталамосе, на полу зафиксировано еще некоторое количество уцелевшего инвентаря: низка стеклянных полихромных бус с серебряной каплевидной подвеской, бронзовые наконечники стрел, золотые нашивные бляшки. На полу верхней камеры, не подвергшейся ограблениям, полностью сохранился поминальный инвентарь: железная жаровня с комплектом кулинарных приспособлений, несколько десятков железных копий и дротиков, книдская и синопская амфоры. Погребальный комплекс кургана 1 датирован по инвентарю последней четверти IV в. до н. э.

Курган 2 располагался к западу от кургана 1, его восточная пола смыкалась с западной полой кургана 1. Высота кургана 2,5–2,7 м.

Исследование кургана 2 велось в границах единого раскопа с насыпью кургана 1. На поверхности каменной наброски были найдены 20 погребений лошадей, расположенных в четыре линии, ориентированные по оси запад – восток. Погребения относятся к скифскому горизонту насыпи, они составляли вместе с каменным склепом кургана 1 единую погребально-поминальную площадку.

Основа кургана 2 представляет собой грунтово-каменную конструкцию эпохи энеолита – раннего бронзового века, которая впоследствии была досыпана

и достроена. Основное погребение раннего кургана было совершено в каменном ящике на древней дневной поверхности. Ящик был засыпан и заложен несколькими слоями известнякового бута, которые сформировали вокруг своеобразное каменное кольцо. Погребение датировано в ИИМК РАН по кости усопшего – 3010–2500 calBC (1σ). После досыпки кургана двумя этапами – в первой и второй половинах II тыс. до н. э. – в него было впущено еще несколько погребений срубной археологической культуры в грунтовых ямах с невыразительным инвентарем – лепными нелощеными горшками баночной формы. Для погребений получены методом радиоуглеродного датирования следующие даты: 1950–1750 calBC (1σ),1535–1300 calBC (1σ), 1410–1230 calBC (1σ). Даты калиброваны в программе OxCal v4.4.4 (*Bronk Ramsey*, 2021). Более детальное описание курганов, погребальных конструкций и инвентаря будет представлено в отдельной публикации.

История изучения курганов с применением естественнонаучных методов насчитывает многие десятилетия. Бóльшая часть исследований связана с привлечением специалистов-почвоведов, что совершенно логично, учитывая, что курганы представляют собой в основном земляные насыпи. Однако применение археоботанических методов (спорово-пыльцевой и фитолитный анализы) может позволить реконструировать растительность, существовавшую на момент сооружения насыпи, и/или выявить конструктивные особенности насыпи (см., например: *Casparie et al.*, 1980; *Barczi et al.*, 2009; *Михаревич и др.*, 2020; *Kurbanova et al.*, 2020).

Цель данного исследования – показать возможности, ограничения и особенности спорово-пыльцевого анализа при изучении курганов на примере Туак-Оба 1 и 2.

Материалы и методы

Проанализировано 10 образцов из кургана Туак-Оба 1 (рис. 1: *а*):

№ 1 – погребенная почва под телом кургана (западный борт сектора 2), с четкой ровной верхней границей;

№ 2–9 – отобраны в северном борту сектора 4:

№ 2 – погребенная почва, верхняя граница нечеткая;

№ 3–8 – грунт из курганной насыпи:

№ 9 – грунт из-под каменной выкладки;

№ 10 – грунт над каменной выкладкой (западный борт сектора 4).

В кургане Туак-Оба 2 также отобрано 10 образцов (рис. 1: *б*):

№ 1–3 – погребенная почва;

№ 4–6 – из курганной насыпи;

№ 7 и 8 – из-под и над каменной выкладкой середины II тыс. до н. э.;

№ 9 и 10 – из-под и над каменной выкладкой скифского времени.

Для понимания того, как состав растительности отражается в спорово-пыльцевых спектрах, в окрестности курганов отобрана поверхностная проба современной почвы (верхние 0,5–1 см) – образец № 11 (на всех диаграммах).

Палинологический анализ. Из отобранного грунта пыльца и споры в лабораторных условиях выделялись согласно стандартной сепарационной методике

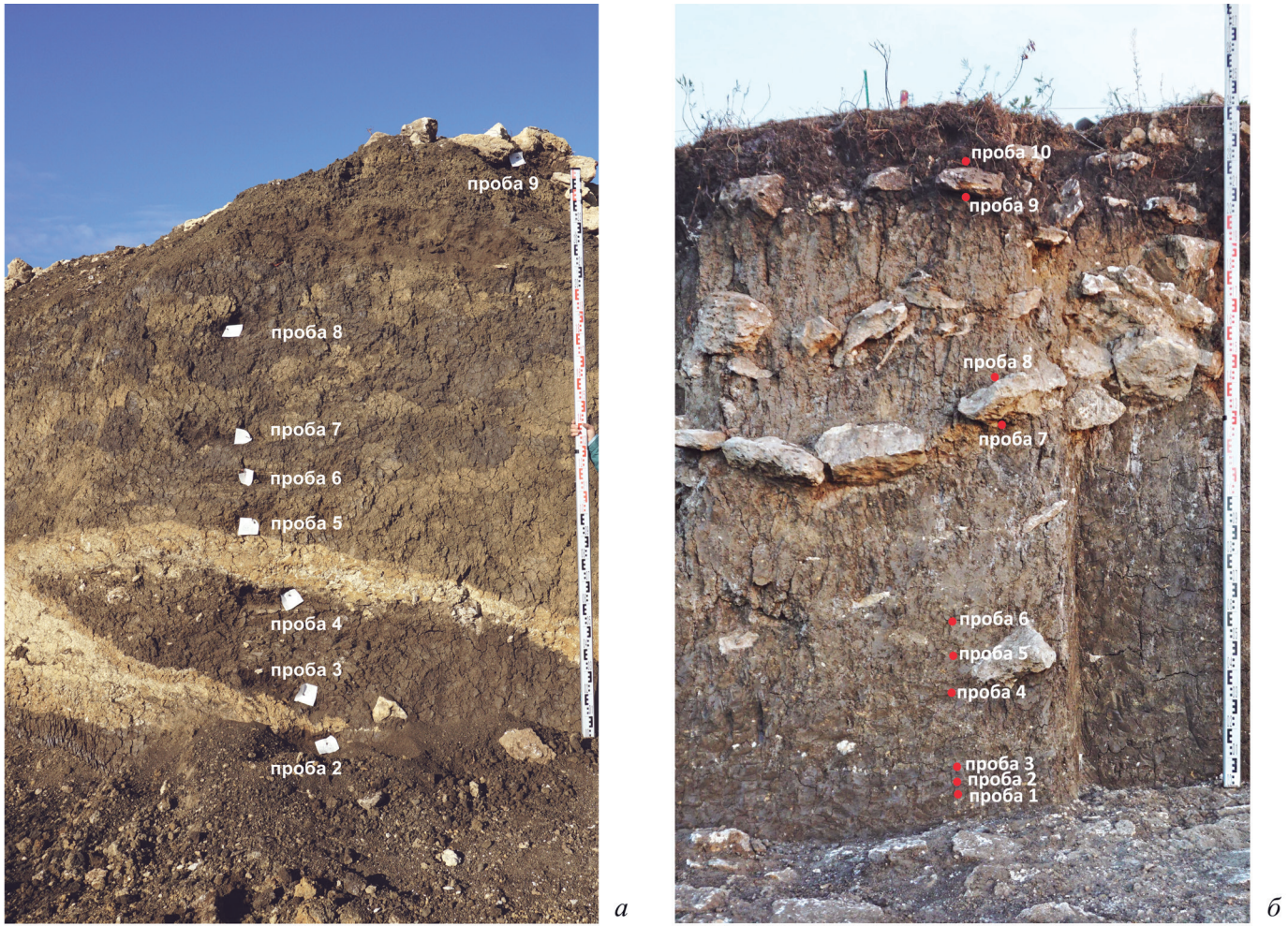

Рис. 1. Место отбора образцов в курганах Туак-Оба 1 (*а*) и Туак-Оба 2 (*б*)

В. П. Гричука (Пыльцевой анализ…, 1950. С. 32–35). Образцы (50 г) обрабатывались 10 %-ной соляной кислотой (горячим способом) и 10 %-ным раствором щелочи, промывались дистиллированной водой через сито 250 мкм. Для удаления минеральной фракции использовалась тяжелая жидкость (раствор йодистого кадмия и йодистого калия). Полученный осадок промывался дистиллированной водой и исследовался под микроскопом. Концентрация пыльцы определялась с использованием таблеток, содержащих споры *Lycopodium clavatum* (*Stockmarr*, 1973). При микроскопировании учитывались не только пыльцевые зерна и споры, но и непыльцевые палиноморфы (споры грибов и микроугли). Для расчета процентной доли пыльцы за 100 % принималась сумма пыльцевых зерен древесных и травянистых растений. В каждом образце подсчитано не менее 300 пыльцевых зерен. Диаграммы построены в программе Tilia 2.6.1 (*Grimm*, 2019).

Антракологический анализ. В образце № 9 кургана Туак-Оба 2 проведен не только подсчет микрочастиц угля, что во многих случаях является частью спорово-пыльцевого анализа, но и выполнен анализ морфотипов, что позволяет определить основной тип источника угольных частиц. За основу выделения мофротипов взята стандартная классификация углей (*Mustaphi, Pisaric*, 2014), основанная на выделении 27 основных типов, которые делятся на несколько классов: A – преимущественно остатки листьев (и некоторые анатомические фрагменты древесины); B – преимущественно древесина с элементами остатков трав; C – хвоя; D – остатки трав; E – аморфный материал и остатки семян; F – фрагменты корней; G – остекленевшие (витрифицированные) фрагменты. Для анализа также были использованы фотографии различных морфотипов, полученные из растений лесной зоны Евразии (*Feurdean et al.*, 2023; *Feurdean*, 2021). В том же образце, который прошел пробоподготовку для спорово-пыльцевого анализа (№ 9), проанализировано 400 фрагментов микроугля.

Результаты

Палинологические спектры всех образцов характеризуются доминированием злаков (Poaceae) и низкой долей пыльцы древесных пород (2,8–8,7 %), наибольшее разнообразие которых наблюдается в поверхностной пробе (рис. 2: *а*). На диаграммах, согласно кластерному анализу, выделены пыльцевые зоны.

Спорово-пыльцевые спектры зон A и B диаграммы Таук-Оба 1 близки по составу. Зона A охватывает 8 образцов, спектры которых отличаются большей долей злаков, меньшей долей астровых (Asteroideae и Cichorioideae) и маревых (Chenopodioideae) (рис. 1). Концентрация пыльцы в изученных образцах невысокая (рис. 1). Наименьшая концентрация отмечается в образце № 2 (всего 5245 шт./г). Во всех образцах присутствуют аскоспоры и большое количество микроугля (рис. 2: *б*), который максимальных значений достигает в № 7 и 8 образцах (более 100 000 шт./г). В состав спектров образцов № 4, 8 и 9 входят споры копрофильных грибов: *Coniochaeta*, *Podospora*, *Sporormiella* и *Sordaria t*. В образце 9 концентрация этих спор достигает 6000 шт./г, основная доля приходится на *Coniochaeta.* Кроме того, во всех образцах, кроме № 3 и 4, отмечаются микроскопические цисты водоросли *Pseudoschizaea*, концентрация которых в образце № 5 достигает более 2000 шт./г.

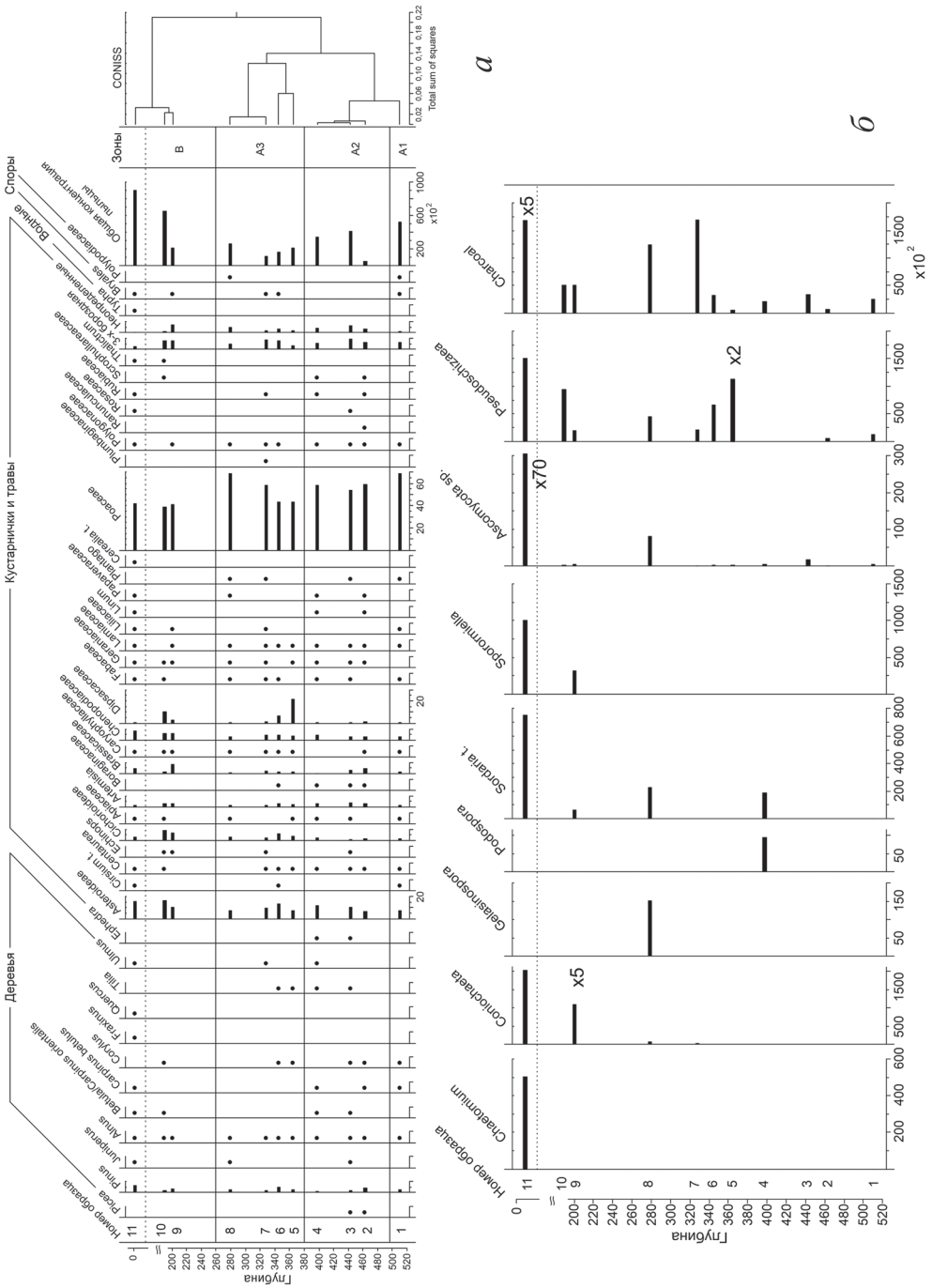

Рис. 2. Результаты спорово-пыльцевого анализа в кургане Туак-Оба 1

а – спорово-пыльцевая диаграмма; *б* – диаграмма непыльцевых палиноморф

На спорово-пыльцевой диаграмме кургана Туак-Оба 2 также выделены две зоны (рис. 3: *а*). Зона А объединяет 2 нижних образца погребенной почвы и отличается от зоны В большей долей злаков и меньшей долей маревых (Chenopodioideae). Образец № 3 хотя и отобран из погребенной почвы, но относится к подзоне В1, как и остальные образцы курганной насыпи. Концентрация пыльцы более низкая, чем в кургане Туак-Оба 1. Аскоспоры и микроугли присутствуют во всех образцах (рис. 3: *б*), но, как и в случае с пыльцой, в меньшей концентрации, чем в первом кургане. Максимальная концентрация микроуглей отмечается в образце № 9 (более 200 000 шт./г). Споры копрофильных грибов (*Coniochaeta* (рис. 4: *а*), *Podospora*, *Sporormiella* и *Sordaria t.*) отмечены в образцах 1, 2, 3, 8, 9 и 10, достигая в образце № 9 максимальных значений (1800 шт./г). В этом же образце присутствуют обожженные комки пыльцы (рис. 4: *б*) и споры *Gelasinospora* (рис. 4: *в*). Микроскопические цисты водоросли *Pseudoschizaea* наличествуют в образцах 3, 5, 8 и 9. Образец № 9 характеризуется максимальным разнообразием непыльцевых палиноморф (рис. 3: *б*).

Поверхностная проба современной почвы отличается от образцов из курганов наибольшей концентрацией пыльцы (89 700 шт./г) и непыльцевых палиноморф, что объясняется лучшей сохранностью.

По результатам изучения микроуглей в образце № 9, отобранном под каменной выкладкой скифского времени в кургане Туак-Оба 2, установлено преобладание морфотипа В3 (55 %); 28 % относится к морфотипу В1 (рис. 4: *д, е*), еще 9 % – D2; 4 % принадлежат типу А3 и по 2 % просмотренных фрагментов – или к типу В2 (рис. 5), или не были отнесены к какому-либо морфотипу.

Обсуждение

Палинологические спектры с небольшой долей пыльцы древесных пород характерны для степной и лесостепной зон (*Новенко и др.*, 2017). Село Мироновка Белогорского района расположено в лесостепи, граничащей со степной частью Крыма (*Cordova et al.*, 2011), поэтому спектр образца поверхностной пробы не противоречит данным по современной растительности изучаемого района.

Почва – сложный природный объект, в котором пыльца и споры (в зависимости от конкретных почвенных и растительных условий) могут разрушаться под воздействием химических и биологических факторов, перемешиваться в результате жизнедеятельности почвенных организмов и перемещаться вниз по профилю (см., например: *Dimbleby*, 1957; *Havinga*, 1967; *Hall*, 1981; *Holloway*, 1989; *Davidson et al.*, 1999; *Lebreton et al.*, 2010). В подавляющем большинстве случаев почвы содержат разновозрастные образования; ценность любого анализа будет зависеть от временного разрешения, требуемого для анализа, и временного периода, представленного комплексом (*Davidson et al.*, 1999). Исключение – погребенная почва (ПП), которая в результате перекрывания дневной поверхности мощным слоем грунта исключается из многих процессов. В таком случае верхний слой ПП (1–2 см) будет ценным источником информации, изучение которого может позволить реконструировать растительность, существовавшую непосредственно в период начала сооружения насыпи. ПП может сохраняться не только под насыпью, но и в самом теле кургана в случае формирования

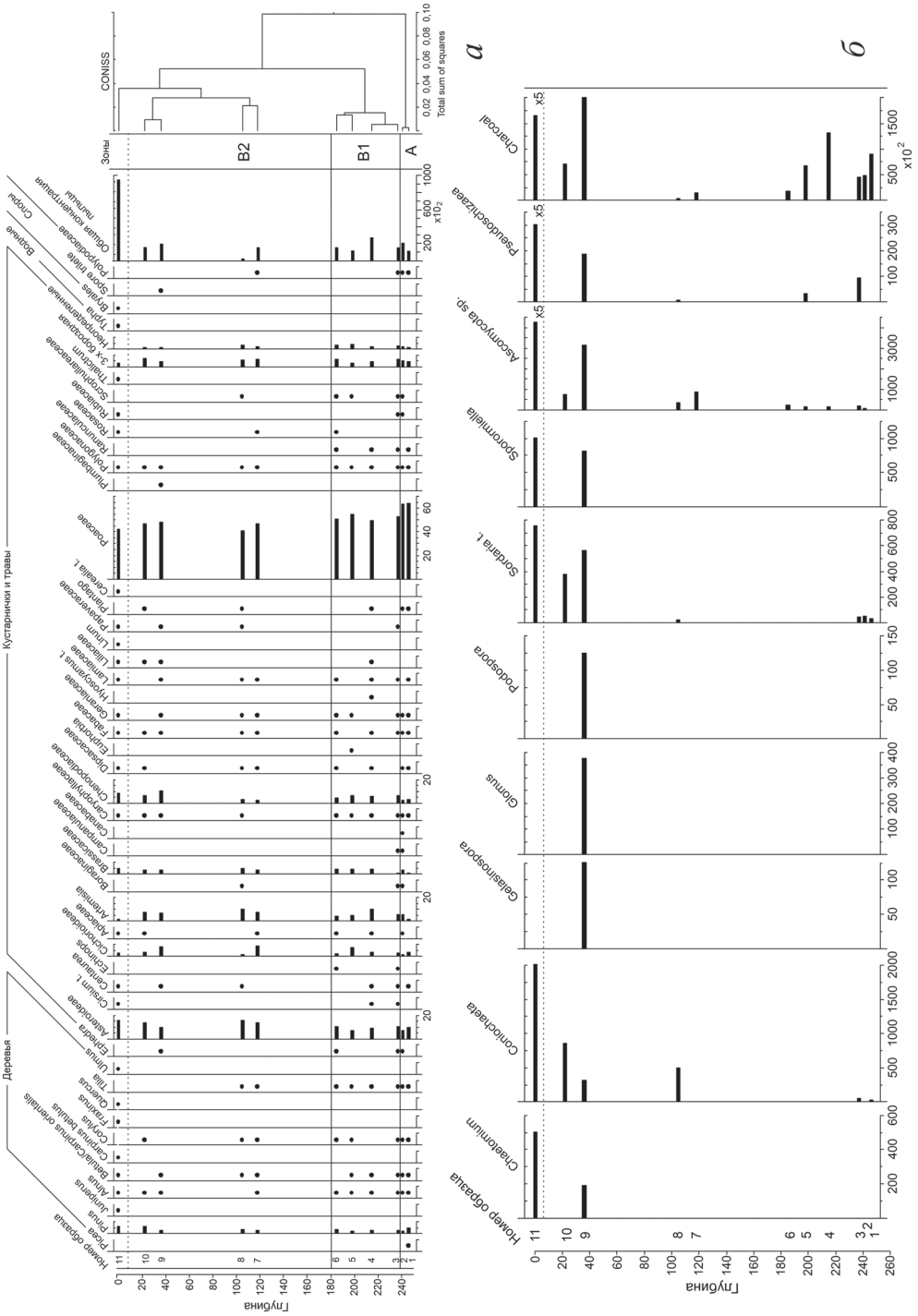

Рис. 3. Результаты спорово-пыльцевого анализа в кургане Туак-Оба 2

а – спорово-пыльцевая диаграмма; *б* – диаграмма непыльцевых палиноморф

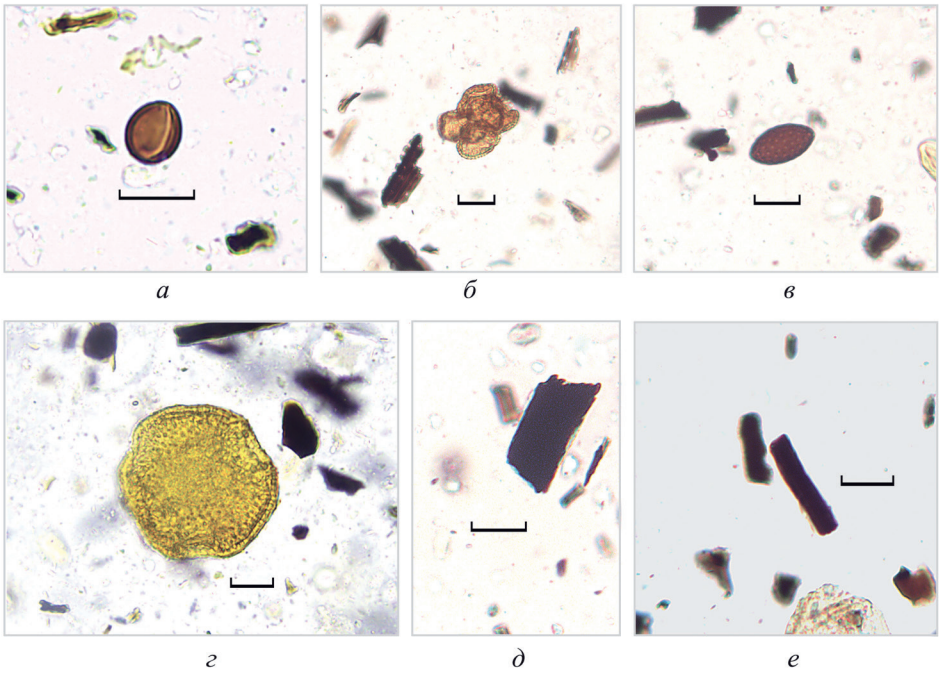

Рис. 4. Микрофотографии пыльцы и непыльцевых палиноморф

а – *Coniochaeta*; *б* – комок пыльцы Brassicaceae; *в* – *Gelasinospora*; *г* – Dipsacaceae; *д*, *е* – микроугли, морфотип B1. Масштабный отрезок 15 мкм

разновременных слоев насыпи. Хорошим индикатором присутствия ПП является высокая концентрация пыльцы (*Dimbleby*, 1985. С. 71–88). Однако следует учитывать случаи, когда верхние сантиметры ПП могут изыматься или нарушаться при подготовке места погребения или сооружении конструкций.

Реконструкция растительности и особенности строительства. В обоих курганах отобраны образцы из погребенной почвы, следовательно, можно попытаться восстановить палеообстановку в первой половине III тыс. и последней четверти IV в. до н. э. Придерживаясь хронологического порядка, следует рассмотреть в первую очередь спорово-пыльцевые спектры Туак-Оба 2. Верхний образец погребенной почвы (№ 3) отличается от двух нижних более низкой концентрацией и больше схож с вышележащим образцом из насыпи (рис. 3: *а*). Это может указывать или на нарушение верхнего слоя ПП при сооружении погребального ящика, или о попадании грунта насыпи в этот образец при пробоотборе, что наиболее вероятно, так как ПП не имела четкой границы и спорово-пыльцевой спектр схож с вышележащим образцом № 4. Концентрация пыльцы в образцах зоны А (№ 1 и 2) соответствует нормальному распределению в почве, т. е. в верхнем слое концентрация выше, чем в нижележащем. Таким образом, для реконструкции растительности в первой половине III тыс. до н. э. можно использовать образец № 2. В районе строительства кургана Туак-Оба 2

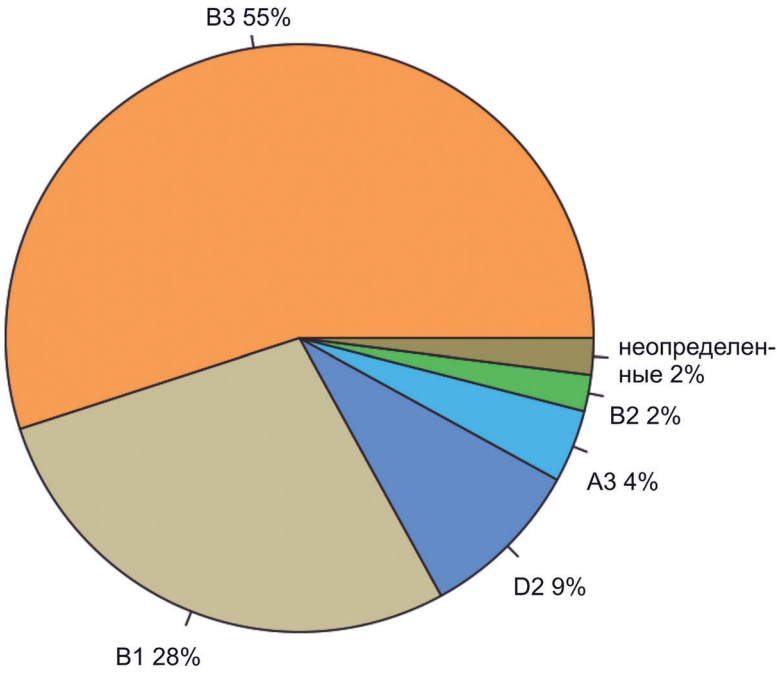

Рис. 5. Распределение морфологических типов микроугля в образце № 9 из кургана Туак-Оба 1

на момент его сооружения преобладала разнотравно-злаковая степь, однако с большей долей злаков (Poaceae) и меньшей долей маревых (Chenopodiaceae) в отличие от современной растительности. Последнее свидетельствует о существовании более влажных условий более 4500 лет назад. Данное предположение не противоречит результатам спорово-пыльцевого анализа донных отложений Азовского моря (*Матишов и др.*, 2018) и почвы, изученной на Крымском полуострове (*Cordova, Lehman*, 2005).

По археологическим данным, курганная насыпь возводилась как минимум в три приема (два раза в бронзовом веке и один раз в скифское время), следовательно, ПП, как отмечалось выше, может присутствовать и в самой насыпи кургана. Образец № 4 (рис. 3: *а*) выделяется повышенной концентрацией пыльцы, что вероятно указывает на период, когда эта поверхность стояла открытой, так как должен был успеть сформироваться растительный покров. Стратиграфически граница насыпи не прослеживается. Возможно, это из-за того, что поверхность кургана стояла открытой относительно непродолжительное время (несколько лет). Если предположение верно, в таком случае подсчет концентрации пыльцы является дополнительным инструментом для выделения этапов строительства насыпи.

Проба № 7, отобранная под каменной выкладкой второго этапа строительства (во второй половине II тыс. до н. э.), значительно превышает по концентрации

пыльцы следующий образец, отобранный над камнями и относящийся к следующему этапу строительства кургана. Спорово-пыльцевые спектры образцов № 4 и 7 схожи и занимают промежуточное положение по доле злаков и маревых между современным образцом и ПП (№ 2). Если сделанные предположения верны, то, вероятно, каменные выкладки делались не сразу после насыпки и/или досыпки кургана.

Третий этап строительства также маркирует каменная выкладка, под которой погребены лошади скифского времени. Спорово-пыльцевые спектры и концентрация образцов (№ 9 и 10), отобранных под и над камнями, сходны, свидетельствуя о том, что растительный покров не успел сформироваться, прежде чем были уложены камни. Высокая концентрация микроугля в образце № 9 (рис. 3: *б*) неслучайна. Согласно классификации, установлено, что с большой долей вероятности морфологические типы A3, B1, B2, B3, в сумме дающие 89 % от всех определений, принадлежат к фрагментам тканей древесины. И лишь морфотип D2 (9 %) интерпретируется как фрагменты листьев трав. Следовательно, в спектре микроуглей изученного образца преобладают фрагменты древесины (рис. 5). Учитывая расположение памятника в степной/лесостепной зоне, что исключает попадание большого количества древесных остатков случайным образом, можно предположить разведение погребального костра на вершине кургана. Однако отсутствие зафиксированных археологически прокаленных поверхностей, следов и пятен гари в границах раскопа показывает, что, возможно, в ходе погребальной церемонии на стороне (например, по кругу насыпи) могли зажигать крупные костры. Последнее могло входить в программу обширной поминальной тризны – традиционной при погребении элиты скифских племенных объединений, подразумевавшей употребление значительного количества вина, мяса и принесение человеческих и животных жертв. Таким образом, можно говорить о намеренном перенесении золы на вершину кургана Туак-Оба 2 после захоронения лошадей.

Интересно отметить, что в этом же образце (№ 9) присутствуют копрофильные аскоспоры (рис. 3: *б*) и обожженные комки пыльцы энтомофильных растений (рис. 4: *б*), что указывает на использование навоза в качестве топлива и/или в ритуальных целях. В пользу последнего можно привести пример факта наличия навоза в нескольких курильницах скифских погребений III–II вв. до н. э. (левобережье Нижнего Днестра) (*Бабенко и др.*, 2025а).

Среди непыльцевых палиноморф в образце № 9 также обнаружены споры пирофильного гриба *Gelasinospora* (рис. 3: *б*; 4: *в*), который является индикатором локальных пожаров (*Blackford et al.*, 2006; *Li et al.*, 2024), споры *Glomus* и цисты водоросли *Pseudoschizaea.* Наличие в образце этих таксонов может свидетельствовать об усилении эрозионных процессов (*Pantaléon-Cano et al.*, 2003; *Morellon et al.*, 2016; *Li et al.*, 2024). Последнее указывает, возможно, на то, что камни поверх углей были выложены не сразу. Можно предположить, что в таком виде курган мог стоять до следующего вегетационного периода.

В кургане Туак-Оба 1 два образца, отобранные из ПП, значительно отличаются по концентрации пыльцы. Образец № 2, характеризующийся низкими значениями (рис. 2: *а*), указывает на нарушение верхнего слоя ПП при строительстве каменного склепа, тогда как спорово-пыльцевой спектр образца № 1,

наиболее вероятно, отражает природные условия, существовавшие до сооружения кургана. Следовательно, как и в современное, в скифское время в районе курганов Туак-Оба доминировала разнотравно-злаковая степь. Однако бóльшая доля злаков и меньшая доля маревых в образце из ПП, по сравнению с поверхностной пробой, может свидетельствовать о более влажных условиях, существовавших до сооружения кургана (последняя четв. IV в. до н. э.), что не противоречит литературным данным (*Матишов и др.*, 2018).

Отсутствие пиков концентрации пыльцы в изученных образцах кургана Туак-Оба 1 (кроме ПП) свидетельствует о единомоментном строительстве курганной насыпи без больших перерывов. Это же относится и к сооружению каменной выкладки.

Сезон погребения. При изучении могильников установить сезон погребения удается крайне редко. В некоторых случаях можно использовать анализа ростовых слоев в зубном цементе животных (см., например: *Прилепская, Энговатова*, 2021). На сезон погребения могут иногда указывать растительные компоненты курильниц, сосудов или амулетных мешочков (*Бабенко и др.*, 2021; 2025а; 2025б). Еще более редкие случаи – определение сезона по органогенной (навозной) прослойке, обнаруженной в кургане (*Бабенко*, 2022). Однако есть возможность установить месяцы, в которых, наиболее вероятно, было совершено погребение, по спорово-пыльцевым спектрам самой курганной насыпи. В кургане Туак-Оба 1 определить сезон сооружения кургана может позволить большая доля пыльцы растений-представителей ворсянковых (Dipsacaceae) (рис. 4: *г*) в образцах № 5, 6 и 10 (рис. 2: *а*). Высокая доля пыльцы насекомоопыляемых растений в спектрах может быть связана как с присутствием навоза в образцах, о чем свидетельствует наличие спор копрофильных грибов и комков пыльцы, так и являться следствием попадания в почву цветущих растений при сооружении насыпи кургана. В образце № 5 доля пыльцы ворсянковых составляет 22 %, а при этом отсутствуют споры копрофильных грибов (рис. 2: *а, б*). Следовательно, можно предположить, что большая доля пыльцы этого таксона, вероятнее всего, связана с попаданием цветущих растений во время сооружения насыпи. В Белогорском районе произрастает 8 видов растений семейства Dipsacaceae (Определитель высших…, 1972 С. 457–460). Пыльцевые зерна этих растений схожи (https://www.paldat.org), поэтому определение до вида не представляется возможным. Основная часть видов (89,5 %) цветет в июне – августе (Там же. С. 457–460), следовательно, курган был насыпан в летнее время.

Выпас и степные пожары. Присутствие в образцах спор копрофильных грибов, которые прорастают на помете травоядных (*Krug et al.*, 2004), указывает на использование об использовании территории в районе курганов для выпаса скота. Высокая концентрация микроугля в почве является, вероятнее всего, свидетельством природных или антропогенных пожаров (Степные пожары…, 2015). Данное предположение основывается на анализе поверхностной пробы, в которой присутствуют копрофильные аскоспоры, а концентрация микроуглей достигает 825 600 шт./г. В этой пробе, как и в других образцах, встречается обожженная пыльца. Наличие в образцах цист водоросли *Pseudoschizaea* свидетельствует об усилении эрозионных процессов, возникающих в нашем случае, вероятно, из-за выпаса и/или пожаров.

Заключение

Проведенный спорово-пыльцевой анализ образцов из курганов Туак-Оба показал необходимость подсчета концентрации пыльцы для оценки сохранности ПП и ее выявлению в насыпи кургана. Особенно это важно при изучении памятников на территории, где не было резких изменений в фитоценозах и спорово-пыльцевые спектры отличаются незначительно. Все изученные спектры указывают на произрастание разнотравно-злаковых степных фитоценозов в окрестности курганов начиная с эпохи бронзы и заканчивая современными условиями. Незначительное отличие заключается лишь в соотношении доли пыльцы злаков и маревых, отражающее более влажные условия на момент сооружения курганов (по сравнению с современными). Концентрация пыльцы в образцах из Туак-Оба 2, сооруженного в эпоху бронзы, значительно ниже, чем в Туак-Оба 1, даже в ПП. Это указывает на разрушение пыльцевых зерен со временем.

Каменными выкладки укладывались, вероятнее всего, не сразу после сооружения и/или достраивания курганной насыпи. Исключение составляет каменная выкладка над курганом Туак-Оба 1, что, возможно, объясняется принадлежностью погребенного к скифской элите.

Отбор образцов из насыпи кургана целесообразен даже при ее единомоментном сооружении. Случайное попадание цветущих энтомофильных растений иногда может стать источником информации о сезоне сооружения насыпи. Большая доля пыльцы ворсянковых, выявленная при изучении образцов из кургана Туак-Оба 1, указывает на возведение курганной насыпи в летние месяцы.

При учете непыльцевых палиноморф в спорово-пыльцевых спектрах можно не только получить данные об использовании территории для выпаса скота, но и определить ритуальные практики (например, разведение погребального костра, следы которого не были зафиксированы во время раскопок). Анализ морфотипов микрочастиц угля указывает на использование древесного топлива. В представленной работе удалось установить, что высокая концентрация микрочастиц угля под каменной выкладкой скифского времени в кургане Туак-Оба 2 неслучайна, так как преобладание остатков древесного топлива на кургане не могло появиться вследствие степных пожаров, которые нередки и в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко А. Н., 2022. Органогенная прослойка кургана 5 (Чимишлийский район, Республика Молдова): состав и происхождение // КСИА. № 269. С. 320–334.

Бабенко А. Н., Албегова З. Х., Успенский П. С., 2021. Палинологические исследования артефактов из катакомб № 97 и 98 Даргавского могильника: анализ и интерпретация // КСИА. № 263. С. 91–104.

Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю., Гриценко Л. Н., Белоносова В. А., Синика В. С., 2025а. Комплексное изучение органического содержимого курильниц из скифских погребений III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // SP. № 3. С. 199–220.

Бабенко А. Н., Шашков М. В., С. Н. Разумов, Паткевич Д. Ф., Синика В. С., 2025б. Реконструкция содержимого сосудов бронзового века из погребений на левобережье Нижнего Днестра (первые результаты) // SP. № 3. С. 135–153.

Гаврилов А. В., 2010. Курганы Юго-Восточного Крыма // SP. №3. С. 261–280.
Матишов Г. Г., Дюжова К. В., Новенко Е. Ю., 2018. Изменение ландшафтно-климатических условий Приазовья в среднем и позднем голоцене // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 67–78.
Михаревич М. В., Мыглан В. С., Приходько В. Е., 2020. Реконструкция климата и ландшафтов средневековья на основе палинологического изучения подкурганных почв и дендрохронологических данных Алтая // Почвоведение. № 5. С. 519–534.
Новенко Е. Ю., Мазей Н. Г., Зерницкая В. П., 2017. Рецентные спорово-пыльцевые спектры заповедных территорий европейской части России как ключ к интерпретации результатов палеоэкологических исследований // Заповедная наука. № 3. 2 (2). С. 55–65.
Определитель высших растений Крыма. Л.: Наука, 1972. 550 с.
Прилепская Н. Е., Энговатова А. В., 2021. Определение сезона смерти копытных из санитарных захоронений XIII века в Ярославле с помощью анализа ростовых слоев в зубном цементе // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 141–146.
Пыльцевой анализ. М.: Госгеолиздат, 1950. 540 с.
Степные пожары и управление пожарной ситуацией в степных ООПТ: экологические и природоохранные аспекты. Аналитический обзор. М.: Центр охраны дикой природы, 2015. 144 с.
Шкрибляк И. И., 2021. Каменный склеп в кургане Туак-Оба: архитектурная концепция и строительство // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф. Севастополь. С. 363–369.
Шкрибляк И. И., 2024. Скифские древности Центрального Крыма V–IV вв. до н. э.: исследования последних десятилетий // КСИА. № 275. С. 257–274.

Barczi A., Golyeva A. A., Pető Á., 2009. Palaeoenvironmental reconstruction of Hungarian kurgans on the basis of the examination of palaeosoils and phytolith analysis // QI. Vol. 193. Iss. 1–2. P. 49–60.
Blackford J. J., Innes J. B., Hatton J. J., Caseldine C. J., 2006. Mid-Holocene environmental change at Black Ridge Brook, Dartmoor, SW England: A new appraisal based on fungal spore analysis // RPP. Vol. 141. P. 189–201.
Bronk Ramsey C., 2021. OxCal 4.4.4. [Электронный ресурс]. URL: https://c14.arch.ox.ac.uk/ (дата обращения: 20.10.2025).
Casparie W. A., Groenman-van Waateringe W., 1980. Palynological analysis of Dutch barrows // Palaeohistoria. Iss. 22. P. 7–66.
Cordova C. E., Gerasimenko N. P., Lehman P. H., Kliukin A. A., 2011. Late Pleistocene and Holocene paleoenvironments of Crimea: Pollen, soils, geomorphology and geoarchaeology // Geological Society of America Special Papers. Vol. 473. P. 133–164.
Cordova C. E., Lehman P. H., 2005. Holocene environmental change in southwestern Crimea (Ukraine) in pollen and soil records // The Holocene. Vol. 15. Iss. 2. P. 263–277.
Davidson D. A., Carter S., Boag B., Long D., Tipping R., Tyler A., 1999. Analysis of pollen in soils: processes of incorporation and redistribution of pollen in five soil profile types // Soil Biology and Biochemistry. Vol. 31. Iss. 5. P. 643–653.
Dimbleby G. W., 1957. Pollen Analysis of Terrestrial Soils // New Phytologist. Vol. 56. No. 1. P. 12–28.
Dimbleby G. W., 1985. The palynology of archaeological sites. London: Academic Press. 176 p.
Feurdean A., 2021. Experimental production of charcoal morphologies to discriminate fuel source and fire type in the Siberian taiga // Biogeosciences. No. 18. P. 3805–3821.
Feurdean A., Vachula R., Hanganu D., Stobbe A., Gumnior M., 2023. Charcoal morphologies and morphometrics of a Eurasian grass-dominated system for robust interpretation of past fuel and fire type // Biogeosciences. No. 20. P. 5069–5085.
Grimm E. C., 2019. TILIA 2.6.1 version (computer software). Illinois State Museum.
Hall S. A., 1981. Deteriorated pollen grains and the interpretation of Quaternary pollen diagrams // RPP. Vol. 32. P.193–206.
Havinga A. J., 1967. Palynology and pollen preservation // RPP. Vol. 2. P. 81–98.
Holloway R. G., 1989. Experimental mechanical pollen degradation and its application to Quaternary age deposits // The Texas Journal of Science. Vol. 41. No. 2. P. 131–145.

Krug J. C., Benny G. L., Keller H. W., 2004. Coprophilous Fungi // Biodiversity of Fungi: Inventory and Monitoring Methods / Eds.: G. M. Mueller, G. F. Bills, M. S. Foster. Amsterdam: Elsevier. P. 467–499.

Kurbanova F., Puzanova T., Rudenko O., Starodubtsev G., 2020. Dataset on the soils of medieval archaeological monuments in the forest-steppe zone of the East European plain // Data in Brief. Vol. 30. P. 105555.

Lebreton V., Messager E., Marquer L., Renault-Miskovsky J., 2010. A neotaphonomic experiment in pollen oxidation and its implications for archaeopalynology // RPP. Vol. 162. P. 29–38.

Li H., Xu D., Li C., Cui A., Dong Y., Zuo X., Wang C., Wu N., Lu H., 2024. 3600 years of human adaptation to drought intensification on the southern Tibetan Plateau // Communications Earth and Environment. Vol. 5. P. 579.

Morellon M., Sinopoli G., Izdebski A., Sadori L., Anselmetti F., Hodges R., Regattieri E., Wagner B., Brushulli B., Ariztegui D., 2016. Environment, Climate and Society in Roman and Byzantine Butrint // Late Antique Archaeology. Vol. 12. No. 1. P. 3–17.

Mustaphi C., Pisaric M., 2014. A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments // Progress in Physical Geography: Earth and Environment. No. 38. P. 734–754.

Pantaléon-Cano J., Yll E. I., Pérez-Obiol R., Roure J. M., 2003. Palynological evidence for vegetational history in semi-arid areas of the Western Mediterranean (Almería, Spain) // The Holocene. Vol. 13. Iss. 1. P.109–119.

Stockmarr J., 1973. Determination of spore concentration with an electronic particle counter // Danmarks Geologiske Undersogelse. Arbog 1972. P. 87–89.

Сведения об авторах

Бабенко Анна Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mnemosina_a@mail.ru;

Шкрибляк Ирина Ивановна, Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», ул. Археологическая, 1, Симферополь, Россия; e-mail: vejde_v_l@mail.ru;

Куприянов Дмитрий Александрович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: dmitriykupriyanov1994@yandex.ru

A. N. Babenko, I. I. Shkriblyak, D. A. Kupriyanov

THE ARCHAEOBOTANICAL STUDIES OF THE TUAK-OBA 1 AND TUAK-OBA 2 BURIAL MOUNDS NEAR THE MIRONOVKA VILLAGE IN THE BELOGORSK DISTRICT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Abstract. The Tuak-Oba burial mound group consisting of two burial mounds is located in the Belogorsk district, the Republic of Crimea. The Tuak-Oba-1 funerary assemblage is dated to the last quarter of the IV century BC. Burial mound 2 is dated to the Bronze Age (first half of the III – end of the II millennia calBC). The upper part of the burial mound yielded horse burials dating to the Scythian horizon of the mound. To perform pollen analysis, 10 samples were selected from each burial mound. The estimation of the pollen concentration made it possible to assess preservation conditions of the buried soil and determine the stages of earth filling in burial mound 2. Burial mound 1 was constructed with no subsequent additions. The pollen spectra of the buried soil suggest that when the mounds were built the conditions were more humid (compared with the modern conditions) and mixed grasses and gramineous plant associations grew near

the kurgans. The presence of coprophilous fungal spores in the spectra means that the area was used for animal grazing; the presence of microcharcoal suggests steppe fires, while the presence of *Glomus* spores and *Pseudoschizaea* cysts points to erosion caused by the said processes. The analysis of the morphotypes of the microcharcoal sample selected beneath stone piles of the Scythian period in burial mound 2 suggests that the funeral bonfire was made near the burial mounds and that the resulting ash was then carried to the top of the mound after the burial of horses. A greater percentage of the pollen from entomophilous plants (Dipsacaceae) at Tuak-Oba 1 can be explained by the season when the mound was constructed, which is summer.

Keywords: kurgan, Tuak-Oba, archaeopalynology, anthracology, buried soil, Crimea.

REFERENCES

Babenko A. N., 2022. Organogennaya prosloyka kurgana 5 (Chimishliyskiy rayon, Respublika Moldova): sostav i proiskhozhdenie [Organogenic layer in kurgan 5 (Chimishliya district, Republic of Moldova): composition and origin]. *KSIA*, 269, pp. 320–334.

Babenko A. N., Albegova Z. Kh., Uspenskiy P. S., 2021. Palinologicheskie issledovaniya artefaktov iz katakomb № 97 i 98 Dargavskogo mogilnika: analiz i interpretatsiya [Palynological studies of artifacts from catacombs No. 97 and No. 98 from Dargavs cemetery: analysis and interpretation]. *KSIA*, 263, pp. 91–104.

Babenko A. N., Sergeev A. Yu., Gritsenko L. N., Belonosova V. A., Sinica V. S., 2025a. Kompleksnoe izuchenie organicheskogo soderzhimogo kurilnits iz skifskikh pogrebeniy III–II vv. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Comprehensive study of organic contents of incense burners from Scythian burials of III–II cc. BC on left bank of Lower Dniester]. *SP*, 3, pp. 199–220.

Babenko A. N., Shashkov M. V., Razumov S. N., Patkevich D. F., Sinica V. S., 2025b. Rekonstruktsiya soderzhimogo sosudov bronzovogo veka iz pogrebeniy na levoberezh'e Nizhnego Dnestra (pervye rezultaty) [Reconstruction of contents of Bronze Age vessels from burials on left bank of Lower Dniester (first results)]. *SP*, 2, pp. 135–153.

Gavrilov A. V., 2010. Kurgany Yugo-Vostochnogo Kryma [Kurgans of Southeastern Crimea]. *SP*, 3, pp. 261–280.

Matishov G. G., Dyuzhova K. V., Novenko E. Yu., 2018. Izmenenie landshaftno-klimaticheskikh usloviy Priazov'ya v srednem i pozdnem golotsene [Changes in landscape and climatic conditions of Azov Sea region in Middle and Late Holocene]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [Bulletin of RAS. Geographical series]*, 3, pp. 67–78.

Mikharevich M. V., Myglan V. S., Prikhod'ko V. E., 2020. Rekonstruktsiya klimata i landshaftov srednevekov'ya na osnove palinologicheskogo izucheniya podkurgannykh pochv i dendrokhronologicheskikh dannykh Altaya [Reconstruction of climate and landscapes in Middle Ages based on palynological study of buried soils and dendrochronological data from Altai]. *Pochvovedenie [Soil science]*, 5, pp. 519–534.

Novenko E. Yu., Mazey N. G., Zernitskaya V. P., 2017. Retsentnye sporovo-pyltsevye spektry zapovednykh territoriy evropeyskoy chasti Rossii kak klyuch k interpretatsii rezul'tatov paleoekologicheskikh issledovaniy [Recent spore-pollen spectra of reserved areas in European part of Russia as a key to the interpretation of paleoecological research results]. *Zapovednaya nauka [Reserved science]*, 2 (2), pp. 55–65.

Opredelitel' vysshikh rasteniy Kryma [Determinant of higher plants of Crimea]. Leningrad: Nauka, 1972. 550 p.

Prilepskaya N. E., Engovatova A. V., 2021. Opredelenie sezona smerti kopytnykh iz sanitarnykh zakhoroneniy XIII veka v Yaroslavle s pomoshch'yu analiza rostovykh sloev v zubnom tsemente [Determination of death season of ungulates from 13th-century sanitary graves in Yaroslavl by analyzing growth layers in dental cement]. *AP*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 141–146.

Pyl'tsevoy analiz [Pollen analysis]. Moscow: Gosgeolizdat, 1950. 540 p.

Shkriblyak I. I., 2021. Kamennyy sklep v kurgane Tuak-Oba: arkhitekturnaya kontseptsiya i stroitelstvo [Stone crypt in Tuak-Oba kurgan: architectural concept and construction]. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii [Antique relics of Chersonese: discoveries, finds, theories]*. Sevastopol, pp. 363–369.

Shkriblyak I. I., 2024. Skifskie drevnosti Tsentralnogo Kryma V–IV vv. do n. e.: issledovaniya poslednikh desyatiletiy [Scythian antiquities of Central Crimea in V – IV cc. BC: studies of recent decades]. *KSIA*, 275, pp. 257–274.

Stepnye pozhary i upravlenie pozharnoy situatsiey v stepnykh OOPT: ekologicheskie i prirodookhrannye aspekty. Analiticheskiy obzor [Steppe fires and fire situation management in steppe protected areas: ecological and environmental aspects. Analytical review]. Moscow: Tsentr okhrany dikoy prirody, 2015. 144 p.

About the authors

Babenko Anna N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mnemosina_a@mail.ru;

Shkriblyak Irina I., Historical and Archaeological Museum-Reserve «Naples of Scythia», ul. Arkheologicheskaya, 1, Simferopol, Russian Federation; e-mail: vejde_v_l@mail.ru;

Kupriyanov Dmitriy A., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: dmitriykupriyanov1994@yandex.ru

А. Н. Берлизов, Р. А. Мимоход, Н. И. Сударев, П. С. Успенский

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ВОЛНА 1 С ПРИМЕНЕНИЕМ ГИС (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2016–2018 гг.)[1]

Резюме. В статье исследуются погребальные обряды в захоронениях с оружием могильника Волна 1. Изучение погребальных традиций «воинских» захоронений с учетом их хронологии и локализации, установленных с помощью ГИС, помогает реконструировать развитие отдельных участков некрополя, проанализировать расположение захоронений и на этой основе определить территориальное распределение погребальных традиций. Полученные сведения с учетом археологических данных дают возможность выявить, какие из этих практик могли послужить основой для формирования новых обрядов, а также исследовать динамику изменения погребальных традиций и их распространение в границах некрополя.

Ключевые слова: Волна 1, «воинские» погребения, ГИС, погребальный обряд, некрополь, погребения с лошадьми, сопроводительный инвентарь, кластер.

Введение

С начала полномасштабных раскопок некрополя Волна 1 большой интерес вызывает наличие в захоронениях большого количества предметов вооружения. Самые ранние «воинские» погребения обнаружены на участках некрополя второй половины VI – первой половины V в. до н. э., что выделяет его на фоне синхронных погребальных памятников Боспора, Малой Азии и материковой Греции, где присутствие оружия в целом нехарактерно[2]. Этот факт позволил ряду

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора» № 23-18-00196.

[2] Безусловно, данное утверждение не подразумевает полного отсутствия предметов вооружения во всех эллинских некрополях Малой Азии, материковой и островной Греции. Так, в материковой Греции предметы вооружения фиксируются на отдельных

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.369-387

исследователей рассматривать наличие большого количества предметов вооружения в сочетании с отдельными типами конструкции погребальных сооружений как влияние «варварского» компонента на погребальные обряды и, соответственно, предполагать присутствие негреческого населения в некрополе Волна 1 (*Паромов*, 2019. С. 54–62; *Горончаровский*, 2021. С. 172–173; 2022. С. 190–191; *Гараев*, 2022. С. 137)[3]. С точки зрения иных авторов, само по себе наличие предметов вооружения, пусть и в значительном количестве погребений (в частности, и Волны 1), не может считаться «варварской» особенностью погребальных практик, тем более что оружие достаточно часто встречается и в других некрополях Азиатского Боспора архаического и классического периодов (*Сорокина, Сударев*, 2002. С. 234–241; *Завойкин, Сударев*, 2006. С. 102–103; *Кашаев и др*., 2020. С. 82–96). В некрополях Малой Азии, материковой[4] и островной Греции вооружение представлено не в таком значительном количестве, однако практика положения в захоронения оружия не являлась чем-то неординарным для эллинов и имела достаточно широкое распространение в греческом мире (*Иванов, Сударев*, 2017. С. 181; *Graells i Fabregat*, 2021. P. 169). В некрополях Македонии, Фессалии, Эпире, Элимее, ряде городов Великой Греции оружие продолжает встречаться на протяжении VI–III вв. до н. э., причем наряду с типично греческими предметами вооружения фиксируются и заимствованные. Известны как простые погребения с небольшим набором наступательного вооружения (копья, стрелы, мечи), так и захоронения с оборонительным доспехом – шлемами, щитами, кирасами, боевыми поясами, нагрудниками, кнемидами, полным набором паноплии и т. д. (см. об этом подробнее: *Иванов, Сударев*, 2017. С. 181; *Graells i Fabregat*, 2021. P. 161–174). Отметим, что оружие чаще встречается в периоды нестабильности[5] и в статусных погребениях[6].

Дискуссионность вопроса о погребальных практиках «воинских» захоронений некрополя Волна 1 заставляет рассмотреть его с новых позиций. Особого интереса заслуживают материалы, представленные на участках некрополя, изученного Р. А. Мимоходом и П. С. Успенским в 2016–2018 гг.

участках некрополей Афин (*Morris*, 1996. P. 107–126; *Oikonomou*, 2014. P. 104–126); достаточно широко воинские погребения представлены в архаическом некрополе Коринфа (*Blegen et al*., 1964. P. 95, 200, 215, 254). Среди некрополей Малоазийских центров оружие встречается в архаическом некрополе Самоса (*Boelau*, 1898. Pl. XV. 4). Воинские захоронения в небольшом количестве присутствуют на теосском участке (так называемом «Плоском кладбище») в архаическом некрополе Абдеры (*Koukouli-Chrysanthaki*, 1994. P. 52).

[3] В частности, В. А. Горончаровский связывает с «варварским» влиянием практику возведения сырцовых гробниц (см.: *Горончаровский*, 2022. С. 172).

[4] См., например, Коринф, в котором оружия немного, но присутствуют шлем, обломки мечей, копий, кирас и т. д. (*Blegen et al.*, 1964. P. 95).

[5] Например: в Алерии в период противостояния с объединенными силами этрусков и Карфагена (*Jehasse, Jehasse*, 1973. P. 63–64; 2001. P. 44–49, 79–81) или в Гимере периода войн с Карфагеном (*Bertolino et al.*, 2015. P. 31–33; *Viva et al*., 2020. P. 2, 7–8).

[6] Например: в могилах «Воина» в Гермионе (*Kossyva*, 2021. P. 158, 165; *Papadimitriou*, 2021. Fig. 10: *a, b*), Аргосе (*Σαρρή*, 2018. Σ. 276–278; *Graells i Fabregat*, 2021. P. 168) или в могиле «Тирана» в Метапонте (De Siena, 2008. P. 4–13; *Graells i Fabregat*, 2020. P. 78–113; 2021. P. 168–169).

Материалы и методы исследования

В данной работе, наряду с традиционными методами археологии, использованы статистико-комбинаторные методы (в частности, фактор- и кластер-анализ), дескриптивная статистика, а также методы пространственного изучения материалов с применением геоинформационных систем (ГИС)[7].

На первом этапе исследования с помощью методов многомерного анализа на рассматриваемых участках были выделены несколько групп захоронений (кластеров) со схожими особенностями погребального обряда[8].

Применение ГИС для определения пространственного распределения захоронений позволило на следующем этапе исследования верифицировать наличие в некрополе обособленных участков, на которых располагались захоронения со схожими погребальными традициями.

Традиционные методы использовались на всех этапах работы для сопоставления предметов в наборах сопроводительного инвентаря, обнаруженных в захоронениях.

Были рассмотрены 111 «воинских» погребений, датированных в пределах VI–IV вв. до н. э. Для того чтобы проследить, насколько существенно погребальные практики «воинских» захоронений отличались от иных погребальных традиций, выявленных в некрополе Волна 1, были изучены 264 захоронения V–IV вв. до н. э., в которых предметы вооружения отсутствовали. Одной из наиболее важных особенностей изучаемых участков стало расположение там самых ранних погребений, выявленных в некрополе Волна 1.

Хронология и планиграфия участков, исследованных в 2016–2018 гг.

Исследованный массив захоронений с учетом датировки представленного в них сопроводительного инвентаря целесообразно было разделить на 5 хронологических групп (см. рис. 3).

Следует отметить, что наиболее ранние воинские погребения фиксируются на участках некрополя не позднее конца третьей четверти VI в. до н. э.

Пространственный анализ с применением ГИС показал, что наиболее ранний участок, где были обнаружены захоронения, датированные второй половиной VI – началом V в. до н. э., локализуется в северо-восточной части некрополя (рис. 1). Наиболее ранние захоронения сконцентрированы в северо-восточном секторе участка, исследованного в 2016 г., и на примыкающей к нему юго-восточной части, раскопанной в 2017–2018 гг. Отдельные архаические захоронения обнаружены на значительном удалении от рассматриваемой территории:

[7] Изучение материалов некрополя Волна 1 осуществлялось в проекте «Боспор 2», созданном с использованием программного обеспечения Quantum GIS (версия 3.4). Данный проект со всеми полученными результатами был интегрирован в отечественную ГИС «АКИСИОМА ГИС» (версия 4.5).

[8] Более подробно критерии, позволившие объединить захоронения в группы, рассмотрены в основной части работы.

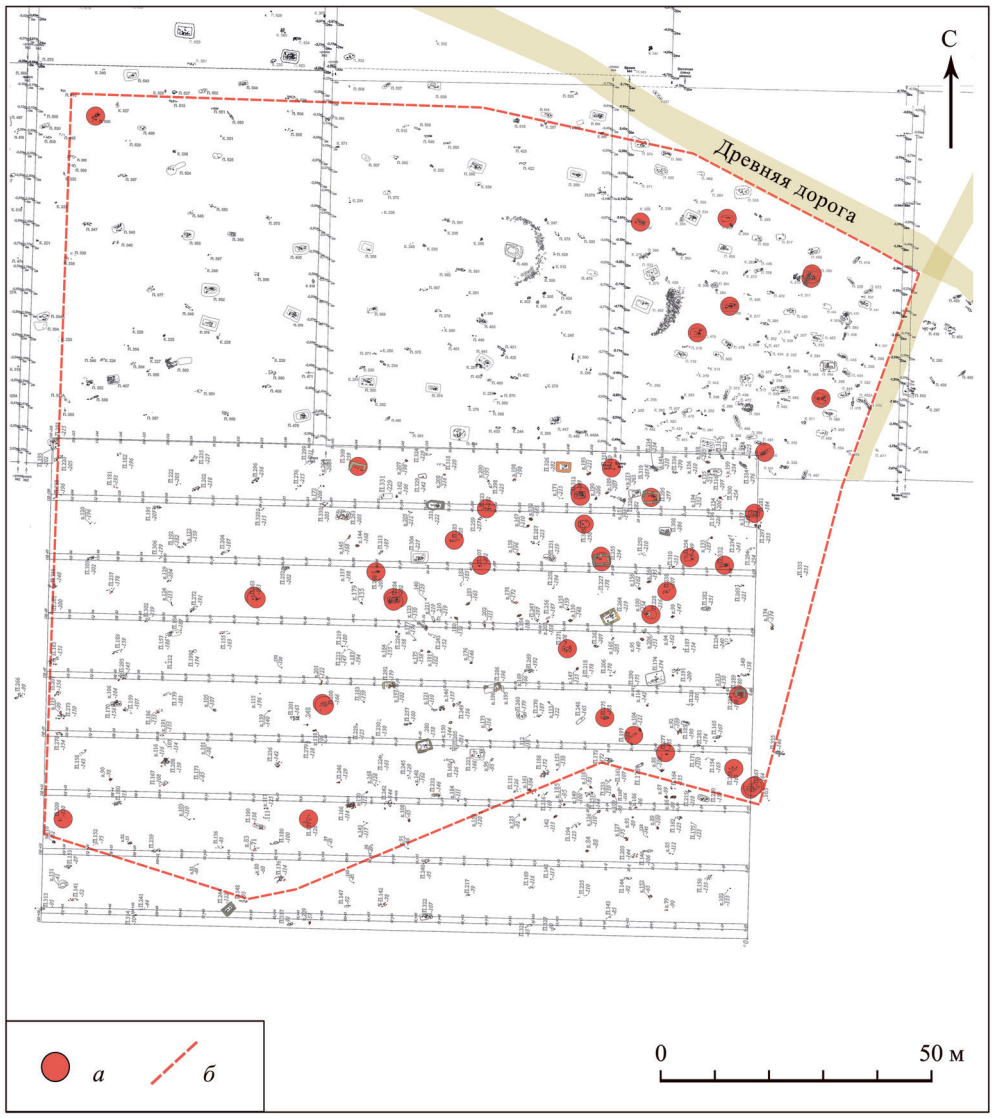

Рис. 1. Территория архаического участка некрополя Волна 1 (по данным о датировке захоронений)

Условные обозначения: *а* – архаическое погребение, вторая половина VI в. до н. э. – начало V в. до н. э.; *б* – предполагаемая граница архаического участка некрополя (по данным о локализации погребений)

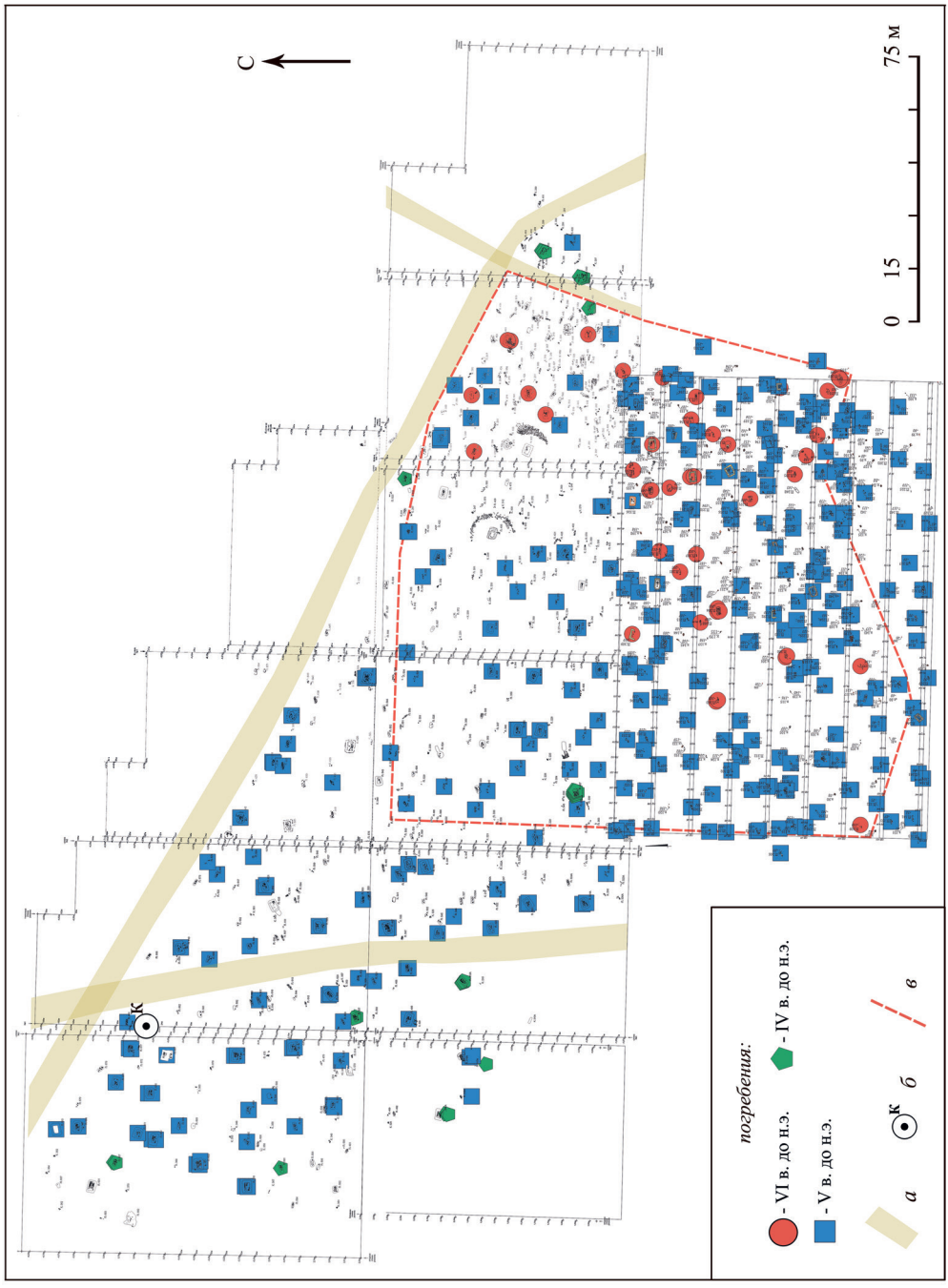
несколько могил – на расстоянии не менее 100 м от места расположения ранних захоронений в направлении на юго-восток, а некоторые – не менее 200 м на северо-запад. Локализация более поздних погребений свидетельствует, что дальнейшее расширение территории некрополя шло по двум направлениям – на северо-запад и на юго-запад, причем этот процесс начался уже на раннем этапе функционирования Волны 1.

Для определения границ архаического некрополя важно было учесть результаты, полученные в 2017–2018 гг. при исследовании двух свободных от погребений и комплексов участков, которые расположены в северной части памятника. Один из них представляет собой полосу шириной 15–16 м, вытянутую с севера на восток. Второй участок (полоса шириной 8–10 м) проходит по юго-восточной окраине исследованной площади с северо-запада на юго-восток. Наличие свободного пространства между захоронениями внутри некрополя позволяет предположить существование древних дорог, которые проходили по территории некрополя, – центральной и боковой. В ходе проведенных работ была обнаружена четко выраженная северная граница некрополя, что может указывать на существование еще одной дороги. Все архаические захоронения фиксируются на территории некрополя, ограниченной участками, свободными от погребений с трех сторон (с севера, запада и востока). С большой долей вероятности эти границы определялись тремя существовавшими в этот период древними дорогами. Наличие дорог на территории исследованного памятника подтверждается и выявленным при раскопках комплексом № 372. Это глубокий колодец времени функционирования могильника (рис. 2). Его расположение прямо у края центральной дороги, маркировавшей западную границу архаического некрополя, хорошо вписывается в древнюю систему привязки колодцев к крупным дорогам и перекресткам дорог.

В V в. до н. э. территория некрополя существенно расширилась в северо-западном направлении, на что указывает возникновение новых участков, локализованных за центральной дорогой, определявшей во второй половине VI – первой половине V в. до н. э. его восточную границу. В IV в. до н. э. захоронения активно продолжают совершаться на участках как за центральной дорогой, так и в первоначальных границах некрополя. Параллельно происходит существенное расширение некрополя на юго-запад (рис. 2).

Результаты изучения «воинских» захоронений с применением ГИС и методов многомерного анализа

Анализ пространственного распределения погребений с оружием второй половины VI – первой половины V в. до н. э., казалось бы, свидетельствует о том, что они равномерно представлены на всей территории архаического некрополя. Аналогичная ситуация прослежена и на других этапах функционирования памятника во второй половине V – IV в. до н. э. Однако эти данные актуальны только без учета особенностей погребальных традиций на рассмотренных участках в различные периоды существования некрополя. В связи с этим на следующем этапе исследования был проведен сравнительный анализ погребальных традиций «воинских» захоронений и погребений, в которых оружие отсутствовало.

С
0
15
75 м
погребения:
- VI в. до н.э.
- V в. до н.э.
- IV в. до н.э.
а
б
в
К

Удалось выявить особенности погребальных практик оставившего некрополь населения, в которых наиболее отчетливо проявлялись сходство и различия обрядов: конструкция погребального сооружения, количество погребенных и вариации их положения, тип и местоположение сосудов, наличие/отсутствие лошадей, набора украшений, мелких «орудий труда» и предметов ритуального назначения в захоронениях.

Присутствие оружия в могилах и состав паноплии при проведении расчетов намеренно не учитывались, поскольку эти факторы неизбежно выступили бы в качестве «информационного шума», существенно искажающего результаты. Специфика набора вооружения принималась во внимание только на этапе интерпретации полученных данных.

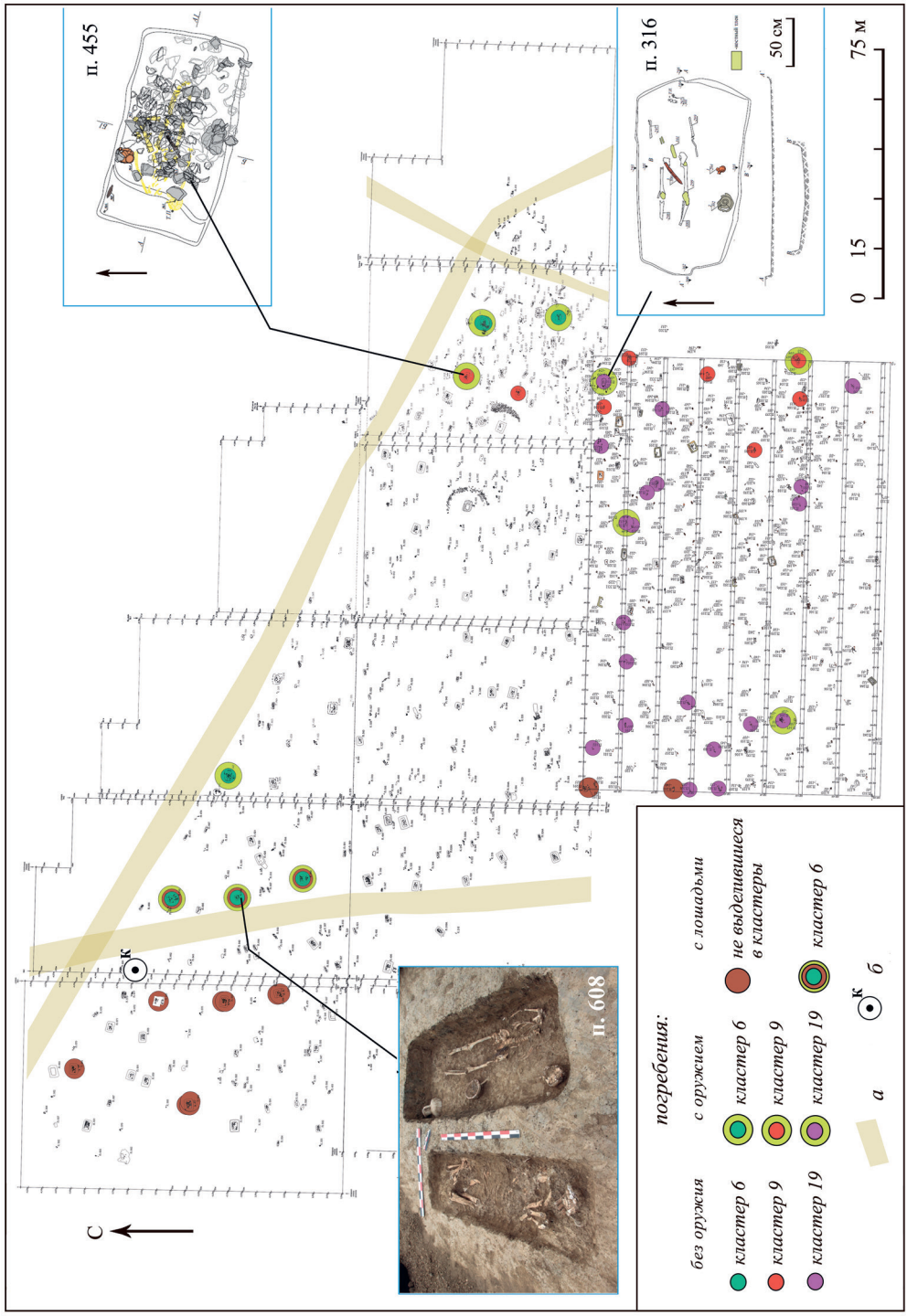
Выделены 23 кластера и 15 погребений, не объединившихся в группы. Эти данные были внесены в ГИС, что дало возможность наглядно продемонстрировать распределение на изучаемых участках захоронений со схожими особенностями погребальных традиций. Наибольший интерес представляет локализация кластеров № 6, 9, 19 (рис. 3; 4)[9].

20 погребений, вошедших в *кластер 19*, занимают северную часть раскопа 2016 г. (в центральной части всей рассматриваемой территории) и образуют две компактные группы в его северо-восточном и северо-западном углах. В 18 захоронениях *кластера 19* погребальные сооружения не прослеживаются, два – осуществлены в прямоугольных грунтовых ямах. Большинство погребений (14 погребенных) – одиночные, меньшая часть (4) – парные. Захороненные ориентированы в восточном секторе и располагаются в вытянутом положении, кости рук вытянуты вдоль туловища, кости ног параллельны друг другу. Во всех могилах присутствует инвентарь. В набор посуды входят один, два, чаще три и более сосудов. Наиболее широко в инвентаре представлены миски (16), реже сосуды для питья (6), кувшины (8), мелкие глиняные сосуды для масел, слез и др. (8). Сосуды располагаются с левой стороны от погребенных либо у их ног. Украшения в рассматриваемой группе почти отсутствуют (только одного умершего сопровождали ручные браслеты). Мелкие «орудия труда» прослежены лишь в двух погребениях: в одном – нож, в другом – игла. В одной могиле зафиксирован фрагмент зеркала. Останки лошадей и предметы ритуального назначения не обнаружены. Примечательно, что наряду с захоронениями без оружия (16)

Рис. 2 (с. 374). Распределение захоронений на исследованных участках в некрополе Волна 1 в VI–IV вв. до н. э.

Условные обозначения: *а* – древние дороги; *б* – колодец античного времени; *в* – предполагаемая граница архаического участка некрополя

[9] Распределение по территории некрополя Волна 1 всех воинских захоронений, объединившихся в кластеры, приведено на рис. 4. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть каждый из 22 выделенных кластеров, в связи с чем в работе представлены лишь те кластеры, при изучении которых были получены наиболее показательные результаты.

п. 455
п. 316
п. 608
С
К
0 15 75 м
50 см
погребения:
с оружием
без оружия
с лошадьми
кластер 6
кластер 9
кластер 19
не выделившиеся в кластеры
кластер 6
кластер 9
кластер 19
кластер 6
а
б

в *кластер 19* вошли и «воинские» захоронения (3). Два из трех погребений с оружием, локализованные в северо-восточном углу исследованного участка, были одиночными. Останки еще одного погребенного с оружием входили в состав парного захоронения, располагавшегося в северо-западной части раскопа. В наборе вооружения в каждом из «воинских» погребений *кластера 19* были представлены исключительно мечи – короткие (акинаки) и длинные. Отметим, что клинковое оружие является наиболее распространенным типом вооружения в некрополе Волна 1. Оно встречается в 70 % «воинских» погребений на всех этапах функционирования рассматриваемых участков.

Значимой для интерпретации полученных данных особенностью погребений, объединенных в *кластер 19*, является их датировка (по набору инвентаря) в пределах второй половины VI – начала V в. до н. э. В связи с этим прослеженная в данной группе захоронений погребальная традиция восходит к началу функционирования некрополя Волна 1.

Не менее показательны результаты изучения распределения по территории некрополя восьми захоронений, образовавших *кластер 9.* Они занимают северо-восточный угол раскопа 2016 г. и юго-восточный угол раскопа 2017–2018 гг., образуя прямую линию, протянувшуюся с севера на юг от древней дороги к центральной части исследованной территории некрополя.

В пяти могилах рассматриваемого кластера погребальные сооружения не прослеживаются, одно захоронение совершено в овальной яме. В двух погребениях (в прямоугольных ямах) зафиксирована наброска из небольших необработанных камней. Почти все захоронения (7) – одиночные, лишь в одном индивид находится рядом с останками трех человек. Общей особенностью, характерной для всех погребений выделенной группы, является вариативность в положении погребенных: большинство из них (6) расположены в вытянутом положении на спине, а кости их рук отведены от туловища. В четырех захоронениях кости ног умерших вытянуты параллельно друг другу, в двух – согнуты ромбом (поза «всадника»). Еще в двух могилах погребенные располагаются в скорченном положении на правом боку: у одного кисти рук подведены к лицу, у другого – кисть правой руки находится у лица, кисть левой руки – на груди, кости ног у обоих умерших согнуты в коленях. Почти все погребенные (7) ориентированы в восточном секторе (в двух погребениях – с отклонением на юг). В одном захоронении умерший расположен головой на северо-запад. В семи захоронениях присутствует инвентарь. Количество сосудов в наборе посуды варьируется: наиболее часто (по 3 погребения) представлены два либо три сосуда. В одном захоронении погребенного сопровождает один сосуд. В большинстве погребений *кластера 9* сосуды обнаружены в ногах либо слева от погребенного, однако в некоторых могилах (3) сосуд располагается справа либо «справа от костей ног

Рис. 3 (с. 376). Локализация погребений кластеров 6, 9, 19 и группы погребений с лошадьми на плане участков, исследованных Сочинской АЭ ИА РАН в 2016–2018 гг.

Условные обозначения: *а* – древние дороги; *б* – колодец античного времени

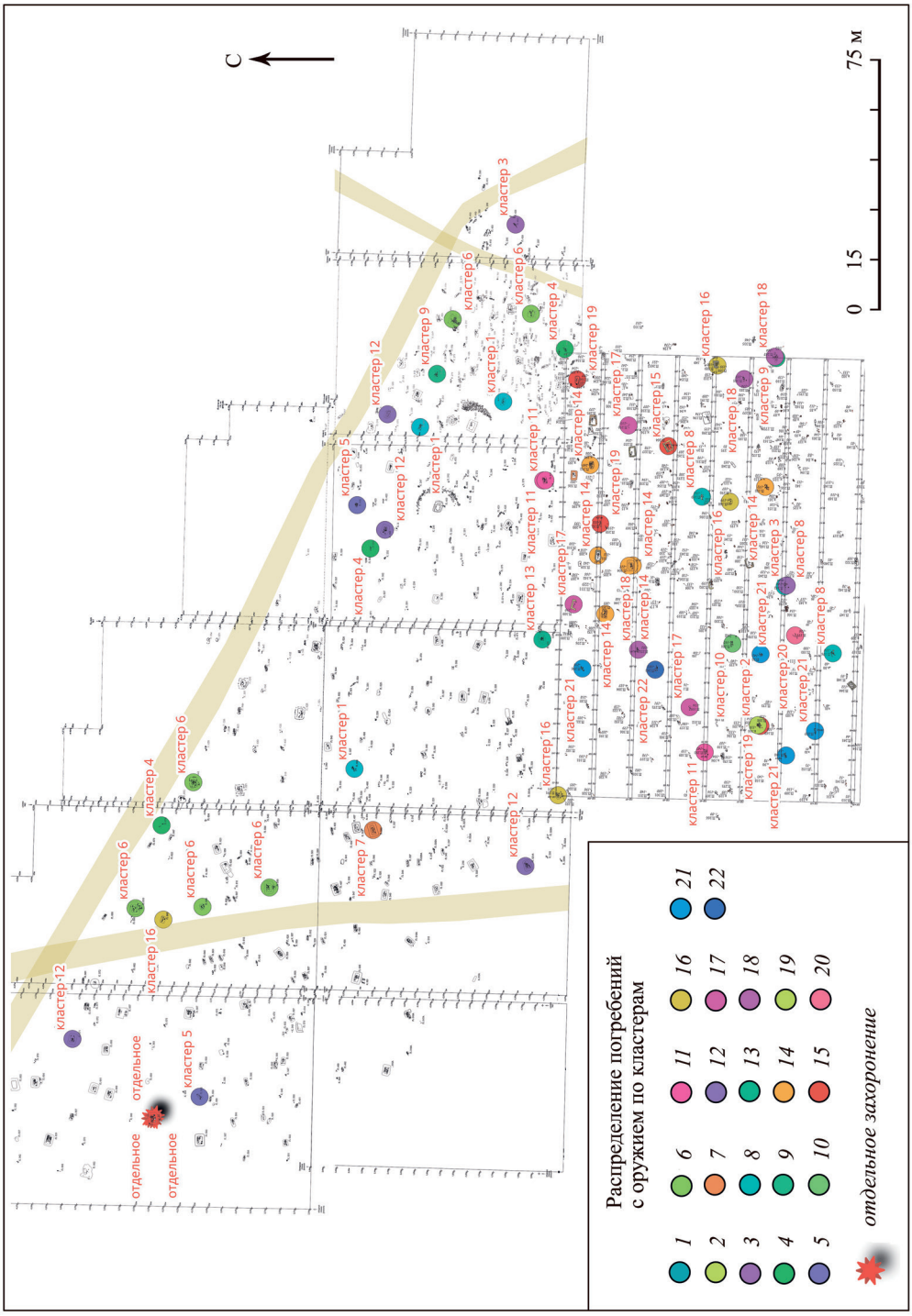

Рис. 4. Распределение воинских погребений VI–IV вв. до н. э. по кластерам на исследованных участках некрополя Волна 1. Цифрами обозначены кластеры с соответствующими номерами

погребенных»[10]. В инвентаре преобладают кувшины (6), реже встречаются сосуды для питья (4) и миски (3). Рядом с одним из умерших найден лепной горшок, еще в одной могиле зафиксирован мелкий глиняный сосуд (для масел, слез и др.). Набор мелких «орудий труда» представлен лишь в одном погребении сочетанием ножа и оселка. Предметы ритуального назначения, зеркала, украшения, а также останки лошадей в захоронениях не обнаружены. В одном погребении выявлены останки жертвенной пищи – кости конечностей КРС.

В *кластере 9* представлены 2 «воинских» погребения, одно из которых располагалось в непосредственной близости от древней дороги, другое находилось от нее на максимальном удалении (в сравнении с другими захоронениями, образовавшими *кластер 9*). В наборе вооружения обоих захоронений были зафиксированы копье и короткий меч (акинак), около одного из погребенных был обнаружен одиночный наконечник стрелы.

Показательно, что датировка всех погребений *кластера 9*, в которых был обнаружен инвентарь, не выходит за пределы второй четверти V в. до н. э. Половина захоронений *кластера 9* (4) датируется третьей четвертью VI в. до н. э., что делает данную группу фактически синхронной захоронениям, выделившимся в *кластер 19*. Важно отметить, что погребения, вошедшие в *кластеры 9* и *19*, не только совершены относительно единовременно, но и локализованы на одном участке некрополя в непосредственной близости друг от друга. При этом в погребальных практиках, прослеженных в этих захоронениях, фиксируются существенные различия.

Самые значимые результаты были получены при анализе пространственного распределения захоронений, выделившихся в *кластер 6*. Погребения образуют на плане исследуемых участков две компактные группы, одна из которых располагается в северо-восточном углу участка, исследованного нами в 2017–2018 гг., в непосредственной близости от места пересечения двух древних дорог (одна из дорог, вероятно, являлась северной границей архаического некрополя, другая – восточной). Вторая группа локализуется на большом удалении от первой – в северо-западной части раскопа недалеко от другого предполагаемого места пересечения дорог, маркирующих северную и, соответственно, западную границы архаического некрополя (рис. 3). Шесть погребений *кластера 6* совершены в сырцовых ящиках, одно – в каменном. В пяти захоронениях под останками выявлена вымостка из сырца, в двух других, наряду с сырцовой вымосткой, прослежен тлен от деревянных досок. Пять погребений – одиночные, в одной могиле вместе погребены два индивида. Большинство умерших (6) расположены вытянуто на спине, в одном погребении положение индивида нарушено в древности. В трех погребениях руки умершего вытянуты вдоль туловища, в двух – положение левой руки не восстанавливается, а правая рука согнута в локте (кистью к туловищу), в двух захоронениях положение рук установить не удалось. В шести могилах прослежено положение костей ног погребенных: в четырех они вытянуты параллельно, в двух – согнуты ромбом (поза «всадника»). В пяти захоронениях умершие ориентированы в восточном секторе,

[10] Такой вариант расположения сосудов соответствует универсальному коду, использованному при анализе материалов некрополя Волна 1.

в двух – в западном. Во всех погребениях представлен сопроводительный инвентарь. В наборе посуды выявлено три (в одном погребении) и более трех сосудов (в 6 погребениях). Их типы и расположение в захоронениях вариативны. Во всех могилах зафиксированы сосуды для питья, большинство из которых находится слева либо «слева от костей ног погребенных»[11]. В одном захоронении сосуд для питья найден справа от умершего. В шести погребениях обнаружены амфоры, которые, как правило, фиксируются у ног умерших и лишь в одной могиле – слева от индивида. В пяти захоронениях встречаются миски, расположенные слева от костей ног (3), слева (1) либо справа (1) от погребенного. Кувшины представлены в двух захоронениях: в одной могиле – слева от погребенного, в другой – справа. Столько же захоронений содержат сосуды для масел, слез и др. (в одном погребении представлен мелкий глиняный сосуд, в другом – стеклянный). В парном погребении обнаружен лепной горшок, расположенный слева от костных останков. Набор металлических сосудов, состоящий из черпака и цедилки, зафиксирован в двух погребениях. Украшения обнаружены в четырех могилах: в трех – ручные браслеты, в одном – перстень. В одном захоронении найдено целое зеркало. Мелкие «орудия труда» – ножи (5), пряслица (3) и оселки (2) – выявлены в пяти погребениях, в одном обнаружена игла. Трех умерших, находившихся в сырцовых ящиках, сопровождали костяки лошадей. Останки лошадей располагались в отдельных ямах, примыкавших к южной стенке основного погребального сооружения. В двух могилах лошади были взнузданы. Предметы ритуального назначения и остатки напутственной пищи не были выявлены. Все погребения, кроме одного женского, находившегося в составе парного захоронения, – «воинские». Погребенных сопровождали мечи, в четырех захоронениях – длинные, в двух – короткие. В четырех могилах обнаружены копья: в трех – несколько копий, в одном – одиночный наконечник копья. В двух захоронениях, наряду с древковым и клинковым вооружением, было зафиксировано большое количество наконечников стрел. Защитное вооружение в погребениях отсутствовало.

Отдельного внимания заслуживает хронология двух выделенных групп погребений. Захоронения, исследованные в северо-восточном углу раскопа в 2017–2018 гг., датируются в пределах второй половины VI в. до н. э., погребения в северо-западной части участка – первой половиной V в. до н. э. При общем сходстве погребальной практики важным отличием между группами является отсутствие останков лошадей в захоронениях второй половины VI в. до н. э. Расположенные в северо-восточной части раскопа погребения *кластера 6* локализуются в непосредственной близости от захоронений, вошедших в *кластеры 9* и *19*, и синхронны им по времени. При этом более поздние захоронения, объединенные в *кластер 6,* локализующиеся в северо-восточной части исследованного нами участка, по ряду особенностей демонстрируют близость с погребениями, расположенными на соседнем участке за древней дорогой, которая, очевидно, являлась западной границей некрополя. Речь идет о небольшой группе, состоящей из 5 захоронений, где умерших сопровождали останки лошадей. Все захоронения этой группы, как и погребения *кластера 6*,

[11] См. примеч. 10.

были совершены в сырцовых ящиках, к южной стене которых примыкали грунтовые ямы, содержавшие останки взнузданных лошадей. Костяки лошадей располагались на левом боку с подогнутыми ногами. Все погребенные этой группы, как и в большинстве захоронений *кластера 6*, ориентированы в восточном секторе, в их наборе инвентаря представлены три и более сосудов. Аналогии между погребальными традициями *кластера 6* и рассматриваемой группы прослеживаются также в наборах посуды, «орудий труда», украшений и расположении сосудов в захоронениях. В изучаемой группе «всадниче ских» захоронений также отсутствуют предметы ритуального назначения и останки мясной пищи.

Различия в погребальных практиках сопоставленных групп захоронений прослеживаются и в количестве погребенных в могиле. Так, три захоронения рассматриваемой группы были коллективными: два – парными, одно – с останками трех человек. Кости рук умерших вытянуты вдоль туловища, кости ног параллельны друг другу, тогда как в захоронениях *кластера 6* положение конечностей погребенных вариативно. В наборе посуды «всадниче ских» погребений, расположенных на участке за дорогой, значительно чаще, чем в могилах *кластера 6*, встречаются туалетные мисочки и солонки, более «богатым» является и набор украшений, в составе которого, наряду с перстнями и ручными браслетами, находятся серьги и ворворки. Часть украшений изготовлена из железа и меди, но встречаются и изделия из серебра. При общем сходстве некоторые различия прослеживаются и в паноплии: в погребениях *кластера 6* зафиксированы лишь различные виды наступательного вооружения, а в группе «всадниче ских» погребений, локализованных за древней дорогой, обнаружено и защитное вооружение – шлем коринфского типа группы «Гермиона». Заслуживает внимания и различие в хронологии сравниваемых погребений. Захоронения с лошадьми, вошедшие *в кластер 6*, датированы в пределах первой – второй четверти V в. до н. э., «всадниче ские» погребения на соседнем участке за древней дорогой датируются третьей – последней четвертью V в. до н. э.

Интерпретация полученных данных

Полученные результаты свидетельствуют о присутствии на одном архаическом участке некрополя Волна 1 по меньшей мере трех групп захоронений с разными погребальными практиками.

По сочетанию таких особенностей, как использование грунтовых ям в качестве погребального сооружения, вытянутое положение индивида в могиле, ориентировка погребенных в восточном секторе, присутствие одного, двух либо трех сосудов в инвентаре, расположение сосудов с левой стороны от останков умершего, погребальные практики *кластера 19* обнаруживают сходство с традициями других эллинских некрополей Боспора, Малой Азии, материковой и островной Греции.

Особенности погребальных обрядов, выделенных в захоронениях *кластера 9* – использование наброски из небольших необработанных камней[12], вариации в положении погребенных в могиле (в том числе встречаемость позы

[12] Подробнее об этой традиции см.: *Мимоход и др.*, 2018. С. 220–223, 229.

скорченно на левом боку), расположение рук и ног захороненных, ориентировка индивидов не в восточном секторе, наличие лепной посуды (горшков) в инвентаре, – находят аналогии в так называемых каменных некрополях, принадлежавших автохтонному населению Синдики.

Сведения о погребальных традициях, датировке захоронений *кластеров 19* и *9* и данные об их локализации, полученные с помощью ГИС, позволяют прийти к выводу, что синхронно в непосредственной близости друг от друга осуществляли захоронения представители двух этнически разных групп населения. Однако нельзя утверждать, что особенности погребальных практик, прослеженных в захоронениях, вошедших в *кластер 6*, часть из которых также локализуется на архаическом участке, обусловлены только влиянием этнического фактора. Погребения в сырцовых и каменных ящиках на клине или вымостке из сырца явно требовали больших трудозатрат, чем захоронения в простых грунтовых ямах. Кроме того, погребенных в таких могилах сопровождал достаточно обильный инвентарь. В большинстве захоронений представлен полный набор предметов вооружения. Все это может указывать на принадлежность данной группы погребенных к нерядовому населению поселения Волна 1.

Локализация части погребений, образовавших *кластер 6*, на том же архаическом участке, что и захоронений *кластеров 9* и *19*, с учетом синхронности их датировок свидетельствует, что еще во второй половине VI в. до н. э. на одном участке некрополя совершались захоронения представителей как рядового, так и зажиточного населения. Выявленные аналогии некоторых особенностей обряда, прослеженных в погребениях *кластера 6*, с погребальными практиками захоронений *кластеров 19*[13] и *9*[14] позволяют утверждать, что в состав местной «знати» могли входить как эллины, так и отдельные представители автохтонного населения Синдики.

Расположение и датировка другой группы погребений *кластера 6* показывают, что уже в первой четверти V в. до н. э. в северо-западной части некрополя начинается процесс формирования отдельного участка, связанного с местной «знатью». Именно там появляются первые совместные захоронения людей и лошадей в сырцовых ящиках. При этом по преобладанию других особенностей погребального обряда прослеживается сходство более поздних захоронений *кластера 6*, располагавшихся на северо-западном участке некрополя, с погребениями зажиточного населения, находящимися на архаическом участке некрополя. С большой степенью вероятности погребальные традиции «всадниче ских» захоронений первой – второй четвертей V в. до н. э., локализованных на северо-западном участке, могли развиться из более ранних погребальных практик,

[13] Речь идет об общем вытянутом положении индивидов в могиле, ориентировке большинства погребенных в восточном секторе, типах представленных в погребении сосудов (кувшинов, сосудов для питья, мисок) и их расположении слева или в ногах умерших.

[14] Такие особенности, как использование в качестве погребальной конструкции каменных ящиков, вариации в расположении рук и ног умерших, наличие в одном из захоронений данной группы лепной посуды.

представленных в погребениях второй половины VI в. до н. э. в северо-восточном углу некрополя.

Практики захоронений нерядового населения получают дальнейшее развитие во второй половине V в. до н. э. Об этом свидетельствуют результаты сопоставления материалов погребений *кластера 6*, располагавшихся в северо-западной части участка некрополя, и соседствующей с ними группы «всаднических» захоронений, локализованных за дорогой, маркировавшей западную границу архаического некрополя. Об эволюции традиции захоронения местной «элиты» в третьей – последней четверти V в. до н. э. свидетельствуют следующие особенности: увеличение количества погребенных в могилах, унификация положения и ориентировки умерших, распространение новых типов миниатюрных сосудов, появление украшений из серебра. В наборе вооружения в большинстве погребений фиксируется рост числа стрелкового оружия наряду с древковым и клинковым. В одном «воинском» погребении обнаружены предметы защитного вооружения.

Результаты проведенного исследования показывают, что совершение захоронений в сырцовых ящиках[15] и положение в могилу оружия не являются маркерами этнической принадлежности погребенных. Присутствие предметов вооружения указывает не столько на этническое происхождение погребенных, сколько на их положение в обществе. Кроме того, целый ряд особенностей погребальных традиций, прослеженных в группе «всаднических» погребений с оружием на описываемых нами участках, показывает, что эти захоронения вряд ли могли принадлежать представителям синдской знати. В этой связи достаточно упомянуть присутствие в сырцовых гробницах, локализованных на рассмотренном нами участке в северо-западной части некрополя, шлема коринфского типа группы «Гермиона» и музыкального инструмента – кифары[16].

Основные выводы

Анализ, проведенный в ГИС, позволил установить, что развитие территории некрополя Волна 1 происходило в двух направлениях: с севера-востока на юго-восток и с северо-востока на юго-запад. Формирование обрядов «воинских» захоронений в некрополе Волна 1 началось на архаическом участке, располагавшемся в северо-восточной части памятника, где совершались погребения представителей разных этнических групп. Одна из них связана с греческими переселенцами, другая – с «варварским» населением Синдики[17]. Наряду с могилами рядового населения, на участке некрополя второй половины VI в. до н. э. фиксируются погребения местной «знати», представителями

[15] Происхождению практики использования сырцовых гробниц на Боспоре и в других регионах античного мира посвящено отдельное исследование (*Иванов, Сударев*, 2023. С. 187–226).

[16] См.: *Bochkovoy et al*., 2019. P. 367–368.

[17] Для настоящего исследования важен сам факт синхронного сосуществования «варварских» и «греческих» погребальных традиций на одном участке некрополя. Это свидетельствует о том, что уже во второй половине VI в. до н. э. начался процесс инкорпорации представителей негреческого населения в эллинскую общину.

которой могли быть как эллины, так и синды. Дальнейшее развитие практики захоронения нерядового населения было связано с формированием в первой половине V в. до н. э. отдельного обособленного участка в северо-западной части некрополя вблизи от места пересечения двух древних дорог, где фиксируются первые «всаднические» погребения. Следующий этап эволюции рассматриваемой погребальной традиции выявлен в группе «всаднических» захоронений с оружием, локализованной на смежном участке за дорогой, являвшейся в архаический период западной границей некрополя.

Таким образом, комплексное исследование погребальных практик «воинских» захоронений с учетом времени и места совершения захоронения, определенного с помощью ГИС, помогает поэтапно рассмотреть процесс развития различных участков некрополя, получить информацию о взаимном расположении захоронений и, исходя из этих данных, выявить пространственное распространение погребальных традиций, что, в свою очередь, дает возможность проследить хронологию изменений погребальных обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

Гараев И. А., 2022. Погребения с ножами в контексте вопроса о наемниках на территории Боспора // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана (Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.) / Отв. ред.: М. С. Гаджиев, В. Р. Эрлих. Майкоп: Качество. С. 136–139.

Горончаровский В. А., 2021. К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье // АВ. Вып. 32. СПб. С. 187–193.

Горончаровский В. А., 2022. К проблеме этнической атрибуции воинских погребений из некрополей Артющенко 2 и Волна 1 на Таманском полуострове // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) (Санкт-Петербург, 2022) / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 170–174.

Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2006. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и этнической истории Боспора. Часть I // ДБ. Т. 9. С. 101–151.

Иванов А. В., Сударев Н. И., 2017. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // ДБ. Т. 21. С. 160–189.

Иванов А. В., Сударев Н. И., 2023. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике Древней Греции и на Боспоре // ДБ. Т. 28. С. 187–226.

Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., 2020. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. Вып. 30. СПб. С. 82–96.

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С., 2018. Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 220–231. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)

Паромов Я. М., 2019. Обряд парных погребений на Таманском полуострове и отражение его идеала в могилах Артюховского кургана // БИ. Вып. 38. С. 39–92.

Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2002. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. Т. 5. М.: ИА РАН. С. 234–240.

Bertolino F., Alaimo F., Vassallo S., 2015. Battles of Himera (480 and 409 BC): Analysis of Biological finds and historical interpretation. Experiences of restoration in the ruins of Himera 2008–2010 // Conservation Science in Cultural Heritage: historical-technical journal. Vol. 15. № 2. P. 27–40.

Blegen C. W., Palmer H., Young R. S., 1964. The north cemetery. New Jersey; Princeton: The American School of classical studies at Athens. 344 p., 124 pl. ill. (Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens; XIII.)

Bochkovoy V., Braund D., Mimokhod R., Sudarev N., 2019. A new mask and musical instruments from the Eastern Bosporus // Ancient Theatre and Performance Culture Around the Black Sea / Eds.: D. Braund, E. Hall, R. Wyles. Cambridge; New York: Cambridge University Press. P. 362–372.

Boelau J., 1898. Aus ionischen und Italischen Nekropolen: Ausgrabungen und Untersuchungen zur Geschichte der Nachmykenischen griechischen Kunst. Leipzig: Teubner. 170 S.

De Siena A., 2008. Osservazioni su alcune tombe monumentali arcaiche della necropoli occidentale // Bollettino d'Arte. Vol. 143. P. 1–14.

Graells i Fabregat R., 2020. The Archaic warrior from Metaponto // Studia Hercynia. XXIV. 1. P. 78–113.

Graells i Fabregat R., 2021. Greek Archaic Panoplies: An Archaeo-iconographic Diachronic Approach // Ancient Weapons. New Research Perspectives on Weapons and Warfare: Proceedings of the International Conference (Mainz, September 20th–21st 2019) / Hrsg.: G. Bardelli, R. Graells i Fabregat. Mainz: Verlag des Romisch-Germanischen Zentralmuseums. P. 161–190. (Römisch-Germanische Zentralmuseum Tagungen; 44.)

Jehasse J., Jehasse L., 1973. La necropole preromaine d'Aleria (1960–1968). Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. 632 p. (Gallia. Supplement; XXV.)

Jehasse J., Jehasse L., 2001. Aléria. Nouvelles données de la nécropole. T. 1. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux. 398 p. (Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen; 34.)

Kossyva A., 2021. Life and death in ancient Hermione: Excavations in the necropolis // Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome. Vol. 14. P. 157–167.

Koukouli-Chrysanthaki Ch., 1994. The cemeteries of Abdera // Nécropoles et sociétés antiques (Grèce, Italie, Languedoc): actes du Colloque international du Centre de Recherches Archéologiques de l'Université de Lille III (Lille, 2–3 Décembre 1991). Naples: Centre Jean Bérnard. 228 p.

Morris I., 1996. Death ritual and social structure of classical antiquity. Cambridge: Cambridge University Press. 264 p.

Oikonomou S., 2014. Fallen warriors and other 'Special Dead' // Beyond death and afterlife / Eds.: S. Oikonomou, N. Stampolidis. Athens: Museum of Cycladic Art. P. 123–126.

Papadimitriou A., 2021. An ancient cityscape and its people: A study of ancient Hermione: Introductory remarks on historical sources and visible remains, archaeological research and prospects // Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome. Vol. 14. P. 65–76.

Viva S., Lonoce N., Vincenti G., Cameriere R., Valentino M., Vassallo S., Fabbri P. F., 2020. The mass burials from the western necropolis of the Greek colony of Himera (Sicily) related to the battles of 480 and 409 BCE // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 30. № 3. P. 307–317.

Σαρρή Ε., 2018. Πρόσφατα ευρήματα των αρχαϊκών χρόνων από το Άργος // Το Αρχαιολογικο Εργο Στην Πελοποννησο (Αεπελ1): Πρακτικά του Διεθνούς Συνεδρίου Τρίπολη, 7–11 Νοεμβρίου 2012 / Επιμ.: Ε. Ζύμη, Α.-Β. Καραπαναγιώτου, Μ. Ξανθοπούλου. Καλαμάτα: Πανεπιστήμιο Πελοποννήσου. Σ. 271–284.

Сведения об авторах

Берлизов Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru;

Мимоход Роман Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mimokhod@gmail.com;

Сударев Николай Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sudarev@list.ru;

Успенский Павел Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

A. N. Berlizov, R. A. Mimokhod,
N. I. Sudarev, P. S. Uspenskiy

THE STUDY OF WARRIOR BURIALS AT VOLNA 1 USING GIS (2016–2018 EXCAVATIONS)

Abstract. The paper explores burial rites in the graves containing weapons from the Volna 1 cemetery. The study of the funerary traditions of 'warrior' burials taking into account their chronology and localization identified using GIS helps reconstruct how specific sections of the cemetery were developed, as well as analyze the location of the graves and determine relevant special funerary traditions. The data obtained using archaeological information provide an opportunity to identify which of the said funerary practices could serve as a basis for developing new rites as well as look into changes over time in the funerary traditions and their spread within the necropolis boundaries.

Keywords: Volna 1, 'warrior' graves, GIS, burial rite, necropolis, graves with horses, grave goods, cluster.

REFERENCES

Garaev I. A., 2022. Pogrebeniya s nozhami v kontekste voprosa o naemnikakh na territorii Bospora [Burials with knives in context of the issue of mercenaries in Bosporus]. *Drevnie i srednevekovye kultury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, interpretatsii. XXXII Krupnovskie chteniya [Ancient and medieval cultures of Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations. XXXII Krupnov readings]*. M. S. Gadzhiev, V. R. Erlikh, eds. Maykop: Kachestvo, pp. 136–139.

Goroncharovskiy V. A., 2021. K otsenke etnopoliticheskoy situatsii VII–V vv. do n. e. v Nizhnem Prikuban'e [To assessment of ethnopolitical situation of VII–V cc. BC in Lower Kuban region]. *AV*, 32, pp. 187–193.

Goroncharovskiy V. A., 2022. K probleme etnicheskoy atributsii voinskikh pogrebeniy iz nekropoley Artyushchenko 2 i Volna 1 na Tamanskom poluostrove [The problem of ethnic attribution of military burials from Artyushchenko 2 and Volna 1 necropolises on Taman Peninsula]. *Evraziya v eneolite – rannem srednevekov'e (innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologiy) [Eurasia in Eneolithic – Early Middle Ages (innovations, contacts, transmission of ideas and technologies)]*. M. T. Kashuba, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 170–174.

Ivanov A. V., Sudarev N. I., 2017. Kurgan № 44/45 nekropolya Kep i ego mesto sredi drugikh pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskogo Bospora [Kurgan No. 44/45 of Kepoi necropolis and its place among other burial sites of Asian Bosporus]. *DB*, 21, pp. 160–189.

Ivanov A. V., Sudarev N. I., 2023. Syrtsovyy kirpich v stroitelnoy traditsii i pogrebalnoy praktike Drevney Gretsii i na Bospore [Mud-brick in building tradition and burial practice of Ancient Greece and Bosporus]. *DB*, 28, pp. 187–226.

Kashaev S. V., Mimokhod R. A., Sudarev N. I., 2020. Pogrebeniya s loshad'mi v nekropolyakh Volna 1 i Artyushchenko 2 [Burials containing horses in Volna 1 and Artyushchenko 2 necropolises]. *AV*, 30, pp. 82–96.

Mimokhod R. A., Sudarev N. I., Uspenskiy P. S., 2018. Nekropol Volna-1 (2017 g.) (Krasnodarskiy kray, Tamanskiy poluostrov) [Volna-1 necropolis (2017) (Krasnodar Krai, Taman Peninsula)]. *Goroda, selishcha, mogilniki. Raskopki 2017 [Cities, villages, cemeteries. 2017 excavations]*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 220–231. (Materialy spasatelnykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)

Paromov Ya. M., 2019. Obryad parnykh pogrebeniy na Tamanskom poluostrove i otrazhenie ego ideala v mogilakh Artyukhovskogo kurgana [The rite of paired burials on Taman Peninsula and reflection of its ideal in graves of Artyukhovsky kurgan]. *BI*, 38, pp. 39–92.

Sorokina N. P., Sudarev N. I., 2002. Oruzhie iz nekropolya Kep [Weapons from Kepoi ncropolis]. *DB*, 5, pp. 234–240.

Zavoykin A. A., Sudarev N. I., 2006. Pogrebeniya s oruzhiem VI–V vv. do n. e. kak istochnik po politicheskoy i etnicheskoy istorii Bospora. Chast' I [Burials with weapons of VI–V cc. BC as a source on political and ethnic history of Bosporus. Part I]. *DB*, 9, pp. 101–151.

About the authors

Berlizov Aleksandr N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru;

Mimokhod Roman A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mimokhod@gmail.com;

Sudarev Nikolay I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sudarev@list.ru;

Uspenskiy Pavel S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

А. С. Сыроватко, Е. Ю. Новенко, К. А. Бородина

ОБ ОДНОМ КЛИМАТИЧЕСКОМ ЭПИЗОДЕ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА СОКОЛОВА ПУСТЫНЬ)[1]

Резюме. В статье приводятся результаты палинологического анализа из разреза поймы левого берега р. Оки, у г. Ступино, на археологическом памятнике Соколова Пустынь. В стратиграфии поймы р. Оки авторы считают наиболее значимым сюжетом переход от слоя оторфованного суглинка (слой 1, рис. 2) к слою торфа (слой 2, рис. 2). Данные палинологии, археологический материал из нижнего слоя и стратиграфия согласованно свидетельствуют о резком изменении гидрологического режима поймы на этом участке берега, сопровождавшегося резкими изменениями растительного покрова, случившемся около V в. Кроме того, именно на это время на самом археологическом памятнике приходится замена поселения могильником с кремациями.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, мощинская культура, палинология, изменения ландшафтов.

Соколова Пустынь – археологический комплекс из могильников с кремациями и селищ разных периодов, находящийся вблизи г. Ступино Московской области, на левом берегу р. Оки. Наибольший интерес представляют поселения и могильники I тыс. н. э., причем погребения, как правило, перекрывают слои поселения. Памятник был открыт С. Н. Астаховым в 1958 г. как селище (*Астахов*, 1958), повторно обследовался Т. И. Степановой (*Степанова*, 1992). Стационарные раскопки ведутся с 2008 г. О. Ю. Потемкиной (*Потемкина и др*., 2013) и А. С. Сыроватко (*Сыроватко*, 2014; *Сыроватко и др*., 2021; 2022; 2023; *Сыроватко, Гусева*, 2023).

В настоящее время история формирования археологического комплекса представляется следующим образом.

[1] Работа выполнена в рамках темы госзадания ИГ РАН FMWS-2026-0004.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.388-399

Помимо яркого мезолитического слоя, а также разрозненных находок периода неолита, эпохи бронзы наиболее интенсивно этот участок берега р. Оки был обжит в течение I тыс. н. э. Самым ранним погребением является ингумация – мужское погребение, сопровождавшееся железным ножом, датированное рубежом I–II вв. н. э. (*Сыроватко и др*., 2021). Селище мощинского времени существует на краю первой и второй надпойменных террас в течение III–V вв., а уже в V или в начале VI в. на второй террасе, поверх слоя поселения, возникает первый на памятнике могильник с кремациями, датировка которого укладывается в интервал V–VII вв. (*Потемкина и др*., 2013; *Сыроватко, Гусева*, 2023). Погребения в этом могильнике часто представляют собой кремацию нескольких человек (не менее двух), хотя яркий и узнаваемый сопровождающий инвентарь пока обнаружен только в первых двух погребениях, все прочие его практически лишены. Все кремации проведены «на стороне», уложены в небольшие ямки, часть их, вероятно, помещалась на дневной поверхности.

Поселение, синхронное этому могильнику, судя по имеющимся данным, существует теперь только на краю первой террасы. После хронологического перерыва, во второй половине X в., на краю первой террасы возникает новый могильник с кремациями (*Сыроватко и др*., 2015; 2021; 2022). В этом могильнике кремации на стороне чаще сопровождаются инвентарем и, как правило, помещены на древней поверхности. Верхняя дата могильника достоверно не определена – вероятнее всего, он существует в течение XI в., но неясно, как долго. Место поселения от этого могильника не найдено, хотя в пределах археологического комплекса встречаются участки слоя с лепной керамикой «боршевского» облика. Однако керамики в самом могильнике нет, а на селище нет находок второй половины X в., хотя находки первой половины X, а также XII вв. среди материалов достоверно присутствуют.

Как видно из сказанного, замещение поселения могильником с кремациями около V или начала VI в. на «верхней» площадке является значимым эпизодом, коренными изменениями в погребальном обряде, возможно, сопровождавшимися сменой населения или притоком новых групп.

С 2019 г. авторами проводились исследования в низкой пойме р. Оки, у подножия первой террасы, на краю которой расположены поселение мощинского времени, упоминавшаяся выше единичная ингумация и могильник второй половины X–XI вв. (рис. 1). Высота этой террасы над тыловой частью поймы, где осуществлялось бурение, 6–7 м, отметка в Балтийской шкале высот края террасы ок. 125 м. Последовательно были выполнены буровой профиль, одна из скважин расширена до шурфа, а шурф, в свою очередь, до раскопа размером 2 × 4 м (рис. 1). Такое внимание к заболоченному участку было вызвано его стратиграфией и обнаруженными материалами, делающими продолжение исследований перспективными.

Три скважины были выполнены ручным буром последовательно у подножия террасы, а также в 13 и 26 м от ее подошвы. Самая удаленная от подножия террасы скважина № 19303 (рис. 1; 2) выявила наиболее сложную стратиграфию нижних горизонтов, с переслаиванием прослоек торфа песками эолового происхождения, а профиль в целом продемонстрировал рост мощности отложений, особенно торфа по направлению к реке.

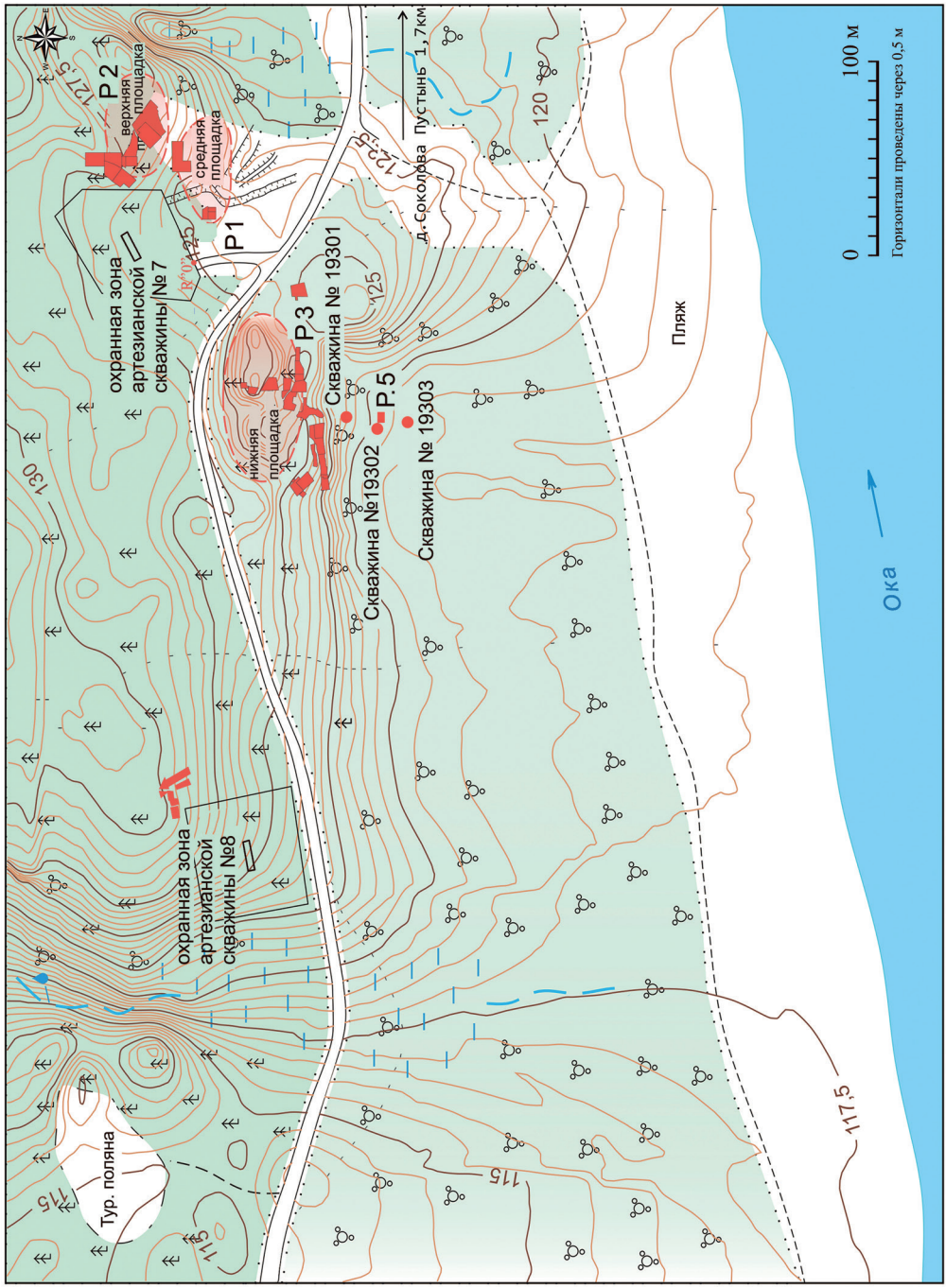
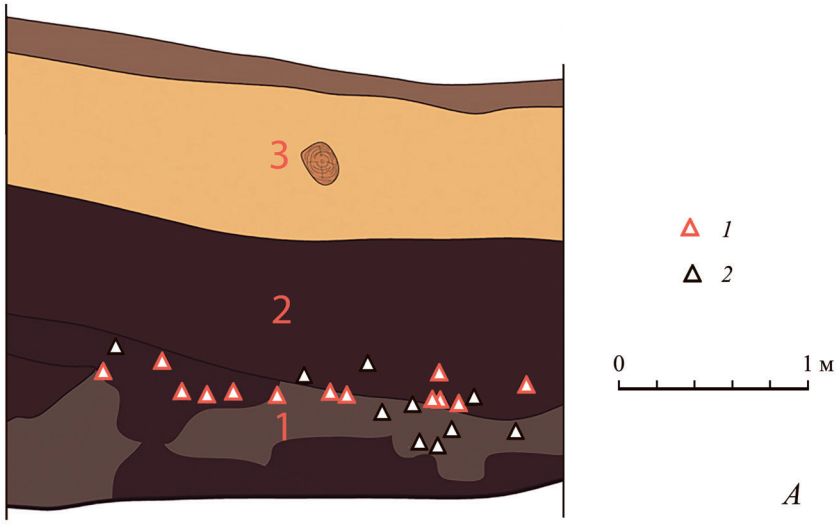

Рис. 1. План археологического комплекса у д. Соколова Пустынь. Красным цветом обозначены раскопы и скважины в пойме р. Оки

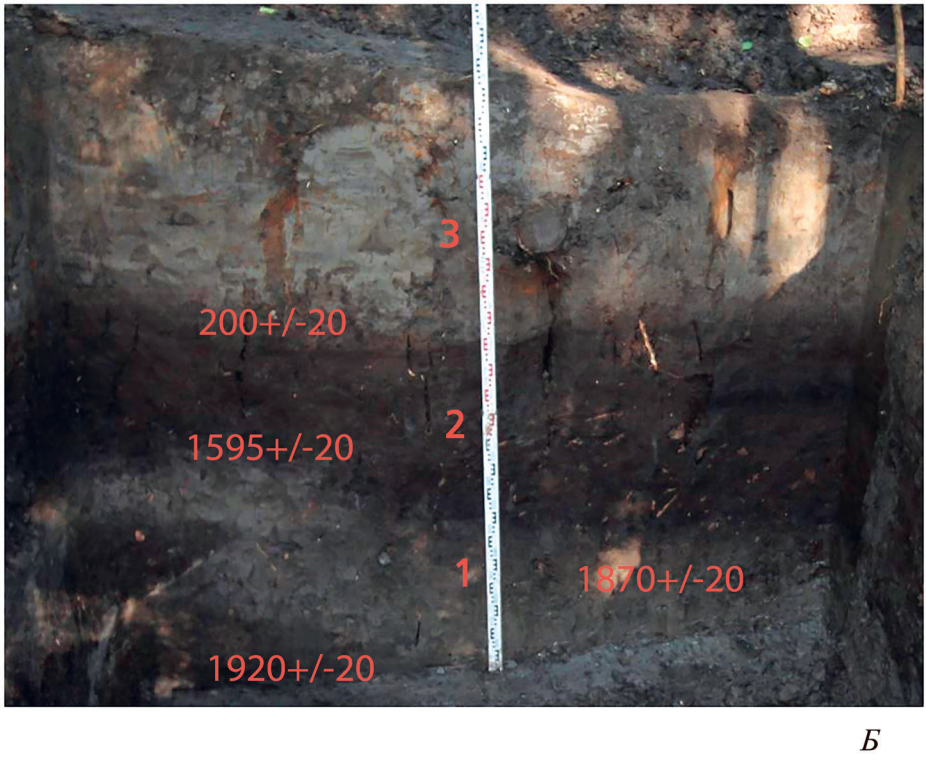

Рис. 2. Стратиграфия раскопа 5 в пойменной части Соколовой Пустыни

А – профиль восточного борта, с экстраполяцией фрагментов керамики (*1* – гладкостенная керамика; *2* – чернолощеная керамика); *Б* – фото восточного борта, с экстраполяцией ^{14}С-дат

Стратиграфия поймы на месте шурфа и раскопа представлена тремя слоями: нижним слоем – оторфованным суглинком с древесными макроостатками (слой 1 – рис. 2), слоем торфа с древесными макроостатками, толщиной ок. 1,15 м (слой 2), и верхним аллювием толщиной ок. 1 м (слой 3). По основанию суглинков слоя 1 с древесными остатками получена дата 1920 ± 20 (ИГРАН-7084), или 85 ± 25 кал. гг. н. э.[2] Дополнительная дата была получена по найденному в нижнем слое деревянному колу. Этот кол в слое располагался плашмя, ближе к верхней кромке слоя. Его возраст 1870 ± 20 л. н. (ИГРАН 7467), или I–II вв. н. э.[3]

Нижняя граница слоя торфа (слоя 2) имеет возраст 1595 ± 20 л. н. (ИГРАН-7083), или 480 ± 40 кал. гг. н. э., что абсолютно соответствует керамике. Верхняя кромка слоя торфа (слоя 2) датирована 200 ± 20 л. н., или 1785 ± 95 кал. гг. н. э. (ИГРАН 7082)[4], эта дата в целом соответствует датировкам нижней части аллювиальных отложений, полученных для участка р. Оки в районе Коломны (*Syrovatko et al.*, 2019; *Сыроватко и др.*, 2016).

Керамика в раскопе обнаружена только в слое 1, ближе к его верхней границе. Фиксация ее в раскопе вызывала сложности, поскольку это был полужидкий, «сметанообразный» слой, не выдерживавший веса человека[5]. Всего найдено около 80 фрагментов, из которых 20 – чернолощеная, 20 – прошедшая вторичный обжиг (ошлакованная) и 40 – обычная лепная гладкостенная (рис. 4). Вся найденная керамика – фрагменты лепных гладкостенных и лощеных сосудов, характерной для Соколовой Пустыни «окской серии»[6], с прямыми отогнутыми наружу венчиками и примесью шамота в формовочной массе (рис. 4).

Из этих отложений были отобраны образцы на спорово-пыльцевой анализ с интервалом 5 см, что позволяет достаточно подробно проследить изменения в составе растительности, происходившие на окружающей территории. Подготовка проб для анализа проведена по стандартной методике (*Moore et al.*, 1991).

Спорово-пыльцевую диаграмму по разрезу из шурфа можно разделить на 4 пыльцевые зоны (рис. 3), соответствующие основным этапам изменений растительности и условий среды в районе археологического памятника.

Как показали результаты исследования, в период формирования спорово-пыльцевых комплексов пыльцевой зоны 1 (слой 1), сформировавшейся до начала накопления слоя торфа (т. е. ранее V в. н. э.), окружающую территорию занимали широколиственные леса из липы, дуба и вяза. Большое количество

[2] Калибровано по: Oxcal 4.3., Intcal13.

[3] 68,3 % вероятности (1 sigma) cal AD 83–140 гг. (0.812); 157–166 гг. (0.076); 196–208 гг. (0.112), калибровано: CALIB REV7.10 Copyright 1986–2018 M. Stuiver, P. J. Reimer. References for calibration datasets: Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Buck C. E.

[4] Калибровано по: Oxcal 4.3., Intcal13.

[5] Из рис. 2 А следует, что керамика имела довольно большой разброс по глубине. В действительности ее стратиграфическое положение выглядело более определенным, в верхней части слоя 1. Разброс на чертеже вызван сложностью работы в болоте, а также уклоном самих прослоек.

[6] Термин, предложенный А. М. Обломским (*Обломский, Сыщиков*, 2022. С. 78–83).

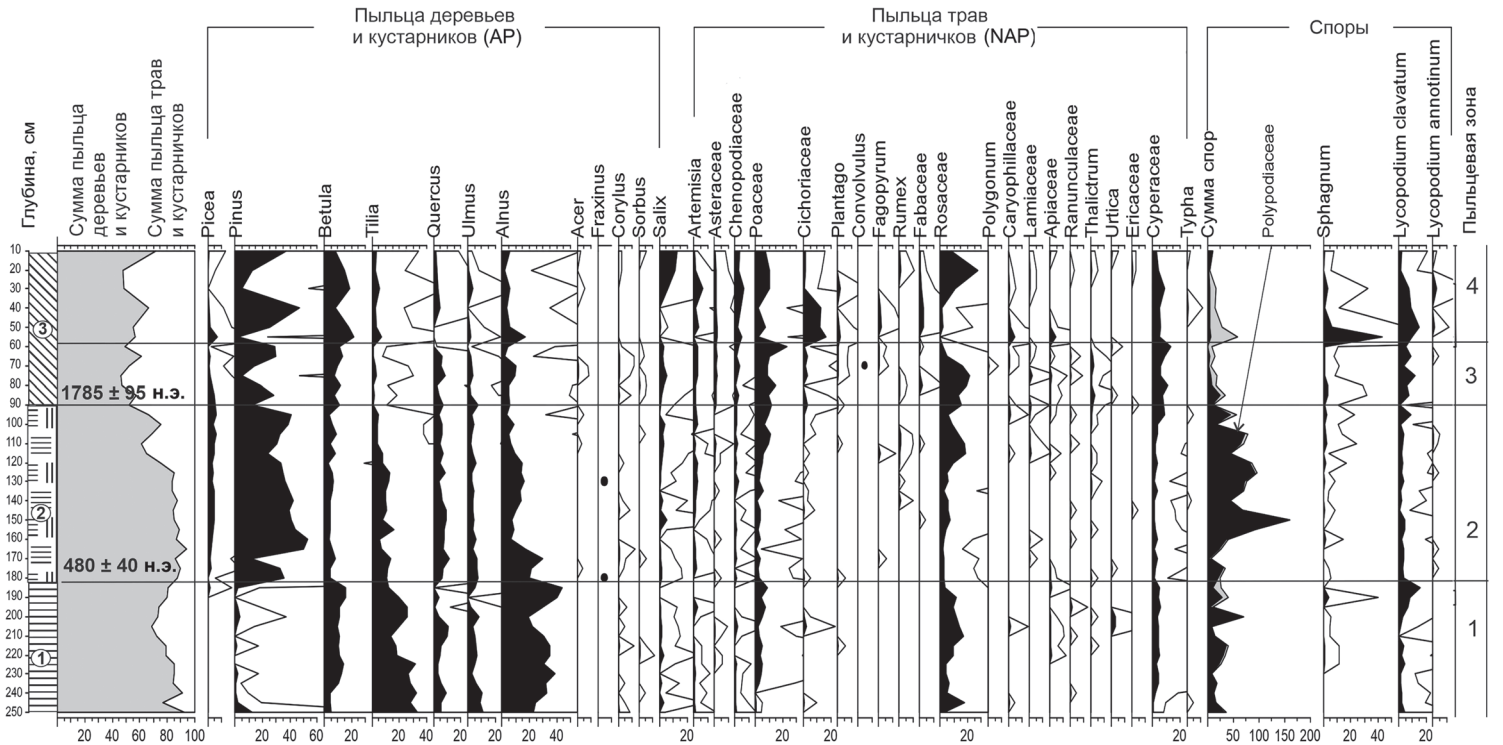

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу шурфа Соколова Пустынь. За 100 % на диаграмме принята сумма пыльцы древесных и травянистых растений; точками обозначено количество таксонов < 1 %; дополнительные кривые проведены с увеличением в 10 раз. Номера литологических слоев соответствуют описанию в тексте

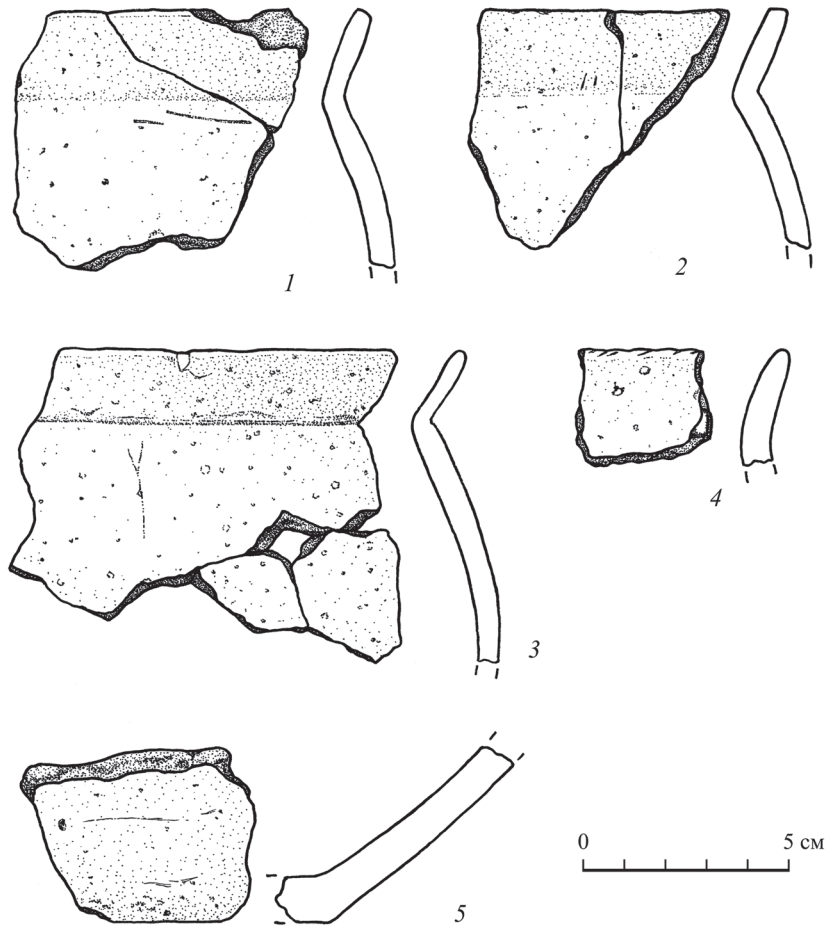

Рис. 4. Керамика из раскопа 5

1, 2 – чернолощеная, прочее – гладкостенная. № 3 – Д = 15

пыльцы ольхи указывает на развитие пойменных ольшаников, возможно, связанное с благоприятными условиями грунтового увлажнения на пойменных массивах этого времени. В составе лесов довольно значительную роль играла береза, что, как и преобладание пыльцы липы среди широколиственных пород, говорит о благоприятных условиях увлажнения.

Состав пыльцевых спектров зоны 2 (торф, слой 2) отражает существенное изменение доминантов растительных сообществ. Широколиственные леса в окрестностях поселения сменились сосновыми лесами с небольшой примесью широколиственных пород, березы и ели. Распространение ольховых сообществ значительно сократилось. Также в спектрах этой зоны отмечено обилие спор папоротников сем. Polypodiaceae, часто формирующих травянистый ярус и достигающих высокого обилия в сосновых лесах в сухих экотопах. Вероятно,

описанные изменения состава спорово-пыльцевых спектров отражают антропогенное воздействие на растительность в окрестностях археологического памятника – вырубку широколиственных лесов, а также распространение сосновых лесов на песчаных почвах надпойменной террасы р. Оки. При этом состав лесных сообществ становится более разнообразным – в них появляется примесь ясеня и клена.

Граница пыльцевых зон 1 и 2 соответствует горизонту выпадения чернолощеной керамики. Резкая смена состава и соотношения компонентов пыльцевых спектров, очевидно, указывает не только на быструю трансформацию растительного покрова, но и на перерыв в осадконакоплении и стабилизацию поверхности поймы на границе торфа и подстилающего его оторфованного суглинка с древесными макроостатками. Это самое значимое изменение в пыльцевой диаграмме совпадает со значимыми изменениями как собственно в стратиграфии поймы, так и в археологическом материале.

Еще одна заметная литологическая граница пролегла между слоем торфа и перекрывающим его суглинком (слой 3, верхний аллювий). Датировка 1785 ± 95 кал. гг. н. э. в основании слоя 3 отражает перерыв в осадконакоплении и формирование верхней части разреза в течение последних 300 лет, в период активного сельскохозяйственного освоения региона. Состав пыльцевых спектров в зонах 3 и 4 позволяет нам реконструировать дальнейшее сокращение площади лесов, в особенности широколиственных, и расширение территорий, занятых луговыми сообществами. В зоне 4 заметно возрастает доля пыльцы растений – индикаторов антропогенных нарушений растительного покрова и развития эрозионных процессов: *Plantago*, *Fagopyrum*, *Rumex*, *Artemisia*, Cichoriaceae и др.

Согласно палинологическим данным из голоценовых разрезов бассейна Верхней Оки (*Новенко и др*., 2016; *Низовцев и др*., 2020; *Novenko et al*., 2019; 2020), в течение последних двух тысячелетий регион исследования находился в области распространения широколиственных лесов с участием дуба, вяза, липы и ясеня, которые сохранялись на изучаемой территории, несмотря на колебания климата, такие как похолодание Темных веков[7] и Малый ледниковый

[7] Во второй половине I тыс. н. э. многие авторы выделяют похолодание Темных веков (1,7–1,2 тыс. кал. л. н.). Обзор 114 статей, посвященных похолоданию Темных веков по всему миру, выполненное С. Хеламой с соавторами (*Helama et al.*, 2017), показал, что климат Европы в это время был более прохладным и влажным, чем в настоящее время. В период 1,7–1,5 тыс. кал. л. н. происходило увеличение горного оледенения (*Solomina et al*., 2008), подъем уровня озер в Европе (*Magny*, 2004), увеличение лесистости в лесостепной зоне (*Новенко*, 2016). Однако реконструкции, полученные для Восточно-Европейской равнины информационно-статистическим методом по данным болота Усвятский Мох (Западная Двина), свидетельствуют о потеплении и иссушении климата между 1700 и 1500 кал. л. н. (*Кожаринов и др*., 2003), а расчеты по данным Половецко-Купанского болота в Ярославском Поволжье указывают на потепление и увеличение осадков в тот же период (*Климанов и др*., 1995). Полученные Е. Ю. Новенко (*Новенко*, 2016) реконструкции «методом лучших аналогов» по палинологическим данным в целом отражают снижение теплообеспеченности и увеличение осадков в течение похолодания Темных веков. К сожалению, в изученных разрезах эти интервалы представлены небольшим количеством образцов, что затрудняет реконструкцию.

период. Сокращение доли лесов в растительном покрове, деградация широколиственных формаций и их замещение вторичными сосново-березовыми лесами повсеместно произошли в XVII–XVIII вв. с началом активного сельскохозяйственного освоения территории. Пыльцевые зоны 1, 3 и 4 соответствуют региональному контексту развития растительного покрова региона исследований, а зона 2 (слой торфа) отражает локальные трансформации растительности под воздействием древних поселенцев.

Таким образом, данные палинологии, археологический материал и стратиграфия согласованно свидетельствуют о резком изменении гидрологического режима поймы на этом участке берега, сопровождавшегося резкими же изменениями растительного покрова, случившемся около V в. Вероятно, это результат потепления и/или уменьшения влажности климата. Археологические данные – горизонт выпадения чернолощеной керамики – дополнительно подтверждает факт некоего обсыхания поймы и появления горизонта хождения. Кроме того, именно на это время приходится замена поселения на «верхней» площадке могильником с кремациями.

ЛИТЕРАТУРА

Астахов С. Н., 1958. Отчет об археологическом обследовании левого берега р. Оки между г. Серпуховом и г. Каширой в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р 1. № 2033.

Климанов В. А., Хотинский Н. А., Благовещенская Н. В., 1995. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 89–96.

Кожаринов А. В., Сирин А. А., Клименко В. В., Климанов В. А., Малясова Е. С., Слепцов А. М., 2003. Динамика растительного покрова и климата Западнодвинской низины (Тверская область) за последние 5 тысяч лет // Ботанический журнал. Т. 88. № 3. С. 90–97.

Низовцев В. А., Новенко Е. Ю., Эрман Н. М., Мазей Н. Г., Матасов В. М., Лаврова Н. Б., Филимонова Л. В., 2020. Эволюция ландшафтов бассейна Средней Протвы в голоцене // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 1. С. 73–86.

Новенко Е. Ю., 2016. Изменения растительности и климата Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене в межледниковые и переходные этапы климатических макроциклов. М.: ГЕОС. 228 с.

Новенко Е. Ю., Цыганов А. Н., Волкова Е. М., Бабешко К. В., Лаврентьев Н. В., Мазей Ю. А., 2016. Изменения растительности и климата на северо-западе Среднерусской возвышенности в голоцене // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 103–114.

Обломский А. М., Сыщиков Н. В., 2022. Лепная керамика комплекса у с. Стаево на фоне этнокультурных традиций верхневоронежской группы // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История. С. 76–84. (РСМ; вып. 21.)

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. Вып. 230. С. 260–266, ил.

Степанова Т. И., 1992. Отчет о раскопках стоянки эпохи бронзы и раннего железного века Соколова Пустынь Ступинского р-на Московской обл. в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р 1. № 17101.

Сыроватко А. С., 2014. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н. э. // РА. № 4. С. 48–61.

Сыроватко А. С., Гусева В. П., 2023. Кремация с погребальной конструкцией могильника Соколова Пустынь // КСИА. Вып. 272. С. 247–258.

Сыроватко А. С., Гусева В. П., Клещенко Е. А., 2022. Соколова Пустынь: погребения-кремации из раскопов 2020 года // АП. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 42–52.

Сыроватко А. С., Гусева В. П., Клещенко Е. А., Ужастова И. Р., 2023. Погребения-кремации из Соколовой пустыни из раскопок 2021 года // АП. Вып. 19 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 32–44.

Сыроватко А. С., Гусева В. П., Свиркина Н. Г., Клещенко Е. А., 2021. Погребения Соколовой Пустыни из исследований 2019 г.: парадоксы новых открытий // ТАС. Вып. 12. С. 150–161.

Сыроватко А. С., Панин А. В., Трошина А. А., Семеняк Н. С., 2016. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 53–63.

Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Трошина А. А., Свиркина Н. Г., 2015. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. Вып. 241. С. 165–173, 469.

Helama S., Jones P. D., Briffa K. R., 2017. Dark Ages Cold Period: A literature review and directions for future research // The Holocene. Vol. 27. P. 1600–1606.

Magny M., 2004. Holocene climate variability as reflected by mid-European lake-level fluctuations and its probable impact on prehistoric human settlements // QI. Vol. 113. P. 65–79.

Moore P. D., Webb J. A., Collinson M. E., 1991. Pollen Analysis. Oxford: Blackwell. 216 p.

Novenko E. Y., Borisova O. K., Mazei N. G., Zyuganova I. S., Kusilman M. V., Bobrovsky M. V., 2020. Palaeoenvironments of the medieval warm period in the «Kaluzhskiye Zaseki» Nature Reserve (Central European Russia) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 438. 012020.

Novenko E. Yu., Tsyganov A. N., Mazei N. G., Kupriyanov D. A., Rudenko O. V., Bobrovsky M. V., Erman N. M., Nizovtsev V. A., 2019. Palaeoecological evidence for climatic and human impacts on vegetation in the temperate deciduous forest zone of European Russia during the last 4200 years: A case study from the Kaluzhskiye Zaseki Nature Reserve // QI. Vol. 516. P. 58–69.

Solomina O., Haeberli W., Kull C., Wiles G., 2008. Historical and Holocene glacier – climate variations: General concepts and overview // Global and Planetary Change. Vol. 60. P. 1–9.

Syrovatko A. S., Panin A. V., Troshina A. A., Zaretskaya N. E., 2019. Magnitude and chronology of extreme floods in the last 2 ka based on the stratigraphy of a riverine archeological site (Schurovo settlement, middle Oka River, Central European Russia) // QI. Vol. 516. P. 83–97.

Сведения об авторах

Сыроватко Александр Сергеевич, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия; e-mail: sasha.syr@rambler.ru;

Новенко Елена Юрьевна, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия; e-mail: lenanov@mail.ru;

Бородина Ксения Андреевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: karina2180@yandex.ru

A. S. Syrovatko, E. Yu. Novenko, K. A. Borodina

ONE CLIMATIC EPISODE OF THE MIGRATION PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM THE SOKOLOVA PUSTYN CEMETERY)

Abstract. The paper describes results of the palynological analysis of the soil cross-section cut in the flooded area in the Oka river left bank near the town of Stupino at the Sokolova Pustyn archaeological site. The replacement of the peaty loam layer (layer 1, Fig. 2) by the peat layer (layer 2, Fig. 2) is considered the most important feature of the Oka flooded area stratigraphy. The data on palynological imprints, the archaeological material from the lower layer and the stratigraphy consistently demonstrate a drastic change

in the hydrological condition of the flooded area in this section of the river bank, the process was accompanied by similar drastic changes in the vegetation cover that occurred around the V century. Besides, it was the time when the settlement at this archaeological site was replaced by a cemetery with cremation burials.

Keywords: Migration period, Moshchiny culture, palynology, landscape change.

REFERENCES

Astakhov S. N., 1958. Otchet ob arkheologicheskom obsledovanii levogo berega r. Oki mezhdu g. Serpukhovom i g. Kashiroy v 1958 g. [Report on archaeological survey of the left bank of Oka River between Serpukhov and Kashira in 1958]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Klimanov V. A., Khotinskiy N. A., Blagoveshchenskaya N. V., 1995. Kolebaniya klimata za istoricheskiy period v tsentre Russkoy ravniny [Climate fluctuations over historical period in the center of Russian Plain]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [Bulletin of RAS. Geographical series]*, 1, pp. 89–96.

Kozharinov A. V., Sirin A. A., Klimenko V. V., Klimanov V. A., Malyasova E. S., Sleptsov A. M., 2003. Dinamika rastitelnogo pokrova i klimata Zapadnodvinskoy niziny (Tverskaya oblast) za poslednie 5 tysyach let [Dynamics of vegetation cover and climate of Zapadnodvinsk lowland (Tver region) over the past 5,000 years]. *Botanicheskiy zhurnal [Botanical journal]*, vol. 88, no. 3, pp. 90–97.

Nizovtsev V. A., Novenko E. Yu., Erman N. M. Mazey N. G., Matasov V. M., Lavrova N. B., Filimonova L. V., 2020. Evolyutsiya landshaftov basseyna Sredney Protvy v golotsene [Evolution of landscapes in Middle Protva basin in Holocene]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography]*, 1, pp. 73–86.

Novenko E. Yu., 2016. Izmeneniya rastitelnosti i klimata Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy v pozdnem pleystotsene i golotsene v mezhlednikovye i perekhodnye etapy klimaticheskikh makrotsiklov [Vegetation and climate changes in Central and Eastern Europe in Late Pleistocene and Holocene during interglacial and transitional stages of climatic macrocycles]. Moscow: GEOS. 228 p.

Novenko E. Yu., Tsyganov A. N., Volkova E. M., Babeshko K. V., Lavrent'ev N. V., Mazey Yu. A., 2016. Izmeneniya rastitelnosti i klimata na severo-zapade Srednerusskoy vozvyshennosti v golotsene [Vegetation and climate changes in north-west of Central Russian Upland in Holocene]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [Bulletin of RAS. Geographical series]*, 1, pp. 103–114.

Oblomskiy A. M., Syshchikov N. V., 2022. Lepnaya keramika kompleksa u s. Staevo na fone etnokulturnykh traditsiy verkhnevoronezhskoy gruppy [Hand-made ceramics of complex near village of Staevo against the background of ethnocultural traditions of Upper Voronezh group]. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya [Trade and craft complex near village Staevo in upper reaches of Voronezh River (late V– VII c.) and some problems of archeology of Upper Don region in Early Middle Ages]*. A. M. Oblomskiy, eds. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 76–84. (RSM, 21.)

Potemkina O. Yu., Syrovatko A. S., Kleshchenko E. A., 2013. Sokolova Pustyn – novyy pogrebalnyy pamyatnik pozdnedyakovskogo vremeni [Sokolova Pustyn – a new burial site of Late Dyakovo period]. *KSIA*, 230, pp. 260–266.

Stepanova T. I., 1992. Otchet o raskopkakh stoyanki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka Sokolova Pustyn Stupinskogo r-na Moskovskoy obl. v 1992 g. [Report on excavations of Sokolova Pustyn Bronze Age and Early Iron Age site, Stupino district, Moscow region in 1992]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Syrovatko A. S., 2014. Mogilniki s krematsiyami na Sredney Oke vtoroy poloviny I tys. n. e. [Burial grounds with cremations on Middle Oka River in second half of I mill. AD]. *RA*, 4, pp. 48–61.

Syrovatko A. S., Guseva V. P., 2023. Krematsiya s pogrebalnoy konstruktsiey mogilnika Sokolova Pustyn [Cremation with burial construction from Sokolova Pustyn cemetery]. *KSIA*, 272, pp. 247–258.

Syrovatko A. S., Guseva V. P., Kleshchenko E. A., 2022. Sokolova Pustyn: pogrebeniya-krematsii iz raskopov 2020 goda [Sokolova Pustyn: cremation burials from 2020 excavations]. *AP*, 18. Moscow: IA RAN, pp. 42–52.

Syrovatko A. S., Guseva V. P., Kleshchenko E. A., Uzhastova I. R., 2023. Pogrebeniya-krematsii iz Sokolovoy Pustyni iz raskopok 2021 goda [Cremation burials in Sokolova Pustyn from 2021 excavations]. *AP*, 19. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 32–44.

Syrovatko A. S., Guseva V. P., Svirkina N. G., Kleshchenko E. A., 2021. Pogrebeniya Sokolovoy Pustyni iz issledovaniy 2019 g.: paradoksy novykh otkrytiy [Sokolova Pustyn burials from 2019 research: paradoxes of new discoveries]. *TAS*, 12, pp. 150–161.

Syrovatko A. S., Panin A. V., Troshina A. A., Semenyak N. S., 2016. Rol' paleotopografii i landshaftno-klimaticheskikh izmeneniy v formirovanii Shchurovskogo arkheologicheskogo kompleksa [Role of paleotopography and landscape and climatic changes in formation of Shchurovo archaeological complex]. *AP*, 12. Moscow: IA RAN, pp. 53–63.

Syrovatko A. S., Potemkina O. Yu., Troshina A. A., Svirkina N. G., 2015. Novye dannye o khronologii mogilnikov Shchurovskogo tipa: pogrebenie v Sokolovoy Pustyni iz raskopok 2014 goda [New data on chronology of Shchurovo-type cemeteries: burial in Sokolovaya Pustyn from 2014 excavations]. *KSIA*, 241, pp. 165–173, 469.

About the authors

Syrovatko Aleksandr S., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, bld. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: sasha.syr@rambler.ru;

Novenko Elena Yu., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, bld. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: lenanov@mail.ru;

Borodina Ksenia A., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prosp., 27, bld. 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: karina2180@yandex.ru

И. В. Рукавишникова, С. О. Двуреченская

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ПРИКУБАНЬЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1 СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ФАТЕЕВСКИЙ 1[1]

Резюме. Статья посвящена возможной интерпретации археологического комплекса с лошадьми на территории могильника. Памятник «Грунтовый некрополь "Фатеевский 1"» расположен в Абинском районе Краснодарского края. В 2024 г. был исследован небольшой участок, на котором выявлен ритуальный комплекс (не ранее X в. н. э.) с захороненными головами лошадей. Отдельные погребения лошадей, в том числе и невзнузданных, и даже отдельно голов встречаются в могильниках Евразии второй половины первого тысячелетия. В статье перечислены захоронения коней у ранних и средневековых кочевников. Захоронения коней в отдельных ямах на территории грунтовых некрополей присутствуют у разных народов юга Восточной Европы. В статье высказано предположение, что ритуальный комплекс с захоронениями лошадей в виде чучел, уложенных головой на запад, относится ко времени не ранее X в., к печенежской традиции. И так как в радиусе 5 м от ямы не было найдено погребения человека, лошади в виде чучел были уложены над кенотафом, а не над реальным погребением. Или же их погребение – результат ритуальных практик жертвоприношения лошадей, свидетельства о которых содержатся в этнографических источниках.

Ключевые слова: Прикубанье, Абинский район, грунтовый могильник, погребение лошадей, культовый комплекс.

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

Исследование выполнено в рамках плановой темы ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» № НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.400-416

Рис. 1. Карта Краснодарского края с месторасположением могильника

В 2024 г. отрядом ИА РАН были проведены спасательные археологические раскопки на территории могильника Фатеевский 1 в Краснодарском крае. На этом участке могильника во время раскопок были исследованы четыре археологических комплекса в сочетании с фрагментами средневековых сосудов. Все объекты датируются по вещевым материалам не ранее X в. н. э.

Памятник «Грунтовый некрополь “Фатеевский 1”» расположен в Абинском районе Краснодарского края, на левом берегу реки Абин, в 1450 м к юго-востоку от центра п. Майоровский и в 1430 м к северо-западу от центра п. Бережной (рис. 1). Он занимает участок обрабатываемого поля и западной частью своей территории находится в границах землеотвода по проекту «МН “Тихорецк – Новороссийск-4”». Общая площадь работ на могильнике составила 1393,7 кв. м. На этом поле не было зафиксировано остатков какого-либо поселения.

В процессе археологических разведок могильник Фатеевский 1 был предварительно датирован очень широко – концом III тыс. до н. э. – XIII в. н. э., что требовало уточнения в процессе археологических работ.

Один из исследованных объектов, получивший впоследствии название «погребение 1», имел выраженный культовый характер, так как в нем были обнаружены ритуальные предметы (развал лепного сосуда) и кости животных, в частности два лошадиных черепа, но не содержалось захоронения человека (рис. 2; 3). Именно его остеологическому комплексу и вариантам его интерпретации посвящена данная работа.

Археологический контекст

Объект располагался в центре исследованного участка памятника. При зачистке слоя коричневого суглинка на глубине 1,3 м от поверхности было зафиксировано пятно гумусированного грунта, которое имело овальные в плане очертания (рис. 2). К западу от него в стратиграфическом борту раскопа под уровнем плантажной вспашки на глубине 0,7 м от поверхности зафиксировано заполнение этого комплекса грунтом рыхлой консистенции – гумусированным суглинком.

Исследованный археологический комплекс представляет собой округлую в плане и трапециевидную в разрезе яму размерами 2,1 × 1,7 м и глубиной не менее 1,1 м от пахотного слоя. Длинной осью ориентирована по линии СВ – ЮЗ, наклонные стенки плавно переходят в дно, которое выровнено в горизонтальной плоскости (рис. 3).

В рыхлом грунте заполнения присутствовали многочисленные мелкие окатанные (речные) камни, преднамеренно принесенные сюда, золистая прослойка, пятна, бесформенные куски спекшегося суглинка.

В юго-западном секторе ямы на глубине 1,36–1,39 м от современной поверхности зафиксированы две лошадиные головы, уложенные параллельно друг другу и развернутые мордами в северо-западном направлении. Они лежали на особой «ступени», представляющей собой нижнее придонное заполнение ямы, возвышаясь над дном на 0,3 м. Вблизи голов лошадей зафиксированы некоторые кости других домашних и диких животных. Кроме этого, в комплексе зафиксированы рядом с головами развал нижней части лепного горшка, в заполнении – фрагмент стенки средневековой амфоры, а у восточной стенки ямы – развал лепного, доведенного на ручном круге красноглиняного горшка закрытого типа, бочковидного, с высоким горлом, по шейке которого прочерчен по сырой глине орнамент в виде волны зигзагов, а по тулову – вертикальные расчесы. В заполнении встречена стенка бежевоглиняной средневековой амфоры. Костных останков человека в данном комплексе не обнаружено, в том числе и кальцинированных. Размер ямы от местоположения голов до противоположной стенки соответствует пространству, в которое могли быть уложены реальные туши одной или двух лошадей, как в погребениях уложенных лошадей на ноги в небольших ямах (в описываемом случае речь о фрагментированных лошадях).

Археологически была исследована площадь вокруг объекта: примерно от 5 до 7 м по линии запад – восток и в несколько десятков метров расстояние по линии север – юг. В изученном пространстве не обнаружилось более погребений. Следовательно, исследованный комплекс не относился к какому-либо захоронению человека, мог являться ритуально-поминальным объектом периферии могильника, мог быть и кенотафом.

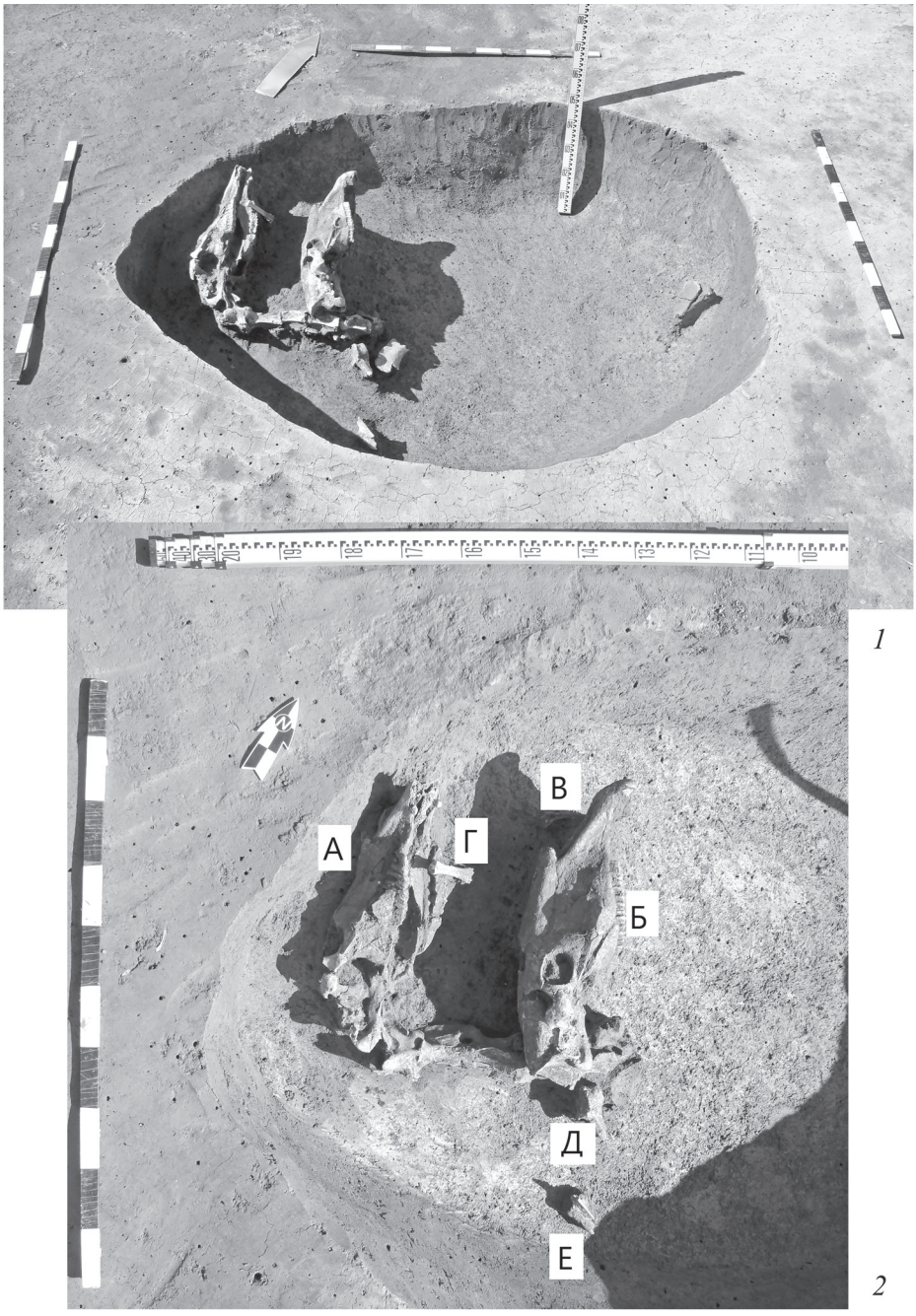

Рис. 2. Комплекс с головами лошадей

1 – вид с юга на захоронение лошадей; *2* – заполнение дна погребальной ямы (*А* – череп жеребца с шестью шейными позвонками (особь 1); *Б* – череп кобылы (особь 2); *В* – луч сома; *Г* – правая пястная кость барана; *Д* – зимний рог оленя; *Е* – фрагменты лучевой и локтевой костей оленя, проксимальная их часть)

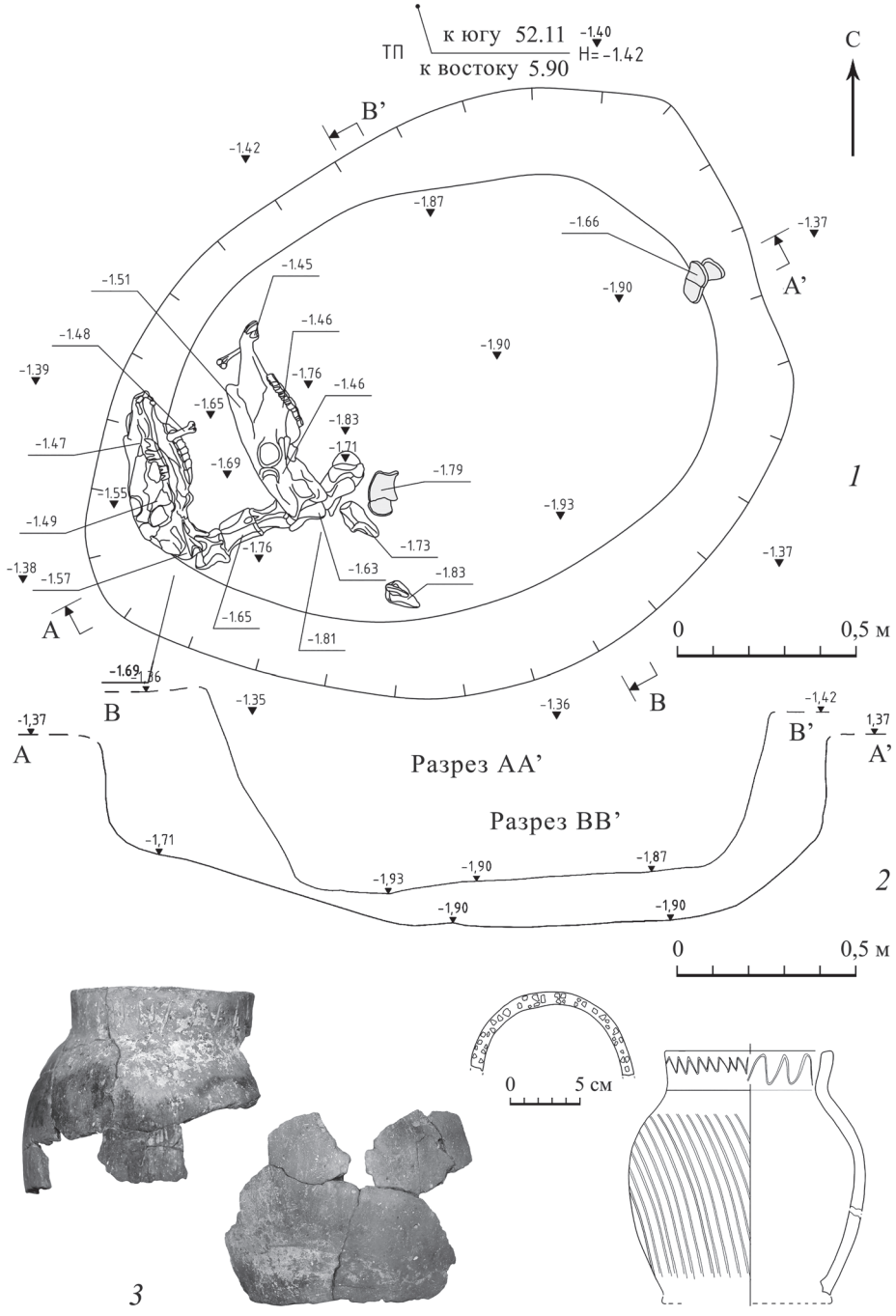

Рис. 3. План и разрезы комплекса, развал сосуда

По найденным фрагментам сосуда (рис. 3) исследуемый объект, возможно, относится ко времени после X в. н. э. Горшок бочкообразной формы, по-видимому, плоскодонный с высоким горлом, изготовленный при помощи ручного круга. Глина красно-коричневая с примесями мелкого песка, ракушки, слюды, стенки со следами воздействия огня. Возможно, сосуд местного производства, аналогия по форме найдена в погребении-кремации с конем в могильнике Шизе IV, курган 1, погребение 1 (*Кочкаров, Успенский*, 2019. С. 25).

Остеологический комплекс

Исследование коллекции костных остатков животных проводилось по методической схеме, разработанной специалистами лаборатории естественно-научных методов в Институте археологии РАН (*Антипина*, 2016. С. 98–114), в которой одним из главных этапов обработки является разделение остеологического материала по категориям остатков с разной историей их попадания в культурные напластования. Для этого используется информация по естественной сохранности и целостности костей, учитываются обилие и характер их повреждений, а также археологический контекст находок.

Проанализированная по этим параметрам остеологическая коллекция из погребения 1 включает как минимум два блока остатков (рис. 2). Это кости животных, обнаруженные *in situ* непосредственно в погребении, и так называемые «кухонные остатки», вероятнее всего, из поминальной тризны, которые по местоположению не имели однозначной привязки к костям на дне ямы (табл. 1).

К погребальному комплексу остатков жертвенных животных в погребении 1 (рис. 2: *1*) относятся кости двух лошадей (*Equus caballus*), барана (*Ovis aries*), оленя (*Cervus elaphus*) и рыбы-сома (*Silurus glanis*).

Лошадь. Особь 1. На дне погребальной ямы обнаружен череп лошади без нижней челюсти с шестью шейными позвонками, расположенными в анатомическом порядке (рис. 2: *2А*). Череп лежал, опираясь на лобную и скуловую кости в направлении на север, шейные позвонки располагались перпендикулярно его основанию с направлением на восток. На шестом шейном позвонке фиксируется след подруба. Череп принадлежал жеребцу, возраст которого был определен по промерам зубной коронки и соответствует возрасту старше 15 лет (*Корневен, Лесбр*, 1932. С. 104–125).

Опираясь на верхнюю челюсть черепа особи 1, лежала целая правая пястная кость самца барана с приросшими эпифизами (рис. 2: *2Г*), возраст которого был старше 2 лет (*Громова*, 1953 С. 72–82). По промерам пястной кости высота животного в холке составляла 55 см, что соответствует мелким размерам (*Цалкин*, 1961. С. 127–130). Естественная сохранность пясти не превышала 3 баллов, верхний слой компакты кости практически полностью разрушен.

В этом же наборе костных остатков, соприкасаясь с пятым шейным позвонком лошади, лежал фрагмент сброшенного зимнего рога оленя (рис. 2: *2Д*). Сохранность рога неудовлетворительная, что не позволяет обнаружить следы лощения на поверхности кости, если они были. Однако на ветви рога фиксируются многочисленные глубокие следы от лезвия ножа. Чуть южнее от рога фиксируются проксимальные части лучевой и локтевой костей от одной правой передней конечности оленя (рис. 2: *2Е*).

Таблица 1. Основные характеристики остеологической коллекции могильника Фатеевский 1 погребение 1 (раскопки 2024 г.): таксономический и анатомический составы остатков животных из двух разных ее блоков – погребальный комплекс и кости из слоя над погребением

Элементы скелета	Погребальный комплекс на дне ямы (in situ)					ЕС[1]	Кости из слоев над погребением					ЕС[1]
	лошади		баран	олень	сом		КРС	МРС	лошадь	Неопред. млекопитающих	моллюск	
	особь 1	особь 2										
Рог				1		3						
Череп	1	1				4	7					3
Отдельные зубы									1			4
Позвонки	6					3–4	3					3
Лучевая				1		3		1				3
Локтевая				1		3						
Тазовая							1					
Кости голени								1				3
Пястная			1			3						
Астрагал								1				4
Фаланга 1								1				4
Длинные трубчатые кости										15		3
Кость плавника					1	3						
Створки раковин											6	5

[1] ЕС – естественная сохранность (или тафономическое состояние) костных фрагментов.

Лошадь. Особь 2. Сохраняя направление на север, параллельно черепу жеребца (особь 1) на дне погребальной ямы уложен на левую щечную сторону череп кобылы (особь 2) без нижней челюсти (рис. 2: *2Б*). Затылочная часть черепа особи 2 опирается на четвертый шейный позвонок особи 1. На затылочной кости фиксируются следы насечек от лезвия железного ножа. По степени стирания жевательной поверхности на зубах удалось определить возраст особи 2 – примерно 13–15 лет (*Zietzschmann, Krölling*, 1955; *Levine*, 1982. С. 223–225). Отсутствие клыков и лунок под них указывает на то, что этот череп, вероятнее всего, принадлежал самке – кобыле.

Под левой резцовой костью лошади особи 2 на дне ямы была обнаружена единственная рыбья кость – луч сома (рис. 2: *2В*).

Ко второму блоку остатков отнесены костные фрагменты МРС, лошади и КРС, которые не имели четкой привязки к «погребальному» первому блоку костных остатков животных.

Остатки МРС представлены четырьмя костями от левой стороны: лучевой, берцовой, астрагалом и первой фалангой. Принадлежали ли эти кости одной особи, определить не удалось.

КРС представлен семью фрагментами одного черепа, тремя фрагментами позвонков и одним фрагментом тазовой кости.

Обнаружен правый верхний зуб (P/2) лошади. Передний край жевательной поверхности зуба стерт и залощен; если это естественный износ зуба, то его причиной, скорее всего, было использование удил (*Kirillova, Spasskaya*, 2015. С. 89–91).

Помимо этого, были обнаружены шесть створок раковин двустворчатых моллюсков, все они принадлежали одному морскому виду – песчаная ракушка (Mya arenaria). В середине 70-х гг. прошлого века в рамках поиска новых объектов аквакультуры в одну из лагун Азовского моря на вершине Бердянской косы был интродуцирован двустворчатый моллюск – песчаная ракушка (Mya arenaria) (*Живоглядова и др*., 2022. С. 164).

Учитывая присутствие в коллекции раковин этого инвазионного современного моллюска, нет уверенности, что остальные костные остатки второго блока из верхнего заполнения имеют отношение к погребальному комплексу. Хотя в анатомическом наборе МРС и КРС присутствуют кости от мясных частей туш этих животных, которые в этом регионе на протяжении всего раннего Средневековья имели символическое значение в поминальных тризнах как непосредственно в момент погребения, так и позже. Это череп и позвонки, а также лучевая, берцовая и тазовые кости, тогда как астрагал и фаланга МРС вместе с зубом лошади могли быть сакральными предметами из погребального комплекса.

Однако однозначно яркий и необычный погребально-ритуальный комплекс составляют черепа двух лошадей вместе с пястью барана, костями и рогом оленя и костью сома. Несомненно, что захоронены были уже намеренно отделенные и разделанные головы двух лошадей, т. к. никаких следов нижних челюстей не обнаружено. Важно подчеркнуть, что были погребены или были принесены в жертву жеребец и кобыла. Аналогий такому погребальному набору найти пока не удается.

Анализ и варианты интерпретации

Анализ этого комплекса может строиться исходя из нескольких гипотез.

Видимо, в данном случае мы имеем возможность зафиксировать ритуальное погребение лошадей в виде кукол реальных тел животных с верхними частями голов животных.

Конские головы могли быть уложены вместо захоронения конской шкуры. Возможно, вслед за каждой из этих голов располагались реконструированные «тела» (куклы) лошадей. Голова лошади без нижней челюсти могла быть чем-то вроде маски, шкура же могла быть накидкой. В рассматриваемом комплексе не обнаружены ни метаподии, фаланги, ни хвостовые позвонки, ни нижние челюсти, которые обычно находятся в местах захоронений полноценных шкур животных с целыми головами.

В исследуемом случае от туш лошадей отчленены и специально оставлены только собственно черепа лошадей с верхней челюстью, у одного из них присутствуют шейные позвонки. Такие остатки сложно идентифицировать как шкуру. Но расположение лошадиных черепов вместе на специальной ступени, мордами, направленными к западу, строго напротив того места, где расположен развал сосуда, может быть интерпретировано как намеренное укладывание. В непосредственной близости и соприкосновении с этими головами уложены отдельные кости разных животных.

Ориентировка лошадиных голов в западном направлении более соответствует тюркским захоронениям и их мифологическим представлениям о загробном мире. По этому признаку и датировке данный погребально-ритуальный комплекс может быть отнесен к культурной традиции печенежских погребений и кенотафов (*Атавин*, 1984. С. 96). Подобное расположение лошадей в ямах головами на запад соответствует тюркским захоронениям в соответствии с их мифологическими представлениями о загробном мире.

Отдельные погребения лошадей, в том числе и невзнузданных, и даже отдельно голов встречаются в могильниках Евразии второй половины первого тысячелетия. Размер ям близок к 2,4 м, чтобы вместить лошадь или набитое чучело. Узда клалась к погребениям людей не вместо лошади, а для загробного коня. В исследуемом случае головы лошадей представлены анатомически разделенными черепами, у одного из которых есть набор шейных позвонков. Вполне вероятно, что анализируемые головы лошадей приставлялись (прикладывались) к телам или телу чучела.

Комплекс притягивает к себе внимание на фоне разнообразной практики захоронения лошадей у народов Евразии как в эпоху ранних кочевников, так и Средневековья. Подкурганные захоронения людей с тушами лошадей как в отдельных ямах, так и под общей курганной насыпью являлись важным признаком погребальных обрядов раннего железного века. Захоронения в отдельных ямах были распространены в Скифии на протяжении V в. до н. э. Во входных ямах относительно широкое распространение получает во второй-третьей четвертях IV в. до н. э. (*Болтрик, Фіалко*, 2005). «В это время такие захоронения известны преимущественно в Нижнем Поднепровье и лишь отчасти в Днепро-Дунайском междуречье» (*Дараган, Полин*, 2020. С. 42–43).

Отдельные погребения лошадей в индивидуальных ямах без похороненных людей присутствуют и в грунтовых могильниках, как варварских в пределах территории Боспорского влияния в раннем железном веке (пример – могильник Батырский, IV в. до н. э.), так и в некрополях боспорских городов (некрополь Нимфея) (по: *Бейлин и др*., 2024), некрополь Кыз-аул (по: *Гецко*, 2023), Александровские скалы, I–II вв. н. э. (по: *Рукавишникова, Бейлин*, 2021), некрополь Артезиана (по: *Винокуров*, 2014) и позднескифской культуры (некрополь Опушки) римского времени вплоть до раннего Средневековья (*Мульд*, 2009. С. 301; *Храпунов, Шабанов*, 2021. С. 49–60), также и в некрополе Фанагории (*Ворошилов, Ворошилова*, 2021).

Так, в могильнике Опушки, расположенном в центральной части предгорного Крыма, было открыто более 50 конских захоронений в грунтовых ямах особой конструкции, образующих на территории могильника компактный участок. Могилы засыпаны камнями, образуя хорошо заметные насыпи. Животных часто помещали в могилу взнузданными. Элементы конской сбруи находят аналогии среди позднескифских и сарматских древностей I–II вв. н. э. (*Храпунов, Шабанов*, 2021. С. 49–60; *Мульд*, 2009. С. 300). На видах ям (могильник Опушки, могила 121, по: *Храпунов, Шабанов*, 2021), в которые уложены компактно кони, выделяются ступени для головы, остальное тело расположено с подогнутыми ногами на дне, ниже уровнем по отношению к ступени.

Как считают авторы (*Дараган, Полин*, 2020. С. 42–43), «традиция сохранилась только в позднескифской культуре Крыма на протяжении периода от II–I вв. до н. э. до III–IV вв. н. э. Особенно массовыми и разнообразными они становятся в I–IV вв. н. э.». В погребениях римского времени в могильнике Цемдолинский, погребение 14/1991, верховые лошади уложены на площадке перед камерой-подбоем (*Малышев*, 2021. С. 158). В некрополе Фанагории большинство погребений коней самостоятельные (*Ворошилов, Ворошилова*, 2021. С. 21), что можно предположить и на могильниках Кыз-аул, Александровские скалы 1, некрополя Артезиан.

Таким образом, до эпохи Средневековья захоронения коней в отдельных ямах на территории грунтовых некрополей присутствуют у разных народов юга Восточной Европы.

Раннесредневековые захоронения с конем особенны для разноэтничного населения территории распространения салтовской культуры (*Аксенов и др*., 1996. С. 127). Этот обряд имеет выраженную надэтничную особенность и, возможно, надмировоззренческую.

В разное время наличие коня в погребении носило гендерный/статусный характер. В традициях первого тысячелетия в европейских погребениях конь либо шкура сопутствовали не только мужским погребениям, но и женским, и даже детским. Исследователи прибалтийских древностей отмечают, что именно количество лошадей в европейских самбийских памятниках I тыс. н. э. свидетельствует о статусе погребенного (*Казанский, Мастыкова*, 2021. С. 276).

В погребениях конца I тыс. н. э. в могильниках Северного Кавказа погребения коней с человеком в отдельных ямах, в том числе и круглых (Степи…, 1981. С. 159), и отдельных частей коней разнообразны (*Успенский, Кононов*, 2024; *Малышев*, 2021). Тюркские комплексы погребений с конем в материальной

культуре имели истоками не только мировоззренческие представления, но и материальные комплексы эпохи ранних кочевников в Южной Сибири (*Савинов*, 1998. С. 130; *Кляшторный*, 1975. С. 184).

На территории Монголии и Южной Сибири с позднебронзового века известны захоронения шкуры животных вместо целых животных, что зафиксировано по наличию в погребальных комплексах отдельных костей лошади – черепа и ног (*Ковалев и др*., 2016. С. 83). Сопровождающие людей конские погребения известны и в комплексах периода Аржан 1 «массовые захоронения коней с уздечками» (*Грязнов*, 1980. С. 46), и в раннескифское время по всей ойкумене евразийских степей у скифоидных культур ранних кочевников (*Чугунов и др*., 2017. С. 99–119), и в классическое скифское время, и в сарматский период. По мнению Л. Р. Кызласова, до конца I тыс. н. э. для тюрков Сибири и Центральной Азии не было характерно захоронение чучел коней, захоранивались лишь целые туши (Степи…, 1981. С. 19).

Однако есть исключения. Так, анализ вещевого материала из погребения Минусинской котловины со шкурой (чучелом) коня дает возможность датировать его VII–X вв. (*Амарзаков и др*., 2015. С. 151).

Таким образом, использование шкур (чучел) коней в поминально-погребальной практике имеет широкие хронологические, территориальные и историко-культурные рамки.

По мнению Л. Р. Кызласова, обряд погребения со шкурами лошадей появился у тюркоязычных племен Центральной Азии в конце I тыс. н. э., при этом он сосуществовал с погребениями, сопровождающимися целой тушей коня (Степи…, 1981. С. 19). Тем не менее по результатам проведенной статистической обработки было отмечено, что в упомянутом регионе доминируют погребения с чучелами коней. И по исследованиям кочевнических погребений Минусинской котловины, анализу данных письменных источников С. П. Нестеров указывает, что тюрки укладывали в могилу коней, ориентируя морду животного на запад, где, по их представлениям, находился загробный мир (*Нестеров*, 1990. С. 79; *Мандельштам*, 1956. С. 230; *Катанов*, 1894. С. 117–118, 125).

Отдельное исследование по захоронению чучел – шкур лошадей уже для Средневековья Восточной Европы проведено А. Г. Атавиным на основе представительной выборки погребений восточноевропейских степей (*Атавин*, 1984. С. 134). Автор указывает на вероятные этнические различия погребенных людей с разными типами захоронения лошадей. Он ссылается и на исследования подобных тюрских практик и на востоке (*Атавин*, 1984. С. 134; *Плетнева*, 2003. С. 121–122), и в степях Евразии. По выводам Атавина, захоронения чучел вместо целых лошадей, *в том числе отдельные, без человека*, появляются вместе с приходом в раннее Средневековье в Восточную Европу тюркского населения. Такие ритуальные комплексы А. Г. Атавин связывает с печенегами. Исследователь делает подробную типологию по комплектности костных останков лошадей, ассоциирующихся с захороненными шкурами или чучелами. Так, в погребениях встречаются не только кости головы и ног, но и ноги без головы или головы без ног. Узда в погребении не заменяет лошадь, она кладется для лошади в другом мире. Останки лошадей могут сопровождать человеческие погребения,

но также встречаются и отдельные конские погребения или их захоронения при кенотафах.

Возвращаясь к средневековым комплексам Прикубанья, в могильнике Фатеевский 1 зафиксированы два анатомически неполных черепа лошадей, один с шейными позвонками, уложенных на ступень в заполнении ямы, головой на запад так, что остальное пространство ямы как бы оставлено их телам. В условной «хвостовой» части чучела находились, как и у голов, части развала сосуда. Расположение чучел стратиграфически находится выше дна ямы (в материковом суглинке), поэтому остается возможной версия кенотафа – пространства для отсутствующего погребенного под «лошадьми».

Важен факт, что подобные комплексы могут быть датирующими для определенных территорий. Исследуемый комплекс выявлен в Прикубанье, территория которого входит в выборку, проанализированную А. Г. Атавиным. Исследователь разделяет погребения чучел по набору частей скелета лошади, в том числе упоминая обнаружение отдельно черепа или отдельно костей ног в сочленениях, но без черепа. То есть шкуры или чучела укладывались с различной комплектацией костей ног и головы. Это косвенно подтверждает наличие чучела-куклы в этом комплексе. Так или иначе, подобные захоронения чучел носят ритуальный характер без выявленного погребения человека.

Так как на этом памятнике не было исследовано ни одного погребения с погребальным инвентарем, позволяющим датировать комплексы, именно этот комплекс с фрагментированным сосудом позволяет предположить наличие могильника позднее X–XII вв. н. э. на ближайшей территории. Выскажем предположение, что ритуальный комплекс с захоронениями лошадей в виде чучел, уложенных головой на запад, относится ко времени не ранее X в., к печенежской традиции. И так как в радиусе 5 м от ямы не было найдено погребения человека, лошади в виде чучел были уложены над кенотафом, а не над реальным погребением. Или же их погребение – результат ритуальных практик жертвоприношения лошадей, свидетельства о которых содержатся в этнографических источниках. Так, в работе В. Д. Славнина описан процесс снятия шкуры при шаманском ритуале, в том числе и с головы, отделения костей, сжигания отдельных костей, захоранивания очищенных частей скелетов (*Славнин*, 1994. С. 57–74). Здесь можно вспомнить и «Скифский рассказ» Геродота – водружение чучела коня на шестах (*Геродот*, 2014. С. 335), и осетинский эпос, где Сослан путешествует по «иным мирам» на чучеле коня, и камлание шаманов в сторону на запад и на чучело коня (Нарты. Эпос осетинского народа, 1957).

Археологические данные и их интерпретация, безусловно, отличаются от этнографических, хотя могут иметь общие корни. Собранные свидетельства ритуальных действий с конем включают в себя порядок и способы снятия шкуры, использования ее в ритуале, ее захоранивание. Все разнообразие археологических, археозоологических и этнографических данных позволяет сделать вывод, что использование чучел лошадей и их захоранивание могут оставить различный набор костей животного в погребальном комплексе – это могут быть и одиночные черепа и только остатки ног, и их сочетание, вариативность которых и анализировал А. Г. Атавин.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К., 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. О. М. Приходнюк. Киев: Наукова думка. С. 116–129.

Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Митько О. А., Поляков А. В., 2015. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Атавин А. Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1. С. 134–144.

Бейлин Д. В., Куликов А. В., Рукавишникова И. В., 2024. Результаты исследования участка некрополя Нимфея в 2020 году // Нимфей и его соседи: культурные процессы и взаимодействие. СПб.: ГЭ. С. 10–11.

Болтрик Ю. В., Фіалко О. Э., 2005. Кінь як складова поховальної церемонії скіфів // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вып. 12. Запоріжжя: Запорізький національний університет. С. 236–259.

Винокуров Н. И., 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. Симферополь; Керчь: Оранта Арт Бук. 680 с. (БИ; suppl. 12.)

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2021. Погребение боевого коня из Фанагории позднеримского времени // HYPANIS. Труды Отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. М.: ИА РАН. С. 18–42.

Геродот, 2014. История. М.: Академический проект. 599 с.

Гецко П. П., 2023. Раскопки Кыз-аульского некрополя в 2021 г. // Археология и история Крыма. Вып. XVII. Симферополь. С. 121–126.

Громова В. И., 1953. Остеологические отличия родов Capra (козлы) и Ovis (бараны): руководство для определения ископаемых остатков. М.: Изд-во АН СССР. 124 с. (Тр. Комис. по изучению четвертичного периода; X, 1.)

Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 62 с., 2 л. ил.

Дараган М. Н., Полин С. В., 2020. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб и подбоев степной Скифии второй половины V – IV вв. до н. э. // АЕС. № 6. С. 42–86.

Живоглядова Л. А., Елфимова Н. С., Канаканиди Е. К., Лужняк В. А., 2022. Многолетняя динамика обилия популяции моллюска-вселенца Mya arenaria Linnaeus, 1758 в Азовском море // Морские исследования и образование: тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24–28 октября 2022 г.) (MARESEDU – 2022). Т. III (IV). Тверь: ПолиПРЕСС. С. 164–167.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2021. Захоронения с конями на могильниках самбийско-натангийской культуры раннего средневековья и антропологические данные // SP. № 5. С. 267–279.

Катанов Н. Ф., 1894. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 12. Вып. 2. С. 109–142.

Кляшторный С. Г., 1975. Рунические надписи из кургана Аржан II // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука. С. 184–185.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И. В., 2016. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // АЭАЕ. Т. 44. № 1. С. 82–92.

Корневен Ш., Лесбр Ф. К., 1932. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия лошади, коровы, овцы, свиньи, верблюда, собаки, кошки и домашних птиц: пер. с фр. М.; Л.: Гос. изд-во с.-х. и колхоз.-кооп. лит. 256 с.

Кочкаров У. Ю., Успенский П. С., 2019. Средневековый могильник Шизе-IV в Западном Закубанье. М.: ИА РАН. 160 с. (Тр. Северо-Кавказ. (Донской) археолог. экспедиции; т. II.)

Малышев А. А., 2021. Полуостров Абрау в римское время // HYPANIS. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. М.: ИА РАН. С. 147–171.
Мандельштам А. М., 1956. Характеристика тюрок IX в. В «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата. С. 227–250.
Могильник Дюрсо: каталог. Ч. I / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2021. 448 с. (Некрополи Черноморья; т. VI.)
Мульд С. А., 2009. Конские погребения из могильников варварского населения Крыма первых веков нашей эры // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь. С. 300–302.
Нарты. Эпос осетинского народа / Изд. подгот. В. И. Абаев и др. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 401 с.
Нестеров С. П., 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. 141 с.
Плетнева С. А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII). Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 246 с.
Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., 2021. Погребальный обряд могильника Александровские скалы 1 // HYPANIS. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. М.: ИА РАН. С. 171–192.
Савинов Д. Г., 1998. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. С. Самашев. Алматы; М.: Гылым. С. 130–141.
Славнин В. Д., 1994. Жертвоприношение коня духу – покровителю рода у верхних кумандинцев // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М. С. 57–74.
Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 302 с.
Успенский П. С., Кононов В. Ю., 2024. Грунтовый биритуальный могильник Варнавинское-2 в Западном Закубанье // МИАСК. № 22. С. 93–146.
Храпунов И. Н., Шабанов С. Б., 2021. Погребения коней в могильнике Опушки // SP. № 4. С. 49–60.
Цалкин В. И., 1961. Изменчивость метаподий у овец // БМОИП. Отдел биологический. Т. 66. Вып. 5. С. 115–132.
Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А., 2017. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 499 с.

Kirillova I. V., Spasskaya N. N., 2015. Horse remains from the Gnezdovo archaeological complex, Smolensk Region, Russia // Russian Journal of Theriology. Vol. 14. № 1. P. 85–104.
Levine M. A., 1982. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites / Eds.: B. Wilson, C. Grigson, S. Payne. Oxford. P. 223–250. (BAR. British Series; 109.)
Zietzschmann O., Krölling O., 1955. Lehrbuch der Entwicklungsgeschichte der Haustiere. Berlin; Hamburg: Paul Parey. 482 S.

Сведения об авторах

Рукавишникова Ирина Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru;

Двуреченская Серафима Олеговна, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Россия; e-mail: sima_d@mail.ru

I. V. Rukavishnikova, S. O. Dvurechenskaya

A RITUAL COMPLEX IN THE KUBAN REGION: INVESTIGATION OF THE OSTEOLOGICAL ASSEMBLAGE FROM GRAVE 1 AT THE FATEEVSKY 1 MEDIEVAL CEMETERY

Abstract. The paper contains possible interpretation of an archaeological complex with horse remains inside the Fateevsky 1 cemetery. The site «Ground necropolis Fateevsky 1» is located in the Abinsk district of the Krasnodar region. In 2024 a small area of this cemetery was excavated, the excavations revealed a ritual complex with buried horses. The remains are represented by horse heads. Based on the fragments of a hand-made clay vessel, the site was dated to the VIII–X centuries AD. The paper suggests that the ritual complex with the buried stuffed horses, placed with their heads facing the west, dates back to the X century and is linked to the Pecheneg tradition. Human burials were not found within a five-meter radius from the pit. It means that, instead of a real grave, the stuffed horses were laid over a cenotaph. It is also possible that the horse burial was a ritual practice of horse sacrifices attested by ethnographic sources.

Keywords: Kuban region, Abinsk region, ground cemetery, horse burial, cult complex.

REFERENCES

Aksenov V. S., Kryganov A. V., Mikheev V. K., 1996. Obryad pogrebeniya s konem u naseleniya saltovskoy kultury (po materialam Krasnogorskogo mogilnika) [The rite of burial with a horse among Saltovo culture population (based on materials from Krasnogorsk cemetery)]. *Materialy I tys. n. e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii [Materials of I mill. AD on archeology and history of Ukraine and Hungary]*. O. M. Prikhodnyuk, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 116–129.

Amzarakov P. B., Lazaretov I. P., Mit'ko O. A., Polyakov A. V., 2015. Etnokulturnaya prinadlezhnost' srednevekovogo zakhoroneniya so shkuroy konya v doline reki Idzhim v Zapadnom Sayane [Ethnocultural attribution of medieval burial with a horse skin in Ijim River valley in West Sayan] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, Philology], vol. 14, iss. 7: Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and ethnography]*, pp. 151–164.

Antipina E. E., 2016. Sovremennaya arkheozoologiya: zadachi i metody issledovaniya [Modern archaeozoology: tasks and research methods]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh uchenykh) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for graduate students and young scientists)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 96–118.

Atavin A. G., 1984. Nekotorye osobennosti zakhoroneniy chuchel koney v kochevnicheskikh pogrebeniyakh X–XIV vv. [Some features of stuffed horses burials in nomadic graves of X–XIV cc.]. *SA*, 1, pp. 134–144.

Beylin D. V., Kulikov A. V., Rukavishnikova I. V., 2024. Rezultaty issledovaniya uchastka nekropolya Nimfeya v 2020 godu [Results of study of Nymphaeum necropolis site in 2020]. *Nimfey i ego sosedi: kulturnye protsessy i vzaimodeystvie [Nymphaeum and its neighbors: cultural processes and interactions]*. St. Petersburg: GE, pp. 10–11.

Boltrik Yu. V., Fialko O. E., 2005. Kin' yak skladova pokhoval'noï tseremoniï skifiv [Horse as a part of burial ceremony of Scythians]. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu [Antiquities of Steppe Pontic region and Crimea]*, 12. Zaporizhzhya: Zaporiz'kiy natsionalniy universitet, pp. 236–259.

Chugunov K. V., Partsinger G., Nagler A., 2017. Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Royal kurgan of Scythian period Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 499 p.

Daragan M. N., Polin S. V., 2020. Soprovozhdayushchie zakhoroneniya koney vo vkhodnykh yamakh katakomb i podboev stepnoy Skifii vtoroy poloviny V – IV vv. do n. e. [Accompanying horse burials

in entrance pits of catacombs and niches of steppe Scythia in second half of V – IV cc. BC]. *AES*, 6, pp. 42–86.

Herodotus, 2014. Istoriya [Histories]. Moscow: Akademicheskiy proekt. 599 p.

Getsko P. P., 2023. Raskopki Kyz-aulskogo nekropolya v 2021 g. [Excavations of Kyz-Aul necropolis in 2021]. *Arkheologiya i istoriya Kryma [Archaeology and history of Crimea]*, XVII. Simferopol, pp. 121–126.

Gromova V. I., 1953. Osteologicheskie otlichiya rodov Capra (kozly) i Ovis (barany): rukovodstvo dlya opredeleniya iskopaemykh ostatkov [Osteological differences between genera Capra (goats) and Ovis (sheep): guidelines for the identification of fossil remains]. Moscow: AN SSSR. 124 p. (Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda, X, 1.)

Gryaznov M. P., 1980. Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan. Royal kurgan of Scythian period]. Leningrad: Nauka. 62 p., 2 pl. ill.

Katanov N. F., 1894. O pogrebalnykh obryadakh u tyurkskikh plemen s drevneyshikh vremen do nashikh dney [On funeral rites of Turkic tribes from ancient times to the present day]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [Proceedings of the Society of archeology, history and ethnography at the Imperial Kazan university]*, vol. 12, iss. 2, pp. 109–142.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2021. Zakhoroneniya s konyami na mogilnikakh sambiysko-natangiyskoy kultury rannego srednevekov'ya i antropologicheskie dannye [Burials with horses in cemeteries of early medieval Sambian-Natangian culture and anthropological data]. *SP*, 5, pp. 267–279.

Khrapunov I. N., Shabanov S. B., 2021. Pogrebeniya koney v mogilnike Opushki [Horse burials in cemetery Opushki]. *SP*, 4, pp. 49–60.

Klyashtornyy S. G., 1975. Runicheskie nadpisi iz kurgana Arzhan II [Runic inscriptions from Arzhan II kurgan]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric archaeology of Siberia]*. A. M. Mandelshtam, ed. Leningrad: Nauka, pp. 184–185.

Kochkarov U. Yu., Uspenskiy P. S., 2019. Srednevekovyy mogilnik Shize-IV v Zapadnom Zakuban'e [Medieval cemetery of Shize IV in West Trans-Kuban region]. Moscow: IA RAN. 160 p. (Trudy Severo-Kavkazskoy (Donskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii, II.)

Korneven Sh., Lesbr F. K., 1932. Raspoznavanie vozrasta po zubam i proizvodnym epiteliya loshadi, korovy, ovtsy, svin'i, verblyuda, sobaki, koshki i domashnikh ptits [Age recognition based on teeth and epithelial derivatives of horses, cows, sheep, pigs, camels, dogs, cats, and domestic birds]. Moscow; Leningrad: Gos. izdatelstvo selskokhozyaystvennoy i kolkhozno-kooperativnoy literatury. 256 p.

Kovalev A. A., Erdenebaatar D., Rukavishnikova I. V., 2016. Sostav i kompozitsiya sooruzheniy ritualnogo kompleksa s olennymi kamnyami Ushkiyn-Uver (po rezultatam issledovaniy 2013 goda) [Structure and composition of constructions of ritual complex with deer stones Ushkiyn-Uver (based on results of 2013 research)]. *AEAE*, vol. 44, no. 1, pp. 82–92.

Malyshev A. A., 2021. Poluostrov Abrau v rimskoe vremya [Abrau Peninsula in Roman times]. *HYPANIS*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 147–171.

Mandelshtam A. M., 1956. Kharakteristika tyurok IX v. V «Poslanii Fatkhu b. Khakanu» al-Dzhakhiza [Characteristics of the Turks of IX c. in «Epistle to Fatah ibn Khaqan» by al-Jahiz]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Kazakhskoy SSR [Proceedings of the Institute of history, archeology and ethnography of Academy of Sciences of the Kazakh SSR]*, 1. Alma-Ata, pp. 227–250.

Mogilnik Dyurso [Dyurso cemetery], 1. A. A. Malyshev, ed. Moscow: MAKS Press, 2021. 448 p. (Nekropoli Chernomor'ya, VI.)

Muld S. A., 2009. Konskie pogrebeniya iz mogil'nikov varvarskogo naseleniya Kryma pervykh vekov nashey ery [Horse burials from cemeteries of barbarian population of Crimea in the first centuries of our era]. *X Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktualnye problemy [X Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and Barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Current issues]*. Kerch, pp. 300–302.

Narty. Epos osetinskogo naroda [The Narts. The epic of Ossetian people]. V. I. Abaev, publ. Moscow: AN SSSR, 1957. 401 p.

Nesterov S. P., 1990. Kon' v kultakh tyurkoyazychnykh plemen Tsentralnoy Azii v epokhu srednevekov'ya [Horse in cults of Turkic-speaking tribes of Central Asia in Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka. 141 p.

Pletneva S. A., 2003. Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII) [Nomads of South Russian steppes in Middle Ages (IV–XIII)]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 246 p.

Rukavishnikova I. V., Beylin D. V., 2021. Pogrebalnyy obryad mogilnika Aleksandrovskie skaly 1 [Burial rite of Aleksandrovskie Skaly1 cemetery]. *HYPANIS*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 171–192.

Savinov D. G., 1998. O «skifskom» i «khunnskom» plastakh v formirovanii drevnetyurkskogo kulturnogo kompleksa [On «Scythian» and «Hunnic» strata in formation of ancient Turkic cultural complex]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana [Issues of archeology of Kazakhstan]*, 2. Z. S. Samashev, ed. Almaty; Moscow: Gylym, pp. 130–141.

Slavnin V. D., 1994. Zhertvoprinoshenie konya dukhu – pokrovitelyu roda u verkhnikh kumandintsev [Sacrifice of a horse to the patron spirit of Upper Kumandin clan]. *Problemy etnicheskoy istorii i kultury tyurko-mongolskikh narodov Yuzhnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of ethnic history and culture of Turkic-Mongolian peoples of South Siberia and adjacent territories]*. Moscow, pp. 57–74.

Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Eurasia steppes in Middle Ages]. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, 1981. 302 p.

Tsalkin V. I., 1961. Izmenchivost' metapodiy u ovets [Variability of metapody in sheep]. *Byulleten' MOIP. Otdel biologicheskiy [MOIP Bulletin. Biological department]*, vol. 66, iss. 5, pp. 115–132.

Uspenskiy P. S., Kononov V. Yu., 2024. Gruntovyy biritualnyy mogilnik Varnavinskoe-2 v Zapadnom Zakuban'e [Birital ground cemeteryVarnavinskoe-2 in Western Trans-Kuban]. *MIASK*, 22., pp. 93–146.

Vinokurov N. I., 2014. Nekropol antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [Necropolis of Ancient hillfort Artesian in Crimean Azov region]. Simferopol; Kerch: Oranta Art Buk. 680 p. (BI, suppl. 12.)

Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., 2021. Pogrebenie boevogo konya iz Fanagorii pozdnerimskogo vremeni [Burial of a war horse from late Roman Phanagoria]. *HYPANIS*, 3, pp. 18–42.

Zhivoglyadova L. A., Elfimova N. S., Kanakanidi E. K., Luzhnyak V. A., 2022. Mnogoletnyaya dinamika obiliya populyatsii mollyuska-vselentsa Mya arenaria Linnaeus, 1758 v Azovskom more [Long-term dynamics of abundance of resident mollusk *Mya arenaria Linnaeus*, 1758 in Sea of Azov]. *Morskie issledovaniya i obrazovanie (XI konferentsiya) [Marine research and education (XI Conference)]*, III (IV). Tver: PoliPRESS, pp. 164–167.

About the authors

Rukavishnikova Irina V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru;

Dvurechenskaya Serafima O., Sevastopol State university, ul. Universitetskaya, 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; e-mail: sima_d@mail.ru

И. К. Решетова, А. В. Никитина

ПЕРВЫЙ СВЯЩЕННИК ПОСЛЕДНЕЙ ЦЕРКВИ? К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ ПОГРЕБЕНИЯ СВЯЩЕННИКА УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В КОНДОПОГЕ[1]

Резюме. Статья посвящена рассмотрению деталей погребального обряда одного из типов православных захоронений – погребению священнослужителя. При исследовании участка некрополя, выявленного на месте сгоревшей Успенской церкви (1774 г.) в Кондопоге, Северной археологической экспедицией ИА РАН в 2024 г. было обнаружено погребение (№ 496), содержавшее останки мужчины старше 60 лет, а также хорошо сохранившиеся детали церковных одежд. Была выполнена портретная графическая реконструкция лица по черепу. На основании архивных материалов по приходу и причту Успенской церкви сформулировано предположение о возможном соотнесении обнаруженных останков с личностью священника последней Успенской церкви (1774 г.) Алексея Иванова.

Ключевые слова: Карелия, Успенская церковь в Кондопоге, погребение священника, облачение, Евангелие, реконструкция лица по черепу.

Православный погребальный обряд достаточно скуден в своем материальном сопровождении, археологически выделяется помимо приуроченности к храмам, на основании ориентировки З – В, наличия погребальной конструкции: колод, гробов, саркофагов и пр., имеющих свое типовое разнообразие (*Панова*, 2004; *Васильева*, 2019). Предметы личного благочестия встречаются не во всех погребениях, соответственно, они не могут являться неотъемлемым атрибутом обрядности.

[1] Работа выполнена по проекту РНФ № 24-28-01011 от 29.12.2023 г. «Антропология аскезы: междисциплинарное исследование монашеских захоронений Русского Севера».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.281.417-430

При исследовании участка некрополя, выявленного на месте сгоревшей Успенской церкви (1774 г.) в Кондопоге, Северной археологической экспедицией ИА РАН в 2024 г. обнаружено погребение (№ 496), содержавшее останки и хорошо сохранившиеся детали церковных одежд.

Захоронение выявлено у северной стены последней церкви (1774 г.), за ее пределами, на углу северо-восточного выступа подклета кафоликона, практически вплотную к линии валунного фундамента (рис. 1). Оно находилось на глубине 55–60 см от уровня современной дневной поверхности в слое могильника, пятно погребальной ямы не прослеживалось. Погребение ориентировано в соответствии с храмом – с отклонением в 15 градусов к северу от географического востока. Данный тип ориентировки характерен для всех захоронений, совершенных позже середины XVI в., т. е. после строительства первой церкви. Погребенный был уложен в деревянный гроб, волокна которого хорошо прослеживались (рис. 2: *а, б*). Гроб имел трапециевидную форму, расширяющуюся к голове. На остатках дерева сохранились следы красного пигмента. Стратиграфически погребение не перекрывало предшествующие захоронения и само не было потревожено, вероятно, надмогильная конструкция была видна вплоть до прекращения захоронений на этом участке. Отметим, что в непосредственной близости выявлено погребение начала XX в., также с атрибутами священства; это наборный слюдяной крест, аналогии которому мы находим в двухстороннем параманном кресте 1862 г. из Соловецкого монастыря (материал: дерево, фольга, слюда, олово, размер 13,2 × 6 см), параманном кресте из погребения 49 некрополя Георгиевского собора Свято-Юрьева мужского монастыря (*Седов*, 2018; *Решетова*, 2023).

Сразу после снятия крышки гроба был выявлен незначительный слой грунтового заполнения, из-под которого обнажались ткани облачения (рис. 3). Погребенный уложен вытянуто на спине, руки слабо согнуты, кисти расположены в области живота, череп немного склонен к правому плечу. На основной глубине залегания останки покойного выявлены до уровня колен; кости голеней и стоп вместе с остатками погребальной кожаной обуви обнаружены ниже. Поверх останков практически на всем их протяжении сохранились текстильные фрагменты. Визуально различались как минимум два типа ткани: тонкой красно-коричневого цвета с серебристым узором и расшитой каймой (галуном), и плотной ткани темно-красного цвета из рытого бархата, расшитой золотыми нитями с золотым галуном. Из выявленных деталей облачения хорошо идентифицируются: покровец, закрывавший череп покойного и тело до груди, а также фрагменты поручей. Поскольку остатки текстиля были взяты конгломератом, перед передачей их реставраторам[2] выполнена рентгенограмма[3] (рис. 4: *а*). В ходе рентгенографии в массе текстиля выявлены костные фрагменты – нижняя челюсть, кости кистей, а также нательный крестик. Крест пластинчатый из медного сплава

[2] Реставрационные работы выполняются Н. П. Синициной, художником-реставратором высшей категории по тканям и коже, заведующей мастерской «Реставрация кожи и археологического текстиля» Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря.

[3] Рентгенографирование выполнено в ЦКП ИА РАН.

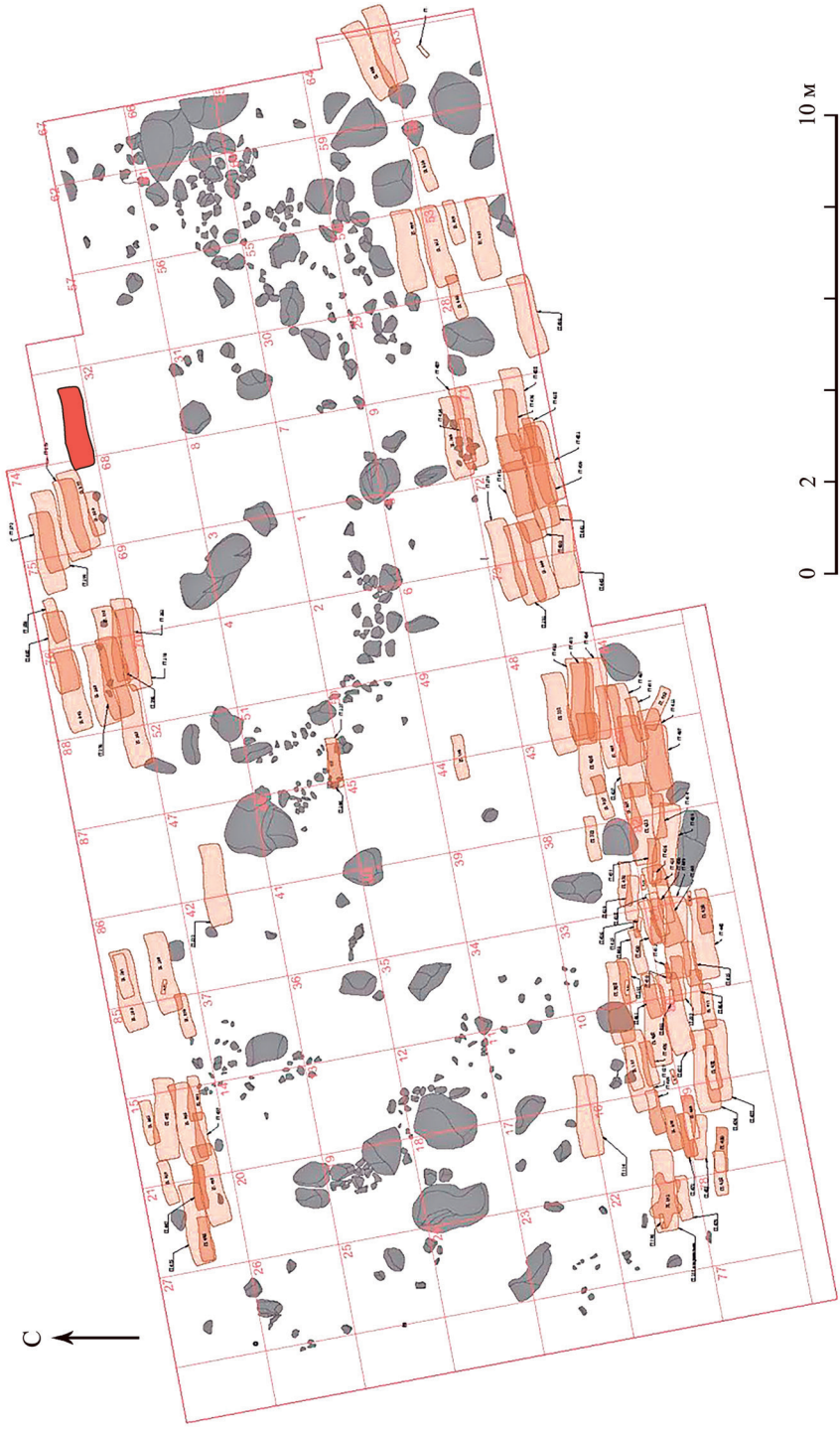

Рис. 1. План погребений некрополя Успенской церкви (деревянной 1774 г.) в Кондопоге. Красным цветом показано погребение 496

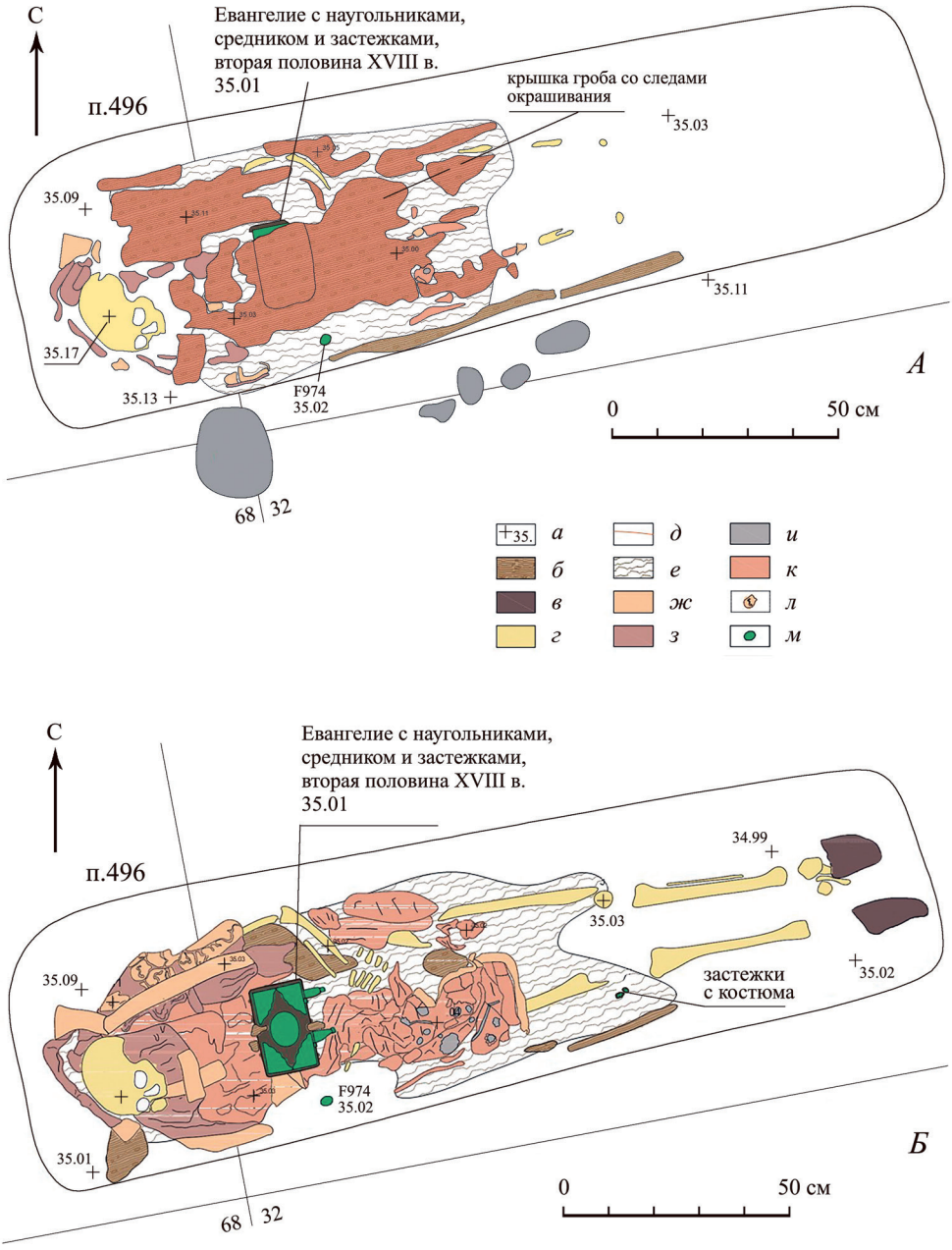

Рис. 2. План погребения. *А* – по уровню выявления. *Б* – по уровню финальной расчистки

Условные обозначения: *а* – нивелировочная отметка; *б* – доска; *в* – кожа; *г* – кость человеческая; *д* – контур могильной ямы; *е* – древесный тлен; *ж* – ткань 1 золотистого цвета; *з* – ткань 2 бордового цвета; *и* – ткань 3 серебристого цвета; *к* – ткань 2 красного цвета; *л* – ткань 2 золотистого цвета; *м* – монета «копейка» 1759 г.

Рис. 3. Фото погребения № 496 с выявленными артефактами и деталями священнического облачения

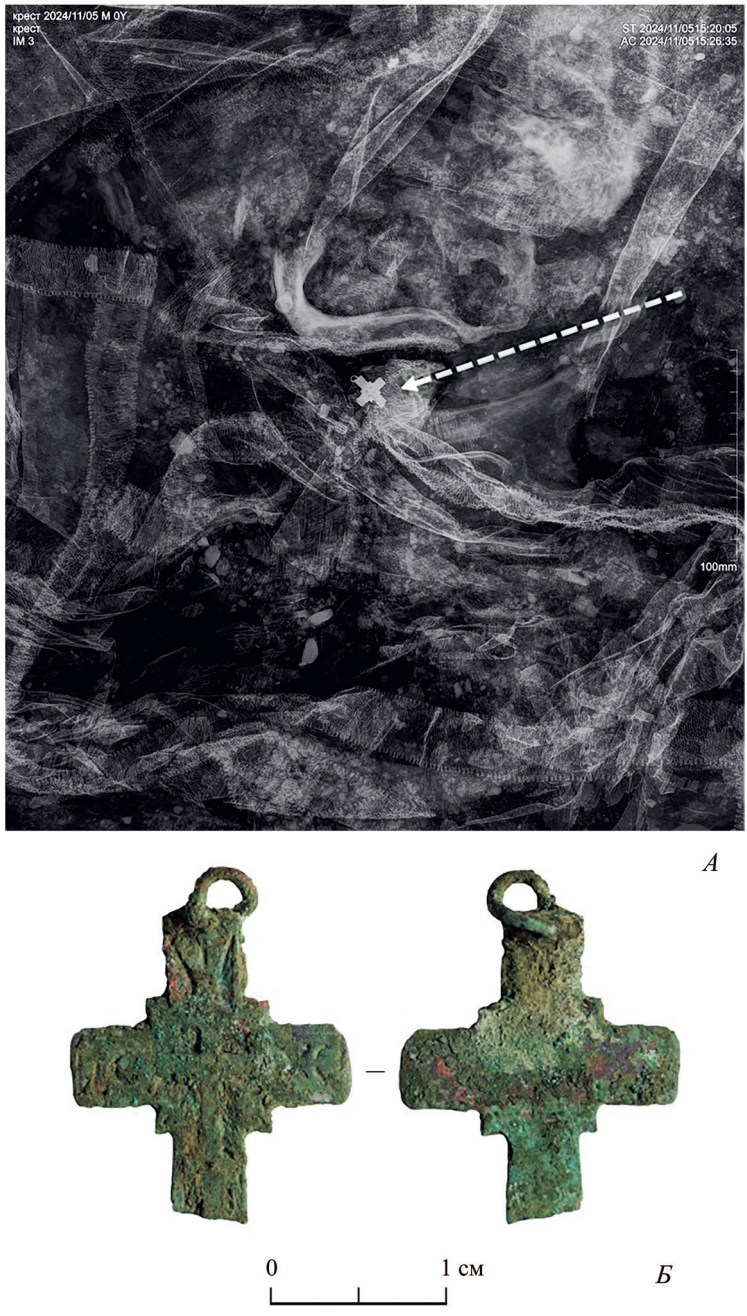

Рис. 4. Результаты исследования текстильного конгломерата

А – рентгенограмма текстильного конгломерата. В центре виден металлический нательный крест, а также заметно расположение костных фрагментов; *Б* – фрагмент нательного креста из погребения 496

прямоугольно-конечный, с квадратным средокрестием (рис. 4: *б*). Имеет следы ремонта: ушко обломано, после чего в верхней лопасти было проделано отверстие и вставлено медное колечко. Габаритные размеры 16 × 17 мм установлены по сохранившимся частям.

На грудь покойного было уложено Евангелие[4], от которого сохранилась обложка, металлический средник с сиянием, наугольники, застежки, фрагменты страниц. Аналогии обнаруженному Евангелию – Евангелие 1760 г. (ГК № 17891707, № КП (ГИК): МОКМ КП-2398, № Инв: КК-XVIII-101), Евангелие 1791 г. (ГК № 60105079, № ГП (ГИК) АОКМ КП-7680). Описание подобного обряда погребения священнослужителя можно почерпнуть в Требнике (*Адаменко*, 1927. С. 109):

«*После смерти мирского священника приходят три священника, снимают его с постели и полагают на земле, на рогожу; и, так как его не должно обмывать, то священники, раздевши, обтирают его чистым елеем. Затем одевают его в обычные его одежды, потом во все священническое облачение, полагают в гроб, покрывают лицо умершего "воздухом" и полагают на грудь Св. Евангелие*».

Этнографы, лингвисты, исследователи традиционной культуры карел, в частности карел-людиков, отмечают, что среди них (равно как и среди других народов, исповедующих православие) сформировалась «неофициальная» интерпретация ритуалов и священных текстов, обозначаемая в науке как бытовое, или *народное*, христианство (*Минвалеев*, 2019. С. 184; *Конкка*, 2017; *Бернштам*, 2000; *Логинов*, 2010). Эта народная культура, как мы видим, выходит за рамки только мирского/светского населения, распространяясь в том числе и на духовных лиц. Таким проявлением народной культуры можно считать находку внутри гроба у правого локтя монеты – копейки Елизаветы Петровны 1759 г. Монеты в погребениях на территории Карелии – явление практически повсеместное, фиксируется, начиная с появления денежного обращения вплоть до современности. Н. Лесков отмечает эту деталь в погребальной обрядности карел в XIX в.: «*…В могильную яму прежде, чем опустить гроб, бросают копейку – откупают место для умершего*» (*Лесков*, 1894. С. 512). Из интервью жительницы дер. Декнаволок, которая «описала интересный обряд копания могилы, соединявший в себе действия народного и православного происхождения. Прежде чем мужчины пойдут копать могилу, на месте будущего погребения информант читала молитвы. После того как могила была вырыта, она зажигала свечи, бросала деньги в могилу и окуривала ее ладаном, спрашивая разрешения у «хозяев» и «хозяюшек» кладбища (так она назвала тех, кто был там раньше погребен) принять новое тело» (цит. по: *Минвалеев*, 2019. С. 190). Аналогичные действия описаны и для этнолокальной группы русских Карелии по этнографическим материалам из Водлозерья: после заколачивания крышки <…в могилу бросали медяки, приговаривая: «Земля окуплена для раба Божьего (рабы Божьей) имярек»…> (*Логинов*, 2010. С. 341). Помимо этнографических сведений данный

[4] Реставрационные работы выполняются специалистами-реставраторами Государственного исторического музея.

обряд широко фиксируется и в самом Кондопожском некрополе начиная с конца XV в. до самых поздних погребений 1920-х гг.

Под телом, на дне гроба погребения № 496 обнаружена прослойка из мелких ветвей и листьев березы, мелкие фрагменты слюды. Как отмечает У. С. Конкка, «*в старину (делают и до сих пор) на дно гроба клали березовые листья из сухих веников или паклю (очески льна). Под голову и под ноги покойнику клали подушечки, набитые также листьями или паклей*» (*Конкка*, 1992. С. 62; *Сурхаско*, 1985. С. 77; *Логинов*, 2010. С. 332). Н. Лесков отмечает: «*…в гроб, в изголовье покойника полагают веничный лист и мелкие стружки…*» (*Лесков*, 1894. С. 512). Эта традиция также имеет глубокие корни в народной культуре местного населения и прослеживается в погребениях некрополя Успенской церкви начиная с середины XVI в.

Описание останков

Погребенный – мужчина в возрасте старше 60 лет. Сохранность останков можно охарактеризовать как среднюю и плохую, слой верхней компактной костной ткани сильно поврежден, присутствуют множественные трещины, отслоения, разрушенные участки. Комплектность костей скелета неполная. Сохранились: мозговой отдел черепа (основание черепа разрушено), фрагменты лицевого скелета, нижней челюсти. Посткраниальный скелет представлен костями левой руки, левой бедренной костью, фрагментом правой бедренной кости, фрагментами подвздошных костей таза, крестцом, сохранили форму несколько позвонков: поясничный (L1 или L2), шейные (C1–C2), сохранились отдельные кости кистей, фрагменты ребер. На фрагменте затылочной кости сохранились остатки волос темно-каштанового цвета. Плохой сохранности и сильной деформации костей способствовало присутствие большого количества органики внутри погребальной конструкции.

Для предварительной оценки длины тела в рамках категорий использовались интервалы длин трубчатых костей (*Звягин, Григорьева*, 2023; *Звягин и др.*, 2024). Длины как локтевой, так и бедренной кости находятся в обозначенном интервале средних значений, по формуле Троттер–Глезер (*Алексеев*, 1966) для европеоидов определены продольные размеры тела индивида 171–172 см.

Череп был восстановлен из фрагментов, местами реконструирован. Представление о внешнем облике индивида было составлено на основании оценки морфологических особенностей черепа, половозрастных определениях, характеристике антропологического типа. Составление графической портретной реконструкции выполнялось, следуя методическим разработкам М. М. Герасимова, Г. В. Лебединской, С. А. Никитина (*Герасимов*, 1955; *Лебединская*, 1998; *Никитин*, 2009). Нижняя часть на портрете представлена условно по причине фрагментарной сохранности и практически полной адентии. Предварительное восстановление утраченных частей скелета проводилось согласно разработкам С. А. Никитина (*Никитин*, 2009). Так, при определении профильного контура подбородочного бугра применен принцип «зеркальности» челюстных профилей. На рис. 5 можно видеть один из этапов процесса реконструкции и завершенный портрет.

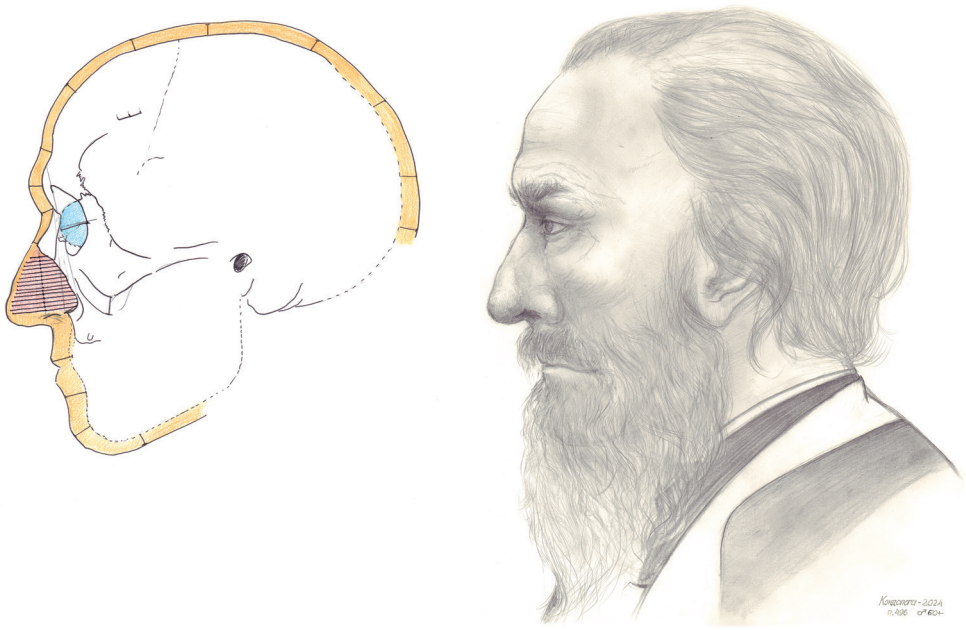

Рис. 5. Этапы портретной графической реконструкции

Архивные и археологические данные

За два века в Кондопоге сменилось по меньшей мере три, а может быть, и четыре церкви. Церковь-основательница нового – Кондопожского – прихода была возведена между составлением писцовых книг Юрия Сабурова (1496 г.) и Андрея Лихачева (1563 г.). Судя по записи в книге 1563 г., «*да туто же в Кондопоге поставлена церковь Успенье святии Богородицы*» (Писцовая книга Обонежской пятины…, 1930), речь идет о недавно выстроенной церкви, т. е. приблизительно можно датировать ее серединой XVI столетия. В следующей по времени составления писцовой книге 1582 г. сказано: «*…место церковное, что была церковь Успенья Пречистые Богородицы – церковь сожгли немецкие люди*» (Писцовая книга Заонежской половины…, 1993). К 1585 г. церковь на Кондопожском погосте была вновь выстроена с тем же посвящением и приобрела вид, близкий к современному. В книгах 1646 и 1678 гг. Успенский храм упоминается, но без описания. Е. Д. Суслова, анализируя перечисленные документы, предположила, что между концом 1670-х и серединой 1700-х гг. храм дважды перестраивался со сменой алтарного посвящения. На конце XVII в. лаконичные сведения об истории церкви прерываются. Следующая же информация о появлении ныне существующего храма в 1774 г. относится уже ко второй половине XIX в. (*Суслова*, 2013. С. 162–163; *Чернякова и др*. 1999. С. 39–44).

Архивные свидетельства о жизни Кондопожского прихода, о причте Успенской церкви в интересующий нас период XVIII в. также отрывочные. Известно,

что в 1696 г. в храме служат: поп Лазарь Созонтов, поп Прохор Агиев, и «*живут они попы на земле Шуйского погоста*». С 1707 г. в списках к обозначенным служителям добавляется просвирница Федосья и дьячок Михей Лаврентьев. «*Все причетники живут у церкви. Священники – в своих дворах, просфирница – в келье. О дьячке известно, что он не из местных, а "пришелец, кижанин"*». Особо отмечено, что «*живут они попы на тяглых участках и подати платят с мирскими людьми в равенстве*». Далее сведения, относящиеся к насельнику и служителям церкви связаны уже с 1782 г. Отмечено, служат: «*священник Алексей Иванов, дьячок Гаврила Алексеев, пономарь Емельян Иванов. Священнику в годы IV ревизии было уже 70 лет, спустя три года он умер; дьячку – 30 лет, пономарю – 55 лет*» (*Суслова*, 2013. С. 162–163).

Принимая во внимание наличие в захоронении облачения, покровца на черепе (лице покойного), поручей, Евангелия – предметов – атрибутов чина погребения именно священника, можно осторожно соотнести описываемое нами погребение с именем Алексея Иванова. Монета, обнаруженная внутри гроба, определяет нижний рубеж захоронения – 1759 г., биологический возраст погребенного определен как 60+ лет, имеются сведения, что о. Алексей скончался в возрасте 73 лет (1785 г.). Это вполне соотносится с установленным интервалом биологического возраста. Обращает на себя внимание значительный хронологический разрыв в списке служителей прихода – с 1707 до 1782 г. (*Чернякова и др*. 1999. С. 44; *Суслова*, 2013. С. 162–163), при этом сведения, описывающие причт в другие периоды, достаточно подробные.

Недостающий временной промежуток можно дополнить сведениями, полученными в ходе археологических работ 2023–2024 гг. Непосредственно под церковью 1774 г. был выявлен горизонт пожара первой половины – середины XVIII в., датируемый по наиболее поздним погребениям, надгробия которых затронул данный пожар. Случаев «прорезания», нарушения каким-либо погребением слоя пожара не выявлено, т. е. он перекрывает горизонты некрополя полностью и, соответственно, вероятно, именно этот пожар становится причиной начала строительства новой церкви. Данный слой пожара перекрыт горизонтом щепы, связанным со строительством последней церкви, без признаков продолжения функционирования некрополя на участке. Весь нумизматический материал, обнаруженный в слое пожара и строительства, относится ко времени правления Анны Иоанновны, т. е. строительство началось раньше совершения рассматриваемого погребения священнослужителя, а также задолго до известной даты появления храма. Археологические сведения подтверждаются и данными дендрохронологии, согласно которым наиболее ранний спил относится к 1728 г., а наиболее поздний с участка кровли – к 1769 г. (Раздел II, 2019. С. 17–18). Эти данные, как и датировка погребения, могут косвенно указывать на то, что сама церковь появилась раньше, чем указано в свидетельствах второй половины XIX в., а в третьей четверти XVIII в. в ней уже происходило служение.

Таким образом, контекст одного захоронения на кладбище Успенской церкви в Кондопоге затронул широкий ряд вопросов, начиная от вариантов сосуществования православного погребального обряда и локальных вариантов традиционной культуры до непосредственной истории Успенской церкви. Несмотря

на редкость обнаружения среди захоронений священнослужителей на кладбищах, исторические сведения о приходе церкви и ее священнослужителях позволили предполагать соответствие этого индивида с первым священником последней Успенской церкви – о. Алексеем Ивановым. Большую перспективу для дальнейшего развития исследования имеет детальный анализ остатков облачения и Евангелия, переданных для реставрационных работ.

Авторы выражают благодарность за помощь в поиске архивных сведений настоятелю храма Рождества Богородицы в г. Кондопоге о. Льву (Льву Николаевичу Большакову), Соболевой Ирине Рудольфовне – сотруднице иконописной мастерской при храме Рождества Богородицы в г. Кондопоге.

ЛИТЕРАТУРА

Адаменко В., 1927. Требник. Молитвослов для совершения священнодействий Православной церкви на русском языке. Нижний Новгород. 308 с.

Алексеев В. П. 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.

Бернштам Т. А., 2000. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское Востоковедение. 400 с.

Васильева Е. Е., 2019. Подземные погребальные деревянные конструкции городских и монастырских некрополей позднего Средневековья и Нового времени Верхнего Поволжья: дис. … канд. ист. наук / ИА РАН. М. 778 с.

Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 588 с.

Звягин В. Н., Григорьева М. А., 2023. Современные методики установления длины тела взрослого человека по размерам длинных трубчатых костей // Эксперт-криминалист. № 1. С. 16–19.

Звягин В. Н., Ковалев А. В., Нарина Н. В., Страгис В. Б., 2024. Медико-криминалистическая экспертиза скелетированных останков: метод. рекомендации. Москва. 178 с.

Конкка А. П., 2017. Материалы по похоронной обрядности и типологии сельских кладбищ людиковского ареала // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН. С. 219–237.

Конкка У. С., 1992. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН. 296 с.

Лебединская Г. В., 1998. Реконструкция лица по черепу (метод. руководство). М.: Старый сад. 125 с.

Лесков Н., 1894. Корельская свадьба; Погребальные обряды кореляков; «Віäндӱӧйдъ» // Живая старина. Вып. 3–4. С. 499–517.

Логинов К. К., 2010. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке. 424 с.

Минвалеев С. А., 2019. Представления и обряды православного происхождения в похоронно-поминальной обрядности карел-людиков и их динамика // Финно-угорский мир. Т. 11. № 2. С. 183–194.

Никитин С. А., 2009. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». С. 137–167.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница. 181 с.

Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины Андрея Лихачева, 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / А. М. Андрияшев; отв. ред. М. Н. Покровский. Ленинград, 1930. С. 57–254.

Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина, 1582/83 г. // История Карелии XVI-XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvuilta. Т. 3 / Чернякова И. А., Катаяла К. Петрозаводск: Йоэнсуу. 1993. С. 35–341.

Раздел II научно-проектной документации для производства работ по сохранению объекта культурного наследия «Успенская церковь (деревянная)», 1774 г., (Республика Карелия, г. Кондопога, ул. Кондопожская). 2019. Часть 4. Технологические исследования строительных и отделочных материалов // Архив ФГУП ЦНРПМ. Шифр 117.2. 24 л.

Решетова И. К., 2023. Монашеские погребения некрополя Георгиевского собора Свято-Юрьева монастыря в Великом Новгороде // КСИА. Вып. 273. С. 323–334.

Седов Вл. В., 2018. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского Собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 56281. Альбомы иллюстраций к отчету: № 56282–56283.

Сурхаско Ю. Ю., 1985. Семейные обряды и верования карел (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука. 172 с.

Суслова Е. Д., 2013. Церковно-приходская система в Карелии кон. XV – нач. XVIII в. [Электронный ресурс.] Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т. 244 с. (CD-ROM.)

Чернякова И., Шевцов В., Пудышев Г., 1999. Успенская церковь в Кондопоге: день нынешний и век минувший (к истории церковного прихода) // Краевед. 10 лет: сб. ст. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т. С. 36–49.

Сведения об авторах

Решетова Ирина Константиновна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: reshetovairina@yandex.ru;

Никитина Анна Валерьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nikitina.an.v@yandex.ru

I. K. Reshetova, A. V. Nikitina

THE FIRST PRIEST OF THE LAST CHURCH? THE ISSUE OF THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT OF CLERIC BURIALS REVISITED USING THE CASE STUDY OF THE ASSUMPTION CHURCH CLERIC BURIAL IN KONDOPOGA

Abstract. This paper reviews detailed data on the funerary rite of one orthodox burial type, namely, the burial of a churchman. In 2024 the excavations in a section of a cemetery discovered on the site of the Assumption church destroyed by fire (1774) in Kondopoga by the Northern Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology, RAS, revealed a grave (No. 496) containing remains of a man aged 60+ and well-preserved parts of clergy vestments. A portrait graphical facial reconstruction of the skull was performed. The analysis of the archival materials on the Assumption church parish and clergy suggests that the discovered human remains can be linked to Aleksei Ivanov who was a churchman of the last Assumption church (1774).

Keywords: Karelia, Assumption church in Kondopoga, burial of a churchman, vestments, facial reconstruction from the skull.

REFERENCES

Adamenko V., 1927. Trebnik. Molitvoslov dlya soversheniya svyashchennodeystviy Pravoslavnoy tserkvi na russkom yazyke [Breviary. Prayer book for performance of holy rites of the Orthodox Church in Russian]. Nizhniy Novgorod. 308 p.

Alekseev V. P., 1966. Osteometry. Methodology of anthropological research. Moscow: Nauka. 251 p.

Bernshtam T. A., 2000. Molodost' v simvolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Uchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve [Youth in symbolism of transitional rites of the Eastern Slavs. Teaching and experience of the Church in popular Christianity]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 400 p.

Chernyakova I., Shevtsov V., Pudyshev G., 1999. Uspenskaya tserkov' v Kondopoge: den' nyneshniy i vek minuvshiy (k istorii tserkovnogo prikhoda) [Assumption Church in Kondopoga: the present day and the past century (on the history of the church parish)]. *Kraeved. 10 let [Local historian. 10 years]*. Petrozavodsk: Petrozavodskiy gos. universitet, pp. 36–49.

Gerasimov M. M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyy i iskopaemyy chelovek) [Reconstruction of face from the skull: (modern and fossil man)]. Moscow: AN SSSR. 588 p.

Konkka A. P., 2017. Materialy po pokhoronnoy obryadnosti i tipologii selskikh kladbishch lyudikovskogo areala [Materials on funeral rites and typology of rural cemeteries in the Ludikov area]. *Istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Karelii i sopredelnykh oblastey v svete novykh istochnikov, metodov i podkhodov [History and traditional culture of the peoples of Karelia and adjacent regions in light of new sources, methods and approaches]*. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 219–237.

Konkka U. S., 1992. Poeziya pechali. Karelskie obryadovye plachi [Poetry of sadness. Karelian ritual lamentations]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN. 296 p.

Lebedinskaya G. V., 1998. Rekonstruktsiya litsa po cherepu [Reconstruction of face from the skull]. Moscow: Staryy sad. 125 p.

Leskov N., 1894. Korelskaya svad'ba; Pogrebal'nye obryady korelyakov; «Viändÿöyd» [Korelian wedding; Funeral rites of the Korelians; «Viändÿöyd»]. *Zhivaya starina [Living antiquity]*, 3–4, pp. 499–517.

Loginov K. K., 2010. Traditsionnyy zhiznennyy tsikl russkikh Vodlozer'ya: obryady, obychai i konflikty [Traditional life cycle of Russian Vodlozerians: rituals, customs and conflicts]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 424 p.

Minvaleev S. A., 2019. Predstavleniya i obryady pravoslavnogo proiskhozhdeniya v pokhoronno-pominal'noy obryadnosti karel-lyudikov i ikh dinamika [Ideas and rituals of Orthodox origin in funeral and memorial rituals of Ludikov Karelians and their dynamics]. *Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugrain world]*, vol. 11, no. 2, pp. 183–194.

Nikitin S. A., 2009. Plasticheskaya rekonstruktsiya portreta po cherepu [Plastic reconstruction of portrait on the skull]. *Nekropol russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsars in Voznesensky Monastery of Moscow Kremlin]*, 1. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kulturnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml», pp. 137–167.

Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebalnyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vv. [Kingdom of death. Burial rite of medieval Rus, XI–XVI cc.]. Moscow: Radunitsa. 181 p.

Pistsovaya kniga Obonezhskoy pyatiny Zaonezhskoy poloviny Andreya Likhacheva, 1563 g. [Scribe book of Obonezhskaya pyatina of Zaonezhskaya half by Andrey Likhachev, 1563]. *Materialy po istorii narodov SSSR. Vyp. 1. Materialy po istorii Karelskoy ASSR: Pistsovye knigi Obonezhskoy pyatiny 1496 i 1563 gg. [Materials on history of peoples of the USSR. Issue 1. Materials on history of Karelian ASSR: Scribe books of Obonezhskaya pyatina of 1496 and 1563]*. / A. M. Andriyashev, M. N. Pokrovskiy, eds. Leningrad, 1930, pp. 57–254.

Pistsovaya kniga Zaonezhskoy poloviny Obonezhskoy pyatiny Andreya Vasilievicha Pleshcheeva i podyachego Semeyki Kuzmina, 1582/83 g. [Scribe book of Zaonezhskaya half of Obonezhskaya pyatina by Andrey Vasilievich Pleshcheev and clerk Semeyka Kuzmin, 1582/83]. *Istoriya Karelii XVI–XVII vv. v dokumentakh = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500-ja 1600-luvuilta [The history of Karelia of XVI-XVII cc. in documents]*. / I. A. Chernyakova, K. Katayala, eds. Petrozavodsk: Ionesuu, 1993, pp. 35–341.

Razdel II nauchno-proektnoy dokumentatsii dlya proizvodstva rabot po sokhraneniyu ob'ekta kulturnogo naslediya «Uspenskaya tserkov' (derevyannaya)», 1774 g., (Respublika Karelia, g. Kondopoga, ul. Kondopozhskaya). Chast 4. Tekhnologicheskie issledovaniya stroitelnykh i otdelochnykh materialov [Section II of scientific and design documentation for preservation of cultural heritage site «Assumption Church (wooden)», 1774, (Republic of Karelia, Kondopoga, Kondopozhskaya ul.). 2019. Part 4. Technological research of construction and finishing materials]. *Archive of FGUP TsNRPM*. (In Russian, unpublished.)

Reshetova I. K., 2023. Monasheskie pogrebeniya nekropolya Georgievskogo sobora Svyato-Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode [Monk graves in cemetery of St. George Cathedral in St. George Monastery in Velikiy Novgorod]. *KSIA*, 273, pp. 323–334.

Sedov Vl. V., 2018. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo Sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2017 godu [Report on architectural and archaeological excavations of St. George Cathedral of St. George Monastery in Veliky Novgorod in 2017]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.) Albums of illustrations.

Surkhasko Yu. Yu., 1985. Semeynye obryady i verovaniya karel (konets XIX – nachalo XX v.) [Karelian family rituals and beliefs (late XIX – early XX c.)]. Leningrad: Nauka. 172 p.

Suslova E. D., 2013. Tserkovno-prikhodskaya sistema v Karelii kon. XV – nach. XVIII v. (Elektronnyy resurs) [The parish system in Karelia, late XV – early XVIII c. (Electronic resource)]. Petrozavodsk: Petrozavodskiy gos. universitet. 244 p. (CD-ROM.)

Vasilieva E. E., 2019. Podzemnye pogrebalnye derevyannye konstruktsii gorodskikh i monastyrskikh nekropoley pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni Verkhnego Povolzh'ya: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Underground funerary wooden structures of urban and monastic necropolises of Late Middle Ages and Modern times of Upper Volga region: PhD dissertation]. IA RAN. Moscow. 778 p.

Zvyagin V. N., Grigor'eva M. A., 2023. Sovremennye metodiki ustanovleniya dliny tela vzroslogo cheloveka po razmeram dlinnykh trubchatykh kostey [Modern methods for determining body length of an adult by the size of long tubular bones]. *Ekspert-kriminalist [Forensic expert]*, 1, pp. 16–19.

Zvyagin V. N., Kovalev A. V., Narina N. V., Stragis V. B., 2024. Mediko-kriminalisticheskaya ekspertiza skeletirovannykh ostankov [Medical and criminalistic examination of skeletonized remains]. Moscow. 178 p.

About the authors

Reshetova Irina K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: reshetovairina@yandex.ru;

Nikitina Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nikitina.an.v@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи. Саратов
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли. М.
АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
АИЛЕМ – Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БГКМ – Брянский государственный краеведческий музей
БИ – Боспорские исследования. Симферополь
БМОИП – Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМЗ КП – Государственный музей-заповедник «Куликово поле»
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск
МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НА ИИМК РАН. РО – Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел
НА ИИМК РАН. ФО – Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.

СГМЗ – Смоленский государственный музей-заповедник
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография. М.
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УАВ – Уфимский археологический вестник
ФГУП ЦНРПМ – Федеральное государственное унитарное предприятие «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские»
ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь
ЦАМО – Федеральное государственное казенное учреждение «Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации»

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AES – Arkheologiya Evraziyskikh Stepey [Archaeology of Eurasian Steppes]. Kazan
AILEM – Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of the Laboratory of Natural Science Methods]
AJA – American Journal of Archaeology
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
AVES – Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archeology of the Eastern European Steppe]. Saratov
AVSZ – Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]. Moscow
BAR – British Archaeological Reports
BGKM – Bryanskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey [Bryansk state museum of local lore]
BI – Bosporskie issledovaniya **[**Bosporos Studies]. Simferopol
BMOIP – Byulleten Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody [Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers]. Moscow
BRE – Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Cimmerian Bosporus]. Moscow: IA RAN
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FGUP TsNRPM – [Federal State Unitary Enterprise «Central Scientific and Restoration Design Workshops»]
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
GMZ KP – Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole» [State museum-reserve «Kulikovo pole»]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IIAK – Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial archaeological commission]. St. Petersburg
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
IV RAN – Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental studies, RAS]
JAS – Journal of Archaeological Science
KhSb – Khersonesskiy sbornik [Chersonese collection]. Sevastopol
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
LANX – Lanx. Rivista della Scuola di Specializzazione in Beni Archeologici – Università degli Studi di Milano
MAB – Materyaly pa arkhealogii Belarusi [Materials on archaeology of Belarus]. Minsk
MAIASP – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
NA IIMK. FO – Nauchnyy arkhiv IIMK RAN. Fotootdel [Scientific archive of IIMK RAS. Photo department]
NA IIMK RAS. RO – Nauchnyy arkhiv IIMK RAN. Rukopisnyy otdel [Scientific archive of IIMK RAS. Manuscript department]
NAV – Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. Volgograd
QI – Quaternary International
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RPP – Review of Palaeobotany and Palynology
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SE – Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. Moscow
SGMZ – Smolenskiy gosudarstvennyy muzey-zapovednik [Smolensk state museum-reserve]
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TTZ – Tver, tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, Tver Land and adjacent territories in Middle Ages]. Tver
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
UAV – Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological herald]. Ufa
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow
ZIIMK – Zapiski IIMK [Notes of IIMK]. St. Petersburg

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ»

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала.
2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме (до 0,5 с.) и ключевых слов (до 10), д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторах.
4. Общий объем рукописи – не свыше 0,8 авторского листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 4 иллюстраций.
5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов, название прописными не набирать.
6. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см. Условные обозначения сопровождаются малыми кириллическими буквами и расшифровываются в подрисуночной подписи. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – 600 dpi. При необходимости возможна публикация цветных иллюстраций.
7. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.
8. Ссылки на литературу даются в тексте в круглых скобках: указываются фамилия автора (на языке издания), год издания, страницы, рис., табл. (*Седов*, 1979. С. 50) или сокращенное название (если издание автора не имеет). Список литературы составляется в алфавитном порядке. Например:

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. Vol. 53. P. 6–22.

Более подробно см. на сайте журнала: ksia.iaran.ru

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 281

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редакторы: И. А. Агапьева, Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: Н. С. Сафронова, А. В. Голикова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 25.08.2025. Формат 70×100 1/16.
Уч.-изд. л. 34,06. Тираж 250. Заказ №

На задней стороне обложки – глиняный сосуд из кургана Аршаново-30
(к статье А. А. Ковалева)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс Е11907

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30.
E-mail: ksia@iaran.ru